
Роберт Хайнлайн
ПОГОНЯ ЗА ПАНКЕРОЙ
«Один из величайших мастеров научной фантастики».
THE WALL STREET JOURNAL
ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ
fanzon

Погоня за панкерой
Роберт Энсон Хайнлайн

Аннотация
Роберт Хайнлайн. Погоня за панкерой
– Предисловие –
Погоня за панкерой
– I –. Зебадия
– II –. Зебадия
– III –. Зебадия
– IV –. Дити
– V –. Джейк
– VI –. Хильда
– VII –. Дити
– VIII –. Хильда
– IX –. Дити
– X –. Зебадия
– XI –. Зебадия
– XII –. Хильда
– XIII –. Зебадия
– XIV –. Дити
– XV –. Хильда
– XVI –. Джейк
– XVII –. Дити
– XVIII –. Зебадия

– XIX –. Хильда
– XX –. Зебадия
– XXI –. Джейк
– XXII –. Зебадия
– XXIII –. Джейк
– XXIV –. Зебадия
– XXV –. Зебадия
– XXVI –. Зебадия
– XXVII –. Зебадия
– XXVIII –. Зебадия
– XXIX –. Хильда
– XXX –. Зебадия
– XXXI –. Зебадия
– XXXII –. Хильда
– XXXIII –. Дити
– XXXIV –. Зебадия
– XXXV –. Зебадия
– XXXVI –. Джейк
– XXXVII –. Зебадия
– XXXVIII –. Дити
– XXXIX–. Зебадия
– XL –. Дити
– XLI –. Зебадия
– XLII –. Хильда
– XLIII –. Джейк
– XLIV –. Зебадия

– XLV –. Джейк
– XLVI –. Хильда
– XLVII –. Зебадия
– XLVIII –. Дити
– XLIX –. Зебадия
Послесловие редактора
«Опус № 176»
«Ряд волшебных изменений милого лица…»
… и трудности перевода

Аннотация

«Погоня за панкерой» – один из самых смелых экспериментов, когда-либо проведенных в научной фантастике легендарным автором классического бестселлера «Звездный десант».

Земля под угрозой инопланетного вторжения. Только четыре человека знают об этом и могут предотвратить трагедию. Но герои попадают в ловушку зловещих инопланетян, и у них остается единственный способ уйти от погони – покинуть этот план бытия на своей космической яхте и оказаться в параллельной вселенной. До этого момента роман похож на известное «Число зверя», но после – все сюжетные линии расходятся, герои оказываются во вселенных «Погони за панкерой»: мирах Эдгара Райса Берроуза, Фрэнка Баума и отца космической оперы Э. Э. «Дока» Смита.

Достойное прощание от одного из самых изобретательных писателей-фантастов, когда-либо живших: параллельный роман о параллельных вселенных, а также великое

приключение, в котором силы добра противостоят злу только так, как это мог сделать только Хайнлайн.

«Это роман олдскульного Хайнлайна: писатель, которого мы все любили, взял нас с собой в еще одну замечательную поездку. Для тех из нас, кто любит бесшабашного Хайнлайна ранних времен, с персонажами более компетентными, чем они бывают в жизни, и остроумными „в стиле безумной комедии“ диалогами, эта потерянная жемчужина просто необходима». – Роберт Сойер

«Ранее неопубликованная книга Грандмастера Роберта Хайнлайна будет востребована его многочисленными поклонниками и читателями, интересующимися историей жанра. Роман основан на той же предпосылке и содержит тех же персонажей, что и его „Число зверя“. Действительно, начало книги идентично. Но затем текст переходит в совершенно другую историю, что вполне уместно, поскольку книги основаны на путешествиях по альтернативным мирам. Как и в „Звере“, наши бесстрашные исследователи путешествуют по различным вымышленным вселенным: Барсуму Берроуза, Стране Оз

Баума, вселенной Ленсменов „Дока“ Смита, сталкиваясь с идеей, что все вымышленные вселенные существуют где-то в мультивселенной». – Booklist

«Межличностных отношений, сексуальной напряженности и радостного возбуждения – предостаточно. Семейные иерархии или общественное преклонение перед ними напоминают мораль пятидесятых годов, но не до такой степени, чтобы быть удушающим. Во всяком случае, они мастерски используются для поддержания любовного конфликта. Я больше ничего не расскажу; все поклонники Хайнлайна заслуживают самим пережить это чудесное возвращение». – Manhattan Book Review

Роберт Хайнлайн
Погоня за панкерой

Robert A. Heinlein
THE PURSUIT OF THE PANKERA

A Parallel Novel About Parallel Universes
Copyright © 2020 by The Robert A. and Virginia Heinlein Prize Trust.
Cover © 2021 by Stephan Martiniere. All Rights Reserved.

Иллюстрация на суперобложке и переплете Стефана Мартинье Литературный редактор С. В. Голд

© Д. Казаков, перевод на русский язык, 2022
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

fanzon

КНИГИ РОБЕРТА Э. ХАЙНЛАЙНА, ВЫШЕДШИЕ В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ FANZON

«Погоня за панкерой»

«Ворчание из могилы»

Robert A. Heinlein

THE PURSUIT OF THE PANKERA

A Parallel Novel About Parallel Universes

Роберт Хайнлайн

ПОГОНЯ ЗА ПАНКЕРОЙ

fanzon

Москва
2022

– Предисловие –

Мне был задан вопрос: «Как на вас повлиял Роберт Хайнлайн?»

Это, как говорится, наводящий вопрос, и я на самом деле сомневаюсь, что найдется хоть один честный писатель-фантаст, который может заявить, что Хайнлайн *не* оказал на него никакого влияния. Иногда — вынуждая становиться в оппозицию к его самым противоречивым взглядам на такие вещи, как инцест, или задаваться вопросом, как он мог придумывать таких прекрасных героинь и в то же время держаться таких «стереотипных» взглядов на женщин. А иногда — получая вдохновение, стилистическое или философское, которое необходимо писателю для работы. «Бесплатных завтраков не

бывает»[1], «Заплати вперед»[2], «Грок»[3] — все это, как и многое другое, созданное Хайнлайном, стало кирпичиками, из которых мы складываем наши тексты, называем ли мы их «спекулятивной фантастикой»[4] или «научной фантастикой». Мы все еще слышим эхо его слов, отражение этого эха, и оно продолжает нас вдохновлять.

Но если свести вопрос к тому, как Роберт Хайнлайн повлиял именно на меня, то часть ответа будет абсурдно простой: он ввел меня в мир научной фантастики в очень раннем возрасте, он оставался рядом в школе, колледже и даже после. «Имею скафандр — готов путешествовать», «Астронавт Джонс», «Ракетный корабль Галилей», «Космический кадет», «Звездный зверь», «Кукловоды», «Марсианка Подкейн», «Пасын-

---

[1] Сноски: 1

Это американское крылатое выражение в виде акронима TANSTAAFL Хайнлайн популяризовал в романе «Луна — суровая хозяйка». — *Здесь и далее примечания переводчика.*

[2] Сноски: 2

Pay It Forward — фраза из романа Р. Хайнлайна 1951 года «Между планетами». Ее использовала в качестве названия своей книги в 1999 году К. Хайд. Экранизация книги Хайд в 2000 году породила интернациональное благотворительное движение «Pay It Forward». — *Прим. С. В. Голд.*

[3] Сноски: 3

Слово «Грок» изобретено Хайнлайном для романа «Чужак в стране чужой».

[4] Сноски: 4

Speculative fiction — Хайнлайн предпочитал именно это определение собственного творчества, оно гораздо шире собственно НФ, поскольку охватывает более широкую предметную область, включая социологию, психологию и т. п. и вместе с тем заметно у́же «просто фантастики», т. к. подразумевает использование научного метода мышления при конструировании миров или ситуаций. — *Прим. С. В. Голд.*

ки Вселенной», «Двойная звезда», «Гражданин галактики», «Луна — суровая хозяйка», «Дорога славы», «Чужак в стране чужой»… это только романы, и то не все, и этого перечня достаточно, чтобы объяснить, почему все так случилось. Мне очень не нравится, когда люди спрашивают, «какой писатель-фантаст повлиял на вас сильнее всего?», поскольку любой писатель-фантаст, которого я читал, повлиял на меня так или иначе, и конкретное имя в данный конкретный момент зависит от того, над какой историей я сейчас работаю. Однако я точно могу сказать, что Большая Четверка для меня — Хайнлайн, Пол Андерсон, Спрэг де Камп и Генри Бим Пайпер, и я непременно должен упомянуть еще дюжину имен, в числе которых Андрэ Нортон, Энн Маккеффри, Кейт Лаумер и Патриция Маккиллип. Речь не обязательно идет о стилистике, скорее, о ремесле в целом. Но всякий раз, когда мне приходится составлять список повлиявших на меня авторов, первым неизменно оказывается Хайнлайн.

Вероятно, потому, что я встретился с ним в очень раннем возрасте… хотя первым писателем-фантастом в моей жизни стал Джек Уильямсон, за которым последовали Де Камп и Питер

Шуйлер Миллер — вперед, к «Genus Homo»[5]! Вероятно, потому, что на меня очень рано и очень сильно повлиял язык его письма и тот факт, что он помог мне понять, чем занимается научная фантастика, да и само человечество как таковое. Хайнлайн был невероятно красноречивым оратором, когда дело доходило до его воззрений, и он не боялся менять эти воззрения (или *отказываться* их менять), и все же он никогда не злоупотреблял этим в ущерб своим историям. Он писал мускулистую прозу. Он очень тщательно выбирал глаголы. Он не боялся разговорного языка. Он знал, как создавать целые миры с помощью мозаики деталей, встроенных в стены его историй. И он знал, как показать компетентного персонажа, столкнувшегося с проблемами, и в то же время умел донести ощущение чуда, восторга перед масштабом и размером вселенной, в которой обнаружились эти проблемы. И в своих произведениях для юношества он проявил экстраординарную способность донести эти вещи до юных читателей.

Я обнаружил большую глубину в его историях после того, как сам повзрослел, но это потому,

---

[5] Сноски: 5
Роман, написанный Миллером и Де Кампом в соавторстве.

что я *осознал* само наличие этой глубины, а не потому, что ее там не было. Помню свою реакцию на Сэма из романа «Астронавт Джонс». Первый раз, когда я читал книгу, я признал в нем наставника, хорошего взрослого, и я видел в его гибели героический поступок. Но я упустил глубину смысла, заключенного в эпитафии «Он съел то, что было предложено ему[6]». Это был весь Хайнлайн в двух словах: ответственное человеческое существо, компетентное человеческое существо, человеческое существо, которое знает, как отважно умереть, столкнувшись с ситуацией, когда надо спасать женщин и детей. Не потому, что считает себя героем, нет, всего лишь потому, что *так поступают* ответственные люди. Сэм ли это, Подкейн, «Кип» Рассел, Пиви, Мэмми[7], лейтенант Далквист, Лазарус Лонг и «Логарифмическая линейка» Либби, или «Мэнни» О'Кэлли-Дэвис и Майк, его протагонисты есть то, что они есть, и они всегда делают то, что *сами* считают правильным.

---

[6] Сноски: 6

Отсылка к Евангелию от Луки, 10:8: «И если придете в какой город и примут вас, ешьте, что вам предложат».

[7] Сноски: 7

Mother Thing — «Материнское Создание», она же Мамми, Материня и т. п. Галактический коп из романа «Имею скафандр — готов путешествовать». — *Прим. С. В. Голд.*

Ребенком-читателем я на самом деле не осознавал ни социально противоречивые аспекты текстов Хайнлайна, ни то искусство, с которым он вставлял упоминания о них. Он был, конечно, продуктом своего времени — он всего на семь лет моложе, чем моя бабушка, — и это видно, особенно в некоторых его темах и, вероятно, в характеристиках его героинь, которые читателю двадцать первого века могут показаться невероятно стереотипными. Учитывая, что ему было семь лет, когда началась Первая мировая (эхо Вудро Вильсона Смита, кто-нибудь подумал об этом?), на самом деле должно удивлять то, насколько часто он *избегал* стереотипов. Его оппозиция расизму была жесткой и в то же время тонкой, он, как и Пайпер, сумел перейти от женщин как элементов реквизита к женщинам как полноценным характерам. Иногда они брали фальшивые ноты, но Хайнлайн не комплексовал по этому поводу. Он всегда был готов встретить стрелы и камни, летящие в него за истории, в которых он рассказывал о том, что *сам* считал необходимым рассказать. Несомненно, ему польстили бы эти камни и стрелы — ведь шрамы от них он воспринимал как знаки чести — если бы ему не приходилось так часто иметь дело

с редакторским упорством. Я пришел к мнению, что «Подкейн» в том виде, в каком она была опубликована, — хорошая, сильная история; однако измененная концовка слегка изменила всю историю, которую хотел рассказать *Хайнлайн*. Я думаю, что, если бы ему позволили напечатать оригинальную рукопись, читатели легче бы распознали предостережение, которое автор имел в виду, когда писал роман.

Несмотря на вполне заслуженные похвалы, которые получили в свой адрес «Чужак в стране чужой» и «Луна — суровая хозяйка», и, несмотря на мою особую любовь ко второму из этих текстов, я искренне считаю, что величайшим вкладом Хайнлайна в эту область стали его произведения для подростков. Он отказывался писать «упрощенно» для подростков. Читатели Хайнлайна были *молоды*, но он не относился к ним как к младенцам, и он бросал им вызов, поднимая чертовски взрослые темы. Но в первую очередь он насыщал свои тексты ощущением чуда и концепцией — *верой*, — что будущее — это то, что мы создаем по своему выбору. Оно будет таким, каким его сделаем мы, человеческие существа, когда достигнем его, вынянчим его и будем защищать. Поколения астронавтов,

ученых, изобретателей — и писателей — подвергались воздействию этого ощущения и этой веры. Хайнлайн был их проводником, беспардонным, иногда едким, иногда забавным, но всегда интересным. Часто он выступал в роли наставника.

И его книги остаются в печати сегодня, через тридцать лет после его смерти, поскольку он *все еще играет эту роль*. Конечно, наука меняется, общества проходят через эволюцию и революции, и мы добрались до мест, которых даже Роберт Хайнлайн не мог предвидеть, когда писал «Линию жизни»[8] в 1939-м. Все это невозможно отрицать. Однако Хайнлайна продолжают читать сегодня, поскольку он все тот же беспардонный *Хайнлайн*.

И, черт побери, этот человек умел писать.

Дэвид Вебер

---

[8] Сноски: 8
Дебютный рассказ Хайнлайна.

Погоня за панкерой

Уолтеру и Мэрион Минтон

– I –
Зебадия

— **О**н — Безумный Ученый, а я — его Прекрасная Дочь.

Именно так она и сказала: древнейшее клише из палп-фикшн, хотя она была слишком молода, чтобы помнить палп.

Когда кто-то говорит глупость, лучше сделать вид, что ты ее не слышал. Я продолжил вальсировать, не забыв бросить очередной взгляд в декольте ее вечернего платья. Отличный вид. Никаких вкладок.

Она умела вальсировать. Сейчас большинство девушек, прикоснувшихся к миру бальных танцев, вешаются тебе на шею и ожидают, что ты будешь таскать их по паркету. Она уверенно держалась на собственных ногах, танцевала близко, но не прижималась, и знала, что я собираюсь сделать, за долю секунды до того, как я приступал к исполнению. Идеальная партнерша.

— Ну? — в голосе ее прозвучала настойчивость.

Мой дед по отцовской линии, неприглядный

старый реакционер, фем-либералки его бы с удовольствием линчевали, обычно говорил: «Зебадия, наша ошибка не в том, что мы надели на них туфли или научили их читать… мы не должны были учить их говорить!»

Я намекнул на вращение легким давлением; она отплыла, кружась, и вернулась в мои руки точно в такт. Я глянул на ее руки и внешние уголки глаз. Да, она на самом деле молода — минимум восемнадцать; Хильда Корнерс никогда бы не позволила «ребенку» по документам оказаться на своей вечеринке… максимум двадцать пять, в первом приближении двадцать два. И все же танцевала так, как умело только поколение ее бабушек.

— Ну? — повторила она еще более настойчиво.

— Ключевые символы высказывания «безумный», «ученый», «прекрасная» и «дочь». Первый имеет несколько значений, а остальные обозначают субъективную оценку. Семантическое содержание высказывания: ноль.

Она не рассердилась — скорее, задумалась.

— Папа не страдает бешенством… хотя, называя его «безумным», я действительно имела в виду двусмысленное значение. Соглашусь, что «ученый» и «прекрасная» содержат субъектив-

ную оценку. Но разве мой пол может вызывать сомнения? А если и так, то хватит ли у вас квалификации проверить у меня наличие двадцать третьей пары хромосом? Транссексуальная хирургия сейчас в моде, и менее радикальные методы вас не удовлетворят, я полагаю?

— Я предпочел бы полевые испытания.

— Прямо *здесь*, в танцевальном зале?

— Нет, в кустах за бассейном. И да, я квалифицирован — как для лабораторных, так и для полевых исследований. Однако вовсе не ваш пол находится в области субъективной оценки… этот факт может быть точно установлен… вот эти два весомых доказательства выглядят очень убедительно. Я…

— Девяносто пять сантиметров не так много! По крайней мере, для моего роста. Метр семьдесят босиком и метр восемьдесят на этих каблуках. Просто у меня осиная талия: сорок восемь сантиметров, хотя вешу я пятьдесят девять кило.

— А еще у вас собственные зубы и нет перхоти. Расслабьтесь, Диди, я не собираюсь покушаться на вашу гордость. Однако символ «дочь» включает два утверждения: одно фактическое — пол, а второе — предмет субъективной оценки, даже когда оно подтверждено криминалистом-генето-

гематологом.

— Ух ты, какие длинные слова вы знаете, мистер! Я хотела сказать, «доктор».

— «Мистера» вполне достаточно. В этом кампусе у каждой собаки докторская степень. Даже у меня есть «д. ф.»[9]. Знаете, что это значит?

— Кто же этого не знает? У меня тоже «д.ф.». «Доказавший Фигню».

Я быстренько переоценил ее возраст, подняв во втором приближении до двадцати шести.

— «Ф» — надо полагать, «Физическое воспитание»?

— Мистер доктор, вы напрасно пытаетесь меня достать. Не сработает. Я специализировалась по двум направлениям, и одним из них действительно было физвоспитание, просто на случай, если мне понадобится работа. Но моей основной специальностью была математика, и именно ей я занималась в аспирантуре.

— А я был готов предположить, что «Ди-Ти» означает «Доктор Теологии».

— Вымойте рот с мылом, мистер. Мое прозвище всего лишь мои инициалы — Ди Ти. Доктор

---

[9] Сноски: 9

Доктор философии — весьма расплывчатая ученая степень, присваиваемая в США. Примерно соответствует кандидату наук в РФ. — *Прим. С. В. Голд.*

Д. Т. Берроуз, если быть формальной, поскольку я не могу быть «мистером» и отказываюсь быть «миз»[10] или «мисс». Вот что, мистер, я полагала, что привлеку вас своей ослепительной красотой, потом поймаю на крючок женского обаяния… но что-то пошло не так. Попробуем другой способ. Расскажите мне, какую именно фигню вы доказали.

— Дайте подумать. Что же это было? Рыбная ловля нахлыстом? Или плетение корзин? В общем, какая-то междисциплинарная тема, такие диссертации никто не читает, ученый совет на защите просто взвешивает их на весах, и все. Вот что я вам скажу. У меня где-то в архивах есть ее экземпляр. Я при случае разыщу его и посмотрю, как ее назвал тот парнишка, который ее написал.

— Можете не беспокоиться. Она называется «Некоторые особенности шестимерного неньютонова континуума». Папа хочет ее с вами обсудить.

Я прекратил вальсировать.

— Ох. Ему бы лучше обсудить эту работу с тем парнем, который ее написал.

---

[10] Сноски: 10

Миз — нейтральное обращение к женщине, не отражающее ее семейное положение, в отличие от «мисс» и «миссис». — *Прим. С. В. Голд.*

— Чепуха. Я видела, как вы моргнули, — вы попались. Папа хочет обсудить ее, а затем предложить вам работу.

— Работу? Ну, нет — считайте, что я сорвался с крючка.

— О боже! Теперь папа *действительно* обезумеет. Ну пожалуйста, а? Пожалуйста, сэр!

— Вы сказали, что имели в виду двусмысленное значение слова «безумный». Какие именно значения?

— А... «Безумный» в смысле «сердитый», потому что коллеги не желают его слушать. А также в смысле «полоумный» — по мнению некоторых его коллег. Они говорят, что его работы — сплошная бессмыслица.

— А в них на самом деле есть смысл?

— Я не настолько хороший математик, сэр. В основном занимаюсь тем, что оптимизирую программное обеспечение. Детские игрушки по сравнению с n-мерными пространствами.

Я высказаться не успел — зазвучало «Голубое танго» и Дити растаяла у меня в руках. Если вы умеете танцевать танго, то вам не до разговоров.

Дити умела. После вечности чувственного восторга точно с последним аккордом мы вернулись в начальную позицию. Я поклонился и шаркнул

ногой, она ответила глубоким реверансом.

— Спасибо, сэр.

— Фух. После такого танго партнеры обязаны пожениться.

— Нет проблем. Я сейчас же найду хозяйку и скажу папе. Пять минут? У главного входа или у бокового?

Ее лицо светилось тихим счастьем.

— Дити, — спросил я. — Вы не шутите? Вы действительно решили выйти за меня замуж? За совершенно незнакомого вам человека?

Ее лицо осталось невозмутимым, но свет в нем погас.

Она ответила без колебаний:

— После такого танго мы не можем называться незнакомцами. Я истолковала ваши слова как предложение… нет, как выражение *желания*… жениться на мне. Неужели я ошиблась?

Мой мозг переключился в режим чрезвычайной ситуации, пересматривая прошедшие годы, то же самое испытывает тонущий человек, перед глазами которого вспышками проносится вся его жизнь… гм, откуда это вообще известно? Дождливый вечер, когда старшая сестра приятеля посвятила меня в тайны секса; любопытное ощущение, которое я испытал, когда незнакомка

принялась глазеть на меня в ответ; двенадцатимесячный контракт на совместное проживание, который начался со взрыва эмоций и закончился без сожаления; и те бесчисленные события, после которых я принял решение никогда не жениться.

Я ответил немедленно:

— Я имел в виду именно это — брак в его старом, традиционном значении. Это то, чего я хочу. Но почему этого хотите *вы*? Я не такой уж подарок.

Она глубоко вздохнула.

— Сэр, вы тот самый подарок, за которым меня отправили, и когда вы сказали, что мы обязаны пожениться — я понимала, что это гипербола, — я внезапно ощутила себя такой счастливой и поняла, что *именно этого* способа поймать вас на крючок я бы хотела больше всего! — сообщила она. — Но я не буду ловить вас на слове и превратно толковать галантную фразу. Если хотите, можете утащить меня в кусты за бассейном… и потом *не* жениться… — после паузы она решительно продолжила: — Но за это… валяние на травке… вы расплатитесь тем, что поговорите с моим отцом и позволите ему кое-что вам показать.

— Дити, вы идиотка! Вы же испортите это чудесное платье.

— Испортить платье — такие пустяки, впрочем, я могу его снять. Легко. Тем более что под ним ничего нет.

— Под ним очень даже много всего!

Это вызвало у нее улыбку, но она быстро пропала.

— Спасибо. Ну что, отправляемся в кусты?

— Подождите-ка! Я как раз собрался побыть благородным человеком (и потом сожалеть об этом до конца моих дней). Вы совершили ошибку. Ваш отец не захочет говорить со мной, я ничего не понимаю в n-мерной геометрии!

(И откуда у меня эти приступы честности? Что я делаю не так, чем я их заслужил?)

— Папа думает, что ты знаешь, и этого достаточно. Теперь мы можем идти? Я хочу вытащить папу отсюда, пока он не врезал кому-нибудь по физиономии.

— Я сказал, что хочу *жениться* на вас, но мне хотелось бы знать, почему вы хотите выйти *за меня*. Вы же объяснили, что от меня нужно вашему отцу. Но я не собираюсь жениться на вашем отце, он не в моем вкусе. Скажите от себя, Дити. Или оставим эту тему.

(Или я мазохист? Там, за кустами, есть пляжный лежак.)

Она торжественно оглядела меня с головы до ног, от вечерних легинсов до криво сидящей бабочки и короткого ежика на голове — сто девяносто четыре сантиметра большого неприглядного увальня.

— Мне нравится, как твердо ты ведешь в танце. Мне нравится, как ты выглядишь. Мне нравится, как звучит твой голос. Мне нравится, как виртуозно ты играешь со словами — звучит все так, словно Уорф спорит с Коржибски, а Шеннон[11] выступает в качестве арбитра, — она сделала глубокий вздох и закончила почти печально: — А больше всего мне нравится, как ты пахнешь.

Чтобы уловить мой запах, требовалось острое обоняние: девяносто минут назад я отмылся до скрипа, и нужно побольше одного вальса и одного танго, чтобы я вспотел. Однако Дити произнесла эту фразу так, что вложила в нее практически все, что нужно. Большинство девушек, желающих произвести впечатление на

[11] Сноски: 11

Бенджамен Ли Уорф — американский ученый, один из создателей гипотезы лингвистической относительности. *Альберт Коржибски* — создатель теории «Общей семантики». *Клод Элвуд Шеннон* — американский инженер и математик, заложивший основы теории информации.

мужчину, не находят ничего лучше, чем стиснуть его бицепс и проворковать: «О боже, ты такой сильный!»

Я улыбнулся ей сверху вниз и сообщил:

— Ты тоже хорошо пахнешь. Твой парфюм способен поднимать из мертвых.

— Я не пользуюсь духами.

— О, поправка: твои природные феромоны. Они восхитительны. Забирай свою накидку. У бокового входа. Пять минут.

— Да, сэр.

— Скажи отцу, что мы с тобой женимся. И он получит свою беседу со мной бесплатно. Я так решил еще до того, как ты начала меня уговаривать. Думаю, ему не потребуется много времени, чтобы понять, что я не Лобачевский.

— Это проблема папы, — ответила она на ходу. — Ты позволишь ему показать тебе ту штуку, которую он соорудил в подвале?

— Конечно, почему нет? А что там?

— Машина времени.

– II –
Зебадия

И завтра узрю я семь орлов парящих, и появится комета во весь небосклон, и голоса будут говорить со мной из вихрей, пророча чудовищные, ужасающие вещи… эта Вселенная никогда не имела смысла; подозреваю, ее построили в рамках правительственного контракта.

— Большой подвал?

— Средний. Девять на двенадцать. Но захламленный. Верстаки и станки.

Сто восемь квадратных метров… потолки, вероятно, два с половиной… Неужели ее папочка просчитался, как тот парень, что построил лодку у себя в подвале?

Мои размышления были прерваны зычным мужским криком:

— Ты заучившийся педант и бездарь! Твоя математическая интуиция замерзла насмерть в тот день, когда тебя приняли в колледж!

Я не узнал кричавшего, зато прекрасно знал того надутого типа, к которому он обращался: профессор Нейл О'Херет Брэйн, декан матема-

тического факультета — помоги, Господи, тому студенту, что напишет заявление на имя «профессора Н. О. Брэйна» или даже «Н. О'Х Брэйна»[12]. Брэйни потратил жизнь на поиски Истины… чтобы поместить ее под домашний арест.

Сейчас он раздулся, точно бойцовый голубь, и принял вид оскорбленной жреческой помпезности. У него было такое выражение на лице, будто он собирается произвести на свет дикобраза.

Дити ахнула.

— Началось! — воскликнула она и ринулась туда, где разгорался скандал.

Я стараюсь держаться подальше от скандалов, я профессиональный трус и ношу очки без диоптрий в качестве буфера — пока какой-нибудь задира вопит: «А ну сними свои стеклышки!», я успеваю убраться.

Я двинулся прямиком к месту свары.

Дити уже вклинилась между противниками, лицом к кричавшему, и тихо, но твердо сказала:

— Папа, ты не посмеешь! Я не буду вносить за тебя залог!

Она потянулась к его очкам с очевидным на-

---

[12] Сноски: 12

No Brain или *Noh Brain* в переводе с английского означает «не мозг» или просто «безмозглый». — *Прим. С. В. Голд.*

мерением вернуть их обратно на нос. Очевидно, папочка снял их перед битвой… и сейчас пытался убрать подальше от рук дочери. Но я сумел дотянуться поверх голов, вырвал из рук очки и вручил Дити. Она благодарно улыбнулась и немедленно водрузила волшебные стеклышки на отца.

Он не стал сопротивляться, так что она схватила его за локоть и позвала:

— Тетя Хильда!

Рядом образовалась наша хозяйка.

— Да, Дити? Почему ты их остановила, дорогая? Мы даже не успели сделать ставки.

Драки не в новинку на вечеринках «Язвы» Корнерс — они тут в порядке вещей. Угощение и выпивка у нее всегда роскошные, музыка всегда живая, гости частенько эксцентричные, но скучных здесь не было никогда. Я был удивлен появлением здесь профессора Н. О. Брэйна.

Теперь я понимал, зачем он здесь: это было спланированное соединение взрывоопасных компонентов.

Дити проигнорировала вопрос.

— Тетя Хильда, ты нас извинишь, если мы с папой и с мистером Картером сейчас уйдем? У нас появилось срочное дело.

— Ты и Джейк можете уйти, если нужно. Но вы

не можете утащить Зебби. Дити, это нечестно!

Дити посмотрела на меня:

— Можно я ей скажу?

— Что? Ну конечно!

Идиот «Брэйни» выбрал именно этот момент, чтобы вмешаться:

— Миссис Корнерс, доктор Берроуз не может уйти, пока он не извинится! Я настаиваю. Это мое право!

Наша хозяйка глянула на него с презрением.

— Merde[13], профессор. Не путайте меня со своими преподами. Вы можете наорать на Джейка Берроуза, если вам так хочется. Если вы способны состязаться с ним в сквернословии на равных, мы с удовольствием послушаем. Но еще *хоть одно слово* приказным тоном в мой адрес или в адрес одного из моих гостей… и вы вылетите отсюда пулей! В этом случае вам лучше всего будет отправиться прямо домой — ректор уже начнет вас искать… — и Хильда повернулась к нему спиной. — Дити, ты хотела что-то мне сказать?

«Язва» Корнерс способна запугать даже налогового инспектора, и она ведь еще не взялась за «Брэйни» всерьез, всего лишь сделала преду-

---

[13] Сноски: 13

Merde — дерьмо (*фр.*). — *Прим. С. В. Голд.*

предительный выстрел в его сторону. Но по его лицу можно было подумать, что она расстреляла его в упор.

Однако ее вопрос Дити не оставил мне времени наблюдать, хватит его удар или нет.

— Не Дити, Хильда, — сказал я. — А я, Зеб.

— Помолчи, Зебби. Чего бы это ни было, мой ответ будет «нет». Ну, Дити? Говори, дорогая.

У Хильды Корнерс в родне наверняка были упрямые мулы. Бейсбольную биту против нее в ход не пустишь, поскольку росту в ней — мне до подмышки, а весит она сорок один килограмм. Поэтому я просто взял ее за локотки и аккуратно развернул лицом к себе.

— Хильда, мы собираемся пожениться.

— Зебби, дорогой! Я уж думала, ты *никогда* мне этого не скажешь.

— Да не с тобой, старая хищница. С Дити. Я сделал предложение, она его приняла. Теперь я спешу оформить документы, пока анестезия не выветрилась.

Хильда выглядела весьма заинтересованной.

— Звучит разумно, — заметила она и вытянула шею, чтобы посмотреть на Дити. — Он уже рассказал о своей жене в Бостоне, дорогая? И о малютках-близнецах?

Я поставил ее обратно на пол.

— Сбавь тон, Язвочка. Все серьезно. Доктор Берроуз, я не женат, в добром здравии, платежеспособен и могу содержать семью. Я надеюсь, вы одобрите наш брак.

— Папа говорит «да», — влезла Дити. — У меня доверенность на ведение дел от его имени.

— Ты тоже сбавь тон, Дити. Мое имя Картер, сэр… Зеб Картер. Я живу в этом кампусе. Можете навести обо мне справки. Но я хотел бы жениться на Дити прямо сейчас, если она не против.

— Я знаю ваше имя и уже навел справки, сэр. Мое одобрение не требуется, Дити совершеннолетняя. Но в любом случае вы его получаете, — доктор Берроуз задумчиво нахмурил брови. — Если вы женитесь прямо сейчас, то будете слишком заняты, и деловой разговор откладывается. Или вы найдете время?

— Пап, он найдет время, мы обо всем договорились.

— Да? Спасибо, Хильда, за чудесный вечер. Я позвоню тебе завтра.

— Ты ничего подобного не сделаешь. Ты вернешься обратно сразу же и доложишь лично по всей форме. Джейк, ты не поедешь с ними в медовый месяц. Даже не думай.

— Тетя Хильда! Пожалуйста! Я сама все устрою!

Через боковую дверь мы вышли почти по расписанию, но зацепились языками у входа на парковку — на чьей машине лететь. Моя рассчитана на двоих, но может вместить четверых, задние сиденья вполне подходят для коротких путешествий. У них был четырехместный семейный седан, не быстрый, но вместительный — и в нем лежал их багаж.

— Как много багажа? — спросил я у Дити, представив два солидных рюкзака на одном из моих задних сидений и потенциального тестя — на другом.

— У меня не так много, но у папы две большие сумки и толстый кейс. Давай я лучше покажу.

(Вот черт.)

— Может быть, ваша машина и лучше…

Я люблю свою тачку и терпеть не могу водить чужие машины. Возможно, Дити управляется с рулем так же изящно, как с партнером по танцам… но я не мог быть в этом уверен — а я трус. Ее отца я вовсе не принимал в расчет, я бы никогда не доверил свою шкуру водителю с таким темпераментом. Может быть, Дити уговорит его двинуться отдельно, следом за нами? Я был

твердо уверен, что моя невеста поедет только со мной!

— Где она? — уточнил я.

— Вон там, в дальнем углу. Сейчас я открою ее и включу фары, — она залезла к отцу во внутренний карман пиджака и вытащила «волшебную палочку».

— Ребенка забыли! — раздался крик нашей хозяйки.

Хильда сбегала по ступенькам от своего дома, на одной руке болталась сумочка, а на другой, словно флаг, развевались примерно восемь тысяч нью-долларов в виде норковой накидки цвета заката.

Дискуссия вспыхнула с новой силой.

Похоже, Язва решила отправиться с нами, чтобы лично проследить за поведением Джейка. Она задержалась только для того, чтобы выдать указания Максу — исполняет обязанности вышибалы-дворецкого-шофера, — как обходиться с пьяными: кого вышвыривать вон, а кого укрывать одеялом при необходимости.

Выслушав доводы Дити, она кивнула:

— Решено. Я могу вести вашу машину, и мы поедем с Джейком. А ты поедешь с Зебби, дорогая, — повернувшись ко мне, она добавила: — Не

разгоняйся особенно, Зебби, чтобы я не отстала. И без фокусов, дружок. Не пытайся избавиться от нас, а не то тебе сядет на хвост вся местная полиция.

Я посмотрел на нее невинными глазами младенца.

— Ну же, Язвочка, дорогая, ты же не думаешь, что я способен на такое?

— Да ты бы и мэрию спер, если бы придумал, как ее увезти. Кто вывалил тот бочонок фруктового желе в мой бассейн?

— Я был в это время в Африке, ты же знаешь.

— Рассказывай! Дити, дорогая, держи его на коротком поводке и не корми мясом. И не упускай его — он парень с деньгами. Ну, где твоя дистанционка? И где ваша машина?

— Вот, — Дити подняла «волшебную палочку» и нажала кнопку.

Я сгреб всех троих в охапку и повалил на землю. Мы ударились об асфальт ровно в тот момент, когда взрыв разметал все вокруг. Все, кроме нас. Корпуса машин приняли удар на себя.

– III –
Зебадия

Не спрашивайте меня как. Спросите у гимнаста на трапеции, как он делает тройное сальто. Спросите у игрока в кости, откуда он знает, что сейчас ему повезет. Но не спрашивайте меня, как я узнаю о том дерьме, что через секунду прилетит в вентилятор.

Мое шестое чувство никогда не сообщает мне ненужных подробностей. Я не знаю заранее, что в конверте, пока не открою его (за исключением того случая, когда в нем была бомба). У меня нет предчувствий по поводу безвредных событий. Но внезапное озарение за доли секунды до того, как все полетит к чертям, сохранило меня живым и сравнительно неповрежденным, в эпоху, когда стать жертвой убийства проще, чем умереть от рака, а любимая форма суицида — залечь с винтовкой на какой-нибудь башне и палить оттуда в прохожих, пока спецназ не прикончит тебя самого.

Нет, я не вижу за поворотом машину, которая вот-вот вылетит на встречку, я просто на

автомате съезжаю в кювет. Когда случилось землетрясение в Сан-Андреасе, я выпрыгнул из окна и в момент толчка был под открытым небом — недоумевая, зачем я это сделал.

А помимо подобных случаев мое шестое чувство очень капризно; похоже, я дешево купил его на распродаже излишков военного имущества.

Мы распростерлись на земле, и я прикрыл всех троих сверху — и тут же вскочил на ноги, чтобы никого не раздавить. Сначала подал руку каждой из женщин, а потом помог папочке встать на ноги. Никто, по всей видимости, не пострадал. Дити с невозмутимым лицом смотрела на пламя, вздымавшееся там, где только что стояла их машина. Ее отец что-то искал на земле, пока Дити его не остановила:

— Вот они, папа, — после чего водрузила очки на место.

— Спасибо, дорогая, — и он направился к месту взрыва.

Я сцапал его за плечо.

— Нет! В мою машину — быстро!

— Э? Мой кейс… Он мог уцелеть!

— Заткнись и двигайся! Все за мной!

— Папа, не спорь! — Дити вцепилась в руку Хильды, и мы запихали старшее поколение на

задние места.

Я втиснул Дити на переднее и рявкнул:

— Ремни!

Захлопнул дверь и обежал машину так быстро, что наверняка преодолел звуковой барьер.

— Ремни пристегнуты? — осведомился я, управившись с собственным.

— Джейк пристегнулся, и я тоже, Зебби, дорогой, — весело сообщила Хильда.

— Ремень пристегнут, дверца заперта, — доложила Дити.

Мотор был прогрет, я оставил его включенным на малых оборотах — какой смысл в скоростной машине, если она не может рвануть с места? Я переключился на полные обороты, глянул на приборную панель и, не включая фар, отжал тормоз.

В пределах городской черты фибиям[14] предписано передвигаться «без отрыва от земли» — поэтому моя машинка и метра по земле не прокатилась, как я поднял ее нос к небу, и она взмыла вертикально вверх прямо с парковки.

Полтысячи метров вертикально, пока счетчик перегрузки отсчитывал — два, три, четыре «же». Я позволил ему добраться до пяти и придержал

---

[14] Сноски: 14

В оригинале «duo» — наземно-летающий автомобиль. — *Прим. С. В. Голд.*

коней, поскольку не был уверен, что сердце папочки выдержит такую перегрузку. Когда альтиметр показал четыре километра, я отрубил вообще все — двигатель, транспондер, приборы, потом ударил по кнопке сброса ложных целей — и отправил машину лететь по баллистической траектории.

Я не знал, отслеживает нас кто-то или нет, — и не хотел этого узнавать.

Когда альтиметр показал, что мы добрались до верхней точки, я позволил крыльям немного раскрыться. Почувствовав, что они зацепились за воздух, я сделал быструю бочку, выпустил крылья в дозвуковую конфигурацию, и мы перешли в планирующий полет.

— Все живы? — спросил я.

Хильда захихикала.

— Вау, дорогой! Сделай это снова! И в этот раз кто-нибудь поцелуйте меня.

— Замолчи, бесстыжая старая развратница! Папа, вы как?

— Я в порядке, сынок.

— Дити?

— У меня все хорошо.

— Там, на парковке, ты не ушиблась?

— Нет, сэр. Я развернулась в падении, приняла

удар на правую ягодицу и поймала папины очки. Но в следующий раз постарайся, чтобы подо мной была кровать. Или хотя бы спортивный мат потолще.

— Я запомню, — я включил радио, но не транспондер, и прошелся по всем полицейским частотам. Если кто-то и заметил наши выкрутасы, то не обсуждал их в прямом эфире. Мы снизились до двух километров, я резко повернул направо и включил двигатель. — Дити, где вы живете?

— Логан, Юта.

— Как быстро там можно зарегистрировать брак?

— Зебби, — влезла Хильда. — В Юте нет времени ожидания…

— Итак, мы отправляемся в Логан.

— …но требуется анализ крови. Дити, дорогая, ты знаешь кличку Зебби в кампусе? Вассер-позитив[15]. Зебби, все знают, что Невада — единственный штат, который предлагает круглосуточное обслуживание, без времени ожидания и анализа крови. Поэтому нацеливай свою ракету на Рино и выжми сцепление.

— Язвочка, дорогая, — сказал я нежно, — не хо-

---

[15] Сноски: 15
С помощью реакции Вассермана определяют наличие сифилиса.

чешь ли ты прогуляться домой пешком с высоты в две тысячи метров?

— Не знаю, никогда не пробовала.

— Ваше сиденье катапультируется… правда, без парашюта.

— О, как романтично! Джейк, дорогой, мы будем петь «Liebestod»[16] по пути вниз. Придется тебе быть тенором, я выдавлю из себя сопрано, и мы умрем в объятиях друг друга. Зебби, нельзя ли подняться повыше? Чтобы мы успели допеть.

— Доктор Берроуз, воткните кляп своей попутчице. Язвочка, «Liebestod» — сольная партия.

— Вот зануда! Наша смерть по прибытии все спишет. А ты просто завидуешь, ведь у тебя нет слуха. Кстати, я говорила малышу Дикки, что это должен быть дуэт, и Козима[17] меня поддержала…

— Язвочка, держи свой *лживый* рот на замке, пока я говорю. Во-первых: все на твоей вечеринке знают, зачем мы уехали, поэтому решат, что мы отправились в Рино. Ты же наверняка всем об

---

[16] Сноски: 16

Сцена гибели Тристана из оперы Рихарда Вагнера «Тристан и Изольда».

[17] Сноски: 17

Дик — уменьшительное от Ричард (Рихард). *Козима* — жена Вагнера. — *Прим. С. В. Голд.*

этом растрепала, уходя…

— Ну, может быть… Ой, да, точно!

— Заткнись. Некто совершил очень профессиональную попытку убить доктора Берроуза. Не просто убить, а уничтожить с гарантией. Такая комбинация взрывчатки и термита не должна была оставить ничего, даже для анализа ДНК. Но вполне возможно, что никто не видел, как мы взлетели. Мы оказались в моей тачке, и я газанул менее чем через тридцать секунд после того, как сработала мина-ловушка. Случайные свидетели, если они были, смотрели бы на огонь, а не на нас. А *неслучайных* там бы просто не было. Профессионал, способный заминировать машину, либо прячется в убежище, либо пересекает границу штата и исчезает. А вот кое-кто из тех, кто заплатил за это развлечение, могли быть рядом. И если они там были, Хильда, то они были в твоем доме.

— Один из моих *гостей*?

— Ой, брось, Язва, моральный уровень твоих гостей тебя никогда не волновал. Тебе всегда было достаточно, чтобы они умели швырять-ся тортиками с заварным кремом, устраивать импровизированный стриптиз или еще какие-нибудь шуточки, чтобы на вечеринке никто не заскучал. Нет, я не думаю, что главный злодей

был на вечеринке — я имел в виду, что он не стал бы торчать там, где его могут сцапать. Но твой дом был лучшим местом, чтобы спрятаться и наблюдать за тем, как развиваются события. Кем бы он ни был, гостем или человеком с улицы, он *знал*, что доктор Берроуз придет на вечеринку. Хильда, кому был известен этот ключевой факт?

Она ответила с необычайной серьезностью:

— Я не знаю, Зебби. Мне надо подумать.

— Подумай как следует.

— М-м-м… их было немного. Несколько человек я пригласила из-за того, что должен был прийти Джейк. Например, тебя…

— Я уже догадался.

— … но тебе я не сказала, что Джейк будет, а кое-кому сообщила — «Но Брэйни», например, — но я не могу представить, что этот старый дурак способен заминировать машину.

— Я тоже не могу, но настоящие убийцы не похожи на убийц, они похожи на обычных людей. Интересно, за сколько дней до вечеринки ты сказала Брэйни, что папа на ней будет?

— Я сказала, когда приглашала его. Это было… м-м-м… восемь дней назад.

Я вздохнул:

— Да, тогда в число подозреваемых попадает

не только наш кампус, но и весь земной шар. Попробуем зайти с другой стороны. Доктор Берроуз, можете вы вспомнить кого-либо, кто бы желал вашей смерти?

— Таких полным-полно!

— Дайте я спрошу по-другому: кто ненавидит вас настолько, что готов убить заодно и вашу дочь, лишь бы достать вас? А еще случайных свидетелей вроде Хильды и меня. Нет, я не хочу сказать, что мы такие важные, просто ему, похоже, наплевать, кто еще попадет под раздачу. А значит, это довольно ущербная личность. Аморальная. Так *кто же он?*

Папочка Берроуз заколебался.

— Доктор Картер, разногласия в математической среде могут быть экстремально горячими… я и сам небезгрешен…

(И не говори мне об этом, папаша!)

— …но эти ссоры редко переходят в насилие. Даже смерть Архимеда была лишь косвенно связана с его… с нашей… профессией. Втянуть в это мою дочь… ну, даже доктор Брэйн, как бы он ни был мне неприятен, на это не способен.

— Зеб, а не могли они целиться в меня? — спросила Дити.

— Это *ты* мне скажи. Чью куклу ты сломала?

— Хм-м… Я не знаю никого, кто невзлюбил бы меня настолько, что захотел бы избавиться. Звучит глупо, но это правда.

— Да, это чистая правда, — снова влезла Язва. — Дити в этом отношении вся в мать. Когда мы с Джейн — это ее мать, и моя лучшая подруга до самого дня ее смерти — были соседками в колледже, я всегда влезала в разборки, а Джейн меня вечно из них вытаскивала, но сама никогда в них не участвовала. Она была миротворец. Такова и Дити.

— О'кей, Дити, значит, тебя вычеркиваем. Как и меня с Хильдой, поскольку тот, кто подложил бомбу, не мог предвидеть, что один из нас будет в зоне поражения. Поэтому они целились именно в папочку. Кто именно — мы не знаем, почему — мы не знаем. Когда мы разберемся — почему, то мы будем знать — кто. А пока нам нужно убрать папу с опасной территории. Я собираюсь жениться на тебе как можно быстрее не только потому, что ты хорошо пахнешь, но и для того, чтобы у меня было законное право участвовать в этой битве.

— Поэтому мы первым делом летим в Рино.

— Помолчи, Язва. Мы взяли курс в сторону Рино в тот момент, когда я выровнял полет.

Я включил транспондер, но перекинул тумблер не вправо, а влево … теперь он будет выдавать зарегистрированный, легальный сигнал, но не тот, что выдан на мое имя. Подобное усовершенствование стоило мне некоторого количества шекелей, которые мне все равно не нужны, зато с радостью были приняты одним молчаливым семьянином из Индио. Иногда бывает полезно пересекать границу штата, оставаясь неузнанным воздушными копами.

— Но мы не направляемся в Рино. Все эти ковбойские скачки я делал для того, чтобы обмануть глаз, радар и тепловые детекторы. Маневр уклонения от тепловых детекторов — тот резкий поворот, который мы сделали во время планирования — либо сработал, либо был излишним, если у нас на хвосте не было ракет. Скорее всего, излишним — люди, которые подкладывают в машину бомбу, вряд ли готовятся сбивать фибии на лету. Но я не был в этом уверен, поэтому я изобразил тот нырок. Наверняка считается, что мы погибли при взрыве или в пожаре, и эта версия продержится, пока там все не остынет и не рассветет достаточно для работы полиции. Возможно, она продержится еще какое-то время, поскольку копы могут воздержаться от заявлений, что они

не сумели найти органические останки. Но я должен предположить, что «профессора Мориарти» мы не одурачили, что он наблюдает за экраном радара в секретной штаб-квартире и знает, что мы направляемся в Рино. И поэтому некие враждебные действия ожидают нас там. Отправимся мы туда? Нет. А теперь потише, пожалуйста, я должен объяснить этой малышке, куда лететь.

Компьютер-пилот моего автомобиля не умеет готовить, но то, что она умеет, она умеет делать хорошо. Я вызвал на дисплей карту, изменил масштаб, чтобы в поле зрения оказалась Юта, использовал световой карандаш, чтобы проложить маршрут — сложный, поскольку он закручивался вокруг Рино сначала на юг, потом обратно на север, дальше к востоку над пустынной территорией, и, оставив южнее базу ВВС в Хилл Рэндж, добирался до Логана. Я задал высоту над землей, предоставив ей самой делать поправки на рельеф местности, чтобы нас не трясло, и добавил к этому изменение скорости, как только мы окажемся вне досягаемости радаров Рино.

— Все ясно, девочка? — спросил я.

— Все ясно, Зеб.

— Сигнал за десять минут до прибытия.

— Сигнал за десять минут до конечной точ-

ки — принято.

— Ты Умница, Гэй.

— Готова поспорить, босс, ты всем девчонкам это говоришь. Прием.

— Понял, конец связи, Гэй.

Дисплей погас.

Конечно, я запрограммировал свой автопилот так, чтобы он принимал план полета по нажатию кнопки «Выполнить». Но разве не приятнее, когда тебе отвечает теплое контральто? Впрочем, на самом деле я обращаюсь к «Умнице» при изменении плана полета для того, чтобы она опознала *мой* голос. Умелый электронщик может отключить блокировку машины и увести ее на ручном управлении. Но едва он попытается обратиться к автопилоту, машина не только не примет его программу, но и начнет звать на помощь на всех полицейских частотах. После этого автоугонщики чувствуют себя жалкими дилетантами.

Подняв взгляд, я обнаружил, что Дити внимательно наблюдает за моими операциями.

Я ждал вопроса, но Дити лишь сказала:

— У нее очень приятный голос, Зеб.

— «Гэй Обманщица» — вообще очень приятная девушка, Дити.

— И талантливая. Зеб, я никогда ранее не сиде-

ла в «Форде», который способен на такие вещи, на которые способен, способна… «Гэй Обманщица»?

— Когда мы поженимся, я вас представлю официально. Но нужно будет ее немного перепрограммировать.

— Мне не терпится познакомиться с ней.

— Познакомишься. Только Гэй не совсем «Форд». Внешний дизайн сделан канадским отделением «Форда». Но большая часть того, что внутри, когда-то принадлежала Силам самообороны Австралии. И я добавил парочку безделушек. Боулинг. Дамскую комнату. Веранду. Маленькие штришки для домашнего уюта.

— Я уверена, что она их ценит, Зеб. Я в этом не сомневаюсь. Подозреваю, без них мы были бы уже мертвее мертвого.

— Может быть, ты и права. Если так, то это не первый раз, когда Гэй спасает мою жизнь. Ты еще не видела всех ее талантов.

— Меня уже ничто не удивит. Даже то, что ты не велел ей приземлиться в Логане.

— Логан выглядит следующим местом, где нас может ждать «торжественная встреча». Кто в Логане знает, что вы с отцом будете у Хильды?

— Через меня — никто.

— Почта? Доставка молока? Газеты?

— Мы ничего не заказываем с доставкой на дом, Зеб, — она повернула голову. — Пап, кто-нибудь в Логане знает, куда мы поехали?

— Доктор Картер, насколько я могу судить, никто в Логане не знает, что мы куда-то уехали. Прожив много лет в кишащей сплетнями академической среде, я научился делать свою жизнь настолько частной, насколько возможно.

— Тогда я предлагаю, чтобы вы отстегнули ремни и поспали. Пока до Логана не останется десять минут лета, нам особенно нечего делать.

— Доктор Картер…

— Лучше зови меня Зеб, папа. Привыкай.

— Хорошо, пусть будет «Зеб», сынок. На странице восемьдесят семь твоей монографии, после уравнения под номером один-двадцать-один, когда ты рассуждаешь о вращении шестимерных пространств положительной кривизны, ты пишешь: «Из этого очевидно, что…», после чего сразу приводишь уравнение один-двадцать-два… Как ты это сделал? Нет, сэр, я не собираюсь возражать — наоборот! Но в моей неопубликованной статье я потратил дюжину страниц на то, чтобы получить то же самое преобразование. Ты пришел к нему интуитивно? Или ты лишь решил не вдаваться в детали? Никакой критики — что

бы это ни было, я впечатлен — одно чистое любопытство.

— Доктор, *я* не писал эту работу. Я уже говорил Дити.

— Ой, да ладно! *Два* доктора Зебулона Э. Картера в одном кампусе? Ты это хочешь сказать?

— Нет. Но это не мое имя. Я — Зебадия Дж. Картер. Зебулон Э. Картер, то есть Эдвард, откликается на Эда, — мой двоюродный брат. Кажется, он числится в списках кампуса, но на самом деле уехал на год работать по обмену в Сингапур. Это не так необычно, как выглядит, поскольку *все* мужчины в нашей семье получают первое имя, начинающееся с буквы «З». Все дело в деньгах, в завещании, в трастовом фонде и в том факте, что мои дед и прадед были немного эксцентричны.

— Как будто *ты* не такой, — сладеньким голоском сказала Хильда.

— Помолчи, дорогая, — я повернулся к Дити. — Дити, ты хочешь, чтобы я освободил тебя от обещания? Я *пытался* сказать тебе, что ты поймала не ту птичку.

— Зебадия…

— Да, Дити?

— Я собираюсь выйти за тебя замуж до оконча-

ния ночи. Но ты еще ни разу меня не поцеловал. Мне хочется быть поцелованной.

Я отстегнул ремень, принялся расстегивать ее и обнаружил, что она уже все сделала.

Дити целуется еще лучше, чем танцует танго.

Во время перерыва, сделанного из-за нехватки кислорода, я спросил ее шепотом:

— Дити, что значат твои инициалы?

— Ну… только не смейся.

— Я не буду. Но я должен знать, в чем дело — для церемонии.

— Я понимаю. Ну ладно, Ди Ти — это Дея Торис.

Дея Торис. Дея Торис Берроуз! Дея Торис *Картер*!!

Я не смог удержаться и вернул контроль над собой только после двух раскатов смеха. Слишком поздно.

— Ты обещал, что не будешь смеяться, — сказала она печально.

— Дорогая Дити, я смеялся не над *твоим* именем, я смеялся над *своим*.

— Я не думаю, что «Зебадия» — такое смешное имя. Оно мне нравится.

— Мне тоже. Оно не дает мне потеряться среди бесчисленных Томов, Эдов и Бобов. Но я не назвал свое второе имя. Как ты думаешь, какое смешное

имя начинается на «Дж»?

— Даже гадать не буду.

— Давай я тебе подскажу. Я родился неподалеку от кампуса университета, основанного Томасом Джефферсоном. В тот день, когда меня выпустили из колледжа, я получил звание младшего лейтенанта аэрокосмического резерва. Меня повышали дважды. Мой второй инициал означает «Джон».

Ей потребовалось не больше секунды, чтобы сообразить:

— Капитан… Джон… Картер… из Виргинии.

— «Атлетически сложенный боец»[18], — подтвердил я. — Каор, Дея Торис. К вашим услугам, моя принцесса. Отныне и навеки!

— Каор, капитан Джон Картер. Гелиум готов принять вас[19].

И мы упали друг другу в объятия, завывая от смеха, но смех быстро затих и перешел в очередной поцелуй. Когда мы «всплыли», чтобы набрать в легкие немного воздуха, меня похлопала по

---

[18] Сноски: 18

Цитата из романа Э. Берроуза «Воины Марса». — *Прим. С. В. Голд.*

[19] Сноски: 19

Каор — марсианское приветствие. *Капитан Джон Картер из Виргинии, Дея Торис* — персонажи марсианского цикла Э. Берроуза. *Гелиум* — столица марсианской империи. — *Прим. С. В. Голд.*

плечу Хильда.

— Не посвятите ли нас в секрет этой шутки?

— Сказать ей, Дити?

— Не уверена. Тетя Хильда все разбалтывает.

— О, чепуха! Я знаю твое полное имя, но никогда никому его не говорила. Еще бы мне не знать — я же держала тебя на руках при крещении. Ох и мокрая же ты была тогда! С обоих концов. Ну, так что?

— Ну ладно, слушай: нам не нужно вступать в брак — мы давно женаты. Много лет. Больше ста.

— Что-что? — подал голос папочка. Я объяснил. Он подумал, затем кивнул: — Логично.

И тут же вернулся к своей записной книжке, в которой делал какие-то пометки. Потом опять обратился ко мне:

— Твой кузен Зебулон — он есть в телефонной книге?

— Вряд ли. Но он живет в отеле «Нью-Раффлз».

— Отлично. Я попробую и отель, и университет. Доктор… сынок… Зеб, не будешь ли ты столь любезен, чтобы сделать звонок? Мой код коммуникационного кредита — Неро Алеф восемь ноль один тире семь пять тире три девять три два Зет звездочка Зет.

(Кредитный рейтинг Z*Z — мне явно не придется содержать будущего тестя!)

— Папа, — вмешалась Дити, — ты не должен звонить профессору Картеру… Зебулону Картеру… в этот час.

— Но моя дорогая дочь, еще не так поздно…

— Понятно, что нет, я умею считать. Но ты хочешь попросить его о любезности, поэтому не прерывай его послеобеденный сон. Помнишь? «Бешеные псы и англичане»[20].

— Но в Сингапуре вовсе не полдень, там…

— …время сиесты, еще жарче, чем в полдень. Так что подожди.

— Дити права, папа, — вмешался я, — но по другой причине. Мне кажется, позвонить ему именно сейчас — это ведь для тебя не вопрос жизни и смерти? Но это может стать вопросом жизни и смерти для нас — если ты сделаешь звонок из этой машины… особенно по твоему кредитному коду. Пока мы не разобрались, кто такие эти «парни в черных шляпах»[21], я бы советовал

---

[20] Сноски: 20

«Mad dogs and englishman» — песня 1931 года Noel Coward, в ней поется о том, что под полуденное солнце выходят лишь бешеные собаки и англичане, а все остальные прячутся в тени. — *Прим. С. В. Голд.*

[21] Сноски: 21

В старых вестернах злодеи носили черные шляпы. — *Прим. С. В. Голд.*

выходить на связь с земли, с общественных телефонов, которым можно скормить нью-доллары, а не код твоей кредитки. Скажем, из Пеории. Или из Падьюки. Ведь это может подождать?

— Ну, если ты смотришь на это дело таким образом… да, это может подождать. Хотя я до сих пор не могу поверить, что кто-то хочет меня убить.

— Доступные нам данные говорят об этом.

— Согласен. Но эмоционально я все еще это не принял.

— Чтобы до тебя достучаться, нужна хорошая бейсбольная бита, — заметила Хильда. — Мне пришлось сидеть на нем, чтобы не сбежал, пока Джейн делала ему предложение.

— Ну что ты, Хильда, дорогая, это абсолютно не соответствует действительности. Я написал своей прежней возлюбленной вежливую записку, в которой говорилось…

Я оставил их препираться, а сам попытался дополнить имеющиеся у нас данные:

— «Гэй Обманщица».

— Да, босс?

— Новости, дорогая.

— Готова, босс.

— Параметры поиска. Время — от двадцати одного ноль-ноль. Регион — Калифорния, Невада,

Юта. Персоны — твой добрый босс, дорогая; доктор Джейкоб Берроуз; доктор Д. Т. Берроуз; миз Хильда Корнерс… я на секунду заколебался, — профессор Нейл О'Херет Брэйн, — я почувствовал себя глуповато, но добавил «Брэйни», поскольку между ним и папой была ссора, а много лет назад мой лучший учитель сказал: «Никогда не пренебрегай так называемыми тривиальными корнями уравнения» — и добавил, что за тривиальные корни были присуждены две Нобелевские премии.

— Ввод параметров завершен, босс?

Доктор Берроуз дотронулся до моего плеча.

— Может твой компьютер поискать в новостях упоминания о твоем кузене?

— М-м-м. Может быть. Она хранит шестьдесят миллионов байт, потом стирает по принципу «последним поступило — последним ушло» все, что не перемещено в постоянную память. Но ее хранилище под новости на шестьдесят процентов ориентировано на Северную Америку. Я попробую. Умница!

— Жду команду, босс.

— Дополнение. Первый поиск по ранее введенным параметрам. Затем поиск по новой программе. Время — от настоящего момента до

самого раннего вхождения. Регион — Сингапур. Персона — Зебулон Эдвард Картер, он же Эд Картер, он же доктор З. Е. Картер, он же профессор З. Е. Картер, он же профессор или доктор Картер из университета Раффлз.

— Две программы поиска обрабатываются последовательно. Принято, Зеб.

— Ты Умница, Гэй.

— Готова поспорить, босс, ты всем девчонкам это говоришь. Прием.

— Понял, конец связи, Гэй. Выполняй.

— Агентство АП, Сан-Франциско. Таинственный взрыв нарушил академическую тишину… — сообщение закончилось обычным заявлением о том, что виновные будут арестованы «незамедлительно». Оно содержало один интересный факт — все мы числились мертвыми. Начальник местной полиции заявил, что у него есть версия, но он пока ничего не скажет — иными словами, ему было известно еще меньше, чем нам. Поскольку о нас говорили как о «предположительно погибших» и поскольку в новостях ничего не сообщалось о нелегальном взлете и прочих шалостях, которые могли обеспокоить воздушных копов, я рискнул предположить, что в поле зрения полицейских радаров мы не попадались, пока не

превратились в одну из безобидных легальных отметок на экране. Отсутствие упоминаний о «Гэй Обманщице» меня не удивило, поскольку я прибыл едва ли не самым последним и мог явиться на такси, в общественной капсуле или вообще пешком. Доктора Брэйна не упомянули, ссору на вечеринке — тоже. Гостей допросили и отпустили. Пять машин, припаркованных рядом с местом взрыва, серьезно пострадали.

— Невада — нулевой результат. Юта — Агентство ЮПИ, Солт-Лейк-Сити. Пожар, случившийся неподалеку от кампуса государственного университета Юты в Логане, разрушил… — снова «Парни в Черных Шляпах», так что Дити и ее папочка оказались мертвыми дважды, поскольку, по версии следствия, они задохнулись в дыму и не смогли выбраться из горящего здания. Больше никто не пострадал и не пропал. Возгорание списали на неисправную электропроводку. — Завершение первого поиска, Зеб. Начинаю второй поиск.

Гэй замолчала.

— Папа, кто-то тебя сильно не любит, — спокойно заметил я.

— Погибло! Все погибло! — простонал он.

— У тебя не осталось копий твоих работ? И твоего… устройства?

— Что? Нет, нет! Это *гораздо* хуже! Моя коллекция антикварных журналов! «Weird Tales», «Argosy», «All-Story», первые выпуски Гернсбека, «The Shadow», «Black Mask» — ооо!

— Для папы это настоящий удар, — прошептала Дити, — я сама сейчас заплачу. Я же училась читать по этой коллекции. «War Aces», «Air Wonder», полный комплект «Astoundings» Клэйтона. Все это оценивалось в двести тринадцать тысяч нью-долларов. Журналы начал собирать дедушка, папа продолжил, ну а я выросла, читая все это.

— Мне жаль, Дити, — я обнял ее. — Вы должны были переснять все на пленку.

— Мы так и сделали. Но это не то же самое, что настоящие журналы у тебя в руках.

— Я понимаю. И… что насчет той штуки в подвале?

— Что за «штука в подвале»? — вмешалась Язва. — Зебби, ты выражаешься как Г. Ф. Лавкрафт!

— Не сейчас, Язва. Утешь Джейка, мы заняты. Гэй!

— Слушаю, Зеб. Какие проблемы?

— Карту на дисплей, пожалуйста.

Мы были на полпути где-то над северной Невадой.

— Прекратить движение по маршруту и перей-

ти в свободный полет с крейсерской скоростью. Назови ближайшие столицы округов.

— Уиннемакка и Элко находятся на равном расстоянии с погрешностью в один процент. Ориентировочный срок прибытия в Элко раньше, поскольку отклонение от нынешнего курса составит всего одиннадцать градусов к югу.

— Дити, ты хочешь выйти замуж в Элко?

— Зебадия, я в восторге от мысли выйти замуж в Элко.

— Значит, Элко, но надо еще чуточку подождать. Гэй, вектор на Элко и сажай нас. Обычная крейсерская скорость для частного транспорта. Доложи время прибытия в минутах.

— Поняла, выполняю. Элко. Девять минут семнадцать секунд.

— Ну-ну, Джейк, дорогой, успокойся, мамочка с тобой… — проворковала Хильда, а потом добавила обычным сержантским тоном: — Хватит вилять, Зебби! Что за «штука» и в каком она подвале?

— Язва, это тебя никак не касается. У папы была одна штука, теперь она уничтожена, и это все, что тебе необходимо знать.

— О нет, все не так, — сказал доктор Берроуз. — Зеб имеет в виду мой континуумоход, Хильда. Он

в безопасности. Его не было в Логане.

— Что такое, во имя Небесного Пса, «континуумоход»?

— Папа имеет в виду свою машину времени, — объяснила Дити.

— Что же он сразу не сказал? Все знают «Машину времени». «Машина времени» Джорджа Пала — классическая вещь. Я сто раз смотрела ее на ночных показах.

— Язва, ты умеешь читать? — спросил я.

— Конечно, я умею читать! «Рем, не рой яму. Роза мерзнет на морозе». Я вам не дурочка какая-то.

— Ты когда-нибудь слышала о Герберте Уэллсе?

— Слышала? Да я с ним *спала*!

— Ты хвастливая старая шлюшка, но ты не настолько стара. Когда мистер Уэллс умер, ты еще была девственницей.

— Клевета! Ударь его, Джейк, он меня оскорбил!

— Я уверен, Зеб не хотел тебя оскорбить. И Дити не позволяет мне бить людей, даже когда это необходимо.

— Мы это изменим.

— Второй поиск завершен, — доложила «Гэй

Обманщица». — Жду команду.

— Доложи результаты второго поиска, пожалуйста.

— Агентство «Рейтер», Сингапур. Об экспедиции Марстона на Суматре по-прежнему нет никаких известий, сообщают местные власти в Палембанге. Запланированная дата возвращения истекла тринадцать дней назад. Помимо профессора Марстона, местных проводников и ассистентов, в партию входят доктор З. Э. Картер, доктор Сесил Янг, а также мистер Джайлс Смайт-Белиша. Министр туризма и культуры заявил, что поиски будут продолжаться. Конец результатов поиска.

Бедный Эд. Мы никогда не были близки, но с ним никогда не случалось никаких трагедий. Мне бы хотелось надеяться, что он потерял голову от местной знойной красотки, а не от удара мачете в джунглях, но последнее казалось более вероятным.

— Папа, несколько минут назад я сказал, что кто-то очень тебя не любит. Я начинаю подозревать, что кто-то очень не любит специалистов по n-мерной геометрии.

— Похоже на то, Зеб. Я искренне надеюсь, что твой кузен в безопасности. Такой блестящий ум! Это была бы большая потеря для человечества!

«И для него самого», — добавил я мысленно.

И для меня, поскольку семейный долг требует, чтобы я что-то предпринял в этой связи. Однако в голове у меня сейчас только медовый месяц.

— Гэй.

— Слушаю, Зеб.

— Дополнение. Третья программа поиска новостей. Использовать все параметры второй программы. В регионы добавить Суматру. В объекты поиска добавить все имена собственные и названия, найденные во втором поиске. Результаты поиска поместить в постоянную память. Докладывать о результатах по мере поступления. Старт.

— В работе, босс.

— Ты хорошая девочка, Гэй.

— Спасибо, Зеб. Приземление в Элко через две минуты семь секунд.

Дити крепче сжала мне руку.

— Папа, как только я по закону стану миссис Джон Картер, я думаю, мы должны отправиться в Уютную Гавань.

— Что? Ну, разумеется.

— Ты тоже, тетя Хильда. Тебе может быть небезопасно возвращаться домой.

— Изменение в планах, дорогая. Это будет двой-

ная свадьба. Джейк и я.

Дити выглядела взволнованной, но вовсе не расстроенной.

— Папа?

— Хильда наконец снизошла до того, чтобы выйти за меня.

— Вранье, — сказала Язва. — Джейкоб никогда не просил меня в прошлом, не просил и сейчас. И я сама это сделала. Подловила его, пока он расстраивался из-за своих комиксов и не мог защититься. Так было нужно, Дити. Я пообещала твоей матери позаботиться о Джейке, и я заботилась, с твоей помощью, до настоящего момента. Теперь на тебе будет Зебби, тебе придется смотреть, чтобы он не угодил в неприятности, вытирать ему нос… так что я ухитрилась схватить Джейка за галстук и затащить под венец, чтобы сдержать обещание. Чтобы не забираться к нему в постель тайком, как раньше.

— Хильда, дорогая, ты никогда не бывала у меня в постели!

— Не позорь меня перед детьми, Джейк! Я обеспечила тебе тестовый прогон и только потом позволила Джейн связаться с тобой, и не вздумай это отрицать!

Джейк беспомощно пожал плечами:

— Как тебе угодно, дорогая Хильда.

— Тетя Хильда… ты и в самом деле любишь папу?

— Пошла бы я за него, если бы не любила? Я могла выполнить обещание, данное Джейн, более простым способом — отправив его в тихий домик к мозгоправам. Дити, я люблю Джейкоба дольше, чем ты любишь его. Много дольше! Но он любил Джейн… что говорит о том, что способен здраво мыслить, несмотря на странные выходки. Я не буду пытаться его изменить, я буду только следить, чтобы он носил ботинки и принимал витамины — то, чем занималась ты. Так что я останусь «тетей Хильдой» и не стану «матерью». Твоей мамой была и остается Джейн.

— Спасибо, тебя Хильда. Я думала, заполучив Зебадию, что буду счастлива так, как только может быть женщина. Но ты сделала меня еще счастливей. Мне не о чем теперь тревожиться.

(Зато *мне* было о чем тревожиться: типы без лиц, но в Черных Шляпах. Но я немедленно выкинул их из головы, потому что в этот момент Дити прижалась ко мне и начала убеждать, что все в порядке, что тетя Хильда не стала бы шутить по поводу брака с папой.)

— Дити, где эта ваша Уютная Гавань и что это

такое?

— Это… укромное место. Убежище. Земля, которую папа взял в аренду у властей, когда решил построить настоящий искривитель времени, а не просто писать уравнения. Но нам придется дождаться дня. Если только… может, «Гэй Обманщица» умеет находить цель по заданной широте и долготе?

— Конечно, умеет! И очень точно.

— Тогда все в порядке. Я могу дать координаты в градусах, минутах и долях секунд.

— Садимся, — предупредила Гэй.

Клерк округа в Элко не стал возражать, когда его выдернули из кровати, и выглядел довольным, когда я сунул ему сотенную бумажку. Окружная судья оказалась столь же контактной и убрала в карман свой гонорар, даже не взглянув на него. Я запнулся в одном месте, но все-таки сумел произнести: «Я, Зебадия Джон, беру тебя, Дею Торис…» Дити прошла через церемонию так же торжественно и уверенно, словно не раз ее репетировала. А Хильда все время шмыгала носом.

Хорошо, что Гэй умеет точно выходить на заданную цель, поскольку я был не в состоянии вести машину, даже при свете дня. Я дал ей координаты и велел идти зигзагами, чтобы подолгу

не светиться на радарах, а последнюю сотню километров пройти в мертвой зоне Аризонской полосы, севернее Большого Каньона. Но перед посадкой я все же велел ей зависнуть и ждать какое-то время, пока я не уверюсь, что тут не случилось третьего пожара.

Но домик был из негорючих материалов, с подземным гаражом для Гэй — и я наконец-то расслабился.

Мы открыли бутылку шабли. Папа, похоже, хотел немедленно отправиться в подвал. Язве это не понравилось, ну а Дити просто проигнорировала.

Я перенес Дити через порог ее спальни, осторожно усадил ее лицом к себе и сказал:

— Дея Торис…

— Да, Джон Картер?

— У меня не было времени, чтобы купить тебе свадебный подарок…

— Мне не нужны подарки от моего капитана.

— Выслушай меня, моя принцесса. У моего дяди Замира не было такой хорошей коллекции, как у твоего отца… но могу я подарить тебе полный комплект «Astoundings» Клэйтона?

Она удивленно улыбнулась.

— …и первое издание первых шести книг

о Стране Оз, несколько потрепанных, но с оригинальными цветными иллюстрациями? И первое издание «Принцессы Марса»[22] в почти безупречном состоянии?

Улыбка ее стала шире, и Дити стала похожа на девятилетнюю девочку.

— Да!

— Примет ли твой отец полный комплект «Weird Tales»?

— Примет! Нордвест Смит и Джирел из Джойри[23]? Я буду брать их у него почитать, иначе не видать ему моей Страны Оз! Я упрямая, еще какая! И эгоистичная. И *плохая*!

— Упрямство подтверждаю. Все прочее отклоняю.

Дити показала мне язык.

— Ты меня еще узнаешь! — внезапно ее лицо стало серьезным. — Но мне жаль, мой принц, что у меня нет подарка для моего мужа.

— Он у тебя есть.

---

[22] Сноски: 22

Первый роман Эдгара Берроуза о Джоне Картере и Дее Торис.

[23] Сноски: 23

Серии произведений Кэтрин Мур (будущая жена Г. Каттнера), опубликованная в первой половине 30-х в журнале «*Weird Tales*». «Нордвест Смит» — один из предтеч «Звездных торговцев» и прочих «Светлячков», «Джирел из Джойри» — собрат Конана и дедушка Элрика из Мельнибонэ. — *Прим. С. В. Голд.*

— Точно?

— Конечно. Прекрасно упакованный и источающий райское благоухание, от которого у меня кружится голова.

— Ах… — сказала она надменным и безмятежно-счастливым голосом. — Не распакует ли меня мой муж? Пожалуйста!

Я так и сделал.

И это все, что кому-либо позволено знать о нашей первой брачной ночи.

– IV –
Дити

Я проснулась рано, как всегда в Уютной Гавани, чувствуя себя абсолютно счастливой. Успела этому удивиться, потом все вспомнила и повернула голову. Мой муж… *муж*!.. что за благословенное слово… мой муж лежал рядом, носом в подушку, слегка похрапывая и пуская слюнку. Я тихонько лежала, смотрела на него и думала о том, какой он красивый, сколько в нем нежности, силы и чуткости.

У меня было искушение разбудить его, но я знала, что моему дорогому нужен отдых. Так что я выскользнула из кровати и бесшумно отправилась в ванную — *нашу* ванную! — где не спеша проделала утренние дела. Ванну я решила принять только после того, как проснется мой капитан.

Я натянула трусики, занялась бюстгальтером, но тут остановилась и посмотрела в зеркало. У меня обыкновенное лицо и крепкое тело, которое я держу в отличной форме. На конкурсе красоты мне никогда не выйти даже в полуфинал.

Слышишь, Дити? Не упрямься, не пытайся командовать, не старайся всегда настоять на своем — а самое главное, не обижайся, если что-то не так. Мама никогда не обижалась, хотя папа не из тех людей, с которыми легко ужиться. Она терпеливо объясняла мне, что логика не имеет никакого отношения к искусству делать мужа счастливым и что тот, кто «выиграл» в семейном споре, на самом деле проиграл. Мама никогда не спорила, и папа всегда делал то, что она хотела. Если она на самом деле этого хотела. Когда в семнадцать лет мне пришлось срочно повзрослеть и попытаться ее заменить, я старалась во всем поступать как она — и не всегда успешно. Я унаследовала часть папиного темперамента и кое-что от маминого спокойствия. Я стараюсь подавлять первое и развивать второе. Но я не Джейн, я Дити.

Неожиданно я задумалась, для чего я натягиваю бюстгальтер. День обещал быть жарким. Бывает, папочка страшно выходит из себя, натыкаясь на кое-какие вещи по углам, но обнаженная плоть к их числу не относится. (Полагаю, что раньше все было иначе, но мама все переделала так, как ей хотелось.) Мне нравится ходить голой, и в Уютной Гавани я так обычно и делаю, если погода

позволяет. Папа почти всегда столь же небрежен. Тетя Хильда — практически член семьи, мы часто пользовались ее бассейном и никогда не брали купальных костюмов — в крайнем случае, просто прикрывались.

Так почему я надеваю этот бюстгальтер?

Потому что две вещи, порознь равные третьей, никогда не равны друг другу. Элементарная математика, если правильно подобрать аксиомы. Люди — не абстрактные символы. Я могла расхаживать голой перед любым из них, но не перед всеми тремя одновременно.

Меня уколола мысль, что папа и тетя Хильда могут подпортить наш медовый месяц. Потом сообразила, что мы с Зебадией можем точно так же испортить их медовый месяц — и перестала беспокоиться; все само устаканится.

На кошачьих лапках я двинулась через нашу спальню, заметила одежду мужа — и остановилась. *Мой дорогой вряд ли захочет надевать к завтраку вечерний костюм. Дити, ты ведешь себя не так, как должна супруга, разберись. Есть что-то из папиной одежды, что я могу позаимствовать, не разбудив остальных?*

Ага! Старая рубашка, которую я освободила от службы и превратила в домашний халат, шорты

цвета хаки, в прошлый раз, когда мы были тут, я взяла их зашивать — и все это в шкафу в моей — *нашей*! — ванной комнате. Я прокралась обратно, добыла шмотки и положила поверх вечернего костюма, чтобы он уж точно не проглядел.

Закрыв за собой две звуконепроницаемые двери, я вздохнула с облегчением — можно не соблюдать тишину. Папа не выносит дешевки во всем, и если что-то не работает как должно, он просто берет это и чинит или заменяет. Бакалавра он получил по инженерному делу, магистра — по физике, а диссертацию защитил по математике: нет *ничего*, что он бы не смог спроектировать и построить. Второй Леонардо да Винчи… или Поль Дирак.

Никого в гостиной, и я решила пока не навещать кухню; если остальные дрыхнут, то я могу потратить утро на себя. Потянуться как следует вверх… ладони на пол, не сгибая коленей… десяти раз достаточно. Вертикальные махи обеими ногами, затем шпагат на полу, подтягиваем голову к лодыжкам — сначала к правой, потом к левой.

Я закидывала ноги за голову, когда услышала:

— Жуткое зрелище. Заезженная невеста. Дити, прекрати это.

Я ухитрилась прямо из этого положения уйти

в кувырок и вскочить, чтобы оказаться лицом к лицу с папиной невестой.

— Доброе утро, тетя Хиллбилли[24], — сказала я, потом ее обняла и поцеловала. — И совсем не «заезженная». Разве что чуть-чуть «объезженная».

— Побитая, — повторила она, зевая.

Она прервалась, чтобы поцеловать меня еще раз, более душевно, чем в первый раз.

— Я самая счастливая женщина в Америке, — сообщила она.

— Не-а. Вторая. Самая счастливая стоит перед тобой.

Тетя Хильда хмыкнула и сказала:

— Сдаюсь. Мы обе — самые счастливые женщины в мире.

— И самые везучие. Тетя-Козочка, этот папин халат толстый, в нем будет жарко. Давай я принесу тебе что-то из моего. Как насчет бикини на шнурочках, у него универсальный размер?

— Спасибо, дорогая, но ты можешь разбудить Зебби, — тетя Хильда распахнула папин халат

---

[24] Сноски: 24

Hillbilly — «Билли с горы», иначе говоря, «деревенщина». Понятно, что утонченную светскую львицу так можно называть только в шутку, и именно очевидный диссонанс названия и объекта и является шуткой. В каких-то других кругах подобные шутки сочли бы грубостью и амикошонством, но профессорская семейка Берроузов-Картеров больше ценит именно такие шутки. *— Прим. С. В. Голд.*

и принялась обмахиваться его полами, а я посмотрела на нее новыми глазами.

У нее было три или четыре краткосрочных брачных контракта, никаких детей. В сорок два ее лицо выглядело на тридцать пять, но ниже ключиц она могла сойти за восемнадцатилетнюю. Фарфоровая куколка, рядом с которой я — просто великанша.

— Если бы не твой муж, — добавила она, — я бы просто носила свою старую кожу. Тут жарко.

— Если бы не твой муж, я поступила бы так же.

— Джейкоб? Дити, он менял тебе пеленки. Я знаю, как Джейн воспитывала тебя. Истинная скромность, никакой фальшивой застенчивости.

— Не тот случай, тетя Хильда. Не сегодня.

— Нет, тот. Ты всегда была умницей, Дити. Женщины практичны, мужчины нет. Мы должны защищать их, делая вид, что мы хрупкие создания, чтобы не повредить их хрупкое эго. Впрочем, мне это никогда хорошо не удавалось — я слишком люблю играть со спичками.

— Тетя Хильда, тебе это *очень* хорошо удается, только ты делаешь все по-своему. Уверена, мама знает, что ты делаешь для папы, и она благословляет тебя и рада за папу. Рада за всех нас… за всех пятерых.

— Да ну тебя, Дити, я сейчас заплачу. Давай-ка займемся апельсиновым соком, наши мужчины могут проснуться в любой момент. Первый секрет успешной жизни с мужчиной — накорми его, едва он открыл глаза.

— Это я знаю.

— Конечно, ты знаешь. С того дня, как не стало Джейн. Знает ли Зебби, насколько ему повезло?

— Он говорит, что знает. И я постараюсь его не разочаровывать.

– V –
Джейк

Я медленно выбирался из дремотной эйфории, когда осознал, что лежу в постели в нашем домике, который моя дочь называет Тихой Гаванью — потом проснулся окончательно и уставился на соседнюю подушку — точнее, на вмятину в ней. Это был не сон! Значит, эйфория возникла не на пустом месте, а от самой лучшей из всех причин!

Хильды в поле зрения не было. Я закрыл глаза и притворился, что сплю, поскольку мне нужно было кое-что сделать.

«Джейн?» — позвал я мысленно.

«Я слышу тебя, мой дорогой. Я даю вам мое благословение. Теперь мы будем счастливы все вместе».

«Мы же не рассчитывали, что Дити будет киснуть в старых девах только для того, чтобы заботиться о своем старом вздорном отце. Этот молодой человек — он хорош, даже в энной степени хорош. Я это сразу почувствовал, и Хильда в нем уверена».

«Да, он хорош. Не волнуйся, Джейкоб. Наша Дити никогда не будет киснуть, а ты никогда не будешь старым. Именно так мы с Хильдой все и спланировали пять с лишним лет назад. Все было предрешено. Она ведь сказала тебе об этом прошлой ночью?».

«Да, дорогая».

«Встань, почисти зубы и не забудь быстро ополоснуться. Не возись долго, завтрак уже ждет. Позови меня, когда будет нужда. Целую».

И вот я встал, чувствуя себя маленьким мальчиком в рождественское утро: все было отлично, и Джейн все одобрила и заверила своей печатью. И, кстати, позволь мне заметить, мой несуществующий читатель, сидящий где-то там со снисходительной усмешкой на лице — не будь таким самодовольным. Джейн более реальна, чем ты.

Дух прекрасной женщины нельзя закодировать нуклеиновыми кислотами, свернутыми в двойную спираль. Так может думать только заучившийся болван. Я мог бы доказать это строго математически, если бы математика умела что-то доказывать. Но у математики нет никакого внутреннего содержания. Она мало к чему пригодна. В лучшем случае она — очень редко —

помогает описывать некоторые аспекты нашей так называемой физической вселенной.

Но это случайный бонус; большинство разделов математики так же бессмысленны, как шахматы.

Я не знаю *никаких* окончательных ответов. Я — универсальный механик и неплохой математик… но любая из этих специальностей бесполезна, когда пытаешься постичь непостижимое.

Некоторые люди ходят в церковь, чтобы поговорить с Богом, кем бы Он ни был. Когда меня что-то гложет, я общаюсь с Джейн. Я не слышу «голосов», но ответы, что приходят ко мне, для меня столь же бесспорны, как речи любого римского папы *ex cathedra*. Если, по-вашему, это богохульство, то пусть оно так и будет, я останусь при своем. Джейн всегда была, есть и будет, во веки веков, аминь. Мне выпал бесценный дар прожить с ней восемнадцать лет, и никакая сила ее у меня не отнимет.

Хильды в ванной не было, но моя зубная щетка оказалась влажной. Я улыбнулся, осознав это. Логично, поскольку все микробы, которые я носил в себе, за эту ночь перекочевали к Хильде — а Хильда, несмотря на свою легкомысленную

игривость, невероятно практична. Она встречает опасность лицом и не трепещет — как вчера вечером, — но может сказать Gesundheit[25] проснувшемуся вулкану, убегая от потока лавы. Джейн столь же храбра, но в такой ситуации обошлась бы без шуточек. Они похожи друг на друга, разве что в… нет, и даже в этом они не похожи. Разные, но равные. Пусть будет так: судьба благословила меня браком с двумя превосходными женщинами… и дочерью, отец которой считает, что она идеальна.

Я принял душ, побрился и почистил зубы за девять минут, а затем оделся за девять секунд. Просто обернул вокруг талии саронг из махровой ткани, который мне купила Дити — день обещал быть жарким. Эта набедренная повязка была уступкой приличиям, поскольку я недостаточно хорошо знал моего новоиспеченного зятя, чтобы сразу явиться к нему в своем обычном небрежном виде. Возможно, это могло бы оскорбить Дити.

Я явился к столу последним и обнаружил, что все пришли к тому же решению, что и я. Дити носила то, что можно было назвать би-

---

[25] Сноски: 25
Будьте здоровы (*нем.*).

кини-минимум — непристойно «пристойная» штука, — а моя невеста красовалась в одеянии из шнурков из коллекции моей дочери. Шнурки эти были явно ей велики, поскольку Хильда крошечная, а вот Дити — нет. Полностью одетым оказался один Зеб: он был в моих старых рабочих шортах и изношенной джинсовой рубашке, конфискованной Дити. И в своих вечерних туфлях. В таком виде он бы не выделялся на улице любого городка американского Запада… если бы не одно обстоятельство: я сложен, точно груша, а Зеб — как Серый Ленсмен[26].

Шорты мои пришлись ему впору — немного болтались, — но рубашка у него на плечах трещала по швам. Видно было, что он чувствует себя в ней некомфортно.

Я постарался проявить радушие и гостеприимство — доброе утро всем, один поцелуй невесте, второй дочери, рукопожатие зятю; хорошая у него рука, мозолистая. После чего предложил:

— Зеб, сними рубашку. Жарко, а будет еще жарче. Расслабься. Это твой дом.

— Спасибо, папа, — и Зеб стянул с себя мою рубашку.

---

[26] Сноски: 26
Герой романов Э. «Дока» Смита, мускулистый супергерой.

Хильда тут же встала на свой стул, почти сравнявшись ростом с Зебом.

— Я всегда была ярой поборницей за права женщин, — объявила она, — и мое обручальное кольцо — это не кольцо у меня в носу, и, кстати, ты мне его так и не вручил, старый козел.

— А у меня было на это время? Ты получишь его, дорогая — при первой же возможности.

— Оправдания, одни оправдания! Не перебивай меня, когда я произношу речь. Раз коту масленица, то и мышки в пляс! Если вы, мужские шовинистические свиньи, можете одеваться с комфортом, то мы с Дити тоже имеем право! — и тут моя любимая женушка развязала верх своего бикини и швырнула его прочь с грацией стриптизерши.

— «Не пора ли нам подкрепиться! Что на завтрак? — спросил Пух», — процитировал я, возможно, не совсем точно.

Ответа я не получил. Вместо этого Дити в энный раз доказала, что я могу гордиться ею. Многие годы она советовалась со мной, хотя бы молча, взглядом, принимая «стратегические решения». Сейчас она посмотрела не на меня, а на своего мужа. Зеб изобразил Древнее Каменное Лицо, не выразив ни осуждения, ни одобрения. Дити,

глядя на него, затем еле заметно пожала плечами, а потом завела руку за спину, что-то там развязала или расстегнула и тоже сбросила верх своего бикини.

— Я спросил: «Что на завтрак»? — повторил я.

— Обжора, — ответила моя дочь. — Вы, мужчины, приняли душ, а мы с тетей Хильдой не имели шанса помыться, потому что боялись разбудить вас, лежебок.

— «Что на завтрак»?

— Тетя Хильда, за какие-то часы папа растерял все навыки, которые я ему прививала в течение пяти лет. Папа, все нужное лежит на столе, можно начинать готовить. Как насчет постоять у плиты, пока мы с Хильдой принимаем ванные?

Зеб поднялся с места:

— Я займусь этим, Дити, — сказал он. — Я много лет готовил себе завтраки.

— Придержи коней, дружок, — вмешалась моя невеста. — Сядь, Зебби. Дити, никогда не позволяй мужчине самому готовить завтрак — иначе он начнет задумываться, так ли уж ему нужна женщина. Если ты вовремя подаешь ему завтрак и не вступаешь в дискуссии до того, как он выпьет вторую чашку кофе, то остаток дня можешь творить все, что пожелаешь — тебе все сойдет

с рук. Подожди немного, и я тебя всему научу.

Моя дочь очень быстро вернулась в игру: повернувшись к мужу, она мягко проговорила:

— Что мой капитан желает на завтрак?

— Моя принцесса… я приму все, что предложат твои прекрасные руки.

И нам предложили — настолько быстро, насколько Дити могла лить масло на сковороду, а Хильда раскладывать по тарелкам — настоящее пиршество для гурманов, которое взбесило бы шеф-повара «Cordon Bleu», а на мой вкус было пищей богов. «Глазунья по-техасски» — высокая стопка тонких, нежных блинчиков, приготовленных по рецепту Джейн, увенчанная яичницей-глазуньей из одного яйца в окружении жареных сосисок; все это утопает в расплавленном сливочном масле и горячем кленовом сиропе; запивать это полагается большим стаканом апельсинового сока и большой кружкой кофе.

Зеб слопал две стопки блинов, и я понял, что у моей дочери будет счастливый брак.

– VI –
Хильда

Мы с Дити помыли посуду, а потом отправились в ее ванную комнату отмокать и сплетничать о наших мужьях. Мы хихикали и болтали с откровенностью женщин, которые доверяют друг другу и уверены, что никакой мужчина их не подслушает. Интересно, говорят ли мужчины так же открыто в похожих обстоятельствах? Из того, что я узнала во время полуночных бесед в горизонтальном положении, когда страсть утолена, мужчины таких разговоров не ведут. По крайней мере мужчины, что побывали у меня в постели. А между тем, «истинная леди» (какой была Джейн, какой является Дити, и какой могу притворяться я) может вести с другой «истинной леди», которой она доверяет, такие разговоры, от которых ее отец, муж или сын упали бы в обморок.

Так что лучше я пропущу наш разговор — эти записки могут попасть в руки одного из представителей слабого пола, и я не хочу, чтобы его смерть отягощала мою совесть.

Принадлежат ли мужчины и женщины к одной расе? Я знаю, что говорят биологи, однако в истории полно «ученых», которые делали заключения на основе поверхностных сведений. Мне представляется, мужчины и женщины, скорее, симбионты. Моими устами говорит вовсе не невежество; мне одного триместра не хватило до степени бакалавра по биологии, и я была отличницей, когда один «биологический эксперимент» завершился скандалом и вынудил меня бросить обучение.

Не то чтобы мне была нужна эта степень — у меня ванная обклеена почетными степенями, в основном докторскими. Говорят, будто есть такие вещи, которые ни одна шлюха не станет делать за деньги, но таких вещей, на которые не пошел бы ректор университета, чтобы заткнуть дыру в бюджете, я пока еще не встречала. Секрет в том, чтобы никогда не обещать постоянного финансирования и жертвовать деньги только в моменты самой острой необходимости, не больше одного раза в учебный год. Действуя таким образом, вы не только приберете к рукам весь кампус, даже городские копы быстро поймут, что связываться с вами — пустая трата времени. Университет всегда отстаивает своих платеже-

способных членов-корреспондентов; это главный секрет успеха в академической среде.

Про$тите мне это от$тупление, мы ведь говорили о мужчинах и женщинах. Я всегда готова защищать права женщин, но никогда не верила в чепуху о равенстве полов. Равенство меня не привлекает. Я хочу быть настолько неравна, насколько это возможно, со всеми привилегиями и бонусами, которые несет с собой принадлежность к верховному полу. Если мужчина не придержит мне дверь, я отведу глаза и наступлю ему на ногу. Я ни секунды не буду завидовать мужчинам по поводу их естественных преимуществ, пока они будут уважать мои. Я вовсе не хочу быть несчастным псевдомужиком, я *женщина*, и мне нравится ею быть.

Я позаимствовала косметику у Дити, все равно она ей редко пользуется, но духи были у меня в сумочке, так что я нанесла их на все двадцать две классические точки. Дити использует только базовый афродизиак: мыло и воду. Надушить ее — все равно что позолотить лилию: выходя из горячей ванны, она благоухает точно целый гарем. Если бы у меня был ее натуральный аромат, я могла бы за все эти годы сэкономить тысяч десять нью-долларов на духах и кучу часов на

нанесение пахучих меток тут и там.

Она предложила мне свое платье, но я сказала, чтобы она не глупила — любое ее платье будет смотреться на мне как палатка.

— Мы добились от наших мужчин права ходить практически голыми, и нам нужно держаться завоеванных позиций. При первой же возможности мы и штанишки скинем, все четверо, и нам для этого даже не понадобится детская игра в карты на раздевание. Дити, я хочу, чтобы мы были настоящей семьей и не стеснялись друг друга. Так, чтобы голый вид не означал готовность к сексу, а просто говорил, что мы дома, *en famille*[27]. Никогда не говори мужчине того, что ему не нужно знать, лучше соврать ему в лицо, чем ранить его чувства или уязвить его гордость.

— Тетя Козочка, я тебя обожаю, — ответила она.

Болтая, мы вышли из ванны и отправились на поиски мужчин. Дити сказала, что они наверняка сидят в подвале:

— Тетя Хильда, я не хожу туда без приглашения. Это папина *sanctum sanctorum*[28].

---

[27] Сноски: 27

En famille — в кругу семьи (*фр.*). — *Прим. С. В. Голд.*

[28] Сноски: 28

Sanctum sanctorum — святая святых (*лат.*). — *Прим. С. В. Голд.*

— Ты советуешь мне не совершать *faux pas*[29]?

— Я его дочь, а ты его жена. Это не одно и то же.

— Ну… он не говорил мне, что я не должна — а сегодня, думаю, он мне все простит. Где вы спрятали лестницу?

— Вон за тем книжным шкафом. Он отъезжает в сторону.

— Вот черт! Для так называемого «домика» это место слишком напичкано сюрпризами. Биде в каждой ванной меня не удивили, наверняка это Джейн настояла. Холодильник, в который можно войти, поразил меня только размерами — такой под стать ресторану. Но потайной ход за книжным шкафом — это, как говорила моя двоюродная бабушка Нетти, «Ну уж, знаете!».

— Ты должна увидеть наш канализационный отстойник… нет, уже твой.

— Я видела канализационные отстойники. Мерзкие штуковины, их всегда требуется выкачивать в самый неудобный момент.

— Этот выкачивать не приходится. Глубина более трех сотен метров. Тысяча футов.

— Но ради всего… *зачем*?

---

[29] Сноски: 29

Faux pas — бестактность (*фр.*). — *Прим. С. В. Голд.*

— Это заброшенный ствол шахты, расположенной прямо под нами, ее выкопал какой-то оптимист лет сто назад. Это была здоровенная дыра, она пропадала впустую, и папа ее использовал. А выше в горах есть источник. Папа его расчистил, упрятал в трубы под землей, и теперь у нас сколько хочешь чистой воды под давлением. Остальная часть Уютной Гавани в основном спроектирована по каталогам сборных домиков, огнеупорных, прочных и хорошо изолированных. У нас есть… и у тебя тоже… вот этот большой камин и маленькие в спальнях, но они не нужны, разве что иногда для уюта. Радиаторы здесь такие, что можно ходить голышом, когда снаружи снежная буря.

— А откуда вы берете энергию? Из ближайшего городка?

— О нет. Уютная Гавань — секретное укрытие, никто, кроме меня и папы — ну и теперь вы с Зебадией, — не знает, что оно тут. Сменные энергоблоки и преобразователь спрятаны за задней стенкой гаража. Мы сами привозим энергоблоки и увозим тоже сами, когда они разрядятся. Частным образом. И да, договор аренды на землю похоронен в компьютере в Вашингтоне или Денвере, и только федеральные рейнджеры

о нем знают. Но нас они вообще не видят, если мы первыми их увидели или услышали. Как правило, они сюда не заглядывают. Один приезжал на лошади. Папа угостил его пивом снаружи, под деревьями, а снаружи это просто сборный домик, гостиная и две спальни. И ничто не говорит, что главная его часть скрывается под землей.

— Дити, я начинаю думать, что это место — этот ваш «загородный домик» — стоит больше, чем мой таунхаус.

— Ну, может быть.

— Какое разочарование. Видишь ли, сладкая моя, я вышла за твоего папу, поскольку люблю его и хочу заботиться о нем, как обещала Джейн. И я наивно полагала, что моим свадебным подарком жениху будет гора золота, равная его весу, чтобы моему дорогому муженьку никогда больше не пришлось работать.

— Не расстраивайся, тетя Хильда. Папе нужно работать, такова его природа. Моя тоже. Нам необходимо работать, без этого мы места себе не находим.

— Ну… ладно. Но ведь работать только тогда, когда этого хочется — это же лучшее развлечение?

— Верно!

— Вот это я и хотела подарить Джейкобу. Но

теперь я не понимаю вот чего: Джейн не была богатой, она жила на стипендию. У Джейкоба не было денег — он тогда был аспирантом, ему оставалось несколько месяцев до защиты. Дити, костюм, в котором он пришел на свадьбу, выглядел поношенным. Я знаю, что все потом изменилось, он очень быстро стал профессором. И думала, что причина в профессорском окладе и хорошем руководстве Джейн.

— Да, так и было.

— Но это не объясняет *ничего*. Прости меня, Дити, но Университет Юты не платит преподавателям на уровне Гарварда.

— У папы было много предложений. Но нам нравился Логан. И город, и то, как цивилизованно ведут себя мормоны. Но… тетя Хильда, я должна тебя кое-что сказать.

Девочка выглядела обеспокоенной. Я сказала:

— Дити, если Джейкоб захочет, чтобы я знала что-то, он сам мне обо всем сообщит.

— О, он не сообщит, а я должна!

– *Нет*, Дити!

— Послушай, пожалуйста! Когда я сказала Зебу «согласна», я ушла с должности папиного менеджера. Когда ты сказала ему «согласна», то эта ноша упала на твои плечи. Все должно быть

именно так, тетя Хильда. Папа не будет этим заниматься, у него куча других вещей, о которых он должен думать, потому что он гений. Много лет всем этим занималась мама, потом пришлось научиться мне, а теперь это твоя работа. Поскольку это нельзя отдать на откуп. Ты разбираешься в бухгалтерском учете?

— Ну, я *представляю* себе, что это такое, я прошла курсы. Бухгалтерию надо знать, иначе правительство с тебя шкуру живьем снимет. Но я ей *не занимаюсь*, у меня для этого есть бухгалтеры… и грамотные юристы, чтобы все находилось в рамках закона.

— А ты не любишь выходить за рамки закона? Например, по части налогов?

— Что? Небеса, нет! Но Язва хочет находиться за рамками тюрьмы — мне не нравится казенная диета.

— Ты всегда будешь за пределами тюрьмы. Не беспокойся, тетя Хильда, я научу тебя вести такой двойной учет, который не проходят на курсах. *По-настоящему* двойной. Один набор данных для сборщиков налогов, и другой — для тебя и папы.

— Вот этот второй набор меня и беспокоит. Именно он и отправит меня за решетку. Прогулки на свежем воздухе каждую вторую среду.

— Не-а. Второй набор не на бумаге, он в компьютере кампуса в Логане…

— Еще хуже!

— Ну тетя Хильда, *пожалуйста*! Конечно, мой код доступа остается в компьютере. Конечно, налоговый инспектор может добыть судебный ордер и получить этот код. Но это ему ничем не поможет. Компьютер выдаст ему первый набор данных, а второй тут же уничтожит без следа. Неудобно, но не катастрофично. Тетя Хиллбилли, в чем другом я, может, и не чемпионка, но программист я один из лучших. И я буду рядом до тех пор, пока ты не освоишься.

А теперь о том, как папа разбогател. Все время, что он преподавал, он также изобретал разные устройства — совершенно автоматически, как наседка откладывает яйца. Усовершенствованный консервный нож. Система полива газонов, которая работает лучше, стоит дешевле и тратит меньше воды. Множество подобных вещей. Но ни на одной из них нет его имени, а авторские капают на наш счет обходными путями.

Но мы вовсе не паразиты. Каждый год мы с папой изучаем федеральный бюджет и решаем, что в нем полезно, а что — просто трата денег, придуманная толстожопыми бездельниками

и любителями попилить бюджет. Даже до того, как умерла мама, мы платили *больше* подоходного налога, чем вся папина зарплата, и все годы, что я вела учет, мы платили больше положенного. Чтобы управлять этой страной, *на самом деле* нужна куча денег. Мы не ворчим, когда доллары уходят на дороги, здравоохранение, национальную оборону и прочие важные вещи. Но мы не платим паразитам, если их обнаруживаем.

Теперь это твоя работа, тетя Хильда. Если ты решишь, что все это нечестно или рискованно, я могу сделать так, что компьютер сделает все счета легальными и при этом никто не заметит подлога. Это может занять года три, и папе придется платить куда больше, но теперь *ты* отвечаешь за него.

— Дити, выражайся прилично!

— Я даже не сказала «черт»!

— Ты намекнула, что я *добровольно* отдам этим клоунам из Вашингтона все, что они пытаются выжать из нас. Я бы не кормила столько бухгалтеров и юристов, если бы не была уверена, что нас откровенно грабят. Дити, как насчет того, чтобы поработать менеджером для всех нас?

— Нет, мэм! Я отвечаю за Зебадию. И у меня есть свои собственные интересы. Мама не была

такой бедной, как ты думала. Когда я была еще девчонкой, она получила часть фонда, который учредила ее бабушка. Она и папа постепенно перевели эти деньги на мое имя, что позволило избежать налогов на наследство и имущество; все законно, как воскресная школа. Когда мне исполнилось восемнадцать, я превратила все в наличность, а потом заставила ее исчезнуть. Ну а кроме того, я платила себе обалденную зарплату как папиному менеджеру. Я не столь богата, как ты, тетя Хильда, и определенно не столь богата, как папа. Но я и не бедна.

— Зебби, возможно, богаче всех нас.

— Я помню, ты говорила вчера, что он парень с деньгами, но я не обратила внимания, поскольку уже решила выйти за него замуж. Но когда я увидела, какая у него машина, я поняла, что ты не шутишь. Не то чтобы это имело значение… Хотя нет, это *имело* значение — мы же остались в живых только потому, что Зебадия такой смелый, а «Гэй Обманщица» такая крутая машинка.

— Дорогая, боюсь, ты никогда не узнаешь, сколько у Зебби денег. Некоторые люди не позволяют своей левой руке знать, что делает правая. Зебби не позволяет большому пальцу знать, чем заняты остальные.

Дити пожала плечами:

— Мне все равно. Он добрый и нежный, он герой из книги, который спас мою жизнь, и папину, и твою… Давай найдем наших мужчин, тетя Козочка, и я рискну заглянуть в папину святая святых, если ты пойдешь первой.

— И как убрать этот книжный шкаф?

— Включи свет в алькове, потом холодную воду в раковине. Потом выключи свет и выключи воду. Именно в таком порядке.

— «Все страньше и страньше, — сказала Алиса».

Книжный шкаф закрылся за нами, обернувшись с другой стороны дверью с круглой ручкой. Дверь выходила на верхнюю площадку. Вниз вела широкая винтовая лестница с перилами по обе стороны. Ее ступени были невысокими, достаточно широкими и не скользкими — в общем, она совсем не походила на обычную лестницу в подвал, на которой только ноги ломать. Дити шла за мной и держала меня за руку, точно испуганный ребенок.

Помещение было светлым, с хорошей вентиляцией, совсем не похожее на подвал. Наши мужья были у дальней стены, они склонялись над столом и, по всей видимости, нашего появления

не заметили. Оглядевшись в поисках машины времени, я ничего похожего не увидела — по крайней мере, в стиле шоу Джорджа Пала или читанных мной книг. Вокруг было полно всякой техники. Сверлильный станок выглядел вполне обычно, токарный тоже, все остальное было мне незнакомо, но напоминало оборудование ремонтной мастерской.

Мой муж наконец заметил нас, выпрямился и сказал:

— Добро пожаловать, дамы!

Зебби повернул голову и строго сказал:

— Опаздываете на урок! Занимайте места, никакой болтовни на лекции. Делайте заметки, завтра в восемь утра контрольная. Если у вас появятся вопросы, поднимайте руку и ждите, когда вас вызовут. Нарушители дисциплины останутся после уроков и будут мыть классную доску.

Дити показала ему язык и молча села за стол.

Я же погладила его по ежику на макушке и прошептала пару непристойностей ему на ушко. Затем поцеловала мужа и тоже села.

Мой муж обратился к Зебби, возобновляя разговор:

— Так я потерял еще несколько гироскопов.

Я подняла руку.

— Да, Хильда, дорогая? — сказал мой муж.

— В «Monkey Ward» продают отличные «гиро топс»[30] — я куплю тебе сразу сто штук.

— Спасибо, дражайшая моя, но они не того сорта. Мои делают «Sperry Division», филиал «General Foods».

— Тогда я куплю их у «Sperry».

— Язва, — вмешался Зеб, — похоже, ты хочешь вымыть и доску, и губки для мела.

— Минутку, сынок. Хильда может быть идеальным человеком для того, чтобы проверить, можно ли кому-то объяснить теорию, что я пытаюсь донести до тебя. Ведь эту концепцию невозможно изложить без уравнений, которые использовал твой кузен Зебулон. И хотя она основана на математике, которая, как ты утверждаешь, тебе незнакома…

— Так и есть.

— …ее физическую интерпретацию ты, похоже, вполне уяснил. Объяснишь концепцию Хильде? Если она поймет, то, наверное, мы сможем так

---

[30] Сноски: 30

Язва опять изображает дурочку: вместо «gyroscope» предлагает Джейку «gyro tops» — популярные в 70-х греческие сэндвичи из жареного перченого мяса с салатом на лепешке пита. У нас они более известны под названием «шаурма» или «донер кебаб». Джейк подхватывает шутку и называет «Сперри» филиалом пищевой корпорации «Дженерал Фудс». — *Прим. С. В. Голд.*

спроектировать континуумоход, что им сможет управлять человек без технического образования.

— Конечно, — язвительно сказала я, — бедная маленькая Хильда, мозги-с-кулачок. Ей не нужно понимать, куда бегут электрончики, чтобы пялиться в теле- и головизор — она просто умеет тыкать в кнопочки. Давай, Зебби, задави меня интеллектом, я жду.

— Я попробую, — согласился он. — Но Язва, не болтай, и пусть твои комментарии будут только по теме. Иначе я попрошу папу тебя побить.

— Он не посмеет…

— Правда? Я собираюсь подарить ему хлыст на вашу свадьбу… помимо «Weird Tales», Джейк, их ты получишь тоже. Но хлыст тебе необходим. Теперь внимание, Язва.

— Да, Зебби. И тебе того же вдвойне.

— Ты знаешь, что такое «прецессия»?

— Определенно. Прецессия равноденствий[31]. Означает, что Вега будет Полярной звездой, когда

---

[31] Сноски: 31

Praecessio aequinoctiorum — по-русски это явление называется «предварение равноденствий», циклическое (с периодом 25 800 лет) смещение точек весеннего и осеннего равноденствия в пределах звездного года. Поскольку наш календарь привязан не к звездному году, а к моментам равноденствия, мы замечаем это смещение только по положению звездного неба. — *Прим. С. В. Голд.*

я стану прабабушкой. Тридцать тысяч лет или около того.

— По существу правильно. Но ты пока еще даже не мать.

— Ты же не знаешь, что случилось прошлой ночью. Теперь я будущая мама. Джейкоб не посмеет пустить в ход твой хлыст.

Мой муж явно удивился, но, похоже, обрадовался — и я почувствовала облегчение. Зебби посмотрел на свою жену. Дити торжественно произнесла:

— Это вполне возможно, Зебадия. Никто из нас не предохранялся, и каждая близка к овуляции. У Хильды третья группа крови, резус положительный, а у моего отца четвертая группа, резус положительный. У меня вторая, резус положительный. Могу я поинтересоваться вашей, сэр?

— Первая, положительный. У… да я мог подстрелить тебя первым же залпом.

— Весьма вероятно. Но… ты это одобряешь?

— Одобряю! — Зебби вскочил, опрокинув стул. — Принцесса, ты не могла сделать меня счастливее! Джейк! Это требуется отметить!

Мой муж прекратил целовать меня.

— Несомненно! Дочь, у нас есть охлажденное шампанское?

— Да, папа.

— Погодите, — сказала я. — Давайте не будем сходить с ума из-за обычной биологической функции. Мы с Дити пока *не знаем*, понесли мы или еще нет. Мы лишь надеемся на это. И…

— Ну, так мы попробуем снова, — перебил меня Зебби. — Что там у вас с циклом?

— Двадцать восемь с половиной дней, Зебадия. Мой ритм стабилен как маятник.

— Мой — двадцать семь. Мы с Дити просто случайно совпали по фазе. Но я хотела бы поднять тост за обедом, а потом устроить гавайскую вечеринку на улице. Потом долго не удастся погулять. Дити, у тебя бывает тошнота по утрам?

— Не знаю. Я еще не была беременной.

— Я была, и у меня бывает, и это ужасно. Тогда я потеряла ребенка, хотя изо всех сил пыталась сохранить. Но этого я не потеряю! Свежий воздух, правильные упражнения, аккуратная диета и никакого алкоголя, разве что немножко шампанского сегодня вечером, а потом ни капли. А тем временем… если вы заметили, дорогие профессора, наши занятия еще не закончились. Я хочу знать все о машинах времени и не уверена, что пойму, если шампанское зашумит у меня в голове…

— Язва, временами ты меня поражаешь.

— Зебби, временами я сама себя поражаю. Поскольку мой муж делает машины времени, я хочу знать, что заставляет их тикать. Или, по меньшей мере, на какие кнопочки надо нажимать. А то вдруг его укусит Бармаглот, и тогда мне придется везти раненого супруга домой. Так что продолжай свою лекцию.

— Я буду читать громко и отчетливо.

Но мы потратили впустую — впустую? — несколько минут, потому что все принялись целоваться друг с другом. Даже мой муж и Зебби похлопали друг друга по спине и поцеловались в щеки в латинском стиле.

Занятие продолжилось.

— Язва, можешь ты объяснить прецессию у гироскопов?

— Ну, может быть. Когда-то я сдавала физику за первый курс, но это было давно. Толкните гироскоп, и он не двинется в том направлении, в котором вы ожидаете, а под углом в девяносто градусов к линии толчка, энергия которого поглощается вращением. Вроде этого… — я выставила указательный палец, точно мальчишка, изображающий пистолет: бах, ты убит! — Мой большой палец — ось вращения, указательный — направ-

ление толчка, остальные показывают вращение.

— Молодец, садись на первую парту, к отличникам. Теперь — подумай хорошенько! — предположим, что мы поместили гироскоп в рамку, а затем приложили одинаковые усилия *по каждой из трех* пространственных координат одновременно. Что будет с гироскопом?

Я попыталась это представить.

— Я думаю, он либо упадет в обморок, либо остановится.

— В качестве рабочей гипотезы неплохо. Но если верить Джейку, он исчезнет.

— Они *действительно* исчезают, тетя Хильда. Я сама это видела, несколько раз.

— Но куда они деваются?

— Я не способна понять вычисления Джейка, его преобразования мне приходится принимать без доказательств. Но все базируется на шести пространственно-временных координатах; три обычных пространственных, которые мы знаем: они обозначаются «x», «y» и «z»[32]; и три временных: одна обозначается нашей «ти» — «t», другая буквой греческого алфавита «тау» — «τ», а третья

---

[32] Сноски: 32

Далее в тексте привычные обозначения осей «x», «y» и «z» заменяют «L», «W» и «H» (от слов Length, Width и High — длина, ширина и высота). — *Прим. С. В. Голд.*

буквой кириллицы «тэ» — «Т».

— Похоже на «m» с тильдой сверху.

— Да, так и есть, но это у русских вместо нашего «ти».

— Нет, у русских вместо нашего «ти[33]» «chai». В толстых стаканах с клубничным вареньем.

— Прекрати, Язва. Итак, у нас есть «x», «y» и «z», «t», «тау» и «тэ». Всего шесть измерений. Теория основывается на том, что все эти оси находятся под прямым углом друг к другу и что любую из них можно заменить на любую другую с помощью вращения… или что можно задать новую ось координат, не седьмую, а способную заменить одну из шести, посредством перемещения… скажем, заменить «тау» на «тау-прим», переместившись по оси x.

— Зебби, я думаю, что отрубилась еще четыре координаты назад.

— Покажи ей тривол[34], Зеб, — посоветовал мой муж.

— Хорошая идея, — Зеб взял у Джейка какую-то штучку и поставил на стол передо мной: она

---

[33] Сноски: 33

Слово «ти» (tea) на английском означает «чай». — *Прим. С. В. Голд.*

[34] Сноски: 34

«*Калтроп*», он же «тривол», «чеснок» или «макибиси» японских ниндзя, конструкция из четырех равноотстоящих шипов. — *Прим. С. В. Голд.*

напоминала игрушку, что была у меня в детстве, только у этой вместо шести шипов имелось четыре: три касались стола, образуя треногу, четвертый смотрел прямо вверх.

— Это оружие, — сказал Зеб, — изобретенное много веков назад. Концы должны быть острыми, тут они сточены, — он подкинул «ежика», и тот снова упал на стол. — Как бы оно ни упало, одна колючка всегда направлена вверх. Разбросай их на пути атакующей кавалерии, и лошадям это вряд ли понравится. В Первую и Вторую мировые их снова использовали — против всего, что ездит на надувных шинах — велосипедов, мотоциклов, грузовиков и тому подобного. Если сделать их достаточно большими, то они способны повредить танки и другие гусеничные машины. Для партизанской войны подходят маленькие, вырезанные из колючих кустов — обычно они бывают отравленные и довольно опасные.

Но сейчас эта смертоносная игрушка — всего лишь геометрическая проекция, изображение координат четырехмерного пространственно-временного континуума. Каждый шип находится под углом девяносто градусов к любому другому.

— Вовсе нет, — возразила я, — эти углы больше прямых.

— Я же сказал, что это *проекция*, Язва, это изометрическое представление четырехмерного пространства в трехмерном. Это искажает углы, ну а возможности человеческого глаза ограничены. Закрой один глаз и посиди тихо, и ты увидишь только два измерения. Иллюзия глубины — это результат работы мозга.

— Я не особенно хороша в «сидении тихо».

— Да, чего нет, того нет, — согласился мой муженек, которого я нежно люблю, но в этот момент готова была придушить.

— Но я могу закрыть глаза и *ощутить* три измерения своими руками.

— Хороший подход. Тогда закрой глаза, возьми эту штуку и представь, что шипы — это четыре направления в четырехмерном пространстве. Тебе что-нибудь говорит слово «тессеракт»[35]?

— Мой учитель геометрии в школе показывал нам, как их делать — то есть их проекции, — используя модельный воск и зубочистки. Это было прикольно. Я нашла другие четырехмерные фигуры, которые было легко проецировать. И разные методы проекций.

— Язва, у тебя был незаурядный учитель гео-

---

[35] Сноски: 35

Тессеракт — четырехмерный куб. — *Прим. С. В. Голд.*

метрии.

— И он вел незаурядный курс геометрии. Не падай в обморок, Зебби, но я училась с теми, кого называли «опережающими учебный план» после того, как стало «недемократичным» называть их «особо одаренными».

— Вот черт! Почему же ты вечно изображаешь из себя дурочку?

— А почему ты судишь обо всем поверхностно, молодой человек? Когда не смеешь плакать, остается только смеяться. Это безумный мир и единственный способ получать от него удовольствие — относиться к нему как к шутке. Но это вовсе не значит, что я ничего не читаю и не умею думать. Я прочитала все от Элоизы Джиблетт[36] до Фреда Хойла, от Поля Сартра до Лайнуса Полинга. Я читаю в ванной, я читаю в туалете, я читаю в кровати, я читаю, когда ем в одиночестве, и я бы читала во сне, если бы умела спать с открытыми глазами.

— О'кей. Я прошу прощения. Профессор, мы можем ускорить наш семинар, мы недооценили нашу опережающую учебный план студентку.

---

[36] Сноски: 36

В оригинале просто «Джиблетт», но это, скорее всего, *Э. Джиблетт* (1921–2009), выдающаяся ученый-генетик и гематолог. Хайнлайн изучал гематологию и не мог бы пропустить ее имя. — *Прим. С. В. Голд.*

Хильда — это сплошной интеллект!

— Зебби, может, поцелуемся и заключим мир?

— Занятие еще не закончено.

— Зебадия, для этого всегда найдется время. Правда, папа?

— Поцелуй ее, сынок, или она будет дуться.

— Я не дуюсь, я кусаюсь.

— И к тому же она просто милашка, — сказал Зебби, после чего сграбастал меня за плечи, подтащил к себе через стол и крепко поцеловал. Потом он резко отпустил меня и продолжил: — Внимание, класс. Два шипа макета, окрашенные в синий цвет, изображают трехмерный мир нашего опыта. Третий, окрашенный в желтый — привычное на t-время. Четвертый, красный, изображает одновременно тау-время и тэ-время, неисследованные временные измерения, необходимые для теории Джейка.

Язва, мы ужали шесть измерений в четыре, и теперь мы либо работаем с ними как с аналогией шести, либо нам придется использовать математику, которую никто не понимает, кроме Джейка или моего брата Эда. Если, конечно, ты не сможешь придумать какой-нибудь способ спроецировать шесть измерений в три — ты, похоже, отлично разбираешься во всяких проекциях.

Я закрыла глаза и хорошенько поразмыслила.

— Зебби, я не думаю, что такое можно проделать. Может быть, Эшер[37] сумел бы с этим справиться.

— Это можно сделать, дражайшая моя, — сказал мой дражайший, — но весьма неудовлетворительным образом. Даже на дисплее, при наличии компьютера такой мощности, что он способен будет схлопнуть одно или несколько измерений одновременно. У супергипертессеракта — *а* в шестой степени — слишком много граней, углов, сторон, плоскостей и гиперплоскостей, чтобы их можно было охватить глазом. Заставь компьютер схлопнуть измерения, и останется то, что ты уже знаешь. Я боюсь, что это врожденный порок визуальных концепций в человеческом мозге.

— Думаю, папа прав, — согласилась Дити. — Я долго поработала над такой программой. Я не думаю, что сам доктор Марвин Мински[38] смог бы лучше показать все в плоской проекции. Головидение? Я не знаю. Я бы попыталась, окажись

---

[37] Сноски: 37

Маурицц Эшер (1898–1972) — нидерландский художник, работы которого отличаются причудливыми пространственными искажениями. — *Прим. С. В. Голд.*

[38] Сноски: 38

Марвин Мински (1927–2016) — американский ученый, занимавшийся созданием искусственного интеллекта. — *Прим. С. В. Голд.*

у меня в руках компьютер с голодисплеем и умением добавлять, схлапывать и вращать шесть координат.

— Но почему измерений шесть? — спросила я. — Почему не пять? Или даже четыре, раз вы говорите, что они замещают друг друга при вращении.

— Джейк? — спросил Зеб.

Мой дорогой выглядел озадаченным.

— Меня беспокоит то, что пространственно-временной континуум, по-видимому, требует три пространственных измерения, но только одно временное. Конечно, Вселенная есть то, что она есть, но мы видим в природе множество проявлений симметрии. И даже после опровержения принципа четности[39] ученые продолжают обнаруживать новые. Философы истово преданы симметрии, но я не беру в расчет философов.

— И не надо, — согласился Зеб. — Никакой философ не позволит, чтобы его мнению мешали

---

[39] Сноски: 39

Принцип четности (симметрии физических величин) означает, что при смене знака какой-то величины в физическом уравнении оно по-прежнему будет описывать реальный мир. Принцип проявляется в самых разных сферах: пространственная четность — инверсия пространства при смене направлений координат, временная — смена направления потока времени, зарядовая — при смене знака заряда частицы на противоположный и т. п. Нарушение принципа четности было экспериментально подтверждено в 1956 г. — *Прим. С. В. Голд.*

какие-то там факты. Случись такое, его с позором изгонят из собственной гильдии. Большинство из них — просто упертые теологи.

— Я согласен. Хильда, дорогая, когда я сумел поставить эксперимент, он показал существование шести измерений. Возможно их больше, но я не знаю, как до них добраться.

— Давай посмотрим, — сказала я. — Насколько я поняла, любое измерение можно заменить на другое.

— Да, поворотом на девяносто градусов.

— То есть из шести измерений мы можем создавать наборы по четыре штуки. Сколько их всего?

— Пятнадцать, — ответил Зебби[40].

— Ничего себе! Целых пятнадцать вселенных? И мы используем только одну?

— Нет, нет, моя дорогая! Столько дадут вращения на девяносто градусов в евклидовой вселенной. Но наша вселенная или вселенные не являются евклидовыми, это известно с 1919 года… или с 1886-го, если угодно. Допускаю, что космология — несовершенная дисциплина, и тем не менее, по соображениям, которые я не могу

---

[40] Сноски: 40

Формула числа сочетаний по k элементов из n возможных $C^k_n = n!/(n-k)! * k!$ — похоже, Зеб прибедняется насчет своих познаний в математике. — *Прим. С. В. Голд.*

сформулировать без применения математических формул, я вынужден предполагать, что наше пространство искривлено с положительным радиусом кривизны, иными словами — оно замкнуто. Поэтому количество вселенных, до которых мы можем добраться либо с помощью вращения, либо с помощью перемещения по одной из осей, значительно больше. Это число…

И тут мой муж быстро написал три шестерки.

— Шесть шесть шесть, — удивленно сказала я. — Число Зверя.

— Что? А! Откровение Иоанна Богослова. Нет, я слишком небрежно написал. Ты подумала, что это «666», но я хотел написать вот это: ((6)^{6}) ^{6}. Шесть в шестой степени и результат тоже возводится в шестую степень. Получается вот такое число: 1,03144x10^{28}, или, если полностью, то 10,314,424,798,490,535,546,171,949,056. Иными словами, у нас этих вселенных более десяти миллионов секстиллионов.

Да, вот уж откровение!

Пока я его переживала, Джейк продолжал:

— Эти вселенные — наши ближайшие соседи, к ним ведет одно вращение или одно перемещение. Но если включить комбинации вращения и перемещения — представь гиперплоскость,

проходящую через супергиперконтинуумы в стороне точки «здесь и сейчас», то результат становится неисчислимым. Это не бесконечность, поскольку у бесконечности нет смысла. Это то, что невозможно сосчитать. Число, которое не может быть субъектом манипуляций той математики, которую мы знаем на данный момент. Все эти вселенные достижимы с помощью континуумохода, но нам неизвестен способ их подсчитать.

— Папа…

— Да, Дити?

— Возможно, тетя Хильда была права. Хоть ты и агностик, ты хранишь Библию, потому что для тебя это история, поэзия и миф.

— Кто сказал, что я агностик, дочь моя?

— Простите, сэр. Я пришла к такому выводу, потому что ты никогда не желал говорить на эти темы. Моя ошибка. Отсутствие данных не может оправдать неверного умозаключения. Но это ключевое число — одна целая три тысячи сто сорок четыре стотысячных на десять в двадцать восьмой степени — возможно, это и есть «Число Зверя».

— Что ты имеешь в виду, Дити?

— Что «Откровение» не просто история, не про-

сто хорошая поэзия и даже не миф. Должна быть какая-то причина, чтобы большое количество ученых мужей включили «Откровение» в состав Библии, выкинув несколько десятков евангелий. Почему бы не использовать бритву Оккама и не принять за рабочую гипотезу, что «Откровение» нужно читать именно так, как оно написано. Как пророчество.

— Хм-м. На полке под лестницей, рядом с Шекспиром. Библия короля Якова. Остальные три не надо.

Дити вернулась через минуту с книгой в черном, изрядно потрепанном переплете — что очень меня удивило. Я читаю Библию, у меня есть на это причины, но я никогда бы не подумала, что Джейкоб способен на такое. Браки всегда заключаются между двумя незнакомцами.

— Вот, — сказала Дити. — Глава тринадцатая, стих восемнадцатый. «Здесь мудрость. Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это число человеческое; число его — шестьсот шестьдесят шесть»[41].

— Это нельзя прочесть как возведение в степень, Дити.

---

[41] Сноски: 41
Здесь и далее — синодальный перевод.

— Но это *перевод*, папа. Разве оригинал не был на греческом? Я не помню, когда придумали записывать показатели степени, но греческие математики того времени возводить в степень определенно умели. Предположим, что оригинальный текст гласил: «дзета, дзета, дзета!»[42], и схоласты, которые не были математиками, ошибочно перевели это как «шестьсот шестьдесят шесть».

— Это… домыслы, дочь.

— А кто учил меня, что мир не только более странный, чем мы представляем, но и более странный, чем мы *можем* представить? Кто уже показал мне две другие вселенные … и вернул меня целой и невредимой домой?

— Подожди чуток! — воскликнул Зебби. — Вы с папой уже испытывали машину пространства-времени?

— Разве папа тебе не говорил? Мы сделали одно минимальное перемещение. Все выглядело как обычно, будто мы никуда не смещались, и папа решил, что ничего не получилось. Но потом я попыталась найти один номер в телефонной книге. В ней не было буквы «J». Ни в ней, ни

---

[42] Сноски: 42

Шестая буква греческого алфавита, обозначавшая также цифру шесть.

в Британской энциклопедии. Ни в одном из словарей на этих полках. Так что мы быстро залезли обратно, и папа поставил верньеры на ноль, и мы вернулись обратно, и алфавит снова стал, каким должен быть, и меня перестало трясти. А вращение оказалось еще страшнее, мы едва не погибли. Прямо в космосе среди пылающих звезд… но воздух вытекал, и папа едва успел вернуть все в ноль, пока мы не потеряли сознание… и мы вернулись сюда, в Уютную Гавань.

— Джейк, — сказал Зебби очень серьезно, — в твоем устройстве должно быть больше контуров безопасности, в том числе «рычаг мертвеца»[43] для возвращения домой, — нахмурившись, он продолжил: — Думаю, стоит иметь в виду оба числа, и шесть шесть шесть, и второе, длинное. Я доверяю интуиции Дити. Дити, где там стих с описанием Зверя? Он должен быть где-то в середине главы.

— Вот он. «И увидел я другого зверя, выходящего из земли; он имел два рога, подобные агнчим, и говорил как дракон».

— Хм-м… Я не знаю, как разговаривают драко-

---

[43] Сноски: 43

«Рычаг мертвеца» — механический переключатель, который срабатывает, когда оператор теряет сознание — либо под его весом, либо потому, что он перестает давить на рычаг. — *Прим. С. В. Голд.*

ны. Но если нечто вылезет из земли и у него будут два рога… и если я увижу или услышу любое из этих чисел, то я решу, что это одна из Черных Шляп, и постараюсь разобраться с ним до того, как он разберется с нами. Дити, я мирный человек… но две попытки покушения — это многовато для меня. В следующий раз я стреляю первым.

Зебби не стоило вспоминать «Черных Шляп». Трудно поверить, что кто-то пытается убить такого милого, наивного и безобидного человека, как мой дорогой Джейкоб. Но они *пытались* — и мы знали это.

— И где эта машина времени? — спросила я. — Пока что я видела только тримбла.

— Эта штука называется «тривол», тетя Хильда. А на машину пространства-времени ты прямо сейчас смотришь.

— Что? Где? Почему мы до сих пор не сели в нее и не свалили отсюда ко всем чертям? Я не хочу, чтобы моего мужа убили, он практически совсем новенький. Думаю, пройдут годы, прежде чем он износится.

— Язва, прекрати болтать, — оборвал меня Зебби. — Она на этой скамье, через стол от тебя.

— Я вижу только портативную швейную машинку.

— Это она и есть.

— Что? И как попасть внутрь? Или на ней ездят верхом, как на помеле?

— Ни то, ни другое. Ее намертво закрепляют на транспортном средстве, желательно герметичном и водонепроницаемом. Папа поставил ее в свою машину, но она была недостаточно герметична, и теперь ей капут. Мы с папой собираемся поставить ее в «Гэй Обманщицу», которая *на самом деле* герметична. И с улучшенными контурами безопасности.

— С *еще более* лучшими контурами безопасности, Зебби, — поддержала я.

— Так и будет. Я обнаружил, что когда ты вступаешь в брак, все меняется. Я привык беспокоиться за собственную шкуру. А теперь я беспокоюсь еще и за Дити. И за твою. И за папину. За шкуры всех четверых.

— Слушайте, слушайте! — сказала я. — Один за всех и все за одного!

— Угу, — буркнул Зебби. — Только за нас четверых, ни за кого больше. Дити, когда ланч?

– VII –
Дити

Пока мы с тетей Хильдой занимались ланчем, наши мужчины куда-то исчезли. Вернулись они как раз вовремя, чтобы сесть за стол. Зебадия принес интерком, а папа — провод, который он воткнул в разъем на стене и подсоединил к интеркому.

— Джентльмены, ваше чувство времени идеально, у нас все готово, — поприветствовала их тетя Хильда. — Что это у вас?

— Гостья к ланчу, моя дражайшая, — ответил папа. — Мисс «Гэй Обманщица».

— Еды хватит на всех, — сказала тетя Хильда. — Я поставлю еще одну тарелку.

Она так и сделала, и Зебби поставил на эту тарелку интерком.

— Она будет кофе или чай?

— Она не запрограммирована ни на то, ни на другое, Хильда, — сказал Зебадия, — но я благодарю тебя от ее имени. Дамы, меня очень интересуют новости из Сингапура и Суматры. Поэтому я велел своему автопилоту следить за си-

туацией. Джейк пришел мне на помощь и сказал, что у него тут устроена дополнительная проводка на всякий случай, и это как раз такой случай. Гэй подключена к этой линии у себя в гараже, а здесь у нас двусторонний интерком. Я могу вызвать Гэй, а она может вызвать меня, если появится что-то новое — я изменил ее программы, и она продолжает поиск новостей из дома и Логана.

— Я добавлю новый выход в подвале, — подхватил папа. — Но твой дом *здесь*, сынок, а не в Калифорнии.

— Ну…

— Не спорь, Зебби. Это *мой* дом с того момента, как Джейкоб на мне женился … а значит, и мой зять может считать это место своим домом, ты же слышал, что сказал Джейкоб? Я права, Дити?

— Конечно, — согласилась я. — Тетя Хильда — хозяйка дома, а я просто горничная. Однако Уютная Гавань — и мой дом тоже, пока папа и тетя Хильда не выгонят меня пинком на снег. А пока он мой, он и моего мужа.

— Только не на снег, Дити, — поправила тетя Хильда, — Джейкоб будет настаивать, чтобы это случилось в теплый солнечный день, ведь он так добр и ласков. Но ты не останешься без крыши над головой, дочка. Мой дом в Калифорнии —

мой и Джейкоба — давно стал твоим вторым домом, а Зебби уже много лет заваливается туда, как только проголодается.

— Видимо, я должен бросить в общий котел свою холостяцкую квартиру.

— Зебби, не подсовывай Дити свой ужасный топчан. Он весь в буграх, Дити! Торчащие пружины. Наутро вся в синяках. Зебби, забери у них залог и отправь свою мебель обратно в «Гудвилл»[44].

— Язва, опять ты выдумываешь. Дити, у меня в берлоге нет никакого топчана. У меня кровать королевских размеров, достаточно большая для троих — или шестерых, если они хорошо знакомы… Папа, меня все еще восхищает ваша Уютная Гавань. Вы специально приглашали архитектора?

— Пффф! «Архитектор» — грязное слово. У меня *инженерное* образование. А архитекторы копируют ошибки друг друга и называют это «искусством». Даже Фрэнк Ллойд Райт[45] никогда не понимал, что делали Гилберты. Его дома пре-

---

[44] Сноски: 44

«Гудвилл» — популярная сеть секонд-хендов. — *Прим. С. В. Голд.*

[45] Сноски: 45

Райт Фрэнк Ллойд (1869–1959) — американский архитектор и теоретик архитектуры. «Ньютра» — одно из построенных им зданий.

красно выглядят снаружи, но внутри они жутко неудобны. Пылесборники. Мрачные. Лабиринты для крыс. Пфуй!

— А что насчет «Ньютры»?

— Если бы его не связывало по рукам и ногам строительное законодательство, профсоюзные правила и законы о планировке, то «Ньютра» могла бы стать шедевром. Но людям не нужны эффективные машины для жизни, они предпочитают горбиться в средневековых лачугах, как делали их одолеваемые блохами предки. Холод, сквозняки, антисанитария, плохое освещение — а ведь без этого можно было прекрасно обойтись!

— Я уважаю ваше мнение, сэр. Папа, здесь три камина… и никаких труб. Как? Почему?

— Зеб, я люблю камины, а в горах несколько поленьев могут спасти тебе жизнь. Но я не вижу причин обогревать окрестности и подавать сигналы о том, что мы здесь, и не желаю доверять искрогасителям, когда вокруг сплошные леса. Когда ты разжигаешь огонь в одном из каминов, автоматически включается вытяжной вентилятор. Дым и сажа удаляются электростатически, а фильтры автоматически очищаются, когда температура в вытяжке опускается ниже двадца-

ти пяти по Цельсию. Горячий воздух проходит по лабиринту труб под ванными и под полами, проходит по всем этажам, оттуда в каменный радиатор под гаражом, затем в камеру, которая приводит в действие тепловой насос, что качает воду для дома. Когда воздух наконец выходит наружу вдали от дома, его температура почти не отличается от температуры окружающей среды, так что его может засечь только самый чувствительный теплоискатель. Тепловая эффективность плюс полная конфиденциальность.

— А если снег будет идти так долго, что ваше энергоблоки разрядятся?

— В запасе Франклиновы печи, трубы к ним и заглушки в стенах, которые можно убрать и подсоединить трубы к вытяжке.

— Папа, — вмешалась я, — а что у нас с Правилом Номер Один? Или его отменили прошлой ночью в Элко?

— Э? Президиум обязан заявить, что его действие приостановлено, пока Хильда не ратифицирует или отменит его. Хильда, любимая, много лет назад Джейн установила Правило Номер Один…

— Я его ратифицирую!

— Спасибо. Но сначала послушай. Оно имеет от-

ношение к принятию пищи. Никаких новостей…

— Папа, — снова влезла я, — пока Правило Номер Один еще в подвешенном состоянии, может, у «Гэй Обманщицы» есть новости? Я на самом деле беспокоюсь!

— Нулевой результат, дорогая. Откуда вытекает тот забавный факт, что мы с тобой все еще считаемся погибшими *дважды,* и службы новостей, похоже, пока не заметили этого противоречия. Однако мисс «Гэй Обманщица» непременно сообщит нам, если появится новый бюллетень. Правило Номер Один никогда не применяется в чрезвычайных ситуациях. Зеб, хочешь, поставим интерком на ночь в вашей спальне?

— Я не хочу, но придется. Оперативное оповещение может спасти наши шкуры.

— Этот интерком я оставлю тут, а второй подключу параллельно в спальне и добавлю громкости, чтобы он мог тебя разбудить. Возвращаясь к Правилу Номер Один: никаких новостных программ во время еды, никаких газет. Никаких профессиональных дискуссий, никаких деловых или финансовых вопросов, никаких обсуждений здоровья. Никаких политических дискуссий, никаких упоминаний о налогах, внешней или внутренней политике. Чтение художественной

литературы дозволено *en famille*, но не в присутствии гостей. Разговоры ограничиваются легкими темами…

— Ни скандалов, ни сплетен? — осведомилась тетя Хильда.

— На твое усмотрение, дорогая. Забавные сплетни о друзьях и знакомых, скандальные истории о тех, кто нам не нравится — ради бога! А теперь — желаешь ли ты ратифицировать, отменить, поправить или выдвинуть на обсуждение это правило?

— Я ратифицирую его без изменений. Кто-нибудь знает какой-нибудь свежий пикантный скандал, в который вляпался кто-то, кто нам не нравится?

— Мне известно кое-что о «Но Брэйне» — докторе Нейле Брэйне, — предложил Зебадия.

— Валяй.

— Я получил информацию из надежного источника, но не могу ее подтвердить.

— Не имеет значения, если это интересно. Вперед, Зебби.

— Ну, одна аппетитная студентка рассказала, что с ней случилось. Она попыталась предложить себя Брэйни в обмен на проходной балл по общему курсу математики, который требуется,

чтобы получить *хоть какую-то* степень в нашем университете. Он рассчитан на то, чтобы выдающиеся, но не слишком умные спортсмены могли получать свои дипломы. Мисс Аппетитная ухитрилась завалить его, что требует исключительных способностей. Поэтому она явилась на прием к декану, именно к Брэйни, и выложила карты на стол. Он может давать ей горизонтальные уроки прямо здесь и сейчас, или на ее квартире, или на его квартире, или в мотеле, и везде, когда и где бы он этого ни пожелал. Но она *должна* сдать этот экзамен.

— Такое случается в любом кампусе, сынок, — заметил папа.

— Я еще не дошел до сути. Она всем растрепала эту историю, но ситуация ее не разозлила, а, скорее, оставила в недоумении. Она говорила, что так и не сумела донести до него свои намерения (по-моему, это невозможно, я видел эту девицу). Брэйни не принял ее предложения, не отказался, не выглядел оскорбленным и, похоже, вообще не понял, о чем речь. Он сказал, что ей лучше договориться с преподавателем о дополнительных занятиях и о переэкзаменовке. А мисс Аппетитная теперь всем рассказывает, что Брэйни у нас евнух или робот. Совершенно лишен сексуаль-

ного чувства.

— Он, конечно, глуп, — заметила тетя Хильда. — Но я никогда не встречала мужчин, которые не понимают намеков, если немного постараться. Они всегда реагируют, даже если не питают интереса к моей симпатичной тушке. Правда, я никогда не испытывала свои чары на профессоре Брэйне, поскольку меня не интересует *его* тушка.

— Но, Хильда, дорогая, тогда почему ты пригласила его на вечеринку?

– *Что*? Из-за твоей записки, Джейкоб. Я всегда делаю тебе одолжения.

— Но Хильда, я не понимаю. Когда я говорил с тобой по телефону, я попросил тебя пригласить Зеба, поскольку я думал, что он — его кузен Зебулон, и я сказал, что не помешают еще два или три гостя с математического факультета, чтобы наша встреча не привлекла слишком много внимания. Но я не упоминал доктора Брэйна. И я ничего тебе *не писал*.

— Джейкоб, у меня *есть* твоя записка. В Калифорнии. На бланке университета с твоим именем.

Папа печально покачал головой.

— Язва, — спросил Зебадия, — записка была от

руки или напечатана?

— Напечатана. Но с подписью! Подожди, сейчас все вспомню. Мое имя и адрес были внизу слева. Имя Джейкоба тоже было напечатано, но рядом была подпись «Джейк»… Ага… Вот текст: «Моя дорогая Хильда, спешу уточнить по поводу вчерашнего звонка… Не будешь ли ты столь любезна, чтобы пригласить доктора Нейла О' Брэйна, декана математического факультета? Не знаю, что на меня нашло, но я забыл его упомянуть. Должно быть, от радости, когда услышал твой милый голос.

Дити шлет тебе свою любовь, как и я. Всегда твой, Джейкоб Дж. Берроуз»… И сверху над именем подпись от руки «Джейк».

Зебадия сказал мне:

— Ватсон, вы знаете мои методы.

— Конечно, мой дорогой Холмс. Черная Шляпа. В Логане.

— Мы это и так знали. Что *нового* мы узнали?

— Ну… папа звонил из дома, я это помню. Значит, у нас в телефоне стоит «жучок». Стоял, я имею в виду, поскольку огонь его наверняка уничтожил.

— Да, «жучок». Пожар могли затеять ради того, чтобы уничтожить его и прочие улики. Но теперь

мы в курсе, что «Парни в Черных Шляпах» знали, что твой папа — и ты, но их интересовал именно папа — были прошлым вечером в Калифорнии. «Убив» его в Калифорнии, они разрушили все, что могли, в Юте. Профессор, я предсказываю, что скоро мы узнаем, что ваш офис был ограблен прошлой ночью — кто-то унес все работы, посвященные шестимерным пространствам.

Папа пожал плечами:

— Они мало что найдут там. Я отложил работу над итоговой статьей после того унизительного приема, который получила моя предварительная работа. Я работал над ней только дома, или здесь, и всякий раз, когда мы сюда приезжали, привозил заметки, сделанные в Логане, в этот подвал.

— Тут что-нибудь пропало?

— Я уверен, что сюда никто не вламывался. Да эти бумаги и не имеют особого значения — я все держу в голове. И к континуумоходу точно никто не прикасался.

— Зебадия, доктор Брэйн — одна из Черных Шляп? — спросила я.

— Я не знаю, Дити. Он может быть марионеткой или наемником в чужой игре. Однако он точно участник заговора, иначе они не рискнули бы подделать письмо, чтобы провести его в дом

Хильды. Джейк, насколько сложно украсть бланк с твоим именем?

— Это легко. У меня нет секретарши, а за стенографисткой я посылаю, когда она нужна. И я редко запираю кабинет, когда я в кампусе.

— Дити, можешь принести бумагу и ручку? Я хочу посмотреть, как Джейк подписывается «Джейком».

— Конечно, — я все принесла. — Подпись у папы простая, я часто за него расписываюсь. У меня же его доверенность.

— Простые подписи сложнее всего подделать так, чтобы одурачить эксперта. Но им и не требовалось одурачивать эксперта — куда сложнее было сформулировать текст записки… а ведь Хильда не заподозрила в ней фальшивку.

— Похоже на правду, сынок. Текст очень походит на то, что я сам написал бы, если бы решил обратиться к Хильде.

— Изготовитель фальшивки наверняка прочитал множество твоих писем и прослушал множество твоих разговоров. Джейк, напиши тут «Джейк» четыре или пять раз, так, как ты изобразил бы имя на записке к другу.

Папа это сделал, и мой муж принялся изучать образцы.

— Нормальные вариации, — сказал Зебадия, а потом написал «Джейк» около дюжины раз, посмотрел на свою работу, взял чистый лист, расписался «Джейк» и передал его тете Хильде. — Ну, Язва?

Тетя Хильда посмотрела на подпись.

— Мне бы и в голову не пришло сомневаться — на листе с шапкой от Джейкоба, да еще и под запиской, составленной из его фраз. И к чему мы пришли?

— Застряли по дороге в грязи. Но теперь у нас есть новая информация. В это дело вовлечены по меньшей мере три человека, две «Черные Шляпы» и доктор Брэйн, который может быть, а может и не быть «Черной Шляпой». Как минимум он работает за деньги, или невольный союзник, или марионетка, которую они могут двигать, как игроки пешку по шахматной доске.

Хотя два плюс Брэйни — это минимум, вероятно, их больше. Подобную схему не придумаешь в одночасье. В нее входят поджог, подделка документов, минирование автомобиля, прослушка телефона, воровство и секретная связь между отдаленными пунктами, координация преступных действий в каждом из них… и, возможно, то, что случилось с моим кузеном Зебулоном. Мы можем

предположить, что «Черные Шляпы» знают, что я не тот Зеб Картер, который спец в n-мерной геометрии, и меня списали как случайную жертву.

Которая их совершенно не беспокоит. Это ребята с фантазией, они могут прибить муху кувалдой или лечить кашель с помощью гильотины. Они умны, организованны, эффективны и лишены предрассудков. Единственный ключ к разгадке — их интерес к шестимерной неэвклидовой геометрии.

У нас нет ни малейшего представления, кто они такие — кроме доктора Брэйна, чья роль не ясна. Но Джейк, кажется, я знаю «почему», и отсюда мы узнаем «кто».

– *Почему*, Зебадия? — потребовала я.

— Принцесса, твой отец мог работать над другими бесчисленными разделами математики, и они бы не обратили на него внимания. Но так случилось… хотя не случайно, я не верю в «случай», что он выбрал *именно* эту область геометрии — единственную, которая *правильно* описывает, как устроено пространство-время. А поскольку он гений, как в теории, так и в практике, он увидел, что можно создать простое устройство — ошеломительно простое, величайшее изобретение со времен колеса — континуумоход, машину про-

странства-времени, которая открывает доступ ко всем вселенным Числа Зверя. Плюс к бесчисленным вариациям этого множества вселенных.

Однако у нас есть одно преимущество.

— Я не вижу никаких преимуществ! Они стреляли в моего Джейкоба!

— Одно серьезное преимущество, Язва. «Черные Шляпы» знают, что Джейк проработал всю математику. Но они не знают, что он построил свой искривитель пространства-времени, они думают, что у него есть только символы на бумаге. Они попытались дискредитировать его работу и добились успеха. Затем попытались убить… и промазали. Скорее всего, они думают, что Джейк мертв… и, похоже, они убили Эда. Но они *не знают* об Уютной Гавани.

— Почему ты так думаешь, Зеб? О, я надеюсь на это! Но почему ты так уверен?

— Поскольку эти парни не шутят. Они взорвали твою машину и сожгли квартиру. Что бы они сделали с Гаванью, если бы узнали? Сбросили атомную бомбу?

— Сынок, ты думаешь, что у преступников может быть доступ к атомному оружию?

— Джейк, это не *преступники*. «Преступник» — это элемент подмножества большего множества

«человеческие существа». Но эти создания не являются людьми.

— Э, Зеб? Твоя логика ускользает от меня.

— Дити, прогони это через компьютер. Тот, что у тебя между ушами.

Я не ответила, я просто сидела и думала. Через несколько минут неприятных раздумий я сказала:

— Зебадия, «Черные Шляпы» не знают об устройстве в нашем подвале.

— Убедительное предположение, — согласился мой муж, — ведь мы все еще живы.

— Они полны решимости уничтожить новое направление в математике… и уничтожить тот мозг, который его создал.

— Вероятность близка к ста процентам, — вновь согласился Зебадия.

— Поскольку с его помощью можно путешествовать по разным вселенным.

— Логичный вывод, — подтвердил мой муж.

— Исходя из этой цели, люди делятся на три группы. Те, кто не интересуется математикой более сложной, чем нужна для подсчета денег. Те, кто немного знаком с другой математикой. И третья, маленькая группа, которая способна понять, какие возможности она открывает.

— Да.

— Но наша раса не знает *ничего* о других вселенных, насколько я в курсе.

— Да, не знает. Необходимое допущение.

— Но эта третья группа не стала бы мешать попытке путешествовать между вселенными. Они с большим интересом будут ждать, что из этого выйдет. Они могут верить или не верить, или не высказывать суждения. Но они *не будут* препятствовать; они будут рады узнать, что мой отец добился успеха. Радость от интеллектуального открытия — это свойство истинного ученого.

Я вздохнула и добавила:

— Других групп я не вижу. Если не брать в расчет кучку больных психов, эти три группы полностью описывают картину. Но наши противники вовсе не психи, они умны, коварны и неплохо организованны.

— В чем мы имели возможность убедиться, — эхом отозвался Зебадия.

— Следовательно, наш противник — не люди. Они разумные пришельцы из… откуда угодно.

— Или из когда угодно, — пробормотал мой муж.

Я снова вздохнула и промолчала. Быть оракулом — не самая приятная профессия!

— Язва, ты можешь убить?

— Кого убить, Зебби? Или что?

— Можешь ты убить, чтобы защитить Джейка?

— Можешь поставить свою чертову жизнь, что я убью ради него!

— Я не спрашиваю тебя, моя принцесса, я знаю Дею Торис, — продолжил Зебадия. — Такова ситуация, дамы. У нас есть самый ценный человек на планете, и мы должны его защищать, хотя мы не знаем — от чего. Джейк, твой отряд телохранителей состоит из двух амазонок, одна миниатюрная, другая среднего размера, обе, вероятно, в положении, и одного Трусливого Льва. Я бы нанял дорсай[46], если бы знал, на какую почту им писать. Или Серого Ленсмена и всех его приятелей. Но у нас есть мы, и мы постараемся! *Avete, alieni, nos morituri vos sperminus!*[47] А теперь давайте откроем шампанское.

— Мой капитан, ты думаешь, стоит? — спросила я. — Я напуганна.

— Конечно, стоит. Сегодня я больше не в состоянии работать, да и Джейк тоже. Завтра мы начнем

---

[46] Сноски: 46

Герои цикла романов Гордона Диксона, профессиональные воины.

[47] Сноски: 47

Привет вам, чужаки! Идущие на смерть плюют на вас! (*Перевод гадательный, с латыни.*)

устанавливать аппаратуру в «Гэй Обманщицу», переделывать там все и перепрограммировать, чтобы она отзывалась на команды любого из нас. А пока нам нужно немножко повеселиться и хорошенько выспаться. Пить жизнь до дна лучше всего, когда ты знаешь, что каждый час может быть последним.

Тетя Хильда пихнула Зебадию кулаком в ребра.

— Ах ты болтливый засранец! Я собираюсь веселиться до чертиков и выставлять себя дурой, а потом взять мужа и уложить его спать, применив Патентованное Лекарство Матушки Язвы. Дити, ту же самую терапию я прописываю и тебе.

Внезапно мне стало легко на душе, и я сказала:

— Принято, тетя Хильда! Капитан Джон Картер всегда побеждает. Трусливый Лев? Как же! Кто тогда папа? Маленький Волшебник Оз?

— Я думаю, да.

— Все может быть. Папа, откроешь бутылку? У меня от этих пробок пальцы болят.

— Сию минуту, Дити. Я имею в виду, Дея Торис, царственная супруга Владыки.

— Нет нужды быть таким официальным, папа. Это будет неформальная вечеринка. Очень нефор-

мальная! Папа! Мне обязательно ходить одетой?

— Спроси своего мужа. Ты теперь *его* проблема.

– VIII –
Хильда

Когда на старости лет я, шамкая беззубым ртом перед камином, стану перебирать свои давние прегрешения, я буду вспоминать эти дни как самые счастливые в моей жизни. До того у меня было три медовых месяца, по одному на каждого мужа-контрактника: два были хороши, один — нормальный и (в конечном итоге) весьма прибыльный. Но наш медовый месяц с Джейкобом был *райским*.

Дыхание опасности лишь обостряло удовольствие. Джейк не выглядел обеспокоенным, а у Зебби было чутье, как у игрока на скачках. Видя, что он расслабился, Дити сама перестала нервничать… а я даже и не начинала, поскольку надеялась завершить жизнь как фейерверк, в огненной вспышке, а не цепляться за нее, уродливая, беспомощная и бесполезная…

Оказалось, привкус опасности добавляет яркости жизни. Даже в медовый месяц… особенно в медовый месяц.

Очень странный медовый месяц. Не групповой

брак, а две пары, которые составляют одну семью и которым комфортно друг с другом. Я отбросила большую часть образа энергичной сучки, и Зебби иногда называл меня «Хильда» вместо «Язвы».

Мы с Джейкобом сошлись в браке точно ветчина и яичница. Он не очень высок — метр семьдесят восемь, — но по сравнению с моими жалкими метр пятьдесят два это достаточно много. Волосы у него редеют, и у него есть брюшко, заработанное годами сидячей работы, но для меня он выглядит как надо. А когда мне хотелось полюбоваться мужской красотой, я могла пялиться на великана, доставшегося Дити.

Когда он появился в кампусе, я решила сделать из него своего домашнего питомца — не из-за внешности, а из-за необычного чувства юмора. Но если когда и существовал мужчина, способный сыграть роль Джона Картера, Владыки Марса, то это был Зебадия Картер, чье второе имя как раз «Джон». В комнатах, в цивильной одежде и фальшивых очках в роговой оправе, он выглядит неловким, слишком большим и неуклюжим. Я не понимала, что он красив и грациозен, пока однажды он не явился ко мне в бассейн.

Бродя на свежем воздухе или в Уютной Гавани почти или совсем без одежды, Зебби всюду вы-

глядел естественно — горный лев, исполненный силы и грации. Инцидент, случившийся однажды вечером, показал мне, насколько он похож на Владыку Марса. Я знаю эти старые истории. В свое время мой отец купил переиздания в мягкой обложке от «Бэллантайн/Дель Рей», и они были в доме, где я провела детство. Когда я научилась читать, я прочитала их все и предпочитала повести о Барсуме «книжкам для девочек», которые мне дарили на день рождения и Рождество. Я себя отождествляла с Тувией и хотела сменить имя на Тувию, когда стану взрослой. Но когда мне исполнилось восемнадцать, я об этом уже не думала. Я всегда была «Хильда», и новое имя меня не привлекало.

Отчасти я несу ответственность за имя Дити, которого она стеснялась, пока она не поняла, что оно нравится ее мужу. Джейкоб хотел назвать дочь «Дея Торис» (хотя он выглядит как профессор и им *является*, он неизлечимый романтик.) Джейн возражала. Тогда я сказала ей: «Не глупи, Джейни. Если твой муж что-то хочет и ты можешь ему это дать без особой печали, то дай ему это! Ты хочешь, чтобы он любил вашего ребенка, или хочешь, чтобы он его раздражал?» Джейн тогда задумалась, и «Дорис Энн» к момен-

ту крещения превратилась в «Дею Торис», а затем в «Дити» — раньше, чем она научилась говорить, и это всех устроило.

Мы привыкли жить по распорядку: ранний подъем каждое утро, наши мужчины работают с приборами, проводами и прочими штуками, устанавливая пространственно-временную машинку в нутро «Гэй Обманщицы», в то время как мы с Дити занимались домашней работой… совсем немного, поскольку благодаря гению Джейкоба наш горный домик не требовал много внимания. А затем мы развлекались одной технической проблемой, которую Дити решала с моей помощью.

От меня мало толку, когда речь идет о технической работе, биология — единственный предмет, который я изучала глубоко и за который так и не получила диплома. Познания мои расширились благодаря шести тысячам часов волонтерской работы в качестве медсестры в медицинском центре нашего кампуса. А еще я проходила курсы, которые сделали меня медсестрой без сертификата, медтехником без удостоверения и даже парамедиком без диплома, так что я не кричу при виде крови, могу убрать лужу блевотины, не поморщившись, и без колебаний заменю

медсестру в операционной. Жить в кампусе «университетской вдовушкой» с кучей денег весело, но пустовато для души. Мне нравится знать, что я выплатила аренду за тот кусок земли, который занимаю.

Помимо этого я нахваталась понемногу обо всем благодаря любви к печатному слову, плюс посещала все лекции в университете, название которых звучало интригующе… и даже иногда записывалась вольным слушателем на соответствующие курсы. Например, я прошла курс описательной астрономии и сходила на итоговый экзамен, где получила высший балл. Я даже правильно рассчитала орбиту кометы, к большому своему удивлению (и удивлению профессора).

Я могу подключить дверной звонок или прочистить засорившуюся канализацию тросом, но для решения настоящих технических проблем я нанимаю специалистов.

Так что Хильда может кому-то помогать, но не способна проделать всю работу в одиночку. «Гэй Обманщицу» нужно было перепрограммировать, а Дити, которая не выглядит гением, на самом деле одна из них. Дочь Джейкоба уже *обязана* быть гением, но у ее матери был такой коэффициент

интеллекта, что напугал даже меня, ее ближайшую подругу. Я наткнулась на результаты теста, когда помогала придавленному горем бедняге Джейкобу решить, что сохранить, а что сжечь. (Я сожгла не самые удачные фото, ненужные бумаги и одежду. Одежду умершего человека нужно либо отдавать, либо сжигать. Не стоит хранить то, что не вызывает счастливых воспоминаний. Я, конечно, немного поплакала, но это избавило Джейкоба и Дити от слез в дальнейшем.)

У нас у всех есть права на вождение фибии, а у Зебби, как у капитана З. Дж. Картера, Аэрокосмические силы США, имеется еще и «командирский» рейтинг. Он сказал нам, что его космический рейтинг скорее почетный, чем действительный — немного времени в невесомости и одна посадка на шаттле. Но Зебби — лживый мальчишка, он любит шутить и выдумывать небылицы. У меня был случай заглянуть в его летные записи, и я не постеснялась сделать себе копию. Там понаписано куда больше, чем одна поездка по обмену в Австралию. Когда-нибудь я усядусь ему на грудь и заставлю его рассказать всю правду маме Хильде. Это будет интересно… если я смогу отличить факты от вымысла. Например, я *не верю*, что у него был интимный контакт

с самкой кенгуру.

Зебби и Джейкоб решили, что любой из нас должен управлять «Гэй Обманщицей» во всех четырех вариантах: на земле, в воздухе, в космосе (она не является космическим кораблем, но может делать прыжки за пределы атмосферы) и в пространстве-времени, то есть среди вселенных Числа Зверя, плюс их вариаций, которые невозможно сосчитать.

Я не верила, что способна все это освоить, но мужчины заверили меня, что они разработали контур безопасности, который вытащит меня из любой передряги, даже если я буду предоставлена самой себе.

Частично проблема заключалась в том, что «Гэй Обманщица» — девушка-однолюб. Ее двери отпирались только голосом ее хозяина или прикосновением его большого пальца… или выстукиванием кода, если он не хотел или не мог использовать и голос, и большой палец правой руки. Зеб старался все спланировать заранее. «Обмануть Закон Мерфи — вот как он это называл. — Потому что все, что может пойти не так, *обязательно* пойдет не так». (Бабушка называла это Правилом Бутерброда Маслом Вниз.)

Первым делом нужно было представить нас

всех «Гэй Обманщице», научить ее принимать все четыре наших голоса и отпечатки больших пальцев правой руки. На это ушла всего пара часов, потому что Зебби помогала Дити. На код понадобилось еще меньше, он базировался на старой военной мелодии — предполагалось, что никакой вор не заподозрит, что машина открывается на стук, а если догадается, то не сможет угадать правильную мелодию. Зебби называл этот марш «Пьяный солдат», Джейкоб сказал, что это «Маркитантская лодка», а Дити заявляла, что песня называется «День получки», потому что так говорил ей дедушка Джейн.

Мужчины решили, что она права, поскольку Дити помнила все слова. В них говорилось о «пьяном матросе» вместо «пьяного солдата», и упоминались и «маркитантская лодка», и «день получки».

Закончив процесс знакомства, Зебби выкопал откуда-то документацию на Гэй: один том на ее тело, второй на ее мозги. Второй он вручил Дити, а первый унес в наш подвал. Следующие два дня были легкими для меня и тяжелыми для Дити — я держала фонарик и делала заметки на планшете, пока она изучала эту книгу, хмурилась, а затем потела и пачкалась, занимая разные невозмож-

ные положения под машиной, а однажды даже выругалась в такой манере, которая заставила бы Джейн нахмуриться.

Дити добавила:

— Тетя Козочка, твой зять совершил с этой кучей «спагетти» такие вещи, которым нельзя подвергать достойный компьютер! Это какой-то ублюдочный гибрид.

— Ты не должна называть Гэй «это», Дити. И она вовсе не ублюдок.

— Она нас не слышит, я отсоединила ее «уши», за исключением того кусочка, который следит за новостями, а он замкнут на вот этот уходящий в стену провод. Сейчас она может разговаривать с Зебадией только в подвале. О, я уверена, она была хорошей девочкой, пока эта горилла ее не изнасиловала. Тетя Хильда, не бойся задеть чувства Гэй, у нее их нет. Для компьютера она довольно туповата. Любой заштатный колледж и большинство школ имеют в собственности или арендуют компьютеры куда мощнее. Гэй, в сущности, кибер, автопилот с небольшой цифровой емкостью и ограниченной памятью. И модификации, которые наспех прикрутил ей Зебадия, сделали из нее нечто большее, чем автопилот, но не превратили в компьютер общего назначения.

Скособоченный гибрид. У нее куда больше опций случайного выбора, чем требуется, и у нее есть дополнительные функции, о которых IBM никогда и не мечтала.

— Дити, а зачем ты снимаешь панели? Я думала, ты всего лишь программист? Твоя работа — программы, а не механизмы.

— Я *и есть* математик-программист. Я не стала бы пытаться модифицировать этого монстра, даже получив письменный приказ от своего любимого-но-хитрого мужа. Но как, во имя Аллаха, специалист по программам может думать об оптимизации кода, если он не знает, как тут все устроено? Первая часть этой книги рассказывает, ради чего был создан этот автопилот… а вторая часть, ксерокопированные страницы, показывают те непристойности, которым Зебадия выучил сам ее. Эта долбаная кучка чипов теперь говорит на трех логических языках в едином интерфейсе, хотя была создана только для одного. И она не воспримет *ни один* из них, пока не услышит одну из двусмысленностей Зебадии. И даже тогда она редко отвечает на кодовые фразы одинаково два раза подряд. Что она говорит в ответ на «Ты Умница, Гэй»?

— Я помню: «Готова поспорить, босс, ты всем

девчонкам это говоришь. Прием».

— Иногда. Чаще всего, поскольку у этого ответа выставлена частота появления в три раза выше, чем у любого другого. Но послушай это:

«Зеб, я такая умная, что сама пугаюсь»

«Тогда почему ты отказал мне в повышении?»

«Мне не интересны комплименты! Убери лапу с моего колена»

«Не так громко, дорогой. Я не хочу, чтобы мой парень услышал»

…и там есть еще. Как минимум по четыре ответа на любую из кодовых фраз Зебадии. *Он* использует только один список, но автопилот отвечает в разных вариантах на каждую из его фраз — и все они означают либо «Принято», либо «Неизвестная команда. Перефразировать».

— Мне нравится эта идея. Забавно.

— Ну… мне тоже. Я одушевляю компьютеры, думаю о них как о людях… а такой наполовину рэндомный список ответов делает «Гэй Обманщицу» еще более живой… хотя она не живая. И даже не особенно гибкая, по сравнению с наземным компьютером. Но… — тут Дити улыбнулась, — я собираюсь приготовить мужу несколько сюрпризов.

— Как, Дити?

— Ты знаешь, как он говорит: «Доброе утро, Гэй. Как ты?», когда мы усаживаемся завтракать.

— Да, мне это нравится. Так дружелюбно. Она обычно отвечает: «У меня все хорошо, Зеб».

— Да, но это код, запускающий тесты. Он приказывает автопилоту выполнить программу самопроверки и доложить о наличии действующих инструкций. Это занимает меньше миллисекунды. Если он не получит этот или эквивалентный ответ, он бросится прямиком сюда, чтобы разобраться — что не так. Но я собираюсь добавить еще один ответ. Или даже не один.

— Я думала, ты отказалась что-либо модифицировать.

— Тетя Хиллбилли, это *программы*, а не провода и микросхемы. Мне разрешили вносить изменения и поручили расширить диапазон ответов для каждого из нас, используя наши голоса. Это элементарное программирование. Ты говоришь «доброе утро» этому устройству, и оно — когда я закончу — ответит тебе и назовет Хильдой или миссис Берроуз.

— О, пусть она зовет меня «Хильда».

— Хорошо, но давай позволим ей назвать тебя время от времени «миссис Берроуз» для разнообразия.

— Ну… хорошо. Оставим ей индивидуальность.

— Я могу даже заставить ее называть тебя… с очень небольшой вероятностью… Козочкой.

Я захохотала:

— Сделай это, Дити, пожалуйста. Но я хочу быть рядом, чтобы видеть лицо Джейкоба.

— Ты увидишь, ведь я не запрограммирую ее отвечать таким образом только на твой голос. Просто не говори ей: «Доброе утро, Гэй», если папа *не* слушает. А вот штука для моего мужа: Зебадия говорит: «Доброе утро, Гэй. Как ты?», а динамик отвечает: «Я-то в порядке, Зеб. А вот у тебя ширинка нараспашку и глаза красные. Ты что, с похмелья *опять*?».

Дити такая серьезная и в то же время игривая.

— Сделай это, дорогая! Бедный Зебби — он пьет меньше любого из нас. Но ведь на нем может не быть штанов на молнии.

— Зебадия всегда надевает что-то к столу. У него даже трусы на молнии. Эластик ему не нравится.

— Но он узнает твой голос, Дити.

— Не-а. Потому что это будет *твой* голос — модифицированный.

Так и получилось. У меня контральто с диапазоном вполне под стать актрисе — или подружке, которая одолжила «Гэй Обманщице» ее ориги-

нальный голос. Не думаю, что у меня есть та знойная, похотливая нотка, что у нее, но я прирожденный имитатор. Дити позаимствовала какой-то вихлескоп — осциллоскоп? — у своего отца, моего Джейкоба, и я репетировала, пока мои фразы для «Гэй Обманщицы» не стали соответствовать ее оригинальному репертуару, и Дити сказала, что не может их различить без тщательной проверки.

– IX –
Дити

Мы с тетей Хильдой закончили перепрограммирование как раз за то время, что понадобилось Зебадии и папе, чтобы придумать и создать контуры безопасности и другие узлы, которые должны были превратить «Гэй Обманщицу» в континуумоход — когда в нее установят машину пространства-времени. Задние сиденья пришлось убрать, чтобы разместить папино устройство на переборке и приварить его к корпусу, а потом сиденья пришлось сдвигать на двадцать сантиметров назад, чтобы добавить пространства для ног. Приборы управления гироскопами и тройные верньеры переместились на приборную панель водителя, все управление ручное, но была одна голосовая команда: если кто-то из нас скажет «“Гэй Обманщица”, верни нас домой!», то машина и пассажиры вмиг окажутся в Уютной Гавани.

Я доверяю папе. Он дважды благополучно вернул нас домой, сделав это без контуров безопасности и рычага мертвеца. Последний был

запараллелен с командой «Домой!», в обычном состоянии был зафиксирован и спрятан, но его можно было вынуть и зажать в кулаке. Имелись другие контуры безопасности — температуры, давления, состава воздуха, радар столкновений и датчики иных угроз. Если мы возникнем внутри звезды или планеты, то ничто из этого нас не спасет, но нетрудно посчитать, что шансы упасть с лестницы и свернуть себе шею намного выше, чем шансы занять одно пространство с другой материей — пространства много, массы мало, по крайней мере, в нашей родной вселенной. Мы надеялись, что это будет верно и для других вселенных.

Заранее узнать, как обстоят дела в других пространствах Числа Зверя, невозможно, но «трус не пустится в дорогу, слабый вымрет по пути»[48]. Никто из нас ни слова не сказал о том, что отправляться в другие вселенные *совсем не обязательно*. Да и наша родная планета стала недружелюбной. Мы больше не говорили о «Черных Шляпах», но помнили, что они никуда не делись и что мы до сих пор живы лишь потому, что затаились и позволили всем считать, что мы

[48] Сноски: 48
Слова американского поэта Х. Миллера (1837–1913). — *Прим. С. В. Голд.*

мертвы.

По утрам за завтраком у нас улучшался аппетит, когда «Гэй Обманщица» вместо обзора найденных новостей докладывала: «нет данных». Зебадия, я совершенно уверена, считал, что его кузен мертв. Не сомневаюсь, что он все равно отправился бы на Суматру в безнадежной попытке его разыскать — если бы у него появилась жена, а в перспективе и ребенок. Я пропустила месячные, как и Хильда. Наши мужчины подняли тосты за наши пока еще не раздувшиеся животики; мы с Хильдой неохотно пообещали быть хорошими девочками — есть, сэр! — и осторожными. Хильда присоединилась к моей утренней разминке, мужчины тоже, едва поймали нас за этим занятием.

Зебадия мог бы обойтись без физических упражнений, но он, похоже, получал от них удовольствие. А папа убавил в талии всего за неделю пять сантиметров.

Вскоре после тостов Зебадия испытал оболочку «Гэй Обманщицы» на герметичность, нагнав четыре атмосферы внутри и выведя наружу манометр.

Пока наш пространственно-временной кораблик был запечатан, мы мало что могли сделать

и потому закончили работу рано.

— Поплаваем? — предложила я.

В Уютной Гавани не было бассейна городского типа, а горный ручей слишком *холодный*. Папа исправил этот недостаток, когда спрятал его под землю: через трубы отвел воду под землей в заросли кустарника, где создал «природную» горную речушку, что протекала рядом с домом. Потом он закатил в русло огромный валун, добавил к нему несколько поменьше, чтобы получился бассейн, который можно было наполнять и сливать. Для стыков он использовал окрашенный цемент, чтобы бассейн казался творением природы.

После моих слов можно подумать, что папа у меня настоящий Пол Баньян[49]. Папа и вправду *мог бы* построить Уютную Гавань только собственными руками. Но все подземные этажи вырыли испаноязычные рабочие из Ногалеса, и они же смонтировали сборный домик на поверхности. Воздушный кран доставил детали и материалы из строительной компании Альбукерке, которую мама Джейн купила для папы через подставных юристов в Далласе. Краном управлял сам менеджер компании. Он был уве-

[49] Сноски: 49

Пол Баньян — герой американского фольклора, великан-лесоруб и первопроходец. — *Прим. С. В. Голд.*

рен, что это заказ богатого клиента юридической фирмы и что самым разумным будет выполнить работу и обо всем забыть. Папа командовал процессом на техасском диалекте мексиканского, с помощью своей секретарши, то есть меня — испанский был одним из языков, которые я изучала в аспирантуре.

Рабочие и механики не имели ни малейшего представления, где они находятся, но им хорошо платили, их хорошо кормили, они комфортно жили в сборных домиках, которые привез тот же кран, все тяжелые работы выполняла техника — а в таких условиях кого волнует, что именно делают «gringos locos»[50]? Два пилота должны были знать, где идет строительство, но они летали на сигнал радиомаяка, которого тут больше нет.

Вся эта секретность была вызвана вовсе не Черными Шляпами; о законе джунглей я узнала от мамы: никогда не давай налоговой инспекции никаких зацепок. Плати наличными, держи рот на замке, не проводи через банки ничего, что позже не будет отражено в декларации. Плати налоги чуть выше, чем ожидают при твоем уровне жизни, и соответственно декларируй доходы. Нас

[50] Сноски: 50
Безумные гринго (*исп.*).

проверяли трижды после смерти мамы; каждый раз правительство возвращало небольшую «переплату», ну а я получила репутацию девушки туповатой, но честной.

Мое предложение насчет поплавать было встречено молчанием.

Затем папа сказал:

— Зеб, твоя жена слишком энергична. Дити, позже вода будет теплее, а тени под деревьями больше. Тогда мы сможем неспешно прогуляться до бассейна. Зеб?

— Я согласен, Джейк. Мне нужно сохранять энергию.

— Поспать?

— Даже на сон моих сил недостаточно. Что ты говорил сегодня утром по поводу перестройки системы?

Тетя Хильда выглядела ошарашенной.

— Я думала, что мисс «Гэй Обманщица» уже готова. Вы хотите все переделать?

— Спокойно, дорогая Язва. «Гэй Обманщица» и правда готова. Осталось только загрузить в трюм некоторые вещи, которые мы уже взвесили и прикинули размещение для сохранения центра масс.

Я могла бы ей кое-что рассказать об этом —

разбираясь с тем, что можно рассовать по всем углам и отделениям, не лишив Гэй баланса, я обнаружила, что у моего мужа имеется совершенно незаконная лазерная пушка. Я ничего не сказала, я просто включила в расчеты ее массу и расстояние от оптимального центра тяжести. Иногда я размышляю, кто из нас больше нарушает закон: Зебадия или я? У большинства мужчин есть нездоровая склонность повиноваться законам, но эта нелегальная лазерная пушка заставила меня призадуматься.

— Почему бы не оставить все как есть? — осведомилась тетя Хильда. — Джейкоб и Господь знают, насколько я счастлива тут… Но Вы Все В Курсе, Почему Мы Не Можем Оставаться Тут Дольше, Чем Нужно.

— Мы говорили не о «Гэй Обманщице». Мы с Джейком обсуждали перестройку Солнечной системы.

– *Солнечной системы?* А что с ней сейчас не так?

— Много чего, — сообщил Зебадия. — Она собрана кое-как. Куча недвижимости пропадает зря. Наша старая измученная планета набита людьми и местами обветшала. Понятно, промышленность и энергостанции на орбите нас слегка

спасают, и поселения в точках Лагранж-Четыре и Лагранж-Пять сидят на самообеспечении… все, кто вначале инвестировал в космические станции, сделали кучу денег.

(Как мой папа, Зебадия.)

— Но это ерунда по сравнению с тем, что можно сделать, — продолжал он, — а у нашей планеты с каждым годом дела все хуже. Но шестимерный принцип Джейка может изменить все.

— Переместить людей в другие вселенные? А они поедут?

— Мы не думали об этом, Хильда. Мы пытаемся применить закон Кларка.

— Я такого не помню. Может быть, его проходили, когда я болела свинкой?

— Артур Кларк, — сказал ей папа. — Великий человек… как жаль, что его ликвидировали во время Чистки. Кларк вычислил, как совершить великое открытие или сделать важное изобретение: сначала выясни, что, по мнению самых уважаемых авторитетов, сделать *невозможно* — а потом сделай это. Мой континуумоход — крестник Кларка через его закон. Его озарение вдохновило меня на изучение шестимерных континуумов. А этим утром Зеб подкинул мне кое-какие следствия моего открытия.

— Джейк, не пудри дамам мозги. Я задала конкретный вопрос, а ты уводишь разговор в сторону.

— Э-э-э, ну, мы объединили две идеи. Хильда, ты знаешь, что для путешествий во времени-пространстве не нужна энергия?

— Боюсь, что я не в курсе, дорогой мой. Зачем тогда энергоблоки в «Гэй Обманщице»?

— Для вспомогательных нужд. Чтобы тебе не пришлось готовить на открытом огне, например.

— Да, сам искривитель континуума не потребляет энергии, — подтвердил Зебадия. — Только не спрашивай почему. Я спросил, Джейк начал писать уравнения на санскрите, и у меня дико заболела голова.

— Он не потребляет энергии, тетя Хильда, — внесла свою лепту и я. — Есть утечки через паразитную мощность излучения. Еще несколько микроватт, чтобы поддерживать вращение гироскопов, милливатты для приборной панели и верньеров… но сам аппарат ничего не потребляет.

— А что случилось с законом сохранения энергии?

— Язва, — начал мой муж, — я сносный меха-

ник, схемотехник-любитель и парень, который гонял по небу совершенно немыслимую рухлядь. Меня не волнуют теории, пока техника делает то, для чего она предназначена. Я начинаю волноваться, только когда машина поворачивается и начинает меня кусать. Именно поэтому я специализируюсь на контурах безопасности, аварийных системах и тройном резервировании. Пытаюсь сделать так, чтобы машина *никогда* меня не подводила. Этого нет в теориях, но это знает каждый инженер.

— Хильда, любимая, наш континуумоход не нарушает закон сохранения массы-энергии; он просто не имеет к нему отношения. Как только Зеб понял, что…

— Я не говорил, что понял.

— …как только Зеб принял это предположение, у него тут же появились интересные вопросы. Например, Юпитер не нуждается в Ганимеде…

— А вот Венере бы он очень пригодился. Хотя Титан, возможно, подошел бы лучше.

— Мм-м… возможно.

— Да. Быстрее получится создать обитаемую базу. Но более срочная задача, Джейк, состоит в том, чтобы засеять Венеру, перенести атмосферу на Марс и прогнать их через ускоренное старение.

Потом переместить в… Троянские точки на земной орбите[51]?

— Определенно. За нами миллионы лет эволюции именно на этом расстоянии от Солнца. Ясно, что для нас лучше всего жить не ближе и не дальше. И нужно особое внимание к стратосферной защите. Но у меня все еще есть сомнения по поводу того, как поместить якорь в кору Венеры. Мы же не захотим потерять эту планету на оси «тау».

— Исключительно вопрос НИОКР, Джейк. Рассчитать давление и температуру, предусмотреть соответствующую прочность транспортного средства — оно должно быть сферическое, за исключением внешних якорей, — а потом заложить в него четырехкратную надежность. Для автоматического управления — пятикратное резервирование. Мы подхватим ее, когда она вернется в нашу вселенную, переведем на зем-

[51] Сноски: 51

Троянские точки — точки Лагранжа L_4 и L_5, в которых силы притяжения Земли и Солнца создают условия равновесия: объект небольшой массы, находясь в этой точке, может следовать за Землей по орбите на стабильном расстоянии. Объекты большой массы в этих точках, очевидно, дестабилизируют систему. Теоретически вблизи орбиты Земли должны существовать точки стабильности для Марса или Венеры (для их определения нужно всего-навсего решить Задачу трех тел), но эти точки некорректно называть «троянскими». — *Прим. С. В. Голд.*

ную орбиту, в шестидесяти градусах от нас[52], и начнем продавать участки размером со старые испанские латифундии. Джейк, нам нужно собрать достаточно массы, чтобы создать новые Земли во *всех* троянских точках, чтобы получился шестиугольник вокруг Солнца. Пять новеньких Земель дадут нам достаточно пространства для размножения. Когда отправимся в первое путешествие, надо будет все хорошенько изучить.

Тетя Хильда глянула на Зебадию с ужасом:

— Зебби! Создание планет — вы совсем рехнулись?!

— Дорогая теща, те вещи, которые мы обсуждаем с Джейком, вполне возможно реализовать — если вспомнить, что искривитель пространства-времени не потребляет энергии. Двигай что угодно куда угодно — в любые пространства, в любые времена. Да, я говорю о них во множественном числе, сначала я не понимал, что имеет в виду Джейк, когда говорит об ускоренном старении планеты. Поверни Венеру по

---

[52] Сноски: 52

В идеальном случае Земля, Солнце и классическая троянская точка образуют равносторонний треугольник, углы в котором равны 60°. В случае с массивным телом в троянской точке это правило уже не работает (см. выше), однако шесть планет равной массы, построенные кольцом вокруг Солнца, действительно могут образовать устойчивую систему с углами 60°. — *Прим. С. В. Голд.*

оси «тау», двинь ее назад по оси «тэ», установи ее на столетия или тысячелетия позже на оси «t». Возможно, сдвинь ее на год иди около того в будущее — наше будущее, — чтобы подготовиться к ее возвращению, когда она возникнет вся зеленая и красивая, готовая растить детей, щенков и бабочек. Терраформированная, но девственная.

Немного позже Зебадия, растянувшись на диване, разглядывал стену над камином и вдруг неожиданно спросил:

— Папа, ты служил на флоте?

— Нет, в армии. Если можно так назвать «офисных пехотинцев». Благодаря докторской степени в математике мне присвоили офицерское звание, сказали, что я нужен для решения баллистических задач. А потом я весь срок провел в кадровом отделе, бумажки подписывал.

— Стандартный порядок действий. Тут у тебя на стене морская шпага и портупея. Я подумал, они твои.

— Они принадлежат Дити, а к ней перешли от Роджерса, дедушки Джейн. У меня есть парадная сабля. Принадлежала отцу, а он отдал ее мне, когда меня прибрали в армию. Парадная форма тоже имеется. Только я никогда ее не надевал — повода просто не было, — папа поднялся

и отправился в свою — их — спальню, откуда крикнул: — Пойдем, я покажу тебе саблю.

Мой муж повернулся ко мне:

— Дити, ты не возражаешь, если я возьму твою шпагу?

— Мой капитан, эта шпага твоя.

— Ну нет, дорогая, я не могу принять семейную реликвию.

— Если мой вождь не примет в дар от своей принцессы сей клинок, он останется висеть на стене! Я так хотела сделать тебе свадебный подарок — и не сообразила, что у меня уже есть идеальный дар для капитана Джона Картера.

— Мои извинения, Дея Торис. Я принимаю твой дар и обещаю, что клинок сей не потускнеет. Им я буду защищать мою принцессу от всех врагов.

— Гелиум горд принять такого защитника. Если ты подставишь руки, я встану на них и сниму его со стены.

Зебадия ухватил меня повыше колен, и я неожиданно выросла до трех метров. Шпага и портупея висели на крючках, я сняла их, после чего меня саму аккуратно опустили на пол. Мой муж стоял прямо, пока я застегивала на нем портупею, а потом опустился на колено и поцеловал мою руку.

Мой муж безумен от норд-Нордвеста[53], но его безумие меня устраивает. Глаза мои наполнились слезами в этот момент — с Дити такого почти не бывает, а вот с Деей Торис иногда случается, после того, как Джон Картер сделал ее своей женой.

Папа и тетя Хильда понаблюдали, а затем повторили церемонию, включая — я видела! — слезы в глазах Хильды после того, как она пристегнула к его поясу саблю, а он опустился на колено и поцеловал ей руку.

Зебадия обнажил шпагу, проверил балансировку и осмотрел лезвие.

— Ручная работа, сбалансирован близко к рукояти. Дити, твой прадедушка заплатил немалые деньги за этот клинок. Это честное оружие.

— Я не думаю, что он знал, сколько оно стоит. Ему вручили эту шпагу.

— И я уверен, на то была особая причина, — Зебадия отступил назад, поднял клинок «на караул», сделал стремительные вертикальные мулине влево, вправо, затем горизонтальные — по часовой и против, внезапно перешел в защиту мечника — сделал выпад, прикрылся, быстрый,

---

[53] Сноски: 53

Игра слов, объединяющая цитату из «Гамлета» и имя Нордвеста Смита, героя К. Мур. — *Прим. С. В. Голд.*

как нападающий кот.

Я тихо сказала папе:

— Ты заметил?

Папа отозвался так же негромко:

— Умеет обращаться с саблей. И со шпагой.

Хильда воскликнула:

— Зебби! Ты никогда не говорил мне, что посещал Гейдельберг[54]!

— Ты никогда не спрашивала, Язва. В «Красном Воле» меня звали «карой Неккара»[55]!

— А где твои шрамы от поединков?

— Ни одного не получил, дорогая. Хотя провел там лишний год именно ради этого. Однако никто не сумел прорваться через мою защиту — ни разу. Даже не хочу вспоминать, сколько немецких лиц я расчертил, как шахматную доску.

— Зебадия, это там ты получил докторскую степень?

Мой муж улыбнулся и сел, все еще с клинком на поясе.

— Нет, в другой школе.

---

[54] Сноски: 54

Старейший университет Германии, славный фехтовальными традициями.

[55] Сноски: 55

«Красный Вол» — таверна в Гейдельберге. *Неккар* — река, на которой стоит город. — *Прим. С. В. Голд.*

— Массачусетский технологический? — спросил папа.

— Едва ли. Папа, это должно остаться внутри семьи. Я решил доказать, что можно получить степень в одном из основных университетов, не зная ничего и ничего не добавляя к человеческим знаниям.

— Я думаю, у тебя степень по аэрокосмической инженерии, — небрежно заметил папа.

— Признаю, посещал все нужные занятия. У меня две степени — бакалавриат в гуманитарных науках… как-то просочился… и докторат от старой и престижной школы — доктор философии по педагогике.

— Зебадия! *Не может быть!* — я была в ужасе.

— Но я это сделал, Дити. Чтобы доказать, что степени *сами по себе* ничего не стоят. Часто они почетные, ими украшают истинных ученых, вдохновенных преподавателей и настоящих исследователей. Но гораздо чаще они служат фальшивым лицом для заучившихся баранов.

Папа сказал:

— Я не стану спорить, Зеб. Докторская степень — что-то вроде профсоюзного билета для того, чтобы получить постоянную работу. Она вовсе не означает, что ее обладатель мудр или

даже образован.

— Да, сэр. Я узнал об этом, еще сидя на дедушкиных коленях — моего деда Захария, из-за которого все его потомки теперь носят имена на букву «З». Дити, его влияние на меня было таким сильным, что я должен объяснить… нет, это невозможно, я должен рассказать о нем, чтобы объясниться… и объяснить, как я получил эту бесполезную степень.

Хильда сказала:

— Дити, он опять собрался травить байки.

— Тихо, женщина. «Уходи в монастырь; прощай!»[56]

— Я не принимаю указаний от собственного зятя. Построй монастырь, и я подумаю.

Я держала рот на замке — выдумки моего мужа меня развлекают. (Если это, конечно, выдумки.)

— Дедушка Зак был таким сварливым древним старикашкой, какого только можно себе представить. Он ненавидел правительство, ненавидел законников, ненавидел чиновников, ненавидел проповедников, ненавидел автомобили, государственные школы, телефоны, презирал большинство редакторов, большинство писате-

---

[56] Сноски: 56

В. Шекспир, «Гамлет». Акт 3. Сцена 1. Перевод М. Лозинского. Разговор Гамлета с Офелией. — *Прим. С. В. Голд.*

лей, большинство профессоров, короче говоря, почти все на свете. Но давал очень щедрые чаевые официанткам и носильщикам и изо всех сил старался не наступать на насекомых.

У дедушки было три докторские степени: биохимия, медицина и юриспруденция — и всякого, кто не умел читать латынь, греческий, иврит, французский или немецкий, он считал безграмотным.

— Зебби, а ты умеешь читать на всех этих языках?

— К счастью для меня, дедушку хватил удар во время заполнения налоговой декларации, и произошло это раньше, чем он смог задать мне этот вопрос. Я не знаю иврит, могу читать на латыни, разбирать греческий, читаю и говорю на французском, читаю технический немецкий, понимаю некоторые его диалекты, ругаюсь на русском — это очень полезно! — и болтаю на грамматически неправильном испанском, которого нахватался в кантинах и у «горизонтальных словарей».

Дедушка наверняка считал бы меня неграмотным, поскольку ни одного из языков я толком не знаю, а еще я иногда пускаю в ход расщепленный

инфинитив[57], это привело бы его в ярость. Он практиковал судебную медицину, медицинское право, был экспертом в токсикологии, патологии и травматологии, задирал судей, терроризировал адвокатов, студентов-медиков и студентов-юристов. Однажды он вышвырнул из своего кабинета налогового инспектора и потребовал, чтобы тот вернулся с ордером на обыск, оформленным в соответствии с конституционными требованиями. Подоходный налог, Семнадцатую поправку[58] и прямые первичные выборы он считал признаками упадка республики.

— А что он думал по поводу Девятнадцатой[59]?

— Хильда, дедушка Зак поддерживал избирательное право для женщин. Я помню, как он говорил — если уж женщины настолько безумно глупы, что хотят взвалить на себя эту ношу, им нужно поскорее ее отдать; все равно они не принесут нашей стране больше вреда, чем уже

---

[57] Сноски: 57

Инфинитив с отделенной от глагольной основы частицей «to». С XIX в. считается синтаксической ошибкой. — *Прим. С. В. Голд.*

[58] Сноски: 58

Принята в 1913 г., изменила порядок выбора членов Сената: они стали избираться всеобщим голосованием. — *Прим. С. В. Голд.*

[59] Сноски: 59

Принята в 1920 г., предоставила избирательные права всем гражданам, независимо от пола. — *Прим. С. В. Голд.*

наделали мужчины. Лозунг «право голоса — женщинам» его не раздражал, в отличие от девяти тысяч других вещей. Он постоянно жил на точке кипения и в любой момент мог готов был сорвать крышку.

У него было одно хобби: он собирал гравюры на стали.

— Гравюры на стали? — переспросила я.

— Портреты мертвых президентов, моя принцесса. Особенно Мак-Кинли, Кливленда и Мэдисона, хотя не брезговал и Вашингтоном[60]. У него было удивительное чутье подходящего момента, которое так необходимо коллекционеру. В 1929 году, к «Черному четвергу»[61], у него не осталось на руках ни одной обычной акции, кроме тех, которыми он играл на понижение. Когда в 1933 году наступил «банковский выходной»[62], все его деньги, кроме наличности, были уже в Цюрихе, в швейцарских франках. Вскоре

---

[60] Сноски: 60

Эти президенты изображены на долларовых банкнотах.

[61] Сноски: 61

24.10.1929 г. произошло массовое падение котировок на Нью-Йоркской фондовой бирже. В этой ситуации выиграли те, кто «сидел в шортах», т. е. ставил на понижение стоимости акций. — *Прим. С. В. Голд.*

[62] Сноски: 62

09.03.1933 г. президент Ф. Рузвельт особым указом прекратил работу банков, объявив «банковские каникулы». — *Прим. С. В. Голд.*

гражданам США «чрезвычайным» постановлением запретили иметь золото даже за границей.

Дедушка Зак быстренько рванул в Канаду, обратился за швейцарским гражданством, получил его и после этого проводил жизнь между Европой и Америкой, не боясь инфляции и законов о конфискации, что заставили нас в конечном итоге убрать три ноля со старых долларов и создать нью-доллары.

Так что он умер богатым, в Локарно — прекрасное место, я провел с ним два лета, когда был мальчишкой. Его завещание было составлено в Швейцарии, и налоговые шакалы из США не могли до него добраться.

Большую часть он вложил в трастовый фонд, предназначенный для его отпрысков задолго до его смерти, иначе бы меня не назвали Зебадия.

Отпрыски женского пола получали пропорциональные доли дохода без каких-либо условий, а вот мужчинам требовались имена на букву «З», но даже это не давало им ни единого швейцарского франка: было дополнительное условие в духе «сделай или умри!». Захария верил в то, что должен позаботиться о дочерях, но сыновья и внуки должны были отправляться на все четыре стороны и выкручиваться без какой-либо помощи от

предков. Они должны были вкалывать, пока не заработают, накопят или добудут — не попав при этом в тюрьму — сумму, равную их доле капитала в трастовом фонде. Только тогда им начинал с нее капать доход.

— Сексизм, — сказала тетя Хильда. — Грубый, неприкрытый сексизм. Любая феминистка плюнула бы на его старые грязные деньги, услышав о таких условиях.

— А ты отказалась бы, Язва?

— Я? Зебби, дорогой, ты не заболел? Я бы тут же загребла их обеими руками. Конечно, я всегда за права женщин, но я не фанатик. Язва хочет, чтобы ее холили и лелеяли, и мужчины в этом хороши, это их природная функция.

— Папа, тебе не нужна помощь, чтобы с ней управляться?

— Нет, сынок. Мне нравится холить и лелеять Хильду. И я что-то не вижу, чтобы ты «управлялся» с моей дочерью.

— Я не смею, ты же мне сказал, что она прекрасно владеет карате.

(Это правда, папа сделал все, чтобы меня научили всем грязным приемчикам.)

— Когда я закончил школу, папа вызвал меня на разговор. «Зеб, — сказал он мне. — Пришло

время. Ты можешь выбрать любой университет, какой захочешь, и я оплачу твою учебу. Или ты можешь взять все свои сбережения и в одиночку пробовать добиться своей доли в завещании дедушки. Решай сам, я не буду на тебя давить».

Мне тогда пришлось хорошо подумать. Младшему брату отца перевалило за сорок, а он *все еще* не получил наследства. Размер трастового фонда был таков, что для получения своей доли наследник мужского пола должен был разбогатеть собственными усилиями — стать как минимум состоятельным — после чего он тут же становился вдвое богаче. Но учитывая, что половина населения этой страны живет за счет налогов небольшого числа граждан, сегодня не так легко разбогатеть, как это было в дедушкины дни.

Выбрать оплаченное папой обучение в Принстоне или Массачусетском технологическом? Или плюнуть на это и попытаться разбогатеть, имея за плечами только школьное образование? Я немногому научился в старших классах, поскольку специализировался на девушках.

Поэтому мне пришлось серьезно и долго подумать. Примерно десять секунд. Назавтра я оставил дом, имея при себе чемоданчик и жалкую сумму денег.

Осел я в кампусе университета, который был хорош двумя вещами: курсы подготовки офицеров резерва для аэрокосмических сил, которые бы взяли на себя часть платы за обучение, и факультет физвоспитания, где готовы были дать мне стипендию в обмен на ежедневные синяки и ушибы, а также за то, что буду выкладываться по полной на всяческих соревнованиях. Сделка эта меня устроила.

— Чем ты занимался?

— Футбол, баскетбол и легкая атлетика — будь у них возможность, они бы заставили меня подписаться на что-нибудь еще.

— Я думал, что ты упомянешь фехтование.

— Нет, это другая история. Но стипендии все равно не хватало. Поэтому я ради еды подрабатывал официантом в забегаловке — еда была такая, что тараканы разбегались. Но это закрыло дыру в бюджете, и я пополнил его репетиторством по математике. Так я начал сколачивать капитал, чтобы пройти квалификацию.

Я спросила:

— Разве репетиторством по математике можно хоть что-то заработать? Я занималась этим еще до смерти мамы, и почасовая ставка была низковата.

— О, это были занятия *особого* сорта, моя принцесса. Я учил юных обеспеченных оптимистов не зарываться, набрав «стрит», и тому, что покер — вовсе не азартная игра, в отличие от крэпса, и что она подчиняется математическим законам, которые нельзя игнорировать безнаказанно. По словам дедушки Захарии: «Человек, который ставит на жадность и нечестность, редко ошибается». Удивительно много жадных людей, а выиграть у нечестного игрока даже легче, чем у честного… и никто из них, как правило, не умеет подсчитывать шансы при игре в крэпс, особенно на побочных ставках, или подсчитывать шансы в покере, то, как они меняются в зависимости от количества игроков, от того, где кто сидит относительно сдающего, и как рассчитывать вероятности, когда карты ложатся на стол.

Вот с тех пор я и не пью, моя дорогая, кроме особых случаев. Любая «дружеская» игра заканчивается тем, что некоторые остаются внакладе, другие остаются с прибылью, и тот, кто намерен попасть во вторую группу, не должен быть ни пьяным, ни усталым. Папа, тени удлиняются, и я не думаю, что кому-то еще интересно слушать, как я добыл свою бесполезную ученую степень.

— Мне интересно! — воскликнула я.

— И мне! — добавила тебя Хильда.

— Сынок, ты проиграл это голосование.

— Хорошо. Получив диплом, я два года провел на действительной службе. Небесные жокеи — еще более оптимистичные ребята, чем студенты, и денег у них побольше. А тем временем я продолжал изучать математику и инженерные дисциплины. Меня отправили в запас как раз вовремя, чтобы снова призвать на Войну Судорог. Обошелся без ранений; я был в большей безопасности, чем гражданские. Но это отняло у меня еще год, несмотря на то, что бои практически закончились, когда я прибыл на место несения службы. Это сделало меня ветераном со всеми ветеранскими льготами. Я отправился на Манхэттен и снова пошел учиться, уже в аспирантуру. Педагогика. Поначалу совсем несерьезно, просто хотел использовать свои ветеранские льготы, одновременно наслаждаясь возможностью снова побыть студентом. Большую часть времени я занимался накоплением денег, чтобы добраться до своего наследства.

Я знал, что в педагогических университетах самые тупые студенты, самые глупые профессора и самые идиотские курсы обучения.

Записавшись на вечерние лекции по общим

предметам и очень непопулярные утренние — на восемь утра, я рассчитывал потратить большую часть своего времени на изучение фондового рынка. И я изучил его, работая на бирже, прежде чем рискнул хотя бы десятью центами.

В конце концов, мне пришлось выбирать тему для исследования или отказаться от прелестей ученической жизни. Мне надоела учеба, это был торт из сплошного безе, без всякой начинки, но я держался, потому что знал, как надо отвечать, когда ответы — это всего лишь мнения, а единственное мнение, которое имеет значение, принадлежит профессору. И знал, как справиться с вечерними лекциями по общим предметам: надо просто купить готовые конспекты. Прочитай все, что когда-либо опубликовал профессор. Не пропускай лекции слишком часто, а когда приходишь, приходи пораньше, садись в центре первого ряда и убедись, что проф ловит твой взгляд, когда смотрит в твою сторону, то есть попросту не отводи глаз от него. Задай ему тот единственный вопрос, на который он точно сможет ответить, потому что ты вычитал его в одной из опубликованных работ — и называй свое имя, когда вылезаешь с вопросом. К счастью, такое имя, как «Зебадия Картер», легко запомнить.

Эх, семья, я получил отличные оценки по всем курсам и семинарам… поскольку я не изучал педагогику, я изучал профессоров педагогики.

Но от меня все еще ждали, что я сделаю «оригинальный вклад в человеческие знания», без которого кандидат не может получить докторскую степень в большинстве так называемых дисциплин… а в тех немногих, где этот вклад не требуется, нужно пахать как лошадь.

Я изучил свой ученый совет, прежде чем связать себя темой для исследований… Я не только прочел все, что опубликовал каждый из них, но даже купил их публикации или заплатил библиотеке, чтобы мне сделали копии тех работ, которых уже не было в продаже.

Муж взял меня за плечи:

— Дея Торис, сейчас ты услышишь название моей диссертации. Если что, то ты сможешь получить развод на своих условиях.

— Зебадия, не говори так!

— Тогда держись крепче. «Специализированное исследование относительно оптимизации инфраструктуры институтов начального образования на стыке между администрированием и преподаванием с особым вниманием к пробелам в групповой динамике».

— Зебби, что это значит?

— Это не значит ничего, Хильда.

— Зеб, хватит издеваться над дамами. Такое название никогда бы не утвердили.

— Джейк, похоже, ты никогда не учился в педагогическом университете.

— Ну… нет. Это не требуется для преподавания на уровне университета, но…

— Никаких «но», папа. У меня есть экземпляр диссертации, ты можешь сам проверить ее подлинность. Хотя эта работа совершенно лишена смысла, она является литературным шедевром, в том же смысле, как успешная подделка «старого мастера» сама по себе является предметом искусства. Она полна жужжащих слов. Средняя длина предложения — восемьдесят одно слово. Средняя длина слова, если убрать предлоги, артикли и прочие грамматические частицы — одиннадцать с лишним букв, то есть чуть меньше четырех слогов. Библиография длиннее самой диссертации, в ней упомянуты по три работы каждого из членов ученого совета и четыре — председателя… но все цитаты в тексте нарезаны так, чтобы избежать любого упоминания тем, по которым члены совета имеют разные, пусть и одинаково глупые, мнения.

Но лучшим моим достижением было разрешение на проведение полевых работ в Европе, которые были зачтены как время, проведенное в кампусе. Половина цитат была на иностранных языках — от финского до хорватского, — а переведенные фрагменты ничем не противоречили мнениям моего ученого совета. Мне пришлось аккуратно изымать их из контекста, чтобы этого добиться, но зато я был уверен, что этих работ нет в кампусе и что никто из оппонентов не озаботится их поиском, даже если бы они вдруг там были. Большинство членов совета не в ладах с другими языками, даже такими простыми, как французский, немецкий и испанский.

Но я не тратил время на поддельные полевые работы, я просто хотел отправиться в Европу по студенческим тарифам на авиабилеты и использовать студенческие хостелы — самый дешевый способ путешествовать. И заодно посетить дедушкиных поверенных…

Хорошие новости! Фонд вложился в «голубые фишки», гособлигации с высшим рейтингом и спекулятивные акции, котировки которых в этот момент росли. Из-за этих вложений текущая денежная стоимость фонда снизилась, хотя доходы его выросли. Вдобавок парочка мо-

их двоюродных братьев и один дядя добились своей доли, и это еще больше снизило мой порог вхождения в наследство… итак, вот он, момент истины! — до цели было рукой подать. Я привез с собой все свои сбережения, поклялся перед нотариусом, что это все мое, никаких займов, никаких папочкиных денег — и положил на депозит в Цюрихе, под присмотр тех же поверенных. А потом рассказал им о моей коллекции марок и монет.

Хорошие марки и монеты никогда, никогда не падают в цене, они только поднимаются. В моей коллекции были исключительно корректурные оттиски, конверты первого дня и неразрезанные листы марок с полями, все в идеальном состоянии — я захватил с собой нотариально заверенный каталог и заключение эксперта. Поверенные заставили меня поклясться, что все это приобретено на заработанные деньги (истинная правда, первые экземпляры я купил на гонорары от стрижки газонов), и обещали сохранить за мной мою долю наследства по курсу на текущую дату (или по более низкому, если снижение стоимости фонда будет продолжаться), если я по возвращении в Штаты продам свою коллекцию и незамедлительно переведу полученные деньги

на счет в Цюрихе.

Я согласился. Один из поверенных пригласил меня на обед, попытался споить, а потом предложил десять процентов сверх оценочной стоимости, если я продам ему всю коллекцию сегодня, а потом переправлю в Швейцарию курьером, за его счет, благо курьеры мотаются между Европой и Америкой каждую неделю.

Мы пожали друг другу руки, вернулись и проконсультировались с другими поверенными. Я подписал бумаги о передаче права собственности, поверенный подписал свой чек, а я уведомил поверенных о переводе денег на мой счет в Цюрихе. Через три недели пришло сообщение, что коллекция полностью соответствует описанию, и я получил наследство.

Через пять месяцев мне была присуждена степень доктора философии, summa cum laude[63]. И это, дорогие мои, самая постыдная история моей жизни. Ну что, кто-то набрался энергии, чтобы поплавать?

— Сынок, если во всем этом есть хоть слово правды, то это на самом деле постыдная история.

— Папа! Ты несправедлив! Зебадия играл по *их*

---

[63] Сноски: 63

Summa cum laude — с высшим отличием (*лат.*). — *Прим. С. В. Голд.*

правилам — и обыграл их!

— Я не говорю, что *Зеб* должен чего-то стыдиться. Это относилось к американской системе высшего образования. Диссертация, которую, по словам Зеба, он написал, ничуть не хуже того мусора, что принимается диссертационными советами в наши дни — я это *знаю*. Его случай — единственный на моей памяти, когда умный и способный ученый — ты, Зеб — решился показать, что «заслуженная» степень «д.ф.» может быть присвоена известным учебным заведением — я знаю каким — в обмен на намеренно бессмысленное псевдоисследование. Более типичная ситуация, когда глупые, лишенные чувства юмора юнцы занимаются подсчетом пуговиц под руководством глупых и лишенных чувства юмора старых дураков. Я не знаю, как это прекратить, болезнь зашла слишком далеко. *Единственный* выход — срубить систему под корень и начать с нуля, — тут мой отец пожал плечами. — Но это невозможно.

— Зебби, — вмешалась тетя Хильда, — что ты делаешь в нашем кампусе? Я никогда не спрашивала.

Мой муж ухмыльнулся:

— Во многом то же, что и ты, Язва.

— Я ничего не делаю. Я наслаждаюсь жизнью.

— Вот и я тоже. Если полистать списки — я записан как «профессор-исследователь», проживающий по месту работы. Изучение бухгалтерских книг университета подтвердит, что мне платят жалованье, соответствующее ученой степени. Дальнейшее исследование покажет, что несколько большую сумму переводят в общий фонд университета некие поверенные из Цюриха… все время, пока я остаюсь в кампусе, хотя это условие нигде не записано. Мне нравится жить в кампусе, Язва. Это дает мне привилегии, которые недоступны варварам, обитающим за его стенами. Иногда я читаю курс-другой, когда нужно заменить кого-то, кто взял академический отпуск или заболел.

— Что? Какие курсы? На каком факультете?

— На любом, кроме педагогического. Математика для инженеров. Курс общей физики. Термо — чтоб ее — динамика. Детали машин. Фехтование — сабля и дуэльный меч. Плавание и — не смейся! — английская поэзия от Чосера до эпохи Елизаветы. Мне нравится преподавать что-то стоящее. Никакой платы за эти курсы я не беру — мы с ректором хорошо понимаем друг друга.

— Зато я не уверена, что понимаю тебя, — сказала я, — но все равно тебя люблю. Давайте пойдем, поплаваем.

– X –
Зебадия

Прежде чем отправиться к бассейну, наши жены поспорили насчет того, как одевались воины Барсума. Дискуссию осложнил тот момент, что я был единственным полностью трезвым в компании. Пока я рассказывал свою «постыдную историю», Джейк не раз обновил свой стакан со скотчем и обрел дар красноречия. Супруги наши ограничились хайболом каждая, но если Дити после одного стакана лишь разрумянилась, то масса Язвы столь мала, что после той же дозы она просто окосела.

Мы с Джейком решили отправиться плавать во всеоружии, раз наши принцессы нацепили на нас клинки, мы будем их носить. Только Дити попросила, чтобы я снял испачканные в машинном масле шорты, в которых я работал.

— Капитан Джон Картер никогда не носит одежды, — заявила она. — Он прибыл на Барсум нагим, и после этого он никогда не носил ничего, кроме собственной кожи и оружия воина. Украшенные драгоценными камнями кожаные

доспехи для торжественных случаев, обычные кожаные доспехи для битвы и шелка для сна по ночам. Барсумцы не носят одежд. Когда Джон Картер впервые увидел Дею Торис… — тут Дити закрыла глаза и процитировала: — «Она была так же лишена одежды, как и сопровождающие ее зеленые марсианки. За исключением украшений очень тонкой работы, она была совершенно обнажена…»[64] — Дити открыла глаза и посмотрела на меня торжественно. — Женщины никогда не носят одежду, только украшения.

— Слшком нн… ик! ххладно, — икнув, заметил ее отец, — Пршу прщен'я.

— Если становилось холодно, они закутывались в меха, папа. Я хотела сказать, Морс Каяк, мой уважаемый отец.

— Да не пр… хладно, а нн-накладно, — ответил Джейк, старательно выговаривая слова. — Звон клинков и сверкание мечей, мужчине не захочется, чтобы его фамильные сокровища болтались на ветру, стуча по коленям, и все такое прочее… Отвлекает! Кроме того, их могут срубить. Верн', капитан Джон Картер?

— Логично, — согласился я.

---

[64] Сноски: 64

Э. Берроуз, «Принцесса Марса», перевод Э. Бродерсен. — *Прим. С. В. Голд.*

— Кром' того, на иллюстрациях рисуют мужчин в набедренных повязках. Возможн' с осталь… со стальными прокладками. *Я* бы носил.

— Эти картинки рисовали в начале двадцатого века, папа. Время цензуры. А по тексту все очевидно — оружие для мужчин, украшения для женщин, меха для холодной погоды.

— Я знаю, как мне нужно одеться, — влезла Язва. — Тувия носила драгоценности на лентах полупрозрачной ткани — я помню картинку на обложке. Никакой одежды. Так, кое-что, куда можно прикрепить украшения. Дити… я имею в виду, Дея Торис… у тебя есть легкий шарф, который я могу позаимствовать? К счастью, на мне были жемчуга, когда Морс Каяк похитил меня.

— Язва, ты не можешь быть Тувией, — возразил я. — Она вышла замуж за Карториса. Морс Каяк — или Морс Ка Джейк, возможно, разница в произношении, — вот кто твой муж.

— Именно Морс Джейк и есть мой муж! Но я его *вторая* жена, это все объясняет! Однако недостойно военного вождя обращаться к принцессе Дома Птарса как к «Язве», — тут миссис Берроуз вытянулась во все свои сто пятьдесят два сантиметра и попыталась выглядеть оскорбленной.

— Мои искренние извинения, ваше высоче-

ство.

Язва захихикала:

— Не могу долго злиться на нашего вождя. Дея Торис, дитя, найдешь зеленый тюль? Голубой? Только не белый.

— Я посмотрю.

— Леди, — возразил я, — если мы не пойдем прямо сейчас, то бассейн остынет. Можете заняться пришиванием жемчужин сегодня вечером. И кстати, откуда жемчуг на Барсуме? Дно мертвых морей пусто, никаких устриц.

— Из Коруса, потерянного Моря долины Дор, — объяснила Дити.

— Они сделали тебя, сынок. Но я либо пойду купаться прямо сейчас, либо выпью еще стаканчик… а потом еще один и еще. Я так много работал. Сплошной напряг. Столько всего свалилось.

— Хорошо, папа. Идем плавать. Тетя Хи… Тувия?

— Готова, Дея Торис. Чтобы спасти Морса Джейкоба от него самого. Но я *не надену* земных одежд. Ты можешь прихватить мою норковую накидку, вдруг будет холодно возвращаться.

Джейк превратил свой саронг в набедренную повязку, которую подоткнул под ремень сабли.

Я заменил грязные шорты на плавки, которые Дити снисходительно назвала «почти барсумскими». К этому моменту я больше не зависел от гардероба Джейка, поскольку в моем дорожном наборе, который всегда в багажнике, есть все от паспорта до пончо. Язва облачилась в жемчуга и кольца, которые носила на вечеринке, еще она обмотала вокруг талии шарф, на который повесила всю бижутерию, которую Дити смогла откопать. Дити же несла норковую накидку Хильды, а потом завернулась в нее.

— Мой капитан, подари мне когда-нибудь такую же.

— Я лично освежую несколько норок, — пообещал я.

— О боже! Я думала, она синтетическая.

— Я так не думаю. Спроси Хильду.

— Я лучше не буду спрашивать. И — я согласна на синтетику.

Я сказал:

— Моя возлюбленная принцесса, ты ешь мясо. Норки — злобные хищники, и те из них, что идут на мех, выращиваются именно для этой цели, их вовсе не ловят по лесам. Их содержат в хороших условиях, потом гуманно убивают. Если бы твои предки не проливали крови ради мяса

и меха во время последнего оледенения, то тебя бы тут просто не было. Нелогичные чувства ведут к трагедиям, которые можно увидеть в Индии и Бангладеш.

Дити некоторое время молчала, пока мы шли за Джейком и Хильдой в сторону бассейна.

— Мой капитан… Зебадия…

— Да, Дити?

— Я горжусь тем, что ты сделал меня своей женой. Я постараюсь быть хорошей женой… и твоей принцессой.

— Ты уже и то, и другое. И всегда будешь. Дея Торис, моя принцесса и единственная любовь, пока я не встретил тебя, я был всего лишь мальчишкой, что развлекался с большими игрушками. Сейчас я мужчина. И у меня есть жена, которую нужно защищать и лелеять… и ребенок, которого мы запланировали. Я наконец-то живу по-настоящему! Эй! Ты чего это носом шмыгаешь? Прекрати!

— Прости, не могу сдержаться!

— Ну… не закапай накидку Хильды.

— Дай мне платок.

— У меня даже салфетки с собой нет, — я утер ее слезы собственными пальцами. — Успокойся. Поплачешь на мне позже. В постели.

— Давай ляжем пораньше.

— Сразу после ужина. Ну все, больше не шмыгаешь?

— Кажется, нет. Интересно, беременные все время плачут?

— Говорят, да.

— Ладно… но я больше не собираюсь это делать. У меня нет причин плакать, ведь я ужасно счастлива.

— Полинезийцы умеют, как они говорят, «плакать от счастья». Возможно, ты именно этим и занимаешься.

— Я думаю, что да. Но я постараюсь этого не делать на людях, — Дити начала стаскивать накидку с плеч. — Слишком жарко, и без нее хорошо… — тут она остановилась и неожиданно вернула накидку на место. — Кто это к нам поднимается?

Я поднял глаза и увидел, что Джейк и Хильда добрались до бассейна, и еще увидел фигуру, что поднималась к ним из-за валуна, запрудившего ручей.

— Я не знаю. Держись сзади, — и я поспешил к бассейну.

Незнакомец был одет как федеральный рейнджер. Подойдя ближе, я услышал, как он обратил-

ся к Джейку:

— Вы — Джейкоб Берроуз?

— А почему вы спрашиваете?

— Так вы или нет? Если да, то у меня есть к вам дело. Если нет, то вы нарушитель. Это федеральная земля, доступ сюда ограничен.

— Джейк! — позвал я. — Кто это?

Чужак повернул голову:

— А вы кто?

— Неверный ход, — ответил я. — Вы не назвали себя.

— Не смешите меня, — сказал незнакомец. — Вам известна эта униформа. Я Бенни Хайбл, местный рейнджер.

Я ответил, осторожно подбирая слова:

— Мистер Хайболл, вы человек в униформе, с кобурой на поясе и значком. Но это не делает из вас федерального служащего. Покажите документы и изложите свое дело.

Чужак в форме вздохнул.

— У меня нет времени слушать ваши умные речи, — он положил ладонь на рукоятку пистолета. — Если кто-то из вас Берроуз, назовитесь. Я собираюсь обыскать ваш домик и участок. Из Соноры возят наркоту, и совершенно ясно, что тут перевалочный пункт.

Дити неожиданно выступила вперед и быстро встала рядом с отцом.

— Где ваш ордер на обыск? Покажите документы! — накидка была обернута вокруг нее, лицо дрожало от негодования.

— Еще одна! — тут этот клоун взял и расстегнул кобуру. — Федеральная земля — вот мои документы!

Дити резко сбросила накидку и оказалась перед ним обнаженной.

Я выдернул клинок, сделал выпад и полоснул его одним движением — рассек запястье, прикрылся клинком, потом выпад вверх, в живот повыше ремня. Когда острие вошло в его тело, сабля Джейка ударила с такой силой, что чужак едва не лишился головы. Он рухнул, точно марионетка с перерезанными струнами, и остался лежать на краю бассейна, из трех ран лилась кровь.

— Зебадия, прости!

— За что, моя принцесса? — спросил я, вытирая лезвие о форму якобы рейнджера.

Цвет его крови вызвал у меня отвращение.

— Он не отреагировал! Я думала, что мой стриптиз даст тебе больше времени.

— Ты отвлекла его, — заверил я. — Он следил

за тобой и не смотрел в мою сторону. Джейк, у каких тварей бывает сине-зеленая кровь?

— Я не знаю.

Подошла Язва, присела на корточки, мазнула палец кровью и понюхала.

— Гемоцианин, я думаю, — проговорила она спокойно. — Дити, ты была права. Чужак. Самый крупный представитель земной фауны, который использует такой метод переноса кислорода — омар. Но эта тварь не омар, это «Черная Шляпа». *Как вы догадались?*

— Я не догадалась. Но он неправильно себя вел. Рейнджеры вежливы. И никогда не отказываются предъявить документы.

— И я не догадался, — признался я. — Никаких подозрений, просто раздражение.

— Ты двигался очень быстро, — одобрил Джейк.

— Я никогда не понимаю, почему делаю что-то, пока ситуация не завершится. Однако ты и сам не терял времени зря, *tovarishch*. Вытащить саблю, пока он потянулся за пистолетом — это требует смелости и скорости. Но не время болтать — *где его дружки?* Нас могут перехватить по дороге к дому.

— Посмотри на его штаны, — заметила Хиль-

да. — Он не приехал сюда верхом на лошади. И не слишком долго карабкался в гору. Джейк, тут нет рядом дороги, где может пройти джип?

— Нет. Сюда не добраться на джипе, только верхом.

— И сверху никто не пролетал. Ни вертолет, ни аэрокар.

— Континуумоход, — сказала Дити.

— Что?

— Зебадия, «Черные Шляпы» — чужаки, которые не хотят, чтобы папа создал машину времени-пространства. Мы это *установили*. Отсюда следует, что *у них* есть свой континуумоход. Что и требовалось доказать.

Я подумал над этим.

— Дити, я готов приносить тебе завтрак в постель. Джейк, как мы можем засечь континуумоход чужаков? Он ведь не обязан выглядеть как «Гэй Обманщица»?

Джейк нахмурился:

— Нет. *Любой* формы. Но одноместный будет не больше телефонной будки.

— Если он одноместный, то должен быть припаркован в тех кустах, — я показал пальцем. — Мы можем его найти.

— Зебадия, у нас *нет времени* на поиски! — вос-

кликнула Дити. — Мы должны *убраться* отсюда! *Быстро!*

Джейк сказал:

— Моя дочь права, но не по этой причине. Его машина вовсе не должна его ждать. Ее можно припарковать на бесконечно малом расстоянии по любой из шести осей, и она либо возвращается автоматически по заранее введенной программе, либо по какому-то сигналу, наличие которого мы можем предполагать, но природу которого не в состоянии описать. Континуумохода чужаков там нет *сейчас*… но он *будет* там — позже. Чтобы забрать пассажира.

— В таком случае, Джейк, мы с тобой и девчонки обязаны смыться из здесь-и-сейчас в там-и-тогда. Исчезнуть. Сколько продолжается наш тест на герметичность? Который сейчас час?

— Семнадцать семнадцать, — мгновенно отозвалась Дити.

Я посмотрел на жену.

— Голая как лягушка. Где ты прячешь свои часы, дражайшая моя? Очевидно, не там.

Она показала мне язык.

— Дурачок. Часы у меня в голове. Я стараюсь не упоминать об этом, потому что люди начинают странно на меня смотреть.

— У Дити врожденное чувство времени, — подтвердил ее отец, — с точностью до тринадцати секунд плюс минус четыре секунды. Я измерял.

— Мне жаль, Зебадия, — я не хотела выглядеть уродцем.

— Жаль *чего*, моя принцесса? Я впечатлен. А что ты делаешь с часовыми поясами?

— То же самое, что и ты. Прибавляю или вычитаю, если это необходимо. Дорогой, внутри *каждого из нас* есть встроенный суточный ритм. Просто мой чуть более точный, чем у большинства людей. Это как абсолютный слух — у одних он есть, у других нет.

— Может быть, ты еще и человек-калькулятор?

— Да… но компьютеры настолько быстрее, что я теперь этим почти не занимаюсь. За исключением одной вещи — у меня чутье на глюки в программе — я вижу неверные ответы. А заметив, начинаю искать мусор в программе. Если не нахожу ошибок, то приглашаю спеца по оборудованию. Но сладкий мой, давай обсудим мои странности позже. Папа, давай утопим это *создание* в отстойнике и уедем. Я нервничаю, и даже очень.

— Не так быстро, Дити, — Хильда все еще сидела на корточках рядом с трупом. — Зебби, проверь

свою интуицию. Мы в опасности?

— Ну… не в данный момент.

— Хорошо. Я хочу анатомировать это существо.

— Тетя Хильда!

— Дити, прими милтаун. Джентльмены, Библия или кто-то еще сказал: «узнай врага своего». Это единственная «Черная Шляпа», которую мы видели… и он не человек и не рожден на Земле. Перед нами лежит кладезь знаний, и ее не следует сбрасывать в отстойник, пока мы не узнаем как можно больше. Джейк, пощупай здесь.

Муж Хильды опустился на колени, она взяла его за руку и провела ей по волосам «рейнджера».

— Чувствуешь эти шишки, дорогой?

— Да!

— Похоже на рожки только что родившегося ягненка, ведь так?

— О… «И увидел я другого зверя, выходящего из земли; он имел два рога, подобные агнчим, и говорил как дракон»!

Я тоже присел на корточки и пощупал набухшие рожки.

— Вот проклятье! Он вышел из земли — по крайней мере, поднялся по этому склону — и говорил как дракон. То есть недружелюбно, а все драконы, о которых я слышал, говорили злобно

или вообще изрыгали огонь. Хильда, когда ты будешь разделывать эту тварь, то поищи в ней Число Зверя.

— Так и сделаю. Кто поможет мне доставить этот образец в дом? Ищу троих добровольцев.

Дити глубоко вздохнула:

— Я один из них. Тетя Хильда… ты обязательно должна это делать?

— Дити, это нужно делать в институте Джона Хопкинса, где есть рентген, надлежащие инструменты и цветное головидение. Но здесь и сейчас я лучший биолог, поскольку я единственный биолог. Девочка моя, ты вовсе не обязана на это смотреть. Тетя Язва ассистировала в операционной неотложке, когда туда сносили пациентов после аварии из пяти машин… для меня кровь — просто грязь, которую нужно убрать. Зеленая кровь в этом смысле меня особенно не беспокоит.

Дити сглотнула.

— Я помогу нести. Я же *сказала*, что помогу!

— Дея Торис!

— Сэр? Да, мой капитан?

— Отойди в сторону. Возьми это. И это, — я отстегнул шпагу, снял ремень и плавки и отдал все это Дити. — Джейк, помоги мне поднять его на

плечи… да, «захват пожарного».

— Я лучше помогу нести, сынок.

— Нет, в одиночку я управлюсь с ним лучше, чем мы вдвоем. Язва, где ты хочешь работать?

— На обеденном столе.

— Тетя Хильда, я не хочу, чтобы эта штука была на моем… Ой! Прошу прощения, теперь это *твой* обеденный стол.

— Прощу, если признаешь, что это *наш* обеденный стол. Дити, сколько раз я должна повторять, что *не собираюсь* выжить тебя из твоего собственного дома? Мы со-домохозяйки, и мое старшинство просто означает, что я на двадцать лет старше. К моему сожалению.

— Хильда, дорогая, что ты скажешь насчет верстака в гараже, покрытого клеенкой, и бестеневой лампы над ним?

— Я скажу «клево»! Я не думаю, что обеденный стол — это место для вскрытия. Но я не смогла придумать ничего другого.

С помощью Джейка я взгромоздил эту чертову тушу себе на плечи в «захвате пожарного». Дити отправилась вперед, держа мою шпагу, ремень и плавки в одной руке, чтобы другой цепляться за мою свободную ладонь — несмотря на предупреждение, что она может испачкаться кровью

чужака.

— Нет, Зебадия, это были детские страхи. Я не позволю им овладеть мной снова. Мне нужно победить всякую брезгливость, ведь скоро мне придется менять пеленки.

Потом она немного помолчала и добавила:

— Я первый раз видела смерть. Человека, я имею в виду. Следовало бы сказать «чужака-гуманоида»… но я-то думала, что это был человек. Однажды я видела, как щенок попал под колеса, и меня тогда стошнило. Хотя это был не мой щенок и близко я не подходила. Взрослый человек должен встречать смерть лицом, разве не так?

— Встречать лицом, да, — согласился я. — Но вовсе не черстветь душой при этом. Дити, я видел слишком много смертей. Но я так и не сумел к этому привыкнуть. Нужно принять смерть, научиться ее не бояться, а после никогда не беспокоиться по этому поводу. «Пусть только сегодня идет в счет»[65] — как сказал мне друг, чьи дни были сочтены. Живи в таком состоянии духа, и когда смерть придет, она придет как долгожданный друг.

— Ты говоришь во многом так же, как моя мама

---

[65] Сноски: 65

Возможно, цитата из Мухаммеда Али: «Не считай дни, пусть каждый день идет в счет». — *Прим. С. В. Голд.*

говорила мне перед смертью.

— Твоя мать наверняка была необычной женщиной. Дити, за две недели, что мы знакомы, я слышал так много о ней от вас троих, что мне кажется, будто я знал ее. Друг, которого не видел последнее время. Все говорит, что она была мудрой женщиной.

— Я тоже так думаю, Зебадия. И конечно, она была доброй женщиной. Иногда, если передо мной стоит тяжелый выбор, я спрашиваю себя: «Что бы сделала мама?» — и все становится на свои места.

— И мудрая, и добрая… и ее дочь такая же. Да, сколько тебе лет, Дити?

— Это имеет значение, сэр?

— Нет. Любопытство.

— Я написала дату рождения на заявлении о вступлении в брак.

— Любимая, моя голова тогда кружилась так сильно, что я едва помнил, когда сам родился. Но я не должен был спрашивать, ведь возраст у мужчин, а у женщин — дни рождения. Я хочу знать, когда твой день рождения, и мне не нужен год.

— Двадцать второго апреля, Зебадия, на день раньше Шекспира.

— «Ни возрасту не иссушить ее»…[66] Женщина, а ведь ты хорошо сохранилась!

— Спасибо, сэр.

— Этот дурацкий вопрос возник потому, что я решил, что тебе двадцать шесть… исходя из того, что у тебя есть докторская степень. Хотя ты выглядишь моложе.

— Я думаю, что двадцать шесть — вполне подходящий возраст.

— Я не спрашивал, — поспешно сказал я. — Я запутался, потому что знаю возраст Хильды… потому что слышал, как она заявляет, что на двадцать лет старше тебя. И все это никак не бьется с моей более ранней оценкой, которая базируется на предполагаемом возрасте окончания школы и сроке, необходимом для получения двух степеней.

Джейк и Хильда задержались у бассейна, где Джейк отмывал руки и убирал с тела пятна крови чужака. Не обремененные грузом, они поднимались по дорожке быстрее нас и оказались точно позади в тот момент, когда Дити ответила:

— Зебадия, я вообще не заканчивала школу.

— Ого.

---

[66] Сноски: 66

В. Шекспир, «Антоний и Клеопатра», пер. О. Сороки.

— Это правда, — подтвердил ее отец. — Дити приняли в университет по результатам вступительных экзаменов. В четырнадцать. Никаких проблем, поскольку она оставалась дома и не занимала места в общежитии. Степень бакалавра получила за каких-то три года… И это было очень здорово, поскольку Джейн успела дожить до того, чтобы увидеть, как Дити лихо трясет кисточкой на академической шапочке. Джейн сидела в инвалидном кресле, счастливая как ребенок — врач сказал, что такие эмоции ей точно не повредят… он имел в виду, что она все равно умирает, — он помолчал и добавил: — Если бы ее матери было отпущено еще три года, она бы увидела, как Дити получает доктора… это было два года назад.

— Папа… иногда ты такой болтун!

— Я сказал что-то не то?

— Нет, Джейк, — заверил я его. — Но я только что узнал, что связался с малолеткой. Я, конечно, подозревал, но не знал точно. Дити, дорогая, тебе двадцать два.

— Двадцать два — неподходящий возраст?

— Нет, моя принцесса. То, что надо.

— Мой капитан сказал, что у женщин дни рождения, а у мужчин — возраст. Позволено ли мне узнать ваш возраст, сэр? Я тоже не уделила

особенного внимания той форме, которую мы заполняли.

Я торжественно ответил:

— Но Дея Торис знает, что капитану Джону Картеру несколько веков, что он не помнит собственного детства и всегда выглядит на тридцать лет.

— Зебадия, если это твой возраст, то у тебя это были очень занятые тридцать лет. Говоришь, что покинул дом, закончив школу, потом у тебя был колледж, три года на действительной службе, затем получение докторской степени…

— Фальшивой!

— Срок обучения в аспирантуре это не уменьшает. Тетя Хильда говорит, что ты был профессором четыре года.

— Хм… тебя устроит разница между нами в девять лет?

— Меня устроит все, что ты скажешь.

— Опять начал свои увертки, — вмешалась Язва. — Его выгнали из двух других кампусов. Скандалы со студентками. Потом он обнаружил, что в Калифорнии это никого не волнует, и перебрался на запад.

Я постарался изобразить оскорбленную невинность.

— Дорогая Язва, я *всегда* женился на них. Но одна девочка оказалась уже замужней, а в другом случае ребенок был не от меня, она просто задурила мне голову.

— Правды ты в нем не найдешь, Дити. Но он храбрый, моется каждый день, и он богат… и мы все равно его любим.

— Правды не найдешь и в тебе, тетя Хильда. Но мы все равно тебя любим. В «Маленьких женщинах» говорится, что невеста должна быть в два раза моложе жениха плюс семь лет. У нас с Зебадией все почти по канону.

— Это правило делает из меня старую каргу. Джейкоб, мне столько же, сколько Зебби — тридцать один. Но нам с ним уже целую вечность тридцать один.

— Готов поспорить, что он почувствует весь груз прожитых лет, когда затащит эту тварь на гору. Атлант, ты сможешь подержать свою ношу еще немного, пока я открываю гараж, вытаскиваю и готовлю верстак? Или помочь положить ее на землю?

— Тогда мне придется поднимать ее снова, так что нет. Но ты давай, не тяни.

– XI –
Зебадия

Я ощутил себя лучше после того, как сгрузил тело «рейнджера», а двери гаража закрылись за нашими спинами. Я сказал Хильде, что не чувствую «непосредственной» опасности, но мой неприрученный талант не предупреждает меня до самого Момента Истины. «Парни в Черных Шляпах» нашли, где мы прячемся. А может, никогда и не теряли; наши уловки сработали бы, имей мы дело с гангстерами-людьми, но это были чужаки, о чьих способностях, мотивах и планах мы не могли догадываться.

Возможно, мы наивны, как котенок, который спрятал голову в убежище и думает, что его никто не видит, не подозревая, хотя его маленький хвостик предательски торчит наружу.

Они были чужаками, могущественными и многочисленными (сколько их, три тысячи? три миллиона? мы не знаем Число Зверя) — и они знали, где мы прячемся. Правда, мы убили одного из них — но только потому, что нам повезло, а не потому, что мы это спланировали. «Рейнджера»

скоро хватятся, и нам придется иметь дело с большими силами.

Геройское безрассудство меня никогда не привлекало. Если есть шанс удрать, я удираю. Я, конечно, не брошу ведомого перед лицом неприятеля и тем более не оставлю жену и нерожденного ребенка. Чего я хотел, так это того, чтобы *мы все* убрались отсюда — я, моя жена, мой кровный брат, который также и мой тесть, и его жена, моя подружка Язва, смелая, практичная, умная и не брезгливая (ее способность шутить в зубах Молоха вовсе не недостаток, это источник воодушевления).

Я хотел, чтобы мы *свалили* отсюда как можно скорее — по оси «тау», по оси «тэ», вращением, перемещением — как угодно и куда угодно, лишь бы там не кишела эта мерзость с зеленой кровью.

Я проверил манометр и почувствовал себя получше: внутреннее давление Гэй не упало. Не стоило ожидать, что она станет космическим кораблем — у нее нет оборудования для рециркуляции воздуха. Но было приятно знать, что она в состоянии держать давление много дольше, чем потребуется для возвращения домой в экстренной ситуации — если противник не понаделает

дырок в ее изящной оболочке.

Из гаража я прошел в дом, вымылся горячей водой с мылом, повторил процедуру, вытерся насухо и только после этого почувствовал себя достаточно чистым, чтобы поцеловать жену — что я и сделал. Дити, не размыкая рук, доложила:

— Ваши вещи упакованы, сэр. Сейчас закончу со своими, только запланированный вес и объем, ничего, кроме практичной одежды…

— Милая.

— Да, Зебадия?

— Возьми ту одежду, в которой мы вступали в брак. И то же самое для Джейка и Хильды. Плюс парадную форму твоего отца. Или она сгорела в Логане?

— Но Зебадия, ты же сам сказал: только походную одежду.

— Все верно. Чтобы напомнить, что мы не знаем, в каких условиях окажемся, и не знаем, как долго будем отсутствовать и вернемся ли вообще когда-нибудь. Поэтому я внес в список все, что может пригодиться первопроходцам на девственной планете — на случай, если мы там застрянем и не сможем вернуться домой. Все от микроскопа Джейка и приборов для тестирования воды до инструментов и технических

справочников. И еще оружие — и порошок от блох. Но, возможно, нам придется играть роль посланцев человечества при дворе Его Беспредельного Величества, Повелителя Галактической Империи в тысяча третьем континууме. И тогда нам понадобятся самые пышные одеяния, какие мы только сможем добыть. Мы *ничего* не знаем и *не можем* предугадать.

— Я бы предпочла остаться первопроходцем.

— У тебя может не оказаться выбора. Когда ты рассчитывала вес, ты не забыла о местах, промаркированных «Предназначено для массы такой-то и такой-то — список последует»?

— Конечно. Общая масса ровно сто килограмм, что мне показалось странным. Пространства чуть меньше одного кубического метра, оно распределено по разным уголкам.

— Это для тебя, курносая моя. И для папы и Хильды. Массу можно превысить на пятьдесят процентов, если что, я скажу Гэй подправить баланс. Захватишь старую куклу? Любимое одеялко, под которым пряталась от чудовищ? Книгу стихов? Семейные фото? Бери все, что хочешь!

— Обалдеть!

(Мне больше всего нравится смотреть на жену, когда у нее загораются глаза и она становится

похожей на маленькую девочку.)

— Мне места не нужно. У меня и так все с собой. А что насчет обуви для Хильды?

— Она заявила, что ей никакая обувь не нужна и что у нее на ногах мозоль на мозоли. Но я знаю, что мы сделаем — когда мы тут обустраивались, я купила папе несколько обувных вкладышей доктора Шолла. Три пары у меня еще остались, и я могу их немного подрезать. Вкладыши и парочка носков подгонят ее ноги к размеру моих башмаков. И у меня есть памятный сувенир — теннисные туфли, которые папа купил мне, когда я впервые отправилась в детский лагерь. Мне тогда было десять лет, и они должны подойти тете Хильде.

— Вот молодец! — сказал я. — Кажется, ты уже обо всем подумала. Что насчет еды? Я не про ту, что мы берем с собой, я о том, чтобы поесть сейчас. Кто-нибудь позаботился об обеде? Убийство инопланетян нагоняет аппетит.

— У нас будет фуршет, Зебадия. Сэндвичи и прочее на кухонной стойке, а еще я разморозила и разогрела яблочный пирог. Один сэндвич я скормила Хильде из своих рук, она говорит, что должна закончить работу и отмыться после нее, и до этого она ничего есть не будет.

— Язва жевала сэндвич, пока разделывала эту *тварь*?

— Тетя Хильда женщина закаленная, Зебадия, — почти такая же закаленная, как ты.

– *Более* закаленная, чем я. Если нужно, я смогу провести вскрытие, но только не во время еды. Я думаю, Джейк тоже на такое не способен.

— Насчет папы ты прав. Он увидел, как я ее кормлю, позеленел и куда-то убежал. Сходи посмотри, что она там делает, Зебадия. Она нашла интересные вещи.

— Хм-м… А где та маленькая девочка, которая вздрагивала при мысли о вскрытии мертвого чужака?

— Нет, сэр, это не она. Я решила, что пора вырасти. Это не так легко. Но так будет лучше. Взрослая женщина не паникует при виде змеи, она просто проверяет, не гремучая ли она. Я больше не буду визжать. Я наконец-то выросла, стала женой, а не избалованной принцессой.

— Ты всегда будешь моей принцессой!

— Я надеюсь на это, мой вождь. Но чтобы заслужить это, мне придется научиться быть матерью-пионеркой — сворачивать шею петухам, резать свинью, заряжать, пока муж стреляет, заменять его с ружьем в руках, если он ранен. И я

научусь — я же упрямая. Возьми кусок пирога и отправляйся к Хильде. Я уже знаю, как использовать дополнительные сто килограмм: книги, фотографии, папины микрофильмы и переносной проектор, папина винтовка и ящик патронов, который раньше не вписывался по весу…

— Не знал, что у него есть винтовка… *какой калибр?*

— Семь шестьдесят два миллиметра, длинный патрон.

— Вот это да! Мы с папой используем одну и ту же амуницию.

— Не знала, что у тебя есть винтовка, Зебадия.

— Я это не рекламирую, она нелицензионная. Надо будет всем показать, где она лежит.

— Нам пригодится дамский пистолетик? Стреляет иголками, производство «Шкоды». Не так далеко, но иглы либо отравленные, либо разрывные… и одного магазина хватает на девяносто выстрелов.

— Ничего себе, Дити! Ты у нас Почетный Член Клуба Убийц?

— Нет, сэр. Папа купил мне его на черном рынке, когда я начала работать по вечерам. Он сказал, что уж лучше наймет крючкотворов, чтобы меня оправдали — или добились условного срока, —

чем отправится в морг на опознание трупа. Ни разу его не использовала, в Логане он едва ли был нужен. Зебадия, папа потратил немало сил на то, чтобы как следует обучить меня самозащите. Он сам тоже неплохо подготовлен, поэтому я не позволяю ему ни с кем драться. Потому что это будет бойня. Они с мамой решили так, когда я была ребенком. Папа говорит, что копы и суды больше не защищают граждан, и граждане должны защищать себя сами.

— Боюсь, что он прав.

— Муж мой, я не могу оценить мои суждения о правильном и неправильном, поскольку получила их от своих родителей и прожила недостаточно долго, чтобы у меня сформировались собственные суждения, отличные от родительских.

— Дити, твои родители поступили правильно.

— И я так думаю… но это все субъективно. Но так уж вышло, что мне не пришлось выживать в джунглях государственных школ, пока мы не переехали в Юту. И меня научили сражаться — с оружием или без. Мы с папой заметили, как ты держишь клинок. Твои мулине безупречны. А когда ты уходишь в защиту, твои предплечья хорошо прикрыты.

— Джейк и сам не промах. Сабля оказалась в его руках так быстро, что я даже не заметил, и ударил он точно над воротником.

— Папа говорит, что ты лучше.

— Хм-м… у меня руки длиннее. Зато он, видимо, быстрее. Дити, лучший фехтовальщик, которого я когда-либо встречал, был твоего роста, и руки у него были как у тебя. Я даже не мог скрестить с ним клинки, если он мне того не позволял.

— Ты так и не сказал, где ты научился фехтованию.

Я улыбнулся:

— Ассоциация Молодых Христиан на Манхэттене. В школе я тренировался с рапирой. Шпагу и саблю взял в руки в колледже. Но я никогда не сталкивался с настоящим *мастером*, пока не перебрался на Манхэттен. Вернулся к тренировкам, поскольку понял, что теряю форму. Во время моей так называемой исследовательской поездки в Европу я встречал потомственных фехтовальщиков — сыновья, внуки и правнуки *maître d'armes*[67]. Узнал, что это образ жизни и что я обратился к нему слишком поздно. Дити, я рассказал Хильде байку, на самом деле я

---

[67] Сноски: 67

Maître d'armes — учитель фехтования (*фр.*). — *Прим. С. В. Голд.*

никогда не дрался на студенческих дуэлях. Но я тренировался в Гейдельберге под руководством настоящего *Säbelmeister*[68], про которого ходили слухи, что он подпольно тренировал целый корпус бойцов. Именно он был тем мелким парнем, с которым я не мог скрестить клинки. Он был *быстрый!* До нашей встречи я думал, что это *я* — быстрый. Но под его руководством я стал еще быстрее. В тот день, когда я уходил, он сказал мне, что хотел бы заполучить меня в свои руки лет на двадцать раньше — тогда бы из меня получился фехтовальщик.

— Но сегодня ты был достаточно быстрым!

— Нет, Дити. Ты отвлекла его, а я атаковал с фланга. Эту битву выиграла ты, а не я и не папа. Хотя то, что сделал папа, куда опаснее того, что сделал я.

— Мой капитан, я не позволю тебе преуменьшать собственные заслуги! Я не желаю это слышать!

Женщины, да благословит бог их добрые сердца и причудливые умы — Дити назначила меня своим героем, и этим все сказано. Мне оставалось только соответствовать. Я отрезал кусок яблочно-

---

[68] Сноски: 68
Säbelmeister — мастер сабли (*нем.*). — *Прим. С. В. Голд.*

го пирога и поспешил его съесть, пока неспешно шел по коридору к гаражу — не хотелось с едой в руках оказаться в «морге».

«Рейнджер» лежал на спине, одежда разрезана, вскрытый от подбородка до паха. Безымянные куски внутренностей были разложены вокруг трупа и омерзительно пахли.

Хильда все еще работала, щипцы для льда в левой руке, нож в правой, зеленоватая слизь на запястьях. Когда я подошел, она отложила нож и взяла бритву. Пока я не заговорил, она меня не замечала.

— Узнала много нового, Язва?

Она положила инструменты, вытерла руки полотенцем и отбросила предплечьем волосы со лба.

— Зебби, ты не поверишь.

— Посмотрим.

— Что ж… взгляни вот сюда, — она дотронулась до правой ноги трупа и обратилась к самому покойнику: — Зачем такой девочке, как ты, этот симпатичный суставчик?

Я видел, о чем она говорит: на длинной, тонкой конечности, пониже обычного, человеческого колена, имелось дополнительное, оно сгибалось назад. Взглянув выше, я обнаружил, что такие же

дополнительные сочленения есть и на руках.

— Ты сказала «девочка»?

— Я сказала «девочка». Зебби, этот монстр либо женского пола, либо гермафродит. Полностью развитая матка, двурогая, как у кошки, и над каждым рогом по яичнику. Но, похоже, под ними находятся яички и штуковина, которая вполне может быть выдвигающимся фаллосом. То есть тело женское, но в то же время может быть и мужским. Двуполое, но оплодотворить себя не может: конструкция не позволяет. Полагаю, что эти твари могут одновременно зачинать и вынашивать.

— По очереди? Или одновременно?

— Если одновременно — то это был бы номер. Нет, исходя из механики процесса, я думаю, что по очереди. Но происходит это через десять минут или через десять лет — сказать не могу. Однако я бы дорого дала, чтобы посмотреть на процесс в их исполнении!

— Язва, у тебя на уме только одно.

— Но это же самое главное! Размножение — самый важный момент. Методы и обычаи сексуальных отношений — это центральная характеристика всех высокоразвитых форм жизни.

— Ты игнорируешь деньги и телевидение.

— Пфф! Вся человеческая деятельность, вклю-

чая научные исследования, сводится либо к брачным танцам и заботе о молодняке, либо к сублимации, которой вынуждены заниматься неудачники, проигравшие в единственной игре в городе. Не пытайся шутить с Язвой. Зебби, я ненавижу этих монстров, они вмешались в мои планы — коттедж, увитый розами, младенец в люльке, жаркое в духовке, я в льняном платьице, и мой муж, идущий по дорожке к дому после тяжелого дня, потраченного на унижение первокурсников, а я жду его с тапочками, трубкой и сухим мартини! Небеса! Все остальное — суета и тлен. Четыре полностью сформированные молочные железы, однако лишенные избыточности объемов, характерных для человеческих женщин — кроме меня, черт подери. Двойной желудок, кишечник в одно отделение. Сердце из двух камер, которое, похоже, качает кровь за счет перистальтики, а не за счет сжатия. Сердцевидное. Я не изучала мозг, поскольку у меня нет подходящей пилы, но он должен быть столь же развитым, как и у нас. Определенно гуманоидное существо, возмутительно не похожее на человека. Не опрокинь эти бутылочки, в них образчики телесных жидкостей.

— Что это за штуки?

— Накладки, чтобы спрятать нечеловеческие сочленения. Еще была пластическая операция на лице, я в этом почти уверена, и изменена форма черепа. Волосы поддельные, у этих Буджумов волосы не растут. Нечто вроде татуировки, или очень плотная маска — я не смогла это снять, — чтобы скрыть сине-зеленый цвет лица и других открытых участков кожи и придать им человеческий вид. Зеб, готова поставить семь к двум, что они использовали в качестве морских свинок множество пропавших людей, прежде чем отработали методы такого маскарада. *Вжжжуууух!* Садится летающая тарелка, и очередная парочка морских свинок отправляется в лабораторию.

— Летающих тарелок не видели много лет.

— Это была поэтическая вольность, дорогой. Если у них есть искривители пространства-времени, они могли выскакивать где угодно, красть что угодно или заменять настоящих людей на убедительные подделки — и тут же исчезать, будто выключателем щелкнули.

— Этот не мог быть создан давно. Рейнджеры регулярно проходят медосмотры.

— Этого могли сделать на скорую руку, специально для нас. Подделка, приготовленная для постоянной замены, может одурачить кого

угодно, кроме рентгеновского снимка… а может, и рентген не поможет, если доктор — один из них… поразмысли над этой идеей, Зебби, а мне нужно вернуться к работе. Хочется так много узнать, и так мало времени. Я не могу выяснить и доли того, что это тело могло бы рассказать настоящему специалисту по сравнительной биологии.

— Могу я чем-то помочь?

(На самом деле я совсем не рвусь.)

— Ну…

— Мне нечем заняться, пока Джейк и Дити не закончат собирать вещи в дорогу. Поэтому — чем я могу помочь?

— Я могла бы работать вдвое быстрее, если бы ты взял на себя съемку, а то мне приходится прерываться, чтобы вытереть руки прежде, чем взяться за камеру.

— Я в твоем распоряжении, Язва. Просто говори, откуда, с какого расстояния и когда.

Хильда облегченно улыбнулась:

— Зебби, я говорила, что люблю тебя, хотя ты похож на гориллу и у тебя улыбка идиота? Под всем этим прячется душа херувима. Мне сейчас так хочется принять ванну — возможно, это будет последняя ванна с горячей водой в ближайшие

годы. И воспользоваться биде — вершиной декадентской цивилизации. Я боялась, что так и буду резать это мерзкое мясо, пока Джейкоб не скажет, что пора уезжать.

— Режь спокойно, дорогая, ты получишь свою ванну, — я взял камеру, ту самую, которую Джейк использовал для фиксации экспериментов: «Поляроид-Стерео-Инстаматик» с автоматической фокусировкой, автоматической диафрагмой, автоматической обработкой изображения; идеальный инструмент для инженера или ученого, которому нужна непрерывная запись процесса.

Я делал бесчисленное количество фото, пока Хильда трудилась в поте лица.

— Язва, ты не боишься работать голыми руками? Можешь подцепить то, что мало не покажется.

— Зебби, если бы этих тварей могли убить наши микробы, то они явились бы сюда без иммунитета и быстро передохли. Но поскольку этого не случилось, то весьма вероятно, что и мы не можем заразиться их микробами. Радикально разная биохимия.

Это звучало логично, но я не мог забыть закон Кеттеринга: «логика — организованный способ надежно впасть в заблуждение».

Появилась Дити, поставила на пол битком набитую корзину для пикника.

— Это последняя.

Ее волосы были собраны в пучок, а на ней были одни резиновые перчатки.

— Привет, дорогой. Тетя Хильда, я готова помогать.

— Тут не так много работы, милая, если хочешь, можешь сменить Зебби.

Дити смотрела на труп и явно не испытывала радости — ее сосочки совсем обвисли.

— Иди, вымойся пока, — сказал я ей. — Брысь!

— Я так ужасно воняю?

— Ты воняешь роскошно, сладкая моя. Но Язва верно заметила, что, возможно, сейчас у нас последняя возможность вымыться горячей водой с мылом. Поэтому я пообещал ей, что мы не «отправимся в Каноп, повернув на восток», пока она не примет ванну. Так что сделай это сейчас, а потом, когда она займется своими санитарными процедурами, поможешь грузиться.

— Хорошо, — Дити отступила, ее сосочки слегка набухли — не встали торчком, но она явно повеселела. Моя дорогая редко показывает свои чувства на лице, но эти прелестные розовые штучки служат барометром ее боевого духа.

— Секунду, Дити, — остановила ее Хильда. — Помнишь, ты сказала «он не отреагировал!». Что ты имела в виду?

— То, что сказала. Разденься прямо перед мужчиной, и он отреагирует, так или иначе. Даже если он попытается тебя проигнорировать, глаза его выдадут. Но он не отреагировал. Конечно, это не мужчина — но я этого не знала, когда пыталась его отвлечь.

Я сказал:

— Но он обратил на тебя внимание, Дити — и тогда у меня появился шанс.

— Разве что как собака, лошадь или другое животное отмечают любое движение. Он меня заметил, но проигнорировал, никакой реакции.

— Зебби, это ничего тебе не напоминает?

— А должно?

— В первый день здесь ты рассказал нам историю об одной аппетитной студенточке.

— Точно?

— Она завалила математику и пыталась завалить математика.

— О! Брэйни!

— Да, профессор Н. О'Хэррет Брэйн. Не видишь параллелей?

— Но «Не Мозг» живет в кампусе много лет…

И лицо у него иногда краснеет. Это не татуировка.

— Я сказала, что «рейнджер» может быть поделкой на скорую руку. И кто может лучше дискредитировать математическую теорию, чем руководитель математической кафедры в очень известном университете? Особенно если он знаком с этой теорией и *знает*, что она верна.

— Эй, подожди минутку, — влезла Дити. — Ты говоришь о том профессоре, что спорил с папой? Тот, с фальшивым приглашением? Я думала, он просто марионетка. Папа говорит, что он дурак.

— Он ведет себя как напыщенный старый дурак, — согласилась Хильда. — Я его терпеть не могу. Думаю, ему я тоже сделаю вскрытие.

— Но он еще не умер.

— Это можно поправить! — язвительно сказала Язва.

– XII –
Хильда

К тому времени, когда я вылезла из ванной, Джейкоб, Дити и Зебби загрузили «Гэй Обманщицу» всем необходимым, все проверили по спискам (консервный нож, камеры и т. д.) — и даже пристроили образцы телесных жидкостей и тканей чужака, поскольку в чудо-машине Зебби есть маленький холодильник. Дити была недовольна тем, что мои образцы лежат в холодильнике, но они были очень хорошо упакованы, в несколько слоев пластика, и уложены в морозильник. Кроме того, холодильник в основном был занят пленками для камер, запалами для динамита и другими несъедобными предметами. Большая часть продуктов, кроме тех, что долго не портятся, была обезвоженной, в заполненных азотом упаковках.

К этому моменту мы устали как собаки, так что Джейкоб предложил сначала поспать и только потом оставить дом.

— Зеб, если ты не ожидаешь новой атаки в ближайшие восемь часов, то надо отдохнуть. Мне

требуется свежая голова, чтобы крутить верньеры. Этот дом — почти крепость, ночью тут кромешная тьма, а он не излучает ни в одной части спектра. Они могут решить, что мы удрали отсюда сразу после того, как уложили их парня… я имею в виду, гермафродита, поддельного рейнджера. Что скажешь?

— Джейк, я бы не удивился, нападай они в любой момент. Но поскольку этого не произошло… В общем, мне не нравится садиться за руль, когда я плохо соображаю. Ошибки в сражениях совершают больше из-за усталости, чем по любой другой причине. Так что давайте поспим. Кому-нибудь нужно снотворное?

— Мне нужна только кровать.

— Принцесса, все решено, мы спим. Но я предлагаю встать до рассвета. Не будем испытывать судьбу.

— Разумно, — согласился Джейкоб.

Я пожала плечами:

— Вам, мужчинам, придется пилотировать. Мы с Дити не более чем груз, и мы можем подремать на задних сиденьях. Ну, пропустим парочку вселенных, и что с того? Если видел одну вселенную, ты видел их все. Что скажешь, Дити?

— Если бы все зависело от меня, я бы ломану-

лась отсюда так, что туфли на месте остались. Но Зебадии придется вести, а папе крутить верньеры… и они оба устали и не хотят рисковать. Не сердись, Зебадия, но я буду отдыхать с открытыми глазами и держать ушки на макушке.

— Но Дити… *почему?*

— Кто-то должен стоять на страже. Это может дать нам преимущество в доли секунды. Именно доли секунды дважды спасли нас в прошлом. Не беспокойся, дорогой, я часто не сплю ночами, чтобы поработать с большой программой, а допуск к компьютеру днем ограничен. Никаких последствий, подремлю на следующий день и опять готова кусать гремучих змей. Скажи ему, папа.

— Это верно, Зеб, но…

Зебби прервал его:

— Вы, девочки, можете дежурить посменно и заодно присмотреть за завтраком. Я сейчас подключу «Гэй Обманщицу» к нашей спальне, чтобы она могла со мной связаться. Дити, я могу добавить программу, чтобы она слушала, что происходит вокруг домика. Если Гэй правильно запрограммировать, она лучшая сторожевая собака, чем любой из нас. Этого хватит, чтобы приглушить твои порывы к караульной службе?

Дити ничего не сказала, так что и я промол-

чала.

Зебби, нахмурившись, отправился к машине, открыл дверцу и принялся подсоединять Гэй к трем интеркомам.

— Хочешь переместить интерком из подвала в свою спальню, Джейк?

— Неплохая идея, — согласился мой муж.

— Подожди минутку. Я спрошу, что она нарыла. Привет, Гэй.

— Привет, Зеб. Вытри подбородок.

— Программа. Текущий поиск новостей. Доложи о новых поступлениях с момента последнего отчета.

— Результат нулевой, босс.

— Спасибо, Гэй.

— Не за что, Зеб.

— Программа, Гэй. Дополнение в текущий поиск новостей. Регион: Аризона к северу от Большого Каньона плюс Юта. Персоны: все персоны, перечисленные в программах текущего поиска новостей плюс рейнджеры, федеральные рейнджеры, лесные рейнджеры, рейнджеры национального парка, рейнджеры штата. Конец добавленной программы.

— Новая программа запущена, босс.

— Программа. Добавить в отчет текущий аку-

стический фон, максимальное усиление.

— Новая программа запущена, Зеб.

— Ты Умница, Гэй.

— Не пора ли тебе на мне жениться?

— Спокойной ночи, Гэй.

— Спокойной ночи, Зеб. Спи с руками поверх одеяла.

— Дити, ты развратила Гэй. Я выведу наружу провод для микрофона, пока Джейк переместит интерком в свою спальню. Но на максимальном усилении будет слышен койот, подавший голос в десяти милях отсюда. Джейк, я могу попросить Гэй не включать акустический фон в отчет для твоей спальни.

— Хильда, любовь моя, ты хочешь, чтобы акустический фон убрали?

Я не хотела, но не сказала об этом, поскольку вмешалась Гэй:

— Текущий поиск новостей, босс.

— Доклад!

— Агентство «Рейтерс», «Стрейтс таймс», Сингапур. Трагические новости об экспедиции Марстона. Индонезийская служба новостей, Палембанг. Два тела, опознанных как доктор Сесил Янг и доктор З. Эдвард Картер, были доставлены из джунглей в штаб-квартиру национальной

милиции, Телукбетунг. Комендант округа сообщил, что они будут доставлены воздушным транспортом в Палембанг для дальнейшей транспортировки в Сингапур, как только главный комендант передаст их министерству туризма и культуры. Профессор Марстон и мистер Смайт-Белиша до сих пор не обнаружены. Коменданты обоих округов признают, что надежда обнаружить их живыми с каждым днем уменьшается. Тем не менее пресс-секретарь министерства туризма и культуры заверил представителей прессы, что индонезийское правительство будет продолжать поиски еще более интенсивно.

Зебби присвистнул и после паузы спросил:

— Какие будут мнения?

— Он был замечательным человеком, сынок, — проговорил мой муж. — Невосполнимая потеря. Трагедия.

— Эд был хорошим парнем, Джейк. Но я не это имею в виду. Наша тактическая ситуация. *Сейчас. Здесь.*

Мой муж подумал и только потом ответил:

— Зеб, что бы ни случилось на Суматре, оно, очевидно, случилось месяц назад. Эмоционально я в смятении. Логически я вынужден заявить, что не вижу изменений в нашей текущей ситуации.

— Хильда? Дити?

— Отчет о поиске новостей, — объявила Гэй.

— Доклад!

— АП, Сан-Франциско, через спутник с Сайпана, Марианские острова. Сверхзвуковой полубаллистический лайнер компании TWA «Вингед Виктори», вылетевший из международного порта Сан-Франциско в двадцать часов по тихоокеанскому времени согласно показаниям радаров и визуальным наблюдениям, взорвался при входе в атмосферу.

АП, Гонолулу, официальный представитель ВМС США. Подводный авианосец «Флайинг Фиш», находящийся вблизи острова Уэйк, получил приказ следовать на максимальной скорости к месту падения «Вингед Виктори». Авианосец поднимется на поверхность в оптимальной точке и запустит поисковые аппараты. Пресс-секретарь ВМС по Индо-Тихоокеанскому региону на вопрос о том, что значит «оптимальная точка», ответил «без комментариев». Редактор военной тематики «Ассошиэйтед Пресс» сообщил, что подводная скорость авианосцев класса «Флайинг Фиш», а также тип и характеристики размещенных на нем аппаратов являются секретной информацией.

АП-ЮПИ, Сан-Франциско, катастрофа «Вингед Виктори». Пресс-служба TWA заявляет — цитата — «если полученные сообщения относительно «Вингед Виктори» верны, есть основания предполагать, что выживших обнаружено не будет. Однако наш технический департамент отрицает, что причиной катастрофы мог быть взрыв судна. Столкновение с орбитальным мусором, попавшим в верхние слои атмосферы, или даже удар метеорита могли — повторяем, могли — стать причиной катастрофы, но их вероятность настолько мала, что эти варианты следует считать непредсказуемыми форс-мажорными обстоятельствами» — конец цитаты. По требованию Гражданского аэрокосмического управления представитель TWA опубликовал список пассажиров. В списке: Калифорния…

Список оказался длинным, и я не узнала ни одного имени, пока Гэй не произнесла:

— Доктор Нейл О'Брэйн.

Я ахнула, но никто не произнес ни единого слова, пока Гэй не объявила:

— Конец доклада по текущему поиску новостей.

— Спасибо, Гэй.

— Всегда рада, Зеб.

Зебби сказал:

— Профессор?

— Жду ваших распоряжений, капитан!

— Очень хорошо, сэр! Внимание всем — действуют «правила спасательной шлюпки». Ожидаю от всех быстрых действий и никакой болтовни. Расчетное время вылета — пять минут! Во-первых, всем пописать! Во-вторых, надеть одежду, в которой собираетесь путешествовать. Джейк, все выключить и запереть — все, что ты делаешь, надолго уходя из дома. Дити — сопровождай Джейка и убедись, что он ничего не упустил, — а потом *ты*, а не Джейк, выключи свет и закрой все двери. Хильда, упакуй все, что осталось от ланча, и принеси — быстро, но без суеты. Проверь холодильник на предмет твердой пищи — никаких жидкостей, — и впихни все, что можно, в холодильник Гэй. Не трать время на размышления. Вопросы есть? Двигаемся!

Я пропустила Джейка первым в нашу ванную, поскольку он выглядел очень уж напряженным. Это время я потратила, чтобы засунуть бутерброды в один пакет для заморозки, а половинку пирога в другой. Картофельный салат? Выскребла в третий и добавила пластиковую ложку — одну, поскольку микробы у нас у всех теперь общие.

Все это и немного соленостей я сложила в самый большой пакет для заморозки, который выдала Дити, и закрыла его.

Джейк вышел из ванной, я *en passant*[69] поцеловала его в щеку, проскочила внутрь, пустила воду в раковину, присела и почитала мантры — обычно это помогает, когда я нервничаю, — потом воспользовалась биде, нежно потрепала его по боку и попрощалась — и все это, не задерживаясь ни на секунду. Мое дорожное одеяние состояло из детских теннисных туфель Дити, ее же зеленой джинсовой мини-юбки с золотой аппликацией; она доходила мне до колен, но с шарфом на поясе выглядела не слишком ужасно.

Я расстелила свою накидку перед холодильником, бросила на нее сумочку и всю еду для пикника и занялась спасением остального имущества, просто выхватывая его с полок — кусок ветчины, немного сыра, полторы буханки хлеба, два фунта масла; все в пакетах для заморозки, и, если бы у Дити не было их запаса, мне бы не удалось спасти так много, а тем более избежать жирных пятен на накидке. Я решила, что джемы и варенье, а также кетчуп Зебби посчитает жид-

---

[69] Сноски: 69
En passant — на ходу (*фр.*). — *Прим. С. В. Голд.*

костями, и захватила только те, что в тюбиках. Еще половина шоколадного торта — и холодильник опустел.

Используя накидку как мешок Санта-Клауса, я отнесла еду в гараж и положила рядом с Гэй; было приятно узнать, что я оказалась первой.

Зебби вошел сразу за мной, одетый в пилотский комбинезон с карманами на бедрах.

— А где слон? — спросил он, поглядев на мою накидку.

— Капитан Зебби, ты не сказал, *сколько* брать, ты просто сказал, *что*. Если что-то не влезет — оставим ей, — я показала большим пальцем на распотрошенный труп.

— Извини, Хильда, ты была права, — Зебби глянул на наручные часы со множеством циферблатов, их называют «штурманскими».

— Капитан, в этом доме куча всяких гаджетов, наворотов, звоночков и свисточков. Они не уложатся в твой график.

— Я сделал это нарочно, дорогая. Давай посмотрим, сколько еды мы сможем упихать.

Холодильник Гэй спрятан под палубой перед креслом водителя. Зебби велел Гэй открыть дверцу, потом боком протиснулся внутрь и поднял крышку.

— Передавай мне по одной.

Я похлопала его по заднице:

— Вылезай оттуда, карлик-переросток, и позволь Язве заняться укладкой. Я дам знать, когда он будет под завязку.

Пространство, в котором Зебби кряхтел и пыхтел, для меня было просторным. Он передавал мне вещи, а я укладывала так, чтобы вместилось как можно больше.

Третьим он подал мне остатки фуршета.

— Это будет наш ланч, — сказала я и отложила пакет на его сиденье.

— Нельзя оставлять его болтаться по кабине.

— Капитан, мы съедим его раньше, чем он испортится. Я буду пристегнута, что плохого, если я подержу его на коленях?

— Язва, я хоть раз переспорил тебя?

— Только с помощью грубой силы, дорогой. Можешь болтать и передавать жратву.

С помощью Господа и рожка для обуви все удалось упихать внутрь. Затем я переместилась на заднее сиденье, накидка подо мной, упаковка с ланчем — в руках. Наши супруги все еще не появлялись.

— Капитан Зебби, почему новость о смерти Брэйни заставила тебя изменить планы?

— Ты не одобряешь, Язва?

— Совсем наоборот, шкипер. Хочешь мою догадку?

— Да.

— «Вингед Виктори» была заминирована. А дорогого доктора Брэйни, который вовсе не был таким болваном, каким я его считала, на борту не было. Все эти несчастные люди погибли, чтобы он мог исчезнуть.

— Пересядь на первую парту, Язва. Слишком много совпадений… и они, эти «Парни в Черных Шляпах», знают, где мы.

— И это значит, что профессор Безмозглый, вместо того чтобы погибнуть в Тихом океане, может появиться здесь в любую секунду.

— Он и банда чужаков с зеленой кровью, которым не нравятся геометры.

— Зебби, как ты думаешь, каков их план?

— Не имею представления. Они могут обрызгать планету фумигатором и забрать себе. Или завоевать нас, превратив в домашний скот или рабов. Единственное, что нам о них известно — что они чужаки, что они могущественны и что они убивают нас без угрызений совести. Поэтому и я буду убивать их без угрызений совести. К сожалению, я не знаю — как. Поэтому я убе-

гаю — убегаю в испуге, — захватив с собой вас троих, потому что вам явно грозит опасность.

— Сможем ли мы когда-нибудь найти их и убить их?

Зебби не ответил, поскольку явились Дити и мой Джейкоб, оба запыхавшиеся, оба в комбинезонах. Дити выглядела милой и самоуверенной, мой дорогой выглядел подтянутым, но обеспокоенным.

— Мы опоздали. Извиняемся.

— Вы не опоздали, — ответил Зебби. — Но быстро по местам.

— Сейчас, только открою дверь гаража и выключу свет.

— Джейк, Джейк… Гэй запрограммирована делать это сама. Принцесса, забирайся внутрь и пристегнись. Ремни, Язва. Второй пилот, заприте дверцу по правому борту и проверьте, как прилегает уплотнитель — на ощупь, по всему контуру. После этого пристегнитесь.

— Есть, капитан.

По моей спине побежали мурашки, когда я услышала, как мой дорогой выражается по-военному. Он по секрету сказал мне, что он полковник артиллерии в отставке, но Дити пообещала не говорить об этом нашему бравому молодому

капитану, и он хочет, чтобы я тоже пообещала не говорить, поскольку порядок подчинения у нас сложился такой, какой и должен быть: Зебби будет командовать, в то время как Джейкоб займется машиной пространства-времени, каждому свое. Еще Джейкоб попросил меня принимать приказы от Зеба без комментариев… что меня слегка разозлило. Конечно, я необученный член экипажа, но я вовсе не глупа и прекрасно все понимаю. В экстренной ситуации я могу попытаться вернуть нас домой, но даже Дити подготовлена лучше меня.

Проверка завершилась, Гэй выключила свет, открыла дверь гаража и вырулила на посадочную площадку.

— Второй пилот, вам видно показания верньеров?

— Капитан, мне нужно ослабить грудной ремень.

— Сделай, если нужно. Но твое сиденье сдвигается вперед на двадцать сантиметров. Вот тут, сейчас подрегулирую… — Зеб наклонился и что-то нажал между сиденьями. — Скажи, когда хватит.

— Все, сейчас хорошо. Я их вижу и могу дотянуться, не трогая ремня. Жду дальнейших

указаний, сэр.

— Где была ваша машина, когда вы с Дити отправились в пространство-время без буквы «J»?

— Примерно там же, где мы сейчас.

— Можешь отправить нас туда же?

— Думаю, да. Минимальное перемещение, в положительном направлении — энтропия возрастает — вдоль оси «тау».

Мой муж прикоснулся к верньерам.

— Готово, капитан.

Я не увидела никаких изменений — наш дом остался темным силуэтом на фоне неба, а перед нами зияла черная пасть гаража. Звезды даже не мигнули.

— Давай проверим, — сказал Зебби и включил фары, чтобы они осветили гараж. Он был пуст и выглядел обычно.

– *Ого!* — вдруг сказал Зебби. — Взгляните на *это*!

— Взглянуть на *что*? — спросила я, пытаясь выглянуть из-за спины Джейкоба.

— Если точно — на пустое место. Язва, твой чужак?

И тут я поняла: никакого трупа, никакой зелено-синей крови, верстак стоит у стены и нет бестеневой лампы.

— «Гэй Обманщица», верни нас домой! — сказал Зебби.

Та же сцена… только уже со вскрытым трупом. Я судорожно сглотнула.

Зебби выключил фары. Я почувствовала себя получше, но ненамного.

— Капитан?

— Второй пилот.

— Может, все-таки стоило проверить насчет этой буквы «J»? Это позволило бы мне проверить калибровку.

— Я проверил, Джейк.

— Что?

— У задней стенки гаража стоят аккуратно подписанные мусорные баки. Тот, что в центре слева, помечен «Junk metal» — «Металлолом».

— А!

— Да, и твой аналог в этом пространстве — твой двойник, Джейк-прим или как тебе угодно — столь же аккуратен, как и ты. На левом баке было написано «Iunk metal» с буквой «I» вместо «J». Шкафчик справа сверху подписан «Iugs&Iars» вместо «Jugs&Jars» — «Канистры и банки». Поэтому я и велел Гэй вернуть нас домой. Я испугался, что они нас застукают. Неловкая ситуация.

— Зебадия, — начала Дити, — я имею в виду —

«капитан», неловкая в чем, сэр? Пропавшая буква в алфавите напугала меня тогда, но больше не пугает. Теперь я больше нервничаю по поводу чужаков, «Черных Шляп».

— Дити, в тот первый раз вам повезло. Поскольку Дити-прим не оказалось дома. Однако сегодня вечером она могла быть. Вероятно, в постели с мужем, назовем его Зебадия-прим. Это очень нервный тип. Может выстрелить в чужую машину, которая светит фарами в гараж его тестя. Он склонен к насилию.

— Ты смеешься надо мной.

— Нет, принцесса, я этого действительно опасался. Параллельный мир с таким небольшим отличием, как отсутствие одной ненужной буквы, но с домом и участком, которые ты спутала со своими, предполагает наличие отца и дочери с именами «И-акоб» и «Де-и Торис».

(Капитан Зебби произнес эти имена, подчеркнув замену «J» на «I».)

— Зебадия, теперь это пугает меня почти так же, как чужаки.

— Чужаки пугают меня куда больше. Привет, Гэй.

— Привет, Зеб. У тебя из носа течет.

— Умница, ускорение в один «же» вертикально

до высоты один километр. Зависнуть.

— Лечу, мой командир — не испачкайте мундир!

Несколько секунд нас вдавливало в спинки и подголовники, а затем, испытав внезапный подъем желудка к горлу, мы выровнялись и зависли.

Зебби спросил:

— Дити, автопилот примет изменение программы возвращения домой в голосовом режиме? Или придется устанавливать смещение на верньерах?

— А что ты хочешь сделать?

— Оставить координаты, но добавить два километра высоты над землей.

— Я думаю, это возможно. Мне сделать это? Или ты хочешь сам попробовать, капитан?

— Пробуй ты, Дити.

— Да, сэр. Привет, Гэй.

— Привет, Дити.

— Программная проверка. Определи «домой».

— «Домой». Отменить все инерциальные передвижения[70], перемещения, вращения.

---

[70] Сноски: 70

Речь идет о перемещениях в физическом пространстве, которые фиксируют внутренние инерциальные датчики машины. — *Прим. С. В. Голд.*

Вернуться к запрограммированным нулевым долготе и широте, на уровне земли.

— Доложить текущее местоположение.

— Один километр по вертикали выше «домой».

— Гэй. Изменение программы.

— Ожидаю, Дити.

— Программа «Домой». Отменить «на уровне земли». Заменить на «два километра над уровнем земли, зависание».

— Изменение программы завершено.

— «Гэй Обманщица», верни нас домой!

Неожиданно, без каких-либо ощущений подъема, мы оказались много выше.

Зеб сказал:

— Два километра на приборах! Дити, ты Умница!

— Готова поспорить, Зебадия, ты всем девчонкам это говоришь.

— Нет, только некоторым. Гэй, ты Умница.

— Тогда почему ты поперся на ночь к той рыжеватой блондинке?

Зебби обернулся и посмотрел на меня:

— Язва, это твой голос.

Я с достоинством проигнорировала его.

Зебби повернул к югу. Большой Каньон при

свете звезд выглядел жутко. Не сбавляя скорости, Зеб скомандовал:

— «Гэй Обманщица», верни нас домой!

Мы снова парили над нашим домиком — ни рывка, ни сотрясения, ничего.

— Джейк, как только я разберусь с углами, — начал Зебби, — я брошу тратить деньги на бензин. Как она это делает, ведь мы никуда не перепрыгивали? Ни вращением, ни перемещением.

— Возможно, я не продумал интерпретацию тривиального решения уравнения девяносто семь. Но это аналогично тому, что мы собирались делать с планетами. Пятимерное преобразование, упрощенное до трехмерного случая.

— Ничего не понял, я просто тут работаю, — признался капитан Зебби. — Но, похоже, мы можем торговать вразнос гравитацией и транспортными услугами, а также недвижимостью и временем. Берроуз и Компания, Пространственные Искривления С Неограниченной Ответственностью. «Масштаб работ не имеет значения!». За один нью-доллар высылаем бесплатную брошюру.

— Капитан, не разумнее ли перенестись в другое пространство, прежде чем экспериментировать? — предложил Джейкоб. — Нам все еще

угрожают чужаки, не так ли?

Зебби мгновенно протрезвел.

— Второй пилот, ты совершенно прав, и твой долг — давать мне советы, когда я не в себе. Однако у нас есть одна обязанность, которую мы *должны* выполнить, прежде чем уйдем отсюда.

— Нечто более неотложное, чем обеспечить безопасность наших жен? — поинтересовался Джейкоб, и я почувствовала гордость за него.

— Нечто более неотложное. Джейк, я заставил ее совершить этот скачок не только для проверки, но и для того, чтобы им было сложнее отследить нас. Потому что нам придется нарушить радиомолчание. Мы должны предупредить наших собратьев-людей.

— Ох. Да, капитан. Мои извинения, сэр. Я иногда забываю про общую картину.

— Мы все иногда это делаем! Я хотел убежать и спрятаться с самого начала этого бардака. Но потребовались приготовления, и благодаря отсрочке у меня было время подумать. Пункт первый: мы не знаем, как сражаться с этими тварями, поэтому нам требуется убежище. Пункт второй: мы обязаны сообщить миру все, что знаем о чужаках. Пусть этого не так много, да и выжили мы чудом, но, если пять миллиардов

человек будут смотреть во все глаза, их можно будет поймать. Я надеюсь.

— Капитан, — спросила Дити, — могу я сказать?

— Конечно! Любой, у кого есть идеи, как справиться с этими монстрами, *обязан* говорить.

— Мне жаль, но у меня таких идей нет. Вы должны предупредить мир, сэр, конечно. Только вам не поверят.

— Боюсь, ты права, Дити. Но они не должны верить мне. Тот монстр в гараже говорит сам за себя. Я собираюсь позвонить рейнджерам — настоящим рейнджерам, — чтобы они его забрали!

— Вот почему ты велел мне оставить его просто так! — сказала я. — Я думала, просто времени нет возиться.

— И то, и другое, Хильда. У нас нет времени перетаскивать труп и укладывать в морозильную камеру. Но если мне удастся сделать так, чтобы рейнджеры — *настоящие* рейнджеры — оказались в этом гараже раньше «Черных Шляп», то тело расскажет собственную историю: несомненный чужак, в собственной слизи лежит на форме рейнджера, которую с него срезали. Это вам не «близкие контакты» с НЛО, которые можно опровергнуть, это существо более поразительное,

чем утконос и ехидна вместе взятые. Однако нам нужно связать его с другими факторами, чтобы показать им, где копать дальше. Твоя заминированная машина, поджог в Логане, очень удобное исчезновение профессора Брэйна, смерть моего кузена на Суматре… и твоя шестимерная неэвклидова геометрия.

— Простите, джентльмены, — сказала я. — Не могли бы мы убраться куда-нибудь подальше от нашего домика и только потом нарушить молчание? Я немного нервничаю — на нас охотятся «Черные Шляпы».

— Ты права, Язва. Я собираюсь нас переместить. Рассказ не очень длинный, если не считать математику, и я записал его на пленку, пока остальные собирались. Гэй передаст его с ускорением сто к одному, — Зебби потянулся к приборной панели. — Все пристегнуты?

— Капитан Зебадия?

— Какие-то проблемы, принцесса?

— Могу я попробовать новую программу? Это может сэкономить время.

— Программирование — твоя сфера. Конечно.

— Привет, Гэй.

— Привет, Дити.

— Восстановление последней программы. До-

ложи код исполнения.

— Докладываю, Дити: «“Гэй Обманщица”, верни нас домой!».

— Запретить стирание постоянной программы, запускаемой кодом исполнения «“Гэй Обманщица”, верни нас домой». Доложить о подтверждении.

— Доклад о подтверждении. Запрещено стирание постоянной программы с кодом исполнения «“Гэй Обманщица”, верни нас домой». Говорю тебе три раза.

— Дити, — подал голос Зеб, — получив запрет на стирание, Гэй помещает информацию в три локации постоянной памяти. Избыточность как фактор безопасности.

— Не влезай, дорогой! Мы с ней говорим на одном языке. Привет, Гэй.

— Привет, Дити.

— Анализ последней программы с кодом исполнения «“Гэй Обманщица”, верни нас домой». Доложить.

— Анализ завершен.

— Обратить программу.

— Неизвестная команда.

Дити вздохнула:

— Писать код легче. Новая программа.

— Ожидаю, Дити.

— Код исполнения новой постоянной программы: «“Гэй Обманщица”, возвращайся!». Получив его, повторить в реальном времени в обратном порядке всю предыдущую последовательность инерциальных передвижений, перемещений, вращений до момента последнего использования программы с кодом исполнения «“Гэй Обманщица”, верни нас домой».

— Новая постоянная программа принята.

— Гэй, я говорю тебе три раза.

— Дити, я слышу тебя три раза.

— «Гэй Обманщица», возвращайся!

Мы мгновенно оказались над Большим Каньоном, направляясь на юг. Я увидела, как руки Зебадии невольно дернулись к рулю:

— Дити, это было здорово.

— Нет, я потеряла столько времени, сэр — по своей глупости. Гэй, ты Умница.

— Дити, не заставляй меня краснеть.

— Вы обе — Умницы, — заявил капитан Зебби. — Если мы были у кого-то на радаре, то он наверняка решил, что у него проблемы со зрением. И наоборот, если кто-то поймал нас уже здесь, он теперь гадает, откуда мы вывалились. Хитрый маневр, дорогая. Ты сделала «Гэй Обманщицу» та-

кой пронырой, что теперь нас никто не прижмет. Мы будем везде.

— Да… но у меня есть еще кое-какие замыслы, мой капитан.

— Принцесса, мне нравятся твои идеи. Делись.

— Предположим, мы использовали программу «домой» и переместились из огня да в полымя. Возможно, будет полезно иметь наготове программу, которая вернет нас в огонь, а потом очень быстро отправит еще куда-нибудь. Мне стоит заняться третьей программой для маневра уклонения?

— Конечно, но обсуди ее с придворным магом, твоим почтенным отцом, а не со мной. Я просто небесный жокей.

— Зебадия, я не желаю слушать, как ты так говоришь о себе в уничижительном…

— Дити! Правила спасательной шлюпки! Джейк, твои научные работы на борту? Теория и чертежи?

— Ну, нет, Зеб… капитан. Слишком объемные. Микрофильмы я прихватил, а вот оригиналы в подвале под гаражом. Я ошибся?

— Ничуть! Кто-нибудь из геометров отозвался положительно на твою статью о шестисторонней системе?

— Капитан, геометров, способных оценить мою систему постулатов без долгого и тщательного изучения, не так много. Она слишком неортодоксальная. Твой покойный кузен был одним из них — воистину блестящий ум! Э-э-э… теперь я подозреваю, что доктор Брэйн ее прекрасно понял и принял в штыки по другим соображениям.

— Джейк, а есть кто-то, кто хорошо к тебе относится и сможет понять то, что спрятано в подвале? Я пытаюсь разобраться, как предупредить наших собратьев-людей. Фантастической истории из нескольких не связанных на первый взгляд инцидентов будет недостаточно. Даже при наличии тела чужака, способного ее подтвердить. Ты должен оставить математическую теорию и чертежи кому-то, кто сможет в них разобраться, и кому ты доверяешь. Сами мы ничего не можем сделать — каждый раз, когда мы высовываем головы, кто-то в нас стреляет, и нам даже нечем отстреливаться. А эта проблема, возможно, потребует усилий всего человечества. Ну так что? Есть кто-то, которому ты можешь доверять как своему профессиональному преемнику?

— Ну… один человек, возможно. Не из моей области геометрии, но блестящий ученый. Написал мне очень ободряющее письмо, когда я опубли-

ковал свою первую статью… статью, которую высмеяли все, кроме твоего кузена и вот его. Профессор Сеппо Райканнонен. Турку, Финляндия.

— Ты уверен, что *он* не чужак?

— Что? Он работает на факультете университета в Турку уже много лет! Больше пятнадцати.

— Джейкоб, примерно столько же мы знаем профессора Брэйна, — заметила я.

— Но… — мой муж оглянулся на меня и неожиданно улыбнулся: — Хильда, любовь моя, ты когда-нибудь была в сауне?

— Однажды.

— Тогда объясни нашему капитану, почему я так уверен, что мой друг Сеппо — не замаскированный чужак. Я — точнее, мы с Дити — были на конференции в Хельсинки в прошлом году. И после встречи отправились к нему на дачу в Озерном краю… и сходили с ним в сауну.

— Папа, мама, трое ребятишек, — подтвердила Дити. — Он точно человек.

— Брэйни был холостяком, — добавила я задумчиво. — Капитан Зебби, разве замаскированные чужаки не должны быть холостяками?

— Или одинокими женщинами. Или псевдосупружескими парами. Но никаких детей, этого маскировка не выдержит. Джейк, давай-ка

попробуем дозвониться до твоего друга. Мм-м, в Финляндии почти время завтрака… или мы его разбудим. Это лучше, чем упустить его.

— Хорошо! Номер моего комкредита «Неро, Алеф…»

— Давай попробуем мой. Твой могут отслеживать… если «Черные Шляпы» так умны, как я думаю. Умница!

— Да, босс.

— Дон Амичи[71].

— Слушаюсь и повинуюсь, мой господин.

— Дити, ты научила Гэй плохим вещам.

Вскоре ровный мужской голос сообщил:

— Введенный номер коммуникационного кредита недействителен. Пожалуйста, проверьте свою карту и попробуйте снова. Это была запись.

Зебби недоверчиво сказал:

— Гэй *не может* ввести мой номер неправильно, он трижды записан в постоянной памяти. Глюк в их системе. Нам придется попробовать твой номер, папа.

— Попробуй мой, Зебби, — предложила я. — Мой комкредит в порядке, я внесла предоплату.

На этот раз нам ответил уже женский голос:

---

[71] Сноски: 71

Американский киноактер, лауреат Оскара, имя используется как код активации связи.

— …недействителен. Пожалуйста, проверьте свою карту и попробуйте снова. Это была запись.

Моему мужу ответил другой женский голос:

— …попробуйте снова. Это была запись.

Дити призналась:

— У меня нет своего номера, мы с папой используем один и тот же.

— Это не имеет значения, — с горечью сказал капитан Зебби. — Это вовсе не глюк. Нас вычистили. Мы — нелица. Мы все мертвы.

Я не стала спорить, я давно заподозрила, что мы умерли — с того самого утра две недели назад, когда я проснулась в постели рядом с новым ласковым мужем. Но *как давно* мы были мертвы — с моей вечеринки? Или совсем недавно?

Меня это не особенно волновало. Эти Небеса были намного лучше, чем те, о которых мне рассказали в воскресной школе Терри Хота. И пусть я никогда не считала себя особенно плохой, но и особенно хорошей тоже не была. Из Десяти Заповедей я нарушила шесть и слегка потрепала еще несколько. Но Моисей, очевидно, расслышал не все Слова Свыше — потому что смерть принесла столько удивительного и прекрасного, что я наслаждалась каждой минутой… или вечностью, смотря по обстоятельствам.

– XIII –
Зебадия

Невозможность позвонить из собственной машины — это самое унизительное положение из всех, в какие я попадал, начиная с той ночи, которую по ошибке провел в тюрьме (ошибка была моя). Я даже подумал о том, чтобы приземлиться и позвонить, но на земле нас явно поджидали неприятности. Даже если нас объявили погибшими, столь поспешно аннулировать наши комкредитные карты не стоило — это выглядело недружелюбным шагом, ведь у нас всех были высокие кредитные рейтинги.

А уж отмена комкредита Язвы без свидетельства о смерти выглядела более чем недружелюбно; это было оскорбление, поскольку она сделала предоплату.

Я был вынужден признать, что мой долг — известить военных, поэтому я связался с NORAD[72]. Назвал имя, звание, номер карты резервиста

---

[72] Сноски: 72

NORAD (North American Air Defense Command) — Объединенное командование ПВО североамериканского континента (США и Канады). — *Прим. С. В. Голд.*

и попросил переключить на закрытую линию для экстренных ситуаций…

…и столкнулся с «правильной» процедурой, которая мгновенно вызывает язву желудка: Какой у меня уровень допуска? Почему я считаю, что у меня экстренный случай? На каком основании я требую закрытой линии связи? Знаю ли я, сколько фейковых звонков поступает каждый день? Освободите частоту, она только для служебных переговоров. Еще одно слово, и я буду вынужден передать информацию о вас в службу контроля движения».

Я сказал это слово, но после того, как отключился; Дити и ее отец проигнорировали мою реплику, но Хильда буркнула:

— Вот и я так думаю.

Я попробовал штаб-квартиру федеральных рейнджеров в Кайбаб на Джейкоб-лэйк, потом их отделение в Литтлфилд, и снова штаб-квартиру в Кайбаб. Литтлфилд не ответил, Джэйкоб-лэйк отозвался «Это запись. Текущие сообщения можно оставить после звукового сигнала. Срочные сообщения следует направлять в штаб-квартиру во Флагстафф. Ожидайте звукового сигнала… бип… бип… бип».

Я открыл рот, чтобы приказать Гэй прокрутить

им мою запись — и тут весь мир залил самый яркий свет, какой только можно себе представить.

К счастью, мы направлялись на юг, а свет вспыхнул позади нас. Я пришпорил Гэй и велел ей втянуть крылья. Никто из спутников не задал дурацкого вопроса, хотя я подозреваю, они раньше не видели огненный шар или грибовидное облако.

— Умница.

— Тут, босс.

— Задача на счисление пути. Определить истинный пеленг на источник светового излучения относительно кормы. Замерить расстояние до источника излучения и направление на него радаром. Определить широту и долготу источника. Сравнить полученный результат с имеющимися в постоянной памяти точками. Подтвердить.

— Программа подтверждена.

— Выполняй.

— Поняла, выполняю, Зеб. Слышал последние новости? — и тут же она добавила: — Решение задачи. Истинный пеленг совпадает с направлением на точку, зафиксированную в программе, код исполнения «“Гэй Обманщица”, верни нас домой». Истинное расстояние идентично расстоянию до указанной точки с точностью плюс

минут ноль целых шесть десятых километра.

— Ты Умница, Гэй.

— С помощью лести ты залезешь куда угодно, Зеб. Прием.

— Понял, конец связи. Держите шляпы, ребята, мы собираемся рвануть прямо вверх.

Ударную волну я обогнал, но к этому времени мы оказались у самой мексиканской границы, и ПВО с любой стороны вполне могло решить, что мы неплохая цель.

— Второй пилот!

— Капитан.

— Уводи нас! Прочь из этого пространства!

— Куда, капитан?

— Куда угодно! *Быстро!*

— Ох… можешь снизить ускорение? Я не могу поднять руки.

Проклиная себя, я отключил питание, и «Гэй Обманщица» полетела по инерции. Надо было разместить верньеры прямо на подлокотнике. (Конструкция, которая идеально смотрится на чертежной доске, может убить летчика-испытателя.)

— Перемещение завершено, капитан.

— Принято, второй пилот. Спасибо, — я глянул на приборы: шесть с лишним километров над

землей и все поднимаемся, воздух уже неплотный, но пока его достаточно, чтобы крылья держали. — Держи наш ланч крепче, Язва!

Я наклонил машину, сделал иммельман[73] в горизонтальном полете и взял курс на север, не включая двигатель. Сказал Гэй, чтобы она тянула скольжение как можно дольше и сообщила мне, когда мы опустимся до трех километров.

То, что должно быть Фениксом, осталось справа, другой город — Флагстафф? — еще дальше на север и немного к востоку; мы словно бы направлялись домой. Никакого светящегося облака на горизонте не было.

— Джейк, где мы?

— Капитан, я никогда не был в этой вселенной. Мы переместились на десять квантов в положительную сторону по оси «тау». Так что мы должны быть в пространстве, аналогичном нашему — всего лишь десять минимальных интервалов или квантов.

— Похоже на Аризону.

— Этого следовало ожидать, капитан. Если помнишь, перемещение на один квант по этой оси привело нас в мир, столь похожий на наш,

---

[73] Сноски: 73
Фигура высшего пилотажа, полупетля с полубочкой.

что мы с Дити их перепутали, пока не заглянули в словарь.

— Телефонную книгу, папа.

— Не важно, дорогая. Пока ты не обнаружила, что в алфавите не хватает буквы «J». Десять квантов не должны значительно изменить геологический ландшафт, а размещение городов в значительной степени определяется географией.

— Приближаемся к трем километрам, босс.

— Спасибо, Гэй. Держи курс и высоту. Коррекция! Держи курс и абсолютную высоту. Подтверди и выполняй.

— Поняла, выполняю.

Я вовремя вспомнил, что впереди находится Большой Каньон — или должен находиться. Умница умна, но она мыслит буквально, так что она держала бы точную высоту над землей и обеспечила бы нам самые дикие американские горки в истории. Она довольно гибкая, закон «мусор на входе — мусор на выходе»[74] никто не отменял. Контуров безопасности у нее много — потому что *я* совершаю ошибки. Гэй их совершать *не может*:

---

[74] Сноски: 74

Принцип информатики, означающий, что неверные данные приводят к неверному результату, даже при правильном алгоритме обработки. — *Прим. С. В. Голд.*

если она что-то делает не так, это происходит по моей вине. А поскольку я всю свою жизнь совершаю ошибки, я окружил ее всеми охранными приспособлениями, какие только мог придумать. Но против дикой езды у нее защитных программ нет — и она к подобным вещам готова. Резкие маневры уклонения спасли нам жизнь две недели назад, да и сегодня тоже; окажись мы чуть ближе к огненному шару, нас бы поджарило.

— Гэй, покажи карту, пожалуйста.

На карте была Аризона — *наша* Аризона, поскольку чужих вселенных во внутренностях у «Обманщицы» нет. Я изменил курс, чтобы пролететь над нашим домиком — его аналогом в этом пространстве-времени. (Просто сказать: «Гэй, верни нас домой» я не осмелился, по причинам, о которых желающие могут догадаться самостоятельно.)

— Дити, как давно взорвалась та бомба?

— Шесть минут двадцать три секунды. Зебадия, это *правда* была атомная бомба?

— Небольшая, возможно. Пара килотонн. «Гэй Обманщица»!

— Я вся внимание, Зеб.

— Сообщи временной интервал с момента локации источника света.

— Пять минут сорок четыре секунды, Зеб.

Дити ахнула:

— Неужели я так ошиблась?

— Нет, дорогая. Ты сообщила время с момента вспышки. А я велел Гэй определить расстояние только *после того*, как мы перешли на сверхзвук.

— О. Я чувствую себя лучше.

— Капитан, — поинтересовался Джейк. — Как Гэй сумела измерить расстояние до атомного взрыва? Мне казалось, это невозможно из-за радиации. У нее есть приборы, о которых я не знаю?

— Второй пилот, у нее есть несколько устройств, которых я тебе не показывал. Я ничего не скрывал… не больше, чем ты скрывал от меня свои ружья и амуницию…

— Мои извинения, сэр!

— Брось это, Джейк. Никто из нас ничего не скрывал, мы удирали со всех ног. Дити, сколько времени прошло с тех пор, как мы убили поддельного рейнджера?

— Это было в семнадцать четырнадцать. Сейчас двадцать два двадцать. Пять часов шесть минут.

Я глянул на приборную панель: судя по всему, «суточный ритм» Дити ничто не могло поко-

лебать. Часы Гэй показывали 5:20 (Гринвич) «ЧАСОВОЙ ПОЯС ПЛЮС СЕМЬ».

— Говоришь пять часов, а по ощущениям все пять недель. Нам нужен отпуск.

— Бурные аплодисменты! — поддержала Язва.

— Принято. Джейк, кстати, я не знал, что Гэй сможет измерить расстояние до атомного взрыва. «Источник света» для нее означает просто точку, откуда пришел видимый свет, точно так же как «источник сигнала» означает точку, откуда пришел сигнал навигационного радиомаяка. Я приказал ей взять пеленг на источник света за кормой; она выбрала самый яркий источник света в этом направлении. Затем я приказал ей измерить дистанцию радаром и взять пеленг — а потом крутанул свое молитвенное колесо и помолился.

Понятно, что там был белый шум, возможно, перекрывающий частоты ее радара. Но ее собственные сигналы радара промаркированы, потребовался бы очень высокий уровень шума на той же частоте, чтобы она не опознала эхо своего сигнала по сигнатуре. Понятно, что она столкнулась с проблемами, поскольку сообщила о «плюс-минус шестистах метров». Тем не менее дальность и пеленг совпали с координатами

в ее постоянной памяти и подтвердили, что наш домик разбомбили. Это плохие новости. Однако чужаки явились туда слишком поздно, чтобы разбомбить нас. Это хорошие новости.

— Капитан, я отказываюсь горевать по поводу материального ущерба. Мы остались живы.

— Согласен, хотя я буду вспоминать Уютное Гнездышко как самый счастливый дом, что у меня когда-либо был. Но теперь нет нужды предупреждать Землю — нашу Землю — о чужаках. Взрыв уничтожил главное доказательство — труп пришельца. А еще научные работы и чертежи, которые ты собирался передать своему финскому другу. Я не уверен, что мы теперь можем вернуться домой.

— О, это не проблема, капитан. Пара секунд, чтобы установить верньеры, и это не упоминая «рычаг мертвеца» или программы в долговременной памяти Гэй.

— Джейк, я бы хотел, чтобы ты оставил слово «капитан» только для рабочих ситуаций.

— Зеб, мне нравится называть тебя «капитаном».

— И мне! Мой капитан!

— Мне тоже, капитан Зебби!

— Не переусердствуйте. Джейк, я вовсе не имел

в виду, что ты не сможешь доставить нас домой, я имел в виду, что мы не должны так рисковать. Мы потеряли последнюю зацепку по чужакам, но они-то знают, кто мы, и показали, что превосходно умеют нас выслеживать. А мне еще хотелось бы прожить достаточно долго, чтобы увидеть, как родятся и вырастут наши дети.

— Аминь! — сказала Язва. — Это место может нам подойти. Из миллиона миллиардов квинтильонов Земель именно эта может быть свободна от паразитов. Очень вероятно.

— Хильда, моя дорогая, у нас нет никаких фактов, на которых можно основывать какие-либо предположения.

— Нет, Джейкоб, *один* факт у нас есть.

— Да? И что я пропустил, дорогая?

— Что мы *точно* знаем — что наша родная планета заражена. Поэтому я не хочу там растить детей. Если это не то место, которое мы ищем, давайте просто продолжим поиски.

— Мм-м, логично. Да. Капи… Зеб?

— Я согласен. Но до утра мы мало что сможем сказать. Джейк, я не уверен в одном ключевом моменте… Если мы переместимся на нашу родную Землю сейчас, то где мы окажемся? И *когда*?

— Папа, можно я отвечу?

— Вперед, Дити.

— В тот раз, когда мы с папой переместились в мир без буквы «J», мы решили, что потерпели неудачу. Папа остался в машине, пытаясь разобраться, что именно пошло не так, а я пошла внутрь, чтобы заняться ланчем. Все выглядело нормально, но вот телефонная книга лежала на кухонной стойке, где ей не место. На задней странице обложки у нее была карта-схема с телефонными кодами. Мой взгляд случайно упал на округ Джуаб — там было написано «Iuab» вместо «Juab», — и я подумала: какая смешная опечатка! Потом заглянула внутрь и не смогла найти ни единой «J», тогда я бросила ее и рванула к папе.

— Я подумал, что у нее истерика. Но потом я посмотрел в какой-то словарь и Британскую энциклопедию, и мы быстро оттуда убрались.

— Именно в этом все и дело, Зебадия. Когда мы вернулись, я бросилась в дом. Телефонная книга лежала там, где обычно, алфавит снова стал таким, каким должен был быть. Часы в моей голове показывали, что мы отсутствовали двадцать семь минут. Кухонные часы подтвердили это, как и часы в машине. Вам достаточно такого ответа, сэр?

— Я думаю, да. Значит, при перемещении отсчет времени просто продолжает расти. Меня

этот вопрос заинтересовал, потому что я хотел бы проверить этот кратер, когда там все остынет. А что насчет вращения?

— С этим сложнее, Зебадия. Мы были в том пространстве-времени лишь несколько секунд, и мы оба теряли сознание. Очень неопределенно.

— Понятно. Но Джейк, что насчет собственного движения Земли? Вращение, обращение вокруг Солнца, движение относительно звезд и так далее.

— Теоретический ответ на твой вопрос требует обращения к математике, которая, по твоим словам, находится вне сферы твоих интересов… э-э-э… Зеб…

— Ты имеешь в виду, за пределами моих возможностей.

— Как вам будет угодно, сэр. Путешествие в другое место-и-*другое время*… и *возвращение*… приводят тебя точно *туда, где ты бы находился*, если бы прожил это время *на Земле*. Но *«когда»* требует дальнейшего определения. Как мы уже выяснили… э-э-э… сегодня днем (хотя кажется, что это было уже давно), мы можем настроить аппарат так, чтобы возвращаться на *любую* ось в любую ее точку *на расстоянии в целое число интервалов*. Для планетарной инженерии. Или

других целей. Включая движение в обратном направлении относительно стрелы энтропии. Правда, я подозреваю, что это приведет к смерти.

— Почему, папа? Почему это просто не вызовет регресса памяти?

— Память привязана к возрастанию энтропии, моя дорогая. Смерть может быть лучшим исходом, если сравнивать ее с амнезией в комбинации с пророческим знанием. Неопределенность может быть тем фактором, который делает нашу жизнь сносной. Надежда — то, что заставляет нас двигаться. Капитан!

— Второй пилот.

— Мы только что пролетели северный край Большого Каньона.

— Спасибо, второй пилот, — я положил руки на штурвал.

— Папа, наш домик все еще тут. Свет включен.

— Я вижу. Они пристроили крыло с запада.

— Да. Мы там хотели разместить библиотеку.

— Семья, я не собираюсь подлетать ближе, — сообщил я. — Ваши аналоги в этой вселенной, похоже, устроили вечеринку. Прожекторы освещают четыре машины на посадочной площадке, — я пустил Гэй по широкому кругу. — Я не хочу над ними зависать, это может привлечь

внимание. И тут же появятся местные воздушные копы… Черт возьми, а ведь я даже не знаю, говорят ли они на английском.

— Капитан, мы видели все, что было нужно. Это *не наш* домик.

— Рекомендации?

— Сэр, я предлагаю подняться на максимальную высоту. По дороге обсудим, что делать дальше.

— «Гэй Обманщица».

— На палубе, капитан Ахав.

— Один «же», вертикально.

— Есть, сэр!

(Интересно, сколько разных ответов записала Дити?)

— Кто-нибудь хочет сэндвич? — спросила Язва. — Я хочу, ведь я будущая мать.

Я вдруг вспомнил, что с полудня у меня ничего не было во рту, кроме куска пирога. Так что, набирая высоту, мы закончили то, что осталось от нашего ужина.

— Пто Марш?

— Не говори с набитым ртом, Язва.

— Зебби, какой ты грубиян! Я спросила: «Это Марс?». Вон там?

— Это Антарес. Марс… посмотри левее на тридцать градусов. Видишь его? Тот же цвет, что

у Антареса, но ярче.

— Вижу. Джейкоб, дорогой, давай поедем в этот отпуск на Барсум!

— Дражайшая Хильда, Марс необитаем. Люди из марсианской экспедиции ходили в скафандрах. У нас их нет.

— А если бы были, — добавил я, — они бы не позволили нам насладиться медовым месяцем.

— Я помню песенку «Скафандр для двоих»… — ответила Хильда. — И все равно поехали на Барсум! Джейкоб, ты же говорил, что мы можем попасть куда угодно *в одно мгновение*, раз — и уже там?

— Совершенно верно.

— Тогда полетели на Барсум!

Я решил зайти с флангов:

— Хильда, мы не можем лететь на Барсум. У Морса Каяка и Джона Картера нет их мечей.

— Может, поспорим? — сладким голосом спросила Дити.

— Что?

— Сэр, вы предоставили мне возможность самой выбрать груз для свободных мест. Если заглянете в длинное, узкое хранилище под приборной панелью, вы найдете там шпагу и саблю с портупеями. Они проложены носками и ниж-

ним бельем, чтобы не гремели.

Я торжественно произнес:

— Моя принцесса, я не мог сокрушаться по поводу меча, когда твой отец с таким спокойствием принял утрату дома — но спасибо тебе от всего сердца.

— Позволь мне добавить свои благодарности, Дити. Я очень дорожу этой старой саблей, какой бы бесполезной она ни была.

— О нет, отец, она была *очень* полезна сегодня!

— Хей-хо! Хей-хо! На Барсум летим легко!

— Капитан, до рассвета несколько часов. Мы *могли бы* использовать эти часы для быстрой прогулки на Марс. Хотя… Ох, дорогая, я должен знать текущее расстояние до Марса, а мне оно неизвестно.

— Никаких проблем, — сказал я. — Гэй ежегодно проглатывает «Аэрокосмический альманах».

— Вот как? Я впечатлен!

— «Гэй Обманщица».

— Опять ты? Только я задумалась.

— Тогда подумай вот о чем. Программа расчета. Источник данных — «Аэрокосмический альманах». Запустить вычисление расстояния по прямой до планеты Марс. Докладывать текущие результаты вычислений по запросу. Выполняй.

— Программа выполняется.

— Доклад.

— Километры: два-два-четыре-ноль-девять-ноль-восемь-два-семь запятая плюс-минус девять-восемь-ноль.

— Текущий результат выводить на дисплей.

Гэй выполнила команду.

— Ты Умница, Гэй.

— А еще я умею показывать карточные фокусы. Программа выполняется.

— Джейк, как мы это сделаем?

— Совместим ось «L» с прицелом твоей пушки. По-моему, так проще всего?

— Безусловно! — я прицелился в Марс, точно собирался сбить его с неба выстрелом, а затем по спине у меня побежали мурашки. — Джейк? Может быть, сделаем поправку? Мне кажется, эти цифры показывают расстояние между центрами тяжести. Смещение на пол-мила[75] обеспечит нам безопасное расстояние. Примерно в сто тысяч километров.

— Сто двенадцать тысяч, — согласился Джейк,

---

[75] Сноски: 75

Мил — тысячная. Угломерная единица в артиллерии, равна 1/6400 окружности (0,05625 градуса) или тысячной доле радиуса. В милах измеряется поправка на дальность в оптических прицелах. — *Прим. С. В. Голд.*

разглядывая дисплей.

Я сделал поправку в пол-мила.

— Второй пилот.

— Капитан.

— Движение по готовности. Выполнять.

Марс во второй четверти, огромный, круглый, рыжий, прекрасный, плыл по правому борту.

– XIV –
Дити

— **Б**арсум. Дно мертвых морей. Зеленые гиганты, — тихо произнесла тетя Хильда.

Я же просто сидела с открытым ртом.

— Марс, дорогая Хильда, — мягко поправил ее папа. — Барсум — это миф.

— Барсум, — упрямо повторила она. — Это не миф. Это все здесь. Кто сказал, что его имя Марс? Кучка давно умерших римлян! Разве не местные жители должны дать ему название? Барсум.

— Моя дорогая, тут нет местных жителей. Названия устанавливает международный комитет при Гарвардской обсерватории. И они подтвердили традиционное название.

— Пфе! У них не больше прав раздавать названия, чем у меня! Дити, скажи, я права?

Я думаю, что аргументы тети Хильды получше, но я не спорю с папой без особой надобности, он слишком эмоционален.

Меня спас муж:

— Второй пилот, задача по астронавигации. Как мы будем рассчитывать вектор и расстояние? Я

бы хотел вывести нашу машинку на орбиту, но Гэй не космический корабль, у меня нет нужных приборов. Даже секстанта!

— Мм-м, предлагаю решать задачи последовательно, капитан. Мы пока не падаем слишком быстро и… упс!

— В чем дело, Джейк?

Папа побледнел, на лице выступил пот, он сжал челюсти и с усилием сглотнул несколько раз. Потом выдавил сквозь сжатые губы:

— Умням'рскаяблезнь.

— Нет, это космическая болезнь. Дити!

— Да, сэр!

— Аптечка в кармане за моим сиденьем. Расстегни ее, достань ломин. Одну таблетку — и не дай остальным разлететься.

Я вытащила аптечку, нашла бутылочку с надписью «Ломин», вторая таблетка ухитрилась выскочить, но я поймала ее в воздухе. Невесомость — забавная штука, ты не понимаешь, стоишь ты на голове или плаваешь на боку.

— Вот, капитан.

— Мня вс нрмльно, — пробурчал папа. — Тлькчутьвремянадо.

— Конечно, нормально. Ты сейчас примешь эту таблетку — или я впихну ее тебе в глотку своим

грязным, мозолистым пальцем. Идет?

— Эм-м, капитан. Мне бы нужно воды — запить… но я, наверное, не смогу.

— Вода не нужна, просто разжуй ее. Вкус приятный, малина. И все время глотай слюну. Держи, — Зебадия зажал папе нос. — Открой рот.

Я услышала какие-то сдавленные звуки: тетя Хильда прижимала носовой платок ко рту, а из ее глаз текли слезы. Судя по всему, она вот-вот была готова добавить в атмосферу кабины использованные сэндвичи и картофельный салат.

Хорошо, что у меня в руке была вторая таблетка; тетя Хильда, конечно, сопротивлялась, но сил у нее было немного. Я обошлась с ней так же, как мой муж обошелся с ее мужем, а потом зажала ей рот ладонью. Я не знаю, что такое морская болезнь (или тошнота в невесомости), я могу ходить по переборкам с сэндвичем в одной руке, напитком в другой и наслаждаться жизнью.

Но жертвы этого недуга болеют по-настоящему, и голова у них перестает работать нормально. Поэтому я с силой зажимала ей рот и нежно шептала ей на ухо:

— Жуй это, дорогая тетя, жуй и глотай.

Вскоре я ощутила, что она жует. Через несколько минут она расслабилась.

— Ну что, тебя уже можно отпускать? — спросила я.

Она кивнула, и я убрала ладонь. Тетя Хильда слабо улыбнулась и похлопала меня по руке:

— Спасибо, Дити. Хочешь, поцелуемся и помиримся?

Марс-Барсум, похоже, вырос за то время, пока я занималась исцелением космической болезни тети Хильды. Наши мужчины обсуждали астронавигацию, и мой муж как раз произнес:

— Мне очень жаль, но радар Гэй рассчитан только на тысячу километров. А ты говоришь, что расстояние в сто раз больше.

— Около того. Мы падаем на Марс. Капитан, мы должны это сделать с помощью триангуляции.

— Как я могу это сделать, если у меня нет даже угломера? *Как?*

— Хм-м… С позволения капитана, хочу напомнить, как он только что вносил поправку.

Мой дорогой выглядел словно школьник, пойманный на глупом ответе.

— Джейк, если ты не перестанешь изрекать вежливости, когда я туплю, то я тебя высажу в космос и посажу Дити на место второго пилота. Хотя, нет, ты нам нужен, чтобы вернуть нас домой. Лучше я сам подам в отставку, а ты будешь

капитаном.

— Зеб, капитан *не может* подать в отставку, пока корабль в пути. Это универсальное правило!

— Мы в другом универсуме.

— Это трансуниверсальное правило. Пока ты жив, тебе от него не отвертеться. Попробуем триангуляцию.

— Приготовься записывать, — Зебадия поудобнее устроился в кресле и прижался к окуляру. — Второй пилот.

— Готов к записи, сэр.

— Черт!

— Проблемы, капитан?

— Некоторые. У прицела проградуировано только пятнадцать милов в каждую сторону: концентрические окружности и в центре перекрестье, горизонтальная и вертикальная линии. Перпендикуляр к палубе и параллельная ей, я имею в виду. Когда я навожусь на Марс, планета выходит за границы круга в пятнадцать милов. Придется прикидывать на глазок. Так, он больше примерно на восемнадцать милов с каждой стороны. Так что удвой это и прибавь тридцать.

— Шестьдесят шесть милов.

— А мил — это одна тысячная. Точнее, один на тысячу восемнадцать с небольшим. Но одна

тысячная — это достаточно точно. Подожди! Я вижу две яркие световые точки около меридиана — если меридиан проходит через полярные шапки. Давай я наклоню нашу машинку, чтобы они встали на перекрестье, а потом я отклонюсь от курса, и если мы не сможем замерить за один прыжок, сделаем за три.

Я видела, как более крупная «верхняя» полярная шапка (Северная? Южная? Ну, я *чувствовала*, что это — северная) медленно съехала набок, градусов на восемьдесят, когда мой муж разворачивал Гэй.

— Двадцать девять запятая пять… может быть… плюс восемнадцать запятая семь… плюс шестнадцать запятая три. Сложи.

Мой отец ответил:

— Шестьдесят четыре с половиной.

Я произнесла ответ раньше, но про себя: шесть четыре запятая пять.

— Кто знает диаметр Марса? Или мне придется спросить Гэй?

Хильда ответила:

— Шесть тысяч семьсот пятьдесят километров… примерно.

Это было достаточно близко к прикидкам Зебадии.

— Язва! Откуда ты знаешь *такие* вещи? — спросил Зебадия.

— Я читала комиксы. Ну, ты знаешь… «Бац! Полярис пропал!».

— Я не читаю комиксы.

— Там куча интересных вещей, Зебби. Я думала, что в аэрокосмических войсках в ходу инструкции в виде комиксов.

Уши моего любимого покраснели.

— Некоторые, — признался он, — но в них отредактированы технические ляпы. Хм-м… наверное, я лучше сверю эту цифру с Гэй.

Я люблю своего мужа, но иногда женщины должны держаться вместе.

— Можешь не трудиться, Зебадия, — сказала я холодно. — Тетя Хильда права. Полярный диаметр Марса шесть семь пять два, запятая, восемь плюс. Но для расчетов тебе хватит и трех значащих цифр.

Зебадия ничего не ответил… но сверяться со своим компьютером *не стал.* Вместо этого он сказал:

— Второй пилот, вы можете провести расчет на своем карманном калькуляторе? На таком расстоянии можно считать его как тангенс.

В этот раз я не стала хранить молчание. Удив-

ление Зебадии по поводу того, что Хильда что-то знает из астрономии, вывело меня из себя.

— Наша высота над поверхностью — сто четыре тысячи шестьсот семьдесят два километра плюс-минус в зависимости от точности исходных данных. Предполагается, что Марс сферической формы, и отбрасывается краевой эффект или кривизна линии горизонта… это пренебрежимо малые величины на фоне точности ваших данных.

Зебадия отозвался так мягко, что мне стало стыдно, что я тут распустила перья.

— Спасибо, Дити. Не могла бы ты рассчитать время падения на поверхность из состояния покоя в этой точке?

— Это не простой интеграл, сэр. Я могу вычислить его приблизительно, но Гэй сделает это быстрее и точнее. Почему не попросить *ее*? Но в любом случае это время будет порядка нескольких часов.

— Я надеялся, что ситуация будет лучше. Джейк, я думаю, у Гэй хватит топлива, чтобы перевести нас на низкую орбиту… но я не знаю, где или когда я смогу заправить ее снова. Если просто падать, то воздух успеет испортиться и нам понадобится рычаг мертвеца — или *некий* маневр… и при этом

мы даже поверхности вблизи не увидим.

— Капитан, нельзя ли замерить диаметр еще раз? Мне кажется, это не просто падение.

Папа и Зебадия снова углубились в свои занятия. Я не вмешивалась, и они прогоняли даже простейшие вычисления через Гэй, пока папа наконец не сказал:

— Больше двадцати четырех километров в секунду! Капитан, мы там будем через час с небольшим!

— Если мы смоемся раньше. И вы, дамы, сможете посмотреть на планету вблизи. Мертвые моря и зеленые гиганты. Если они есть.

— Зебадия, двадцать четыре километра в секунду — это орбитальная скорость Марса.

Мой отец воскликнул:

— Что? И в самом деле! — а потом с озадаченным видом добавил: — Капитан, я должен признаться в глупейшей ошибке.

— Надеюсь, она не помешает нам вернуться домой.

— Нет, сэр. Но я все еще не знаю всех возможностей нашего континуумохода. Капитан, мы целились не в Марс.

— Я знаю, я струсил.

— Нет, сэр, вы проявили осторожность. *Мы*

целились в конкретную точку в пустом пространстве. Мы переместились в эту точку… но не учли движение самого Марса. Движение Солнечной системы учли, да. И вычли скорость движения Земли по орбите — она заложена в программу. Но мы оказались немного впереди Марса на его орбите, и он мчится на нас.

— Не значит ли это, что мы никогда не сможем приземлиться ни на одной планете, кроме Земли?

— Совсем нет. В программу можно включить любой вектор — перед или после передвижения, перемещения или вращения. Любое последующее изменение в движении принимается в расчет инерциальным интегратором. Но сейчас я понял, что нам еще многому нужно учиться.

— Джейк, даже с велосипедом не разобраться за один день. Перестань тревожиться и получай удовольствие от поездки. Брат, смотри, какой вид! Ничуть не похоже на те фото, что привезла Марсианская экспедиция.

— Конечно, не похоже, — сказала тетя Хильда. — Я же *говорила*, что это Барсум.

Я держала рот на замке. С момента публикации фотографий доктора Сагана всякий читатель «National Geographic» — и вообще кто угодно —

знает, как выглядит Марс. Но когда речь идет о подвижках в сознании мужчин, то лучше позволить им самим делать выводы; тогда они чуть меньше упрямятся. Планета, что летела прямо на нас, не была Марсом наших родных небес. Белоснежные облака над полярными шапками, большие зеленые пятна — лес или посадки, а одна темно-синяя область почти наверняка была водой; и все это на фоне разнообразных оттенков рыжего, покрывавших большую часть планеты.

А вот зазубренных вершин, кратеров и каньонов «нашего», родного Марса не было. Тут были горы, но не было ничего подобного Свалке дьявола, известной нашей науке.

Я услышала, как Зебадия спрашивает:

— Второй пилот, ты уверен, что привез нас на Марс?

— Капитан, я привез нас на Марс-Десять, положительное направление по оси «тау». Либо это он, либо я пациент, запертый в палате.

— Полегче, Джейк. Он похож на Марс меньше, чем Земля-Десять похожа на Землю.

— Хм, могу я заметить, что мы видели лишь крошечный кусочек Земли-Десять в безлунную ночь?

— То есть мы толком ничего не видели? При-

нято.

— Я же *говорила*, что это Барсум, — не утерпела тетя Хильда. — Но вы меня не слушали!

— Хильда, я прошу прощения. «Барсум». Второй пилот, занеси в бортовой журнал — новая планета, «Барсум», названа по праву первооткрывателя Хильдой Корнерс Берроуз, научным сотрудником континуумохода «Гэй Обманщица». Свидетели — З. Дж. Картер, капитан, Джейкоб Дж. Берроуз, первый помощник, Д. Т. Б. Картер… э-э-э, астронавигатор. Заверенные копии будут отправлены в Гарвардскую обсерваторию при первой возможности.

— Я не астронавигатор, Зебадия!

— Мятеж? Кто перепрограммировал эту небесную лошадку в настоящий континуумоход? Я останусь пилотом, пока не научу вас всех маленьким причудам Гэй. Джейк — второй пилот, пока не научит других работе с верньерами. Ты — астронавигатор, поскольку ни у кого больше нет твоих специальных знаний в программировании и навыков вычислений. Пожалуйста, без дерзостей, юная особа, и не пытайтесь спорить с Законом Космоса. Язва — наш научный сотрудник из-за обширности ее познаний. Она не только быстрее всех определила, что новая планета *не*

является Марсом, она распластала того чужака с лишними коленками, как прирожденный мясник. Верно, Джейк?

— А то! — согласился папа.

— Капитан Зебби, — проныла тетя Хильда. — Ну ладно, я — научный сотрудник, раз ты так говоришь. Но можно я буду еще и судовым коком? И юнгой.

— Само собой, каждому из нас придется совмещать должности. Записывай, второй пилот. «Вот веселая юнга, шустрая девчонка…»

— Не продолжай, Зебби, — прервала его тетя Хильда. — Мне не нравится, куда ты ведешь.

– … вскрывает чужаков, не снимая юбчонки

Узнает планеты как банки тушенки

И ослепляет команду фигурой точенкой… точеной!

— Этому далеко до классической версии, — задумчиво сказала тетя Хильда. — Настрой мне нравится… но рифма хромает.

— Дорогая Язва, ты флокцинавцинигилипили-

фикатриса[76].

— Это комплимент?

— Конечно! Это означает: ты так проницательна, что не пропустишь ни малейшего изъяна.

Я промолчала. Вполне возможно, что Зебадия и правда сказал это в качестве комплимента. С некоторой натяжкой…

— Подозреваю, это нужно проверить по словарю.

— Безусловно, дорогая — после того, как сдашь вахту.

(Я подумала, что на этом вопрос закрыт — у нас на борту был только «Merriam Microfilm», а это слово тетя Хильда могла найти разве что в Оксфордском большом словаре.)

— Второй пилот, все занесено в бортовой журнал?

— Капитан, я не знал, что он у нас есть.

— Как нет? Даже капитан Вандердекен[77] ведет журнал! Дити, ведение судового журнала на твою ответственность. Возьми заметки отца, добавь

---

[76] Сноски: 76

Из латыни: floccus (пушинка), naucum (скорлупка), nihil (ничто), pilus (волос), facere (делать); вместе «не упускающая ни одной пушинки, скорлупки и волоска».

[77] Сноски: 77

Ван дер Декен — капитан «Летучего голландца», корабля-призрака. — *Прим. С. В. Голд.*

что нужно из данных Гэй и сделай все как надо. Пусть у нас будет образцовый корабль. Как только найдем торговый центр, купим настоящий журнал, и ты все перепишешь туда красивым почерком. А пока веди черновик.

— Есть, сэр. Тиран!

— «*Сэр* тиран», будьте любезны. А теперь воспользуемся биноклем и посмотрим, сумеем ли мы обнаружить ярких экзотических туземцев в ярких экзотических нарядах, поющих яркие экзотические песни, протягивая яркие экзотические руки за бакшишем. Первый, кто обнаружит признаки разумной жизни, отправится мыть посуду.

– XV –
Хильда

Я была столь польщена тем, что капитан Зебби приписал мне честь «открытия» Барсума, что притворилась, будто не заметила шпильку, которую он добавил. Маловероятно, что Дити и мой любимый Джейкоб знали такое бесполезное слово. Зеб проявил галантность, уступив мне, когда понял, что эта планета не похожа на аналог в «нашей» вселенной. Смешной он — носит грубость как маску на Хеллоуин и боится, что кто-то обнаружит под ней Галахада.

Я знала, что «мой» Барсум — вовсе не планета из классических романов, ну и что же? Но были же прецеденты: первую ядерную подводную лодку назвали по имени вымышленного подводного корабля, прославленного Жюлем Верном, авианосец времен Второй мировой назывался «Шангри-Ла», страны столь же несуществующей, как Эдгин[78]; первый космический транспортник унаследовал имя от звездного корабля, что

---

[78] Сноски: 78

Утопическая страна из одноименного романа С. Батлера, анаграмма от «Нигде».

существовал лишь в воображении миллионов фанатов — список бесконечен. Природа копирует искусство.

Или как могла бы выразиться Дити: «Истина куда более фантастична, чем реальность».

Примерно час Барсум *мчался* на нас, он распухал и распухал так быстро, что бинокль стал излишним, и мое сердце распухало вместе с ним, наполнялось детской радостью.

Мы с Дити отстегнули ремни, чтобы видеть лучше, и парили чуть «выше» и сзади наших мужей, держась за подголовники. Мы видели его во второй четверти, половина диска темная, вторая залита солнечным светом — охра и янтарь и оливковая зелень, и коричневый, и все это невероятно красивое.

Наш капитан и второй пилот не любовались видами, Зебби продолжал наводить прицел, а Джейк занимался расчетами. Наконец капитан сказал:

— Второй пилот, если наши предположения верны, на высоте, с которой начнет работать радар, мы будем в тридцати секундах[79] от столкновения. Верно?

---

[79] Сноски: 79

Так у автора. Дальнейшие события показывают, что это опечатка… скорее речь идет о минутах.

— Да, с учетом погрешности наших данных, капитан.

— Слишком близко. Меня не радует прибытие в качестве метеора. Не время ли опустить рычаг мертвеца? Совет, пожалуйста — но помни, что это забросит нас, точнее, *должно* забросить, на высоту двух километров над горячим, новеньким кратером… возможно, прямо посредине радиоактивного облака. Идеи?

— Капитан, мы можем сделать это прямо перед столкновением, и это либо сработает, либо нет. Если да, то, возможно, облако за это время рассеется или уплывет прочь. Если нет…

— То мы ударимся с такой силой, что не заметим удар. «Гэй Обманщица» не предназначена для входа в атмосферу на скорости двадцать четыре километра в секунду. Она модифицирована, но она по-прежнему «форд», а не спускаемый аппарат.

— Капитан, я могу попробовать вычесть орбитальную скорость планеты. Время на попытку у нас есть.

— Пристегнуть ремни и доложить! *Шевелитесь, девочки!*

Свободное падение — забавная штука; я одолела жуткую тошноту и наслаждалась невесомо-

стью, но не умела в ней двигаться. Дити тоже, так что мы какое-то время бестолково толкались, как люди, первый раз вставшие на коньки — только хуже.

— Доложить, черт побери!

Дити ухватилась за что-то, цапнула меня, мы начали опускаться на кресла, она в мое, я в ее.

— Пристегиваемся, капитан! — воскликнула она, лихорадочно пытаясь ослабить мой ремень, чтобы втиснуться под него. (Я делала то же самое, только наоборот.)

— Быстрее!

— Ремни пристегнуты! — доложила Дити, хотя все еще пыталась справиться с застежкой на груди, выдохнув изо всех сил.

Я протянула руку и помогла ей.

— Второй пилот.

— Капитан!

— По оси «L», векторное вычитание — двадцать четыре километра в секунду, и ради бога, не перепутай знаки.

— Никогда!

— Выполняй.

Через несколько секунд Джейкоб доложил:

— Сделано, капитан. Я надеюсь.

— Давай проверим. Две отметки с интервалом

в десять секунд. Я делаю первую, ты вторую через десять секунд. *Отметка!* Один, запятая, два. Запись.

После мучительно долгой паузы Джейкоб подал голос:

— Семь секунд… Восемь… Десять… *Отметка!*

Наши мужчины посовещались, после чего Джейкоб сказал:

— Капитан, мы все еще падаем слишком быстро.

— Разумеется, — сказала Дити. — Нас же ускоряет тяготение. Скорость убегания для Марса пять километров в секунду. Если у Барсума та же масса, что и у Марса…

— Спасибо, астронавигатор. Джейк, ты можешь сбросить… хм, четыре километра в секунду?

— Конечно!

— Сделай это.

— Ух… сделано. Что теперь?

— Э-э-э… дистанция медленно сокращается. Привет, Гэй.

— Привет, Зеб.

— Программа. Радар. Цель прямо по курсу. Дистанция.

— Нет результата.

— Продолжай сканировать. Доклад при обнару-

жении. Дополнить программу. Данные замеров выводить на дисплей.

— Программа запущена. Кто тебе глаз подбил?

— Ты Умница, Гэй.

— Я еще и сексуальна. Прием.

— Продолжить выполнение программы, — Зеб вздохнул. — Второй пилот, там внизу есть атмосфера. Я сделаю попытку приземления. Комментарий? Совет?

— Капитан, это те слова, которые я надеялся услышать. Вперед!

— Барсум, мы идем!

– XVI –
Джейк

Я хотел на «Барсум» ничуть не меньше, чем моя жена. И я боялся, что капитан поведет себя разумно: выйдет на орбиту, сделает фото, затем вернется в наше пространство-время, пока воздух не испортился. Мы не были готовы исследовать чужие планеты, а «Гэй Обманщица» — не более чем спортивный автомобиль холостяка. У нас было мало воды, еще меньше еды, и воздуха примерно на три часа. Воздух внутри машины обновлялся только забором извне. При «высоком прыжке» ее воздухозаборники закрывались точно так же, как на коммерческих сверхзвуковых баллистических межконтинентальных лайнерах; но «высокий прыжок» — не межпланетное путешествие.

Конечно, мы могли перемещаться из точки в точку в любой вселенной за нулевое время, но сколько небесных тел имеют пригодную для дыхания атмосферу? Бесчисленные миллиарды, но с практической точки зрения их лишь малая доля процента, и у нас нет их каталога с коор-

динатами. У нас не было ни спектроскопа, ни звездного каталога, ни оборудования для анализа атмосферы, ни детекторов излучения, никаких средств обнаружения опасных организмов. Колумб на его скорлупках с парусами был куда лучше экипирован.

Но все это меня не волновало.

Безрассудство? А вы задержитесь, чтобы купить слоновое ружье, когда за вами уже гонится слон?

Три раза мы разминулись со смертью на какие-то секунды; мы спаслись от убийц, спрятались, но безопасность длилась недолго. И вот мы снова бежали, как кролики.

Каждое человеческое существо должно хотя бы раз в жизни побегать, спасая свою жизнь. Это научит его, что супермаркеты не производят молоко, что безопасность не производят полисмены, что «новости» — это не то, что случается только с посторонними людьми. Он может узнать, как жили его предки, и понять, что он не сильно от них отличается — на краю гибели его жизнь зависит от ловкости, внимательности и личной находчивости.

Но все это меня не расстраивало, я чувствовал себя более живым, чем все годы после смерти первой жены.

Под *личиной*, которую мы показываем миру, спрятано нечто отличное от нашей маски. Личина, которую я создал — архетип профессора. А под ней? Вы поверите, что там юный рыцарь, готовый преломить копье? Я мог избежать военной службы — женат, имею ребенка, профессия освобождена от призыва. Но я потратил три недели на начальную подготовку, потея вместе с остальными, проклиная муштру и инструкторов… и наслаждаясь процессом! Затем они отобрали у меня ружье, сказали, что я офицер, и выдали мне кресло на колесиках и бесполезное занятие. Никогда их за это не прощу.

Пока мы не поженились с Хильдой, я совсем ее не знал. Я ценил ее как напоминание о моей потерянной любви, но я привык считать ее легковесной особой, светским мотыльком. Потом я обнаружил, что женат на ней, и понял, что понапрасну страдал столько лет в одиночестве. Хильда была тем, в чем я нуждался, я был тем, в чем нуждалась она — Джейн знала это и благословила нас, когда *мы* наконец осознали это. Но я *не осознавал* силу характера моей крошки, пока не увидел, как она бестрепетно режет того псевдорейнджера. Убить чужака было легко. Но то, что сделала Хильда… я едва не избавился от

ужина прямо на месте.

Хильда мала и физически слаба, я буду защищать ее изо всех сил… но я никогда больше не стану ее недооценивать!

Зеб — единственный из нас, кто *выглядит* так, как и положено бесстрашному первопроходцу — высок, широкоплеч, мускулист, умело обращается с машинами и оружием и — sine qua non[80]! — сохраняет холодную голову в кризисной ситуации, а еще у него настоящий «командирский голос».

Однажды ночью еще дома мне пришлось урезонивать мою возлюбленную; Хильда считала, что я должен возглавить наш маленький отряд. Ведь я старше всех, я изобрел «искривитель» времени-пространства — Зеб будет отличным пилотом, но командовать должен *я*. В ее глазах Зеб был чем-то средним между великовозрастным подростком и ласковым сенбернаром. Она напомнила, что Зеб сам признался, что он «трус по профессии» и *не хочет* ответственности.

Я сказал ей, что никакой прирожденный лидер вовсе не рвется командовать; королевская мантия падает на него, и он несет ношу, потому

---

[80] Сноски: 80
Обязательное условие (*лат.*).

что должен. Хильда так не считала — она была согласна получать приказы от меня, но не от своего домашнего любимца «Зебби».

Мне пришлось быть твердым: либо она принимает Зеба как командира, либо завтра Зеб и я снимаем мой аппарат с машины, чтобы мистер и миссис Картер могли отправиться куда угодно. Куда? *Не мое дело и не твое, Хильда.* После этого она обещала принимать любые приказы, какие Зеб может отдать, как только мы отправимся в путь.

Но ее капитуляция оставалась вынужденной, вплоть до кровавого инцидента у бассейна. Стремительная атака Зеба изменила ее отношение. С этого момента моя любимая выполняла приказы Зеба без споров, а в перерывах между ними подшучивала и издевалась над ним как обычно. Ее неукротимый дух не был сломлен, она просто сдала его как оружие в распоряжение нашего капитана. Любая дисциплина — это самодисциплина, и другой не бывает.

Зеб и вправду «трус по профессии», он избегает проблем, когда это только возможно, и это похвальная черта в лидере. Если капитан беспокоится о безопасности команды, то тем, кто ему подчиняется, беспокоиться не стоит.

Барсум продолжал распухать, и наконец Гэй доложила:

— Цель обнаружена, босс.

На дисплее появилось «1000 км», тут же сменилось на «999 км».

Я засек время, но Зеб избавил меня от расчетов:

— Умница!

— Тут, Зеб.

— Продолжай выводить данные на дисплей. Показывай высоту над поверхностью. Добавь скорость снижения.

— Неизвестная команда.

— Коррекция. Добавить программу. Вычислять скорость снижения, выводить на дисплей.

— Новая программа «скорость снижения» сохранена. Отображение начнется с высоты над поверхностью шестьсот километров.

— Ты Умница, Гэй.

— Самая умная девчонка в округе. Прием.

— Продолжай исполнение программ.

Высота над поверхностью убывала одновременно и быстро, и с такой неторопливостью, от которой в животе все сжималось. Никто не разговаривал, я едва мог дышать. Когда на дисплее высветилось «600 км», к цифрам неожиданно до-

бавилась координатная сетка, и на ней — крутая кривая, высота в зависимости от времени. Под ней вспыхнуло новое значение: «1968 км/час». Цифры сменялись, и кривая на графике спускалась все ниже.

Наш капитан вздохнул:

— Мы справимся. Но я бы отдал пятьдесят центов и двойной рожок с мороженым за тормозной парашют.

— С каким вкусом?

— На твой выбор, Язва. Не беспокойтесь, люди, я могу поставить ее на хвост и врубить тягу. Но это затратный способ торможения. «Гэй Обманщица»!

— Занята, босс.

— Я все время забываю, что не могу попросить ее выводить слишком много данных на дисплей. Кто-нибудь знает давление на уровне моря… я имею в виду на поверхности Марса? Только не говорите все разом.

Моя дорогая неуверенно сообщила:

— В среднем около пяти миллибар. Но капитан, это не Марс.

— Вот как? Да, не он — и, судя по тем зеленым пятнам, на Барсуме атмосфера, должно быть, куда больше, чем на Марсе, — Зеб взялся за штурвал,

переключил управление с компьютера на себя и осторожно покачал элеронами. — Пока ничего не чувствую. Язва, откуда такие познания в астрономии? Герлскаут?

— Ни разу не смогла подняться выше уровня Новичка. Я посещала курсы, затем подписалась на «Astronomy», а еще на «Sky and Telescope». Это было занятно.

— Научный сотрудник, ты снова оправдала мою веру в тебя. Второй пилот, как только я почувствую крыльями атмосферу, я собираюсь сдвинуть нас к востоку. Мы слишком близко к терминатору, а мне хотелось бы приземлиться при дневном свете. Поглядывай за высотой. Перед посадкой я постараюсь зависнуть, но я не хочу приземлиться в лесу. Или в какую-нибудь канаву.

— Есть, сэр.

— Астронавигатор.

— Да, сэр!

— Дити, дорогая, высматривай место приземления по левому борту и впереди, насколько можешь видеть из-за моей спины, а Джейк возьмет на себя правый борт.

— Капитан, я с правого борта. Позади папы.

— Да? И как же вы, девочки, поменялись ме-

стами?

— Ну… вы поторопили нас, сэр… мы сели куда смогли.

— Два взыскания за неправильную посадку, и никакого сиропа к оладьям, которые мы съедим на завтрак после посадки.

— Хм, я не думаю, что нам светят оладьи.

— Разве я не могу помечтать? Главный научный сотрудник, следи за моим бортом.

— Да, капитан.

— А Дити поможет Джейку. Любое пастбище сгодится. Ого, я чую воздух! Зацепились!

Я затаил дыхание, пока Зеб медленно выводил корабль из пике, выруливая на восток.

— «Гэй Обманщица»!

— Что теперь, Мистер-Твистер?

— Прекратить выведение на дисплей. Выполняй.

– *Inshallah, ya sayyid*[81].

Дисплей отключился, Зеб держал машину на грани опрокидывания. Мы все еще были высоко, около шести километров, и все еще летели на сверхзвуке.

Когда скорость и высота еще немного снизи-

---

[81] Сноски: 81

Если будет на то воля Аллаха, о господин (*араб.*).

лись, Зеб потихоньку начал расправлять крылья. Потом скорость звука осталась позади, и он раскрыл крылья по максимуму.

— Кто-нибудь позаботился захватить канарейку?

– *Канарейку?* — удивилась Дити. — Для чего, большой босс?

— Это я мягко напомнил, что у нас нет способа проверить атмосферу. Второй пилот.

— Капитан, — ответил я.

— Приготовить рычаг мертвеца. Зажать в руке, пока убираете фиксатор. Держать повыше, так чтобы всем было видно. Когда я получу доклад, что все готово, я открою воздухозаборники. Если ты потеряешь сознание, то твоя рука расслабится и машина доставит нас домой. Я надеюсь. Но… слушаем все! — если у кого-то закружится голова, или он почувствует себя плохо… или увидит, что кто-то другой отключился, то не ждите! Дайте приказ вслух. Дити, зачитай команду, о которой я говорю. Не произноси ее, прочитай по буквам, раздельно.

— Г, Э, И, О, Б, М, А, Н, Щ, И, Ц, А, В, Е, Р, Н, И, Н, А, С, Д, О, М, О, Й.

— Ты ошиблась.

— Ничего подобного!

— Нет, ошиблась. Там должно быть «И» краткое. У тебя получилась «Гэи».

— Ну, может быть… У меня проблемы с непарными согласными. Флокцинавцинигилипилификатор!

— А, так ты поняла это слово? Объявляю: отныне и впредь на Барсуме различие между буквами «и» и «и краткое» не проводится. По приказу Джона Картера, владыки. Я сказал. Второй пилот!

— Рычаг мертвеца готов, капитан, — доложил я.

— Девушки, задержите дыхание или дышите, как вам угодно. Пилот и второй пилот будут дышать. Я готов открыть воздухозаборники.

Я пытался дышать нормально и думал о том, разожмется ли моя рука на рычаге мертвеца, если я потеряю сознание.

В кабине внезапно похолодало, затем включились обогреватели. Ничего странного я не чувствовал. Давление в кабине немного выросло — под напором бьющего в лоб воздуха, решил я.

— Все чувствуют себя нормально? Все *выглядят* нормально? Второй пилот?

— Чувствую себя хорошо. Ты выглядишь нормально. Хильда тоже. Дити не вижу.

— Научный сотрудник?

— Дити выглядит нормально. Чувствую себя хорошо.

— Дити, скажи что-нибудь.

— Боже, я и забыла, как пахнет свежий воздух!

— Второй пилот! Осторожно — *очень* осторожно — верните фиксатор на рычаг мертвеца. Потом верни на место и закрой. Доклад по завершении.

Через несколько секунд я сообщил:

— Рычаг мертвеца убран, капитан.

— Хорошо. Я вижу поле для гольфа, мы садимся.

Зеб включил движок, Гэй ожила, мы снизились, закрутив спираль, ненадолго зависли и опустились с мягким толчком.

— Приземлились на Барсуме. Запиши в журнал, астронавигатор. Время и дата.

— Где?

— На приборной панели.

— Но там показывает восемь ноль три, а тут только рассвело.

— Запиши время по Гринвичу. Рядом напиши приблизительное местное время, а также день один на Барсуме, — капитан зевнул. — Я бы хотел, чтобы утро не наступало так рано.

— Хочешь спать, несмотря на оладьи? — поин-

тересовалась моя жена.

— Сна ни в одном глазу.

— Тетя Хильда!

— Дити, я припасла смесь для оладий. И порошковое молоко. И масло. Сиропа нет. Извини, Зебби. Но есть виноградный джем в тюбике. И замороженный молотый кофе. Если кто-нибудь из вас откроет этот люк в переборке, то через несколько минут будет завтрак.

— Главный научный сотрудник, у тебя есть более важные обязанности.

— Да? Но… да, капитан?

— Поставь свою изящную ножку на землю. Это твоя планета, твоя привилегия. Левый борт машины, под крылом — женская комната для припудривания носа, правый борт, под крылом — мужской туалет. Дамам предоставляется вооруженный эскорт по требованию.

Я был рад, что Зеб об этом вспомнил — в машине был ночной горшок, укрытый под левым задним сиденьем, и пластиковые вкладыши к нему, но у меня не было ни малейшего желания им пользоваться.

«Гэй Обманщица» чудесная машина, но в качестве космического корабля она оставляла желать лучшего. Хотя она доставила нас живыми и здо-

ровыми на Барсум.

Барсум! Планета тоатов[82] и прекрасных принцесс…

[82] Сноски: 82

Тоаты — верховые восьминогие животные из марсианского цикла Э. Берроуза. — *Прим. С. В. Голд.*

– XVII –
Дити

Первый час на «Барсуме» мы потратили на то, чтобы сориентироваться. Тетя Хильда поставила ногу на землю, потом выбралась целиком.

— Не так холодно, — сообщила она. — Позже будет жарко.

— Смотри, куда ступаешь! — предупредил ее мой муж. — Могут быть змеи или еще кто.

Он поспешил следом и полетел через голову.

Повреждений Зебадия не получил, земля оказалась мягкой благодаря зеленовато-желтой плотной поросли, что походила и на «ледяную траву»[90], а еще больше на клевер. Он осторожно поднялся, затем немного покачался из стороны в сторону, словно стоял на надувном матрасе.

— Ничего не понимаю, — пожаловался он. — Гравитация здесь должна быть в два раза больше лунной. Но я чувствую себя легче.

Тетя Хиллбилли села прямо на землю.

---

[90] Сноски: 90

Cryophytum crystallinum — растение родом из Южной Африки, покрыто мелкими блестящими волосками, похожими на ледяные кристаллы. — *Прим. С. В. Голд.*

— На Луне ты носил скафандр, баллоны с воздухом и всяческое снаряжение, — она расшнуровала свои туфли. — А тут — нет.

— Да, точно, — согласился мой муж. — Ты что делаешь?

— Разуваюсь. Когда ты был на Луне? Капитан Зебби, опять ты рассказываешь байки.

— Не снимай обувь! Ты не знаешь, что в этой траве.

Тетя Хиллбилли прервалась, оставшись в одной туфле.

— Если меня укусят, я укушу в ответ. Капитан, на борту «Гэй Обманщицы» ты абсолютный босс. Скажи, ты *полностью* лишаешь свою команду свободы воли? Я приму любой вариант: свободная гражданка… или твоя рабыня, которая не смеет даже снять обувь без позволения. Только скажи.

— Э-э-э…

— Если ты все время будешь пытаться принимать все решения, у тебя скоро начнется истерика, как у курицы, которая высиживала утят. Даже Дити может высказываться. А *мне* даже пописать нельзя без разрешения. Мне надеть это обратно? Или снять другую?

Тут я почувствовала раздражение.

— Тетя Хильда, хватит дразнить моего мужа!

— Дея Торис, я не дразню твоего мужа, я спрашиваю инструкции у нашего капитана.

Зебадия вздохнул:

— Иногда я жалею, что не остался в Австралии.

Я спросила:

— Мы с папой можем выйти?

— Ой. Ну конечно. Только шагай осторожно, это не так просто.

Я выпрыгнула наружу, затем подпрыгнула высоко и далеко, делая в воздухе *entrechats*[91], и приземлилась *sur les pointes*[92].

— Как здорово! Какое чудное место для балета! Только не с полным пузырем, — добавила я. — Тетя Хильда, давай посмотрим, не занята ли дамская комната.

— Я как раз собиралась, дорогая, но мне требуется разрешение от нашего капитана.

— Ты дразнишь его.

— Нет, Дити. Хильда права, все нужно прояснить. Джейк? Как ты насчет того, чтобы принять командование на суше?

— Нет, капитан. Предпочитаю воздержаться от

---

[91] Сноски: 91

Entrechats — антраша (*фр.*). — *Прим. С. В. Голд.*

[92] Сноски: 92

Sur les pointes — на пуанты или на кончики пальцев (*фр.*). — *Прим. С. В. Голд.*

командования.

Тетя Хильда встала, держа туфлю в одной руке, другой рукой она потянулась вверх и потрепала моего мужа по щеке.

— Зебби, дорогой мой. Ты беспокоишься о нас всех, особенно обо мне, поскольку думаешь, что я бестолочь. Но вспомни, как все было в Уютной Гавани? Каждый делал то, что умел лучше всех, и не было никаких трений. Если это сработало там, то должно сработать и здесь.

— Ну… ладно. Но, *пожалуйста,* будьте осторожны, ладно?

— Будем. А что твоя экстрасенсорика? Что-нибудь чувствуешь?

Зебадия наморщил лоб.

— Нет. Но меня заранее не предупреждают. Едва ли не в самый последний момент.

— Твоего «едва» нам хватит. Но перед тем как мы сбежали, ты хотел запрограммировать Гэй, чтобы она слышала на большом расстоянии. Не превратит ли это «едва» в «достаточно»?

— Да! Язва, я назначу тебя командиром наземной группы.

— Как же, разбежалась! Зебби, чем раньше ты прекратишь увиливать от обязанностей, тем быстрее получишь эти оладьи. Расстели мою

накидку и поставь на ступеньку электрическую плитку.

Мы завтракали в повседневном барсумском одеянии: голыми.

Тетя Хильда заметила, что прачечную найти будет нелегко, а воду в канистрах лучше сохранить для питья и готовки.

— Дити, у меня есть только та одежда, которую ты мне дала. Я проветрю ее и дам отвисеться. Лучше воздушная ванна, чем никакой. Я понимаю, что тебе для меня ничего не жалко, но ты не ближе к прачечной, чем я.

Мой комбинезон присоединился к одежде Хильды.

Те же причины заставили наших мужчин разложить свою одежду на левом крыле, а Зебадию — поднять с земли накидку Хильды.

— Язва, ты не сможешь отдать меха в чистку в этой вселенной. Джейк, у нас есть брезент?

После того как тарелки были «вымыты» (обтерты травой и разложены на солнце), нас всех потянуло ко сну. Зебадия хотел, чтобы мы спали внутри и заперли дверцы. Мы с тетей Хильдой хотели подремать на брезенте в тени машины. Я напомнила, что задние сиденья отодвинуты к корме, и теперь их невозможно откинуть.

Зебадия предложил уступить свое место любой из нас, в ответ на что я отрезала:

— Не глупи, дорогой! Ты едва втиснешься в заднее сиденье, а твои колени *помешают* откинуть спинку впереди тебя!

Тут вмешался папа.

— Стоп! Дочь, я разочарован — ты позволяешь себе огрызаться на мужа. Но Зеб, нам *действительно* надо отдохнуть. Если я сплю сидя, то у меня опухают лодыжки, и я чувствую себя наполовину калекой, что не очень хорошо.

— Я всего лишь пытаюсь обеспечить нашу безопасность, — сказал Зебадия уныло.

— Я знаю, сынок, ты уже делал это и поступал мудро, иначе бы мы все уже трижды погибли. Дити понимает это, я понимаю, и Хильда понимает…

— Конечно, Зебби!

— Мой капитан, я извиняюсь.

— Ты нам нужен — но чуть позже. У тела свои ограничения, даже у твоего. Если нужно, то мы уложим тебя спать и будем нести стражу над…

— Нет!

— Будем, Зебби!

— Конечно, будем, мой капитан.

— Но я сомневаюсь, что это так уж необходимо.

Когда мы завтракали, сидя на земле, кого-нибудь укусила блоха или что-то в этом роде?

Мой муж помотал головой.

— Меня никто не кусал, — сказала тетя Хильда.

— Я видела каких-то козявок, — призналась я, — но они ко мне не приставали.

— Очевидно, — продолжил папа, — им не нравится наш вкус. Одно свирепое на вид создание обнюхало мою ногу, но тут же удрало прочь. Скажи, Зеб, Гэй может слышать лучше, чем мы?

— О, *намного* лучше!

— Можно запрограммировать ее радар на предупреждение?

Зебадия задумался.

— Хм… сигнал предупреждения о столкновении может разбудить и мертвого, и если настроить ее на минимальную дистанцию, тогда… Хотя нет, канал обнаружения забьют сигналы от «травы». Мы же на земле. Повсюду ложные отражения.

— Вычти статичную картину, Зебадия, — сказала я.

— Э? Как, Дити?

— Гэй способна это сделать. Я попробую?

— Дити, если включить радар, нам придется спать внутри. Микроволны поджарят твой мозг.

— Я знаю, сэр. У Гэй есть глаза на бортах, на

носу и корме, на брюшке и ушки на макушке… все так?

— Да. Именно поэтому…

— Выключи «глаз» на брюшке. Боковые радары могут нам навредить, если мы будем спать *под* ней?

Он так и уставился на меня.

— Астронавигатор, — торжественно объявил он, — ты знаешь мою машину лучше, чем я. Пора переписать ее на твое имя.

— Мой капитан, ты уже одарил меня всеми своими мирскими благами. Я не знаю Гэй лучше тебя, я лучше знаю *программирование*.

Мы устроили постель под машиной, разложив спальный мешок Зебадии поверх брезента.

Тетя Хильда достала простыни:

— На случай, если кто-то замерзнет.

— Вряд ли, — сказал ей папа. — Жарко, ни облачка, ни ветерка.

— Держи одну, дорогой. А вот одна для Зебби, — она уложила еще две на спальный мешок и легла сверху. — Ложимся, джентльмены, — она дождалась исполнения приказа и позвала меня: — Дити! Все улеглись.

Я отозвалась изнутри:

– *Сейчас буду!* — потом сказала: — Привет, Гэй.

— Привет, Дити.

— Извлечь последнюю программу. Выполняй.

Пять экранов зажглись и тут же потускнели, шестой, отвечающий за «брюшко», остался темным.

— Ты хорошая девочка, Гэй.

— Ты мне тоже нравишься, Дити. Прием.

— Принято и конец связи, сестричка.

Нагнувшись, я открыла хранилище под приборной панелью, вытащила оттуда укладку и извлекла из нее шпагу и саблю с портупеями. Потом уложила их перед дверцей, а рядом — сковородку, в которой жарили оладьи на завтрак. Потом я аккуратно, головой вперед, выскользнула из машины, не поднимаясь, собрала клинки и сковородку и поползла туда, где находилось наше импровизированное ложе. В моей левой руке было слишком много железа.

— Ваш клинок, капитан! — возвестила я, добравшись до места.

— Дити! Разве мне нужен меч, чтобы подремать?

— Нет, сэр. Но зато *я* буду спать спокойнее, зная, что мой капитан при оружии.

— Хм-м… — Зебадия вытащил шпагу, а потом со щелчком задвинул ее обратно. — Глупо, но *я*

тоже чувствую себя с ней комфортнее.

— Не вижу ничего глупого, сэр. Десять часов назад ты убил им *тварь*, которая могла убить меня.

— Признаю ошибку, моя принцесса. Дея Торис всегда права.

— Я надеюсь, что мой вождь всегда будет так думать.

— Он будет. Поцелуй меня покрепче. А зачем эта сковородка?

— Тест системы предупреждения.

Подарив поцелуй, я проползла мимо Хильды и протянула папе его саблю.

— Дити, детка, это то, что нужно! — сказал он с улыбкой. — Это куда лучше детского спасительного одеялка. Как ты догадалась?

— Потому что это то, что нужно нам с тетей Хильдой. Когда наши воины при мечах, мы будем спать лучше, — поцеловала папу и отползла в сторону. — Зажмите уши!

Встав на колени, я швырнула сковороду как можно выше и дальше, упала наземь и зажала уши. Когда сковорода влетела в зону микроволнового излучения, в машине раздался жуткий вой, он звучал все время, пока сковородка падала на землю, подпрыгивала и катилась, а потом сразу прекратился — как отрезало.

— Напомните потом, чтобы я ее забрала. Всем спокойной ночи! — я заползла, пристроилась рядом с Хильдой, поцеловала ее на ночь, установила «будильник» в голове, чтобы он зазвенел через шесть часов, и уснула.

Солнце подсказало мне, что сейчас четырнадцать часов, а вовсе не четырнадцать пятнадцать, и я решила, что мой суточный ритм не очень подходит Барсуму. Замедлятся ли мои внутренние часы, чтобы соответствовать местным суткам, которые на сорок минут длиннее? Будут ли у меня из-за этого проблемы? Маловероятно — я всегда умела засыпать в любое время суток. Я чувствовала себя прекрасно и была готова ко всему.

Я сползла с одеяла, заползла в кабину машины и потянулась. Ух, как же хорошо! Открыв люк в переборке за задними сиденьями, я вытащила несколько шарфов и мой ящик с бижутерией, а потом вернулась обратно в пространство между сиденьями и приборной панелью.

Я попыталась завязать прозрачный зеленый шарф, чтобы получилась нижняя половина бикини, но получился какой-то подгузник. Тогда я сняла его, я сложила уголок к уголку и скрепила на левом бедре ювелирной брошью. Намного лучше! «Непристойно достойно!» — сказал бы папа.

Вокруг бедер я обмотала нитку поддельного жемчуга, распределив так, чтобы она гармонировала со складками, и закрепила ее на той же броши. На шею я повесила ожерелье с настоящим жемчугом и неограненными изумрудами — подарок от папы в тот день, когда я получила докторскую степень.

Когда я занялась браслетами и кольцами, снаружи послышалось «Пссст!». Опустив взгляд, я увидела в дверном проеме тетю Хиллбилли.

Она приложила палец к губам, я кивнула и протянула ей руку.

— Все еще спят? — шепотом спросила я.

— Как младенцы.

— Давай оденем тебя… Принцесса Тувия.

Тетя Хильда захихикала:

— Спасибо… принцесса Дея Торис.

— Хочешь что-то, кроме украшений?

— Только что-то, на чем их закрепить. Тот шарф цвета старого золота, если ты его отдашь.

— Конечно! Для моей тети Тувии ничего не жалко, и этот шарф — как раз почти ничего. Мы тебя сейчас разоденем как куколку на аукцион. Ты мне сделаешь прическу?

— А ты — мне. Дити… я имею в виду Дея Торис… мне не хватает трельяжа.

— Мы будем зеркалами друг для друга, — сказала я. — Я не против кочевой жизни. Моя прапрапрабабушка двоих детей вырастила в доме из дерна. Сиди тихо. Или ты хочешь, чтобы я воткнула булавку прямо тебе в кожу?

— Как хочешь, дорогая. Мы найдем воду — судя по этой траве.

— Трава не всегда означает проточную воду. Это место может быть «дном мертвого моря Барсума».

— Не похоже на мертвое, — возразила тетя Хильда. — Тут красиво.

— Да, но выглядит как дно мертвого моря. И это подарило мне идею. Придержи волосы, я хочу поправить твои ожерелья.

— Что за идея?

— Зебадия велел мне разработать третью программу бегства. Первые две — я перефразирую, поскольку Гэй не дремлет — одна велит ей забросить нас в воздух над Уютной Гаванью, другая — вернуться туда, где она была перед тем, как в последний раз исполняла первую.

— Я думала, что она обязана выкинуть нас над Большим Каньоном.

— В настоящее время, да. Но если она выполнит первую программу *сейчас*, то смысл второй про-

граммы изменится. Вместо Большого Каньона она будет возвращать нас сюда. Быстрее, чем лягушка моргнет.

— Наверное, раз ты так говоришь.

— Так она запрограммирована. Нажмем аварийную кнопку — и мы над нашим домиком. Допустим, мы попали туда, а там какие-то проблемы. Тогда мы используем вторую программу, и она вернет нас *туда, где была нажата кнопка*. Но там же опасно, иначе бы мы оттуда не удрали. Поэтому нам нужна *третья* программа для бегства, которая перенесет нас в безопасное место. Это место выглядит безопасным.

— Да, тут тихо.

— Кажется, да… Все, готово! Больше украшений, чем на рождественской елке, и ты выглядишь более голой, чем когда-либо!

— И этого эффекта мы и добивались, верно? Садись на место второго пилота, я тебя причешу.

— Обувь нужна? — спросила я.

— На *Барсуме*? Дея Торис, спасибо тебе за твои детские туфли. Но они жмут мне пальцы. Ты собираешься носить *обувь*?

— Не думаю, тетя Козочка. Ноги у меня жесткие после карате, я ими доски ломаю, и никаких синяков. Или могу бегать по острым камням. Мне

нужна хорошая фраза для запуска программы бегства. Хочу снабдить Гэй аварийными сигналами для всех мест, где мы побывали, и которые выглядят безопасно. Так что дай мне какую-нибудь фразу.

— Твой скакун жует поводья!

— Тетя Козочка! Кодовая фраза должна быть легкой для запоминания.

— «Бежим»?

— Звучит ужасно — как раз то, что нам нужно. «Бежим» будет означать перенос точно на это самое место. Сейчас запрограммирую. А напишу названия команд на приборной панели, чтобы можно было посмотреть, если кто-то забудет.

— Но тогда их увидит любой чужак, если залезет внутрь.

— А толку-то? Гэй игнорирует команды с чужого голоса. Привет, Гэй.

— Привет, Дити.

— Определить текущее местонахождение. Доложи.

— Неизвестная команда.

— Мы *потерялись*?

— Вовсе нет, тетя Хильда. Я накосячила. Гэй, программная проверка. Определи «Дом».

— Отменить все инерциальные передвижения,

перемещения, вращения. Вернуться к широте и долготе, обозначенным как нулевые. Зависнуть на высоте в два километра над уровнем земли.

— Обратный просмотр памяти. Определить время последней команды с кодом исполнения «“Гэй Обманщица”, верни нас домой».

— Выполнено.

— Составить список всех инерциальных передвижений, перемещений, вращений с найденного момента времени по текущий момент.

— Выполнено.

— Проверка. Доложи результат.

— Исходная точка «Дом». Программа возвращения выполнена. Сложные инерциальные маневры. Перемещение по оси «тау» на десять интервалов в положительном направлении. Сложные инерциальные маневры. Перемещение по оси «L» на два два четыре ноль девять ноль восемь два семь запятая ноль километров. Отрицательный вектор по оси «L» двадцать четыре километра в секунду. Сложные инерциальные маневры. Приземление в этой точке — ноль восемь ноль два сорок девять. Инерциальное пребывание на поверхности началось восемь часов три минуты девятнадцать секунд назад. Инерциальное пребывание на поверхности про-

должается в настоящее время.

— Новая программа. Инерциальная локация на поверхности здесь-сейчас в текущем времени до получения новой команды обозначается кодовой фразой бежим. Доложи новую программу.

Гэй ответила:

— Новая программа кодовая фраза бежим. Определение: инерциальное пребывание на поверхности здесь-сейчас от текущего времени до будущего времени команда выполнения кодовая фраза бежим.

— Гэй, я говорю тебе три раза.

— Дити, я слышу тебя три раза.

— Новая программа. Код выполнения «“Гэй Обманщица”, бежим». При получении кода переместиться в локацию, код «бежим». Я говорю тебе три раза.

— Я слышу тебя три раза.

— «Гэй Обманщица», ты Умница.

— Дити, бросай эту большую обезьяну и давай жить со мной. Прием.

— Спокойной ночи, Гэй. Принято, конец связи. Тетя Хиллбилли, я вам не давала зачитывать такого текста, — и я сурово нахмурила брови.

— Ну что ты, Дити, как ты можешь такое говорить?

— Я точно знаю, что не давала. Откуда он?

— Признаюсь, Дитичка, я сама его придумала. Несколько дней назад, когда мы работали и тебя отозвали. Поджидая тебя, я его записала. Хочешь стереть?

У меня плохо получается сурово хмурить брови, поэтому я захихикала.

— Нет. Может быть, Зебадия окажется рядом в следующий раз, когда он выскочит. Кстати, не пора ли нашим мужчинам проснуться?

— Им нужен отдых, дорогая.

— Я знаю, но я хочу проверить новую программу.

— Она звучит сложно.

— Может быть, если с голоса. Я предпочитаю работать на бумаге. Компьютер не принимает извинений, и результатом может быть что угодно, от «неизвестной команды» до катастрофы. А у нашего есть такие возможности, с которыми я никогда не сталкивалась. Я ведь не очень хорошо *понимаю*, что делает папа. Неэвклидова n-мерная геометрия — это для меня слишком.

— Я даже слов таких не знаю.

— А у меня от них чесотка.

— Тогда поговорим о чем-нибудь другом.

— Я показывала тебе наши микрорации?

— Джейкоб дал мне одну.

— Есть по одной на каждого. Крохотные, но удивительно дальнодействующие. Тратят меньше энергии, чем ручной калькулятор, и весят меньше — и двухсот грамм нет. Я хотела сказать, имеют массу — вес у них здесь гораздо меньше. Сегодня я придумала, как еще их можно использовать. Гэй может принимать их частоту.

— Это мило. И как это нам пригодится?

— Нашей машиной можно управлять дистанционно.

— Дити, но *зачем* тебе это?

Я призналась, что пока не знаю.

— Но Гэй можно запрограммировать так, чтобы она делала практически все. Например, мы можем выйти и приказать ей по рации выполнить две программы, сначала «Д, О, М, О, Й», а потом «Б, Е, Ж, И, М». Представь лицо Зебадии, когда он проснется от того, что машина исчезла и солнце светит ему в глаза… а затем его выражение через два часа, когда она появится на том же месте.

— Дити, иди, встань в угол за то, что придумала такую несмешную шутку! — тут тетя Хильда задумалась. — А почему два часа? Я считала, что Гэй может попасть куда угодно, не тратя времени.

— Зависит от исходных предпосылок, прин-

цесса Тувия. Мы потратили пару часов, чтобы добраться сюда, потому что долго возились. Гэй пришлось бы повторить этот маршрут в обратном направлении, поскольку другого она не знает. Затем… — тут я запнулась, почувствовав, что запуталась. — Или это будет *четыре* часа? Нет, векторы взаимно уничтожатся и… Но тогда все произойдет мгновенно, и мы просто не узнаем, что она исчезала. Или нет? Тетя Хильда, я *не знаю!* Как бы мне хотелось, чтобы наши мужчины проснулись!

Мой мир покачнулся, и я испугалась.

— Я уже не сплю, — сказал папа, и я увидела его лицо через открытую дверь.

— Папа, а Зебадия? — спросила я.

— Только что проснулся.

Я поговорила с Гэй, затем снова обратилась к папе:

— Скажешь Зебадии, что радар выключен? Он может встать, и его уши не поджарятся.

— Конечно, — папа наклонился и крикнул: — Зеб, тут безопасно!

— Встаю, — отозвался мой муж. — Скажи Дити, чтобы ставила стейки на плиту.

Мой дорогой появился с мечом, сковородкой и простынями в руках.

— Стейки готовы? — спросил он и поцеловал меня.

— Не совсем, сэр, — ответила я. — Для начала подстрелите тоата. Или вас устроят бутерброды с арахисовым маслом?

— Не говори непристойностей. Ты сказала «тоата»?

— Да. Это же Барсум.

— Тоаты тут на каждом углу не стоят.

— Если это шутка, то вы можете съесть ее на ужин. С арахисовым маслом.

Зебадия содрогнулся:

— Лучше умереть, чем тащить это в рот.

— Не стоит заходить так далеко, Зеб, — предостерег его папа. — Мертвым ты не сможешь нами командовать.

Тетя Хильда мягко заметила:

— Если вы трое перестанете нести чушь, я посмотрю, что можно наскрести на ужин.

— Я помогу, — сказала я. — Но можно сначала провести тест? У меня руки так и чешутся.

— Конечно, Дити. Если хорошо поскрести руки, можно наскрести на ужин.

Папа с упреком посмотрел на тетю Хильду:

— Сказала нам прекратить, а сама…

— Что за тест? — спросил мой муж.

Я рассказала ему о программе «Бежим».

— Мне *кажется*, я составила программу корректно. Но лучше прогнать тест. Отвести машину на сотню метров. Если программа сработает — все отлично. Если провалит тест — ничего страшного не случится, но вам с папой придется подучить меня насчет искривителя пространства-времени, прежде чем я снова сяду программировать.

— Я не хочу гонять машину, Дити. Я не хочу тратить ни одного лишнего эрга, пока не узнаю, где и когда я смогу заправить Гэй. Но все же… Джейк, какое у нас минимальное перемещение?

— Десять километров. Пространственные кванты нельзя использовать для перемещений — они слишком маленькие. Но шкала растет быстро — она логарифмическая. Десятки километров — это мелкий масштаб. Средний измеряется в световых годах — снова логарифм.

— Что же считается крупным масштабом, Джейк?

— Гравитационные волны относительно времени. *Такую* шкалу мы использовать не будем.

— Почему нет, Джейкоб? — спросила тетя Хильда.

Папа выглядел смущенным.

— Я боюсь, дорогая. Есть три основных теории

насчет распространения гравитации. Когда я придумывал эту систему управления, одна из них, казалось, была подтверждена. Однако потом другая группа физиков сообщила, что не может воспроизвести результаты. Поэтому большой масштаб я заблокировал. — Тут он кисло улыбнулся: — Я знаю, что пушка заряжена, но не знаю, на что она способна, поэтому я забил ей дуло.

— Разумно, — согласился мой муж. — Русская рулетка нам точно не нужна. Джейк, а ты можешь прикинуть, какие варианты ты заблокировал?

— Мне не нужно прикидывать, я знаю это точно, Зеб. Блокировка уменьшила количество доступных нам вселенных по этой оси с шести в шестой степени в шестой степени до всего лишь шести в шестой степени. Осталось сорок шесть тысяч шестьсот пятьдесят шесть.

— Эх, вот не повезло!

— Я не собирался шутить, Зеб.

— Джейк, я смеюсь *над собой*. Я-то предвкушал потратить целую жизнь на исследование вселенных и вдруг узнаю, что мне придется играть всего с сорока шестью тысячами. Предположим, что мне осталось полвека на исследования. Примем, что я не буду тратить время на еду, сон, игру с котом… сколько времени я смогу провести

в каждой вселенной?

— Около девяти часов двадцати минут на вселенную, — сказала я. — Девять часов, двадцать три минуты тридцать восемь целых и семьсот двадцать две тысячных секунды, если быть точным.

— Дити, давай будем точными! — произнес Зебадия торжественно. — Если мы задержимся на лишнюю минуту в каждой вселенной, то пропустим примерно сотню вселенных.

— Давай лучше вместо этого спешить! — поддержала я игру. — Если постараться, то можно проходить по три вселенных в день на протяжении пятидесяти лет — один на вахте, другой помогает, двое отдыхают — и таким образом мы втиснем в наш график еду и сон да еще выкроим по парочке часов на земле, раз в год. Если будем поспешать.

— Мы не можем терять ни секунды! — воскликнул мой муж. — Всему экипажу — по местам! Приготовиться к взлету! *Шевелись!*

Я удивилась такому повороту, но поспешила к своему месту. У папы отвалилась челюсть, но он тоже занял свое. Тетя Хильда заколебалась на мгновение, но тут же юркнула в свое кресло, пристегнула ремень и только после этого горест-

но возопила:

— Капитан! Мы *на самом деле* покидаем Барсум?

— Тише, пожалуйста. «Гэй Обманщица», закрыть двери! Доложить о пристегивании! Второй пилот, проверить герметичность дверцы по правому борту!

— Ремень пристегнут, — доложила я без выражения.

— Мой пристегнут. *О боже!*

— Второй пилот. В малом масштабе, ось «Н» вверх, минимальное перемещение.

— Установлено, капитан.

— Выполнять.

Небо вокруг нас было черным, поверхность планеты осталась далеко внизу.

— Ровно десять километров, — одобрил мой муж. — Астронавигатор, принять управление. Протестируйте свою новую программу. Научный сотрудник — наблюдать.

— Есть, сэр! *«Гэй Обманщица», Бежим!*

Мы стояли на земле.

— Научный сотрудник — доклад, — приказал Зебадия.

— О чем докладывать? — мрачно осведомилась тетя Хильда.

— Мы протестировали новую программу. Как прошел тест?

— Хм, мы, по всей видимости, вернулись туда, где были. В невесомости находились около десяти секунд. Полагаю, что тест прошел нормально, только…

— Что «только»?

— Капитан Зебби, ты худший пакостник на всей Земле! И на Барсуме! Это ты вывалил фруктовое желе в мой бассейн!

— Я был в Африке.

— Тогда ты это организовал!

— Хильда, пожалуйста! Я *не говорил*, что мы покидаем Барсум! Я только сказал, что мы не можем терять ни секунды. И это правда, поскольку нам так много надо исследовать.

— Жалкие отговорки. *А что насчет моих шмоток?* Они были на правом крыле. И где они сейчас? Летают в стратосфере? И где упадут? Мне *никогда* их не найти!

— Я думал, ты предпочитаешь барсумский стиль?

— Мне не нравится, когда меня на это *вынуждают*! Более того, их одолжила мне Дити. Мне так жаль, Дити.

Я похлопала ее по руке.

— Все хорошо, тетя Хильда. Я одолжу еще. То есть отдам, — тут я на мгновение запнулась, но потом твердо сказала: — Зебадия, ты должен извиниться перед тетей Хильдой.

— Да ради… Язва? Язва, дорогая.

— Да, Зебби?

— Я сожалею, что ты из-за меня подумала, что мы покидаем Барсум. Я куплю тебе новые шмотки, точно по размеру. Мы сейчас быстро смотаемся обратно на Землю…

— Не хочу на Землю! *Чужаки!* Они меня пугают.

— Они меня тоже пугают. Но я говорю о Земле-без-«J», которая так похожа на нашу, что там я наверняка смогу использовать американские деньги. Если нет, у меня есть золото. Или я могу устроить обмен. Для тебя, Язва, я *украду* одежду. Завтра мы отправимся в Феникс-без-«J», а сегодня прогуляемся и осмотрим планету, *твою* планету, и мы останемся на твоей планете, пока она тебе не надоест. Этого достаточно? Или я должен признать в том, что вывалил желе в твой бассейн, даже если я этого *не делал*?

— А ты правда не делал?

— Зуб даю.

— Вот черт. На самом деле я думала, что это

было весело. И все гадала, кто это затеял? Может, это были чужаки?

— Они играют куда грубее. Язва, дорогая, я не единственный шутник в твоей конюшне, нас там дюжины.

— Ну и не важно. Зебби? Ты поцелуешь свою Язву, и мы помиримся?

Под правым крылом на земле мы нашли нашу дорожную одежду, а под левым — одежду наших мужей.

— Джейк? Я думаю, Хильда была права, — заметил Зебадия озадаченно. — Я и забыл, что у нас одежда на крыльях.

— Используй голову, сынок.

— Не уверен, что у меня она есть.

— Я тоже не понимаю, что случилось с одеждой, дорогой, — влезла тетя Хильда.

— А ты, дочь? — спросил папа.

– *Кажется*, я знаю, папа. Но нет, я пас.

— Зеб, машина никуда не двигалась. Вместо этого…

Его прервала тетя Хильда:

— Джейкоб, ты хочешь сказать, что мы не взлетали вверх? Но мы были там, пять минут назад.

— Да, дорогая. Но мы не *двигались* туда. У движения есть определение: последовательная смена

позиций в отрезок времени. Но тут не было никакого отрезка времени. Никаких промежуточных позиций между крайними точками здесь-тогда и там-тогда мы не занимали.

Тетя Хильда покачала головой:

— Я не понимаю. Мы — *фьють!* — прямо в небо… а потом — *фьють!* — и вот мы там, откуда начали!

— Дорогая, никакого «*фьють!*» не было! Дити, пожалуйста, не молчи.

Я вздохнула:

— Папа, я не уверена, что существует символ для обозначения этого процесса. Тетя Хильда. Зебадия. Разрыв в непрерывности. Машина…

— Понял! — сказал Зебадия.

— А *я* — нет, — упорствовала тетя Хильда.

— Это было примерно так, Язва, — подхватил мой муж. — Моя машина была *здесь. Прыг!* — и она исчезла! Наша одежда падает на землю. Через десять секунд — *хлоп!* — мы там, откуда начинали, но одежда валяется на земле. Так понятно?

— Ну… мне кажется, да.

— Я рад, если так… Поскольку *мне* — нет. Для меня это магия. — Зебадия пожал плечами: — Волшебство.

— Магия — символ для обозначения для любого непонятного процесса, — изрекла я.

— Именно это я и сказал, Дити: «магия». Джейк, если бы машина была в помещении, это бы как-то повлияло?

— Ну… это беспокоило меня в первый раз, когда мы с Дити перенеслись на Землю-без-«J». Поэтому я вывел машину наружу. Но сейчас я думаю, что значение имеет только пункт назначения. Там должно быть пусто — я так *думаю*. Но проверять это экспериментальным путем мне боязно.

— Это может быть интересно. Беспилотная машина. Цель, которую не жалко. Небольшой астероид. Что в итоге — маленькое солнце?

— Я *не знаю*, Зеб. У меня нет лишней установки. Эту я собирал три года.

— Ладно, подождем пару лет. Да, Джейк — воздух тоже имеет массу.

— Это меня тоже беспокоило. Но любая масса, кроме вырожденной, большей частью — пустое пространство. Воздух — на Земле, на уровне моря — по плотности примерно в тысячу раз уступает человеческому телу. Тело же в основном состоит из воды, а вода легко поглощает воздух. Я не могу сказать, что это будет иметь никаких последствий — дважды моя температура

немного повышалась при передвижении или перемещении в атмосферу, но это могло быть и от волнения. Кессонной болезни у меня из-за этого не возникало. Кто-нибудь из вас испытывал дискомфорт?

— Только не я, Джейк.

— Я себя чувствовала хорошо, папа, — поддержала я.

— У меня был приступ космической болезни, — признала тетя Хильда. — Пока Дити ее не вылечила.

— Как и у меня, дорогая. Но это произошло в вакууме, и поэтому не могло быть связано с данным явлением.

— Папа, — начала я, — мы не пострадали, и нам не нужно знать — *почему*. Базовое положение эпистемологии, лежащее в основе как трех основных законов семантики, так и всей теории информации, состоит в том, что наблюдаемый факт не нуждается в доказательствах. Он просто *есть*, и он самоочевиден. Пусть по этому поводу беспокоятся философы, им больше нечем заняться.

— Меня устраивает! — воскликнула Хильда. — Все такие умные, что бежать некуда. А я-то думала, мы собирались прогуляться.

— Непременно, дорогая, — согласился мой муж. — Сразу после твоих стейков.

– XVIII –
Зебадия

Четырьмя дагвудами[93] позже мы были готовы отправиться на прогулку. Дити хотела задержаться, чтобы повторить свой тест, на этот раз с помощью пульта дистанционного управления. Я решительно запретил:

— Нет! — сказал я.

— Но почему, мой капитан? Я научила Гэй программе, что переносит ее вверх на десять километров. «Г, Э, Й, П, Р, Ы, Г, А, Й» — новый вариант срочного бегства, короткий и практичный. А потом отзовем ее обратно командой «Б, Е, Ж, И, М». Если одна команда сработает по рации, то и вторая обязана! Это может однажды спасти наши жизни!

— Угу… — я продолжил сворачивать брезент и укладывать спальный мешок.

Женский ум слишком быстр для меня — в конечном итоге я часто прихожу к тем же умозаключениям, но женщина добирается до них

---

[93] Сноски: 93

Дагвуд — многослойный бутерброд, приготовленный из того, что попалось под руку. — *Прим. С. В. Голд.*

первой и *всегда* каким-то другим маршрутом. Ну а кроме того, Дити — гений.

— Что ты сказал, мой капитан?

— Я размышлял. Дити, ты можешь это сделать, но я должен быть на борту. Я не буду касаться управления. Только ради контроля.

— Но тогда это не будет тестом!

— Будет, будет. Я обещаю, честное скаутское, что позволю ей падать шестьдесят секунд. Или до высоты три километра — смотря, что случится раньше.

— У наших раций дальность больше десяти километров, даже между собой. Приемники Гэй *много* лучше.

— Дити, ты доверяешь технике. Я нет. Если Гэй не примет твою вторую команду — вспышка на солнце, помехи, проблема с проводкой, что угодно — я спасу ее от крушения.

— Но если что-то еще пойдет не так и ты разобьешься, получится, что я тебя *убила*!

Так что мне пришлось уступить — все, как она хотела, тот самый тест, что был предложен с самого начала. Я потратил топливо, отогнав «Гэй Обманщицу» на сотню метров, вылез из машины, и мы все отошли в сторонку.

— «Гэй Обманщица», — сказала Дити в ра-

цию, — бежим![94]

Не было даже хлопка! Возможно, далекая от сферической форма автомобиля вызвала интерференцию и погасила все звуковые эффекты. Возможно, я мог бы что-то услышать, если бы стоял рядом. А может, и нет. Магия.

После этого мы отправились гулять. Солнце висело еще высоко, несмотря на то, что мы провели парочку технических испытаний, много болтали, а также приготовили и съели кучку дагвудов. Мы направились к ближайшей точке древней береговой линии (если это была она) — к холму, что выдавался из ряда остальных. Он виднелся примерно в двух километрах от нас и возносился примерно на полкилометра над «морским дном».

Мы были вооружены, шли боевым порядком, и я вновь принял командование на себя. Это была не моя идея, а Язвы, именно она спросила:

— Правила спасательной шлюпки, капитан?

Я ответил:

— Э-э-э…

И Джейк сказал:

— Конечно!

---

[94] Сноски: 94

Здесь начинаются расхождения с романом «Число зверя» (*прим. ред.*)

И Дити повторила, как эхо:

— Конечно!

Так что я пожал плечами и принял ситуацию.

— Я иду первым вон к тому ближайшему холму. Через две сотни шагов я подниму руку. После этого ты, Хильда, выходишь за мной. Пытайся держать эту дистанцию, я не буду спешить. Джейк и Дити, вы начинаете в то же время, но расходитесь вправо и влево и держитесь сзади. Пытайтесь сохранять равносторонний треугольник: я впереди, на других углах Дити и Джейк, Хильда в центре. Разговоры только через рацию и вполголоса; дистанция короткая. Никакой пустой болтовни, но докладывать обо всем, что увидели. Называйте того, к кому обращаетесь, прежде чем сделать сообщение. Оно должно быть кратким и заканчиваться либо на «Прием», либо на «Вас понял, конец связи». Это будут учения и одновременно осмотр местности, возможно, нам придется так поступать на многих планетах… а эта выглядит как хорошее место для тренировки. Вопросы?

— Капитан, как долго мы будем ходить? — спросил Джейк.

— Я намерен вернуться за час до заката. Надеюсь, мы успеем добраться до вершины того холма

и осмотреться. Но если я неправильно оценил дистанцию или скорость движения солнца, то я направляюсь обратно раньше, чем мы дойдем до холма. Рысью, если понадобится. Или бегом. Так быстро, как сможет передвигаться Хильда. Необходимо закрыться в машине до заката. Э-э-э, Дити, ты можешь определять местное время?

— Пока не разобралась, сэр. Могу предположить, исходя из того, что эта планета соответствует Марсу. Но *точно* пока не знаю.

— Тогда не надо ничего предполагать. Время от времени поглядывай через плечо, следи за собственной тенью и без колебаний говори мне, что пора возвращаться — у тебя, безусловно, лучшее чувство времени, чем у любого из нас.

— Есть, сэр!

— Еще вопросы? Хильда, жди моего сигнала.

Я двинулся прочь, ощущая себя одновременно Льюисом и Кларком — я имею в виду пару комиков, а не исследователей. На мне красовались боксерские трусы Джейка, поскольку в них было удобнее и прохладнее, чем в плавках, ставших моим первым «марсианским» костюмом. Кроме них, на мне был ремень, а на нем — мой великолепный клинок, на этом же ремне висела рация и револьвер специального полицейского калиб-

ра, его до сих пор называют «тридцать восьмым». У него не было останавливающей силы более старого армейского пистолета, который Джейк на пару с саблей подвесил на своего «Сэма Брауна», но я сам готовил к нему патроны, превратив пули в нелегальные — и очень эффективные — дум-дум.

Так что мы с Джейком были экипированы одинаково мощно. Хильда оставалась в центре, поскольку из оружия у нее был только охотничий нож на одном из поясов Дити. Хильда никогда не училась стрелять, но мы — и мертвый чужак — знали, как умело она управляется ножом.

У Дити было три единицы вооружения: нож на поясе, на другом боку игольный пистолетик «Шкода» и ее собственный дробовик, помповое ружье 12-го калибра с запасом патронов на ремне. Джейк заверил меня, что она умеет с ним обращаться.

Но у нее имелась только дробь, так что дистанция выстрела у нее была меньше, чем у пистолета Джейка, и убойная сила намного ниже. Я поставил ее на правый фланг, чтобы она была подальше от холмов.

Нацепив на себя пояса, оружие и рации, наши дамы не убрали *ни единой* безделушки из своих

варварских украшений. Они были в таком восторге от одежды в «барсумском стиле», а у меня не было никаких причин возражать против этой прихоти. Бижутерия не мешает пользоваться оружием — так почему бы и нет? Голая кожа тоже выглядела уместно. Ночью тут может быть и холодно, но когда солнце взошло, стало тепло, а сейчас, в середине дня, даже чересчур тепло.

Я больше тревожился по поводу обуви. Хильде не из чего было выбирать, кроме теннисных туфель Дити, от которых у нее уже появился волдырь, и танцевальных туфелек на высоком каблуке. Дити могла похвастаться прочными походными ботинками, но она заявила: «Зебадия, мне не нужна обувь. Если ты отдашь приказ как командир, я их надену. Но моя способность к самообороне резко снизится».

(Для абсолютного монарха я выигрываю слишком мало споров.)

У нас с Джейком были армейские ботинки. Я зашел так далеко, что натянул их на ноги и даже зашнуровал один. Но мои ноги, похоже, за две недели ходьбы босиком подраспухли. А еще было жарко. Я вспомнил об ужасном инфекционном дерматите, который подцепил в Кении, когда ходил в этих самых ботинках — наверняка грибок

все еще гнездится где-то внутри. Поэтому я снял ботинки, и Джейк уложил их обратно вместе со своими.

Кроме того, я обнаружил, что в обуви мне трудно сохранять равновесие. У нас не было времени, чтобы придумать способ измерить местную гравитацию (это легко сделать при наличии пружинных весов — но у нас не было пружинных весов), однако тяготение Барсума было определенно низким, удивительно низким, при таком атмосферном давлении (если верить альтиметру, почти такое же, как в Уютной Гавани). Но низкая гравитация — это одновременно и преимущество, и серьезное препятствие. Все наши рефлексы, все привычки в ходьбе, беге и прыжках основаны на том, что масса равна весу. Когда один килограмм массы весит всего три или четыре грамма (по моим ощущениям), можно прыгать высоко, но куда безопаснее ползать, подобно младенцу.

После десяти дней на Луне в рядах австралийской армии у меня появились навыки жизни при одной шестой «же». Но только лунные старожилы умеют носиться вприпрыжку в лунной гравитации, новички же практикуют неуклюжие скачки обеими ногами. (Кстати, то время

на Луне не вошло в мой «официальный» послужной список — просто появилось свободное место в очередной команде, и командир Австралийских Сил самообороны дал мне две недели отпуска и сделал вид, что ничего не замечает: австралийцы все от рождения вольнодумцы; они просто счастливы, когда нарушают какие-нибудь правила.)

Я освоил искусство ходьбы по Барсуму — босиком. И подозревал, что эти жесткие армейские ботинки могут свести на нет мои навыки.

Наши крохотные рации были такими маленькими и легкими, что их можно было нести в руке, повесить на запястье, положить в карман, прицепить на ремень или повесить на шею на веревочке. Для общения на коротких дистанциях их можно было держать в руке, при связи на дальних дистанциях наушник и ларингофон увеличивали их радиус действия в десять раз. Джейк повесил свой «уоки-токи» на «Сэма Брауна», а проводок с микрофоном провел по ремешку и закрепил на плече, чтобы не тянуться. Увидев, что сделал ее отец, Дити прицепила рацию на бретельку, ну а мы с Хильдой последовали ее примеру. Так что мы могли связываться на длинных дистанциях, а во время переговоров на

коротких обе руки были свободны — поставив усиление на минимум, мы сносно могли слышать друг друга. Благодаря чему наш отряд мог при необходимости разделиться, разойтись на большое расстояние, но не потерять друг друга.

Что нам не хватало — фляжек для воды, но единственный их поставщик находился в миллионе километров и десяти вселенных отсюда.

Я чуть не заработал косоглазие, пытаясь одновременно изучать территорию впереди и смотреть, куда ставлю ноги — приходилось, потому что низкая гравитация и упругий ковер растений делали меня неустойчивыми, а кроме того, я высматривал местный аналог гремучих змей или прочих опасных тварей, которые могли выглядеть как камни или пучки травы. Конечно, за завтраком нас не укусило ни одно насекомое… но это означало лишь то, что насекомые нас пока еще не кусали. Перед нами лежала совершенно никому не ведомая terra incognita, где любой «милый маленький цветочек» мог оказаться более опасным, чем кобра.

Не то чтобы я позволял себе беспокоиться, беспокойство само по себе убийственная штука. Но я намеренно вел себя крайне осторожно и думал, что нам не помешал бы бронированный джип

или танк. У нас же были только собственные ноги и ручное оружие. Да, у нас была быстрая, вооруженная и бронированная машина — «Гэй Обманщица», — но не было никакой возможности ее заправить, так что ее энергию приходилось беречь для аварийных маневров.

В романах о межзвездных путешествиях всегда есть гигантский корабль-матка, неистощимый источник энергии, а также дальнодействующие универсальные десантные катера.

Но у нас почему-то все было не как в книжках. По всем правилам нам стоило бы вернуться и заново экипироваться. Но наша постоянная база была уничтожена, мы числились мертвыми, и «как в книжке» не получалось. И нам оставалось только лицом встретить неведомое, рассчитывая на то, что у нас есть. Поэтому я осторожно плелся вперед.

Заглядевшись на холм впереди, я запутался ногой в траве, споткнулся и совершил короткий, блистательный пируэт. Клоун в ледовом шоу таким пируэтом вызвал бы шквал аплодисментов. Но я был не в шоу, так что поаплодировал себе сам.

— Что такое, капитан Зебби? — послышался из рации голос Хильды. — Какой богатый *лексикон*!

— Утихни, — сердито ответил я.

После этого я примерно пятьдесят шагов внимательно смотрел, куда ставлю ногу, затем останавливался, секунду смотрел вперед — и все повторялось сначала. Бесконечно.

Во время одного из таких переходов я ощутил, что земля дрожит. Я почувствовал это сквозь мягкий, как губка, газон. Землетрясение? Марсотрясение? Барсумотрясение? Я остановился и поднял глаза.

Огибая холм, прямо на меня скакал многоногий монстр, что-то среднее между динозавром и носорогом, который съел слишком много витаминов. На спине этого кошмара восседал зеленый гигант вдвое выше меня ростом и во много раз уродливее. Его лицо имело перманентно недружелюбный вид, который отнюдь не улучшали изогнутые клыки, тянувшиеся почти до самых бровей.

В правой руке… *в двух* правых руках он держал телеграфный столб, заостренный на конце — и этот конец целился мне в пупок. Верхней левой рукой он размахивал здоровенной винтовкой, но только для виду: он явно был настроен насадить меня на вертел.

Мне понадобилось много слов, чтобы описать

это, но тогда я воспринял все в одно яркое мгновение. Мой мозг еще только изучал полноцветную живую стереокартинку, которая в нем пылала, а подсознание, разбуженное грубым пинком, уже вовсю дубасило в стенки черепа и вопило: «Выпустите меня отсюда! Выпустите! Послушайте, это какая-то ошибка! Я не герой! Мне здесь не место — вы взяли не того парня! Зеб! Зеб! Проснись! Это не твой сон!»

Про себя я пробормотал «Язва, это последний раз, когда я позволил тебе дать имя планете… и этот раз, похоже, *по-настоящему* последний». Другая часть моей развалившейся личности размышляла: «Как бы поступил другой капитан? Как Джон Картер — тот, что без «З» — управился бы с такой ситуацией? Сохраняй спокойствие, парень, не паникуй, используй проверенную тактику. Атакуй его с фронта и прыгай! Прыгай высоко — это Барсум — ты помнишь? Ты пролетишь прямо над ним. Высоко! Ударь по руке с винтовкой, а потом, извернувшись в воздухе, полосни по верхней руке с копьем — попытайся, и у тебя получится! Ты приземлишься у него за спиной, а этот зверь слишком большой, чтобы быстро повернуться, поэтому прыгай снова и снова руби вторую руку с копьем. Ты с ним

покончишь, а потом позаботься о его скакуне; он большой, но глупый».

И багровый туман битвы затянул мои серые стальные глаза, и я ринулся в бой, выхватив клинок, выкрикнул мой боевой клич:

– *Kartago delenda est! Smerts y Rosroushenyah! Illigitimi Nihil Carborundum*[95]! — и прыгнул.

И запутался в этой чертовой крабовой траве, кубарем полетел на землю и чудом успел откатиться в сторону, когда по мне едва не прошлись копыта этого нелепого толстокожего.

Удар о землю вышиб из меня дух; я вскочил на ноги, все еще пытаясь его вернуть, и увидел нечто трагическое и героическое: крохотная Язва взбиралась по гигантской зеленой ноге, словно котенок по дереву, и пыталась разделать этого гиганта своим ножом.

Ничего другого не оставалось — и герой снова ринулся в смертельный бой.

— *Аллах иль Аллах Акбар!*

Интересно, если я воткну шпагу прямо под

---

[95] Сноски: 95

Kartago delenda est! — «Карфаген должен быть разрушен!» (*лат.*) — знаменитая присказка римского сенатора Катона Старшего. Smerts y Rosroushenyah! — «Смерть и разрушения!» (*рус.*) — боевой клич Элихью из романа «Кукловоды». Illegitimi Nihil Carborundum! — «Не дадим ублюдкам нас поиметь!» (*псевдолат.*) — строчка из неофициального гимна Гарвардского университета. — *Прим. С. В. Голд.*

хвост этому зверю, это достаточно запутает ситуацию, чтобы как-то помочь Язве? Тем временем гигант правой верхней рукой отпустил копье, аккуратно взял Хильду за запястье, не давая выколоть себе глаза, а левой нижней придержал ее за талию, почти обхватив целиком.

Он повернул голову, взглянул на меня и прошепелявил сквозь клыки:

— Эмм, флуфай, фтарина, говори по-англиифки. Ефли ты понимаеф его.

Тут я прекратил атаку — снова споткнулся, но быстро поднялся на ноги.

— Конечно, понимаю! Опусти ее!

— Я *не могу*, ты фе видиф? Она пытаетфа меня офлепить. И фкафы пофалуйфта твоим друфьям, чтобы они перефтали фтрелять. От выфстрелов тоаты очень нервничают. Тихо.

Пуля выбила из земли фонтанчик пыли и сухих листьев между мной и гигантом, а следом донесся характерный *крак!* старого автоматического пистолета. Я вздрогнул: если слышишь свист пули и только потом звук выстрела, значит, ты не на том конце линии огня.

В сотне метрах от себя я увидел Джейка, он стоял на колене и держал свою пушку двумя руками.

— Прекратить огонь!

В ответ послышался не менее характерный *Банг!* помпового ружья; пригнувшись, из-под морды тоата я увидел Дити, целившуюся в нас помповушкой.

— Не кричи в микрофон, — прокричал в микрофон Джейк. — Ты сказал: «Прекратить огонь»?

Я понизил голос:

— Да. Прекратите огонь, вы, оба. Можете попасть в Хильду. Оставайтесь на месте. Я пытаюсь вести переговоры.

— Есть, капитан.

Я услышал позади визгливое ржание, оглянулся — и едва не потерял сознание. Прямо на меня смотрели налитые кровью свиные глазки другого тоата. Плохой ракурс, чтобы отнестись непредвзято — он рыл копытом землю, раскачивался и явно собирался меня растоптать. Тут я увидел, что их было трое — три скакуна, три зеленых гиганта, один страшнее другого. Видимо, они атаковали клином, а я был слишком занят, чтобы заметить фланги. Из-за подобной ошибки пилот истребителя может отстрелить себе хвост.

Я даже не дрогнул — профессиональные герои не могут позволить себе проявлять страх, — я просто ускоренным шагом двинулся вперед,

к тому гиганту, в руках которого была Хильда. Разумеется, при этом я постарался не оказаться прямо перед мордой его тоата. Хильда продолжала сражаться, все еще пытаясь наградить его белой тростью и темными очками.

— Язва!

— Да, капитан! Помоги мне!

— Язва, я попытаюсь вести переговоры. Флаг перемирия и все такое.

— Еще секунду, я выковыряю ему зенки, и пусть он тогда договаривается!

— Язва, их *трое*!

— Вали их на землю, а я буду добивать!

— Хильда! Хильда, дорогая, — пришел из рации голос Джейка. — Делай, что говорит капитан! *Пожалуйста*!

Хильда прекратила дергаться.

— Зебби, ты сказал «трое»?

— Оглянись и сосчитай сама. Они не пытаются навредить нам.

Хильда осмотрелась.

— Скажи этой вонючей обезьяне, чтобы убрала от меня свои грязные лапы!

— Как грубо для леди. (Это прозвучало, скорее, как «гвубо тля веди».) — Обезьяны — гряфно-белые. И они — фивотные. Вовфе не люди.

— Она не хотела вас оскорбить, сэр. Она просто несколько взволнованна. Хильда, если этот джентльмен отпустит тебя — *медленно!* — ты уберешь оружие в ножны и позволишь ему опустить тебя на землю?

— Капитан Зебби, ты действительно хочешь, чтобы я это сделала?

— Язва, это *единственное*, что ты должна сделать. Он не хочет навредить тебе, но он также не хочет остаться без глаз.

— Ну… а он скажет: «Крест на пузе»?

— Я уверен, что да. Сэр, «Крест на пузе» значит «флаг перемирия». Больше никаких боевых действий.

— Но не было боевых дейфтвий, пока вы не напали на наф. Мы профто пыталифь уфтроить вам официальную феремонию, когда вы наорали на меня, а она на меня напала, когда я отвлекфя. — От обиды он шепелявил сильнее — но попробуйте сами произнести «с», засунув два больших пальца себе в рот. Давайте, давайте — попробуйте. Когда он не был взволнован, он неплохо артикулировал. Дальше я не буду отражать особенность его речи.

— А *она* скажет «крест на пузе»? — спросил он.

— Скажи это, Хильда, и нарисуй на себе крест.

Они оба произнесли эти слова, но зеленый гигант не мог нарисовать крест, потому что все четыре его руки были заняты. Он отпустил ее запястье и подержал на безопасном расстоянии, пока она возилась с ножнами и клинком. Потом начал осторожно опускать ее на землю, но она вывернулась из его ладони и спрыгнула, легко приземлившись на ноги.

Я обнял ее за плечи, и ее тут же затрясло.

— Тихо, тихо, золотце, — сказал я. — Все закончено. Ты была великолепна!

— Я ужасно напугалась, — прошептала она.

— Все в порядке, дорогая.

Я повернулся к гиганту:

— Думаю, надо объясниться. Это — принцесса Хильда.

— Каор, принцесса Хильда. Таум Такус к вашим услугам.

— Каор, Таум Такус. Спасибо.

— А вон там принцесса Дити. Принцесса *Дити*, — подчеркнул я, надеясь, что она поймет: имя «Дея Торис» не стоит использовать в этой местности. — Справа от вас — доктор Джейкоб Берроуз. Тот самый знаменитый доктор Берроуз, — добавил я важно. — Джеддак Логана, Повелитель Времени и Пространства, Исследователь Вселен-

ных, Галактический Главный Инженер, Ветеран Пентагона, Император Руритании, Верховный Понтифик Девяти Мистерий и Посвященный тайны Числа Зверя, Главнокомандующий сил… хотя к чему продолжать? Всем известны его беспримерные отличия.

— Да, конечно, — медленно произнес гигант. — Но я никогда и *не мечтал*, что мне выпадет честь *увидеть* его.

— Ты видишь его сейчас и можешь говорить с ним. Он вполне демократичен. И скромен. Умный поймет с полуслова, старина — обращайся к нему просто «доктор Берроуз». Он предпочитает, чтобы ему не напоминали о его многочисленных регалиях. Ненавидит формальности.

— Он здесь инкогнито?

— Скажем так, полуинкогнито. Предпочитает заниматься исследованиями, не отвлекаясь на протокол. Например, я номинальный командир экспедиции… чтобы знаменитый доктор не тратил время на банальные детали. Но я сам так и не назвался. Капитан Зебадия Картер из Виргинии.

Глаза Таум Такуса расширились, он начал говорить что-то, оборвал себя, а затем произнес:

— Знаменитый доктор не любит формальностей, вы сказали… капитан Зебадия Картер?

— Чем меньше, тем лучше. Он терпит их только при необходимости.

— Как вы думаете… возможно ли… по вашему мнению… позволит ли он нам провести приветственную церемонию? Я имею в виду, начать все сначала, с того момента, когда все сорвалось из-за весьма досадного недоразумения, — в его словах звучало сожаление.

Я нахмурил брови и сделал вид, что обдумываю его предложение.

— Сколько времени это займет?

По моим предположениям, до захода оставалось часа два — а нам предстоял долгий обратный путь.

Голос Дити прошептал мне в правое ухо:

— Мой капитан, нам обязательно тут оставаться? Из этого совещания мы слышим только вашу половину реплик, а из замечаний Томми Такера — только отрывки. Но выглядит он дружелюбным.

— Подожди немного, принцесса. Доктор Беррооуз… igpay atinlay, el verde hombre-ci is antsy-pantsy à faire Royal Canadian Mounted Police drill avec vous

cast as Hail Caesar. Copa-setic? Or Box Cars?[96]

— Да, я слышал твою наглую ложь. «Ветеран Пентагона!» — вмешался сам доктор. — Ты еще заплатишь за это, сынок! А что насчет этих танцев с майским шестом… Рекомендации?

— Что-то аутентичное Золотой Ветви, я кумекаю, герр Доктор-Профессор.

— Хм… единогласное «*da*». Только без резины. Усек?

— Въезжаю, амиго. Встречаемся здесь, у флага. Выполнять. — Я повернулся к Веселому Зеленому Гиганту[97]: — Высокоученый доктор готов принять вашу церемонию, если вы сумеете исполнить ее быстро. Его время очень дорого.

— Будет исполнено, капитан Зебадия Картер!

Без какой-то слышной команды все три тоата выполнили маневр «поворот налево кругом!» и с потрясающей землю скоростью ринулись по

---

[96] Сноски: 96

Словами «igpay atinlay» Зеб дает понять Джейку, что сейчас будет использован код. Ig-pay atin-lay или Pig Latin — «секретный» детский язык, в котором меняют местами начало и конец слов. Однако вместо него Зеб с Джейком используют чудовищную (и забавную) смесь испанского, немецкого, французского и русского языков. Фраза означает примерно следующее: «Доктор Берроуз — говорюсла кодамисла, зеленый человечек озабочен организовать Королевскую канадскую конную полицию и устроить вам встречу как Великому Цезарю. Клево? Или — по машинам?» — *Прим. С. В. Голд.*

[97] Сноски: 97

Название популярных овощных консервов. — *Прим. С. В. Голд.*

склону холма к тому месту, откуда появились. Дити и Джейк быстро подошли к нам, Дити обняла меня, заехав мне по кумполу стволом своего дробовика.

— О, мой капитан, я так горжусь тобой!

Я поцеловал ее:

— Хильда — настоящий герой, а не я.

— Хильдой я тоже горжусь. Тетя Хильда, ты в порядке?

Хильда на секунду перестала прижиматься к своему мужчине и ответила:

— Этот здоровяк наставил мне синяков на ребрах. Но он не нарочно. Вообще-то он довольно милый. И к тому же красавчик.

— «Красавчик»!

— Дити, детка, ты же не ожидаешь от немецкого дога, чтобы он был красивым по тем же канонам, что и бабочка?

Дити задумалась.

— Это логично. Я должна взглянуть на него снова, непредвзятым взглядом.

— Отложите дебаты, девочки, и слушайте. Джейк, ты сможешь отсалютовать клинком?

— Э? Конечно!

— Хорошо, давайте отрепетируем. Встаем в строй, Джейк справа, Хильда следующая, потом

Дити и я… Дити, ты сможешь сделать «на караул» своим дробовиком?

— Я видела, как это делают. Смогу изобразить.

— Хорошо. Хильда, а от тебя мы ждем простой скаутский салют. Я скомандую «Клинки… наголо!». Вы, девушки, ничего не делаете, мы с Джейком обнажаем мечи и делаем «оружие к ноге» в три приема. Затем я командую «На… караул!»… Мы с Джейком делаем это в два приема, по одному на слово, но ты, Дити, не двигайся, пока я не скажу «караул!».

— Я выпаду из общего ритма, — возразила Дити.

— Они не осудят тебя за это. Когда я скомандую «Клинки в ножны!», ты снова делаешь «оружие к ноге», и я скажу: «Разойдись!», и доктор Берроуз — теперь на публике ты всегда «доктор Берроуз», а вы обе всегда «принцессы», а я всегда «капитан». Протокол. Вопросы? Я слышу, они возвращаются.

Мы выстроились в шеренгу. Громыхающее трио обогнуло склон и помчалось на нас, наставив копья, только на этот раз парень, который собирался меня проткнуть, был на правом фланге. Они не замедляли ход, и я готовился побить рекорд Барсума по прыжкам назад в длину, но

пока не мог, поскольку женщины оставались стоять как вкопанные.

Когда казалось уже невозможным, что они сумеют остановиться, тоаты ударили по тормозам всеми двадцатью четырьмя ногами и встали намертво, и в ту же секунду все три копья взмыли вертикально в идеальном салюте. Мой «противник» едва не заехал мне копьем по носу, но в следующий миг его острие оказалось в четырех метрах выше.

– *Мечи — наго-ло!* (Схватил — вынул — вниз! Хоп! Два! Три!)

Язва исполнила салют в собственной интерпретации. Это не было салютом герлскаута — она точно в такт повторила наши движения своим охотничьим ножом.

– *На…* — (рукояти поднимаются к трем подбородкам…) — *Карррaул*!

Лезвия вспыхнули, а Дити ловко вскинула ружье в воздух и перехватила обеими руками. Я видел, как это делают по уставу, но еще никто это не проделывал с такой легкостью и изяществом. Три гиганта испустили дикие вопли, которые я предпочел интерпретировать как «ура!». Я выдержал паузу, а затем отдал своему войску команду «разойтись».

Но большие парни на этом еще не закончили. Таум Такус посмотрел направо и налево, и внезапно из их копий развернулись полотнища, которые соединились вместе (магниты? магия?) в один большой баннер. Надпись на нем гласила:

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ НА БАРСУМ!
Торговая палата Большого Гелиума

– XIX –
Хильда

Я начала хлопать, ко мне присоединилась Дити, а затем и наши мужчины. Томми Такер улыбался как счастливый бородавочник, двое других тоже. Они походили на радостных щенков, так что я неожиданно выкрикнула:

— Гип-гип!

— Ура! — поддержала меня наша команда.

— Гип-гип!

— Ура!

— Гип-гип!

— Ура-а-а! Барсум! Барсум! Барсум!

Первый «Барсум» прозвучал нестройно, но третий мощно улетел к горизонту. Протокольная часть на этом закончилась, вопросы чести были улажены: Рустаму и Сухрабу[83] не придется сражаться.

По взгляду Таум Такуса все трое спешились и упали на колено, от этого они стали всего на две головы выше Зебби. Это (как я узнала позже) считалось вежливым, когда зеленый человек

---

[83] Сноски: 83
Герои-воины персидской поэмы «Шахнаме».

разговаривал с красным человеком (мы были «почетными» красными людьми) в дружеской неформальной обстановке.

Если она не дружеская, то зеленый человек не тратит времени на болтовню, он атакует — копьем, мечом, ружьем, всем, что попадется под руку, а у барсумцев под рукой всегда есть оружие. Салютом в этом случае дело не закончится, он будет нападать, пока не убьет или не будет убит. Их приветственная церемония напоминает танец хака маори, которую я видела на одной из крейберовских мемориальных лекций в кампусе, и Зебби, бывавший в Новой Зеландии, подтвердил, что так оно и есть. Маори приветствуют почетных гостей боевым танцем.

(Но все же нужен какой-то способ отличить церемониальную атаку от настоящей. Сегодня Таум Такус едва не потерял свои красивые выпученные глазки, и все из-за недопонимания. Я бы с ним управилась, не поскользнись моя нога на его потном бедре. Конечно, это было бы ужасно!)

— Это мои работники, — сказал Таум Такус, представляя остальных.

— Партнеры, — поправил тот, что справа.

— Ассистенты, — уступил Таум Такус. — Слева от меня Ках Кахкан, могучий воин, переживший

пятнадцать игр на арене Вархунов[84], ныне на службе Гелиума, кавалер ордена «За заслуги перед Вождем» третьего класса.

Ках Каххан подпрыгнул в воздух и заорал, размахивая своей десятиметровой зубочисткой и ружьем. Приземлился он в точности на то место, где стоял, одно колено в мох, другое поднято, две руки держат копье прямо вверх, лицо столь же бесстрастное, как у Дити, но в глазах его читалось удовольствие.

— Другой, тот, кто столь грубо прервал меня — мой племянник по выводку, Кад. Малец восьмидесяти циклов, только что из яйца, и пока не заслужил второе имя…

— Не было войн, — буркнул Кад.

— … и не имеет достойных упоминания заслуг. Но я несу за него ответственность, поскольку я пообещал дяде по выводку, что позабочусь о его образовании, когда ему было позволено отправиться в столицу Военного Вождя. Возможно, я совершил ошибку…

— Совершил!

— …думая, что смогу обучить его. Но ему придет-

---

[84] Сноски: 84

Вархуны — одна из орд зеленых гигантов, до объединения под руководством Джона Картера — смертельные враги Тарков. — *Прим. С. В. Голд.*

ся узнать все о профессиях Зазывалы и Курьера, даже если мне придется выломать ему второй клык. Первый он потерял не в битве, а когда споткнулся о собственную ногу.

— Клевета. Это была частная дуэль. Не хочу пасти туристов! Хочу сражаться!

И тут Зебби сделал глупость. Я люблю Зебби и охотно подчиняюсь ему в качестве нашего капитана, но иногда он сущий ребенок.

Полагаю, что мальчик все еще переживал тот момент, когда споткнулся, пытаясь спасти нас от атаки Таум Такуса (какое счастье, что все тогда не обернулось трагедией). Разве Зебби не знает, что в счет идет только сила духа? Он без колебаний бросился на гиганта в два раза себя выше (и в восемь раз больше, если закон квадрата-куба[85] биологически применим в пониженной гравитации Барсума, в чем я не уверена), вооруженного до зубов и сидящего на ужасном, свирепом тоате. Уверена, никто из нас не смеялся, когда он упал — лично я была в ужасе, что мы вот-вот потеряем нашего Зебби, и бросилась к нему на помощь, без

[85] Сноски: 85

Закон пропорций, согласно которому увеличение предмета, например, вдвое (x2), увеличивает площадь его поверхности вчетверо ($x2^2$), а объем — в восемь раз ($x2^3$). Применительно к биологии закон имеет много любопытных следствий, в том числе ограничения на рост и силу живых существ. — *Прим. С. В. Голд.*

раздумий и какого-либо плана в голове.

Понятно, что я не могла помочь, Таум Такус поднял меня легко, как котенка, и так же нежно. Томми очень милый.

Зебби наполовину вытащил свой клинок:

— Таум Такус, если твой племянник хочет сражаться, то я могу это устроить.

Томми стал бледно-зеленым.

— Нет, нет, благороднейший капитан! Знайте, что все гости Барсума находятся под защитой Вождя. Если я допущу столь немыслимый проступок, и даже если ты победишь — а я уверен, что победишь, если вы будете биться, спешившись, с одним клинком, — я буду обесчещен и опозорен, я буду изгнан из дома, все мое добро конфисковано, яйца моих жен разбиты, а сами жены отданы другим. Прошу вас, сэр!

Ответом стал щелчок задвинутого до упора меча.

Томми чуть расслабился, вздохнул, и его шкура приобрела более здоровый цвет.

— Глубочайшие благодарности, благороднейший капитан. Скажи спасибо, Кад.

Когда «малец» (полтораста лет от роду, если я правильно поняла слова Таума) не поспешил повиноваться, Таум Такус рявкнул на него по-

барсумски, каждый слог звучал как удар плети. Я не поняла ни слова и поняла все: поношение на любом языке звучит одинаково, различаются только звуки. Кад вздрогнул, вскочил и глубоко поклонился Зебби.

— Благодарю вас, благороднейший воин. Вы слишком добры ко мне.

– *De nada*[86], сынок. Никаких обид.

— И хотя, — продолжил Томми, — капитан лишен скакуна и вооружен только мечом, а мой неблагородный племянник сидит верхом и щеголяет полным вооружением, я бы воздержался от ставок на родную кровь. Весь Барсум знает, сколь необоримые воины — земляне. Исса[87]! Наш Вождь сам с Земли, из Виргинии, — он сделал паузу, а затем добавил: — Только предательская кочка спасла мне тогда жизнь. Я уверен.

— Возможно, — согласился Зебби. — Таум Такус, в столице должны быть тренировочные залы для мечников.

— Да, конечно, там лучшие мечники Барсу-

---

[86] Сноски: 86

De nada — не за что (*исп.*). — *Прим. С. В. Голд.*

[87] Сноски: 87

Исса — чрезвычайно древняя марсианка черной расы, считалась Богиней Вечной Жизни, Дочерью Малой Луны, Матерью Ближней Луны и Богиней Смерти. Персонаж романа Э. Р. Берроуза «Боги Марса». — *Прим. С. В. Голд.*

ма. Ты хочешь практиковаться, благородный капитан?

— Нет, мне не нужна практика. Своего последнего я убил меньше дня назад.

(Боже, это было только вчера? За один день я прожила десять лет!)

— Я просто подумал. Если он пожелает и у меня будет время, я мог бы показать твоему племяннику некоторые тонкости обращения с мечом.

В этот раз Када не пришлось стимулировать, он вскочил на ноги, поклонился и выпалил:

— Этот скромный ученик с величайшей радостью принимает щедрое предложение великого мечника!

— Конечно, сынок. В первое же утро, как я буду свободен. Дела, ты же понимаешь. Пожелания доктора прежде всего, — Зебби протянул руку и пожал правую нижнюю руку Када. — Хорошая тренировка, потом по стаканчику чего-нибудь крепкого.

«Как бы не так, дружок, — подумала я. — Ты у нас теперь так будешь занят, что у тебя в жизни не будет ни одного «свободного утра». Если те старые романы не врут — а так все и выглядит в этой вселенной, — то барсумцы никогда не слышали об учебном оружии, нагрудниках и масках.

«Практическая тренировка» означает, что проигравшему нужен будет врач… или гробовщик. Так что, Зебби, фиг тебе, а не драка для развлечения! Ты нам еще нужен — одним цельным куском».

Кад так разволновался, что мог только кивать и улыбаться словно горгулья. Его дядюшка поблагодарил Зебби… а потом вернулся к вопросу, который он так боялся задать, что ему пришлось собрать для этого все свое мужество.

— Капитан Зебадия Картер… из Виргинии, — Таум Такус заколебался. — Ты, конечно же, знаешь исконное имя нашего Вождя?

— Конечно. Капитан Джон Картер из Виргинии, ныне джеддак джеддаков, Вождь Барсума.

— Да, да! — Томми сделал паузу. — Картер — необычное имя.

— Только не в Виргинии. Ты спрашиваешь, не родичи ли мы? Да, но очень дальние родственники. Будь под рукой семейные архивы Картеров, я бы показал тебе наше родство. Считай, что мы оба происходим от Джона Картера Великого, основателя Виргинии, но ваш Джон Картер из младшей линии, и именно поэтому, согласно семейной легенде, он покинул Виргинию и отправился искать богатство и славу в других местах. Как бы то ни было, он исчез задолго до того, как мы снова

услышали о нем. Как поживает старичок сейчас? Шустрый и беспокойный, как всегда?

— Я уверен в этом, царственный капитан, но ныне он отлучился из Гелиума в одну из своих научных экспедиций. Принц-регент и его супруга, принцесса Тувия, занимаются государственными делами в его отсутствие.

— А что-то случилось с Деей Торис? О, я надеюсь, что нет!

— Ваша имперская кузина в порядке, сир. Но она была рада передать государственную ношу своему сыну. Только по официальным государственным поводам она выходит лично и до прибытия мужа обходится без большинства протокольных обязанностей. Таков ее обычай.

— Что ж, мне жаль, что кузен Джон отсутствует… но последняя новость меня утешила. Я терпеть не могу все эти душные протоколы почти так же, как наш выдающий доктор. Стоять часами, наблюдая за процессиями… вечеринки, балы и приемы, которые столь скучны для воина… ну ты понимаешь. Но я пообещал матери, что принесу ей любые новости о Дее Торис… и теперь я могу это сделать без ненужной суеты и шумихи.

— Полагаю, что можно устроить приватную аудиенцию.

— Ну, я надеюсь! Иначе мать отправит брату Джону такое послание, что у него загорятся уши! Ты понимаешь, как это со вдовствующими дамами из великих домов… Ожидают, что их желания всегда будут исполняться.

Таум Такус печально кивнул:

— Я знаю, как это среди Тарков. То же самое и в Гелиуме.

— Тарки? Ты из их владений?

— Я вылупился там, сир.

— Хм-м… Такус — это как-то связано с Тарсом Таркасом?

Томми просиял как счастливое пугало.

— Это мой дядя по выводку, о котором я говорил. Вот почему я *должен приглядывать* за дисциплиной и обучением Када.

— Я вижу. Я с нетерпением жду встречи с Тарсом Таркасом.

— Тарс Таркас — главнокомандующий всеми имперскими силами, красными, зелеными, желтыми и черными, дислоцированными в столице. Но, увы, он уехал с Вождем. Они почти неразделимы.

Зебби вздохнул:

— Это история моей жизни, Таум Такус. Когда появляется слон, всякий раз оказывается, что

в этот момент я отошел дернуть пивка.

— Я не понимаю… сир.

— Просто хочу сказать, что мне жаль, что я не могу встретиться с твоим дядей и посплетничать с моим кузеном. Но я что-то заболтался, нам уже пора возвращаться. Однако прежде нужно кое-что добавить к представлению. Я сказал, что мое полное имя — капитан Зебадия Джон Картер?

— Зебадия *Джон* Картер?

— Да. Мы, и я, и мой кузен названы в честь нашего прославленного предка. Предполагаю, что кузен перестал использовать первое имя, когда оставил дом — многие из нас так делают. Я не стал, поскольку иначе будет слишком много Джонов Картеров из Виргинии. Для Барсума и одного достаточно, поэтому пусть я буду известен здесь как Зебадия — умному объяснять не надо.

А еще мне рад сообщить, что принцесса Дити сделала меня своим супругом… так что она известна в Виргинии как миледи Зебадия Джон Картер. Принцесса Хильда — фрау-герр-доктор-профессор Берроуз, супруга знаменитого доктора. Кроме того, миледи Картер, принцесса Дити — дочь доктора Берроуза. У нас семейная команда.

Глаза Томми стали такими большими, что я подумала — они сейчас из головы выскочат.

– *Королевская* семейная команда!

— Нет, Таум Такус, не надо думать о нас таким образом. Группа ученых, путешествующих вместе, которые все оказались родственниками. Никакого протокола! Никакого.

Дити прервала эту ужасающую череду лжи и полуправды:

— Зебадия… солнце садится. Мы должны идти.

— Сейчас, дорогая. Принцесса Дити следит за приоритетами своего прославленного отца. Скажи мне, как вас найти в Гелиуме.

— Просто спросите в местном отделении «Американ Экспресс».

Зебби даже не моргнул.

— Отлично. Увидимся, Кад, в зале для фехтования. Каор, Ках Кахкан. Таум Такус, друг мой, передай императрице, что я скоро пришлю ей свою визитку и буду ждать, когда она сочтет удобным встретиться… а пока наши приоритеты — исследования нашего уважаемого доктора. Каор!

— Но могущественный капитан… — Томми едва не плакал.

Тут нас прервал трескучий голос, донесшийся от луки седла… хотя нет, седла на тоатах не было. Подпруга вроде той, что красуется на быках Брах-

мы во время родео, но более богато украшенная и с некоторым количеством предметов там, где должна находиться лука:

— Бизнесмен — Смеющемуся Парню! Прием.

Томми, похоже, разрывался на части.

— Извините, один момент, благородные сиры и леди, — и он поспешил к своему тоату, который пасся неподалеку, протянул руку и сказал: — Смеющийся Парень — Бизнесмену, слышу вас, — потом пробормотал в сторону: — Чтоб она провалилась, эта дешевая беспроводная зараза! Работает только тогда, когда это совсем не нужно!

— Ты не смог найти тех туристов? Времени прошло достаточно.

— Я их нашел. В Заливе Крови, на юго-запад от Большого Гелиума.

— Это тебе сказала Обсерватория. *Не ты* их нашел.

— Но я *нашел*! Их небесная колесница в трех хаадах[88] на запад от Мыса Слез. Бизнесмен — *слушай внимательно!* Они *тут*. Они нас *слышат*.

— Почему сразу не сказал? Они подписали контракт?

---

[88] Сноски: 88

Примерно в двух километрах. — *Прим. С. В. Голд.*

— Нет.

— Почему нет? Только не говори, что «Томас Кук» *снова* тебя обскакал. Если так, даже не возвращайся — ты и твой ленивый племянник. Дай мне поговорить с Ках Кахканом.

— Вы *не понимаете*! — из-за шепелявости Томми не мог говорить разборчиво, и мне было его жалко.

— Я понимаю, что ты прошляпил простую сделку.

Томми перешел на барсумский, и все, что я уловила — Джон Картер, Дея Торис и Зебадия Джон Картер.

— Говори на английском, дубина волосатая. Ты знаешь, что по беспроводной связи я барсумский не понимаю.

Томми вздохнул:

– *Бобоссла, выслулушайсла меменясла. Этсла нетсла тутуриластла. Короларалевсклаяя Обособысла. Кузузенсла Вовожождясла.*

— Просекла, куколка? — прошептала мне Дити.

— А то. Это английский. Даже не замена подстановкой. Бессмысленные слоги между буквами. Веселый Зеленый Гигант сказал ему, кто мы такие. И предупредил босса, чтобы тот был осто-

рожнее.

— Ты там с ума сошел? — прохрипела рация.

— Бизнесмен! Официально. *Срочно! Я не сумасшедший.* Если да, то ты можешь скормить меня банхам[89]. Но если *вы* настолько глупы, что сорвете эту встречу, я поставлю семь к одному, что императрица скормит банхам *вас*. Клянусь священными сосками Иссы!

Повисла напряженная тишина.

— Бизнесмен — Смеющемуся Парню. Дай мне Ках Кахкана.

Два гиганта поменялись местами. Тоат Томми перетаптывался на месте и недовольно ворчал, но позволил Кахкану стоять рядом.

— Перчатка Ловца — Бизнесмену. Прием.

— Ках, какого черта у вас происходит? Таум сошел с ума?

— Босс, лучше бы вам ему поверить. Это правда.

Я услышала вздох, прорвавшийся даже через треск барсумской статики.

— Ках, скажи мне, кто там в той группе. Кто и сколько? Точно.

---

[89] Сноски: 89

Банх — десятилапый барсумский пустынный лев. Обладает огромной, до ушей, пастью, в которой несколько рядов острых, похожих на иглы, клыков. — *Прим. С. В. Голд.*

— Четверо. Два вождя, две принцессы. Небесная колесница — частная яхта, принадлежащая главному вождю, почтенному доктору Берроузу, величайшему ученому звездных просторов. Командует его яхтой капитан Зедубия Джон Картер из Виргинии. Его принцесса…

— Капитан Зебадия *Джон* Картер?

— Именно так я и сказал. Капитан Зеба Диу *Джон* Картер, кузен Вождя… джеддак Виргинии. Его супруга — принцесса Ди Ди, дочь великого доктора Берроуза. А супруга доктора — принцесса Хильда… которая чуть не убила Смеющегося Парня, когда решила, что он повел себя неправильно с капитаном Зеббер Дайером Джоном Картером.

— Что этот идиот сделал? О, я сам скормлю его банхам!

Я мягкий уравновешенный человек (почти всегда), но я не желаю смотреть, как помыкают моими друзьями. Поэтому я рванулась к тоату Томми, вскарабкалась по его кожаной подпруге, села ему на холку и потянулась, чтобы схватить рацию. Тоат мотнул головой, чтобы сбросить меня, но я удержалась, а через миг рядом оказался Томми, положил ладонь на загривок скакуну и успокоил его.

Рация просипела:

— Ках, ответь мне!

— Бизнесмен, ЗАТКНИСЬ! Это принцесса Хильда! Это была естественная ошибка… и Таум Такус повел себя как джентльмен — которым *ты* не являешься! Еще одна дурацкая реплика, и я расскажу Дее Торис все о твоем недостойном поведении! Так ты обходишься с гостями? Таум Такус находится под моей *личной* защитой! Ты понимаешь *это*, Бизнесмен? Или тебя выкинуть из бизнеса на улицу, где ты будешь выпрашивать корки хлеба?

— Моя принцесса, я…

— Я *не* «твоя принцесса»! ты и о манерах забыл? Я Ее Высочество, принцесса Хильда, супруга доктора Берроуза.

— Униженно молю о прощении, Ваше Высочество. Я просто…

— Ты просто совершил еще одну глупую ошибку. Мы не обратим на нее внимания. Но я тебя предупреждаю — один-единственный раз — что если я услышу, что ты попытался обвинить в *любой* из своих глупостей Таум Такуса, то ты потеряешь не лицензию, а свою жизнь! Насколько я слышала, ручные банхи принцессы Тувии всегда голодны.

— Ваше Высочество, что я могу сделать, чтобы

искупить свою вину?

— Ты можешь выслушать Таум Такуса и внять его совету! Я сказала!

Томми снял меня двумя лапищами, и я оказалась в руках мужа. Тут я почувствовала, что меня трясет.

— Тихо, тихо, дорогая, — Джейкоб погладил меня по плечу. — Все в порядке.

Он улыбнулся мне и поднял мое лицо, подцепив пальцем под подбородок.

— Зеб говорил, что ты могла запугать даже налоговых агентов. И я в это верю.

— Почему я не могу быть леди, как Дити? Я не люблю конфликты, они меня пугают.

— Ты *такая же* леди, как Дити, моя любимая. Она тоже не любит сражаться. Просто она крупнее тебя и использует другие методы, вот и все. Помню, как в Чикаго… профессиональная встреча, и Дити возвращалась одна в наш отель. Двое мужчин. Пришлось уносить их на носилках. А ты все делаешь правильно, только по-своему.

Дорогой Джейкоб умеет утешать, рядом с ним я словно вырастаю, а ведь я всегда чувствовала себя карликом в мире гигантов.

Зебби и Дити похлопали меня по спине и поздравили с тем, что он назвал «звездным испол-

нением — даже для Язвы». Потом он посмотрел на солнце и добавил:

— Дити, если мы не пойдем сейчас же, то придется просить Хильду, чтобы ее друганы подбросили нас до дома. Мне не хочется оставаться в этой пустыне после наступления темноты.

Томми перестал общаться с боссом и повернулся к нам, потирая все четыре руки и ухмыляясь.

— Все устроено. Никакого протокола. Никакого досмотра — комплимент от порта и ключи от города. Ваши апартаменты будут ждать вас. Вероятно, во дворце — возможно завтра. Если так, то сегодня лучший люкс в «Хилтон Интерпланетари» в подарок от «Американ Экспресс». Меня спросили — хочет ли каждый из вас отдельный номер. Я сказал, что уверен — вы предпочтете жить вместе в одном большом номере. Правильно я сделал?

— Да, — ответил мой муж, — за исключением того, что сегодня мы вернемся в небесную колесницу. Капитан интересовался, могут ли ваши тоаты взять дополнительных пассажиров. Если так, то не будете ли вы столь любезны, чтобы подвезти нас до колесницы? Наши дамы устали.

Бедный Томми опять расстроился.

— Но вас ждут в городе! Сэр! Почтенный док-

тор…

— Я боюсь, это невозможно. У нас ничего при себе нет. Ни перемены одежды, ни туалетных принадлежностей, ни…

— Поверьте мне, доктор Берроуз, все необходимое будет вам предоставлено.

— Но наша колесница…

— Ее может повредить ночная погода? Или животные?

— Капитан? — спросил мой муж.

— Нет, ни то, ни другое. Но, Таум Такус, сколько мы будем добираться до города?

Это вызвало обсуждение между моим мужем, Томми и Дити — они никак не могли сопоставить единицы измерения. Томми не знал, что такое километр, мы не знали, что такое хаад, а Дити до сих пор была не уверена в продолжительности местного дня.

Но Дити поставила Зебби перед Томми, затем, зная его рост, сто девяносто четыре сантиметра, показала высоту два метра своим дробовиком (для этого ей пришлось тянуться изо всех сил). Половина этого дала метр, после чего определение километра не составило проблемы; Томми знал десятичную систему. Выяснилось, что до ворот Большого Гелиума около ста километров.

Тоаты могли добраться задолго до полуночи.

Зебби покачал головой:

— Даже если бы принцессы выдержат поездку, то после захода станет холодно. Слишком холодно для дам, я уверен. У них нет с собой мехов.

Но Томми был непоколебим — все будет обеспечено, *все*. Меха есть в седельных сумках, и не важно, что самих седел нет, есть даже палатка на случай необходимости. Кроме того, вскоре с городской платформы стартует флайер — пилот знает маршрут и найдет нас до захода солнца, он мигом доставит нас в Гелиум. Поэтому Зебби уступил.

— Доктор Берроуз, сколько дверей в вашей небесной колеснице? — спросил Томми.

— Две, — ответил Зебби. — Но зачем вам это?

— Мы защитим их, — Таум Такус открыл сумочку на поясе, вытащил пакет и сломал печать. — Личный знак Вождя. «Американ Экспресс» специальным эдиктом разрешено использовать его в экстренных случаях ради поддержания мира в государстве. Я считаю, что это как раз такой случай. С этим знаком на ваших дверях ни один житель Барсума, красный, зеленый, желтый, белый, черный или пегий, не посмеет войти или даже коснуться вашей колесницы. Кад!

(Зебби не сказал ему, что «Гэй Обманщица» может защитить себя сама от любого обычного взломщика, он любезно поблагодарил Томми.)

«Малец» же поспешил к нам.

— Да, дядя?

— Возьми это и повесь знак Вождя на каждой двери. Помни, что ты должен догнать нас до темноты. Мы отправляемся прямо сейчас.

Я подозревала, что Таум Такус, как старший, захочет везти капитана Зебадию *Джона* Картера и его принцессу. Но я высказала свои пожелания немедленно, поскольку я знала, что Дити все равно, а мне — *нет*! Томми — мой ручной зверек, и я хотела ехать с ним, чтобы он знал, что я хочу ехать с *ним*, и потому, что мне этого действительно хотелось. Менее часа назад он мог сломать меня пополам одной рукой, и никто не мог осудить его, поскольку я изо всех сил старалась его ослепить.

Но это милое, чудное создание обошлось со мной максимально осторожно, терпеливо избегая моих попыток выколоть ему глаза. Язва не забывает такой рыцарской галантности… как не забывает и о попытках нанести ей вред.

— Джейкоб, я бы чувствовала себя в большей безопасности, если бы сидела между тобой и Та-

умом Такусом.

— Конечно, дорогая… если наш хозяин позволит. Таум Такус?

— Это большая честь для меня, доктор Берроуз.

Томми убрал ружье в большой подвесной чехол на боку своего тоата, ближе к хвосту, закрепил копье с другой стороны на выдвижных крючьях — они защелкивались, стоило на них нажать. После этого он забрался на своего скакуна, намного сдвинулся назад, потянулся вниз всеми четырьмя руками и аккуратно посадил меня перед собой. Потом протянул руки над моей головой и помог залезть Джейкобу.

Он держал меня за талию нижними руками, моего мужа придерживал за плечи верхними, а сам Джейкоб вцепился в подпругу, так что все мы трое оказались фактически приколочены к зверю. Я чувствовала себя в полной безопасности.

Твердый, мускулистый живот Томми был отличной «спинкой», руки его держали лучше любого ремня безопасности, крепче, но нежнее. Будь на его месте человек, я бы подумала, что это слишком интимная хватка. Но для зеленого гиганта с Барсума я была лишь говорящей куколкой или кошкой; никакого интереса как к женщине он ко мне иметь не мог.

Или мог? Была же та ужасная история о Тале Хаджусе…

Но мой Томми был не такой! Мы сдвинулись с места, сначала шагом, потом рысью, а затем буквально полетели — лапы тоата не производили шума, ударяя в землю.

— Это же просто здорово, правда? — прокричал Джейкоб через плечо.

— Конечно, дорогой!

– XX –
Зебадия

Мы с Дити поехали с Ках Кахканом, в то время как Джейк и Хильда пустились в путь со «Смеющимся Парнем», Таумом Такусом, нашим озабоченным хозяином. Хильда очутилась в сэндвиче между Джейком и Таумом, откуда она никак не могла выпасть. Я предложил такой же вариант Дити, но она отказалась.

— Зебадия, только если ты настаиваешь. Мне бы хотелось сидеть впереди, чтобы все видеть, а так я увижу только твою спину. А вот ты поверх моей головы все прекрасно увидишь… ведь так?

— Ладно… в конце концов, я не за рулем. А Ках Кахкан определенно сможет видеть дорогу поверх меня. Ты не свалишься? Тут же никаких стремян.

— Мой капитан, я обещаю каждую секунду держаться за ремень для подпруги как минимум одной рукой. Но если ты боишься, что я упаду, то можешь держать меня за талию.

— Любой повод подержать мою принцессу за талию мне нравится. А кроме того, держась за

тебя, я сам не упаду… потому что до ремня мне не дотянуться.

— О, об этом я не подумала. Я не смогу упасть, если буду держаться за твой пояс. Давай поменяемся.

Дити так и не научилась быть эгоистичной — она автоматически отдает ближнему бóльший кусок пирога.

— Вот уж нет, мэм! Это был ваш выбор, я меняться не буду.

Как оказалось, никакой опасности упасть для меня не было — Ках Кахкан прихватил меня крепко, но аккуратно своими нижними руками. Я был уверен, что он чувствует ответственность за «ценный» груз; если мы упадем на скаку, ему останется только отправиться в вербовочный пункт Иностранного легиона[98] или его Барсумского эквивалента.

Я хорошенько разглядел наших гигантов, чтобы позже с уверенностью называть их по именам. С зелеными людьми это не так-то просто: они подобны горошинам в стручке или овцам в стаде. Но если забыть об общевидовых особенностях

[98] Сноски: 98

Правила приема в первые годы существования Иностранного легиона позволяли преступникам скрываться в нем от преследования властей. — *Прим. С. В. Голд.*

и сосредоточиться на деталях, то у каждого можно обнаружить столько же индивидуальности, сколько у вас или у меня. С Кадом проблем не предвиделось — завидев любого «юнца», у которого левый клык отломан в трех сантиметрах над губой, крикни ему: «Кад!» и посмотри, отзовется он или нет.

Таум Такуса мы узнали уже хорошо, я никогда бы не забыл его внешности и манер. О Ках Кахкане я мало что мог сказать, пока у нас не было времени познакомиться. Я мог ощущать его похожий на доску живот собственной спиной, но видеть его не мог. Поэтому я сосредоточился на том, чтобы мысленно его представить. Пять метров роста — на голову выше Таум Такуса. Широкоплеч, мускулист, двигается точно кот, и «Гейдельбергская» сетка шрамов по всему телу. Сомневаюсь, что смог бы найти на нем участок кожи размером с ладонь, свободный от следов старых ран. У Таум Такуса было около полудюжины шрамов, у Ках Кахкана как минимум в десять раз больше.

Это, а еще аура некоторой усталости от жизни заставили меня предположить, что он куда старше, чем Таум Такус — да, последний был за старшего… но почему? Попробуем узнать… не

задавая прямых вопросов.

У тоатов очень мягкий ход. Они столь массивны, что им тяжело стартовать, и по этой же причине они не могут быстро поворачивать. Но, набрав крейсерскую скорость — тридцать узлов, я бы сказал, — они катятся точно шары по бильярдному столу и могут держать темп часами. Думаю, что большое количество ног позволяет мягко «обтекать» ухабы; всадник ощущает лишь приятное покачивание на волне, скорее вибрацию, чем тряску.

По почве они движутся бесшумно и почти так же (как я узнал позже) по мощеной дороге. Встречный ветер в тридцать узлов не мешает разговорам — иначе жителям Вайоминга пришлось бы перейти на язык жестов много поколений назад. Дити хотела «видеть пейзаж», но когда ты видел один участок дна мертвого моря, то ты видел их все: бесконечные полосы желто-оранжевого дерна и ни одного кролика. Едва мы обогнули холм, как перед нами открылся залив, а уже через двадцать минут холмы «береговой линии» были так далеко, что их трудно было разглядеть.

— Ках Кахкан, могу я задать вопрос о тебе?

— Капитан Зед-Зебе… э-э-э … дай Джон Картер

может спрашивать все, что ему угодно.

Ках Кахкан говорил по-английски медленно и осторожно, время от времени ошибаясь в словах и грамматике. Мне казалось, что он переводит внутри себя те фразы, которыми не пользуется часто. Поэтому я тоже говорил без спешки и избегал сложных конструкций:

— Ках Кахкан, я слышал, как Таум Такус сказал, что ты «пережил пятнадцать игр на арене Вархунов». Я полагал, что мой кузен Джон, ваш Вождь, положил конец играм на аренах?

— Капитан Зед-Зеб…

— «Капитана» достаточно, — оборвал его я. — Мое имя слишком длинное, чтобы повторять его с каждой репликой.

— Спасибо, капитан. Мой ответ на твой вопрос будет одновременно и да, и нет. Красные люди никогда не имели обычая сражаться на аренах. Или забыли его много циклов назад. О желтых людях я знаю мало. У зеленых — наши обычаи разнятся от племени к племени. Генерал Тарк Таркус запретил игры среди Тарков. Приказ Вождя, объявленный с престола и скрепленный его печатью, повсеместно запретил использовать на играх пленников, захваченных в битве. Но он не запретил игры.

Люди, осужденные за преступления и приговоренные к смерти, могут выбрать арену или выбрать, чтобы их случай был положен на Пьедестал Правды перед Троном Справедливости в Храме Воздаяния Большого Гелиума. Некоторые выбирают арену ради быстрой смерти в бою или слабой надежды когда-нибудь завоевать себе свободу. Некоторые выбирают темницы и ждут, пока Судьи Истины не пересмотрят их дело… а потом с позором умирают или живут в темницах много циклов по решению судий… или — редко! — выходят на свободу с восстановленной честью.

Но по декрету вашего кузена ни одна женщина, зеленая, красная или другого цвета, не может быть отправлена на арену. Низкий обычай пятнать песок кровью женщин ради развлечения толпы на Барсуме уничтожен. Насколько мне известно.

Неторопливая речь Ках Кахкана прекратилась, и я подумал, что тема исчерпана. Интересно было бы узнать, какое ужасное преступление совершил этот здоровяк, что ему пришлось пятнадцать раз сражаться на арене вместо того, чтобы отправить дело на пересмотр в Апелляционный суд. Однако оказалось, что он всего лишь собирался с мыслями и выстраивал их на английском.

— Осужденных преступников, желающих сыграть в кости с Иссой на арене, было немного. Толпа начала скучать, и королевские доходы упали. Но у нас есть пословица: «Где есть желающие покупать, всегда найдутся и продавцы». У землян есть такая пословица… могу я спросить?

— Некоторые так и говорят. Или что-то похожее, — я подумал о бесконечных попытках правительства отрицать этот трюизм… и о черных рынках, которые неизменно возникают вопреки подобным попыткам. Но я вовсе не собирался расписывать барсумцам недостатки родной планеты.

— Я стал продавцом. Я вылупился… — большой парень оборвал сам себя. — Простите. Совершенно негостеприимно утомлять разговорами капитана и его принцессу. Моя жизнь была скучна.

— Продолжай! — воскликнула Дити. — Нам не скучно. Мы чужаки в стране чужой. То, что для тебя скучно, нам кажется новым и интересным.

— Принцесса говорит правду, Ках Кахкан.

— Да, Ках Кахкан. Если ты прямо сейчас нам не расскажешь, как ты из своего инкубатора попал на арену, а оттуда в «Американ Экспресс», то я спрыгну с этого тоата и пойду пешком! Кстати,

как его зовут? Или ее? Это кобыла или жеребец?

Тут Дити явно вышла за пределы словаря Ках Кахкана, он замялся и попытался извиниться. Я объяснил, что она хочет узнать пол животного, но даже для этого несложного вопроса мне пришлось напрячь наш общий словарь почти до пределов.

— Она — это она, — сообщил Ках Кахкан.

— И как ее зовут? — уточнил я.

— У тоатов не бывает имен — они же не разговаривают. Я посылаю ей мысли. Она… (пробел)

Я ничего не уловил, кроме того, что животное пискнуло точно канарейка, удивительно музыкальный звук для такого массивного существа. Но Дити откинулась назад и повернула голову, чтобы прошептать:

— Если бы я была леди, я бы покраснела. Какая *сильная* эмоция.

— И какая?

— Чувство, очень сильное, и заканчивается чем-то вроде «если бы она еще умела готовить!». Не пойми меня неверно, все платонически… и механически невозможно. Однако *страстно*-платонически… и *сильно*. И взаимно. Между ними сильная эмпатия.

— Дити, ты слышишь мысли? Телепатия?

(Поскольку я ничего не уловил, я не знал — беспокоиться мне или радоваться.)

— Что? Небеса, нет! Но я иногда ощущаю эмоции. На этот раз они согрели меня до самого пупка. Между ними такое прекрасное взаимопонимание. Они не могут быть в одиночестве, потому что принадлежат друг другу, — тут Дити повысила голос, чтобы он не потерялся во встречном ветре, и сказала: — Ках Кахкан, поскольку мы, земляне, не можем посылать ей свои мысли, могу я предложить ей имя? Каннот Кук[99].

— Но принцесса, у женщины не может быть двойного имени.

— У моей кузины Деи Торис два имени.

— Но она императрица. А (пробел) — тоат.

— Животные могут носить имена, и у них *должны* быть имена. У нашего кузена Вождя есть калот[100] по имени Вула. Ведь так и есть? Впрочем, я могу предложить и *одно* имя. Чтобы оно было созвучно твоему. Вот… Канакук. Ках Кахкан и Канакук — они хорошо звучат вместе?

---

[99] Сноски: 99

Искаженное англ. Cannot Cook — не может готовить.

[100] Сноски: 100

Марсианская десятиногая собака размером с шотландского пони, голова напоминает лягушачью, во рту расположены три ряда длинных острых клыков. — *Прим. С. В. Голд.*

Наш большой друг с явным удовольствием повторил:

— Ках Кахкан и Канакук, — тут его животное снова испустило тонкий писк канарейки. — Принцесса, вы даете свое благословение? Я могу так ее называть?

— Ты хочешь, чтобы Дея Торис выпустила указ?

— Нет, нет, нет! Не посмею. Но ваше благословение сделает все законным.

— Принцесса Дити благословляет твоего тоата именем «Канакук».

Тоат повторила свою трель.

— Я сказала, — добавила Дити. — Она уже знает свое имя! Попробуй ты, дорогой!

Я сомневался, но попробовал:

— Канакук.

И наш скакун снова издал пронзительный звук.

— Ура! — Дити начала хлопать в ладоши.

— Черт! Держись за ремень!

— Извини, дорогой, я забылась, — она торопливо схватила ремень для подпруги. — Ках Кахкан, ты попробуй. Назови ее по имени.

— Канакук.

Тоат не заставила себя упрашивать и выдала

те же три ноты.

Наш большой друг возбужденно завопил и повторил «Канакук», на что немедленно получил ответ.

— Спасибо! Спасибо! — зеленый гигант едва владел собой. — Принцесса! Канакук!

Канакук вторила ему.

Дити может заводить друзей где угодно, среди людей и среди животных тоже. Однако тут она пробормотала:

— Меня просто бомбардирует их эмоциями… от этого я сама *слишком* возбуждена! А сейчас для этого не время и не место. Помоги мне сменить тему.

— Конечно. Я тоже слишком устал.

— Муж мой, это обычная отговорка: «дорогой, у меня болит голова». Но у меня голова не болит.

— Убери насмешку из голоса, девчонка! Ках Кахкан, ты начал говорить: «Я вылупился…» и на этом прервался.

— Да, капитан. Я вылупился много циклов назад в маленьком племени между землями Тарков и землями Вархунов. Это было задолго до того, как Вождь положил конец бессмысленным войнам и бесплодным битвам. Мы оказались меж двумя враждующими сторонами, и нас перети-

рало жерновами войны, пока наш город не был разрушен, инкубатор — уничтожен, джед — убит, а наши люди погибли или разбежались… погибло много больше, чем бежало, потому что мы бились до последнего и никогда не сдавались, зная, какая горькая судьба ждет пленников у Тарков или Вархунов. Наши женщины сами добивали раненых и лишали себя жизни, чтобы не стать узниками. Поэтому само наше имя давно забыто, нас больше нет.

В той финальной битве Канакук спасла мне жизнь, и далеко не в последний раз. Тогда я получил тяжелую рану, и она, чувствуя, что я не могу защитить себя, покинула поле боя, спеша изо всех сил, много быстрее, чем мы сейчас. Я сумел, уж не знаю как, держаться за ее подпругу. Она принесла меня в маленький оазис в стороне от торговых путей. Там были растения, сок для питья, мякоть для еды, и я выжил. Я обрел силу. Время прошло, и я отправился на поиски родного племени, но не нашел никого. Канакук…

(Поцелуй меня.)

(Я лучше тебя ущипну.)

(Ой! Зверюга. Я имею в виду — капитан Зверюга, сэр.)

— … вылупилась из яйца в один день со мной

и была подарена мне отцом по выводку, чтобы я ее растил и тренировал, и сейчас ни у нее, ни у меня больше никого на свете нет. Я стал… это называется «пантан», что означает воина без вождя, который ищет работу везде, где может. Много циклов я сражался за разных джедов и просто дрался на дуэлях. Но после побед в поединках мне приходилось переезжать на новое место, и я избегал поединков, когда это было возможно.

— Почему? — спросила Дити. — Почему ты переезжал? Ты, должно быть, выиграл их все, раз остался жив. Не лучше ли было оставаться с одним племенем?

Ках Кахкан молчал так долго, что я подумал — Дити оскорбила его; но мне стоило лучше понимать ситуацию: сейчас Дити никак не могла оскорбить этого гиганта, что бы она ни сказала и что бы ни сделала… Ее неприкосновенность никак не была связана с ее статусом «принцессы», построенном на самой отъявленной лжи, какую я когда-либо говорил. Дити дала имя Канакук и сделала его «официальным» с помощью безобидного обмана, который опирался на мои выдумки. Наш друг теперь владел — или она владела им, поскольку отношения между ними были взаимными — *единственным* тоатом на

Барсуме, который обладал именем. И поэтому Дити *не могла* вести себя неправильно.

— Не так легко объяснить; это древний обычай, принцесса. Победитель в поединке всегда получает вызов снова. И снова. Пока не приходит день, когда с ним в бой вступает джед, не желающий больше терять воинов… и заодно избавиться от… конкурента. У меня не было желания становиться джедом. Я переезжал, переезжал и переезжал.

Но времена менялись. Ваш кузен, Вождь, сделал так, что профессия пантана стала бесполезной. И теперь мое копье и мой меч принадлежат Вождю, пока Исса не заберет меня. Я больше не пантан, я гражданин! Гелиум — мой город, знамя Вождя — мое знамя. Моя кожа зеленая… но по имперскому декрету я отношусь к *красным*. Понимаете меня?

— Лучше красный, чем мертвый.

— Если капитан говорит так, — в голосе Ках Кахкана прозвучало сомнение. — Но я не обещал Вождю избегать смерти. Во-первых, мне это было не нужно. Во-вторых, моя жизнь мало что значит. Я бы отправился в последнее паломничество задолго до того, как капитан Джон Картер из Виргинии пришел учить нас новым обычаям, если бы не отвечал за Канакук. Однажды, много

циклов назад, я попытался оставить ее при стаде диких тоатов. Я снял с нее упряжь, приказал ей оставить меня и жить с себе подобными. И она мне *не* подчинилась… — единственный раз, когда она отказалась выполнить приказ. Поэтому я не свободен умереть, пока она нуждается во мне. Понимаете ли вы меня? — с тревогой спросил он.

Я ответил торжественно:

— Будь уверен в этом, мой друг. У нас на Земле схожему обычаю следуют все благородные мужчины и женщины. Часто мужчина или женщина принуждают себя жить, хотя их тело молит о смерти… поскольку их долг остается не выплаченным. Ты ведь об этом говоришь?

— Капитан изрек истину.

— Ты не мог умереть с честью, пока Канакук жива и нуждается в тебе. Мы понимаем это… и существа, которые не живут по этому правилу, менее чем животные. Мусор. Итак, Канакук и Ках Кахкан жили по этому закону, но потом в дверь постучали сложные времена. И что случилось тогда?

— Капитан… мой английский плох. Прошу прощения.

— Нет, это я прошу прощения, мой друг. Я помню, ты сказал, что не стало работы для твоей

профессии. Пантан.

— Это так, капитан. Никакой джед не хотел нанять мое копье. Но арена Вархунов требовала крови. Мы отправились туда, Канакук и я, и я стал учеником свободного участника игр, воина-ветерана, и я платил за то, чтобы присоединиться к их гильдии по договору. Понятно ли я говорю? Я продал себя. Я не продал Канакук.

— Черт подери! А ты бы продал *меня*, Зебадия? — прошептала Дити.

— Только за хорошую цену. Я слишком много в тебя инвестировал. Дождемся подходящей цены, — ответил я и добавил: — Не выставляй язык слишком часто, а то он обветрится.

— Мы понимаем тебя, Ках Кахкан, — продолжил я. — И чем занимается ученик?

— Служит наставнику. Следит за его тоатом. Ухаживает за его оружием и снаряжением. Делает ему массаж перед играми, а после — перевязывает раны. Помогает мастеру практиковаться между играми, стараясь его не поранить. Спит в конюшне и ест то, что дает хозяин. И ждет.

— Ждет чего? — спросила Дити.

— Того, что случится, принцесса. Его хозяин может умереть на песке, и договор будет тем самым закрыт. Освобожденный ученик может

продать себя снова… или может выбрать арену в тот день, когда его мастер должен… э, будет должен выйти на игры в следующий раз. Но в моем случае распорядитель игр увидел меня во время тренировки, выкупил меня и внес мое имя в список… и в первой же игре я столкнулся со своим бывшим наставником, — Ках Кахкан сделал паузу. — Я убил его. Не было радости в этом убийстве. Мне были знакомы все его слабости, он не знал моих — ведь не пристало ученику наносить раны мастеру.

Так я выиграл его оружие и его тоата, оставил себе то, что понравилось, продал тоата, а мое имя осталось в списке. Я сражался.

Движимый любопытством, я задал неловкий вопрос:

— Ках Кахкан, и каково это, быть профессиональным гладиатором?

Я ощутил, как он пожал плечами:

— Это жизнь.

Ах, мой болтливый язык! Но, очевидно, вопрос не был оскорбительным, поскольку он продолжил:

— Большую часть времени жизнь скучная, но комфортная. Хорошо кормят. Возможно, слишком хорошо. Перерывы между играми долгие, так что

воин может разжиреть, стать медленным и мягким, если ест слишком много и недостаточно тренируется. Это прикончило многих гладиаторов, и только Мать Исса знает, искали они сна в ее руках или попали туда из-за беззаботности и лени, — он снова пожал плечами. — Я не был беззаботным.

— Очевидно, не был, — сказал я без доли сарказма. — Ты выиграл в пятнадцати сражениях.

Я тихо спросил у Дити:

— Каковы были его шансы?

— Тридцать две тысячи семьсот шестьдесят восемь *против*, предполагая, что каждая схватка была равной. Но последнее, полагаю, явно не может быть правдой.

Ках Кахкану опять понадобилось время, чтобы упорядочить мысли.

— Простите меня, благородный капитан, очень сложно донести истину на твоем языке. Игры проходят четыре раза в каждом цикле. Или больше. Или меньше. Десять дней на одни игры.

Дити прошептала:

— Сто пятьдесят дней сражений — я не могу даже примерно оценить шансы. Люди — не игральные кости.

— Ках Кахкан, а ты дрался каждый день? Все

пятнадцать игр по десять дней?

— Нет, нет, капитан. Поначалу — да. И многими способами. Против людей, пешком. Против всадников — мы с Канакук. Против диких калотов. Против банхов. Но у распорядителя игр есть приказ от джеда выставлять на бой только равных противников, поскольку толпа не будет делать ставок на предсказуемый исход. Пеший человек не выстоит против банха. Банх непременно победит, и мастеру по приказу джеда самому придется сражаться в следующей схватке — против банха, пешком.

Воин, который выигрывает много раз, ставится только против других опытных воинов — не против животных, не против начинающих. Поначалу я сражался ежедневно на каждой десятидневной игре. Потом я дрался реже по более высоким ставкам. В своей последней игре я прошел только семь схваток, все против таких же опытных воинов, переживших не один сезон.

— И ты снова лишился работы?

— Нет, капитан. Я устал. Мне надоели бессмысленные убийства. Мои предки решили бы, что я сошел с ума, они бы отреклись от меня. Но каждый новый бой стал для меня рутинной работой, которую хотелось побыстрее закончить, чтобы

пойти покормить Канакук, вымыться, лечь на шелк рядом с ней и заснуть. Я убрал свое имя из списков. Заплатил распорядителю игр все, что с меня причиталось, и записался в Школу Берлица[101], чтобы выучить английский язык.

[101] Сноски: 101

Основанная в 1878 году Максимилианом Берлитцем международная корпорация, специализированная на обучении иностранных студентов. — *Прим. С. В. Голд.*

– XXI –
Джейк

Мы с Хильдой наслаждались поездкой с Таум Такусом.

Пейзаж был однообразным, но в беззаботной скачке были те же нотки, что в воскресных прогулках моего детства, когда людям нравилось кататься по земле, а не перепрыгивать через несколько штатов, не успевая поглядеть по сторонам.

Что особенно хорошо — тут не было ни смога, ни выхлопных газов, ни «воскресных водил», ни дорожной полиции — и в ней не было никакой нужды. Тоат движется удивительно мягко, нет никакой опасности свалиться, и вообще здесь не было никаких видимых опасностей. Только раз, ближе к концу поездки, когда мы приблизились к холмам, Таум Такус указал на то, что, по его словам, было диким банхом на горизонте. Но это было лишь дуновение опасности, поскольку то пятнышко могло быть чем угодно. Я думаю, что у зеленых барсумцев лучшее дальнее зрение, чем у нас — и это разумно, поскольку живут

они на просторных равнинах, подобно кочевым индейцам из нашей истории. Я дальнозоркий, поэтому ношу бифокальные линзы с верхними половинками без диоптрий, но думаю, что Таум Такус видел как минимум вдвое лучше меня, у него были глаза орла.

Он заверил нас, что банхи никогда не приближаются к всадникам при свете дня, хотя охотятся на диких тоатов. Они научились остерегаться ружей.

Таум Такус был образованным джентльменом, а еще солдатом и курьером для туристов, как с Земли, так и со всех концов Барсума. Я вслух поинтересовался, как он совмещает все эти профессии. Очень просто — *все* барсумцы являются солдатами, от Вождя до простого крестьянина. Но, за исключением небольшого количества кадровых воинов и снабженцев, а также техников воздушного флота, никто не служит в вооруженных силах, чтобы заработать себе на жизнь. Это больше напоминает швейцарскую систему, где служба в армии — гражданский долг, а не обмен времени на деньги.

Исключение: рабы не могут быть солдатами. Но Вождь отменил наследственное рабство и само барсумское слово, обозначающее «раб». Позже

моя дочь Дити, собаку съевшая на таких вопросах, узнала, что существует термин «слуга по договору», по приказу Вождя его срок ограничен двадцатью циклами. Но, если я правильно понял то, что мне рассказывали, двадцать циклов — это целых тридцать восемь лет по земному календарю, и с моей точки зрения, это мало чем отличается от рабства. С точки зрения барсумцев, с их продолжительностью жизни все может выглядеть иначе. Их естественный срок жизни столь долог, что смерть в результате насилия или несчастного случая происходит куда чаще, чем смерть от старости. Таум Такус рассказывал, что дочери крестьянских семей толпами устремляются в столицу, готовые продать себя на аукционе на максимальный срок, и их так много, что это представляет серьезную социальную проблему. Мужчины — куда меньшая проблема, в коммерции всегда требуется мускульная сила.

Таум Такус обладал званием, соответствующим званию капитана в полку Тарка, расквартированном в столице. Он описал Кахкана как лучшего (барсумское непристойное выражение) «сержант-майора» и инструктора по холодному оружию на всей (грубая ненормативная лексика) планете Барсум. Затем он извинился за то, что от

избытка энтузиазма переключился на казарменный язык в присутствии принцессы Хильды.

Мы заверили его, что выражения на неизвестном нам языке не могут оскорбить утонченных чувств Хильды. Затем моя игривая маленькая женушка предложила обучить его всей гамме чудовищных английских непристойностей… если «Томми Такер» обучит ее барсумской обсценной лексике, казарменным словечкам и тому подобному.

Таум Такус был шокирован, но старался не показывать этого, одновременно пытаясь изящно отказаться, фактически не сказав «нет» в ответ на просьбу принцессы.

— Скажи ему, доктор, — воскликнула Хильда, тайком ущипнув меня за бок. — Убеди его, что мой интерес чисто научный.

Я пустил в ход одну из выдумок Зеба, пользуясь тем, что наш гигантский друг не мог видеть моего лица:

— Таум Такус, друг мой, принцесса занимается лингвистикой, и она широко известна как авторитет в области изучения вульгарных и непристойных выражений на основных девяти земных языках. Она получила медаль Марка Твена с бриллиантовой россыпью за эту работу,

а также орден сэра Ричарда Бертона. Ты бы очень помог моим антропологическим исследованиям на вашей планете, если бы выполнил ее просьбу. Захочешь ли ты изучать то, чему она готова тебя научить, — это, конечно, на твое усмотрение. Ты ведь интересуешься английским в первую очередь? Или ты знаешь другие земные языки?

Убедившись, что интерес Хильды носит «научный» характер, Таум Такус охотно согласился и принял предложение ознакомиться с «неприличным» английским. Это был единственный известный нашему другу иностранный язык, но порой туристы ставили его в тупик и вызывали сомнения — а так ли хорошо он его знает. Его наставником был англичанин, присланный из Оксфорда и — как я подозреваю — отправленный на Барсум, потому что места подальше не нашлось. Таум Такус знал некоторое количество слов и идиом, не предназначенных для светской беседы, — но наставник его об этом *не предупредил*.

Хильда согласилась просветить его; они торжественно пожали друг другу руки — этот земной обычай был ему известен.

Покрасневшее солнце уже коснулось горизонта, когда флайер нас обнаружил, — я до самого

конца беспокоился, хотя старался этого не показать. Банхи меня не тревожили, но температура быстро падала. Несмотря на все уверения в наличии мехов и в том, что флайер нас найдет, я думал, что, если что-то пойдет не так, мы как минимум обморозим себе руки и ноги.

Но в этот раз мы сбежали от Закона Мерфи; флайер опустился на землю рядом с нами засветло, хотя небо уже темнело.

Женщины расстроились, что им придется оставить новых друзей, которые будут добираться домой во тьме и холоде. Таум Такус уверил нас, что скакать всю ночь верхом не составит труда ни им, ни их скакунам, и это будет не ночной марш-бросок, а легкая прогулка всего в два раза длиннее той, что мы уже проделали.

Нам пришлось принять его заверения, выбора у нас не было, поскольку флайер был слишком мал, чтобы забрать всех троих гигантов (Кад присоединился к нам на полпути), даже если отпустить тоатов, чтобы они вернулись домой сами. (Тоаты могут это сделать, как собаки или лошади.)

После того как Таум Такус ссадил меня на землю, Хильда встала на спине животного, повернулась, схватила нашего друга за клыки:

— Томми Такер, отправляйся прямо домой! Слышишь меня? И *будь осторожен*!

Затем она спрыгнула — плавно опустилась — наземь.

Моя дочь тоже пожелала Ках Кахкану спокойной ночи, стоя рядом с тоатом и почесывая морду жуткого зверя. Монстр не выказывал негодования, он испускал визгливый писк, выражавший, по-видимому, удовольствие.

— Спасибо, Ках Кахкан! — воскликнула Дити. — Скоро увидимся! — тут она повернулась уходить, и тоат, вытянув шею, толкнул мою дочь в плечо так, что она едва не упала. Но Дити это ничуть не расстроило. Восстановив равновесие, она повернулась, погладила зверя и сказала: — Канакук, не так сильно, дорогая! Скоро увидимся и с тобой. Я обещаю.

И снова тоат запищал, точно птица.

Нам с зятем повезло — у меня нет таланта общаться с людьми, у Зеба с этим чуть лучше, но он предпочитает держать людей на расстоянии, беззлобно отшучиваясь. Но моя дочь и моя любимая жена могут заводить друзей где угодно и когда угодно, среди людей и животных. У Хильды есть добавочный талант осаживать тех, кто ее раздражает, Дити предпочитает просто уклоняться от

общения с такими людьми.

Барсумский флайер больше напоминал лодку, чем самолет, у него не было никаких видимых средств передвижения или управления. Нос и корма выглядели одинаково, палубу закрывал прозрачный полог, который поднялся, едва машина коснулась земли; пилот выбрался из нее — симпатичный молодой краснокожий мужчина в военной «упряжи», с мечом на боку и печатью Вождя на нагрудном украшении.

Он улыбнулся нам, сказал «каор» и некоторое время общался с Таум Такусом на беглом барсумском.

— Этот офицер — личный пилот принцессы Тувии, супруги регента, — сообщил Таум Такус, выслушав собеседника. — Его имя — Джопар Фалум…

— Зовите меня Джо, — сказал пилот с ухмылкой.

— …и он не говорит на вашем языке, кроме этой фразы, которую можно понять буквально. Его звание — падвар, но поскольку он предложил называть его английским именем, то я уверен, что он расстроится, если вы обратитесь к нему по званию. Разумеется, это ваш выбор, согласно протоколу, обращаться по званию корректно, но я бы

вам этого не советовал. Он знает, кто вы и куда вас везти — во дворец, а не в «Хилтон», я был рад это услышать. Доктор Берроуз, вы приказали «никакого протокола». Могу я представить вашего пилота вам? Или это против ваших желаний?

— Э? Представьте всем. Разумеется.

Я начал гадать, как далеко может зайти неформальность. Капелька ритуала смазывает колеса общения… но для этого *нужно знать* ритуал.

— Спасибо, доктор, вы очень любезны. Принцесса Хильда, позвольте мне представить вам вашего слугу, Джопара Фалума.

— Каор, Джо! — и моя любимая изобразила самую солнечную улыбку.

Джо с глубоким поклоном ответил:

— Каор (барсумский титул) Хильда!

Титул я в тот момент не уловил, но он используется для барсумской женщины из королевской семьи по рождению или браку, так что «принцесса» вполне годится. То же самое слово с притяжательным суффиксом имеет иное значение, и его следует использовать с большой осторожностью. Нюансы барсумского языка столь сложны, что безопаснее говорить на английском. Никто из курьеров, работающих на «Американ Экспресс» или «Томас Кук», не является землянином.

Выпрямившись, Джо добавил еще что-то.

— Что он сказал? — осведомилась Хильда.

— Комплимент вам, принцесса. Его не так легко перевести.

— Но ты же можешь попробовать, правда?

— Принцесса Хильда, буквальный перевод, к сожалению, сильно исказит истинный смысл его слов.

Таум Такус вновь принялся сильно шепелявить — верный признак того, что он смущен, так что я велел Хильде оставить тему. Она, казалось, собиралась поспорить, но потом пожала плечами и улыбнулась:

— Хорошо, Томми Такер, но запомни это для нашего первого урока языка.

Он согласился. Потом через такое же представление прошла Дити.

— Томми, — сказала она, — если и этот комплимент ты не можешь перевести, то просто удержи его в голове, а позже напомни о нем Хильде.

Томми пришлось согласиться.

Для меня и Зеба ритуал оказался проще, Джо просто сказал: «Каор, доктор Берроуз» и «Каор, капитан Зебадия Джон Картер», сопроводив это барсумским салютом открытой ладонью. Ну а мы его повторили.

Потом мы поднялись на борт и обнаружили, что нам предстоит — как показал нам Джо — лечь на палубу и закрепиться ременной петлей, двое спереди (Дити и Зеб) и двое сзади (мы с Хильдой). Палуба была обита мягким материалом, так что мы не чувствовали неудобства.

Джо прошел вперед, улегся на живот, и мы стартовали с ускорением. Через двадцать минут мы опустились на крышу дворца.

Полог поднялся, Джо вскочил и предложил руку нашим дамам. Мы сошли, чтобы оказаться в окружении вооруженных воинов, каждый с мечом на караул, а у командира — над головой. И кожаные ремни покрывала сверкающая бижутерия. Это называется «никакого протокола»?

Вне протокола был единственный мужчина без «униформы» и вооруженный лишь одним мечом. Он стоял в центре квадрата, образованного стражей.

— Доктор Берроуз? — спросил он.

— Я — он. Каор.

— Каор, ученый доктор. Я — Навок (барсумское слово), мажордом Регента, управитель Дворца. Регент посылает приветствия вам и своему старшему кузену Зебадии Джону Картеру, а также свое почтение вашим супругам, принцессе

Хильда и принцессе Дити. Он с пониманием относится к тому, что вы предпочитаете обойтись без формальностей, но в случае, если вас поняли неверно, он велел мне вызвать почетный караул и немедленно известить его, чтобы регент и его супруга поспешили сюда, чтобы приветствовать вас лично.

(Ага, так эти солдаты не «почетный караул»!)

Зеб быстро подошел и ответил вместо меня:

— Пожалуйста, передайте моему молодому кузену, что он правильно понял наше послание. Доктор не желает никакой суеты по поводу его визита. Он здесь ради исследований, и у него нет времени на церемонии. Сегодня мы устали, завтра будет время для неформальных приветствий… ну или мне так кажется.

— Определенно, капитан Зебадия Джон Картер из Виргинии, — теперь Навок говорил медленнее — похоже, приветственную речь он выучил наизусть. Грамматика его оставалась безупречной, как и произношение, отмеченное привкусом Старого Доминиона. — Пожелания доктора будут учтены и ваши предложения будут переданы регенту.

— Хорошо. Мне кажется, что стражники могут вернуться на свои посты. Мы оценили ваше при-

ветствие, но нет смысла его затягивать.

— Да, капитан.

Дворцовый босс бросил через плечо какое-то слово, и командир (начальник стражи? сержант гвардии?) ловко опустил свой клинок, квадратный строй сломался, и воины порысили во все стороны — это была *очень* большая крыша. Однако небольшой отряд остался рядом с нами, да еще и окружил нас. Никакого протокола?

— Я принес также приветствия от Тардоса Морса, — продолжил Навок, — джеддака Гелиума и Морса Каяка, джеда Малого Гелиума, переданные по радиосвязи: они сейчас за пределами резиденции. Дея Торис, внучка Тардоса Морса, дочь Морса Каяка, принцесса Гелиума, супруга Вождя, мать Регента, Императрица посылает свои самые теплые приветствия Хильде, принцессе Логана, и Дити, принцессе Виргинии, и с нетерпением ожидает встречи с ними лично. Пока же она посылает свое доверенное лицо, чтобы убедиться, что ваши мельчайшие пожелания будут удовлетворены. Мне был отдан такой же приказ. Скажите любому слуге, любому стражнику, и я прибуду немедленно, ночью или днем. Я сказал. *Тира*!

Из тени почти бегом появилась женщина и рас-

простерлась перед Хильдой и Дити, лоб и ладони прижаты к посадочной платформе, колени согнуты. Она двигалась так быстро, что я не успел разглядеть ее как следует, лишь понял, что у нее хорошая фигура и она голая, как младенец. Никаких украшений, ни кинжала на поясе, ни кольца на пальце.

Хильда присела на корточки и прикоснулась к ее руке.

— Дорогая, не делай этого. Встань!

Тира перетекла в стоячее положение (да, она была фигуристой, но в Гелиуме, как и в Чарльстоне, Южная Каролина, сложно найти некрасивую женщину… вот только красные женщины Барсума выглядят молодыми, словно студентки, так долго, что насильственная смерть настигает их раньше, чем энтропия. Что это, благословение? Или проклятие?).

— Принцесса столь великодушна, — мягко сказала Тира, потом сделала паузу и добавила: — Могу я проводить вас в ваши покои?

В ее английском чувствовался мелодичный акцент, словно она родилась в центральной Швеции, неподалеку от Упсалы.

— Чем быстрее, тем лучше, дорогая. Тира, да? Здесь по ночам холодновато.

(Здесь действительно холодно, но не так, как я ожидал. Посадочная площадка под моими ногами была определенно теплой. Лучистый нагрев?)

— Сюда, пожалуйста.

Оставшаяся стража построилась вокруг нас. Я повернулся, чтобы попрощаться с Джо и Навоком, но оба уже куда-то исчезли. Мы двинулись вперед, затем остановились на площадке, которая, на мой взгляд, никак не была обозначена — и она тут же провалилась под нашими ногами.

Зеб придержал меня за локоть. Это был всего лишь лифт, причем со всех сторон в нем тут же поднялись высокие защитные бортики. Во дворце, да и вообще на Барсуме (по крайней мере, в тех местах, которые мы видели) нетрудно освоиться… *если* к ним привыкнуть. (Вообразите уроженца Барсума в подземке Манхэттена, и вы поймете, о чем я говорю.)

«Опытный» — это человек, которые знает, где включается свет. В Гелиуме мы редко знали, где находится выключатель и вообще что бы то ни было.

Тира об этом догадалась, или ей сказали. В этом дворце обитали сотни людей, и только пятеро из них бегло говорили по-английски. Трое принадлежали к королевской семье, четвертым был

королевский лакей Навок. И пятой была рабыня Тира. Нет, конечно, она была «служанкой по договору», но я настаиваю, что служить почти сорок земных лет — это рабство. Тира, говорившая на английском так хорошо, что могла на нем думать, и отлично понимала сленг, называла себя рабыней. Любой во дворце, кто не носит украшений и оружия, является рабом.

Все десять минут, что ушли на дорогу до покоев, я мог бы потратить на попытки объяснить положение Тиры, поскольку по дороге не на что было отвлекаться. Но мы не могли бы проделать весь путь без сопровождающих: каждый проход, каждую дверь охраняли вооруженные воины. У нас то и дело спрашивали пароль, но мы шли, не замедляя шаг, поскольку сержант, возглавлявший наш эскорт, тут же отзывался, после чего стража немедленно расступалась и салютовала нам мечами в барсумской манере.

Тира называла себя рабыней точно так же непринужденно, как моя дочь могла бы сказать «я программист». Тира не ощущала себя угнетенной, она считала, что добилась успеха, и гордилась этим. Ее родители были мелкими лавочниками в Малом Гелиуме. Она все еще училась читать и писать на барсумском, хотя

говорила на нем почти с появления из яйца.

Но при этом она бегло говорила на хорошем английском, свободно на нем читала и писала куда лучше, чем я с моим почерком. Вы спросите, почему? Благодаря продуманной и успешной стратегии.

Перспектив у нее не было никаких — не было образования, и она бесплатно работала на собственных родителей. Но она копила деньги… нет, не спрашивайте, как она их заработала; лично я воздержался от вопросов. Свои сбережения она потратила на изучение английского в вечерней школе Берлитца в Малом Гелиуме, обучаясь у пары экспатриантов из Миннеаполиса, и она учила язык всерьез.

Изучение языка вовсе не означает сдачу экзаменов (хотя большинство студентов и преподавателей, похоже, именно так и думают). *Изучение* языка означает, что у тебя есть стремление *овладеть* этим языком, пока ты не начнешь им пользоваться так же легко, как своим родным. Меня никогда это стремление не посещало, хотя я читаю на полезных для математика языках (их пять) и могу худо-бедно общаться на трех (уродуя произношение и грамматику).

У Тиры это стремление было, и она овладела

английским. После этого она могла претендовать на хорошую работу — бюро путешествий, «Хилтон Интерпланетари», экспортно-импортные фирмы — но она метила выше. Она пустила во дворце слух (за взятку, я полагаю), что красная женщина, прекрасно владеющая английским, выставила себя на продажу — но не на аукционе. Приватная сделка. Потом она стала ждать.

С ней поговорил Навок, предложил ей хорошую цену, она поблагодарила и отказалась. Десятью днями позже за ней прислали дворцовую стражу — принцесса Тувия лично хотела ознакомиться с такой диковиной. Тувия купила ее в качестве подарка своей свекрови, Дее Торис.

Мы подошли к огромным двустворчатым дверям, охраняемым парой гвардейцев, и они изобразили салют. Мы прошли внутрь, эскорт остался снаружи, и только Тира отправилась с нами. Огромные двери закрылись. Через большое фойе мы попали в уютную «гостиную», раза в четыре больше танцевального зала Хильды и достаточно роскошную, чтобы удовлетворить Безумного Короля Людвига[102].

---

[102] Сноски: 102

Людвиг II Баварский (1845–1886), король Баварии, отличался эксцентричным поведением и тягой к роскоши. — *Прим. С. В. Голд.*

Восемь — я сосчитал, — восемь красных женщин ровным строем распростерлись перед нами на мягком полу в той же позе подчинения, которой встретила нас Тира. Одолженные нам рабыни — по две на каждого.

Хильда и Дити тут же попытались это прекратить — безуспешно.

— Миледи принцессы, — сказала Тира, — они не знают английского. Поэтому я здесь.

— Тогда ты скажи им! — приказала Дити.

Тира заговорила по-барсумски, женщины поднялись на ноги и замерли в ожидании приказов.

— А теперь скажи им, — продолжила Дити, — чтобы они больше так не делали никогда. Только не перед нами. И не перед одним из нас.

— Я скажу им, — согласилась Тира, — но не уверена, что они поймут. Их тщательно обучали. Они просто решат, что вы ими недовольны.

Дити заметно расстроилась, но тут дело в свои руки взяла моя дорогая.

— Тира, ты знаешь, что такое реверанс?

— Думаю, да, принцесса Хильда, но разве для него не нужно тех украшений длиной до пола, которые носят дамы с Земли?

(Сначала я подумал — никто не сказал ей, что длинные юбки на нашей родной планете стали

редкостью. А потом вспомнил, что понятия не имею, как одеваются женщины на Земле-Десять.)

— Вовсе нет! — ответила Дити. — Это делается *так*.

Она отставила правую ногу и быстро согнула левое колено, не сгибая спины.

— Попробуй.

Тира попробовала.

— Нет, — поправила Дити, — не совсем так. Пальцы правой ноги едва касаются пола, весь твой вес приходится на левую ногу, — и она медленно повторила. — Вот так, но быстрее. Попробуй еще раз.

Тира сделала реверанс правильно.

— Вот так. Есть другой вариант, для длинных юбок, но он используется только на танцах. А этим домашние служанки приветствуют хозяйку, хозяина или гостя на Земле. Простирание на полу может быть правильным в Гелиуме, но в Виргинии или в Логане — никогда. Никогда! Для нас это оскорбительно. Пожалуйста, объясни им это. Потом научи их надлежащим манерам для обслуживания землян. Вперед! Ты делаешь все очень красиво.

Когда Тира улыбается, на щеках у нее появля-

ются ямочки.

Она поговорила с девушками («девушками»? та, что выглядела на шестнадцать, могла быть столетней). Объяснения Тиры вызвали удивление, сомнение, смутное понимание и принятие — все в таком порядке. Потом она построила их в ряд, и началось обучение — раз, два, три, вниз, стоять, вверх!

Прекрасное зрелище.

У всех была красная кожа, черные волосы на голове и никаких волос на теле, о которых стоит упоминать. Любая из них вышла бы в финал любого конкурса красоты на Земле. Цвет их кожи варьировался от медного до цвета красного дерева, а рост — от моей любимой до моей дочери и чуть выше, сложение — от изящной тонкости до приятной пухлости.

Одна маленькая девчушка споткнулась, ее губки задрожали, но Дити тут же оказалась рядом. Твердой рукой обняла рабыню за талию, сделала реверанс вместе с ней и ободряюще улыбнулась. Хильда подошла к другой, затем к третьей, а после только наблюдала, как все идет.

— Достаточно, Тира, — решила она. — У них отлично получается. Хватит.

Дити приобняла Дрожащие Губки (она уже

улыбалась) и быстро поцеловала ее в щеку:

— Хорошая девочка! Ты все усвоила, Тира! Скажи ей, что значит «хорошая девочка».

На щеках Дрожащих Губок тоже появились ямочки, но в следующий момент она вспыхнула, и по ее щекам разлился румянец — цвета от раскаленной меди до багрово-красного.

— Тира, мы не знаем их имен, — сказала моя дочь. — И то, что они делают.

— Они делают все, что вы пожелаете, принцесса. Но… сначала я должна им сказать. Полагаю, вы найдете, что они быстро учатся. Эти трое и вот эта, — Тира показала, — особенно искусны в качестве дамских служанок. Остальные имеют опыт обслуживания джентльменов. Однако все они могут делать и то, и другое. Если позволите, каждый из вас может выбрать себе двоих в качестве личных рабов… но вы можете ожидать исполнения приказов от любой, что будет рядом. И от меня тоже. Я здесь не только для того, чтобы переводить, императрица отдала меня вам на все время, которое вы проживете во дворце, сколько бы циклов оно ни длилось. Или сопровождать вас в путешествиях, если таково будет ваше желание.

— По Барсуму, ты имеешь в виду, — сказал

я. — Ведь мы будем путешествовать и на другие планеты, когда я закончу свои научные исследования здесь.

Тира выглядела заинтересованной, но не обескураженной.

— Джеддара не накладывала никаких ограничений, доктор Берроуз. Я — ваша рабыня до того времени, пока вы не захотите меня вернуть, — она задумчиво посмотрела на меня. — Я слышала, что путешествия расширяют кругозор. Я никогда не была за воротами двойного Гелиума.

Итак, нам нужно было выбирать, и Тира подчеркнула, что от нас именно этого ждут. Однако никто не хотел рисковать ранить чувства любой из рабынь. Одно из самых печальных переживаний детства — когда тебя последним выбирают в какую-нибудь игру, а эти взрослые женщины выглядели совершенно по-детски беззащитными, и не важно, что самая молодая могла быть старше меня.

Моя дочь решила проблему с помощью лотереи, и ничьи чувства не пострадали: две служанки Хильде, две ей самой, а оставшихся поделили между мной и Зебом. Моими оказались Кисса и Тика, последняя та самая с дрожащими губками, чьи губы никогда больше не дрожали

(невозможно проявлять строгость, видя такое желание угодить), даже когда она совершала ошибки из-за незнания языка и отсутствия опыта.

По предложению Хильды Тира провела нас по нашим покоям, и мы для этого выстроились тройками, так что я оказался между Тикой и Киссой, остальные распределились между моей женой, дочерью и Зебом. Но мы не ходили колонной по трое в ряд, поскольку все коридоры были такими широкими, что по ним свободно прошли бы и девять человек, если бы захотели. Вместо этого мы беспорядочно слонялись туда и сюда. Дити то и дело бросалась в сторону, чтобы рассмотреть что-то интересное (за ней мчались две ее нимфы), потом она звала подойти Хильду или нас всех: «Скорее идите сюда!»

Помимо большого фойе и огромной гостиной (богато украшенный потолок шести метров высотой, поперечные размеры соответствующие) здесь были четыре большие спальни без кроватей, но с приятно мягкими полами, шелковыми покрывалами, подушками и грудами разноцветных мехов. Проходы дворца были вымощены мрамором, как мне казалось, но полы в покоях были мягкими под ногами, а в спальнях — еще

мягче.

Имелся банкетный зал с длинным и низким столом; никаких стульев, но множество подушек. Вообще я не видел ни кресел, ни стульев, но было много мест, удобных, чтобы там посидеть: альковы, лавки, пристроенные к стенам, и нечто вроде двухместных диванчиков.

В покоях имелась только одна ванная, но в ней роль ванны играл овальный бассейн вровень с полом и двадцати метров длиной. «Туалетной комнатой» в американском понимании это помещение не являлось, свой туалет был у каждой спальни, но оборудование в нем было настолько непохожим на наше, что меня оно поставило в тупик, а спросить Тиру я постеснялся. Но я не остался в неведении, Дити тыкала во все пальцем, задавала вопросы, и сведения доходили до нас, мужчин.

Я был рад увидеть небольшую столовую, выходившую на балкон, подобно всем основным помещениям. Балкон нависал над садом во внутреннем дворе, но мы мало что увидели, потому что была ночь и к тому же слишком холодно, чтобы оставаться снаружи. Еще большой интерес вызвал у нас накрытый в столовой роскошный ужин.

Моя дочь сказала:

— Боже, как это выглядит! Я хотела помыться и только потом спросить про еду, но теперь меня буквально разрывает! Папа, что ты думаешь?

— Ты теперь замужем. Спроси у своего мужа.

— Зеб только что велел мне решать самой.

— Если я осмелюсь предложить, принцесса, — вмешалась Тира, — то не нужно делать выбор.

— Объясни, Тира, золотце.

— Хорошо, принцесса. Я слышала и читала, что на Земле принято есть в определенное время, спать в определенное время и мыться в определенное время. В Гелиуме, и особенно во дворце, нет таких обычаев, и в определенное время проходят только официальные церемонии. Есть можно, когда голоден, спать, когда хочется спать, и мыться, когда есть желание. Нередко голод может явиться одновременно с желанием искупаться… особенно, как я заметила, после долгой дороги. Так что можно делать и то, и другое.

— Как? — спросила Дити.

— Это радостный долг Ларло и Фиг — купать и кормить принцессу, когда она пожелает. Могу ли я приказать им заняться этим сейчас?

— Зебадия, это лучший отель, в каком я только была! Хочешь присоединиться? Еда в обрамле-

нии мыльной пены!

Перед нами стояла та же дилемма, поэтому мы все тут же к ней присоединились. Лично мне казалось, что я весь провонял тоатом — смешно, поскольку тоаты ничем не пахнут.

Тира отдала приказ, и все восемь рабынь тут же погрузились в кипучую деятельность. Тира же повела нас в ванную, до которой было примерно сто метров, и Зеб пробормотал что-то вроде:

— Тут явно не хватает велосипедов.

Тира услышала и ответила:

— Капитан и принц, я думаю, что видела изображения велосипедов. Повозки с двумя колесами, верно? Вероятно, наши ремесленники смогут изготовить велосипеды по изображениям… но уже не сегодня, не так быстро. Я могу послать за маленькой колесницей, в который вы сможете ездить по дворцу. А Воги и Аджал будут тянуть.

— Зебадия, — сказала моя дочь, — если ты примешь это предложение, то я сделаю фото, даже если мне придется сбегать к «Гэй Обманщице», чтобы взять камеру.

— Сладкая моя, у тебя будет время, которого хватит, чтобы добежать до Уютной Гавани. Я бы отказался ездить на рикше, даже если рикша-мужчина будет сильнее, чем я. Я вешу больше,

чем Воги и Аджал вместе взятые. Тира, мое замечание насчет велосипедов — всего лишь фигура речи, перевернутый комплимент.

— Перевернутый комплимент? Вынуждена признаться, что это выражение кажется мне незнакомым.

— Ну, допустим… что бы ты подумала, если бы я сказал жене, что она уродливая обезьянка?

Тира выглядела ошеломленной.

— Но принцесса выше меня ростом и красива. Я никогда не видела обезьян, но на изображениях они на принцессу совсем не похожи.

— Он назвал меня так всего пару дней назад, Тира. И мне это было приятно. Поскольку он имел в виду, что я совсем не такая. Перевернутый комплимент.

— О, я должна подумать над этим.

Когда мы прибыли в ванную, восемь нимф уже были там, и ужин был сервирован у бассейна. Мне оставалось предположить, что либо а) тут имеются тайные проходы, и я неправильно представлял планировку покоев, либо б) барсумцы решили проблему мгновенного перемещения — моим методом или каким-то иным. Потом я подумал о конвейерных лентах и забыл обо всем: Кисса начала меня раздевать, а Тика принялась

класть кушанья мне в рот.

Кисса заколебалась, положив руки на пряжку моего «Сэма Брауна», бросила взгляд на Тиру.

— Доктор Берроуз, — сказала последняя, — она не может снять ваш меч без особого позволения. Просто положите руку ей на голову. Это дает рабу позволение делать то, в чем он не уверен.

Я так и сделал, Кисса изучила пряжку, затем расстегнула ее. Тут я вспомнил о пистолете и быстро вынул магазин и вытащил патрон из патронника — это дитя могло случайно прострелить себе ногу. Пока этим я занимался, она стащила с меня шорты, и я невольно сделал попытку закрыться.

— Джейк, — протянул Зеб откуда-то у меня из-за спины, — ты когда-нибудь бывал в японской бане?

— Нет.

— Но ты упоминал финскую сауну. Расслабься и получай удовольствие. Или вспоминай теорему Геделя или последнюю теорему Ферма.

Я занялся и тем, и другим, особенно когда рабыни объединили усилия, чтобы намылить меня с головы до ног. Да, я расслабился и получал удовольствие.

Дити развлекалась по-своему. Она спросила,

когда девушки ели, и ей было сказано, что рабы едят после хозяев то, что остается. Тут она начала пихать куски в рот Ларло или Фиг, которые пищали и пытались увернуться, и уступили только, когда Дити велела Тире отдать прямой приказ.

То же самое произошло после того, как нас сполоснули и отправили в бассейн — вода чуть ниже температуры тела, достаточно глубокий, чтобы голова Хильды была над водой… роскошно! — наши слуги улеглись на краю бассейна и продолжили кормить нас. Дити настаивала, чтобы они тоже забрались в воду, Тира выглядела ошеломленной, и Дити пришлось отдать приказание.

Я никогда не видел, чтобы девять женщин намыливали и ополаскивали друг друга так быстро… впрочем, я никогда не видел, как девять женщин делают это медленно. Делить бассейн с одиннадцатью красивыми женщинами — это что-то из мусульманского рая. Я расслабился и получал удовольствие.

У наших покоев было два крыла, в центре располагался зал «гостиной», а в каждом крыле по две спальни. Тира считала само собой разумеющимся, что каждый из нас будет спать в отдельной комнате. Я смолчал, понимая, что мы

с Хильдой в конечном итоге окажемся в одной комнате, а Зеб с Дити — в другой… Господи, да каждой такой спальни хватило бы на то, чтобы разместить целый взвод.

Дити не из тех, кто просто принимает вещи такими, какие они есть:

— А где спишь ты и девушки?

— Там, где нам приказано спать, принцесса. Если вы не отдадите другой приказ, то Ларло и Фиг будут спать у вас за дверью на случай, если они понадобятся. Если захотите, чтобы они были поближе, они будут спать у ваших ног, так что, если вы проснетесь, достаточно будет шепота — и они сделают вам массаж, чтобы вы снова уснули, они в этом очень искусны. Или могут принести вам еды или питья. Они здесь для того, чтобы исполнять ваши желания, какими бы те ни были. Если они не поймут, я появлюсь сразу же, чтобы перевести. Я буду в фойе, поблизости от всех четырех комнат.

Дити задумалась, а моя жена сказала:

— Давай говорить напрямую. Две на каждого. Лаба и Кона со мной, за дверью или у моих ног. И то же самое для наших вождей — чтобы исполнять их желания, какими бы те ни были. Насколько далеко это может зайти? Скажи это

вслух, Тира.

Тира выглядела озадаченной.

— Я не понимаю, принцесса Хильда. Каждая рабыня делает все, что потребует ее господин или госпожа. Если она не понимает, она зовет меня, я объясняю или делаю сама, если это свыше ее умений. Если возникнет желание, которое я не смогу удовлетворить, то я немедленно отправлю послание через дежурного стражника, и этим займется Навок. У принцессы есть какое-то особенное желание?

— Нет, просто спрашиваю, — Хильда глянула на меня, перевела взгляд на Киссу и Тику, потом снова на меня. — Джейкоб, твоя страховка оплачена?

— Хильда, любовь моя! — сказал я. — Я уверен, Тира ничего такого не имела в виду.

— Зебби? Ты тоже собираешься рисковать жизнью?

— Язва, прекрати! Я сплю с Дити.

Лицо Тиры стало озадаченным и расстроенным.

— Я не понимаю. Неужели я в своем невежестве оскорбила хозяев и хозяек?

Дити обняла ее за талию.

— Ничуть, Тира. Ты была великолепна. Просто

моя тетя Хильда любит дразниться.

Все вышло так, как я и предполагал — мы с Хильдой в одной комнате, Зеб с Дити в другой, в том же крыле. А взвод наших герлскаутов устроился в спальне за большой гостиной со своей взводной мадам. Нам стоило труда убедить Тиру принять эту диспозицию. Потребовалось сказать «я говорю тебе три раза», чтобы новое правило записалось в ее голове.

Как только восемь хихикающих девушек были отправлены в постель за пределы слышимости, мы собрались в нашей с Хильдой комнате на вечерние посиделки — впятером, включая Тиру.

В каждой из спален имелась невысокая, круглая стойка, уставленная винами и закусками, и будь я проклят, если я знаю, когда девушки нашли время, чтобы подготовить все это, потому что эти стойки были пусты, когда нам их показывали во время экскурсии. Понятно, что вина и закуски в какой-то момент принесли, признаюсь, я не совершал обход спален каждые десять минут. Возможно, это проделала Тира — она как будто умела находиться в трех местах одновременно, параллельно занимаясь множеством задач.

Хильда немедленно пустила в ход свой главный талант:

— Тира, брось всю эту рабскую чепуху, девушки нас не услышат. Можешь снова вернуться к ней, когда кто-то рядом, но мы не хотим в чем-то тебя ограничивать. Ты для нас хозяйка, а мы для тебя — гости и друзья, «друзья», если ты позволишь нам ими быть.

— Да, принцесса. Благодарю.

— Попробуй еще раз. Просто скажи: «Хорошо, Хильда. Почему. Нет?».

— Хорошо… Хильда… почему… нет…

— Лучше, но по-прежнему как-то без души. Моего мужа, доктора Берроуза, друзья зовут «Джейк». Не «Джейкоб», так его называю *только я*. Скажи: «Привет, как дела, Джейк!».

— Привет, как дела, Джейк.

— В полном порядке, Тира — но будут еще лучше, если ты улыбнешься и покажешь свои ямочки на щеках, — ответил я.

Оказывается, Тира тоже может покраснеть… но эти ямочки я таки увидел.

— А я Дити, дорогая Тира, и я хочу, чтобы ты меня полюбила.

— Никто не может не любить принцессу Ди… Извините! Дити, вас очень легко полюбить. Вы очень дружелюбная и теплая. Все девочки это почувствовали. Они мне сами сказали. Ларло

и Фиг были разочарованы, что вы не позволили им спать у ваших ног.

— Ну… завтра я попытаюсь их утешить.

– XXII –
Зебадия

Когда я проснулся, Дити рядом не было, а я помнил, что она цеплялась за меня, точно коала за дерево, и спала без задних ног.

В комнате было темно, но, когда я зевнул и потянулся, длинные шторы бесшумно раздвинулись, и снаружи полился яркий солнечный свет. Дверь напротив высоких окон распахнулась, безмолвно вошли Аджал и Воги с подносами в руках. Они сделали реверанс в унисон.

— Каор, девочки, — сказал я. — Воги. Аджал.

— Каор, кап тан Зеб Ух Дай Ух Джон Картер, — пропел маленький хор.

— Хорошие девочки! Спасибо.

Кто-то их потренировал. Тира?

Они радостно заулыбались, ринулись ко мне, упали на колени и набросились на меня с горячими, надушенными полотенцами.

Я расслабился перед лицом неизбежного — они практически вымыли меня прямо в постели, а затем вытерли насухо. Воги налила несколько кубиков янтарной жидкости в стакан, поднес-

ла его к губам и замерла в ожидании, не сводя с меня глаз.

Я положил руку ей на голову. Она улыбнулась, вылила жидкость в рот, аккуратно прополоскала горло, а потом, сомкнув губы, поработала щеками, прогоняя жидкость через зубы. Закончив процедуру, она изящно сплюнула в маленький тазик. Потом налила в стакан побольше и предложила его мне.

Мне пришлось повторить ее манипуляции. Средство было освежающее, приятное на вкус, не содержащее спирт — и оно клало на обе лопатки «Листерин», «Лаворис» или «Цепакол»[103]. Я прополоскал им горло и выцедил его сквозь зубы в тазик. Оно не только освежило мне рот, но и убрало весь налет с зубов. Определенно, эта планета не нуждалась в зубных щетках.

Мне пришлось удерживать девушек, чтобы они не последовали за мной в туалет. Когда я вышел, Аджал держала мои пояс и шпагу, а Воги — полицейский револьвер в одной руке, патроны в другой (я вынул их вчера, прежде чем позволил им себя вымыть), а на сгибе локтя висела рация.

Я взял рацию, включил и сказал:

---

[103] Сноски: 103

«Листерин», «Лаворис» или «Цепакол» — торговые марки освежителей и ополаскивателей для рта. — *Прим. С. В. Голд.*

— Дити? Ответь, Дити.

Ответа не было, так что я воткнул наушник в ухо, перевел громкость на максимум и повторил в микрофон:

— Дити, ответь. Ответьте кто-нибудь.

— ДИТИ НЕ ЗДЕСЬ!

Я поспешно убавил громкость.

— Они обе ушли, — продолжил Джейк. — Я тут, на балконе в танцевальном зале, Зеб. Как ты относишься к яйцам?

— Каор, Джейк. Легко и просто.

— Забудь о них, яйца — табу на этой планете. Но с голоду ты не умрешь. Приходи.

— О'кей. Конец связи.

Я положил рацию, пистолет и патроны на стойку, где вчера стояли закуски. Она снова была пуста — работа пикси, не иначе. Аджал держала пояс со шпагой наготове и смотрела выжидающе. Я коснулся ее макушки. Она улыбнулась и застегнула пояс на мне, но клинок повесила неправильно. Я перевесил его, но заверил рабыню, что она «Хорошая девочка», а потом сказал то же самое Воги. Огляделся в поисках моих шорт…

Никаких штанов в поле зрения — и на девушках в том числе, но к этому я уже привык. Я вышел из комнаты, моя «обслуга» последовала за

мной в боевом порядке.

Нет, голод мне не грозил. Джейк только что закончил есть, а того, что осталось, хватило бы для ужина в День благодарения на дюжину персон. Мои девчонки начали кормить меня — горячие кусочки, холодные кусочки, горячий напиток, не кофе, но оживляющий, холодный напиток, похожий на молоко, но с ванильным привкусом. Едва я начинал что-нибудь говорить, в мой рот немедленно что-то попадало.

Наконец я поймал запястье Воги и спросил:

— Джейк, как ты избегаешь чрезмерного обслуживания?

Он бросил одно-единственное слово, и мои девушки замерли в напряженном ожидании.

— Хорошие девочки, — я похлопал их по головам, и они выбежали за порог, где и уселись на пол, то ли как портные за работой, то ли в позу лотоса, но так, чтобы меня видеть. Очевидно, они поняли распоряжение Джейка, но выполнили его, только получив подтверждение от «хозяина».

— Я вижу, ты учишь местный язык, док.

— Шесть слов. С помощью Тиры. Когда поешь, позови своих детишек и позволь им забрать еду. Тира и ее герлскауты куска в рот не возьмут, пока ты не закончишь.

— Я думал, мы покончили с этой чепухой.

— Только с Тирой наедине. Не уверен, что Дити и Хильда должны настаивать на этом, даже когда мы с ней наедине. Люди всегда предпочитают вести себя привычным образом. Ты хоть немного прослужил рядовым?

— Нет.

— А я служил. Всего несколько недель, но этого было достаточно, чтобы, так сказать, проникнуться. Рядовым и сержантам не нравятся офицеры, которые настаивают, чтобы их считали своими. Тира — рабыня, но она *важная* рабыня, она гордится своим статусом и безупречной службой. Ты разве не заметил ночью, что она расстроилась, когда ей пришлось играть роль «члена семьи»?

Я заметил. Но я был уверен в способностях Дити все уладить. За пару-тройку дней.

— Джейк, по-моему, ты слишком беспокоишься.

— Конечно я беспокоюсь! Сейчас я обеспокоен по трем поводам. Нет, по четырем.

— Папа, ты так себе все нервы измотаешь. Ты смотришь на самый красивый сад по эту сторону острова Ванкувер, рыгаешь после лукуллова завтрака, живешь в роскоши, и девять красивых служанок, затаив дыхание, ждут возможности

исполнить любой твой каприз… и ты беспокоишься? Дружище, даже если они собираются повесить тебя на закате, ты должен наслаждаться сегодняшним днем.

— Они могут. Повесить нас на закате.

— Тем больше оснований наслаждаться своим последним днем.

— Может быть, ты прав, Зеб.

— Я *прав*. Кстати, с чего ты взял насчет «повесить на закате»?

— Зеб, как долго продержится наша ложь?

– *Моя* ложь, хочешь ты сказать. Пока что она отлично работает. Ты бы правда хотел сейчас находиться посреди… Залива Крови, так его вроде назвал Таум Такус, есть сэндвичи с арахисовым маслом и решать, хочешь ли ты спать сидя, чтобы распухли лодыжки… или рискнешь их отморозить, отбиваясь от диких банхов снаружи? Вспомни, доктор, с твоим вжик-устройством мы можем покинуть эту планету прямо сегодня, если хочешь. Думаю, что могу быстро уболтать наших друзей на парочку быстрых тоатов. Или на Джо с его флайером.

— Это может быть разумно.

— Но откуда этот приступ нервозности? У них есть электричество. Не важно, переменный ток,

постоянный или бог знает какой, я придумаю способ подзарядить «Гэй Обманщицу». И хотя по всем признакам магазинов женской одежды тут немного, у них есть ткань, из которой Дити и Хильда могут сшить одежду для Хильды. Ты не можешь требовать, чтобы она пустилась исследовать бесчисленное множество вселенных с одним платьем из хлопка и одолженной парой трусиков. Джейк, считай, что тебе повезло! Это та самая ремонтная база, которую мы так хотели найти. Дай мне время присмотреться, как тут оно все устроено. Технологии у них не наши, но есть технари.

(Черт возьми, меня просто бесит малодушие, я никогда бы не подумал, что Джейк его подхватит.)

— А куда отправились девочки?

— Я не знаю… принцесса Тувия…

— Принцесса Тувия!

— Заткнись и слушай меня, сынок. Я спал долго, они уже ушли. Тира сказала мне, что принцесса Тувия, супруга регента, пришла и увела их. Похоже, это все, что она знала, но, судя по ее виду, Тира считала, что это будет замечательно. Поэтому я старался перед ней не выказывать опасений. Но мы не знаем, с какой именно опасностью они

там столкнутся. Зеб, та ложь точно была необходима?

— Какая именно? Подумайте как следует, док.

— Ты не родственник Вождя.

— Кто сказал, что нет? Джейк, я сообщил мое настоящее имя, звание и серийный номер. Они могут проверить его в моем бортовом журнале. В моем паспорте — он сейчас внутри «Гэй» — указано, где я родился. В Виргинии. Я никогда не говорил, что мы — *близкие* родственники, я сказал — *дальние*. В каких отношениях ты с Эдгаром Райсом Берроузом?

— Ну, ни в каких, насколько я знаю.

— А ты *точно знаешь*, что ни в каких? Если бы он был жив и заявил, что вы пятиюродные братья, смог бы ты доказать обратное?

— Нет, но…

— Простого «нет» достаточно. Статистически вероятно, что вы даже в более ближнем родстве. Кроме того, семейная история большинства американцев не является полной, даже там, где ее собирают. А я уверен в одном — *мое* имя не подделка, и у меня есть доказательства. Если Вождь использует вымышленное имя, он не побеспокоится о том, чтобы заподозрить *меня*. Он примет меня как дальнего родича, будет обходиться

как надо и никогда не сбросит свой маскарад. И наоборот, если Джон Картер — его настоящее имя, — а у меня нет причин в этом сомневаться, — то шансы на то, что мы в родстве, настолько высоки, что он примет их. У него нет причин раздувать эту историю, особенно после того, как нас приняли в качестве гостей в его дворце.

— Зеб, в книгах Вождь постоянно говорил, что не помнит, где и когда родился.

— Джейк, мы не в книге. Мы на балконе, с видом на прекрасный сад, во дворце на четвертой от Солнца планете во Вселенной-Десять. Дворец принадлежит парню с моей фамилией, и мы с ним родились в одном штате. Факт. Все расхождения — результат волнения зеленого человека, который не слишком хорошо говорил на английском и сделал искаженный доклад своему боссу, который полный идиот и болтун. И который отправил доклад — с еще большими искажениями, будь уверен — во дворец. Но то, что важно, дошло верно — мои имя, звание и место рождения. Все остальное не важно.

— А что насчет той ерунды, которую ты наплел обо мне?

— Что значит «ерунда»? Ты действительно ветеран Пентагона.

— Ну… не надо меня тыкать носом в это то и дело. А «Император Руритании»? Боже!

— Джейк, ты делаешь из мухи слона. Все это не пошло в эфир — вспомни хорошенько. Это слышали трое зеленых и никто более — ни один из них не отличит Руританию от Пенсильвании. Но это даже не имеет значения: у Дити есть Ках Кахкан, который ест у нее из рук, он убьет любого, кто скажет слово против нее, а Язва проделала такую же работу с Таум Такусом…

— О да. Не знаю, как ей это удается.

— Хильда действует быстро и эффективно и проблем не создает. Где бы она сейчас ни была, она вербует нам сторонников. Джейк, твоя очаровательная маленькая женушка может словами решить любые затруднения лучше меня. Ты слышал ее вчера. Она у тебя просто подарок, Джейк!

— Я знаю.

— И у меня тоже, и я это знаю. Наши жены — наше главное достояние. Но прежде чем ты снова начнешь ныть по поводу капельки *лжи*, которую мы с Хильдой себе позволяем, подумай — *почему* мы так делаем. Недавно ты немного пострелял из пистолета. Почему?

— Потому что… — Джейк осекся.

— Потому что Хильда была в опасности. Но

старый автоматический пистолет не очень хорош на такой дистанции, тебе просто повезло, что ты не убил свою жену. Я тебя не виню, мы все делали то, что могли, в той ситуации. Я был ничуть не эффективнее, пока до меня не дошло, что нужно разговаривать, а не сражаться. И тогда я заговорил. Да, я наговорил им всякой ерунды, признаю. Если мне дадут в следующий раз перепетировать, я не буду упоминать Пентагон — не сообразил тогда, что это может тебя задеть. Но я же *импровизировал*, пытался спасти наши шеи. И я тогда немножко нервничал. Пожалуй, «нервничал» — еще слишком слабо сказано.

— Капитан… я извиняюсь.

— О, блин! Мы слишком близки для всяких извинений, мы пережили вместе слишком много опасностей. Кровные братья. Скажи, Джейк, о чем ты *на самом деле* беспокоишься?

— Ну… Зеб, это не Барсум.

— Да? Они что, вчера поменяли вывеску?

— Нет, но Барсум — это не реальное место! Это просто выдумка. Как Оз.

Я съел барсумскую виноградинку — без косточек и размером со сливу.

— Значит, это выдумка, которая стала реальностью. Хочешь подать в суд?

— Нет. Хочу выдвинуть гипотезу, которая это объясняет.

— Ты говоришь как философ! Джейк, теории стоят пятачок за пучок, а причинность — миф! Но если тебе нужна одна, то рассмотри вот какую. Эдгар Райс Берроуз — или, может быть, Джон Картер, поскольку Берроуз настаивал, что он просто изложил то, что ему рассказали — одним словом, некто, назовем его Икс, нашел способ добраться не до Марса, а до Барсума во Вселенной-Десять на оси «тау». Мы *знаем*, что это возможно, мы же тут… но кто-то еще это сделал, и он нас опередил. Черт, мы *знаем*, что «Американ Экспресс» очутился тут раньше нас, но Джон Картер пришел еще раньше. Как тебе такая теория?

— Ну… этот Барсум не точно такой, как в классических романах. Похож, но не он.

— Что из этого? Это не первый раз, когда рассказчик приукрасил историю. Предложенная мной гипотеза объясняет все данные, я думаю. У тебя есть что-то получше?

— Ну… нет.

— Моя теория — полная чушь, Джейк, я состряпал ее так же быстро, как то, что наплел вчера. Почему бы тебе не заняться тем, в чем ты лучший?

— Э?

— Ты говорил мне, и я в это верю, что ты принадлежишь новому поколению математических физиков, которые не беспокоятся по поводу того, что *должно* быть — бессмысленная концепция, сказал ты, и я согласен, — и пытаются изобрести математику, чтобы описать реальный мир, каким вы его видите. Джейк, сейчас мы в *реальном* мире — наши животы полны… а у нас тут девять голодных девчонок, и они не могут поесть, пока мы болтаем. Нам должно быть стыдно. Эй! Воги! Аджал!

Мои маленькие «тени» мигом оказались рядом, и языка жестов оказалось достаточно. Они очистили стол, точно степной пожар, оставив нам по чашечке не-кофе.

— Хорошие девочки! — крикнул я им вслед. — Джейк, твой гений в придумывании новой математики дал нам ключ ко вселенным, к немыслимому их числу, Числу Зверя. Теперь мы знаем, что одна из них соответствует, ну или почти соответствует тому, что мы оба считали выдуманным миром. Если бы эта планета оказалась совершенно незнакомой, ни один из нас не удивился бы. А ты стонешь, что она *слишком* знакомая. Разве ты не можешь придумать набор постулатов,

включающих этот Барсум? Если можешь, то, может быть, в твоем описании окажутся и *другие* вселенные, которые мы всегда считали вымыслом? Некоторые могут быть столь же реальными, как и Барсум. Я не говорю — *все*. Но *некоторые*. Атлантида. Серый Ленсмен Дока Смита. Сможешь написать уравнения для нескольких из них?

— Я могу написать уравнения *для всех*, — медленно произнес Джейк.

— Эй, я не просил покупать весь магазин! Достаточно пары полок!

— Зеб, я тут сидел, обдумывая три теории. Первая — я погиб при взрыве на автостоянке, и все это мне мерещится. То ли предсмертная греза, то ли другая жизнь.

— Ха-ха! Нет, док. Может, тебя такое устраивает, а меня совсем нет.

— Я предвидел твои возражения. Вторая теория — солипсизм.

— Солипсизм — слишком простая отмазка, Джейк. Он объясняет все и не объясняет ничего. Кроме того, я не могу купить *твой* солипсизм, он должен быть *моим*.

— Да, это его слабое место. Ты когда-нибудь слышал теорию, что в бесконечном пространстве-времени не только *может* случиться что

угодно, но либо *уже* случилось, либо *еще* случится? Математически это эквивалент алефов Кантора[104] или более высоких бесконечностей — и содержит тот же изъян. Но блестящий писатель по имени Браун написал об этом прекрасную историю.

— Фредерик Браун, «Что за безумная вселенная!»... Да, я помню эту книгу, Джейк. Классика. Ты говоришь, в ней есть изъян? Но я был впечатлен ее логикой.

— Я не сказал, что в истории Брауна есть изъян. Изъян присущ математической теории. История же мистера Брауна может быть предельно реальной. *Она реальна*... если формулировка, о которой я думал, хоть чего-то стоит.

— Продолжай.

— Зеб, самая мощная концепция в современной физике — это квант. Чем дольше его изучают, тем больше мы узнаем о том, как работает природа. Повсюду, куда ни глянь — дискретные единицы. У мира есть своя текстура, и эта текстура — квантовая механика. Я всего лишь расширил понятие наименьших элементов, приложил его к замкну-

---

[104] Сноски: 104

В теории трансфинитных множеств, над которой работал Георг Кантор (1845–1918), алеф обозначает мощность множества. Например, алеф-ноль — мощность множества натуральных чисел. — *Прим. С. В. Голд.*

тому пространству… и мы начали совершать квантовые скачки. А что, если предположить, что человеческая мысль тоже существует в дискретных, крошечных — и неделимых — единицах?

— Не уверен, что понимаю тебя.

— Это пока не обязательно, я еще не пытался все это записать. Или вообще не будет обязательно, ты же говорил мне, что ты ничего не понял в той математике, благодаря которой мы сюда попали.

— Нет, не понял. Но она работает. И меня нисколько не волнует, *почему* она работает.

— Итак… если человеческая мысль, или воображение, существует в квантах, тогда *любая мыслимая вселенная* располагается где-то в Числе Зверя. Огромное число… столь большое, что его невозможно физически исчислить, можно только записать. Но это все еще число. Не бесконечность. Зеб, если *мысль* квантована, то *всякая история, когда-либо рассказанная* — или которая будет рассказана, — та же идея в замкнутом континууме — *реальна*. «Путешествия Гулливера». Тревис Мак-Ги[105]. «Волшебник из Страны Оз». Барсум. Цикл о кольце Нибелунгов Вагнера. Что угодно. Место есть для всех. И мы можем

[105] Сноски: 105
Персонаж серии книг Д. Макдональда. — *Прим. С. В. Голд.*

оказаться в *любой* из них. Но при этом очень маловероятно, что за свою жизнь мы случайно попадем во вселенную, которая в нашей родной является вымышленной историей. Хотя это возможно. Базовый закон статистики заключается в том, что крайне маловероятное событие столь же реально, как и банально-почти-стопроцентное.

— Хм-м… я лучше останусь в левом кресле, когда ты будешь крутить верньеры. Говоришь, что тебя беспокоит четыре вещи… три ты назвал. Четвертая?

— Да. Беременные женщины… на планете, где не знают акушерства!

– XXIII –
Джейк

Мы с Зебом все еще бездельничали на балконе, когда прозвучал гонг. Разговоры Зеба и даже само его присутствие здорово мне помогли. Я люблю тревожиться, а Зеб — нет. Я не имею в виду, что он беззаботный шалопай, вовсе нет. Есть старая молитва, что звучит примерно так: «Господи, дай мне силу управиться с тем, с чем я могу, стойкость, чтобы вынести то, с чем я не могу, — и мудрость отличить одно от другого».

Цитата неточная, и я не знаю, кто сказал это первым[106], но Зеб Картер, похоже, с этим знанием родился. Хотя он не стал бы так выражаться. Зеб, скорее всего, скажет: «Не бейся головой о каменную стену», а потом добавит: «Перелезь через нее, обойди, вырой тоннель, пробей дыру, ну а если ничего не сработает, забудь о ней! Измени планы. Или ляг, поспи. Но не зарабатывай на этом язву».

С утра я был не в своей тарелке, потому что

---

[106] Сноски: 106

Карл Фридрих Этингер (1702–1782), немецкий богослов и писатель. — *Прим. С. В. Голд.*

привык просыпаться, когда Хильда рядом, на расстоянии вытянутой руки, или не слишком далеко, чтобы ее можно было позвать. Но я проснулся в незнакомом месте, а ее уже не было — и я поднялся так поспешно, что забыл об утреннем ритуале «разговора» с Джейн. Ошибка.

Поэтому я нервничал вместо того, чтобы наслаждаться самым роскошным завтраком, который я только видел в жизни. Солипсизм? Ой, ради бога! Бог придумал людей, чтобы они Его развлекали, потому что у Него не было телевизора — в этом утверждении столько же смысла. Мир опыта — единственная «реальность» (термин неопределенный), с которой я знаком, и я знаю, как с ним управляться.

Зеб сократил список наших проблем до двух практических вопросов: 1) как можно лучше подготовиться к дальнейшим путешествиям и 2) найти дружелюбную планету с опытными акушерами, если возможно, во время первого триместра беременности наших любимых.

Все остальное либо не имело особенного значения, либо его можно было отложить на потом. Включая «Парней в Черных Шляпах» с двойными суставами в ногах и зеленой кровью.

А пока, в свободные минуты, я мог обдумы-

вать элегантную идею приложения квантовой механики к человеческому воображению. Существует ли где-то — или когда-то — Приморская Богемия? Идет ли Дороти по Дороге Желтого Кирпича с компаньонами столь же гротескными и дружелюбными, как Ках Кахкан и Канакук? Сплавляется ли Гек Финн по бесконечной Миссисипи со столь же смехотворными самозванцами, как мы? Изучает ли Алан Куотермейн Лунные горы? А Серый Ленсмен уничтожает всяческое зло в Галактике? Продолжается ли где-то Безумное Чаепитие — разумеется, со «свежим маслом»? Когда — где — Вотан отдаст в залог свой глаз, чтобы род человеческий мог процветать? Каких верньеров должен я коснуться, какие перемещения и вращения сделать, чтобы найти Короля Былого И Грядущего в окружении его рыцарей и увидеть Погибельное Сиденье за его Круглым столом?

Что находится по адресу 221Б на Бейкер-стрит и в доме на 35-й Западной улице? Сгинул майор Эдгар Аллан По в 61-м или закалка, полученная в Вест-Пойнте, заставила его умереть, сражаясь за «чертовых янки»? В любом случае нашел ли он время, чтобы написать лучшие стихи со времен Шекспира? Мечтает ли Кука Шан о своем беспокойном варваре в компании Дидо и Бедной

Бабочки в какой-то стране, что находится не дальше, чем в повороте моих регуляторов?

Мой мозг радостно поскрипывал, в нем кружились новые символы и желание манипулировать ими как уравнениями, и в этот момент звук гонга нарушил ход моих мыслей.

На балкон выбежала Тира и начала было опускаться, чтобы вытянуться перед нами. Вовремя спохватилась, сделала реверанс, после чего торопливо заговорила:

— Принц-регент повелева… — остановилась, запнувшись, и начала снова, уже медленнее, глядя прямо перед собой: — Принц Карторис посылает этот запрос капитану Зебадии Джону Картеру из Виргинии: удобное ли время для того, чтобы принц посетил своего старшего кузена? Или должен он попытаться еще раз, позже?

Зеб сказал:

— Спокойнее, Тира. Никто тебя не укусит. Разумеется, сейчас столь же хорошее время, как и любое другое.

Я влез, прежде чем она успела исчезнуть:

— Желает ли принц видеть *меня*? Или он хочет поговорить с капитаном наедине?

— Принц-регент не упоминал выдающегося доктора. Я не могу ответить на ваш вопрос. Я

не знаю.

Зеб проговорил:

— Оставайся тут, Джейк. Он встретится с нами обоими. Говорить буду я, пока ты не захочешь что-нибудь добавить. Иными словами — я буду вести игру. Тира, передай моему кузену, что мы рады его видеть. Когда можно его ожидать?

— Капитан, он прямо за дверью!

— Ой! Так впусти же его! Пошли, Джейк, встретим нашего гостя у дверей.

Но вместо того, чтобы помчаться как стрела, Тира начала заикаться:

— К-к-капитан, я д-должна сделать р-реверанс?

— О, дитя мое, делай то, что тебе проще. А теперь бегом!

И она побежала.

Когда мы вышли в фойе, большие двери начали открываться, и чей-то голос прогремел:

— Принц-регент!

Вошел симпатичный, хорошо сложенный молодой человек красной расы. Он был одет в обычную кожу без украшений, но пряжка его ремня была сделана в виде печати Вождя. Кроме меча при нем не было другого оружия.

— Прошу прощения насчет этого, — сказал он с улыбкой. — Я сказал им «без протокола». Я

Карторис, — он посмотрел на нас обоих. — Старший кузен?

Зеб выступил вперед и протянул руку:

— Я — Зеб Картер.

Они с принцем обменялись рукопожатиями.

— Рад встрече с вами, старший кузен. Наш дом — ваш дом.

— Спасибо, принц. В семье меня зовут «Зеб». Это мой тесть, доктор Берроуз.

Карторис поклонился мне.

— Для меня это честь, уважаемый доктор.

Вместо ответного поклона я тоже протянул руку:

— Внутри семьи меня зовут «Джейк», ваше имперское высочество.

— Доктор, я с огромным удовольствием буду считаться членом вашей семьи, то есть нашей с Зебом, и звать вас «Джейк», если вы отбросите все эти пышные титулы. Дома я «Карт»… разве что моя мать использует мое полное имя. Но что делать, она так меня назвала, — он снова улыбнулся, самой обаятельной улыбкой.

Принц был гладко выбрит — если, конечно, у красных мужчин растут бороды, в чем я не был уверен.

— Карт — это хорошо, — сказал я, а Зеб повел

нас внутрь.

Тира все еще неподвижно лежала на полу, поджав под себя колени.

— Зеб, она не шевельнется, пока ты ей не скажешь, — сообщил Карторис, глянув на нее. — Я приказать не могу, она принадлежала моей матери до того, как мать отдала ее тебе.

Зеб наклонился и похлопал Тиру по голове:

— Поднимись, Тира, и скажи принцу «привет».

Она вскочила, точно распрямившийся на солнце цветок, но глаз так и не подняла:

— Скромная рабыня глубоко тронута разрешением поприветствовать принца-регента.

— Тира, твой хозяин велел тебе не это, — сказал Карторис мягко. — Он приказал тебе сказать «привет» принцу.

Она подняла голову и торжественно произнесла:

— Привет… принц.

— Привет, Тира. Зеб, слуги дьявольски консервативны. Ты и я, и Джейк — мы можем отбросить протокол. Но *они* не могут. Тира знает меня много циклов, она член нашей семьи во всем, кроме ранга. Но она настаивает на том, чтобы падать на пол дюжину раз каждый день — словно чернила на ее контракте еще не высохли. И остановить

ее невозможно. Даже не поднимется без разрешения.

— Мы ее остановили, Карт, — сообщил Зеб.

— Что? *Как*? Открой мне этот секрет.

— У Тиры есть от меня специальное разрешение пасть перед тобой ниц, но для нас она использует более простое приветствие, принятое в Виргинии. Тира, пожалуйста, сделай реверанс принцу.

Ее глаза расширились, но приказ она выполнила немедленно.

— Видишь? — продолжил Зеб. — Это словно отдать честь, а не салютовать мечом. Означает то же самое, но быстрее и удобнее. Экономит время и тебе, и твоему слуге. А поскольку время твоего слуги принадлежит тебе, это вдвойне экономит твое время.

— Во имя Иссы, это отлично! Я должен рассказать матери. Ей нравятся полезные нововведения. Ты говоришь, это приветствие распространено в Виргинии?

— Да.

(О том, что слуг у нас почти не осталось, Зеб говорить не стал.)

— Тогда мой отец должен быть знаком с этим обычаем. Надо обучить ему каждого слугу во дворце, пока отец не вернулся. Пусть используют,

ну кроме случаев, когда с визитом явится джед или джеддак, я думаю.

— Могу я сделать предложение, Карт? — влез я.

— Уважаемый докт… Джейк, твоим мудрым словам я всегда рад.

— Это не мудрость, но, возможно, здравый смысл. Сколько слуг во дворце?

— Тира?

— Две тысячи сто восемьдесят восемь согласно перекличке десятидневной давности, ваше высочество. Свободных граждан в найме…

— О них забудем. Так много? Ничего удивительного, что мать ворчит над счетами от бакалейщика.

— Карт, и сколько из них в постоянном контакте с королевской семьей? Или со знатью, вообще со всеми, перед кем надо падать ниц?

— Здесь нет никого, кроме нашей семьи и нескольких местных дворян. Слуги должны проявлять уважение к офицерам стражи и к старшим слугам, но не падать на пол. Иначе никакой работы не сделать. Тира, ответьте выдающемуся доктору — сколько всего?

— Ваше имперское высочество, я могу только оценить.

— Прекрати, дорогая. Ты знаешь дворец лучше

меня. Выскажи свои догадки.

Тира не могла выдать мгновенный ответ, как это делает моя дочь, я видел, как шевелятся ее губы.

— Ваше высочество и доктор, примерно сто двадцать слуг вступают в контакт с королевской семьей и знатью один или более раз в день. Число меняется, поскольку некоторые — личные слуги — рядом с хозяевами день и ночь. Другие — несколько раз в день. А некоторые могут прожить во дворце цикл и не встретиться с королевской семьей или знатью… но на следующий день получить распоряжение, что отправит их во внутренние покои джеддары.

Я сказал:

— Все просто, Карт. Оставим реверансы для старших слуг и для тех, кто постоянно в контакте с вашей семьей и местными дворянами. Полагаю, что вашей семье служат самые лучшие.

— О, конечно!

— Так пусть это будет знаком отличия для этих немногих — личных и старших слуг. Получишь ту же экономию времени… и ограничишь новинку достаточно умными слугами, которые смогут быстро перестроиться, если им придется служить гостям королевских кровей. Помимо знака от-

личия можно использовать реверанс и другим образом. Как небольшое наказание. Если слуга с привилегией реверанса ленится или делает что-то, чего не должен был делать, то эту привилегию можно отнять — на день или на десять, на столько, насколько тяжел проступок.

Карторис ухмыльнулся:

— И не придется пороть их так часто. Тира, сколько раз тебя били кнутом?

Она вытаращила глаза:

— Ни разу, ваше высочество.

— А сколько раз была порка у нас во дворце за последние десять дней?

Она заколебалась:

— Ни одного, ваше высочество… о котором я знаю.

— Она права, мои добрые друзья. С того времени, как мой отец стал джеддаком джеддаков, ни одного слугу в этом доме не пороли. Порка все еще законна в Гелиуме… но очень редка, настолько сильно влияние моих родителей. Знаете… нет, вероятно, вы не в курсе, я не знаю, насколько вам известна наша история. Но я, моя жена, моя мать и даже мой отец — все мы были рабами какое-то время. Настоящими рабами, а не слугами по договору. Поэтому мы знаем, что такое плеть,

и слишком горды, чтобы использовать ее против беспомощных людей. Пороть преступников, не заслуживших смерти, — да. Но не слуг за проступки. Тира, что ты думаешь об этом предложении? Говори правду, обращайся по имени, смотри в глаза. Я сказал.

Тира глубоко вздохнула.

— Карторис, я думаю, что это хорошее предложение. Оно станет источником гордости… и средством поддержания дисциплины. Потеря привилегии вызовет такой стыд, что использовать его часто не придется. Я уверена, обслуживание от этого не ухудшится, но я не советовала бы пускать его в ход без ограничений.

— Это как, женщина? Ты только что рекомендовала его целиком.

— Я рекомендую *попробовать*… на две десятидневки. Если не будет работать хорошо, вы сможете вернуть все к старому до возвращения вашего деда и прадеда из Окара.

Зеб хмыкнул:

— Она знает Закон Мерфи!

Тира выглядела озадаченной, а принц удивленно приподнял бровь:

— Возможно, она знает, но я — нет.

— «Все, что может пойти не так, пойдет не так».

Поэтому всегда проверяй машину или процесс, или что угодно так тщательно, как только возможно, а потом все равно будь осторожен. Оно может повернуться и укусить тебя.

— О, у нас есть схожее изречение. Но Тира — умудренная женщина. Она должна была родиться принцессой, и какой-нибудь сообразительный джед все еще может сделать ее своей принцессой. Положить меч у ее ног и жениться на ней по всей форме.

— Ваше высочество… этого никогда не случится.

— Сказал пилот прямо перед аварией. Помни о Законе Мерфи, дорогая. Но ты не будешь продана, ты должна любить его, иначе мать никогда на это не согласится, — Карторис потрепал ее по щеке, а затем быстро поцеловал туда же, просто чмокнул. — А теперь скажи мне: хорошо ли ты заботилась о гостях?

— Ваше высочество, я старалась.

— Всего лишь «старалась»? Что за необученных учениц ты использовала? Дай мне посмотреть на них. С твоего позволения, Зеб, — добавил он.

— Конечно, Карт.

Тира дважды хлопнула в ладони, и наши девицы примчались из коридора как на пожарную

тревогу, выстроились в линию и синхронно бухнулись на пол, подогнув колени и вытянув руки. Мы с Зебом принялись хлопать их по головам, после чего они поднялись и замерли в ожидании.

— Тира, — сказал я. — Пусть они покажут реверанс.

— Будет исполнено, доктор.

Вероятно, она использовала жест — девушки в унисон качнулись вниз-вверх.

Карторис зааплодировал:

— Еще раз, Тира!

Тира заставила служанок повторить еще шесть раз, и все прошло как по маслу. Моя дочь за пару недель сделала бы из этих красоток ансамбль песни и пляски.

— Да, — сказал Карторис, остановив их. — Вижу, что Тира использовала «новобранцев». Тика много циклов была любимой массажисткой моего деда, Кисса и Воги принадлежат Тардосу Морсу, а Аджал, по крайней мере номинально, моя. Ларло и Лаба служат моей бабушке, Кона и Фиг — моей жене. Тира, они вели себя достойно?

Я вмешался:

— Они все были хорошими девочками, Карт. Очень.

Девочки узнали фразу «хорошие девочки»

и дружно как по команде просияли. Тика поймала мой взгляд и улыбнулась так, что на щеках у нее появились ямочки.

Я сказал Зебу:

— Думаю, что мы можем позволить им вернуться к тому, чем они занимались, пока мы их не вызвали.

Зеб согласился, Тира отослала служанок прочь, но вид у некоторых был разочарованный. Но я хотел познакомиться лучше с этим молодым принцем и Зеб наверняка тоже, поскольку Карторис мог дать нам то, в чем мы нуждались. В чем же? Энергия… пища, которую можно хранить… поглотитель углекислого газа и запасы кислорода, если их технологии это позволяют… одежда для Хильды. Обувь для нее? Я не был уверен, что здешние женщины вообще носят обувь. Смогут ли местные кожевники измерить изящные ножки Хильды и сделать для нее настоящую обувь? Что еще?

Мы вышли на балкон, где у нас был завтрак, Тира осталась в фойе. Стол, на котором несколько минут назад стояли две чашки с не-кофе, теперь мог похвастаться набором вин и закусок. На этот балкон нельзя было попасть с соседних, и девушки не проходили мимо нас через большой зал,

так что теперь я был уверен, что в покоях есть потайные ходы. Бритва Оккама. Затем я сменил вердикт с «уверен» на «принято в качестве рабочей гипотезы». Бритва Оккама не всегда бывает остра.

Принц желал поговорить о политике и экономике. Его отец, как он сообщил нам, провел множество реформ. Но каждая реформа, похоже, создавала новую проблему, еще более сложную, чем та, которую она решала.

— Кузен Зеб, доктор, не подумайте, что я критикую отца. Вовсе нет. Он на много, много циклов мудрее меня. Но правда в том, и он первый это признает, что Вождя утомляют административные детали. И моя возлюбленная мать отказывается править, она просто царствует. Поэтому за лавкой приходится присматривать мне. Я не жалуюсь, но у вас есть опыт жизни на большей планете с большим населением. Вы должны знать то, чего я не знаю.

Проблемы Барсума и гегемонии Гелиума (меньшая часть планеты, но самая богатая и цивилизованная часть) было до боли легко сформулировать: Угля нет. Нефти нет. Почти не осталось руды. Никакой гидроэнергетики. Некоторое количество «радия» (уран и родий,

я полагаю, но Карторис, переводя барсумское слово, от которого можно челюсть вывихнуть, именовал это все «радием»). Но большая часть накопленных ресурсов «радия» используется для поддержания жизни на планете: перекачки ее драгоценной воды и работы атмосферной установки, подпитывающей тонкую атмосферу Барсума. Использовалась ли при этом трансмутация элементов или разложение окислов, мы не обсуждали, но атмосферная установка была единственной вещью на планете, одинаково священной как для цивилизованных народов, так и для варваров.

Между тем гуманистические реформы Джона Картера привели к тому, что людей становилось все больше и больше. Гелиум балансировал на грани голодной смерти.

Тут я подумал о еде, которой нас здесь щедро угощали… а затем взвесил все еще раз. Эту еду не выкидывали — «рабы едят после своих хозяев». Теперь я понимал, почему у небольшой королевской семьи более двух тысяч рабов — плюс одна Исса знает (я не знал), сколько наемных работников, стражников и так далее. Весь дворец был одним огромным проектом «социального обеспечения».

— Джентльмены, наши старые обычаи, сколь бы жестокими они ни были, держали население на том уровне, который мы могли прокормить. Теперь у нас нет даже реки Исс в качестве частичного решения, мой отец раскрыл всем глаза на то, чем она являлась — бойня под сенью фальшивой религии. Теперь мы пытаемся зайти с другого конца, по-английски это называется «контроль над рождаемостью», я полагаю, но мы называем это «разбивание яиц». Пытаемся сделать это популярным. Моя мать патронирует Фестиваль Разбивания Яиц Большого Гелиума, а мы с Тувией, моей женой, открываем эти праздники, публично разбивая одно из ее яиц. Мы не жульничаем — это всегда одно из тех, которые она откладывает, а не взятое у рабыни. Могу по секрету сказать, что мы храним несколько оплодотворенных яиц в стазисе, они спрятаны в разных местах в городе и за его стенами. Королевская семья обязана продолжать свою линию, мы не можем ввергнуть страну в борьбу за власть.

Но, несмотря на то что каждую четверть цикла разбиваются тысячи яиц, наше население растет. И все большее количество крестьян устремляется в город. Я хотел бы, чтобы вы увидели… нет,

надеюсь, что вы *никогда* не увидите этот город ночью. Бездомные набиваются в любую дыру или нишу, которая может служить убежищем, словно дикие тоаты по ночам, и прикрываются любыми кусками шкур или шелков, какие сумели добыть. И все же, каждое утро черные колесницы вывозят трупы — тех, кто замерз с краю такой кучи, и тех, кто задохнулся в ее центре. И при этом город *все еще растет*. Как вы решаете такие проблемы в Виргинии?

Зеб был прям:

— Никак не решаем.

— Как?

Зеб объяснил, что Земля столкнулась с подобными проблемами в более крупном масштабе… и пыталась, и все еще пытается применить аналогичные «решения» — ни одно из которых до сих пор не сработало.

— Карт, насколько я знаю, ты можешь быть уверен только в том, что экология поддерживает баланс. *Всегда*. Но иногда ей для этого может понадобиться катастрофа. Земля восстанавливает баланс вслепую. Каждые несколько циклов у нас случается бессмысленная война… и ее единственный положительный эффект (если, конечно, вас не стошнит от слова «положительный») в том,

что она прореживает стадо. Но наши войны дошли до такой стадии, что, по мнению многих людей, следующая может стерилизовать планету. Сбалансирует всю экологию к нулю. Так ли это, я не знаю, я не настолько мудр. Но на протяжении последних полутора столетий войны становились все более и более смертоносными. Единственный совет, который я могу дать — и это глупый совет, поскольку я не знаком с вашей планетой, — ускорить разбивание яиц. Но как, я не знаю.

— И я не знаю, — согласился я. — Зеб нарисовал вам точную картину. Мы не решили наши собственные проблемы.

(Я подумал, что стоит рассказать ему о новой — о вторжении чужаков с зеленой кровью. Спросить, не видели ли они чего-нибудь подобного на Барсуме. Им было бы сложно прятать двойные суставы на планете, где обнаженные тела столь же распространены, как обнаженные лица. Та маскировка, которую Зеб пробил своим мечом, на Барсуме не сработает. Но, скорее всего, чужаки и не стали бы интересоваться умирающей планетой, так что я решил подождать с рассказами.)

Карторис выглядел мрачным.

— Что ж… Как бы то ни было, я должен был спросить. Но каждый должен ехать на собственном тоате. Пожалуйста, не упоминайте об этом разговоре моему отцу, он может рассердиться, за то, что я попытался взвалить наши проблемы на плечи уважаемых гостей вместо того, чтобы их развлекать, — неожиданно он улыбнулся. — Давайте забудем, что я тут наговорил. Мы все еще живем! И пока мы живы, давайте этой жизнью наслаждаться! Вы не прогуляетесь со мной?

— Конечно, — согласился я. — Но мы… подходяще одеты для прогулки?

Принц был озадачен вопросом:

— Вы одеты точно так же, как я — кожа и меч. А что еще нужно мужчине? У вас есть другое оружие, которое вы хотите взять? Обещаю, оно вам не понадобится. Украшения? Если пожелаете. Дома я не беспокоюсь по этому поводу. Но у вас могут быть иные вкусы.

Зеб сказал:

— Нет, я готов.

— И я тоже, — поддержал его я.

— Тогда идем. Тут недалеко.

Мы прошли дальше по коридору, одолели примерно полторы сотни метров, и Карторис постоянно отвечал на приветствия стражников

и бросал им слово, по всей вероятности, означающее «Вольно!». Я поймал себя на том, что отдаю честь, как это делают в армии США, затем попытался подражать барсумскому салюту, но потом бросил эту затею. Карторис не обращал на это внимания, а стража нас с Зебом словно и не видела. Мы свернули в боковую дверь, миновали пустующие покои и вышли на другой балкон с видом на еще один внутренний сад.

— Покои моей матери точно напротив, — сообщил Карторис.

Я был уверен, что он не хотел, чтобы мы вытаращились в том направлении, поэтому я посмотрел вниз, а Зеб удивленно хмыкнул.

В центре сада стояла «Гэй Обманщица».

Некоторое время мы пялились на нее, а потом Зеб спросил:

– *Как*?

Карторис радостно заулыбался:

— Ничего сложного, если есть кому помочь. Вы убедили «Американ Экспресс», что ваша небесная колесница будет в безопасности. Но я сам пилот, и я знаю, что если бы это был *мой* флайер, то я бы никогда не оставил его без охраны в Заливе Крови. Так что самый быстрый из наших эсминцев покинул Малый Гелиум в тот же момент,

когда яхта моей жены улетела из дворца, чтобы подобрать вас. Ваш экипаж оказался под охраной задолго до того, как зашло солнце.

— Спасибо, — ответил Зеб. — Я не хотел оставлять ее там без присмотра. Но как? Имеется в виду — как вы привели ее *сюда*? Я был полностью уверен, что даже опытному технику будет не просто открыть ее двери.

— Исса! Зеб, никто — вообще никто — не прикасался к ее дверям! За такое я бы разжаловал любого офицера и приказал бы его вдобавок выпороть. Мы просто аккуратно ее подняли, перенесли сюда и осторожно опустили. Очень аккуратно, я сам наблюдал за операцией.

— Все равно не понимаю — как. На ней, похоже, нет никаких следов.

— Уверен, что нет, я проверял до и после. Во-первых, садовники потратили часть вечера, убирая лишние растения, чтобы освободить ей место — как только нам передали по радио ее габариты. Затем она была тщательно измерена по всем направлениям, наш мастер-скульптор создал ее масштабную модель прямо на месте; модель визуально сверили с оригиналом, после чего и модель, и все замеры были переправлены в город. По ним была создана специальная

сбруя — тройной шелк; целая стая портных работала над ней вторую половину ночи. Хорошо, что мы вплели в стропы дополнительные петли, сбрую пришлось усилить — ваша повозка оказалась намного тяжелее, чем мы думали. Мы до сих пор не понимаем, как она может оторваться от земли. Потом тридцать два флайера, пилотируемые как один с тридцать третьего, где был я, — тут он снова улыбнулся, совсем по-мальчишечьи довольный собой, — взяли стропы разной длины, чтобы не сталкиваться, и мы стартовали. В команде были мои лучшие пилоты, мы держали стропы натянутыми, сохраняя баланс нагрузок, а все маневры делали точно, как в бою.

Утром мы были над дворцом, и Тира сообщила мне, что вы двое все еще спите… что меня порадовало, поскольку вы могли увидеть, как ее опускают, если бы вышли на балкон. Я люблю делать сюрпризы. Мы опустили ее ниже уровня крыши — вы еще могли заметить флайеры, но груз уже был вне поля зрения, — а затем осторожно положили ее на землю, отсоединили тросы, сняли упряжь… и сложили ее на хранение. Когда вам понадобится, мы снова ее используем, чтобы поднять повозку и перенести на открытую ровную площадку, подходящую для взлета.

— Спасибо, — сказал Зеб. — Но в этом не будет необходимости.

— Но… разве это не крылья?

— Да.

— Кузен, вы должны быть асом!

— Верно. Капитанский чин я получил в аэрокосмических силах.

Наш хозяин на мгновение помрачнел:

— Хотел бы я сказать то же самое. Но у нас нет металла на постройку даже одного космического корабля. Если я когда-нибудь и соберусь полететь на Землю — я сделаю это сразу же, как только появится свободное время, — то лишь как пассажир, купив билет у «Томас Кук» или «Американ Экспресс», — внезапно он оживился. — Говоря о космических кораблях, я думал о земных лайнерах. Но *возможно*, мы *могли бы* построить — один — такого же размера, как ваш. Как вы думаете?

— Джейк?

Мой мозг напрягся — открыть секрет континуумохода обитателям другой планеты? При том, что я все еще не передал его собственному правительству? Но что насчет того, что у нас тут две беременные женщины и нам крайне нужна помощь этого принца?

Назовите меня перебежчиком. Или обсудите это с одним из «полковников даггинсов». Или впишите это в форму 1040[107]! Но когда мы покинули Землю, никто не предотвратил минирование машины и даже атомную бомбардировку, мы опирались исключительно на собственные ресурсы. Поэтому я решил, что мы должны защитить наших жен.

— Я могу предоставить чертежи, ваше высочество. Поставлю проектор для показа микрофильмов, а вы скопируете их любым удобным для вас способом; у нас нет оборудования для копирования. И вам же придется решать, что делать с этими чертежами, я не имею представления, смогут ли ваши техники воспроизвести мой аппарат.

(Карт, старичок, я могу дать вам спецификацию на гироскопы, но смогут ли твои люди изготовить приборы того же качества, что и «Sperry Division»? У *меня* это не получилось.)

— Зеб, а как насчет руководства по управлению автомобилем? Мы его не засняли. Или есть микрофильм?

— Нет, но это не проблема. Проекция страниц.

---

[107] Сноски: 107

Налоговая декларация. Обычно считается чрезвычайно запутанным документом, сложным для заполнения. — *Прим. С. В. Голд.*

Камера обскура наоборот. Что-то вроде проектора для художественных открыток, они были когда-то популярны — я смогу соорудить такой на скорую руку. Нужно лишь увеличительное стекло, все равно какое.

Я повернулся обратно к Карторису:

— Карт, я не шучу. Мы дадим вам все чертежи с подробными объяснениями. Но если у вас нет технологии для их использования — в данный момент я не берусь судить об этом, — вы можете потратить многие циклы, но ничего не добиться. Наш маленький корабль — сочетание талантов сотен тысяч — я в точности не знаю скольких — специалистов и экспертов во многих, многих областях. Там есть детали, и их много, которые ни я, ни Зеб не в состоянии сконструировать. Мы их купили. Мы можем объяснить, как они работают, дать изображения и чертежи. Но мы их не делали. Мой персональный вклад — только общая конструкция. Я создавал ее, стоя на плечах других людей.

Принц Карторис улыбнулся и мгновение выглядел так, как, по моему мнению, должна выглядеть *настоящая* особа королевской крови,

а не изгнанники в Эшториле[108].

— Я не могу просить большего, доктор. Если мы потерпим неудачу, то по своей вине. И мы в Гелиуме тоже знаем, что такое командная работа.

[108] Сноски: 108

В период с 1936 г. в Эшториле (Португалия) проживали в изгнании особы королевской крови, в том числе великие герцог и герцогиня Люксембургские, герцог и герцогиня Виндзорские и последний король Италии Умберто II. — *Прим. С. В. Голд.*

– XXIV –
Зебадия

Я не говорил много, пока мы с Джейком и Картом шагали обратно к нашим покоям. Мы сказали принцу правду, но он ее не понял. Мы *попытались* объяснить ему, что изготовить на Барсуме копию «Гэй Обманщицы» практически невозможно. Это как если попросить братьев Райт построить корабль для полета на Луну. Я знал, что у них есть высокие технологии и некоторые выглядели как настоящее волшебство. Но это были не *наши* технологии.

Возьмем простую ручку, настолько дешевую, что их раздают в качестве рекламы. Но за ней скрываются несколько отраслей химии, металлурги, специалисты по синтетическим полимерам, инженеры-механики, экструзионные прессы, программисты, компьютеры и наладчики этих компьютеров, слесари-инструментальщики, электрики, нефтяная промышленность планетарного масштаба, пять или более типов шахт с горными инженерами, геологами, шахтерами, железные дороги, пароходы, специалисты

по менеджменту, специалисты по психологии потребления… и так далее, пока от перечисления голова не заболит. Невозможно даже перечислить все профессиональные навыки, которые требуются для создания самого банального предмета, крохотного элемента нашей громадной и сложной промышленной сети. Черт, а я ведь даже не упомянул электроэнергетику.

А еще бухгалтеров, банковскую систему, финансистов — этих я упустил намеренно. Я предположил, что уж с деньгами принц умеет управляться. Если нет, то мы ему не сможем помочь.

Но можем ли мы ему вообще как-то помочь? Ну, мы могли *попытаться* сделать все, что в наших силах, отбросив сомнения. Хм-м, а может, нам не нужно пытаться по-обезьяньи копировать «Гэй Обманщицу», а стоит просто разобраться — сможет ли *хоть один* из математиков Барсума понять математику Джейка, и отталкиваться от этого? Они могут придумать межвселенскую пространственно-временную машину в форме яйца размером в треть «Гэй Обманщицы»: главное тут — системы жизнеобеспечения и гироскопы. Нужно обсудить это с Джейком — копию «Гэй Обманщицы» невозможно создать *нигде*, кроме ее родной планеты. Да в этом и нет необходимости.

Континуумоходу не нужны крылья. Имея точный радар или даже точный оптический дальномер, я мог бы сажать «Гэй Обманщицу», не раскрывая крыльев. Она не была задумана космическим кораблем, она была незаконнорожденным (прости меня, Умница!) гибридом, переделанным для путешествий во времени и пространстве лишь потому, что под рукой ничего другого не оказалось.

Но Карторис мог начать с нуля и сохранить только самое важное. Может быть, это сработает. И даже решит их проблемы с ростом населения. Или позволит наполнить водой мертвые моря. Или принесет металл на Барсум. Дешевый транспорт — ключ к почти любой экономической проблеме, — а что может быть дешевле грузовика, который преодолевает *любые* расстояния, *не* затрачивая на это времени (или даже перепрыгивая в другие вселенные), по цене канцелярской скрепки? Главное, чтобы он работал.

Дойдя до этой точки в рассуждения, я почувствовал облегчение — быть может, мы все-таки сумеем помочь нашему другу.

— Ваше высочество, капитан, доктор, — сказала встретившая нас Тира, сделав реверанс, — принцессы вернулись.

— Я тут, Карт!

— Я иду, Тув! Спасибо, Тира.

В арке, которой заканчивался проход, мы увидели силуэт, очерченный солнечным светом.

— Дити, милая, я скучал по тебе, — воскликнул я.

— Я польщена, старший кузен, — произнес силуэт, — но я не ваша принцесса. Я Тувия.

И будь я проклят, если она не сделала мне реверанс!

Я поспешил к принцессе Тувии, но тут меня позвала Дити:

— Я здесь, Тарзан. И я тоже польщена.

Тувия протянула руку, чтобы обменяться со мной рукопожатием; я взял ее и глубоко поклонился, и только потом развернул ее ладонью вверх, чтобы поцеловать в польском стиле — не варшавское приглашение к разным интимным вещам, но и не актерская симуляция. Достаточно сильно для того, чтобы она не сомневалась — ее руку действительно поцеловали.

Тувия хихикнула:

— Карт, мать Дея права. Он не только выглядит как Вождь, но и ведет себя как он.

Когда это Дея Торис успела посмотреть на меня? Или тут все напичкано жучками, как московский

отель? Шпионские глаза? Шпионские камеры — если у них есть фотографии, я пока ни одной не видел. Стоп, минуточку! Я же был на балконе, когда Карт сказал, что покои его матери точно напротив. Но это «напротив» составляло как минимум сто метров… бинокль? Нет, время не подходит — наши жены и Тувия должны были оставить те помещения как раз тогда, ведь помещения джеддары были в три раза дальше от наших покоев, чем тот балкон, а они опередили нас на пути сюда. Я оставил эту тему — слишком мало данных. Однако в этом дворце приватности было не больше, чем в зоопарке.

Я выпрямился, посмотрел на принцессу вблизи… и понял, отчего силуэт обманул меня. Кроме цвета кожи и волос, во всем остальном моя жена и жена Карта могли сойти за сестер. Используй Дити косметику для тела и черную краску для волос — и все это признают. Сомнений быть не могло, поскольку весь костюм принцессы Тувии состоял из украшенного самоцветами пояса вокруг осиной талии и кинжала в столь же богатых ножнах.

— Карт, иди сюда, — сказал я. — Поприветствуй наших владычиц.

— Наших жен, — поправил Джейк.

— Есть ли разница? — спросил я.

— Ну… — протянул Карт. — Если тебе угодно выражаться таким образом…

— Осторожнее с тем, что говоришь, дорогой, — предупредила Тувия. — Я же расскажу матери Дее. Будь джентльменом, Карт. Я бы хотела, чтобы ты встретился с дамами.

Ни Дити, ни Язва не встали, чтобы поприветствовать принца-регента, и я гордился ими. Мне не нравилась та бессмысленная пылкость, с которой большая часть моих современниц относилась к королевским особам. Некогда мы сражались, чтобы снять королей с нашей шеи, мы рвались к тому, чтобы наши президенты целовали младенцев и общались с простыми людьми… а теперь пускаем слюни, глядя на побитых молью монархов Европы.

Королевский дом Гелиума (и другие королевские дома Барсума, по крайней мере в тех классических романах, которые оказались в большей степени историей, чем вымыслом) скорее напоминал монархов Средневековья. Они сражались за то, чтобы занять трон, сохраняли его благодаря мудрому управлению (или теряли одновременно и трон, и жизни). Закон Джунглей, но этот закон много древнее всех писаных законов.

Тувия и Карторис были откровенно рады пообщаться хоть с кем-то, они приняли нас как равных, может быть, чуть старше, чем они, но как членов семьи, и это позволило им расслабиться.

Но прежде чем расслабиться, Карт проделал одну совершенно протокольную вещь: после того как его представили нашим женам, поклонившись и поцеловав им руки (не очень ловко), он снял меч и положил его у их ног, на равном расстоянии от каждой.

Если нечто подобное одинокий мужчина совершал в адрес девушки, то это, как я понял, означало предложение. Но сейчас происходило нечто иное, поскольку мы все очевидно состояли в браке. Поэтому его жест имел иное значение: «Я буду защищать тебя ценой моей жизни, сейчас и всегда». Такое *не может быть* просто жестом вежливости, это клятва на крови, клятва до смерти.

Я горжусь нашими женщинами. Дити мгновенно стала серьезной, но ей этот образ дается легко. Хильда избавилась от шутовской маски, которую она носит большую часть времени, и показала ту леди (и героиню), что под ней прячется.

Ни одна не улыбнулась, у обеих были слезы в глазах. Они вместе подняли меч и застегну-

ли пряжку, а затем Хильда заговорила от лица обеих:

— Мы благодарим тебя, принц Карторис. Это большая честь для нас. Мы всегда будем стараться быть достойными вашей веры в нас.

Джейк поймал мой взгляд — и начал расстегивать своего «Сэма Брауна» точно в тот же момент, когда я занялся своей морской портупеей. Практически одновременно мы положили наше оружие у ног принцессы Тувии.

У нее было куда больше опыта, чем у наших девушек, думаю, в несколько сотен раз. Она осталась стоять прямо и пропела:

— Благородные сэры, старший кузен, почтенный доктор, я молю, чтобы в моих силах было принести честь на ваши клинки. Я чувствую себя в полной безопасности, зная, что они оберегают меня. Я принимаю их защиту и благодарю вас.

— И Гелиум благодарит вас, — пробормотал Карт. — Я сказал.

Тувия подобрала наше оружие, повесила «Сэма Брауна» себе на предплечье и вернула мою портупею и клинок на место, затем повернулась к Джейку, выяснила, как это надевается, перекинула ремень через голову на плечо и застегнула пояс. Его сабля отцепилась, она немного

повозилась и с помощью Джейка восстановила порядок. Затем позволила заключить себя в объятия и даровала ему самозабвенный поцелуй в стиле Дити.

Затем наступила моя очередь.

Это завершило церемонию. К этому моменту у всех трех женщин уже текли слезы, и Дити и Язва размазывали свой макияж — потому что они действительно были накрашены от пальцев ног до пятнадцати сантиметров над головой, учитывая сложные прически, усыпанные драгоценностями.

Каждая могла похвастаться кинжалом, а также поясом с драгоценными камнями, как у Тувии. Но это еще не все! Браслеты на запястьях, на предплечьях, кольца, подвески, ожерелья, ножные браслеты и прочие вещи, названий которых я не знаю, — все усыпанные драгоценными камнями. У Дити в пупке был изумруд, который мог бы украсить лоб божества в каком-нибудь храме в джунглях. Не представляю, что его там удерживало. Шуруп? Самоуверенность?

По моим прикидкам, каждая из наших жен носила по паре сотен тысяч нью-долларов в виде цветастой бижутерии, а их ценность в качестве антропологических артефактов на нашей Зем-

ле невозможно было представить. Возможно, я сильно занизил их цену.

Но я повел себя как идеальный джентльмен. Я не стал спрашивать, почему Дити и Хильда одеты словно райские птицы, я просто присоединился к Джейку, и мы повели их обратно на балкон, где дамы проводили время, когда мы вернулись. Стол там был заново наполнен винами и закусками, но вовсе не в том ассортименте, которому мы в мужской компании воздали должное полчаса назад. Теперь я понял, почему время приема пищи во дворце не было определенным — роскошный стол был готов для нас в любое время. Время от времени появлялись пикси — Аджал, Кисса или еще кто-то, — убирали полупустые блюда и заменяли свежими. Включив дедукцию, я понял, что наши герлскауты устроили свой пикник в отведенной им комнате.

Карт и Тувия оказались приятной компанией. С ними было комфортно, словно в старых, разношенных туфлях. Карт был сдержан, и, хотя улыбался заразительно, словно мальчишка, все время чувствовалось, что на нем лежит тяжелая ноша. У Тувии были три основных выражения лица: задумчиво-бесстрастное, широкая ухмылка и «изумленная маленькая девочка». Все три были

знакомы мне по арсеналу Дити, но дамы использовали их с разной частотой: Тувия большую часть времени улыбалась, много говорила, не задумываясь, и распространяла легкий аромат непристойности. Хотя она выглядела ровесницей Дити, она была старше (*много* старше) и куда опытнее.

Она поддевала мужа почти так же, как Язва — Джейка. Дити тоже временами выдает неожиданные реплики, которые могут показаться колкостями, но это только кажется. Дити сама по себе очень неожиданная. А замечания Язвы серьезны только в случае необходимости.

Тувия сидела на балюстраде, обняв поднятое колено, вторая нога свободно болталась. Дити сидела напротив нее в той же самой позе, словно зеркальное отражение. Я опустился на подушки так, чтобы подавать еду и питье той или другой, и попытался не слишком откровенно пялиться на Тувию, хотя чужие взгляды ее явно не смущали. (На Барсуме нет «телесной скромности», о подобной скромности у них понятия не больше, чем у котенка. Они носят украшения, меха для тепла, и я думаю, что на дальнем севере из этих мехов шьют полноценную одежду ради тепла. Они носят оружие, а иногда и броню. Но они не

надевают ничего ради «приличия» — потому что неприличный миф об Эдемском саде, который развратил нашу культуру, тут не сумел прижиться.)

Карт растянулся на спине и откровенно пялился на Дити. Я знал, что Дити не стала бы возражать — она всю жизнь восставала против этого табу… и я тоже не возражал: созерцание ее красоты обогащало Карта и не обедняло меня. Пялиться — самое безобидное из всех развлечений, и его следует только поощрять. Язва лежала на животе рядом с Картом и кормила его точно так же, как нас кормили наши пикси, когда мы им позволяли.

Тувия спросила меня:

— Правда, что невероятные океаны Земли в глубину несколько метров?

За меня ответила Дити:

— Тув, несколько метров — это всего лишь пруд. Или маленькое озеро. Глубина океанов намного больше километра. Часто — много километров.

— Исса! С трудом могу это представить. Слышала об этом раньше… но это звучало точно россказни путешественников. Я должна представить в хаадах. Хаад — это…

— …примерно полкилометра, Тув. Я это выяс-

нила буквально вчера.

— Хаад — шесть десятых километра, Дити, — поправил Карт.

— Достаточно близко. У меня ничего не было для сравнения, но я знала рост Зебадии и мысленно поставила своего мужа рядом с нашим зеленым другом, а потом отметила на его животе высоту два метра… Боже! Я обещала и Томми Такеру, и Каху, что свяжусь с ними сегодня. И не вспомнила!

— И я тоже! — Язва резко села. — Тув, как нам добраться до «Американ Экспресс»?

Карт ответил:

— Спросите Тиру. Но что вам нужно от «Американ Экспресс»? Вероятно, это есть во дворце.

— Нет, этого нет, Карт. Это наши зеленые друзья. Томми Такер, то есть Таум Такус. И другой. Ках Кахкан.

— Таум Такуса я знаю, он племянник по выводку моего крестного отца, главнокомандующего Тарса Таркуса. Хороший человек, Таум Такус, добросовестный, но без чувства юмора.

— Кто бы говорил, — протянула Тувия.

— Тихо, моя принцесса. Когда-то оно у меня было, и я найду его снова… как только разберусь с делами. Ках Кахкан? Необычно высокий, да-

же для зеленого? Мощные мускулы? Шрамы по всему телу?

— Я не знаю, какой рост обычен для зеленых, — ответила Язва, — но это его точное описание. Он выше Таум Такуса, хотя и ненамного.

— Это должен быть он. Старший унтер-офицер Союзных войск из полка Тарка, что расквартирован тут. Он самый смертоносный воин Барсума, если не считать моего отца. Смертоносный даже без оружия.

Я сказал:

— Таум Такус называл Каха «сержант-майором».

— То же звание, просто описанное другими английскими словами. Если Таум Такус работает на «Американ Экспресс», он наверняка знает больше английских слов, чем я. Тув — единственный член нашей семьи, которая говорит на английском так же хорошо, как мой отец, — Карт печально улыбнулся. — Она выучила его первой от моего отца. Они часто шутили на нем… пока мы с матерью не освоили его с целью самозащиты. Но Тув использует выражения и слова, которых мы с матерью не знаем.

— Да, — согласилась Тувия с довольным видом, — и даже те, которые твой отец не разрешает

повторять. Хотя я выучила их у него, услышала, когда он был раздосадован. Я всегда пытаюсь пополнить мой английский словарь. И сегодня вы с Хильдой его обогатили.

— Смотри, после революции тебя отправят в рабство, Тув, — сказал ее муж.

— Тув, — вмешалась Язва, — я договорилась с Томми Такером — Таум Такусом, — что буду учить его непристойному английскому в обмен на то, что он будет учить меня брани и казарменной лексике местных солдат. Ты можешь присоединиться, если не будешь краснеть на занятиях.

— Женщина, которая много циклов была рабыней Святых Жрецов[109], забывает, как краснеть, Хильда.

— Если она когда-то знала, — добавил муж Тувии.

— Не обращай на него внимания, Язва. Он… как звучит это длинное слово?

— Флокцинавцинигилипилификатор.

— Зеб, они покусились на мою честь? — спросил Карт.

— Камрад, ты, возможно, умрешь от этого за-

[109] Сноски: 109

Марсианский культ, жрецы которого поклонялись чернокожей богине Иссе. Уничтожен в 1886 году Джоном Картером. — *Прим. С. В. Голд.*

клинания. Но через много циклов.

— Тогда я не буду беспокоиться. Флокси нокси[110]… о, Исса с ним!

— Карт, — жалобно спросила Дити, — как мне добраться до «Американ Экспресс»?

— Примерно три хаада прямо по Проспекту Героев. Но Дити, ты не пойдешь туда, ты потребуешь, чтобы «Американ Экспресс» пришел *сюда*.

— Но мне не нужен «Американ Экспресс». Я просто хочу увидеть Каха. А Язва хочет увидеть Томми.

— Сейчас?

— Ну… как можно скорее.

— Очень хорошо. Тира!

Тира материализовалась, словно Карт потер волшебную лампу.

— Ваше высочество?

— С твоего позволения, Зеб? Тира… — тут Карт перешел на барсумский, я уловил только «Американ Экспресс» и имена наших зеленых друзей. Тира исчезла, принц повернулся к нам: — Они будут тут… возможно через двадцать ваших минут. Если только их не услали далеко от офиса. Дити, почему у тебя такой расстроенный вид? Того, что

---

[110] Сноски: 110

В оригинале «Flocksy nasty» — грязный, противный (*англ.*). — *Прим. С. В. Голд.*

я сделал, недостаточно?

— Да, но… я обещала Канакук… это тоат Ках Кахкана… что мы *с ней* тоже увидимся.

— Ты пообещала *тоату*?

— Почему нет? Она мой друг. Нельзя нарушать обещания, данные детям или животным, никогда.

— Она пообещала тоату, — подтвердил я. — Я слышал. И тоат понял ее.

На принца-регента это произвело впечатление.

— Кузен, небо благословило тебя самой замечательной женой.

— Я знаю, Карт. Но и у тебя дела обстоят не хуже.

— Главный факт моей жизни, Зеб.

— Мне тоже достались неплохие карты, — самодовольно заявил Джейк. — Пять тузов!

— Пять? Но ведь бывает только… Прости! Точно, пять, — сказала Язва. — Но если кто вспомнит о джокере, то я выйду из комнаты. С балкона, — она вытянула ногу и пальцами игриво пощекотала бедро мужа.

— Итак, — начала Тувия мягко. — Если вы, джентльмены, закончили восхвалять нас, за что мы вам благодарны, давайте все же исполним

желание Дити. Дорогая, Карт попросил Тиру действовать «со всей возможной скоростью». Поскольку наши зеленые союзники не могут поместиться в наше метро или наземные экипажи, они должны либо идти пешком, либо скакать на своих гигантских тоатах. А поскольку приказ исходил от регента и в нем упоминалась «скорость», то сейчас флайер из военного флота расчищает Проспект Героев перед двумя огромными тоатами, несущимися во весь опор. Если только ваши друзья не оказались далеко от «Американ Экспресс». Если так, то Тира доложит немедленно. Но и в этом случае они прибудут со всей возможной скоростью, даже если они сейчас за сто хаадов от нас. Приказы регента не обсуждаются.

— А если они работают? Ведь они курьеры.

— Если даже так, то они все равно работают на регента. Дити, в должности королевской особы есть свои недостатки, в иные дни я почти мечтаю снова стать рабыней. Но есть и свои преимущества. Карт пустил в ход одно из этих небольших преимуществ ради гостя, которому мы рады угодить. Ради тебя, дорогая.

Моя жена тут же приняла вид маленькой девочки.

— Я *не хотела* никого беспокоить, но спасибо тебе, Карт. Нам с Язвой очень хотелось увидеться с нашими друзьями. Как можно спуститься и встретиться с ними?

— Они сами сюда поднимутся, — заверил ее хозяин, — и эскорт будет расчищать им дорогу. Дити, когда мой отец заключил союз с главными племенами зеленых, покои в этом гостевом крыле перестроили, чтобы можно было принимать наших гигантских друзей. Вон в том зале позади вас потолок достаточно высокий даже для Ках Кахкана. Думаю, в вашей обеденной зале он тоже поместится. Есть по меньшей мере одна туалетная комната с подносами для омывания и всем прочим, что требуется для зеленых людей. Тира знает, где она находится, я — нет. Ваши гости останутся на ночь?

— Ну… мы об этом не думали.

— В любом случае вы должны сказать об этом только Тире. Ваши гости — наши гости так долго, как они захотят остаться. На одну ночь они вполне могут разместиться в том зале позади вас, они привыкли спать где угодно. Если визит продлится дольше, скажите Тире, и она подготовит ближайшие покои.

— Я… я потрясена. Но как я увижу Канакук?

Тоат не сможет подняться сюда.

Карт криво усмехнулся:

— Правда. Но вы сможете увидеть ее с балкона и спуститься туда, где она будет. Просто скажите Тире, и вас тут же обеспечат эскортом. Видите, вон тот огороженный участок во дворе? Во всех больших домах есть подобные места для тоатов… чтобы никакой вор не смог добраться до них ночью. Тира! Дорогая, передай страже, что тоаты зеленых гостей наших гостей будут пастись в этом дворе, а не с другими тоатами.

— Да, ваше высочество. Я уже сказала.

— Тира, если бы я мог убедить мать расстаться с тобой, то я бы разорвал твой контракт и назначил тебя государственным секретарем по внутренним делам… чтобы свалить на тебя половину королевской работы.

— Не соглашайся на это! — вмешалась Тувия. — У тебя не будет ни минуты покоя.

— Ваше высочество, у меня нет политических амбиций.

— Как и у меня, Исса их побери! Но мне деваться некуда. Теперь все хорошо, Дити? Мне нужно вернуться к работе. Это был восхитительный отдых, за который я вас благодарю.

Тувия потянулась и зевнула.

— Долг зовет и меня. Девушки, никогда не выходите замуж за политиков. Леди, джентльмены, можете ли вы нас отпустить?

— Минутку! — сказал Джейк. — Карт, можете вы ответить мне на один вопрос? Прямо, без уверток?

Карт тихо произнес:

— Как заместитель отца я не могу вести себя иначе. Говорите, почтенный доктор.

— Моя дочь, не желая того, привела в ваш дом двух зеленых людей. Возможно ли, что именно по этой причине у принца-регента и его королевской супруги теперь появились дела в другом месте?

— Нет, почтенный доктор, это *невозможно*. Но я должен прояснить ситуацию. Таум Такус мой родственник через Тарса Таркуса… во всем, помимо яиц. Ках Кахкан — нет, я видел его только на параде. Я с сожалением вынужден признать, что мы никогда не сражались бок о бок, хотя проливали кровь врагов Гелиума в одних и тех же битвах. Однако завтра или через десять циклов мы можем сражаться бок о бок или спина к спине. Неужели вы думаете, что я такой… «гордец» — мне кажется, я использовал правильное слово — такой сноб, чтобы отказаться разделить

вино и спальный шелк с таким воином, как он?

— Ваше высочество, я приношу свои извинения.

— Я не могу их принять, Джейк, поскольку у вас не было намерения обидеть, а я не обижен. Моя принцесса, я полагаю, мы должны подождать, чтобы встретиться с гостями наших гостей, поскольку они и *наши* гости.

— Мой вождь, ты говоришь с мудростью твоего отца. Я согласна.

— Эй! — воскликнула Дити, чуть не плача. — Папа, Тув, Карт, вы слишком серьезно к этому относитесь! Раз у вас есть работа, так пойдите и займитесь ей. Вы наверняка встретитесь с нашими друзьями в другой раз — и они вам понравятся. Но это не обязательно должно случиться *сегодня*! О господи!

Принц расслабился и больше не выглядел официально. Он улыбнулся той самой улыбкой, что делала его моложе меня.

— Хорошо, дорогая Дити.

Тувия и ее муж собрались уйти, но тут вмешалась Язва:

— Дити, мы забыли вернуть украшеньица! Тира! Нам нужна помощь. И кому-то придется отнести их назад.

И она принялась снимать «украшеньица», каждое ценой в тысячи нью-долларов. Испуганная Дити последовала ее примеру.

Тувия схватила их за руки.

— Что, ради всего святого, вы делаете?

— Возвращаем украшения, которые вы нам одолжили. Я пошлю Лабу и Кону, чтобы они все отнесли.

— Но мы их *не* одолжили. Это подарки.

— Тувия, если ты думаешь, что мы примем такие щедрые подарки, то ты не очень хорошо меня знаешь. И Дити тоже.

Да, Тувия тоже умела напустить на себя этот вид: беспомощная маленькая девочка перед лицом слишком больших проблем. Не были ли они с Дити близнецами в каком-то ином пространстве-времени? Или *будут* — выберите спряжение глагола, какое вам больше по душе.

— Если вы вернете их, то мне придется хранить их, пока они снова вам не понадобятся. И те, что от матери Деи, тоже. Возвращать подарки — значит накликать страшную неудачу, они означают разбитую дружбу.

Карторис подтвердил это.

— Может быть, вас убедит вот что: на Барсуме большая часть ювелирных украшений очень

старые. И большая их часть в конечном итоге оказывается в королевских семьях. Но драгоценности нельзя есть, они бесполезны как оружие, и обычно их нельзя продать, потому что обычно их получают в виде подарка. У матери наверняка есть целый сундук драгоценностей, которые она никогда не носила. Единственное, что можно сделать с украшениями — подарить хорошему другу, который будет их надевать. Поэтому если вы не оставите себе эти безделушки, они просто станут обузой, к которой нельзя прикасаться.

Так что наши дорогие девочки волей-неволей стали обладательницами состояния в бесценных украшениях. В итоге они снова надели то, от чего так поспешно избавились… и настояли на том, чтобы их снова поцеловали, на этот раз и Карт, и Тувия. Завершилось все тем, что мы с Джейком поцеловали руку Тувии и пожали руку принцу. Потом они ушли.

У Дити, как обычно, возникли сложности.

— Тетя Хильда, должны ли мы носить эти украшения для Каха и Томми Такера? Или снять все, кроме пояса и кинжал, как это делала Тув?

— Мы, конечно, спросим Тиру. Тира, золотко, как быть с этим?

— Принцесса Тувия вела себя корректно оба ра-

за. Когда она прислала это вам, а потом явилась, чтобы вас сопровождать, повод был формальным, хотя приглашение джеддары об этом и не говорило. Но когда она вернулась с вами, это перестало быть формальностью, так что она сняла лишнее.

Наконец-то я все понял: нашим дамам позволили спать сколько угодно, затем их не тревожили, пока они завтракали. Затем за них принялись все восемь пикси под руководством Тиры — вымыли, накрасили с головы до пят, уложили волосы в роскошные прически и украсили таким количеством драгоценностей, какого я не видел ни на одной женщине. Точно к моменту, когда Тира завершила работу над своими шедеврами, прибыла Тувия, столь же изукрашенная, в сопровождении гвардейцев в коже, и их повели к джеддаре, Дее Торис.

— Что она за человек? — спросил я.

— Очень милая и любезная.

— Но как она выглядит? — поинтересовался Джейк. — Она и вправду такая хорошенькая, как написано?

— У… не совсем. Я не думаю, что вам стоит попытаться с ней увидеться.

— Верно, — согласилась Язва. — Ты же знаешь, она старая женщина. Немного сгорбленная, бель-

мо на глазу, волосы жесткие, почти вся седая. Морщины…

— Язва!

— Я просто поддержала твою игру, девочка.

— Зебадия, ты когда-нибудь был актером?

— Пробовал один раз, не особо понравилось. А почему ты спрашиваешь?

— Ты понимаешь, что значит «доминировать»?

— Вполне.

— Кто была самая красивая женщина в истории?

— Елена Троянская.

— Попробуй еще. Подумай лучше.

— Венера? Парис так не думал.

— Еще попытка.

— Клеопатра?

Хильда сказала:

— Три выстрела, и все мимо. Дея Торис.

— И если вы двое когда-нибудь ее увидите, — сказала Дити, — ни один из вас больше не захочет смотреть на таких простых баб, как я или Хильда. Вы нас тут же бросите. Я не уверена, что по отношению к ней подходящим словом будет «доминировать», возможно, более правильным будет «снисходить». Но мы были там втроем, и на

Тувии было больше роскошных камней, чем на нас двоих. На тете Хильде было в основном то, что одолжила Дея Торис, а про мои Тув сказала, что это ее личные излишки, которые не вписываются в ее стиль. Но угадайте, что было на Дее Торис?

— Накидка с бриллиантами? И еще с рубинами и изумрудами, чтобы их оттенить?

— Куда лучше.

— Я знаю, — сказал Джейк. — Кинжал на поясе. Как на Тувии, когда она вернулась сюда.

— Не угадал. Но кое-что она носила.

— Хватит вилять, Дити, — решительно сказал я. — Что было на Дее Торис?

— Улыбка. Только улыбка. Никакого макияжа или духов. Волосы не уложены. Однако она выглядела роскошнее любой из нас. И я думаю, она это осознавала.

— Я *уверена*, что она это знала, — заявила Язва. — Но она ничем этого не показала. Обращалась с нами как с любимыми старшими сестрами. Говорила, какие *мы* красивые. Эти ее чертовы огромные, прекрасные сверкающие глаза! Если она позовет снова, а она угрожала это сделать, то я оденусь только в собственную кожу. Пусть она не такая шикарная, как у нее, но она моя, и я буду ей щеголять. Покачивая бедрами.

– XXV –
Зебадия

Следующие десять дней мы, беженцы с Земли-Ноль, были очень заняты.

Доктор Берроуз разбирался с тем, как передать методы «движения» квантовыми прыжками через шестимерное пространство принцу Карторису. Я потратил это время, пытаясь превратить «Гэй Обманщицу» из спортивного автомобиля, оборудованного искривителем пространства-времени Берроуза, в некое подобие звездолета — капсулу с системой жизнеобеспечения, предназначенной для космоса, которая одновременно была бы надежным, безопасным и сносным «иглу» для любого климата на любой планете, на которую мы рискнули бы опуститься. Это была нелегкая задача, в первую очередь потому, что внутри «Гэй Обманщицы» было очень мало места.

Я уже понял, что в первую очередь нам нужно место, чтобы все четверо могли вытянуться горизонтально. Это была настоящая головоломка, которую приходилось решать внутри габаритов «Гэй Обманщицы», в пространстве, занятом

сиденьями, органами управления, приборной панелью, лазерной пушкой, шестимерным искривителем пространства Берроуза, проводкой, трубками, запасами, одеждой, блоками питания, оборудованием и мощным двигателем главной тяги, который вообще не был предназначен для установки внутрь несущего корпуса «форда»-фибии.

Я никогда не собирался переделывать корпус — прочная шкура Гэй обеспечивала нам защиту от капризов погоды (Какая погода? На каких планетах?), от радиации, от резких, убийственных маневров и атак извне. У нее было много слабых мест — дверцы, места крепления пятислойного лобового стекла, «глаз» лазерной пушки, разнокалиберные «глаза» дальномеров, радаров ближнего действия и других точек (таких, как воздухозаборники), где по той или иной причине ее оболочка была пробита, а затем усилена, чтобы скомпенсировать возникающие напряжения, и загерметизирована.

Ниши для колес, а также выемки под крыльями, которые позволяли их складывать на сверхзвуковой скорости или раздвигать на дозвуковой, находились за пределами воздухонепроницаемого «кокона». Эти полости нарушали ее идеальную

форму, создавали точки напряжения при нагрузках на корпус, которые тоже приходилось усиливать… за счет лишнего веса, но подобные компромиссы приходится принимать.

Я надеялся, что ее главный конструктор, материаловед, специалист по аэродинамике и контролер качества — все были пессимистами, впитавшими горькую мудрость Закона Мерфи. Думаю, так и было — ведь старушка никогда меня не подводила. Но всегда что-то случается в самый первый раз… который становится самым последним.

Пожав плечами, я сказал:

— Спокойной ночи, Гэй. Прием.

— Крепкого сна, Зеб. Прием.

— Спасибо, Гэй. Конец связи.

Помимо спальных мест, я хотел добавить баллонов с воздухом (если это позволят технологии Барсума), а также поглотитель CO_2 (я полагал, что смогу изготовить его сам, если химия Барсума такая продвинутая, какой кажется). Использовать чистый O_2 я не собирался — даже если бы он у меня был — слишком много органических полимеров на борту, и все потенциально взрывоопасные при контакте с кислородом. Странно, что люди решили дышать самым опасным хими-

ческим элементом из всех возможных.

И все же самой простой — и самой сложной проблемой были спальные места.

Я безрезультатно обползал всю Гэй изнутри, все время на коленях и локтях, изгибаясь в разных позах, чтобы сделать измерения. Что Карт говорил о «мастере-скульпторе»? Мне бы очень пригодилась модель, которую можно открывать, и манекены нужного масштаба, тогда решение быстро бы нашлось.

Я вылез из машины и велел Гэй закрыться.

Сержант гвардии, несший стражу около машины, скомандовал подчиненным «на караул» и отдал мне честь. Я бросил «вольно» на барсумском и ответил тем же жестом. Мой эскорт строевым шагом последовал за мной.

— Дело не в том, что я лучший математик, Зеб, — объяснял Джейк. — Мобиас Торас, возможно, превосходит любого математика на Земле. Он не такой узкий специалист, как я и большинство моих коллег, — он выглядел задумчивым. — Что… я имею в виду «как много»… может узнать человек, если у него будет тысяча лет, чтобы заглянуть во все интересные закоулки математики? Боже милостивый!

— Мобиас Торас на самом деле настолько стар?

— Я не знаю и боюсь спрашивать. У меня сложилось впечатление, что говорить о возрасте невежливо. Я не знаю, сколько лет Мобиасу Торасу, но он тут единственный человек, у которого я видел седые волосы, морщины и другие признаки старости.

— Вероятно, это значит, что ему остался век или два.

— Как ты можешь говорить «вероятно», если у тебя нет данных? Я *точно* знаю, что он разбирается во многих сложных областях математики куда лучше, чем я, и знает такие, о которых я никогда не слышал. Но я добился меньших успехов, объясняя ему мои постулаты относительно n-мерных замкнутых континуумов, чем достиг с тобой.

— Со мной ты не добился вообще никакого успеха, ты…

— Свинская чушь! У тебя есть инженерный подход, Зеб. Некоторые преобразования были для тебя как греческий язык — и для любого, у кого нет основ. Однако ты принял мою абстрактную работу, не сомневаясь в ней, точно так же как инженер в области электроники должен принимать квадратный корень из минус одного. Зеб, ты *понимаешь практические* уравнения, к которым

я пришел. Ты можешь построить второй континуумоход без моей помощи.

— Ну… может быть.

— Конечно можешь! И второй образец, сделанный тобой, будет значительно лучше спроектирован. Мой — собранная наспех модель, куда пошло все, что было под рукой. Должен ли конструктор в наши дни повторять работу братьев Райт или Годдарда? Мой — Форд модели «Т», твой, наверное, «Роллс-Ройс». А может, и нет, но в любом случае твой образец превзойдет мою «Модель Т» — это элементарный факт инженерного искусства. Но вернемся к ученому Мобиасу Торасу — главным препятствием является *язык*.

— Я в этом не сомневался. Тувия недостаточно хорошо знает язык? Нет нужных математических терминов? Понятно, ведь она не математик, откуда ей знать.

— Нет! Нет! Насколько я могу судить, Тувия знает немало из того, что я бы назвал прикладной математикой инженеров…

— Как я, да?

— Возможно. Правда, она не сможет прочитать твои справочники, несмотря на знание английского. Проблема в *основе*. Зеб, математика — это *язык*, и это все, что о ней можно сказать.

— И чего в этом нового? Я узнал этот факт, еще будучи студентом.

— Возможно, ты им не до конца проникся, как Дити, у которой вся работа связана с символами. Скажи, Зеб, ты умеешь пользоваться счетами?

— Я пробовал. Научился простому умножению — крайне медленно. Для обычных задач я использую ручной калькулятор. Для длинных или сложных я обращаюсь к кому-нибудь вроде Дити, чтобы прогнать все через компьютер, — я самодовольно улыбнулся: — Теперь у меня есть собственный программист.

— Я горжусь этой девочкой, если можно так сказать.

— Джейк, если бы ты не гордился своей дочерью, я бы тебя не понял.

— Зеб, давай вернемся к Мобиасу Торасу. Образно говоря, я использую счеты, а он логарифмическую линейку. Наши символы не соответствуют друг другу, среди них нет эквивалентов. Понадобился целый день и доведенная до изнеможения Тувия, чтобы сойтись на одной идее: два плюс два равно четырем. Мобиас в конечном итоге согласился, что иногда это правда… но не часто.

— Ну… он прав.

— Я так ему и сказал через Тувию. Он ответил:

«Тогда *почему* ты просто не сказал?» — если опустить детали. Вскоре после этого встречу пришлось завершить — он утомился и явно был раздражен моей глупостью. Зеб, видимо, придется *показать* ему физически, как работает «Гэй Обманщица», иначе мы ни к чему не придем.

— Дать ему с ней поиграться? Нет!

— Ваши возражения, сэр?

— Доктор, ты можешь спросить свою жену. Думаю, Язва скажет тебе, что самый простой и наглядный способ продемонстрировать основы физиологии — это вскрыть живую лягушку. Но от самой лягушки потом будет мало пользы. Джейк, рабочие части твоего прибора, делающие «Гэй Обманщицу» чем-то большим, чем просто фибия, находятся в герметичной оболочке. Ты хочешь ее вскрыть? Если да, то можешь сразу начинать подыскивать постоянное жилье. Здесь. На планете без акушеров. Даже если *ты* решил рискнуть своим прибором — лично я нет, — но, если ты этого хочешь, ты должен сначала обсудить это со своей женой. И своей дочерью.

— Зеб, Зеб! Конечно, я не хочу вскрывать корпуса гироскопов. Но мы можем продемонстрировать, на что способна «Гэй Обманщица».

— Джейк, я не против демонстрации, но только

когда мы будем готовы к отбытию. Назови это предчувствием, но если хочешь, я могу все объяснить. Да дело даже не в предчувствии, просто я не думаю, что ты можешь убедить Мобиаса Тораса *в чем-либо* одной физической демонстрацией. Ты когда-нибудь видел, как ходят по углям?

— Нет. Но слышал обычные россказни.

— Я видел. Это не обман. Люди ходят босиком, и сильный жар им никак не вредит.

— Какая-то специальная подготовка, которая защищает их ноги. И, возможно, толстые мозоли.

— У Дити толстые мозоли. Как ты думаешь, *она* способна пройти невредимой через десятиметровую огненную яму, такую горячую, что стоит подойти, как волдыри на лице выскакивают?

— Должна быть какая-то подготовка… даже если ты ее не видел.

— Ты хочешь сказать, что я не был компетентным наблюдателем. Для справки: я не пил, меня не гипнотизировали, все происходило ясным солнечным днем, и мне ничто не мешало наблюдать процесс с максимально близкого расстояния, на котором я не чувствовал дискомфорта. Около метра от края ямы несколько секунд во время хождения по углям, потом я отошел на пару

метров, но по-прежнему видел все четко и ясно. Однако подготовка действительно была.

— Какая?

— Старая жрица вошла в огненную яму и *стояла* там не двигаясь, пока молилась. Кроме того, она рассыпала несколько семян на угли, не везде, а только там, где стояла. Вот и все приготовления — молитвы старой женщины.

— О, ради всего святого! Ты что-то проглядел.

— Если и так, ты бы тоже это проглядел. У меня со зрением все нормально. Джейк, ты отказываешься верить, что я видел то, что *видел*, поскольку это идет вразрез с твоими убеждениями. Но есть классическое объяснение тому, что я видел. Стандартная «простейшая гипотеза». Бритва Оккама.

— Хм-м. И что это за гипотеза?

— Магия.

Джейк вздохнул:

— Зеб, будь серьезным.

— Я совершенно серьезен, Джейк. «Магия» — классическое и корректное слово, или символ для любого феномена, совершенно незнакомого данной культуре. Не имеющего объяснения с помощью концептов, которыми располагает данная культура. Ты не сможешь обучить новым методам старого, опытного математика, показы-

вая ему магические трюки. Он либо отвергнет все как обман — как поступил *ты* с хождением по углям, — либо назовет все барсумским словом, обозначающим «магию»… и отбросит, поскольку это не имеет ничего общего с математикой. Ты *не сможешь* его убедить, что ты изучил геометрию замкнутого шестимерного пространства и сумел применить ее на практике. Он будет возмущен твоей попыткой одурачить его с помощью волшебных трюков. Ты только понапрасну наживешь себе врага — и притом весьма влиятельного, судя по всему. Говоришь, Тувия относится к нему с уважением?

— О да! Она не падает ниц, но относится к нему с чрезвычайным уважением. Хотел бы я, чтобы студентки, с которыми я имел дело, имели хотя бы десятую долю того уважения, что достается Мобиасу Торасу.

— И это супруга принца-регента! Готов спорить, что Карт ведет себя так же.

— О, так и есть! И он, и Дея Торис пытались переводить для меня… разве я не говорил? Они относятся к нему… ну, как король-католик мог бы относиться к папе римскому. Без раболепия, но с большим почтением.

— Хм-м, Джейк… если для тебя хоть что-то

значит мое мнение, ты либо выучишь его математическую терминологию и символы, либо найдешь способ научить его твоим. Или сдашься. Но ты не должен тыкать этого мудреца носом в такую сомнительную штуку, как инженерная демонстрация, *до того*, как он поймет нужную теорию.

Берроуз снова вздохнул:

— Я попробую. Но очень сложно учить студента, который думает, что знает больше тебя. И что самое неприятное — в данном случае студент прав. Я имею в виду в целом, не в моей узкой специальности.

— Дити — Зебадии. Ответь, Зебадия.

— Зеб — Дити. Слышу тебя четко и ясно. Насколько ты далеко?

— Я спрошу Каха. Ках Кахкан, как далеко мы отъехали? Он говорит, что мы на полпути к месту пикника. Дай мне напрямую поговорить с Гэй, дорогой.

— Хорошо, замолкаю. Конец связи.

— Привет, Гэй.

— Привет, Дити.

— Ты Умница, Гэй.

— Не так громко, Дити. Я храню твои секреты, ты хранишь мои.

— Спокойной ночи, Гэй. Прием.

— Возвращайся скорей, Дити. Прием.

— Принято, конец связи, Гэй. Дити — Зебадии. Ответь.

— Зеб — Дити. Я слышал вас обеих. Твой голос в наушнике, Гэй — в салоне. Громко и четко.

— Очень хорошая связь, да? Отлично.

— Может быть. Но закон обратных квадратов может все испортить. А еще нам наверняка повезло. В этом здании почти нет металла, и поэтому сигнал не гасится. Однако ты, должно быть, уже за горизонтом, а я в дырке, если можно так выразиться.

— Смотри на дырку, а не на бублик.

— Ты имеешь в…

— Имею в виду то, что сказала, мой невинный козлик. Зебадия, оставь свой пессимизм. Через восемь месяцев я собираюсь сказать: «Ой!» в какой-нибудь уютной, светлой и страшно чистенькой больничке, и ты станешь отцом мальчишки весом в четыре кило. Я в тебя верю.

— Девочка в три кило.

— Кто угодно, только не гермафродит с зеленой кровью. Человеческое дитя. Которое обделает тебе весь галстук, папочка.

— Я не ношу галстук и не собираюсь носить.

Дити, любое твое дитя может обделывать меня, когда захочет.

— Тройные аплодисменты Зебби! Дити, наш Зебби говорит хорошие вещи, как и положено мужу.

— Язва… — строго спросил я, — ты *снова* подслушиваешь?

— Я всегда это делаю, когда есть возможность, дорогой — и узнаю столько интересного. Хочешь со мной из-за этого поругаться?

— Только не с девушкой, которая ради меня вступила в схватку с гигантами. Твои дети тоже могут блевать на меня, Язва.

— О, спасибо, Зебби! А еще я разрешаю менять им подгузники.

— Эй, подожди… Ладно, я могу научиться.

— Я буду подавать, а ты заворачивать. Таум Такус просит засвидетельствовать свое уважение капитану Зебадии Джону Картеру из Виргинии. Официально.

— О. Наши зеленые друзья слышат только половину беседы, так?

— Нет. Мы с Дити используем наушники, а то, что мы говорим, они игнорируют. Томми просто услышал твое имя.

— Пожалуйста, скажи ему, что я возвращаю его

чувства с благодарностью, но добавь — я думаю, что странно слышать официальное обращение от человека, с которым пил прошлым вечером.

— Вторую часть фразы я не слышала, Зебби, и передать ее не могу. Они тут все *очень* официальные, дорогой, и особенно *los hombres verdes*[111].

— Поступай как знаешь, Язва, ты же всегда так делаешь. Так, Дити… нет нужды тестировать снова, пока вы не доберетесь до места. Я останусь на связи, у меня работа в салоне. Карт посылает информацию, что не нужно беспокоиться о флайере, что кружит над вами на высоте в километр-два. Он там для вашей защиты. Прием.

— И зачем? Ках и Томми могут защитить нас от чего угодно! Прием.

— Или умрут, пытаясь, я в этом уверен. Дити, Карт, как и я, любит перестраховаться. Поэтому если полетит какой-нибудь подшипник или с холмов на вас ринутся десять тысяч обезумевших банхов, половина флота Гелиума бросится вас спасать до того, как ты успеешь сказать: «Десант высадился!» Кроме того, если вы устанете, то сможете добраться домой по воздуху. Только

---

[111] Сноски: 111
Зеленые мужики (*ист.*).

крикни. Прием.

— Зебадия, если ты думаешь, что мы бросим Каха и Томми здесь, чтобы они добирались домой в одиночестве, когда в этом нет особой необходимости, то ты плохо думаешь о Хильде и обо мне. Прием.

— Я не могу плохо думать о любой из вас. У вас сердца больше, чем можно судить по размеру, и храбрости вам не занимать. Но я помню, что вы обе хрупкие дамы в положении. Скомбинировать этот тест с пикником — хорошая уловка, Язва умеет не только язвить. Но если у одной из вас случится выкидыш из-за слишком долгой прогулки верхом, весьма вероятно, что и Томми и Ках упадут на свои мечи, чтобы восстановить свою честь. Подумай об этом. Прием.

— Язва — Зебу! Я могу уверить тебя, опираясь на многолетний опыт волонтерской работы в больнице и приличный уровень образования, что мы еще очень далеки от критических сроков. Что за ерунда, у нас еще и месяца не прошло! Прием.

— Зеб — Язве. Хильда, я тебя люблю и уважаю. Хотя в тебе живет безрассудная склонность лезть в схватку не в своей весовой категории, иногда ты способна удержать Дити от глупостей, когда она не слушает ни меня, ни своего отца. Если

вы почувствуете хоть малейшую усталость, вы вызовете тот флайер? Если вы за пределами диапазона рации даже для ушей Гэй, Таум Такус может связаться через «Вестерн Унион». Дити не будет слушать меня, я всего лишь ее муж. Но если ее тетя Хильда захочет полететь домой, то она полетит с тобой… я думаю. Так что? Ну пожалуйста. Самое сладкое «пожалуйста» от меня. Обещаешь?

— Зебби, ты способен продать кукурузные хлопья каннибалам. Я обещаю. Если я устану, я вызову флайер.

— Мой капитан?

— Да, Дити?

— Мой капитан, мы полетим домой. Сейчас десять тридцать одна местного солнечного времени. Поскольку мы на полпути, то прибудем около местного полудня. Скажем, два часа на пикник, то есть четырнадцать часов. Я переведу это в их время, так что, будь любезен, попроси принца-регента забрать нас в…

— Моя принцесса!

— Да, сэр.

— Нет нужды спешить. Поскольку домой вы полетите, то веселитесь час или пять, как угодно. Проведите пикник, не глядя на время. Растяни-

тесь на травке и поспите. Проснитесь и выпейте чая. Гладьте Канакук и говорите ей, что я называл ее хорошей девочкой. Расслабьтесь и получайте удовольствие. Если вы не вызовете флайер к шестнадцати тридцати, патрульная машина приземлится, чтобы узнать, как у вас дела.

— Да, мой капитан. Благодарю. И пожалуйста, передай мои благодарности принцу-регенту. Прием.

— Карт будет рад, как и Джейк. Конец связи.

Хильде и Дити вряд ли требовался выходной, он у них уже был. Но ни одна из них не могла помочь Джейку в качестве переводчика, а мне категорически не нужна была помощь в принятии решений, как перестроить и переоснастить «Гэй Обманщицу». Поэтому они могли сколько угодно слоняться по городу — в полной безопасности, ведь Таум Такус и Ках Кахкан превратились в их личную охрану, ради чего их освободили от службы в полку и передали в распоряжение принца-регента, ну а он обеспечил им новое назначение в качестве телохранителей принцесс Хильды и Дити. Гиганты квартировали через коридор от четы Берроуз-Картер, они всегда носили военную форму и знаки различия, награды, шлемы и все оружие, кроме копий — длинный меч,

короткий меч, ружье и пистолет. Банкетный зал оказался неожиданно полезным, поскольку они часто ели со всей семьей, и когда они это делали, то еда для зеленых людей появлялась мгновенно — по велению Тиры, — как и огромные кубки такой формы, что подходили для огромных ртов с клыками.

Хильда попыталась заставить их оставлять оружие в фойе хотя бы на время приема пищи. Ках Кахкан не сказал ничего, вышестоящий офицер Таум Такус начал сильно шепелявить, пытаясь совершить невозможное — согласиться *со всем*, что пожелает принцесса Хильда, и одновременно отвергнуть ее предложение.

Конечно, мне пришлось вмешаться.

— Погоди немного, Язва. То, что ты делаешь — это словно заставить преподавателя из твоего университета прийти к тебе на ужин без штанов. Позволь мне уладить дело. Таум, обрати внимание: Джейк носит только саблю, а не пистолет. При мне только моя шпага. Это семья, и вы двое — тоже наша семья, хоть и приемная; вы наши старейшие друзья на этой планете, и вы спасли нас в диких местах. Разве дома недостаточно будет ремня и короткого меча?

Тут Таум Такус сумел справиться с шепеляво-

стью.

Шлемы, снаряжение, украшения, длинные мечи, пистолеты, ружья и прочие вещи, которым я не знал названия, оказались на полу в фойе, разложенные так, чтобы их можно было быстро схватить. Гиганты лишились своей военной чопорности и начали вести себя как друзья в компании друзей.

Я действовал не по наитию — я понимал ситуацию лучше, чем Хильда, возможно, потому что не столь прямолинеен, как она. Наша семья быстро приспособилась к барсумским обычаям в одежде. Хильда и Дити *всегда* носили кинжалы (и редко что-либо еще), расставаясь с ними, только чтобы принять ванну или лечь спать. Мы с Джейком поступали точно так же со шпагой и саблей.

С одеждой произошла еще одна неловкая ситуация. Однажды вечером, когда мы, мужчины, отсутствовали, Дея Торис сообщила, что желает нанести им визит — если им будет удобно. Естественно, обе женщины понимали, что желание джеддары — закон, только вот Дити почувствовала, что им понадобятся Тира и ее восемь дев, чтобы помочь им накраситься и увешать себя всеми подаренными украшениями… в то время как миссис Берроуз настаивала, что Дея Торис

сама создала прецедент, и она, черт побери, намерена принять джеддару лишь в собственной шкуре! Она знала, что ее шкура не идет в сравнение с кожей Деи Торис, но, во имя всех святых, это *ее* шкура, и она ее не снимает!

Им удалось найти компромисс: они вымылись, не стали делать макияж и обошлись мечом и кинжалом. Они приняли Дею Торис в фойе, Дити нервничала, Хильда дулась; Тира вежливо отказалась давать им советы.

Прибыли джеддара и принцесса Тувия, последняя украшена так же затейливо, как во время их визита к ее свекрови. Но на фоне украшений и драгоценных камней джеддары наряд Тувии выглядел так, словно она в последний момент нацепила несколько безделушек, попавшихся под руку… обе дамы с Земли почувствовали, как опустились их сердца. Faux pas[112]!

Но чувство неловкости, по словам Дити, длилось лишь считаные мгновения. Поскольку Дея Торис хлопнула своими изящными руками под подбородком и воскликнула:

— О, сколь вы обе прекрасны! В прошлую встречу я этого не поняла — слишком многое тогда

---

[112] Сноски: 112

Faux pas! — какая незадача! (*фр.*) — *Прим. С. В. Голд.*

прятало вашу красоту!

Потом она скользнула вперед, одной рукой обняла Дити за талию, другой Хильду за плечи, поцеловала одну, другую.

Они отправились в большой зал. Вдоль правой стены стоял диван четырех метров длиной, метр глубиной, поднятый над полом на тридцать сантиметров, мягкий, точно пол в спальне, и заваленный подушками. Хильда набросила на него свою норковую накидку, чтобы придать съемному жилью домашний вид. Джеддара прошла прямо к этому дивану и устроилась на нем словно кошка, позволив остальным сидеть или лежать. Тира и ее «войско» засуетились, обеспечивая вино и закуску.

Дея Торис отщипнула кусочек, прикоснулась губами к вину, отпустила пару вежливых реплик, а затем неловко поежилась.

— Милые хозяйки, — сказала она, — вы позволите мне ощущать себя так же комфортно, как ощущаете себя вы?

И за одиннадцать секунд Тира, Фиг, Кона и Ларло освободили джеддару и супругу принца от всего, кроме кинжалов. Дея Торис потянулась с довольным видом, свернулась клубочком и потерлась щекой и накидку так, словно только что

ее заметила.

— Дити, эта вещь не с Барсума?

Хильда ответила:

— Она с Земли, ваше императорское величество.

— Зачем ты так, Хильда? Я думала, мы подруги! Или мне стоит вести себя официально?

— Прошу прощения, Дея. Это накидка из мутировавшей норки. Ее оттенок называется «закат». Примерь ее, мне кажется, что по цвету она хорошо идет к твоим волосам и коже.

Дея Торис изящно поднялась, Хильда накинула на нее норку и показала, как ее носят:

— Застегивают у горла. Или можно завернуться и держать за внутренние карманы. Или позволить свисать с плеча. Или и то, и другое.

Джеддара попробовала все варианты.

— Чувствую себя в ней *роскошно*! Тира, тут есть зеркало?

Тут же появились четверо из команды Тиры с зеркалом из тонкого, отполированного металла в метр шириной и почти в рост человека. (Дити позже призналась мне, что в тот момент она задумалась — где Тира прятала *такое*? Оно бы ей самой пару раз пригодилось.) Дея Торис снова примерила накидку всеми способами, находя

различные вариации от закутывания до маняще-провокационных на грани стриптиза. При этом она не пыталась сознательно кого-то дразнить, она просто инстинктивно понимала, как можно использовать красивую одежду.

Наконец она сбросила накидку с плеча и позволила Тире вернуть ее на диван.

— Спасибо, что позволила ее померить, Хильда.

— Она твоя, Дея.

Как Хильда объяснила Джейку — накидка выглядела так, словно была создана для джеддары.

— Хильда, но я *уверена*, — начала та с сомнением, — что это подарок твоего высокоученого доктора.

— Ничего подобного, Дея. Я купила ее на свои деньги задолго до того, как мы поженились.

— Это правда, — подтвердила Дити. — Я знаю, что Хильда владела ей минимум два цикла до того, как вышла замуж за папу. Я помню, что не раз видела ее в этой накидке.

Дея Торис изобразила реверанс, чем снова напугала Дити.

— Я буду носить ее часто, Хильда, думая о тебе. Едва могу дождаться момента, когда мой муж увидит ее на мне. — Она провела у них еще час,

а потом сказала: — К сожалению, я должна вместе с сыном посетить одно унылое мероприятие. Не спеши, дитя, — последняя фраза относилась к Тувии, — мы с Карторисом прекрасно со всем управимся. Нет, Тира, я не собираюсь надевать все это, пока не начнется прием.

Она ушла в своей накидке, за ней следовали Лаба и Тика, нагруженные ее официальными украшениями, со всех сторон их окружал вооруженный эскорт.

Тувия проводила ее до двери, потом вернулась, опустилась на пол, задумчиво почесала ребра и сказала:

— Девочки, поведайте мне свой секрет!

— Какой секрет, Тув? — спросила Дити.

— Откуда вы узнали, что мама Дея ненавидит наряжаться? Я вам не говорила, мне не велели это говорить. Тира? Нет, из нее так просто ни слова не вытянуть. Кроме того, Тира *любит* наряжаться… хотя наслаждается возможностью не носить ничего, даже пояса с кинжалом. Тира, ты тиран! Так кто же это разболтал? Карт?

— Чистая логика, — объяснила Хильда, сначала Тувии, а потом и мне. — Поскольку Дее приходилось официально одеваться тысячи раз…

— Десятки тысяч раз, Хильдочка. Мне тоже

приходилось, не так часто, но куда больше, чем хотелось.

— …и поскольку она принимала нас неофициально, даже без пояса и кинжала, и попросила нас обходиться с ней по-дружески, то, естественно, мы знали, как надо одеваться. Но мы решили, что снять с себя еще и пояс с кинжалом — это уж слишком.

(На лице Дити не дрогнула ни одна черточка.)

— Да, мать Дея — единственная, кто может принимать гостей без подобной формальности. Я не смею, даже своих друзей. А у меня не так много друзей — их и не может быть много, работа не позволяет. И это делает вас такими ценными для меня и для Карта. Как мы будем скучать, когда вы от нас улетите! *Если* улетите — мы надеемся, что нет.

— Мы должны, Тув.

— Я знаю, Дити. Ты хочешь отложить их дома. Должно быть, это странное ощущение — носить оплодотворенное яйцо внутри. Оно радостное, но я не уверена, что хотела бы такую ответственность, — она внезапно коснулась пояса. — Не хочу носить даже вот это. Пригласите меня в свою ванную. Мой ответ — «да».

— Тув, я вспотела. Прими ванну со мной.

— О, спасибо, Дити. Тира — сюда!

— Ребенка забыли! — сказала миссис Берроуз.

Это была замечательная история, которая показывает, насколько изобретательны наши жены.

– XXVI –
Зебадия

Ситуация может быть такой отчаянной, что говорить правду просто необходимо.

Я вовсе не рекомендую делать это каждый день, я никогда не встречал людей, гордых тем, что они «всегда говорят правду», и у которых остались друзья. «Правда, только правда и ничего, кроме правды» нужно оставить для зала судебных заседаний, для социальных отношений это чистый яд. Некоторые люди (моя жена Дити, например) не имеют таланта к приукрашиванию и вынуждены прибегать к умолчанию… с чем Дити прекрасно справляется. Молчание служит ей так же хорошо, как и та пустая болтовня, за которой Язва прячет свои мысли.

Но *репутация* правдивого человека — ценное приобретение, стоит только помнить, что, выбалтывая все, что знаешь, такой репутации не добиться. Она приобретается, если говорить правду избирательно, держать язык за зубами большую часть времени и не врать без нужды… особенно когда ложь может обернуться и вонзить

в тебя свои клыки.

Барсум отточил мой талант креативного словоплетения до последнего предела. Пока… лучше я начну сначала.

Неприятности возникли из самого невинного источника: из сочетания добросердечия Дити и Язвы и великодушия Карта. Было королевским жестом с его стороны забрать Таума Такуса и Ках Кахкана из их полка, приставить к королевскому двору и назначить телохранителями наших дам. Это доставило удовольствие нашим женам, нашим друзьям-великанам, мне, Джейку, а также самому Карторису, потому что он был из тех, кто получает огромное удовольствие, делая что-то приятное для своих друзей.

Но это было не просто приятно, это очень помогло мне, Джейку и самому Карту. У меня была работа — вроде бы мелкая, но в очень большом количестве — по перестройке «Гэй Обманщицы», чтобы сделать ее более сносным местом обитания, как в невесомости, так и на поверхности планеты (любой планеты!), причем на неопределенно-долгие периоды времени.

(Наше путешествие на Барсум напугало меня сильнее, чем я хотел признать. У нас не было оснований считать, что воздух на Барсуме пригоден

для дыхания, поскольку атмосфера его аналога, Марса, не оставляла нам иного выбора. Мы могли либо задохнуться, либо поджариться над свежим радиоактивным кратером — согласитесь, это не самый лучший выбор. На этот раз я планировал приготовиться куда лучше.)

Джейку предстояла еще более сложная работа: выполнить наше обещание и подарить Карту возможность путешествий во времени и пространстве, то есть вручить подарок, способный решить политико-экономические проблемы его королевства и как минимум уравнять Барсум с Землей-Десять в соотношении импорта и экспорта. Насколько важно это было, мы узнали не сразу, мы понимали только, что Земля присылает туристические корабли примерно дважды в месяц. Из этого я сделал вывод, что на Земле-Десять решили проблему двигателей постоянного ускорения, и мои наблюдения подтвердили этот вывод. Никаких неуклюжих штук вроде ракет, звездолеты плавно спускались из зенита — сначала пятнышко, потом диск, затем огромный цилиндр, что садится на дно мертвого моря в километре от тебя.

Космопорт пользовался правом экстерриториальности — граждане Барсума не бывали

на борту кораблей. Для Карта и других членов королевской семьи была устроена парадная экскурсия, но принц смущенно признался, что им не показали рубку или двигательный отсек, а на все вопросы о них были даны весьма неопределенные ответы. Но даже Вождь не стал настаивать, поскольку всем было ясно, что планета с ее скудными запасами энергии и металла не в состоянии построить такой корабль, даже если бы на Барсуме знали — как.

(Джон Картер куда лучше остальных должен был понимать, какой громадный промышленный комплекс должен стоять за постройкой даже океанского сухогруза. Подозреваю, его долгое отсутствие в столице могло быть вызвано недовольством по поводу одностороннего характера, который приняла межпланетная торговля… пусть даже Гелиум нуждался в «незримом экспорте» в виде туристов. Я не завидую королям… или джеддакам; я помню, что случилось с некогда великими нациями Полинезии, и думаю, что от такой же печальной участи Барсум спасло лишь то, что он оказался для землян интересным, как место для посещения, но не для жизни.)

Как только я разобрался с потребностями «Гэй Обманщицы», местные ремесленники смасте-

рили по моим чертежам кое-какие нужные приспособления. На Барсуме оказалось возможным получить сжатый воздух в сферических баллонах и даже некую разновидность поглотителя углекислого газа. Хотя на Барсуме не было печатных прессов и сотен других машин, здесь знали технологии работы с газами, потому что величайшим инженерным достижением планеты был атмосферный завод. После этого я попытался помочь Джейку с его проблемой.

Я не был настолько глуп, чтобы обучать местных специалистов математике, которую сам не понимал — поэтому теорию я опустил. Я решил прибегнуть к инженерному подходу, для чего привлек к делу Карта. Инженеру не обязательно разбираться «почему», если он знает «как».

Я сказал Карту, что не понимаю математики, на которой основан искривитель пространства доктора Берроуза… «но Карт, я могу рассказать тебе, как с его помощью двигать небесные колесницы, а вот эти микрофильмы покажут тебе их внутренности; хочешь узнать, смогут ли ваши техники скопировать эти внутренности?»

Проекционную аппаратуру для микрофильмов получить было несложно, поскольку линзы на Барсуме делали с незапамятных времен. Про-

ектор, созданный за одну ночь, не походил на продукцию «Истман-Кодак», но увеличивал кадры до любого размера, без искажений, а источник света не нагревал пленку. И никаких фотокопий. Вместо этого перед проектором поставили полупрозрачный экран, и художники аккуратно прорисовывали на нем чертежи с обратной стороны. Два дня спустя этим занимались уже двадцать художников с помощью двадцати проекторов.

Карт знал сферическую геометрию, о чем я мог бы догадаться, поскольку его раса освоила полеты над планетой, когда моя еще считала Землю плоской. От нее было легко перейти к понятию замкнутого, искривленного пространства. Я провел одно утро с Картом, создавая модели тессерактов и гипертетраэдраэров с помощью глины и «зубочисток» — щепок барсумского бамбука, — и тут принцу неожиданно пришла идея.

— Зеб, если эта штука — набросок куба с дополнительным измерением, гиперкуба, тессеракта, как ты его называешь, то может существовать и гиперсфера, если считать сферу гиперкругом, а куб — гиперквадратом! Клянусь Яйцами Иссы, все так! Хотя я не могу представить, как будет выглядеть гиперсфера.

— Я тоже не могу, Карт. Думаю, и Джейк не может. Но нет необходимости это представлять, достаточно понимать, что она может существовать.

Отсюда было совсем легко перейти к аналогии с триволом и к моменту, когда мы сделали перерыв на еду, Карт *мыслил* в терминах шести измерений и был очень воодушевлен. Поэтому мы пили больше, чем ели, и говорили еще больше, и оба мы слегка окосели.

Тувия обнаружила нас в этом состоянии и начала над нами подшучивать. Затем она увидела, что можно сделать из кусочков глины и палочек, изготовила под руководством мужа проекцию тессеракта и вскоре тоже пила с нами.

Последняя более-менее связная ремарка, которую я помню, прозвучала, когда мы парились в одной из их ванных комнат (такая же, как наша, только больше), и произнесла ее Тувия:

— Скажи мне, Зеб — гиперкруг это сфера, а у гиперсферы еще на измерение больше… но как выглядит гипергрудь?

В этот момент мне казалось, что грудей у нее четыре, так что я с большим трудом отвел взгляд и сказал очень осторожно:

— Принцесса Сувия… э, принцесса Тувия… даже

не будем *думать* об этом! Некоторые вещи совершенны в том виде, в каком они есть! Я сказал!

— Слушай его! — согласился ее муж и макнул ее в воду с головой, а потом и меня.

Потом мы оба макнули его. Это был очень успешный семинар по геометрии.

Через несколько дней Карт сделал вывод, что единственной вещью, которую им не сделать на Барсуме с помощью местных мастеров, являются гироскопы.

— Полагаю, что это все, Зеб.

— Да ладно? Вы можете покупать вещи на Земле?

— Да. Но мы редко это делаем. Дорого.

— Давай разберемся, насколько дорого. У нас есть спецификация для гироскопов. Разве не может атташе по торговле из земного посольства предоставить прайс, включая доставку в Гелиум?

— Полагаю, что может. Но это будет на уровне выкупа за джеддару.

— Хм-м… может быть, мы сможем добиться конкурентных поставок, чтобы снизить цену. Не просите гироскопы именно «Sperry», пусть выдадут предложения по всем, что подходят под спецификацию. Я ее составлю, ты переведешь

на барсумский, потом Тув переведет обратно на английский и в земные единицы. Я проверю, чтобы ее перевод означал в точности то, что мы хотим сказать. Затем ты подпишешь версию на барсумском вместе с переводом Тув… и они никогда не догадаются, зачем они вам нужны, или что я приложил к этому руку. Они посмеются, как легко все выходит… и завысят цену очень сильно. Но не так сильно, как если бы ты запросил «самую низкую цену». Пусть они думают, что ты решаешь, что дешевле: купить гироскопы или сделать самим. Я подберу формулировки, чтобы так все и выглядело. Потом посмотрим, как будет звучать в переводе Тув. Она *не должна* видеть мой текст, *пока* не переведет твою версию. Тебя ограбят… но не так нагло, как если бы атташе счел тебя беспомощным.

— Так Сперри — не единственный землянин, который может это сделать?

— Сперри — не человек, это подразделение крупной производственной компании. Карт, на Земле есть как минимум дюжина компаний, способных изготовить гироскопы по этим спецификациям. Идея в том, чтобы они начали конкурировать друг с другом, снижая цены сейчас в надежде на больший заказ в будущем. Я

оставлю в тексте намек, что они вам нужны для гиронавигаторов ваших воздушных лодок и это пробный заказ.

— Что такое гиронавигаторы?

— Что-то вроде автоматических навигаторов, которые ты используешь сейчас, только ваши лучше. Я не знаю, как работают ваши… но я знаю, что они очень точные, на любой широте, точнее наших.

Таум Такус и Ках Кахкан в качестве провожатых для наших дам приносили нам большую пользу. Нам с Джейком не часто требовались помощники, но теперь они всегда были под рукой. Первоочередной их задачей стало снабдить Хильду защитной одеждой для любого климата, а одежда ради *защиты* тела в Гелиуме не была в новинку. Портные, создавшие сбрую для «Гэй Обманщицы», могли повторить для Хильды что угодно из гардероба Дити… но лучше, настолько лучше, что Дити выкинула несколько вещей, чтобы заказать новые, как у Хильды.

Так же поступили и мы с Джейком, когда дошла наша очередь. Самым шикарным был полностью меховой комбинезон, который назывался «костюм для охоты на обезьян», в него были вшиты противобликовые очки и сапоги для ходьбы по

снегу с протекторами на подошвах. Более того, этот костюм «дышал» — пот очень опасен в Арктике, это скажет вам любой эскимос. При этом четыре комбинезона заняли место, освободившееся от моей парки, которую я немедленно выбросил.

Обувь для Хильды мы получили, показав кожевникам обувь Дити — они сделали слепки с миниатюрных ножек Хильды и создали идеальную обувку, более долговечную, комфортабельную и красивую, чем оригинал. Естественно, Дити тоже обзавелась новой обувкой, и мне пришлось настоять, что в обмен на каждую новую пару она должна выкидывать одну старую и что у Хильды может быть столько же пар, сколько у Дити, но не больше.

Ботинки занимают место, а место у нас было на вес золота.

Так же на вес золота была помощь Таум Такуса и Ках Кахкана. Благодаря ей у Хильды и Дити появилось время разглядывать достопримечательности, на которые мы с Джейком тоже хотели бы посмотреть, но у нас этого времени не было. Поэтому мы смотрели их глазами, слушали их ушами и знакомились с их докладами (надиктованными на пленку, потом их пере-

писывали в память «Гэй Обманщицы», чтобы освободить кассеты для следующего дня) и строго лимитированными стереоснимками (стереть их было невозможно, а мы не знали, сколько миров нам еще предстоит посетить). Таум Такус и Ках Кахкан позволяли мне и Джейку работать, не беспокоясь о наших любимых. Даже роскошные покои могут казаться тюрьмой. Нам не пришлось убеждать жен оставаться дома ради безопасности — Гелиум, при всей его красоте, опаснее джунглей Нью-Йорка. Но с гигантскими воинами и гигантскими тоатами, способными отделить их от толпы (и от туристов), они могли пойти куда угодно.

Взвод красных воинов не смог бы защитить их лучше.

Так что мы с Джейком были обязаны Томми Такеру и Каху столь же сильно, а может, и больше, чем наши любимые. Ну а кроме того, оба были хорошей компанией для меня и Джейка в те вечера, когда мы не работали — друзья, по которым мы будем скучать.

Я не задумывался над тем, как нам удалось их заполучить, просто поблагодарил Карта. Если главнокомандующий счел нужным предоставить воинов в распоряжение почетных гостей — зна-

чит, это в порядке вещей. Что ж, такая практика принята и на Земле. Однажды я провел две недели в качестве партнера по танцам для жены сенатора США, когда он заехал в Австралию во время моей службы.

Но потом Дити обнаружила, что не все так замечательно — Дити любит докапываться до самых корней. Однажды вечером она пришла ко мне совершенно расстроенной.

— Зебадия, ты знаешь, что *каждый день*, который Томми и Ках проводят с нами, стоит бедняжкам денег?

Я не знал и решил спросить Карта.

Он выглядел озадаченным:

— Зеб, каждый способный на это гражданин мужского пола подлежит призыву на военную службу. Находясь на ней, он получает паек, в натуральном виде или наличными, квартиры, если он не на маневрах, довольствие на кожаную униформу и оружие, а также фураж для своего тоата, если в нем есть необходимость. Что еще нужно солдату? Твои друзья живут во дворце, кормятся с дворцовой кухни, а их тоаты под присмотром рабов. Их обязанности не обременительны, и я сомневаюсь, что им приходится браться за меч. В чем проблема?

— Карт, они оба работали на «Американ Экспресс».

— Да. И их рабочие места останутся закреплены за ними, пока я их не освобожу, можешь быть уверен. Я слышал, что землянин, управляющий «Американ Экспресс», тот еще тип… но он не осмелится идти против регента.

— Но все это время они не зарабатывают денег. И это беспокоит Дити.

Карт раздраженно поджал губы:

— Мне очень жаль, что принцесса Дити обеспокоена, но я не нанимаю воинов у «Американ Экспресс». Они сражаются за меня — или исполняют долг иначе — когда нужно. Я сказал.

Если бы я не был грубым, наглым американцем, я бы принял такую отповедь.

— Погоди секунду, Карт! Не будь таким официальным, черт возьми. Я должен как-то решить эту проблему, иначе Дити с Хильдой не захотят, чтобы наши большие друзья были рядом. А это будет неудобно для наших дам — и для нас с Джейком, и для тебя тоже, потому что тогда я не буду тратить столько времени на попытки создать для Гелиума машину пространства-времени. Я имею в виду, мне придется больше времени уделять Дити, а Джейку — Хильде. Мы не можем их за-

переть, а ты сам предупреждал, что им не стоит ходить без сопровождения. Я *не* предлагаю тебе нанимать воинов у «Американ Экспресс», это будет плохой прецедент. Просто мы с Джейком должны выплатить им то, что они теряют. Золото у вас в ходу, не так ли?

— Золото везде в ходу, верно? Мы его используем, и я предполагаю, что деньги землян — то же золото, поскольку туристы платят золотом, и мы платим золотом за те немногие вещи, которые ввозим с Земли. Танпи равняется доллару, более-менее, обменный курс плавает.

Я не знал, сколько золота составляет один танпи[113], я не использовал деньги с тех пор, как мы покинули Уютную Гавань. И я не был в курсе, сколько золота было в одном долларе Земли-Десять — это могла быть доля нашего нью-доллара или целая их куча. Но в любом случае я мог узнать, сколько грамм золота в танпи. У меня были слитки и запас австралийских золотых монет — их принимают *везде* — и еще нью-доллары в золоте, припрятанные в «Гэй Обманщице». Наличные на экстренный случай, для выкупа

[113] Сноски: 113

На Барсуме в ходу три вида монет: бронзовая (пи), серебряная (типи) и золотая (танпи). Танпи примерно эквивалентна одному доллару в ценах 1886 г., что составляет около 1,5 г золота. — *Прим. С. В. Голд.*

или взятки, настоящие деньги, которые звенят и способны вызволить тебя из тюрьмы, когда даже миллион в Бостонском банке бесполезен. Джейк, очевидно, думал схожим образом, он взял в монетах и слитках еще больше золота, чем я.

— Думаю, я спрошу у Таума и Каха, сколько им платит «Американ Экспресс», и мы с Джейком заплатим им эту сумму. Нас это не разорит. Ты никак в этом не будешь замешан, никаких ненужных прецедентов. Просто забудь об этом разговоре.

— Я могу забыть о нем, — Карт криво улыбнулся. — Но твоя проблема этим вовсе не решится. И моя тоже, поскольку я *не могу* позволить, чтобы принцессы Дити и Хильда ходили без охраны. По всей видимости, я в ловушке между упрямством Дити и твоим собственным.

— Не упрямством, ваше высочество. Честью. Нашим пониманием справедливости.

— «Высочество»! А теперь кто из нас ведет себя официально со своим другом?

— Извини, Карт. Но почему мой вариант не сработает?

— Зеб, если ты считаешь, что твоя честь и твое понимание справедливости чего-то от тебя требуют, валяй, делай то, что оскорбит зеленого воина.

Но я бы лучше затеял дразнить банха с голыми руками. Если ты спросишь у Таум Такуса, сколько ему платят в «Американ Экспресс», он простит твою грубость, поскольку ты иностранец. Но он тебе *не скажет*, он сделает вид, что не понял тебя, и так искусно, что ты не сможешь переформулировать вопрос. Если ты попытаешься *дать* ему денег… я не берусь предсказать, чем это кончится. Но я уверен — он их не примет. Он будет оскорблен до глубины души. Он не убьет тебя, ты мой гость, и ему приказано охранять тебя и твою семью. Но он может внезапно забыть все английские слова, поскольку это не входит в обязанности воина. Он никогда больше не будет есть с тобой, пить с тобой или расслабляться в твоем присутствии. Ты уверен, что этого хочешь? Это не решит проблемы Дити.

Я покачал головой:

— Карт, я в замешательстве. Примерно тридцать дней назад джеддара и Тувия подарили Дити и Хильде украшения, столь роскошные, что я не могу их оценить … и им *пришлось* принять подарок. Потому что выбора не было. Позже Хильда подарила твоей матери накидку — достаточно дорогую для Земли, и я не знаю, сколько она стоит здесь. Джеддара просто убедилась, что

накидка не была подарком Джейка самой Хильде — я уверен, что так и есть, — после чего охотно ее приняла. А теперь выясняется, что я не могу возместить двум друзьям потерянные из-за меня деньги. Почему один подарок считается приемлемым, а другой — нет? Я подозреваю, что накидка стоит вдвое больше, чем Таум Такус получает за целый цикл.

— Ты близок к истине, хотя десять циклов — ближе к правде. Ты говоришь, что эта накидка дорого стоила на Земле?

— Вполне. Хильда достаточно богата.

— Я не удивлен. Такой мех был бы дорогим, будь он с нашей планеты, а поскольку он привезен с Земли, то это щедрый подарок даже для джеддары Вождя. Мать почти не выпускает ее из виду. Зеб, твои затруднения порождены тем, что ты пытаешься складывать непохожие вещи, что невозможно, я думаю, в любой математике. Таум Такус вовсе не беден, он из процветающего племени и племянник по выводку его джеда. Ках Кахкан, я полагаю, небогат, если речь о деньгах, но его богатство — незапятнанная честь. Он *не* примет от тебя, друг мой, даже маленькой монетки — его честь этого не позволит. Но если бы принцесса Хильда решила вручить ему ту

роскошную накидку, он бы принял ее вежливо, с благодарностью, и лелеял бы до смерти.

— Карт, я загнан в угол. Как мне удовлетворить Дити? И Хильду? Хильда способна это понять… но Дити *упряма*.

Он улыбнулся:

— Я знаю! Зеб, ты заметил сходство между нашими женами?

— Помнишь, как я впервые увидел Тувию? Это был силуэт на фоне яркого солнца. Тогда я назвал ее «Дити».

— Так и было! Будь они обе белыми, как ферны, или черными, как Перворожденные, можно было бы поклясться, что они вылупились из одного яйца. Но все куда глубже. Души-близнецы, и обе… *упрямы*!

— Могу я передать Дити твои слова… с твоего позволения?

— Конечно, конечно! А я тем временем подумаю над твоей проблемой — а это *действительно* проблема.

— Ты можешь попросить Тувию подумать над ней. Она понимает Дити… и она знает ваши обычаи, о которых Дити не в курсе.

— Хм, это и может быть решением!

— Тем временем я попытаюсь отвлечь Дити.

Сколько грамм золота в одном танпи? Мы с тобой работали в сантиметрах и граммах прямо вчера. Сможешь мне сказать?

— Один момент, — Карт погрузил стилус в чернила и начал писать барсумские цифры, для меня столь же непонятные, как персидский алфавит. — Чуть больше грамма золота. Пусть будет грамм.

— А сколько механик зарабатывает в день? Или искусный плотник. Десять танпи?

— Исса, нет! Один танпи, если он хорош.

— Курьер получает больше? Или меньше?

— Телохранитель получает меньше опытного механика и курьер тоже… если только он не говорит по-английски. Зеб, любая работа, требующая знания английского, оплачивается лучше, чем та же в точности работа, где нет необходимости использовать два языка. Предположим, что англоговорящий телохранитель может получить полтора танпи в день или даже два, если он умеет еще и читать. Но даже если мы узнаем эту цифру в точности, это тебе ничем не поможет, поскольку тут дело не в деньгах. Объясни это Дити и скажи ей, что придется подождать.

Вслед за этим я совершил нечто глупое, хотя в тот момент оно так не выглядело. Вечером,

когда слуги не могли нас слышать, я попытался разъяснить ситуацию Дити, Хильде и Джейку.

Дити сказала:

— Смехотворно! Хильда, мы не можем с этим смириться, правда?

Хильда выглядела несчастной.

— Моя дорогая дочь, — сказал Джейк, — мы должны признать, что Карт знает, о чем говорит.

— Но он не смотрит на это с *нашей* точки зрения! Я иду прямо к Дее Торис! Она знает, что делать.

— Дитичка, нет, — сказала Хильда.

— Тетя Хильда, только не говори, что и ты против меня! Тебя это так же возмутило, как меня!

— Я возмущена до сих пор. Но давай не будем трогать Дею до пунша в воскресенье. Зебби, мы не можем дать им *денег*… но мы можем преподнести им подарки не в виде денег, так?

— Насколько я понял — да.

— Тогда все это можно решить. Дити, успокойся. Это должен быть подарок — подарки, по одному на каждого — стоящие как минимум столько же, сколько они потеряли.

— Но мы даже не знаем, сколько это! И мы не можем узнать! Зебадия, Карт сказал тебе чистую правду… потому что я уже спрашивала, и Томми

с Кахом повели себя так, словно не поняли вопрос. Томми начал шепелявить, говорить уклончиво… и я отступила.

— Да, — подтвердила Хильда. — Дити попыталась не сжечь сарай после того, как сено украли. Не переживай, Дити, золотце, мы все выясним. И подберем роскошные подарки.

— Они должны быть полезными, — вмешался Джейк.

— Почему? — спросила Дити. — Вспомни, что обычно говорила мама: подарки должны быть такими, которых человек никогда сам себе не купит. Роскошь. Или что-то непрактичное.

— Дити, Джейн была права… — начала Хильда.

— Слышишь, папа?

— …как правило. Но она никогда не бывала на Барсуме, и она не знает Томми и Каха. Джейкоб тоже прав, я думаю. И Джейн тоже. Мы должны найти то, что они не захотят покупать или не смогут себе позволить. Нечто роскошное. Но полезное для Томми и Каха, для таких, какие они есть сейчас.

— Это сложная задача!

— Тув нам поможет.

Обитатели Гелиума привыкли к виду двух земных женщин, одетых как красные дамы, которые

разъезжали по городу на громадных тоатах той породы, на которых ездят только зеленые воины, в сопровождении пары зеленых гигантов. Туристы же не могли к такому привыкнуть. Нас с Джейком их взгляды не заботили, а Хильда и Дити игнорировали внимание и старались не говорить по-английски там, где туристы могли их услышать, пусть даже их знание барсумского простиралось всего на несколько дюжин слов и фраз, полезных в общении со служанками. Насколько они знали, на Земле-Десять ничего не ведали об их пребывании на Барсуме, и я чувствовал, что это к лучшему. Джейк, конечно, согласился.

Визит в место, которое Дити описала как «музей», а Таум Такус назвал «Дворцом Воспоминаний», подтвердило это. Они провели там целый день, осматривая комнату за комнатой, набитые древними реликвиями мертвых городов, образцами утраченных искусств, странными артефактами. Были и другие комнаты с более свежими экспонатами. Особенно надолго они задержались в зале, где показывалась в миниатюрах жизнь зеленых гигантов: на марше, в лагере, в битве, в их поселениях. Таум Такус объяснял практически все, а в то время Ках Кахкан смотрел во все стороны, держа одну руку на

пистолете, другую на коротком мече, а еще две просто наготове.

Однажды он сказал, продолжая обшаривать глазами периметр:

— Арена Вархунов. Много крови. Часть ее моя.

Хильда сказала, что она содрогнулась, когда увидела, о чем идет речь. Зеленый воин, пеший, стоял лицом к калоту, держа перед собой длинный меч, а коротким пытался удержать на дистанции второго зверя, что зашел сзади. Миниатюры были до дрожи реалистичными, и все выглядело так, что шансов у зеленого воина немного.

Дити коснулась ее локтя:

— Перестань себя накручивать, тетя Хиллбилли. Пойдем домой. Мои ноги устали от мраморных полов, и нам уже три раза пришлось убегать от толпы туристов.

Мы узнали, что туристы с Земли-Десять обычно не были проблемой, поскольку им не разрешалось покидать анклав рядом с «Хилтон Интерпланетари» без вооруженного эскорта — как минимум по одному зеленому на человека, а сами туристы были без оружия. Предосторожности ввели после пары неудачных инцидентов в самом начале туристической эры. В программы

туров входили групповые экскурсии в окружении охраны, а состоятельные гости могли нанять вооруженных курьеров через «Томас Кук» или «Американ Экспресс», не менее двоих на каждого туриста, и один — умеющий переводить.

Даже земляне, не бывшие туристами — жители посольства Земли и несколько бизнесменов, — никогда не выходили без вооруженной охраны из барсумцев. Культуры слишком отличались, и любое их столкновение легко могло закончиться внезапной смертью — что и происходило, пока Вождь не издал указ, закрепивший эти правила в законе.

– *Туристы*! — согласилась Хильда, произнеся это слово как ругательство. Дити с удовольствием пересказывала мне ее слова: — Следующая жирная дамочка, которая нацелит на меня камеру, получит плевок между глаз! Нет, я попрошу Томми взять ее и хорошенько встряхнуть, разбить камеру, а напугать до полусмерти.

— Тетя Хильда!

— Нет, Джейкобу это не понравится, а у Карта прибавится головной боли. Но я согласна, мы достаточно узнали нового для одного дня. Томми, какой кратчайший путь туда, где мы припарковали Коккид и Канакук?

Таум Такус повел их через зал, где рассказывалось о жизни зеленых людей. Именно там они увидели то, из-за чего поспешили рассказать нам о своей экскурсии.

Хильда первой это заметила и тут же остановилась.

— А *это* что такое?

— Это ужасно, — сказала Дити. — Я не буду смотреть. Идем.

— Подожди. Томми?

— Вымерший паразит, принцесса. Ничего особенного.

— Идем, Хильда! Пожалуйста!

— Дити, перестань корчить из себя ребенка и *посмотри*. Я узнаю «Парней в Черной Шляпе», когда их вижу. Томми Такер, ты говоришь, что эти твари — эти *паразиты* — вымерли? Что с ними случилось?

— Мы их съели.

Хильда и Дити, по их словам, дружно ахнули.

— Считались довольно вкусными, если правильно приготовить. Высушить, а потом зажарить в жире зитадара на медленном огне. Затем окунуть в масло тоата и брызнуть чиивила. Некоторые говорят, что нужно тансери… но мать по выводку моей матери по выводку использовала

чиивил. Тансери для тех, кто не разбирает вкуса пищи. Не для гурманов, — гигант подумал и добавил: — Их можно есть сырыми, если полностью высушить, но кровь у них странная, от нее болит живот.

— Хильда, — сказала Дити, — меня тошнит. В любом случае это не «Черные Шляпы»…

— Сожми челюсти. Или страви в уголочке, это важно. Это — «Черная Шляпа». Занимайся компьютерами и оставь биологию мне. Я вскрыла одного, а ты нет. Те же странные сочленения, те же внешние гениталии, те же роговые выступы прямо надо лбом. Детали, которые не совпадают, находятся там, где я подозревала пластическую хирургию. Завтра мы вернемся с моими фото, и ты сама увидишь. Зебби подтвердит, он не намочит штанишки и не откажется посмотреть.

Дити собралась с духом и поглядела прямо на экспонат.

— Ты, должно быть, права, — сказала она, судорожно сглотнув.

— Я *права*. Томми, как давно они вымерли?

— Я не знаю, принцесса Хильда. Ках Кахкан?

— Я тоже, — признался большой воин, потом добавил: — В нашем племени использовали тансери. Чиивил трудно найти.

— Ках! — вскрикнула Дити. — Ты их ел?!

— Нет, принцесса Дити. Они исчезли до того, как я вылупился на свет.

— Мне уже лучше.

— А мне нет, — сказала Хильда. — Меня не волнует, кто их ел или как их готовили. Мне хочется знать, как давно это было и откуда они явились. Томми, если мать твоей матери готовила их, то сколько циклов назад это было?

Таум Такус выглядел беспомощным.

— Принцесса Хильда, кто может это сказать? Мой народ не вел записей, у нас не было письменности. Истории передавались во время разговоров у костра… и я уверен, менялись при каждом пересказе. Выражение «мать моей матери по выводку» не означает «бабушку», это значит, — гигант заколебался, — «давным-давно»… или «много циклов назад». Откуда они пришли — только Исса знает. Они не похожи на других обитателей Барсума. Легенда гласит, что некогда они появились в большом числе… а потом исчезли. Были съедены. Или вернулись в то логово, где некогда вылупились. Но их больше не видели на Барсуме, — он указал на подпись к экспонату. — Тут написано «Ушли туда, куда ушли океаны». Я перевел это как «вымерли».

— Хотела бы я, чтобы все так и было, — буркнула Хильда. — Но это не так. Пойдем, мы должны спешить домой.

– XXVII –
Зебадия

На следующий день я решил помочь нашим девушкам в поиске расценок на курьеров. Но при этом решил действовать тонко: не прятать иголку в стоге сена, а спрятать ее в куче других иголок. Я поймал Тиру, объяснил, что хочу выяснить и как я хочу все это дело замаскировать.

— Капитан, могу я сделать предложение? — заметила она, выслушав меня.

— Тира, твои предложения всегда очень ценны.

— Капитан, я благодарю вас и молюсь, чтобы и дальше вы были обо мне такого мнения.

— Не будь скромницей, ты умнее меня, и ты это знаешь.

Тира ухитрилась пропустить сравнение мимо ушей.

— Я предлагаю, чтобы капитан отправил идентичные сообщения в «Американ Экспресс» и в «Томас Кук». Это поможет еще более тщательно спрятать то, что вы желаете узнать.

И я с ней согласился.

У Тиры, как оказалось, был доступ к дворцовым канцелярским принадлежностям — свиткам вроде пергамента, на каждом был знак Вождя. И на двух она написала примерно следующее:

Менеджеру «Американ Экспресс» в Гелиуме –

Приветствия –

В предвкушении удовольствия от развлечения почетных гостей, я желаю знать, какие услуги всех сортов вы готовы оказать в отношении поучения и увеселения чужеземцев в нашем великом городе. Я верю, что ваш ответ будет включать все детали относительно каждого увеселения с тарифным планом как для группы из нескольких гостей, так и для охраняемых одиночек или пар. Пожалуйста, приведите суммы оплаты за закуски и напитки отдельно и укажите их как для «Хилтон Интерпланетари», так и для выездных мероприятий – во всех деталях.

Буду благодарен за вашу любезность. Мой посланец будет ждать вашего ответа, который, я надеюсь, будет скорым.

Капитан Зебадия Джон Картер из Виргинии,
старший кузен джеддака джеддаков,
Вождя Барсума
Дано во дворце – Моя рука.

Внизу имелось место для отпечатка моей руки — никаких чернил, на этом пергаменте после нажатия ладонью оставался четкий отпечаток, созданный неизвестным мне образом.

Я прочел каждое письмо, размышляя о том, насколько почетнее быть повешенным за кражу овцы, чем за ягненка[114]. Впрочем, мое заявление о родстве с «вымышленным» героем, который оказался настоящим, было известно менеджерам «Американ Экспресс» со дня нашего прибытия (а вскоре после этого, как я подозревал, и в агентстве Томаса Кука). А еще оно было известно королевской семье и принято ею. Несомненно, слухи по городу уже расползлись, так что скрывать это было бессмысленно. И все же я надеялся,

[114] Сноски: 114

Парафраз английской пословицы «если суждено быть повешенным за ягненка, почему бы не украсть овцу». — *Прим. С. В. Голд.*

что мой «кузен» не вернется до нашего отбытия. Я приложил руку к каждому письму, отдал их Тире, поблагодарил ее и занялся другими делами, выкинув все из головы.

Сервис тут был на высоте: меньше чем через два часа ответы вручили страже перед нашими дверями.

Внутри конвертов было полно брошюр с рекламой туров, так что до возвращения Дити и Хильды я успел пометить только две строчки в прайс-листе «Американ Экспресс»:

«Личный курьер (говорящий по-английски), в день — 50 танпи».

«Личный курьер (не говорящий по-английски), в день — 25 танпи».

Дальше этого я не продвинулся, поскольку Хильда и Дити тут же принялись рассказывать, что видели «Черную Шляпу», чужака с двойными суставами и зеленой кровью. Потребовалось немало вопросов, прежде чем я понял, что это а) *мертвый* чужак, что он б) музейный экспонат и что, возможно, в) это был плод труда местной «Мадам Тюссо», реалистично выполненный симулякр, хотя Дити так не думала, а Хильда была уверена, что это отлично забальзамированный труп.

Таум и Ках заверили их, что «паразиты» вымерли на Барсуме — я на это надеялся — задолго до появления наших друзей на свет.

Тем не менее я послал за ними в соседнюю комнату, чтобы расспросить их самостоятельно. Пока я этим занимался, вернулся Джейк, и все повторилось еще раз.

Таум сначала заявил, что это действительно сохранившееся тело, потому признал, что это могла быть копия, хотя он не знает причины, по которой потребовалась бы такая замена, или почему этого не упомянуто на табличке экспоната. (Я не мог понять, какая разница, мумия это или восковая фигура, если Хильда не ошиблась… а она была твердо уверена. Что ж, если она была права, то у этих уродов *действительно* имелся континуумоход. Впрочем, мы сделали такой вывод еще до нашего бегства, после того, как на нас напали.)

Главным же новым фактом было то, что мерзкие твари, похоже, имели привычку вторгаться всюду, куда они могли заглянуть… даже на умирающую планету. Это делало путешествия между вселенными не такими привлекательными: как широко они распространились? Насколько велико Число Зверя?

Имелось одно в некоторой степени утешительное заключение: чужаков удалось изгнать с Барсума с помощью примитивного оружия. (Я очень сомневался, что их *всех* съели, наверняка уцелевшие сбежали.) Я начал мечтать о планете цивилизованных людей-нудистов, где существа с лишней парой коленей никогда не смогли бы замаскироваться. Если бы на Барсуме был *хоть один* акушер, я бы предпочел остаться здесь, несмотря на банхов и прочее.

Я вызвал Тиру и расспросил ее. Она никогда не была в музее и очень редко покидала дворец. Но Хильда умела рисовать и знала анатомию чужаков. Да, Тира о них слышала. Уверена, что это было давным-давно, но она знала, кто они такие. Она предложила, чтобы капитан спросил принца-регента, ведь могут быть записи, о которых она не знала.

Только на следующее утро я смог вернуться к изучению доставленных материалов. Вообще-то Дити смелая — вспомните, кто дал нам с Джейком шанс убить вооруженного фальшивого «рейнджера» и как она себя вела тогда, — но смелость всегда дополняет страх, и «Черных Шляп» она боялась. Как только вечером мы остались одни в нашей спальне, она начала

дрожать — выпускала наружу ужас, который держала в себе весь день. Так что времени на буклеты у меня не было, пришлось ее утешать. В конце концов она заснула и всю ночь проспала, вцепившись в меня.

Следующий день наши девочки провели с Тувией, а у меня не было ничего срочного, только несколько мелких дел. «Гэй Обманщица» была готова к путешествиям. Проблему с местом для сна я решил. Теперь у нас была двуспальная кровать. Это был спальный шелк, натянутый на легкую раму (материал вроде дюралюминия, но более прочный). Я подвесил ее *над* всеми четырьмя сиденьями и приборной панелью, крепилась она к правому и левому бортам, спереди и сзади. Получалась пружинистая поверхность больше двух метров в длину, почти два метра в ширину. Над ней оставалось еще полметра — кровать, удобная для двоих, даже если один из них моего роста.

Пространство за переборкой было в значительной степени перестроено, из приборов там остался только искривитель пространства-времени. Мы собирались в большой спешке, но на Барсуме было время уложить все неспешно, убрать обертки, упаковки и ненужные вещи, которые прихватили сгоряча. Теперь у нас было

больше груза в меньшем пространстве, особенно запасов воды, пищи и сжатого воздуха.

Одним из выброшенных предметов стал мой огромный спальный мешок, вместо него у нас стало *четыре* спальных мешка, которые занимали места меньше, чем один старый — из тонкого, но теплого меха, подбитого шелком. Карт утверждал, что в таком мешке можно спать на льду и не чувствовать холода.

Я не рискнул двигать аппарат Берроуза. Он отлично работал там, где находился, в центре масс «Гэй Обманщицы» (Джейк уверил меня, что это совсем не обязательно, но именно так я его разместил, чтобы уравновесить машину), поэтому я не стал его трогать.

Несмотря на этот небольшой аппарат, пространства на «палубе» теперь хватало для двух человек обычного размера. Даже я мог втиснуться туда, изогнувшись несколько раз.

Наши спальные мешки хранились здесь, их можно было использовать как мешки или одеяла, поскольку они расстегивались — не молнии, а что-то больше похожее на липучку. Края слипались при нажатии пальцев, а потом расходились, если потянуть. Кроватная рама тоже хранилась там в сложенном виде с обернутым вокруг нее

шелком, словно двухметровый флагшток.

Даже с закрытыми дверями мы могли приготовиться ко сну минут за десять, а убрать все за пять — мы доказали это, проведя одну ночь в «Гэй Обманщице».

Так что мы были практически готовы к отправлению — за исключением того, что мы по-прежнему должны были помочь Карту с кораблем на «двигателе Берроуза». Я надеялся, что предложения по поводу гироскопов вскоре появятся, и не говорил ничего по поводу оплаты на тот случай, если предложения ошеломят Карта. И хотя я растолковал, что сама по себе «Гэй Обманщица» не нужна для аппаратуры Берроуза, что подойдет любое герметичное судно — например, слегка модифицированная воздушная лодка, — я все равно пообещал ему копию руководств по «Гэй». Не имело значения, что они не смогут создать твердотельный компьютер, двигатель или лазерную пушку, обещание есть обещание. Карт сделал для нас все, что только мог, так что мы не могли отменить договоренности. Поэтому анатомия моей машины была скопирована, страница за страницей, на листах полупрозрачного материала, и ведущий художник проверил каждую закорючку.

Мои попытки научить Карта инженерному подходу к искривителю пространства, *не* прибегая к заумной математике, привели к тому, что отношение Мобиаса Тораса изменилось. Теперь он относился к Джейку с уважением, а не отмахивался от него как от досадной помехи.

Однажды Карт и Тувия вдвоем, без Джейка, провели беседу со старым ученым. Мобиас Торас не был настолько неотесан, чтобы не выслушать принца-регента и его супругу, несмотря на то, что (справедливо) осознавал свое интеллектуальное превосходство. Используя родной язык и барсумские математические символы, иллюстрируя рассказ набросками и моделями из бамбуковых палочек и глины, Карт и Тув передали Мобиасу Торасу мою детскую версию n-мерного искривленного и замкнутого пространства.

Тувия рассказала мне, что старый математик слушал со скучающим видом, но внимательно. А потом неожиданно просветлел лицом и воскликнул:

— О! Так речь об *этой* ветви метрономии! Почему же земной доктор сразу этого не сказал?

Принцесса ответила ему:

— Потому, Знающий Старейшина, что у него нет с вами общего языка. Он пытался создать

такой, начав с базовых элементов.

— Мммпф! Это нужно исправить. Его область математики очень занимательная, хотя и бесполезная. Я с удовольствием подискутирую с доктором об этом.

Затем Карт объявил, что знания земного доктора в этой области математики *очень* полезны… и очень важны для благосостояния Гелиума.

— Зеб, — позже сказала мне Тувия. — Мобиас Торас согласился с мнением Карта, но чисто из вежливости, то есть на самом деле он совсем не согласен. Понимаешь меня?

Я сказал, что да.

— Тем не менее теперь он жаждет поговорить с Джейком. Мобиаса Тораса не волнует, полезна эта математика или нет.

— Очень немногих математиков это волнует.

Я присутствовал на одной из более поздних бесед между Мобиасом Торасом и Джейком, где Тувия играла роль одушевленного словаря — все из-за того, что Джейк ошибочно полагал, что от меня может быть польза. Я полчаса слушал, как эти двое болтали друг с другом, делали наброски и писали символы. Я удрал, как только смог — фразы, которыми они оба перебрасывались, были странной мешаниной английских и барсумских

слов, пополам с математическим арго, и от всего этого у меня заболела голова. Так что я послал Тув воздушный поцелуй, она улыбнулась, и я ушел, чего Большие Мозги даже не заметили.

Все выглядело так, что мы можем покинуть Карта, дав ему не только инженерный подход, но и стоящую за ним математику. На принце оставалась задача убедить жестоковыйного мудреца в том, что между первым и вторым есть связь… если, конечно, Джейк в ней не преуспеет.

Позже я спросил Джейка, начал ли Мобиас Торас понимать шестимерную квантованную геометрию замкнутого пространства. Джейк удивленно поднял брови:

— Да мы давно через это прошли, — сообщил мне тесть. — Теперь я изучаю концепты, о которых я и не мечтал. Зеб, я бы провел тут столетие.

— Папа, у нас нет столетия. Две тикающие бомбы, и до взрыва меньше семи месяцев. Помнишь?

— Да, конечно. Это самое главное. Но я надеюсь вернуться сюда позже.

У него был отсутствующий взгляд, и я понял, что он витает в математических измерениях. Ну что ж, когда придет день — это будет скоро, — я возьму его за руку и отведу к переднему крес-

лу по правому борту. Обнаружив перед собой верньеры, Джейк проснется. А пока я завершал оставшиеся дела.

Даже непростая проблема, как возместить убытки нашим гигантским друзьям, похоже, нашла решение. Я не надевал своих штурманских часов с момента прибытия, поскольку они на полчаса расходились с местным днем. Я не пытался их подогнать под местное время — это была задача для заводского специалиста. Часы шли с точностью до двадцати секунд в год, их главный циферблат показывал дату и время по Гринвичу — идеальный прибор для навигации… и для беременных женщин. На них имелось внешнее кольцо, которое можно двигать, чтобы менять часовые пояса (я никогда этого не делал, настоящий пилот делает это в уме), а еще весь набор звоночков и свисточков, какие есть в хороших универсальных часах. Дорогие, конечно, но не особенно нужные, поскольку «Гэй Обманщица» аккуратно следит за временем.

Я обычно держал их в машине, поскольку не хотел где-то случайно забыть. Спрятанные в голове Дити часики дней за десять приспособились к местным суткам, она в любой момент могла точно назвать местное время как в часах

и минутах — растянутых на два с половиной процента, чтобы учесть вращение Барсума, — так и в местных единицах, которые для меня ничего не значили.

Однажды, когда Дити помогала мне заново загружать «Гэй Обманщицу», я спросил ее, какое время сейчас в Уютной Гавани.

— Шестнадцать тридцать два, время поплавать, — сказала Дити после минутного колебания, а потом захихикала и добавила: — Эти мои часики давно уснули, пришлось разбудить.

Я не стал напоминать ей, что бассейн был уничтожен взрывом — не было смысла пробуждать в ней тоску по дому, я просто показал ей мои часы. Время совпало тютелька в тютельку. Дити кивнула и приняла это как должное.

Вскоре рядом объявился Карт, решивший подружески проверить, как мы продвигаемся. Я заставил Дити трижды повторить трюк для него: время Гелиума, время Гелиума, переведенное в часы и минуты, а затем Гринвич. Она расколола все три орешка, и я показал ему на своих часах, что гринвичское время правильное. Принц был умеренно впечатлен ее знанием местного времени, он сказал, что подобный талант распространен на Барсуме, особенно среди фермеров…

хотя сам он его лишен.

— Однако, Дити! Ты, наверное, единственный человек в мире, который знает время на *двух* планетах.

Дити улыбнулась и наморщила нос.

— Это пилотское устройство для отсчета времени? — спросил Карт. — Так, Зеб?

Я подтвердил его догадку.

— Я так и подумал. У меня есть такое же, другой формы и с другими отметками, и я не ношу его на запястье. Но я уверен, что оно служит той же цели.

— Карт, а сколько портативные хронометры… то есть часы, стоят здесь?

— Да сколько угодно. Зависит от того, сколько ты можешь потратить. Дешевые могут стоить десять танпи. Хорошие — в десять раз дороже. Но можно легко потратить и тысячу танпи. Никаких пределов, если выбираешь подарок для принцессы, ведь платишь за драгоценные камни. Но… — он очаровательно улыбнулся, — твоей принцессе часы не нужны… а ее глаза дороже любых самоцветов.

— С этим я не буду спорить. Дити, у Томми и Каха есть часы?

— Ну… я так не думаю. Я никогда не видела, что-

бы кто-то из них пользовался чем-то подобным. Я не знаю всего, что они носят в своих сумочках… но думаю, часы я бы заметила.

— Карт, а курьеру могут пригодиться часы? И если да, то можно ли подарить их зеленому воину, не задев его честь?

— Могут, конечно. Будь я курьером, я уверен, что захотел бы такие.

Дити сделала стойку.

— Карт, где можно купить часы? — спросила она.

— Прямо тут. Принцесса, мы не ходим к торговцам, мы за ними посылаем. Однако если ты столь умна, как я думаю, ты попросишь о помощи Тув… иначе с вас сдерут в десять раз больше, чем надо.

Так что все устроилось, и тем утром у меня появилось время, чтобы просмотреть брошюры и прайсы от «Американ Экспресс» и «Томас Кук». Расценки первой конторы на услуги англоязычного курьера меня удивили. Очевидно, Карт сильно недооценил, сколько платят курьеру за сопровождение туристов, впрочем, он и не должен был это знать. Правящий принц не может быть туристом в своей собственной столице. Конечно, у него могли быть гости, нуждающиеся в гидах и охранниках, но тех и других взяли бы

из его собственного штата.

Я проверил тарифную сетку «Томаса Кука»: не говорящий по-английски курьер стоил 22 танпи, а англоговорящий на 28 танпи больше, то есть пятьдесят в день, та же самая цена, что и у конкурентов. Просмотрев другие пункты, я обнаружил лишь небольшие отличия: если один брал на несколько танпи больше за один тур, то другой оценивал немного выше какой-то другой тур, и это компенсировало различие. Я учуял запах «джентльменского соглашения» и подумал о том, что слово «джентльменский» так затаскано, что оно больше ассоциируется с ценовым сговором, а не с чем-то иным.

Я попытался понять, сколько же платят самому курьеру. Вероятнее всего ему достается половина. Я не знал, какие налоги они платят, какие затраты на офис и прочие «отчисления», но решил, что буду предполагать стопроцентную наценку, пока не получу больше данных. В этом случае и Томми, и Ках должны были получать около двадцати пяти танпи за день (25 долларов Земли-Десять). Возможно, Томми побольше (у него с английским лучше, и время от времени он был старшим), а Ках поменьше. Платили ли им постоянную зарплату или только разовые выплаты

за вызов, я не знал — а это могло сильно изменить расчеты. Были ли сверхурочные? Я опять же не знал — знал только, что в тот день, когда мы встретились, они работали до поздней ночи. И они использовали собственных тоатов. Об этом в тарифах не было ни слова. Но «экскурсии верхом» имелись в предложениях обоих агентств… и они стоили дороже любых других экскурсий по Большому и Малому Гелиуму.

Я не настолько хорошо разбирался в здешней экономике, чтобы делать выводы, а аналоги с экономикой планеты, расположенной в десяти вселенных отсюда, могли только сбить с толку. Поэтому не спеши, сынок, и для начала получи всю картину.

Туристические буклеты, как я и ожидал, были сплошным ярким надувательством — других я никогда в жизни и не видел. Иногда они бывают правдивы, ведь трудно приукрасить Тадж-Махал, Глейшер Бэй или Пещеру Светлячков в Новой Зеландии. А Гелиум вне сомнений был городом чудесной красоты и красивых чудес.

Но меня покоробило, что наших красных хозяев в них называют «варварами», а зеленых гигантов — «дикарями». Таум Такус не был дикарем, он был джентльменом с безупречной честью

и изысканной галантностью. У Ках Кахкана было менее цивилизованное прошлое… но путь, который он прошел, мог вызвать только восхищение. Ках не «родился джентльменом», он просто им *был*, «sans peur et sans reproche»[115].

Что до «кровожадных орд», то люди на Земле-Ноль имели историю столь же кровавую, как и у зеленых гигантов, и последнее столетие было ничуть не лучше, а в чем-то даже и похуже предыдущих. О Земле-Десять я не знал ничего. Пока. И должен был узнать.

Закончив просмотр, я долгое время сидел в задумчивости… потом засунул буклеты обратно в конверты, сунул их под мышку и отправился на поиски Карта. Чем бы ни была Земля-Десять, она *не была* моей планетой, и я не был ей ничего должен, зато многим был обязан принцу. Я был уверен, что он никогда не видел этих буклетов. Если видел, то ничего страшного не будет, если нет, то он имеет право знать, как его владения рекламируют туристам.

Он встретил меня у внутренних дверей своих покоев.

---

[115] Сноски: 115

Sans peur et sans reproche — без страха и упрека (*фр.*). — *Прим. С. В. Голд.*

— Зеб, я только что отправил к тебе гонца! У меня есть новости для тебя.

— Хорошие, я надеюсь.

— Ну, разные. Во-первых, скажи Дити, что мои шпионы выведали кое-что, о чем она хотела знать… не беспокоя ваших зеленых друзей. Таум Такус получает в день два танпи, Ках Кахкан — полтора, и это поможет ей решить, сколько потратить на подарки.

— И *это* все, что им платят?

— А этого мало? Ках Кахкан получает вдвое больше умелого резчика по камню, Таум Такус — еще больше. Работа курьера не слишком сложна, только знание английского так подняло их расценки.

— А другие новости?

— О. Плохие. Цены на гироскопы.

Он послал за бумагами. Мы уселись, мне предложили вина и закусок, и я начал изучать предложения. Их поступило всего три — самая низкая цена из Японии, чуть выше — от «Шкоды», и самая высокая — от «Sperry».

— Карт, советую брать у «Sperry».

— Почему «Sperry»? Не то чтобы это имело значение, я не могу позволить даже самые дешевые японские.

— Потому что разница между дешевыми и дорогими всего пять процентов. Другие компании могут изготовить то же самое, это хорошие фирмы, но мы *знаем*, что гироскопы «Sperry» по этим спецификациям сделают свою работу: именно они стоят на «Гэй Обманщице».

Лицо принца стало печальным.

— Я понимаю твою логику. Да, я с тем же успехом могу выбрать лучшие — потому что не могу себе позволить ни те, ни другие.

— Карт, насколько сильно ты хочешь сделать Гелиум — и Барсум — независимым от Земли в космических полетах? Забудем, что «Гэй» может делать другие вещи, сосредоточимся только на торговле. В истории моей планеты любая нация, полагавшаяся на иностранные торговые суда, сама рыла себе яму. Разные планеты, разные условия — понятно. Но я сомневаюсь, что тут будут действовать другие принципы. Подозреваю, что в долгосрочной перспективе вы не сможете позволить земным кораблям садиться здесь… если не сможете посылать собственные на Землю. Возьми эти цены — я уверен, они сильно выросли, чтобы покрыть расходы на перевозку, но ведь гироскопы не такие уж тяжелые… а путешествие с Земли не может быть ужасно

дорогим, иначе тут бы не было столько туристов. Ты платишь, сколько они просят, потому что ты беспомощен. Так заплати! Один раз. Купи два комплекта — один для твоего первого корабля, а другой — для изучения твоими лучшими технологами, чтобы они смогли сделать копию. Тогда ты сможешь строить корабли, способные перевозить товары — да что угодно! — *намного* быстрее и *намного* дешевле, чем суда, которые приходят к вам сейчас.

— Зеб, неужели ты не можешь понять, что я не могу купить *даже один комплект*?

— Нет, потому что я в это не верю. Драгоценности, которыми твоя жена и мать щедро одарили Дити и Хильду, если их продать на Земле, позволят купить дюжину комплектов гироскопов. Возможно даже сотни.

— Об этом не может быть и речи, капитан!

— Дай мне сказать. Ты что-то говорил о том, что у твоей матери есть сундуки с украшениями, которые она не носит. Разве нет обстоятельств, при которых это богатство можно использовать? Я знаю, что Тувия некогда была пленницей, рабыней — разве твоя мать пожалела бы украшений, чтобы выкупить свою невестку, если бы это потребовалось?

Принц пожевал губу.

— Мы бы начали войну.

— Карт, я имею в виду ситуацию, когда выкуп — *единственный возможный* способ освободить твою жену. Не говори мне, что мужчины Гелиума умрут за принцессу, я это знаю прекрасно. Мой собственный меч у ног Тувии, и ты это знаешь. Ответь на вопрос так, как я его поставил — если нет иного выбора.

– *Исса!* Мать бы заплатила выкуп!

— Сколько тел черные колесницы вывезли с улиц этим утром?

— Я не знаю. Если нужно, я выясню точные цифры.

— Мне не нужна точность. Мне хочется знать вот что: как долго принц-регент великого города-государства будет позволять своим людям замерзать или голодать, пока ему в голову не проникнет мысль, что лучше изменить вековой обычай, чем позволить им умирать?

— Капитан, вы заходите слишком далеко!

Я встал:

— У меня не было желания оскорбить принца-регента. Я задал вопрос, но принц не обязан мне отвечать. Он должен ответить на этот вопрос *себе*. Мы с моей семьей покинем кров этого дома

так быстро, как только я всех соберу. Примерно через час, я полагаю. Пожалуйста, передайте мои извинения джеддаре и принцессе Тувии за то, что я не попрощался с ними лично… и, пожалуйста, скажи кузену Джону, Вождю, что я сожалею, что мои неподобающие слова лишили меня возможности остаться и встретиться с ним.

— Черт, Зеб! *Сядь!*

Я остался стоять.

— Ваше высочество, я не могу быть «Зебом» в один момент и «капитаном» в другой, потом снова «Зебом», а потом опять «капитаном». От этого у меня кружится голова, и я теряюсь. Я не ваш подданный, я не гражданин Гелиума. Я не могу дальше быть вашим гостем. Позволит ли Его Императорское Высочество мне отбыть с миром — или сделает меня своим пленником?

Карт выглядел так, словно я закатил ему пощечину. Так и было — но это была словесная пощечина. Однако он взял себя в руки, а затем медленно и тихо произнес:

— Зеб… неужели ты хочешь, чтобы моя мать отказалась меня видеть? Жена закрыла дверь для меня? Мой отец, твой кузен, почернел от гнева на меня? Неужели ты сделаешь такое со мной? Зеб, Зеб, я ошибался! Прости меня, если сможешь.

Внезапно он потянулся за мечом, а я за своим, но его пальцы не коснулись рукоятки. Он снял оружие с пояса вместе с ножнами и положил у моих ног, рукоятью ко мне. Это случилось быстрее, чем я успел расстегнуть пояс… но вскоре мой меч лежал рядом с его, рукоятью к принцу. А потом мы уже лупили друг друга по спине, обнимаясь.

Карт почти всхлипывал, и мне показалось, что я почувствовал слезу у себя на щеке, да и я сам в этот момент немного расслабился. Шоковая терапия может задеть даже того, кто ее применяет, почти так же сильно, как и того, к кому ее применяют. Меня трясло.

Вскоре мы оба уже сидели, развалившись, и после небрежного жеста Карта в наших руках оказались кубки с вином. До меня дошло, что за сценой наблюдало не меньше стражников, чем рабынь. Если бы я тронул рукоятку меча, сколько бы я прожил?

Мы не произносили тостов, вино было для нас как лекарство от расшатанных нервов. Наконец Карт вздохнул.

— Я не рожден для роли монарха, — сказал он. — Я делаю все, что могу, потому что это мой долг. Мне придется обсудить это с матерью, и с де-

дом, когда он вернется… и с моим отцом, твоим кузеном — если это вообще возможно. Черт! Хотел бы я знать, где он. Немедленно послал бы самый быстрый флайер. Ведь так просто это не провернуть, мне понадобится его поддержка. Но у Гелиума *должны быть* свои космические корабли.

Я подумал о других возможностях, не озвучивая их — я мог купить эти чертовы гироскопы… если бы осмелился вернуться на родную планету. Будь я холостяком, я бы рискнул, я думаю. Но женатый мужчина, будущий отец понимает, что теперь у него совсем другая система ценностей. Я еще разнашивал ее, точно пару новых туфель, они немного жали, но деваться некуда, надо носить. Гелиум не был моей зоной ответственности, а Дити *была*.

У Карта имелись схожие проблемы с «новыми туфлями», но каждый из нас сражался со своей парой. Решимся ли мы отправиться на Землю-Десять? Там много акушеров, это определенно, и очевидно местный аналог «Sperry» может продать мне гироскопы — без чудовищных расходов на доставку — и я мог бы *отдать* эти гироскопы Карту, а он бы принял подарок. Не деньги. Разве может меня остановить такая ерунда, как

пропавшая буква алфавита? Но тут может быть не одна пропавшая буква, тут может быть *что угодно*... Или *очень много* всего. Марс-Десять, известный как Барсум, сильно отличался от Марса-Ноль моей родной вселенной, и Земля-Десять могла отличаться в той же степени... так что я мог оказаться в кутузке в тот момент, когда больше всего нужен Дити, из-за какой-нибудь глупости, нарушив неведомое табу. Надо обсудить это с Джейком.

(Я знал об одном важном отличии: Земля-Десять совершила выход в космос намного раньше нас. Ее космические аппараты были на порядок совершеннее тех, о которых я знал. Ее туристы одевались странно, но они всегда и везде одеваются странно. В буклетах я не заметил каких-то особенных различий, но они описывали Барсум, а не Землю-Десять. Они показывали разве что тенденцию к узаконенной обдираловке, «столько, сколько клиент способен заплатить» — черта, распространенная и на Земле-Ноль.)

— Карт?

— А? Извини, я задумался. Что, Зеб?

— Я тоже задумался. И вот что надумал, Гелиуму не хватает золота, золота как денег, я имею в виду.

— Так и есть. Его так мало, что большинство сделок оплачиваются долговыми расписками, которые закрываются частями, через определенные промежутки времени.

— Я понял это по двум вещам. По трем. Очень низкие зарплаты. Масса украшений из золота. И большая часть этих украшений очень старые. Карт, Гелиум — и весь Барсум — связали свое золото в украшениях, заморозив его на тысячи циклов. Верно?

— Гораздо дольше, чем тысяча. Да, богатых золотых рудников больше нет, и хороших залежей не находили с тех пор, как я вылупился. Мы прекратили чеканить золотые монеты, только медь и немного серебра. Я не припомню, чтобы когда-нибудь видел золотую монету в один танпи, это были слишком мелкие монеты, они давно исчезли. Монеты в сто или пятьдесят танпи более удобны для расчетов, но большая часть бизнеса ведется через долговые расписки… Чеки? Я думаю, что это можно назвать чеками.

— Да, это чеки. Карт, эта планета напоминает мне Индию — очень бедную страну с никому не ведомым количеством миллиардов долларов в монетах и украшениях, спрятанных, похороненных или иным способом выведенных из

обращения. Очень мало золота для торговли с другими странами.

Принц криво улыбнулся:

— Тут нет параллели. Это не имело значения, пока мы не начали торговать с Землей. Думал, что туристы принесут нам золото и мы сможем покупать на Земле. И они привозят… но не в таких объемах, как я ожидал.

— А ты погляди на это, — я протянул ему конверты, которые принес.

Он пробежал их глазами и спросил:

— Это напечатали для туристов. Зачем мне на них смотреть?

— Прочитай их. Прочитай все.

— Я должен, Зеб? У меня есть о чем подумать.

— Карт, *я* думаю, что это очень важно. Прошу, сделай мне одолжение.

— Ну ладно, — и он неохотно начал читать.

Расценки я поместил сверху, так что вскоре принц поднял взгляд.

— Этого не может быть. Ошибка клерка. Пятьдесят танпи в день? Должно быть пять. Или я неправильно понял ваш традиционный способ обозначения цен?

— Читай дальше. Потом обсудим.

— Зеб, ты такой же упрямый, как Тув, — он

продолжал читать, останавливался, перечитывал, пролистывал назад и вперед, заглядывая в разные места — и лицо его при этом становилось все темнее, цвета красного дерева, а на лбу собирались морщины. Наконец он поднял глаза и позвал: — Стража!

— Стоп! — воскликнул я торопливо. — Если скажу, зачем ты вызвал стражу, будешь меня слушать?

Дюжина гвардейцев уже были в зале, офицер ждал, салютуя.

— Говори, — уступил принц.

— Ты собрался послать за менеджерами «Томас Кук» и «Американ Экспресс».

— Совершенно верно. Я собирался арестовать их и притащить сюда.

— Я не оспариваю твоего решения, меня смущает его несвоевременность. Дочитай до конца, потом обсудим. Тебе нужно больше данных.

Карт заколебался, потом сказал:

— Возвращайтесь на свои посты.

Стража исчезла.

— Есть шанс, что они будут болтать? Когда ты начнешь действовать, это должно быть сюрпризом.

— Зеб, это мои самые доверенные люди — они

спасают меня от покушений. Однако… Офицер!

— Ваше высочество!

— Рег Ретнор, задержи всех, кто был здесь на дежурстве, пока я не пошлю за тобой. Особое задание будет позже. И *убедись*, что они ни с кем не разговаривают. *Ни с кем*. Слуги. Гвардейцы, даже члены моей семьи. Пока я не пошлю за тобой. Я сказал.

Офицер отдал честь и вышел.

— А теперь дочитай до конца, Карт.

— Я так и сделаю. Но это слово «варвар»… Мой отец использует его в презрительном смысле.

— Кузен правильно его использует.

— А «дикарь»?

— Еще хуже.

— Хм-м… Будет лучше, если главнокомандующий Тарс Таркас никогда этого не увидит. Пожалуй, хорошо, что он плохо говорит на английском, а читать вообще не умеет.

— Карт, учитывая его репутацию — если Тарс Таркас поймет, что тут написано, нас ждет кровавая баня.

— Хм-м… могу представить, что с ним будет, если он это прочитает. Хотя разозлить его непросто.

— Карт, я сомневаюсь, что курьеры когда-либо

видели этот мусор. Вероятно, приказы они получают устно. Что до туристов — любой, кто имел с ними дело, учится игнорировать их глупую болтовню. Относиться к ним как к детям, которых надо защищать, но не принимать всерьез.

— Хм-м… — он продолжил читать и наконец сказал: — Очень хорошо, я прочел все это. Хочешь что-то сказать? Прежде, чем я отправлю эту парочку в тюрьму и подумаю над приговором.

— Я бы не возражал, если один из них проведет ночь в камере, я слышал, как он разговаривал с моим другом Таумом Такусом. Но если ты арестуешь этих двоих, то не доберешься до источника. Карт, какую плату за посадку вы берете с земных кораблей? И сколько с головы каждого туриста, который прилетает на вашу планету?

— Плату за посадку? Это как? Почему я должен брать за это деньги? Земля космодрома не имеет никакой ценности, ее нельзя орошать. Строго говоря, это не часть Гелиума, хотя вся бесполезная земля рядом с нами находится под моим контролем, когда это необходимо. Имеется в виду, что я не позволю чужой армии или не союзному нам племени зеленых подойти близко. Но при чем тут туристы? Они нам нужны, нам нужно их золото.

— Но ты его не получаешь. Карт, Дити и Хильда

недавно были в музее. Кажется, он называется «Дворец Воспоминаний». Уверен, что они не платили за вход, у них не было с собой денег. Сколько платят туристы?

— Зеб, Дворец Воспоминаний открыт для всех. Это культурная сокровищница.

— Какие платежи ты получаешь от «Хилтона», «Американ Экспресс» и «Томас Кук» за их франшизы?

— Фран-ши-зы? Это новое для меня слово.

— Эти трое имеют монополию в вашем туристическом бизнесе, вот только это не ваш туристический бизнес, а *их*. Карт, все туристы богаты, иначе они бы не смогли купить поездку на Барсум. Погляди на эти расценки! Богатые, иначе они не приехали бы. Но хотя они привозят много золота на Барсум, это золото на Барсуме *не остается*. Все, кроме малых крох, возвращается на Землю. *Вы* обеспечиваете им аттракционы — великолепные и удивительные! Туристы готовы платить, чтобы увидеть красоту и странные — для них, — странные чудеса вашего мира. Я уверен, что, вернувшись домой, они хвастаются этим всю оставшуюся жизнь. Но хотя Гелиум обеспечивает эти аттракционы, прибыль — вся, кроме малых крох — возвращается на Землю.

— Зеб, ты никогда не болтаешь просто так…

— Черт подери, нет.

— …о серьезных вещах. У тебя есть какое-то решение?

— Самое простое решение этой проблемы — получить собственные корабли. Но пока их нет, можно очень многое сделать. Почему две земные компании, или даже одна, поскольку я подозреваю, что на Барсуме «Американ Экспресс» и «Томас Кук» — две стороны одной монеты, получили монополию? Почему люди Гелиума не могут открыть *собственное* туристическое бюро, например, под вывеской Торговой палаты Большого Гелиума? Берите меньше с туристов, платите больше курьерам, используйте рекламу, не оскорбляющую ваших граждан и зеленых союзников… и вы *все равно* будете получать жирную прибыль, и *все* это золото останется на Бар-суме.

Лицо Карта осветилось… затем он покачал головой:

— Туристы не пойдут к нам, Зеб. Корабли и отель принадлежат им, а все устраивается через «Хилтон Интерпланетари». Видишь ли, поначалу у нас были некоторые проблемы. Туристы не понимают наших обычаев, а некоторые из мо-

их подданных вспыльчивы. Поэтому теперь всех туристов берут под охрану прямо от трапа корабля до отеля. А туристические компании продают свои туры в отеле… и курьеры забирают туристов оттуда, а потом возвращают обратно в отель.

— Слушай, а ты играешь в карты?

— Карты? Земная игра с цветными квадратиками из пергамента?

— Да.

— Твой кузен, мой отец, знает карточные игры и научил некоторым мою мать, мою сестру и Тув. Затем он попытался научить меня, но это показалось мне пустой тратой времени. Я это бросил. А что?

— Ты понимаешь выражение «иметь все козыри на руках»?

— Козыри… Это означает тактическую ситуацию, в которой у одного игрока все нужные для победы квадратики пергамента? Или наоборот?

— Нет, не наоборот. Карт, у тебя все козыри на руках. Все, кроме одного: у них есть корабли. Но ты держишь *все остальные*. Не имеет значения, что когда-нибудь у тебя тоже будут корабли, ты сможешь победить *сейчас*. Они вынуждены нанимать местных охранников, иначе они вылетят из бизнеса. И потому они должны нанимать

охранников *у тебя*.

— Исса! Это правда… но мы дали им позволение нанимать у нас охрану после тех первых инцидентов. Зеб, мы не нарушаем данного слова.

— Верно. Но разве вы давали им слово не учреждать собственное туристическое бюро?

Принц выглядел удивленным.

— Эта тема никогда не упоминалась.

— Тогда при чем тут твое слово? Тебе не понадобится арестовывать жулье, которое управляет земными туристическими бюро, чтобы заставить их вести дела прилично. Чтобы положить конец их грабительским ценам, жалким зарплатам и оскорбительным брошюркам. Комплекс «Хилтона» находится внутри городских стен… и у него нет дипломатического иммунитета, как у посольства. Это частный бизнес — ни больше ни меньше. Или притворяется им… Я не знаю, да это и не имеет значения. Бюро гостеприимства Торговой палаты Большого Гелиума может продавать туры внутри этого комплекса так же законно, как и другие два бюро. Но по более низким ценам, с большими зарплатами для местных сотрудников и с лучшим сервисом. Лучшим, поскольку лучшие курьеры — самые опытные, лучшие воины, хорошо знающие английский — пойдут туда,

где выше зарплаты. Таум Такус ухватится за этот шанс, как и Ках Кахкан, поскольку их нынешний босс — осел. Забери меня черти, Таум, Ках и Тира *втроем* могут организовать обслуживание лучше, чем эти грабители — Тира продает туры в отеле, Таум и Ках руководят группами воинов-курьеров и работают переводчиками.

— Договор Тиры у моей матери… и я не думаю, что Тира захочет покинуть дворец.

— Всего лишь пример, насколько просто все можно устроить. Твоя мать может развлечься, позволив одной из своих рабынь оставить в дураках жадных бизнесменов с Земли. Ты знаешь какого-нибудь благородного дворянина, не алчного, но в то же время знающего толк в бизнесе?

— Это сложный запрос… Но… Да, я могу назвать троих.

— Назначь одного из них главным. Или используй всех троих, одного назначь генеральным директором — это земной термин, — а остальных президентом и коммерческим директором. Я помогу все это устроить, но буду держаться вне поля зрения, как и ты. Но ты должен обеспечить начальный капитал — много не потребуется — и держать пятьдесят один процент акций через доверенного друга. Карт, если ты это сделаешь, то

возможно, вам не придется продавать ненужные украшения, чтобы купить гироскопы. Если проявишь терпение, туристы купят их для тебя.

— Сколько времени это займет?

— Даже гадать не буду, мало информации. Но не стоит спешить, проявлять жадность только ради того, чтобы получить гироскопы. Мой кузен когда-нибудь рассказывал тебе историю о гусыне, несшей золотые яйца?

— Нет, я не… хотя да! Много циклов назад. «Гусыня» — земное животное, которое откладывает яйца, что, как я слышал, у вас редко встречается. Она несла золотые яйца, и крестьянин убил ее, чтобы получить все спрятанное внутри золото… только его там не было. Верно?

— Точно. Так что обходись с этой гусыней заботливо, и она будет приносить тебе золото много-много циклов. Будешь жадным, и ты убьешь ее.

— Понимаю. Но я думаю, что мне легче управлять армией в битве, чем заниматься бизнесом.

— Выбери правильного человека, и тебе не придется ничем управлять. Только не позволяй ему жадничать. Я помогу. Могу начать с того, что перепишу эти буклеты так, чтобы они выглядели еще привлекательней, но перестали быть оскор-

бительными.

— Да! — Карт стукнул кулаком по столу. — Это нужно прекратить! *Сегодня!* Зеб, если ты закончил давать мне советы — я ценю твои советы, благодарю за них и планирую их использовать, — то я отправлю стражу за этими двумя негодяями!

— Отлично. Но могу я предложить кое-что еще, что можно с ними сделать?

— Выпороть? Я мог бы… но для этого нужен суд над ними.

— Если выпороть, то из земного посольства поднимется вонь до небес. Но то, что я предложу, навредит им еще сильнее в долгосрочной перспективе. Сколько твоих клерков умеют читать по-английски? Особенно деловые записи на английском, в которых сплошные цифры.

— Сколько? Ни одного. Я могу, Тув может. Возможно, Тира. Но клерки — нет.

— Хм-м… Около двадцати художников копировали руководство для «Гэй Обманщицы», оно на английском и с большим количеством цифр. Карт, посылай за этими управляющими. Только отправь достаточно стражников, чтобы забрать все документы из каждого офиса. И убедись, что они забрали все буклеты — конфискуйте их как оскорбительные для твоих владений. И пока ты

заживо сдираешь с них шкуру за клеветнические высказывания в их рекламках, художники будут копировать их документы.

— А как я объясню то, что мы забрали их документы? В Гелиуме обычный торговец скорее схватится за меч, чем смирится с подобным унижением.

— Используй ордер на обыск, чтобы…

— Что такое «ордер на обыск»?

— В данном случае это фарс. Но земляне привыкли ему повиноваться. Это документ, подписанный Джоном Доу, то есть кем угодно, лишь бы под именем стоял титул «Главный налоговый инспектор Гелиума». Он предпишет им немедленно предоставить все документы для официальной инспекции и проверки. Ты подпишешь снизу: «Одобрено. Карторис, Регент». Лучше послать грузовую повозку с зитадаром, бумаг может быть очень много. А ты тем временем развлекайся, сделай так, чтобы эти двое пожалели, что вообще вылупились на свет. Родились. Я буду дожидаться, пока твои художники копируют документы, ты отправишь мне копии сразу, как только они закончат. Прочитав их, я смогу написать руководство — как управлять туристическим бюро в Гелиуме и делать это правильно, а не так, как

они. С помощью Дити я смогу тебе точно сказать, сколько золота возвращалось на Землю, хотя оно было заработано здесь *вашими* гражданами и должно было здесь и остаться.

Карт ухмыльнулся:

— О, мне это понравится! *Дола!* Пришли моего секретаря… Ох, Зеб, не мог бы ты одолжить Тиру на некоторое время? Она пишет на английском самым красивым почерком, какой я только видел.

— Конечно. Отправь за ней гонца. Я займусь своими делами.

— Каор. Зеб? Больше никакого непонимания между нами, никогда.

— Надеюсь, что так, Карт. Каор.

– XXVIII –
Зебадия

Потребовалось пять дней и двадцать один художник, чтобы скопировать документы туристических бюро. Я читал копии сразу же, как мне их доставляли, и у меня оставалось время на финишные штрихи в работе с «Гэй Обманщицей». На пятый вечер, отправив служанок спать, я собрал нашу команду в спальне Картеров.

— Семья, как только Хильда отредактирует мои грубые наброски рекламных текстов для компании «Гостеприимство Большого Гелиума», мы, насколько мне известно, будем готовы продолжить путь. Комментарии? Предложения? Просьбы? Джейк?

— Я готов, сынок. Мне не хочется оставлять учебу у Мобиаса Тораса. Бог даст, я когда-нибудь вернусь.

— Мы все вернемся. Мы можем отметить десятую годовщину свадьбы здесь. Притащить всех детей и позволить им кататься на тоатах, — и я добавил: — Док, смог ли Мобиас Торас пролить свет на любимую Черную Шляпу Хильды?

— Это *не моя* любимая Черная Шляпа!

— Тогда моя, Язва — потому что она мертва. Именно такими я и люблю моих зеленокровных инопланетян — мертвыми, и чем дольше, тем лучше.

— Зебадия, не дразни тетю Хильду. Сегодня с утра ее слегка тошнило.

— Вот уж нет! Просто съела что-то не то. Я чувствую себя прекрасно, просто прекрасно.

— А что насчет тебя, Дити? Ты тоже «съела что-то не то»?

– *Я?* Здоровая как тоат… и голодная как два тоата.

— Просто интересуюсь, дорогая. Ты встаешь раньше меня уже три утра подряд.

— Потому что ты допоздна читаешь бухгалтерские отчеты. Так что прекращай «интересоваться». Я собираюсь породить этого маленького голодного монстрика так же легко, как Тув откладывает яйцо.

— Джейк, я задал тебе вопрос… но разговор, как всегда, ушел в сторону. Придется использовать правила регламента Роберта[116].

— Если мы на это согласимся, Зебби, ты всегда

---

[116] Сноски: 116

Первый регламентный сборник для широкой публики, написанный в США в 1876 г. Генри Мартином Робертом.

только о порядке и будешь говорить.

— Помолчи, Язва, и позволь своему мужу-подкаблучнику взять слово.

— Джейкоб, ты чувствуешь себя подкаблучником?

— Пятая Поправка. Зеб, ничего более о чужаках, кроме того, что я уже рассказывал. Мобиас понял, о чем речь, сказал, что это было задолго до него, потом отвел меня к хранителю или главному историку — можно перевести и так, и так, я думаю — Дворца Воспоминаний. У нас были проблемы с языком, надо было взять с собой Тиру. Данных мало, и они неточны. Однако это было, несомненно, масштабное заражение, и *не* с этой планеты. Единственный новый факт я получил сегодня от Карта. Он говорит, что если босс Дворца не знает, то никто не знает, по крайней мере, в Гелиуме. И он добавил, что письменные хроники Гелиума уходят в прошлое более чем на десять тысяч циклов.

— Он упомянул десять тысяч лет Барсума? Или это местный эквивалент выражения «в незапамятные времена», то есть период слишком долгий, чтобы считаться историческим?

— Вот сам у него и спроси. Я не воспринял это как идиому.

— Полагаю, что это не важно, ведь паразит мертв.

— Зебадия, если ты не заткнешься по поводу чужаков, то «я съела что-то не то» окажется у тебя на коленях.

— Извини, дорогая. Хочешь вместо этого посидеть у меня на коленях?

— Да.

— Тогда вперед. Тут ты весишь всего двадцать два кило — менее четырех десятых «же». Но поверхностная гравитация может быть куда больше одного «же» на планете, где мы окажемся через два дня.

— «Два дня»! Зебби, ты же не всерьез. Ты дразнишься!

— К сожалению, я *не* шучу, дорогая Хильда. Мы пробыли тут дольше, чем планировали. Спроси мужа.

— Мы ничего не планировали. Мы просто удрали из города так быстро, как могли — от чужаков, которые сели нам на хвост.

— Хильда, любимая, Зеб имеет в виду «планировали, прибыв сюда». Однако нам нужно доставить вас двоих на цивилизованную планету…

— Гелиум цивилизованный!

— …населенную людьми, которые не откла-

дывают яйца. Потому что ни Зеб, ни я врачами никогда не были, а тем более акушерами. И мы не собираемся рисковать тобой и Дити… и нам, вероятно, придется проверить множество планет. Если мы ничего не найдем в ближайшее время, я бы предпочел тайком вернуться на Землю-Ноль.

– *Нет!*

— Моя дорогая дочь, твой муж может высадить нас ночью где-нибудь в Новой Зеландии. Или на Тасмании. Используем поддельные имена и сделаем вид, что мы несчастные путешественники из Канады. Потеряли документы…

— Джейк, с тем золотом, что у нас на борту, даже с сотой его частью, я могу купить убедительные документы *где угодно*. Дай мне час в неблагополучном районе *любого* большого города, и я найду выходы на черный рынок.

— Зебадия, ты не знаешь, насколько Новая Зеландия или Тасмания безопаснее, чем Уютная Гавань… а ведь мы *чувствовали* себя там в безопасности. Они достали твоего кузена Эда *на Суматре*! Мы слишком много знаем, и они хотят, чтобы мы умерли. А я не хочу умирать, да еще и с ребенком внутри! И я *ни за что* не вернусь домой! Я предпочту рисковать здесь. Женщины рожали задолго до появления акушеров.

— Ну да, и многие умирали. Дити, я не хочу потерять тебя. Я этого не допущу.

— Я всего лишь сказал, — мягко начал док Берроуз, — что Земля-Ноль остается на самый крайний случай. Зеб, мне кажется, что мы должны перемещаться по оси «тау» и оси «тэ», как в плюс, так и в минус, высматривая удовлетворительный аналог Земли-Ноль. Хотя данных у нас немного, мне кажется вполне вероятным, что перемещения на один квант дают нам вселенные — и местные аналоги Земли, — очень похожие на ближайших соседей.

— Возможно, это лучший метод поиска, Джейк, но я предлагаю в первую очередь проверить еще один вариант.

— Ты имеешь в виду Землю-Десять? — спросила Хильда. — Там живут люди вроде нас. Технологии у них развиты, иначе не было бы космических кораблей. А когда я помогала тебе расшифровывать их бухгалтерию, я обнаружила, что несколько туристов приписали после имени «MD» — доктор медицины.

— Откуда ты *знаешь*, что они «люди вроде нас»? — спросила Дити. — Они тоже могут откладывать яйца.

— Пупки.

— У Тув есть пупок. И у Деи, и у Тиры, и у всех служанок. У *всех* красных женщин есть пупки.

— Да, у них у всех прекрасные пупки, — согласилась Хильда. — У всех, кого ты назвала. Но это не шрам, оставшийся от пуповины. Рубчик, через который в яйцо попадают питательные вещества. Рассасывается, как раз перед тем, как скорлупа трескается. Никакого шрама, лишь глубокая ямочка. Я почитала о местной биологии, это что-то удивительное.

— Может быть, туристы с Земли-Десять такие же.

— Дити, девочка, многие туристы шляются тут с голыми животами, как мы обе заметили. И я слишком долго пробыла в больнице, чтобы не опознать шрам от кесарева сечения. А мне на глаза попались несколько. Они живородящие. Джейкоб, может быть, есть шанс нанять одного из врачей-туристов, чтобы он остался и позаботился о нас?

— Лотерея, моя дорогая. Если мы захотим использовать врача с Земли-Десять, то мы *отправимся* туда и выберем лучшего. Зеб, ты начал говорить, что есть вариант, который ты предлагаешь попробовать в первую очередь?

— Вращение. Теперь, спасибо Карту, у меня

есть небольшой спектроскоп, сделанный экспертами-оптиками Гелиумской обсерватории. Так что звезду типа нашего Солнца я могу засечь в считаные секунды. Такую, которую стоит проверять. Чтобы не тратить время на белые или красные гиганты, или красные карлики, только на ближайшие звезды, которые кажутся перспективными. Можем проверить группу вращений на девяносто градусов с той скоростью, с какой ты будешь крутить верньеры.

— Предположим, Зеб, но какие тут преимущества? Мы знаем, что Земля — наша родная Земля — имеет аналоги, выстроенные как бусины на нити. Предположим, ты нашел звезду того же спектрального класса, что и Солнце. Ты предполагаешь, что у него есть землеподобная планета. Пусть даже ты прав, гипотеза достаточно сильная… но на ней может не быть людей. Или они есть… но живут в каменном веке. Очень маловероятно, что их уровень технологии равняется нашему или его превосходит. Стоп, беру свои слова обратно. У меня вообще нет никаких данных, так что я должен воздержаться даже от грубой оценки вероятности.

— Это *может* быть преимуществом, Джейк. Помнишь, что Мобиас сказал тебе, а ты повторил

мне? Ты радовался почти как мальчишка — большой комплимент от него, так ты мне сказал.

– *А!* Что я добрался до теории квантованного вращения в то же время, что и до теории квантованного перемещения. Он сказал, что они были выработаны — как теории, поскольку он до сих пор не верит, что мы их используем — по отдельности, с промежутком в две тысячи циклов. Более простое — перемещение — было первым. Именно в этот момент он решил, что я все же математик, пусть с узкой специализацией. Именно поэтому я радовался… да, почти как мальчишка. На него трудно произвести впечатление. Очень трудно!

— Джейк, если расе столь разумной и долгоживущей, как та, к которой принадлежит Мобиас Торас, потребовалось почти две тысячи лет, чтобы перейти от одного шага к другому… возможно, чужаки с хитрыми суставами до сих пор не сделали этого второго шага?

Глаза Дити вспыхнули.

— Папа! Мы можем убраться от них *навсегда*. Я голосую за вращение.

— Дити…

— Да, Зебадия?

— Мы не будем решать это голосованием. Решать будет единственный человек, который

понимает этот способ передвижения — твой отец. Я капитан — когда мы в полете. Но я поведу «Гэй Обманщицу» туда, куда скажет доктор Берроуз.

— Есть, сэр!

— У тебя язык обложен…

— Вовсе нет!

— Вот и славно. Итак, давайте подведем итоги собрания. Если у вас больше нет замечаний, доктор, то я думаю, мы можем отправиться послезавтра утром. Вас это устраивает, сэр?

— Да, капитан. Так и сделаем.

— Джейкоб, я не хочу уезжать так скоро.

Берроуз похлопал жену по руке:

— Дорогая, никто из нас не хочет покидать это приятное место… и наших друзей. Но мы должны.

Дити выпрямилась.

— Тетя Хильда, я не хочу покидать Тув, Дею, Карта… и Тиру, и всех наших милых девочек… и Томми Такера с Кахом, и особенно Канакук, потому что я не могу объяснить ей, *почему* я должна уехать, или пообещать, что скоро вернусь, чтобы увидеть ее, — тут она смахнула слезу. — Но через месяц это будет не проще, а *еще сложнее*. Если бы решала я, а это не так, я бы лучше уехала завтра, а не послезавтра. Быстро попрощать-

ся — и в путь! И кто придумал эту глупость, что «расставание — это сладкая печаль»!

— Парень по имени Шекспир, — сказал я. — Но он писал ради денег. Сочинял так, чтобы люди плакали. Или смеялись. В любом случае ему за это платили. Он их убивал всех в конце, и за это ему тоже платили.

— Я знаю. Он заставлял меня плакать. Что за *постыдный* способ для взрослого мужчины так зарабатывать на жизнь! Как я хочу, чтобы Канакук умела говорить!

На следующий день я взял последнюю порцию рекламы и отправился к принцу-регенту. На душе было пасмурно — я как мог оттягивал момент признания, что мы отбываем. Меня впустили, я шлепнул бумаги на стол перед Карторисом и сказал:

— Вот они, Карт. Новые заманухи для туристов, и мои заметки о том, как управлять этим бизнесом. Удачи с этим, — я глубоко вздохнул и выпалил: — Мы уезжаем завтра.

Регент не ответил. Смутившись, я спросил:

— Ну и почему такой мрачный вид? Ты же знал, что мы собирались уехать, как только закончим оборудовать машину, и ты знал, что я задержался тут дольше, чем планировал, чтобы помочь

вам с этой работой, — я помахал рекламными листочками. — Так что не будем печалиться. Мы насладились вашим щедрым гостеприимством и постарались отплатить за него, чем смогли. Пожелай нам удачи и отправь нас на все четыре стороны… но с улыбкой.

Карторис не улыбнулся.

— Зеб, что значит английское слово «экстрадиция»? — спросил он. — Это нечто новое для меня.

Мои брови поднялись.

— Это законная процедура, используется на Земле, когда одна страна просит другую вернуть беглецов от правосудия, в страну, откуда они удрали. На самом деле все несколько сложнее, но суть в этом. А почему ты спрашиваешь?

— Из контекста я примерно так и понял… но мне жаль, что ты подтвердил мою догадку.

— Почему жаль? Какой-то турист был дома плохим мальчиком? Он попросил у вас убежища? Или кто-то из ваших людей спрятался на территории земного посольства? Это работает в обе стороны… и может стать очень сложной проблемой. Я не юрист, ни на Земле, ни тем более на Барсуме. Но пару курсов прослушал и некоторое время работал при посольстве, так что видел экстрадицию. Какова ситуация? Если могу

помочь, я готов.

Принц ответил не сразу.

— Зеб, ты никогда не правил страной? Или правил?

– *Я?* Черт, нет!

— Но ты же военный офицер.

— Да, но это ведь не сравнить с управлением страной.

— Есть некоторое сходство. Как офицеру, приходилось ли тебе когда-нибудь официально и публично исполнять долг, о котором ты лично от всей души сожалел?

Я крепко задумался.

— Да. Иногда долг может быть очень неприятным, мягко говоря. Но деваться некуда.

— Зеб, менее десяти дней назад я сказал: «Больше никакого непонимания между нами, никогда» — помнишь?

— Как я могу забыть? Ты положил свой меч к моим ногам, я свой — у твоих. Карт, что все это значит?

— Зеб, я разрываюсь между долгом и честью! Мой меч у твоих ног — сейчас! Однако я должен отказаться от трона Гелиума… а это требует времени! Рядом нет другого мужчины моего рода, я *не могу* отречься сейчас… я должен ждать. Зеб, ты

не можешь уезжать завтра, мне нужно *время*. Ты дашь мне слово, что ты не покинешь Барсум до той поры, пока кто-нибудь из старших не вернется? Тардос Морс, или Морс Каяк, или, если боги улыбнутся нам, твой кузен, мой отец?

— Нет.

— Ох, черт бы побрал твое упрямство! Я *знал*, что ты скажешь «нет». Прости, я отойду на секунду.

Принц вышел из большой комнаты, служившей ему «личным кабинетом», и вернулся через несколько мгновений. Вернувшись, он сел и расслабленно вздохнул — счастливым он не выглядел, но был спокоен.

— Это все решает. И долг, и честь. Зеб, мой любимый друг, когда придет время, мы будем сражаться бок о бок. Спина к спине. Они убьют нас, но живыми не возьмут. Я сказал. Немного вина? Чтобы выпить за нашу смерть — вместе!

Он улыбнулся:

— Немного вина — да. Но я не буду пить за нашу смерть. Как часто говорил мой кузен: «Мы пока еще живы!». Карт, что происходит?

— Ничего на самом деле. Я отложил твою экстрадицию до тех пор, пока не смогу передать власть одному из старших в роду. И если дело

обернется против тебя, я буду на твоей стороне. Мы умрем вместе, с честью.

– *Мою* экстрадицию? Кто хочет экстрадировать *меня* и почему? В чем меня обвиняют?

— Это имеет значение? Мы тебя не отдадим, я обещаю. Мы умрем вместе.

— Черт возьми, Карт, успокойся. Я не готов умирать, у меня тоже есть долг, от которого я *не могу* отказаться, явится кто из старших или нет. Так что брось эти разговоры. Лучше расскажи подробности. Кому я нужен и какие объяснения они предъявляют? Кем бы они ни были, обвинения — это все, что у них есть. Ложные обвинения, поскольку я не совершал преступлений, нигде и никогда. Я сказал.

— Зеб, мне радостно слышать это. Но поверь мне, я буду сражаться с тобой и за тебя, даже если ты виновен в самых страшных преступлениях. Я сказал.

— Верю от всей души, Карт. Ты сказал, но ты не ответил на вопрос. Подробности, парень! Экстрадиция — это не просто автоматически заполняемая форма, — тут я порылся в памяти, вспоминая курс международного права, который когда-то проходил. — Во-первых, беглец должен быть однозначно идентифицирован. Во-вторых,

он должен сбежать из страны, где совершено предполагаемое преступление. В-третьих, предполагаемое преступление должно считаться таковым как в стране, где оно совершено, так и в той, где укрылся беглец. В-четвертых, между двумя странами должно быть соглашение об экстрадиции, определяющее условия экстрадиции. Думаю, это самое основное… Нет, я забыл самый важный пункт. Сторона, требующая экстрадиции, должна представить убедительные доказательства того, что преступление имело место и что беглец его совершил. Не понимаю, как все можно применить ко мне. Никаких преступлений дома я не совершал, а тут я не выезжал за пределы Гелиума. Поэтому интересно знать, кто открыл на меня охоту и почему?

Принц потянулся за свитком.

— Вот требование об экстрадиции. Пришло от Объединенных Наций Земли через их посла. Тут говорится, чтобы мы доставили в их посольство для возвращения на Землю некоего Зебадию Джона Картера, также известного как капитан Зебадия Дж. Картер, резерв Аэрокосмических сил США, также известного как профессор З. Дж. Картер, бакалавр, доктор философии…

— Это я, нет вопросов. Продолжай.

— Ты обвиняешься в убийстве, поджоге, похищении, применении взрывного устройства, сопротивлении федеральному служащему США при попытке твоего ареста и бегстве с места преступления в попытке избежать правосудия… вот в чем суть. Что такое «поджог»?

— Нелегально сжечь что-то. «Невиновен» — по всем пунктам. Какие у них доказательства? Кого я убил, где и когда? И «похищение» — это особенно смешно. Кого? Когда? Где?

— Миссис Ханна Х. Корнерс.

Я расхохотался.

— Не вижу, чего тут смешного, — буркнул принц.

— Карт, это принцесса *Хильда*!

— Я не понимаю.

— Ханна Хильда Корнерс — ее имя до замужества. Ей не нравится первое имя, и мало кто его знает… но в свидетельстве о браке она записана как «Ханна Хильда Корнерс», я был свидетелем. Все есть в документах Джейка, которые в «Гэй Обманщице», он может их показать. Где я совершил поджог?

— В месте под названием «Логан, Юта»…

— Никогда не был в Логане.

— …и это связано с двумя убийствами.

— Только двумя? Я, должно быть, поскользнулся.

— Пожалуйста, Зеб, это серьезно. Нет, тут есть третье — тот федеральный служащий, которому ты оказал сопротивление.

— Тут хоть есть кое-что. Я воткнул вот этот клинок прямо ему в брюхо, когда он пытался застрелить Дити, а еще Джейка и Хильду. Только он был не служащим, а самозванцем. Другие два убийства? Не помню, чтобы я кого-то убивал в последнее время. Только этого самозванца, смертельно опасного чужака, не человека. Это был тот же тип чужаков, о которых мы спрашивали — вымерший паразит во Дворце Воспоминаний.

— Правда? А я гадал — чем вызван интерес к той экспозиции.

— Правда-правда, Карт. Что с другими двумя убийствами?

— Оба в Логане, где, по твоим словам, ты никогда не был. Одна жертва — профессор Дж. Х. Берроуз… это же не может быть Джейк?

— Это действительно мог быть Джейк собственной персоной. Но он жив, здоров и благоденствует под твоей крышей, а вовсе не умер в Логане.

— Другая жертва тоже носит фамилию Берроуз — доцент Дея Т. Берроуз. Родственница

Джейка?

— Близкая родственница. Его дочь, моя жена, принцесса Дити. Карт, сам решай, говорить ли это твоей матери, но моя жена названа в ее честь: Дея Торис Берроуз. Дити — это прозвище. Инициалы «Д» и «Т». Прибыв сюда, мы решили, что еще одна «Дея Торис» — это перебор, и оставили только прозвище. Но опять же в нашем свидетельстве о браке все это есть. Значит, я убил Дити? Она будет удивлена.

— Она и вполовину так не удивится, как я. И ей не станет так неловко, как мне сейчас. Поскольку я знаю, что ты — человек чести, то все *это*, — принц сердито ткнул пальцем в свиток, — полная чушь. Однако они запросили тебя по имени, и ты согласился, что именно тебя они хотят арестовать. К требованию приложены показания под присягой различных земных официальных лиц о твоих предполагаемых преступлениях — полагаю, это и есть те необходимые доказательства, о которых ты говорил. Но…

— Я говорил об «убедительных доказательствах». Разве клятвенные заверения каких-то людей с Земли убедят тебя, что я убил Дити и Джейка? Разве Хильда ведет себя так, словно я ее похитил? — Я потянулся к свитку, спросил: — Раз-

реши?.. — и посчитал молчание согласием. — Эй, у них даже есть мои отпечатки! Или то, что, по их мнению, ими является, я не эксперт.

— Это твои отпечатки, Зеб.

— Да?

— Первый кубок, которого ты коснулся сегодня утром, доставили мне. Был проведен анализ, они совпали.

— Так-так! Карт, это первый твой скрытный поступок, о котором я знаю. И кто из наших малышек сделал это? Я не хочу, чтобы она оставалась рядом с нами.

Челюсти принца сжались:

— Зеб, рабу ничего не объясняют, и раб не ставит под сомнение приказы. Ты несправедлив к девушке.

— М-м-м, нет, я не… Да, конечно, она в первую очередь предана тебе. Бедное дитя наверняка понятия не имело, зачем это делается.

— Конечно нет. На самом деле ее заставили поверить, что по твоим отпечаткам узнают твои вкусы, чтобы сделать тебе подарок-сюрприз. Здесь многие верят, что вкусы человека, черты его характера и даже будущее можно прочитать по линиям на ладони и пальцах.

— В это верят не только на Барсуме. И ты опре-

деленно устроил мне сюрприз. Почему ты просто не *попросил* отпечатки у меня, открыто? Ты бы тут же их получил. Вместо этого ты заставил невинную рабыню добывать их у меня за спиной. Я был о тебе лучшего мнения, Карт.

— Зеб, Зеб, я *не ожидал*, что отпечатки совпадут! Я думал, что верну свиток, сопроводив его презрительным отказом — таким резким, что человек чести попросил бы регента временно отказаться от неприкосновенности и скрестить мечи. Я с наслаждением набросал текст отказа, наполнив его ядом. А потом мои эксперты доложили, что отпечатки принадлежат тебе! И я потребовал, чтобы они *показали* мне, отпечаток за отпечатком, в сильном увеличении. Я был вынужден признать… и с тех пор я сижу здесь, в полном раздрае, надеясь, что ты появишься — и опасаясь этого! Потому что я не стал бы посылать за тобой стражу, Зеб, я не мог поступить с тобой таким образом. Поэтому я сидел и ждал.

— Понимаю. Прости, что я неверно оценил твои мотивы.

— Если бы отпечатки *не* совпали, ты никогда бы и не узнал об этой… прискорбной истории, брат мой. Мой старший кузен, но брат по мечу.

— «Кровный брат», как называют это у нас. Да,

Карт, мы кровные братья, точно так же как мы с Джейком, хотя он отец моей жены. Но я хотел бы знать, как они… нет, не хотел! Карт, не видишь ничего странного в этих отпечатках?

— Что именно?

— Большой палец. Он снят сбоку, а не подушечкой.

— Но когда ты кладешь ладонь на стол, то большой палец всегда отпечатывается боком. Если, конечно, твоя рука не сильно отличается от моей.

— Не отличается. Я раздумывал, как они получили мои отпечатки так быстро. Конечно, их корабли быстры, но из того, что я знаю — они не могут быть *настолько* быстрыми. Но теперь я знаю. Эти отпечатки не присылали с Земли, как и эти так называемые доказательства. С Земли пришла только радиограмма. Отпечатки и доказательства были подделаны в посольстве.

— У них связь лучше, чем у нас, много лучше. Но как ты догадался об остальном?

— Чтобы получить их расценки, я попросил Тиру написать письмо и каждую подписал отпечатком правой руки.

— Естественно.

— На Земле это вовсе не «естественно». Отпе-

чатки ладоней там не используются. Для разных целей — идентификация, документы — достаточно отпечатка большого или указательного пальца. Но для *полной* идентификации используют все десять отпечатков, оба больших пальца и все остальные, каждый отдельно. Обязательно подушечки пальцев, и *никогда* — их боковая сторона. Мои отпечатки, взятые таким образом, хранятся в нескольких местах на Земле. Значит, это не мои отпечатки с Земли. Всю эту фальшивку состряпали прямо тут, используя мой запрос и телеграмму с Земли.

— Но *зачем*, Зеб? Не потому ли, что твой запрос привел к конфискации этих оскорбительных брошюр? Твое имя при этом не упоминалось.

— Но с моих писем все это началось и привлекло внимание к моему имени. Карт, мы четверо — Хильда, Джейк, Дити и я — действительно беглецы с Земли. Но не преступники. Мы бежали, спасая свои жизни.

— Зеб, чем больше я слышу, тем меньше понимаю.

Я глубоко вздохнул и решил, что настал один из тех редких моментов, когда делу поможет лишь одна неприукрашенная правда, как бы странно это ни звучало.

— Солнце вот-вот зайдет. Мы можем выйти на западный балкон? Я хочу показать тебе кое-что.

— Конечно, если хочешь.

Мы вышли в сумерки.

— Карт, видишь ту большую, яркую планету, голубовато-зеленую?

— Да. Земля. Мы называем ее «Джасум»… но мой отец научил меня другому имени. Ваша родная планета… и его.

— Это не моя родная планета, Карт. И я не думаю, что это родная планета твоего отца.

— Я тебя не понимаю.

— Есть много такого, чего я сам не понимаю. Но я пытался научить вас, как работает «Гэй Обманщица», чтобы вы могли строить космические корабли. И Мобиас Торас подтвердил, что выкладки Джейка — доктора Берроуза — действительно верны… хотя старый джентльмен до сих пор не убежден, что их можно использовать для практических целей. Но я говорил тебе, что математика Джейка открывает путь ко многим вселенным, и каждая из них на расстоянии квантового скачка от соседней, но в то же время так далеко, что они не соприкасаются.

— Говорил. Помню.

— Это не наша вселенная. Между собой мы

четверо — Хильда, Джейк, Дити и я — зовем эту планету «Земля-Десять», а нашу родную — «Земля-Ноль». В нашей вселенной есть планета «Марс-Ноль», как я вынужден ее назвать, и поэтому Барсум — «Марс-Десять». Марс-Ноль или просто Марс имеет тот же размер, находится там же, но давно мертв. Его воздух настолько разрежен, что им невозможно дышать, даже если бы это был чистый кислород, а это не так. Воды там почти нет, остатки заморожены на полюсах, и на поверхности нет ничего живого. Голый камень, ничего более. Есть признаки, что некогда там текли могучие реки, а низины заполняли океаны. Сейчас там нет ничего. Если раса красных людей когда-то жила на Марсе-Ноль, то она либо не смогла построить атмосферный завод, либо тот сломался много циклов назад. Я не знаю.

И это вовсе не догадки. Мои родичи с Земли-Ноль побывали на Марсе-Ноль и сфотографировали его со всех сторон.

Принц-регент смотрел на яркую вечернюю звезду на западе.

— Значит, ты не с Джасума.

— Если ты имеешь в виду Землю-Десять, то нет.

— Значит, ты не старший кузен моего отца?

— Не уверен, что меня можно назвать «старшим». Нам с ним придется сверить семейные записи. Кузены — да, но семейство Картеров велико, и нужны семейные архивы, а также помощь специалиста по генеалогии из Семейной ассоциации Картеров, чтобы установить точную степень родства. Без записей под рукой я могу предположить, что мы с ним четвероюродные братья. Однако в любом случае я капитан Зебадия Джон Картер из Виргинии.

— Виргиния — *там*, — принц указал пальцем.

— Место под названием «Виргиния» может быть на Джасуме, я не знаю. Но я не думаю, что твой отец там бывал. В его письмах и рассказах о жизни на Барсуме есть столько деталей, указывающих на Землю-Ноль, что я уверен — твой отец пришел с моей родной планеты и попал на Барсум через десять вселенных.

— Я опять запутался. *Как*?

— Судя по его собственным рассказам, ему самому никогда это не удавалось. В один момент он был в горах Аризоны, а в следующий — на Барсуме, рядом с инкубатором племени тарков. В следующий раз, двадцать лет спустя, он очутился в стране фернов, к югу от реки Исс.

— Ты и вправду *знаешь* его историю!

— Не так хорошо, как доктор Берроуз. Я уже говорил тебе, что он назвал свою дочь, мою жену, в честь твоей матери. Но подвиги твоего отца хорошо известны на Земле-Ноль. Он — героический персонаж для многих и многих миллионов людей.

Принц помолчал несколько мгновений, потом сказал:

— Давай зайдем внутрь. Солнце зашло, становится холодно.

— О'кей. Нет, подожди минутку! Сейчас будет смена караула вокруг «Гэй Обманщицы», мне нравится на это смотреть. Таких хороших солдат нет больше нигде, Карт.

— Да ладно, Зеб!

— Ты иди, а я постою немного, ведь послезавтра я этого уже не увижу.

Карт помрачнел, но остался. Я с удовольствием понаблюдал за сменой караула, она вновь прошла без малейшего сбоя.

— Отличные парни, — сказал я, когда мы вернулись в комнату. — Мне нравится наблюдать за солдатами с хорошей строевой подготовкой. В наших Аэрокосмических силах ее почти не было, так что для меня это ничем не замутненное удовольствие. Я вижу, ты утроил охрану.

— Да.

— И вчера ими командовал сержант, а сегодня старший офицер. Побуду немного телепатом, Карт. Этот офицер и все его люди получили от тебя приказ не давать *никому* притронуться к «Гэй Обманщице». И особенно *мне*. В приказе называли всех четверых, но мое имя было особо подчеркнуто. И из-за этого у тебя сейчас очень скверно на душе. Тебе от этого больно.

— Исса! Ты читаешь чужой разум так же легко, как мой отец. А я *не могу* читать твой.

— Хватит мучить себя, Карт. Ты сделал то, что должен был. То, к чему я тебя принудил. Когда я отказался дать слово, что не уеду, ты вышел и отдал приказ, и я это прекрасно понимал. Но поверь мне — это не имеет значения. Так что прекрати грызть себя. Я не только телепат, я еще и пророк. Хочешь, предскажу будущее для тебя? Чтобы тебя перестало тошнить из-за неприятного долга?

— Ох… К черту все. Я *должен* был!

— Конечно, должен, Карт. Ты не босс, ты несчастный парень, которого поставили следить за лавкой, пока босс в отъезде… и тут на тебя неожиданно свалилась неприятная проблема, и ты без понятия, как поступить. Но это *не имеет значения*, Карт, поверь мне! Так мне предсказать

будущее?

— Зеб, если ты можешь сказать мне что-то, что поможет мне перестать ненавидеть себя, то говори!

— Очень хорошо. Сначала немного предыстории. Нет никакого соглашения об экстрадиции между Гелиумом и Землей. Землей-Десять, я имею в виду, чье посольство прислало тот лживый свиток.

— Я *не знаю*! И поэтому мои руки связаны.

— Нет такого соглашения, но я не прошу тебя убрать эту утроенную стражу. Если бы такое соглашение существовало, твой отец или Тардос Морс — или они оба, да, скорее всего они оба — ни за что не оставили бы тебя в неведении о нем. Так что это блеф, как и их фальшивые доказательства. Но это не имеет значения, поскольку ты не сможешь нам помешать отбыть по расписанию. Пророчество.

— Но я пока что *не могу* позволить вам уехать. Ты знаешь почему.

— Пророчество, — повторил я. — Истинное пророчество. Ты будешь вынужден изменить мнение по веским причинам. Ты сделаешь это, и Дея Торис — я имею в виду джеддару, а не мою супругу Дити — джеддара поддержит тебя. Но

даже без авторитета твоей матери ты все равно изменишь решение. Поскольку будет не важно, что сделал *я* — а я не совершал преступлений, ни здесь, ни на Земле-Ноль, ни на Земле-Десять, где я никогда не был, — и будет не важно, какую ложь они рассказывают обо мне, и будет не важно, насколько беспомощным ты себя чувствуешь в отсутствие отца, деда и прадеда по материнской линии, потому что ты не пойдешь на то, чтобы приговорить Хильду и Дити к смерти.

— Что?!

— Дай определение английскому слову «акушерство».

— Я не знаю этого слова.

— Что насчет слов «эклампсия»? Или «внематочная беременность»?

— Я не знаю ни одного из этих слов. Я должен их знать?

— Ты их не знаешь по той же причине, по которой тебе неведомо слово «экстрадиция». Потому что твой отец никогда не думал, что тебе понадобятся эти слова. Возможно, джеддара или принцесса Тувия знают одно или несколько, ведь дети и все с ними связанное интересует женщин, и твой отец мог рассказать твоей матери что-то о различиях между нашими расами в том, как

женщины рожают детей.

— Ну, об этом я достаточно знаю. Наши женщины откладывают яйца, ваши рожают живых детей. На Барсуме есть одна форма жизни, которая делает так же. Но в чем разница? Откладывание яиц требует ухода за инкубатором в течение долгого времени. Возможно, лучше было бы оставить яйцо внутри, и тогда не нужно будет беспокоиться о поддержании постоянной температуры.

— Карт, разница такая же, как между заусенцем на пальце и раной от дикого банха. «Акушерство» — название одной чрезвычайно сложной специальности, которую изучают врачи, чтобы сделать экстремально опасный процесс живорождения менее опасным. Ты знаешь, что Дити и Хильда беременны? Ты можешь не знать этого слова, но внутри каждой оплодотворенное яйцо. Думаю, они говорили принцессе Тувии, но она могла не сообщить тебе.

— Она сообщила и сказала, что обе очень счастливы.

— Да, так и есть, Хильда и Дити — храбрые женщины. Но если ты хочешь, чтобы на твоих руках была невинная кровь, а на твоей совести смерть двух женщин — женщин, к ногам которых ты положил свой меч, — то вперед, воплоти в жизнь

свой план удержать нас тут силой.

Принц закусил губу и помрачнел.

— Зеб, ты все еще мой брат по крови?

— Сейчас и навсегда, Карт. Мой меч лежал у твоих ног. Мне положить его снова?

— Он у моих ног, а мой — у твоих. Думаю, я должен отречься в пользу матери. Но сначала я уберу стражу вокруг твоей небесной колесницы. Я поищу мать… завтра утром, когда она будет готова принимать людей. Но стражу я уберу сейчас же.

— Карт, ты хочешь сказать, что я должен взять «Гэй Обманщицу» и бежать, когда ты отвернешься. Вижу, ты помнишь — я говорил тебе, что могу улететь из этого сада без посторонней помощи. Да, я могу это сделать. Но я еще не закончил предсказывать будущее. Ты оставишь стражу там, где она находится. Ты *не* отречешься. Ты *не* закроешь глаза на то, что может запятнать твою честь. Я *не* войду в этот сад, как ночной вор. Вместо этого мы завтра все вместе устроим прощальный пикник. Все. И это истинное пророчество.

— Пикник!

— Разумеется. Друзья часто расстаются, устраивая вечеринку, разве нет? Но мне хочется, чтобы эта прошла за стенами города в одном особенном месте, поскольку мне там нужно будет кое-что

сделать. И еще две вещи, помимо прощального пикника: Тувия помогла Дити и Хильде выбрать хорошие часы для Таум Такуса и Ках Кахкана. Потом она настояла, что должна заплатить за них, выписав долговую расписку. Но у Дити и Хильды есть своя гордость, так что они убедили ее — пусть Тув хранит часы у себя, пока они не выкупят у продавца ее расписку. Мы привезли на Барсум запас золота… но, поскольку не знали, с чем столкнемся, я оставил его в Заливе Крови.

— В Заливе Крови? Почему ты не сказал мне раньше? Я бы отправил тебя на флайере с вооруженным эскортом. Золото могло уже исчезнуть. Исса!

— Оно будет там, когда мы приедем за ним — завтра. Я спрятал его тщательно и точно знаю, как его найти. Карт, хватит беспокоиться. Я прорицаю, что все будут счастливы. Завтра будет веселый пикник, а на следующий день мы уедем. Но мне нужна помощь с пикником. Мне хотелось бы позвать всех друзей, то есть тебя, Тувию, твою великую мать — да, и, конечно же, Мобиаса Тораса. Джейк будет разочарован, если не будет Мобиаса. Ты можешь предложить флайер, достаточно большой для всей нашей компании? И даже больше, чем я упомянул, потому что

думаю, было бы благородным жестом с нашей стороны, взять с собой Тиру и ее восемь пикси. Они могут прислуживать на пикнике — поскольку без работы они не будут счастливы, — а после устроят свой пикник. Карт, как можно устроить выездное обслуживание для большого пикника?

— «Выездное обслуживание»? Еще одно слово, которого я не знаю.

— Вино, еда, включая еду для наших больших зеленых друзей… Кстати, когда им нужно выехать, чтобы прибыть вовремя? Ведь они не смогут втиснуться с другими пассажирами, так уже было, когда они подобрали нас там. У меня есть и сентиментальные причины устроить все в Заливе Крови, поскольку там мы встретили Томми и Каха.

— Их тоаты очень быстры, просто скажи им, когда хочешь с ними встретиться и где. А что до «обслуживания» — этот дом твой, дворцовые кухни обеспечат все необходимое.

— Карт, ты не понимаешь. Я хочу *устроить* вечеринку, я не хочу, чтобы ее устраивали для меня.

— Ты и будешь ее устраивать. Просто скажи Тире, что тебе нужно. Я сказал.

Я пожал плечами:

— Ну хорошо. Хотел бы устроить все сам, но вряд ли смогу обойтись без помощи. Позволено ли делать денежные подарки рабам? Слугам на договоре? Или это опять вопрос чести?

— Вполне приемлемо, даже ожидаемо. Только не слишком щедро, будь так добр.

— Маленькие золотые монетки с Земли, Земли-Ноль — это приемлемо?

— Да. Но они будут хранить их как сувениры и не поменяют на танпи. Теперь я пророчествую!

— Нужно быть смелым пророком, чтобы предсказывать, что будет делать женщина. Ах да, совсем забыл. Не мог бы ты попросить Тувию, чтобы она захватила эти часы? Думаю, что Хильда и Дити захотят вручить их на пикнике. Карт, можем мы встретиться у Мыса Слез в Заливе Крови? Скажем, завтра в полдень? Устроит это время твоих леди?

— Не вижу препятствий. Как оденутся ваши принцессы? Пояс и кинжал?

— Думаю, что они воспользуются последним шансом нарядиться как дамы из Гелиума. Это не будет раздражать джеддару или Тув?

— Нет. Но им придется как-то одеться, поскольку это будет публичное мероприятие. Мне

придется обеспечить охрану. Твоя честь не будет задета, если над нами станут летать флайеры?

— То есть не буду ли я думать, что их прислали, чтобы удержать меня от внезапного отъезда?

— Ой, ну ты же не улетишь *оттуда*. Но это дикая местность, и я должен защитить мать и Тув, а также Дити и Хильду.

— Карт, ты знаешь, что я отказался дать слово. Я все еще ничего не пообещал. Поэтому могу исчезнуть внезапно. Так что пусть весь флот Гелиума парит над нами, если хочешь. Но давай лучше будем наслаждаться счастливым моментом и не будем волноваться по поводу посла и его гнусной лжи. Когда пикник закончится, тогда и вспомним об этой ерунде — а пока будем весело проводить время! Так ты чувствуешь себя лучше?

— Гораздо лучше. Да, Зеб, ты очень странный — никогда бы не подумал, что ты умеешь пророчествовать.

– XXIX –
Хильда

Я до сих пор думаю, что наш мальчуган Зебби как-то причастен к тому случаю с желе в моем бассейне. Я не имею в виду, что он мне врал — Зебби слишком умен для этого. Но если бы у меня были записи каждого его слова, когда-либо сказанного по поводу лаймового желе, и я бы отдала их на анализ опытному семантику — вроде Дити, но Дити не будет этим заниматься, — уверена, в них нашлась бы дыра, в которую легко проедет грузовик.

Но я вовсе не хочу уличать Зебби. Он идеальный шкипер нашей пиратской команды. Мой Джейкоб слишком прямолинеен для такой работы, у него даже нет способности Дити сохранять каменное лицо.

Вчера вечером Зебби пришел и сообщил нам, что мы отправляемся на пикник. Затем он послал Тиру на консультацию к шеф-повару дворца, загнал всех восьмерых нимф в их комнаты и собрал нас на приватную конференцию, *tête à tête*

à tête[117].

— Молчите и слушайте. Никаких вопросов, — он говорил очень тихо почти четверть часа. — Все поняли свои задачи?

— Да, — ответила Дити. — Но я не понимаю, почему я должна…

— Дити. Правила спасательной шлюпки.

Она удивилась, но ответила:

— Да, сэр!

— Зеб, — начал Джейк, — не будет ли лучше сказать…

— Правила спасательной шлюпки и для тебя, если только ты не хочешь сам руководить операцией. Я не против. Хочешь эту работу?

Джейкоб моргнул:

— Нет, капитан. Есть, сэр.

(Я решила пока не задавать терзавший меня вопрос.)

— Теперь повторите мне свои инструкции, дословно. Второй пилот.

— Я должен переговорить с Мобиасом Торасом, если смогу найти его…

— Дословно! Начни сначала.

— Эм-м, я *найду* Мобиаса Тораса и приглашу

---

[117] Сноски: 117

По-видимому, тет-а-тет в компании из более чем двух персон. От французского *tête à tête* — с глазу на глаз, лицом к лицу. — *Прим. С. В. Голд.*

его на развлекательную экскурсию в честь джеддары и принца-регента. Его ожидают в покоях регента за половину зода — по-нашему это за час с четвертью — до полудня. Я не говорю ему, как одеваться, но даю понять, что вся наша семья и вся королевская семья будут в полной парадной коже и украшениях.

— Верно. Хильда?

Пилотом был «Зовите-меня-Джо». Я назвала его «Джо», а он ухмыльнулся и отдал честь. Однако главным был не он. Это был *большой* летучий корабль, флагман (как я думаю) флота Гелиума. Капитан (или, может быть, адмирал, в общем, тот тип, который стоял у трапа, когда Дея — джеддара — поднялась на борт, и все начали дудеть в трубы), этот капитан-адмирал был так покрыт кожаными ремнями и знаками отличия, что мне пришлось присмотреться, чтобы увидеть — на нем почти столько же шрамов, как и на Кахе.

Обстановка на борту мало напоминала военный корабль, скорее, экскурсионный пароход, увешанный флагами и заваленный шелками, мехами и подушками буквально повсюду. Я не видела ничего, напоминавшего оружие, кроме мечей и прочих личных клинков тех воинов, что кишели вокруг. Но лазерная пушка на Гэй тоже

не выглядела оружием, так что этот воздушный корабль мог быть вооружен до зубов.

Я стояла у трапа, когда Тира загоняла свой выводок на борт, и каждая сделала мне реверанс.

— Тира, наши крошки не выглядят счастливыми. В чем дело, дорогая? Ты не сказала им, что это пикник для развлечения?

— Да, принцесса. Но они напуганы. Никто из нас раньше не летал.

— И *ты* испуганна?

Она показала ямочки на щеках:

— Не так, как была, принцесса Хильда. Со мной все будет хорошо.

— Конечно будет. Успокой их, и пусть они прислуживают.

Летели мы медленно, так медленно, что ветровые стекла надежно оберегали наши прически. Я понимаю, что наш большой корабль мог достичь Мыса Слез за минуты, но мы двигались в обход, облетая Большой и Малый Гелиум, разглядывая красоты, поскольку нам нужно было убить больше часа. Я нашла Тув и Дею, сидевших на больших подушках ближе к корме, и приступила к исполнению своей задачи: они указывали мне дворцы и разные интересные места, а я переводила беседу на детей… что было нетрудно, поскольку они

обе бабушки. Конечно, их очень интересовало, как *мы* это делаем. Вскоре они с ужасом и восхищением слушали страшные байки из родильной палаты, которые я для них приготовила, одни я на самом деле видела, о других слышала, но рассказывала так, будто присутствовала при каждом случае лично… и приукрашивала ужасы, делала их более ужасными.

— О, бедная девочка! — воскликнула Дея после очередной истории. — Почему они позволили ей страдать так долго? Почему хирурги не даровали ей благословение быстрой смерти?

— Но Дея, дорогая, она же выжила, разве это не ясно? И ее ребенок тоже выжил. Прекрасный, здоровый молодой парень, сейчас уже Зебби по плечо. И после этого она родила еще двоих, оба здоровы, и все с той же кровью и болью.

(Две лжи, и вторая чертовски грубая — акушер перевязал ей трубы.)

— Я рада, что мы несем яйца, — Тувия содрогнулась. — Хильда, неужели ты *не боишься*?

Я выдавила кривую улыбку.

— Все женщины нашего вида через это проходят. Я с гордостью вынесу это и подарю наследника моему любимому Джейкобу, — потом я нарочно глотнула воздуха и рыгнула. — Прошу

прощения, меня слегка тошнит по утрам.

(Они уже знали от меня, что это значит.)

— Тувия! Пошли за нашим врачом!

Я успокаивающе похлопала ее по руке:

— Дея, я в порядке, а твой врач все равно не знает, что со мной делать, он и не должен знать, — я сделала паузу и добавила: — Но я беспокоюсь за Дити.

— У принцессы Дити тоже «утренняя тошнота»?

— Нет. Меня беспокоит кое-что посерьезнее. Видите… Нет, придется объяснить. Например, я не очень мускулиста и очень гибка, и у меня хорошие пропорции таза. Однако Дити — спортсменка, она сильна, как мужчина, и у нее соответствующие мышцы, а таз уже моего, хотя она выше (еще две *лжи*: Дити гибкая словно червь и, похоже, специально создана, чтобы иметь детей). Так что когда у нее начнутся роды, череп ее ребенка может застрять… и они оба могут умереть (и опять ложь; такого обычно не допускают, а если и случается, то можно спасти либо мать, либо ребенка — ужасный выбор…), так что вы можете не сомневаться, Язва будет рядом… и при первом же намеке на неприятности я буду настаивать на кесаревом сечении!

— Но, Хильда, — начала Тувия, — разве ты не говорила мне, что ваши яйца были оплодотворены одновременно? Разве у вас не «начнутся роды», как ты это называешь, в одно и то же время?

Я неохотно признала, что это может случиться… но вероятнее всего одна из нас доберется до финиша первой, на день или два (маленькая выдумка, хотя нет, снова откровенная ложь, но полезная).

— Но на самом деле не о чем беспокоиться. Как только принц-регент позволит нам отбыть, наши мужья отвезут нас к лучшим акушерам, каких можно найти, — тут я изобразила обеспокоенную задумчивость. — Но я надеюсь, что принц-регент не задержит свое позволение. Это должно быть быстро — ради Дити.

Дея Торис заглотала наживку с крючком.

— Что за речи насчет того, что мой сын не позволит вам уехать? Что ты имеешь в виду, дитя? Вы не пленники, вы мои гости!

Я показала беспомощность — я могу выглядеть совершенно беспомощной, если постараюсь.

— Э-э-э… О господи! Джейкоб всегда говорил, что я слишком много болтаю. Ваше Имперское Величество, простите меня!

— Простить тебя *за что*, дорогая? Объяснись.

Я не ответила, я сжалась и постаралась выглядеть меньше, чем обычно, испуганной и несчастной — я тренировала этот навык большую часть жизни, хотя в последние двадцать лет он мне почти не требовался.

— *Стража!* — воскликнула Дея, обняв меня за плечи.

Перед ней тут же оказался офицер, и джеддара быстро заговорила по-барсумски, так что я не уловила ни слова. Он отдал честь и пропал с такой скоростью, точно выпрыгнул за борт.

Столь же быстро объявился Карт и, заметив меня рядом с матерью, заговорил на английском — этот милый мальчик всегда вежлив:

— Джеддара приказывала мне явиться?

Дея заговорила с сыном на их языке. Карт остался стоять, но поначалу он выглядел совершенно расслабленным. Затем он вытянулся по стойке смирно, точно морской пехотинец на параде, и оставался таким до конца беседы. Дея говорила тихо, вряд ли кто-то из команды слышал ее слова, и Карт отвечал так же, но его лицо становилось все более и более красным, пока оно не стало почти багровым и застывшим, как лед. Они много говорили, и Дея не раз перебила сына, но он ее — ни разу. Мне было жаль его: Карт на самом

деле хороший парень… никакого чувства юмора, но у мужчин оно редко встречается.

Наконец он произнес два слова, которые я некогда выучила у Тиры:

— Будет исполнено, джеддара!

— Подожди, — сказала Дея на английском. — Расскажи принцессе Хильде самую суть. Потом разыщи капитана Зебадию Джона Картера из Виргинии. Расскажи ему *все*.

— Да, леди-мать. Принцесса Хильда, я намеревался публично рассказать об этом Зебу во время пикника, но моя мать распорядилась иначе. Сегодня рано утром я вызвал в свои покои посла Земли и приказал, чтобы он принес с собой официальную копию соглашения об экстрадиции между Гелиумом и Землей. Он явился, но никакого соглашения не принес, только некие заметки, по его словам — резюме соглашения, которое, как он утверждает, находится на Земле. Я… Зеб говорил вам об этом? О требовании к Гелиуму, чтобы мы отдали им Зеба? Вам знакомо слово «экстрадиция»?

— Конечно, Карт.

— А мне не было — до вчерашнего дня.

— Думаю, Зеб рассказал нам самое главное. Глупость какая, не правда ли. Разве я выгляжу

похищенной?

Дея обняла меня еще крепче.

— В данный момент принцесса Хильда похищена *мной*. Тувия, как ты думаешь, твоим ручным банхам придется по вкусу сырой посол?

— Мама, они могут отравиться. Дурное мясо.

— Шучу, дорогая дочь. Мы не варвары, даже посланец врага неприкосновенен. Но я предлагаю ограничить его и всех его подчиненных территорией посольства до возвращения моего деда или мужа… и тогда его отправят домой, я гарантирую. Запретить появляться где-либо, кроме одного появления передо мной — *завтра*! Скажи ей, сын мой.

— Да, мать. Принцесса Хильда, я думаю, вы знаете, что моя власть — лишь власть заместителя, у меня нет собственной. На время отсутствия джеддака, джеддака джеддаков и джеда Малого Гелиума вся власть передана джеддаре. Но моей матери было угодно, чтобы я практиковался в управлении, чтобы я мог…

— Не извиняйся за меня, Карторис. Правление для меня скучно. Я ленива, Хильда. Позволяю делать работу мужчинам.

— И я тоже — когда это возможно.

— «Когда это возможно». Но иногда это не так.

Продолжай, сын.

— Вчера я оказался в безвыходной ситуации. Я попытался выбраться из нее и думал, что смог — большей частью. Но теперь моя мать взяла эту проблему на себя, приняв на себя возложенные на нее полномочия — к моему великому облегчению, должен добавить.

— Опусти комментарии, Карторис.

— Да, мать. Завтра посол будет призван к джеддаре, и она встретит его, сидя на троне, хотя я принимал его у себя в покоях, — принц в первый раз улыбнулся. — Не хотел бы я поменяться с ним ботинками, то есть оказаться на его месте!

Я резко выпрямилась:

— Карт, а он носит ботинки? Или он одевается как мы?

— Какая разница, что он носит, Хильда? — сказала Дея. — Обвинения против нашего дорогого кузена Зебадии сами по себе смехотворны, и к тому же я *знаю*, что нет никакого соглашения об экстрадиции. Как бы мало я не интересовалась государственными делами, я присутствовала на всех встречах с людьми Джасума, когда они прибыли сюда; это была воля моего мужа. Мой сын некоторые пропустил…

— Мы были в Птарте[118], мать, — вмешалась Тувия. — Ты знаешь почему.

— Мой сын и принцесса Тувия представляли моего мужа и меня в столице нашего ближайшего союзника, Хильда. Я вовсе не вменяю Карторису нехватку старания. Просто я слышала, что договоры на Джасуме часто бывают длинные и сложные, а у нас это не так. Если слову джеддака нельзя доверять, то к чему тогда длинный и запутанный документ? В договоре, согласно которому мы позволили земным кораблям приземляться здесь, согласились на создание посольства и обещали обходиться с прибывающими землянами как с гостями, не было ни слова об аресте беглецов по их просьбе. Идея нам чужда, и я не вижу в ней пользы. У нас есть поговорка: «банх всегда судит верно», и она означает, что совершающий зло не может вечно избегать судьбы, которую он себе создает. Я не только знаю по собственному опыту, что такого соглашения нет, ведь если бы оно было, мой муж и мой дед проинструктировали бы моего сына, оставляя его регентом.

— Мама, я *думал*, что это может быть тот случай…

---

[118] Сноски: 118

Птарт (в других переводах Птарс) — родина Тувии, дочери джеддака Птарта. — *Прим. С. В. Голд.*

— Больше доверяй старшим родичам, дорогой.

— Да, мать. Я не знал, что ты посещала эти совещания — все, я имею в виду. Я не хотел тебя беспокоить всем этим… Я и сам достаточно обеспокоился!

Дея взяла Карта за руку, подтянула его к себе и поцеловала.

— Ты всегда относился к дамам с галантной предупредительностью, сын мой, мы с отцом гордимся тобой. Но этот вопрос более не должен тебя тревожить. Я сама исполню эту обязанность правителя, и с огромным *наслаждением* — я заставлю его попотеть так, что у него воротничок завянет! Карторис, проследи, чтобы комната, где он будет ждать моего соизволения, была хорошо прогрета, я заставлю его прождать там как минимум половину зода.

Карт ухмыльнулся:

— Джеддара, ваше желание — закон!

— Дея, а это существо *всегда* носит полное земное одеяние? — выпалила я. — Длинные брюки? Длинные рукава?

— Хильда, ты уже дважды спрашиваешь, как он одевается. Почему, дорогая?

Я уже выполнила то, что требовалось… но капитан Зебби не упоминал, что «правила спа-

сательной шлюпки» распространяются на *эту* область — а кто у нас «эксперт» по чужакам? Правильно, «научный сотрудник» (это я — можете смеяться). И это я разрезала одного, чтобы посмотреть, как он работает, и была уверена, что никакая пластическая хирургия не поможет ему выглядеть человеком, если у него будут голые руки и ноги. Кроме того, пусть я не такая умная, как Джейк или Дити, или даже Зебби, в простых вещах я могу разобраться сама. Если посол с Земли-Десять знает о том, что случилось на Земле-Ноль (а это могли знать только чужаки) — то Земля-Десять тоже заражена. Возможно, не меньше, чем наша Земля. А если сильнее — то и сам посол может быть чужаком. По крайней мере, он делает для них грязную работу.

Я обнаружила, что рассказываю все, что знаю по поводу двухсуставчатых гермафродитов с гемоцианином (или чем-то подобным) вместо гемоглобина.

Дея и Тув слушали молча, никаких охов и ахов, никаких «я в это не верю!». Дея один раз глянула на Карта, и он тихо сказал:

— Кузен Зебадия подтверждает это.

Я не пыталась растолковать высшую геометрию, я даже не упомянула ее.

— Именно поэтому мы *не можем* вернуться домой, и вот почему наши мужья не могут отвлекаться от поисков безопасной планеты.

— Безопасной планеты с акушерами, — поправила меня Дея.

(У этой девчонки хватка что надо — может быть, «королевская кровь» что-то да значит, по крайней мере, на Барсуме?)

— Да. Наша небесная колесница может попасть куда угодно… но может понадобиться время на поиски. А я беспокоюсь насчет Дити.

— Я беспокоюсь за вас обеих, дорогая Хильда. Карторис, кто-нибудь видел посла в одеянии джентльмена? Или он всегда носит эти странные уродливые облачения?

— Никогда не видел его без них. Закутан так, словно собирается охотиться на обезьян во льдах.

— Дея, туристы — или, по крайней мере, большинство из них — люди. Я знаю.

— Откуда, дорогая?

— Пока мы тут были, приземлились два туристических корабля. В первый день они прикрываются довольно тщательно. Потом они понимают, что наш вариант удобнее. И они постепенно надевают на себя все меньше и меньше — и мужчины,

и женщины в шортах, мужчины в рубашках с коротким рукавом или вообще без них. Даже некоторые из женщин, особенно помоложе, начинали обнажаться до талии. Чужаку такое не сойдет с рук, он не сможет в таком виде скрыть свои особенности.

— Принц-регент.

— Джеддара?

— Потребуй, чтобы посол предстал передо мной в официальном придворном одеянии. Пошли ему кожу и меч и убедись, что они украшены соответственно его рангу. Объясни ему, что он *не будет* допущен в тронный зал одетым неподобающе. Убедись, что он понял, что любой иной костюм будет смертельным оскорблением для Гелиума.

— Джеддара, и вновь ваше желание — закон.

— Дея, если он — *панкера*, та тварь из Дворца Воспоминаний… если он чужак, то он это не наденет. Неожиданно заболеет и будет вынужден прислать заместителя. Или придумает что-то еще.

— Я понимаю, — она похлопала меня по плечу. — Карторис, отправь достаточное количество кожи протокольного кроя. Хильда, мы знаем, сколько их в посольстве и знаем ранг каждого. Если он пришлет замену, по ее рангу мы поймем,

сколько там чужаков. Если посол не осмелится явиться сам, то мы увидим все, что нужно.

— Дея… ты можешь оказаться в опасности. У них может быть оружие, которое не выглядит как оружие.

— Мой сын защитит меня.

— Принцесса Хильда, гвардия будет начеку. И джеддара не войдет в тронный зал, пока я лично, как заместитель Вождя, не проверю, что у гостей нет ничего, кроме мечей. Никаких модификаций, ничего дополнительного. А мечник, способный пробиться к трону через ряды моей гвардии, пока еще не вылупился.

Вскоре после этого мы приземлились, почти на том же месте рядом с Мысом Слез, где между мной и Томми Такером случилось то досадное недоразумение. Или «счастливое» — поскольку оно познакомило нас с нашими новыми друзьями. В общем, там, где я попыталась выковырять его красивые выпученные глазки. Едва мы приземлились, они атаковали снова — на этот раз вдвоем — на полной скорости, издавая леденящий кровь боевой клич. И замерли прямо у флагманского корабля, длинные копья вскинуты в идеальном салюте.

Я едва узнала наших друзей: Томми выглядел

воинственным и свирепым в боевом наряде, а Ках был так покрыт знаками отличия, что за ними шрамов не было видно. Они были совершенно неподвижны, ожидая (я полагаю) какого-то знака от джеддары, даже их скакуны замерли по стойке смирно, что у тоатов редко увидишь.

Но Дити не утруждает себя протоколами, она крикнула: «Привет, Канакук, дорогая!» И Канакук вскинула голову и ответила ей тем канареечным писком из трех нот, который она использовала только для Дити, Каха и (иногда) для меня. Понятно, что она любит Дити, а меня терпит лишь потому, что я подруга Дити.

Полагаю, Дея ответила на приветствие, поскольку наши друзья развернулись, проскакали метров пятьдесят, снова повернулись и замерли в ожидании, держа копья *наготове*. Воины (моряки? аэронавты?) начали опускать трап, и тут я услышала, как Зебби сказал:

— Минутку, Карт. Это не то место, где будет пикник. Это всего лишь точка рандеву с нашими гигантскими друзьями.

— Хорошо, кузен, и что я должен сказать шкиперу?

Насчет этого капитан Зебби у нас большой умник.

— Если мы отправимся вот туда, — сообщил он и показал пальцем, — то через минуту я смогу показать точное место, где спрятано то, о чем мы с тобой разговаривали.

После этой фразы я воткнула наушник в ухо.

Рацию я таскала на себе все это время, и она плоховато сочеталась с тоннами украшений, которые на мне были. Но драгоценные камни и блистающие финтифлюшки на плечевых ремнях и поясе скрывали маленький прибор на моем бедре. Колье из рубинов и бриллиантов прикрывало микрофон на горле, так что мне пришлось только вытащить наушник из-под колье и засунуть его в ухо. Зебби заранее предупредил, чтобы мы говорили правду, если возникнут вопросы: портативное радио, чтобы говорить друг с другом, если разойдемся далеко. Но меня никто не спрашивал.

Дити ускользнула в сторону веерообразного хвоста, все остальные сгрудились на носу, глядя туда, куда указывает Зебби.

— Что-то я там ничего не вижу, Зеб, — сказал Карт.

— Сейчас увидишь. Твое воздушное прикрытие может обнаружить это первым. Интересно, там что, весь флот Гелиума? Можно пройти по небу,

перешагивая с корабля на корабль.

— Значительно меньше половины, Зеб. Я все еще ничего не вижу.

— Ты увидишь его… вот-вот… *сейчас*!

Я оглянулась на Дити, она стояла, отвернувшись от всех.

— Привет, Гэй.

— Привет, Дити.

— «Гэй Обманщица», *бежим*!

Я быстро повернула голову обратно, точно в тот момент, когда все (кроме нас) ахнули. Там, в километре от нас, красивая, гладкая и блистающая, стоял пятый член нашей семьи, «Гэй Обманщица» собственной персоной.

Я была позади толпы, откуда могла видеть Дити, и поэтому не очень близко к Джейкобу, капитану Зебби, королевской семье, Мобиасу Торасу и капитан-адмиралу. Однако рация работала так хорошо, что я слышала каждое слово, иногда слишком громко, через микрофоны наших мужчин.

— Интересно, очень интересно, — медленно произнес Карт. — Как ты это сделал, Зеб?

— Я же говорил, что смогу вытащить ее из той дыры без посторонней помощи? Ты поймешь, что все это еще более интересно, когда построишь

собственную. Может, предупредить ваше воздушное прикрытие, чтобы они не атаковали?

— Нет. Но я сделаю это, чтобы тебя успокоить, — и Карт что-то выкрикнул на барсумском, так громко, что у меня заболело ухо. Кто-то ответил двумя словами, означавшими «Будет исполнено, Ваше Высочество». Я видела, почему Зебби попросил — несколько флайеров по очереди пикировали на Гэй. Понятно, что они разворачивались, не задевая ее, но некоторые подлетали очень близко.

Карт сказал что-то Мобиасу Торасу — я уловила только его имя; старик ответил высоким, возбужденным голосом.

— Мобиас Торас говорит, что должен воздержаться от комментариев, — сообщил принц. — Пока у него не будет времени изучить это.

— Мобиас Торас — мудрый человек, Карт. Джейку потребовалось время, чтобы научить меня тому немногому, что я знаю. Не стоит ли связаться с дворцом? Подозреваю, что офицера стражи вот-вот удар хватит.

— Я должен был сам об этом подумать, — Карт отдал еще один приказ. — Зеб, как насчет поменяться со мной работой?

— И получить твои головные боли? — Зебби

рассмеялся. — Иди, отложи яйцо!

На барсумском (я знаю эту фразу на барсумском, Зебби произнес ее по-английски) это *очень* грубое выражение, если его говорит один мужчина другому. Понятно, что большинство местных не знали английского, но Тув заржала, однако быстро справилась с собой. Дея сделала вид, что ничего не слышала.

— Я знал, что ты это скажешь, — отозвался Карт с печалью, — ты, отпрыск обезьяны!

— Кузен Зебадия, можем мы подойти ближе?

— Определенно, кузина Дея Торис, если ты скажешь капитану. Как угодно близко. Угодно ли прокатиться на нашей небесной колеснице?

— Какое заманчивое предложение! Карторис!

— Ваше Имперское Величество, как заместитель моего отца, Вождя, я обязан дать совет воздержаться от этого.

— Полагаю, это твой долг. О боже!

— Но мама, если бы я был на твоем месте, то я бы послал своего сына покататься на банхе, а сам бы сделал то, что мне хочется.

— Ты такой же шалопай, как и твой отец. Теперь мне придется все решать самой. О боже! Эти *мужчины!*

– XXX –
Зебадия

С самой службы в Австралии я так не веселился, этот был не пикник, а целая вечеринка на Гавайях. Программа «Бежим» сработала как по волшебству, и после этого я стал Верховным Волшебником. Я не был уверен, что она сработает, пока все не случилось. Тест, который мы провели на той же дистанции, но из другой точки, показал, что это предельное расстояние, на котором Гэй может принимать команды по радио, почти на грани провала. Если бы все провалилось (очень *многое* могло пойти не так), мне оставалось только придумать какую-нибудь ложь, чтобы отправить одного из нас на флайере в сторону Гелиума, до той точки, где сигнал будет достаточно силен. Полная фигня.

Но переменные, которые влияют на качество связи, позволили мне сорвать джекпот. Когда Гэй четко и ясно ответила: «Привет, Дити!», я проглотил ком в горле, а через секунду после «бежим!» я снова научился дышать — и вот она перед нами, сверкает на солнышке.

Я не смог бы устроить такое яркое шоу без моего Ученика Волшебника, без Дити. Пока все сгрудились впереди и я болтал, указывая примерное направление, Дити ушла на корму. Я не рисковал подойти ближе к мысу, поскольку Гэй точно знала, где она была запаркована, а я мог прикинуть лишь с точностью в пару сотен метров. Ну ладно, пусть будет *триста*. Никогда не мечтал, чтобы тридцать с гаком кораблей подняли и сдвинули ее, точно лилипуты — Гулливера.

Поэтому мне пришлось назначить рандеву у единственного места, которое можно было найти благодаря Томми и Каху. А потом искать в нужном направлении, надеясь, что в нужный момент там не будет *ничего*, даже дикого животного, при этом тыча пальцем в пустоту и приглашая всех посмотреть на что-то, чего сам не видел.

Голос Дити у меня в ухе тихо произнес: «О'кей», и мне оставалось только закончить фразу, и слово «сейчас» прозвучало одновременно с командой «Выполнять».

Сколько женщин (или мужчин) воздержались бы от того, чтобы получить свою минутку славы? Я не говорил Дити, чтобы она не хвасталась своей ролью, чтобы не убивала «магию» объяснениями.

Такого пункта в ее инструкциях по протоколу «Спасательной шлюпки» не было, она могла похвастаться своей ролью, если бы захотела.

Но только не Дити! Она смешалась с толпой, пока остальные смотрели на «чудо». Взглянув на нее, я увидел, что наушника в ухе у нее нет. Позже я заметил, что и Хильда убрала свой. Рация могла подвести, и Язва была запасным вариантом, если бы что-то пошло не так. Джейк был вторым дублером (номинально, учитывая его рассеянность), а я последним — на самый крайний случай.

Но я хотел быть тем, кто просто ткнет пальцем — так и получилось, — ведь Гэй могла принять команду от любого из нашей четверки, если она правильно сформулирована и четко произнесена. А подать команду я поручил Дити, потому что именно ее голос использовался при прошивке кодовых слов, и это могло помочь, если сигнал окажется слабым, а уровень шума высоким.

Оказалось, что мое беспокойство было напрасным, а предосторожности излишними — но, черт подери, если *не* побеспокоиться заранее, то придется сожалеть потом.

Так что для всех это осталось «магией».

Для всех, кроме Мобиаса Тораса.

Этот старикан одурачил меня, сделав мгновенный разворот на сто восемьдесят. Описматические способности, то есть способность схватывать новые идеи в пожилом возрасте, разнится от индивидуума к индивидууму. Некоторые умы замерзают намертво в восемнадцать, и новые мысли их не посещают. Некоторые гении сохраняют творческий потенциал почти до самой смерти — например, Поль Дирак и Леонардо да Винчи. Но большинство ученых основную работу проделывают до тридцати пяти, а уроженцы Земли, способные принять совершенно новые концепции после пятидесяти, — это нечто исключительное.

Мобиасу Торасу было почти тысяча лет, и он имел репутацию величайшего математика. Джейк нашел старика упертым и абсолютно уверенным (по-видимому, не без оснований) в собственной правоте, и я предостерег профессора от демонстрации Мобиасу Торасу готовых инженерных решений, так как предвидел, что он отмахнется от них, посчитав трюкачеством.

Но Мобиас Торас оказался настоящим гением: увидев «чудо», он разом перепрыгнул от жесткой оценки «абстрактная математика, не имеющая отношения к реальному миру», к «математика,

послужившая основой для *работающей* машины, объяснить факты иным образом невозможно — я *ошибался*». И этот интеллектуальный скачок он совершил так же быстро, как «Гэй Обманщица» переместилась из дворца в Залив Крови.

Самое удивительное, что он не испытывал досады и раздражения, он был в восторге и желал знать, *как* — вплоть до последнего болтика, пожалуйста; *как* ваша математика применяется на практике?

Остальные еще глазели на чудо, а он уже обсуждал это с Джейком на их «пиджине», дикой смеси английского и барсумского пополам с математикой. Они продолжили болтать, когда адмирал флота (или что-то вроде того, их звания отличаются от наших) поднимал корабль и выводил на посадку в нескольких метрах от «Гэй Обманщицы». Они все еще разговаривали, пока мы готовили пикник, нам едва не пришлось силой тащить их к столу.

Было накрыто два стола: наша семейная вечеринка под сенью правого крыла Гэй, и большее празднество для воинов и офицеров метрах в пятидесяти. Хозяйки, то есть Хильда и Дити, нарушили все протоколы Гелиума. Наш стол — длинный отрез шелка, лежавший на земле

и окруженный подушками — составляли мы сами, королевская семья, Мобиас Торас, адмирал флота Хал Халса (его пригласила Хильда, а Дея Торис переводила), Зовите-меня-Джо (Дити просто взяла его за руку и привела), Таум Такус, Ках Кахкан и Тира.

Тира сделала все, чтобы отказаться, не показав прямого неповиновения… пока слова Деи Торис не заставили ее присесть в реверансе, а затем сесть с нами и вести себя так, как будто она всю жизнь только и делала, что ела на публике рядом с коронованными особами. Ее место во главе рабынь заняла Ларло.

Зовите-меня-Джо, возможно, смутился еще сильнее, хотя Карт сказал ему что-то вроде: «Лейтенант, делайте то, что хочет ваша хозяйка». Он сел, но сидел как на иголках, пока к нему не обратился адмирал флота. И вновь я обошелся без перевода, в нем не было нужды — это было что-то вроде: «Расслабься, сынок, и *улыбайся* — ты портишь всю вечеринку».

Таум Такус явно чувствовал себя не в своей тарелке, но только поначалу, а Ках Кахкан был спокоен — если лорды хотели, чтобы он ел с ними, старый сержант просто выполнял приказ.

Как ты усадишь двух зеленых гигантов и один-

надцать других, когда трое не говорят по-английски, а четверо не говорят на местном языке, а два гиганта, полулежа, займут целую сторону вашего «стола»? Решение Хильды: игнорируй протокол, как Гелиума, так и Земли. Собери вместе тех, кто хочет говорить о математике/«Гэй Обманщице»/военном и экономическом потенциале (Джейк, Карт, Мобиас, адмирал). Посади гигантов по диагонали по углам. Помести рядом тех, кто предпочитает поговорить о маленьких детях. Позаботься, чтобы трое, не знающие английского, имели рядом хотя бы одного, владеющего двумя языками.

Вышло так, что справа от Тиры оказался Зовите-меня-Джо, а слева — адмирал, и никто из мужчин не выглядел недовольным. Я неожиданно осознал, что Тира в своем обнаженном изяществе выглядит лучше одетой, чем любая из наших «дам» в их роскошных украшениях… даже лучше несравненной Деи Торис. Я заметил это, поскольку Зовите-меня-Джо зарабатывал косоглазие, пытаясь дарить все внимание джеддаре справа и таращиться на рабыню джеддары слева.

Потом я увидел, что адмирал внимательно слушает дискуссию о математике и инженерном деле (ему переводил Карт), но для этого он при-

ставил ладонь к левому уху и повернул голову вправо, к Тире, и не сводит с нее глаз.

Отсюда я вывел нехитрую истину: драгоценные камни подчеркивают женскую красоту, но *только* подчеркивают, а не создают. Лучше обойтись вообще без украшений, чем обряжать прелестную женщину, как рождественскую елку.

Гости вечеринки потихоньку начали сбиваться в кучки. Карт позвал Тувию, помочь объяснить некоторые вещи. Джейк и Мобиас считали их очевидными, а адмирал хотел прояснить (я его прекрасно понимал: прикладная релятивистская баллистика — мой предел… и тут приходит Джейк и вышибает релятивизму мозги, оставляя лишь искривление пространства). Воги и Аджал решительно вознамерились напоить меня, так что мне пришлось воззвать к помощи Тиры, чтобы выяснить — нет ли у нас *хоть чего-нибудь* безалкогольного? Даже воды.

Тира выглядела такой же удивленной, как всегда — то есть ничуть, — она призвала Ларло, после чего наши пикси позволили мне перейти на фруктовые соки. Я выпил сок и поел, затем встал из-за стола и занялся небольшими делами. Я залез в машину, распаковал свое золото

и взял восемь полуорлов[119] 1929 года и один орел 1926 года. На Земле-Ноль они высоко ценились как объекты коллекционирования… а для меня были простыми слитками, поскольку я не собирался туда возвращаться. Массой они примерно соответствовали танпи и могли быть приняты как хорошие чаевые, но я решил, что наши девочки скорее захотят получить красивые монетки, чем просто куски золота. Я положил их в поясную сумку.

Потом я отсчитал некоторое количество монет, на этот раз меня интересовал только их вес, завязал их в платок, вылез наружу и, добравшись до уха Тувии, тихо сказал:

— У меня пакет для тебя. У тебя есть что-то для меня?

— Два, — ответила она так же тихо.

— Одинаковые? Или разные для Хильды и Дити?

— Совершенно одинаковые.

Мы совершили обмен незаметно, хотя к этому моменту незаметно можно было делать все, что угодно — вечеринка напоминала одну из тех, что устраивала Язва на Земле-Ноль.

---

[119] Сноски: 119
Американская золотая монета в 5 долларов.

Один пакет я незаметно передал Хильде, и он тут же исчез, второй пронес вокруг стола для Дити, которая сместилась на место джеддары, пересевшей, чтобы послушать адмирала, который вещал, я полагаю, о военном потенциале Двигателя Берроуза — это было не по-английски, и я не понимал ни слова. Дити сидела на груди Каха, опуская кусочки еды ему в рот и разговаривая с Зовите-меня-Джо через Тиру. Я скрытно передал ей сверток, она спрятала его где-то между украшений, не прерывая болтовни.

— Багаж, — тихо спросил я Каха, — на каком тоате? Или на обеих?

— Канакук, — ответил он еще тише. — Мне позвать ее? Или капитан желает…

Дити вскочила на ноги.

— Я позову ее! *Канакук!* Сюда, дорогая!

Я беззвучно выругался. Тоаты паслись за машиной, в стороне от обоих «столов», и я попросил хозяев оставить животных там. Но мое безмолвное проклятье было не в адрес Дити, это была моя собственная глупость — я забыл сказать ей, что именно задумал.

Канакук отозвалась мигом, ее писк из трех нот прозвучал очень громко, а потом из-за кормы моей машины на бешеной скорости выскочил

этот уродливый мастодонт. Она резко затормозила, когда его свирепая морда была всего в десяти сантиметрах от лица Дити… а второй пикник в пятидесяти метрах от нас мгновенно превратился в отряд воинов, сломя голову ринувшихся спасать королевскую семью.

Только тот факт, что принцесса Дити немедленно обхватила руками голову тоата, спас жизнь Канакук в тот день. Больше половины воинов вытащили пистолеты, а вовсе не мечи. Карторис что-то рявкнул адмиралу, тот заревел, и волна атакующих внезапно остановилась. Новый приказ, уже не такой громкий, и вояки вернулись за свой, немного потоптанный, «стол».

Дити оглянулась, не переставая гладить Канакук.

— Что случилось? Эй, Карт, что происходит?

— Ничего, принцесса. Все хорошо.

— И когда я перестала быть «Дити» для тебя? Почему эти парни побежали? Не ври мне, Карт, я знаю, что что-то пропустила.

— При… Дити, сейчас все в порядке. Просто мои гвардейцы не привыкли видеть, как тоат бросается на их джеддару.

— Но она ни на кого не бросалась. Она просто пришла ко мне, когда я позвала. Канакук не при-

чинит вреда никому, она нежная, как ягненок. Как сорак (Канакук снова отозвалась на свое имя) Дея! Хочешь познакомиться с моей подругой?

Джеддара немедленно поднялась.

— Мать, будь осторожна! — торопливо сказал Карт.

– *Ты* будь осторожен, Карторис.

Джеддара направилась прямо к моей жене, Ках подступил к своему тоату и положил ей руку на шею.

— Дея, это моя подруга Канакук, она добрая и нежная. Канакук, поприветствуй свою джеддару, Дею Торис.

Тоат издал птичью трель, затем добавил к ней длинный посвист.

Дити захлопала в ладоши:

— Ух ты, она сказала тебе «привет»! Так она его произносит! Ты ей *нравишься*, Дея.

— Я сказала «каор» прямо в ее разум, дорогая. Она действительно очень милое создание. Ках Кахкан, тебе повезло.

— Ваше Имперское Высочество, я и сам так думаю. Спасибо.

Подошел Карт в сопровождении Тувии и адмирала, они обсуждали знакомых тоатов, а Тувия и Дея переводили для Дити и адмирала. Я подо-

ждал, потом глянул на Каха, чье лицо было на три метра выше моего.

— Ках, где все? — спросил я, стараясь говорить театральным шепотом.

— В моем винтовочном чехле и в мешке за ним. Я принесу, сэр, но сейчас лучше побуду здесь.

(Мне не стоило спрашивать — без лестницы мне все равно до мешков не добраться. Да и Канакук немного дергается, без сомнений, нервничая из-за слишком большого количества чужаков.)

В конце концов, они прекратили болтать и вернулись к «столу».

Ках вытащил то, что привез для нас — завернутый в шелк сверток, где была пара выстиранных трусов, пара выстиранных шарфов, небольшой сверток с украшениями, как настоящими, так и бижутерией, и третий, с патронами для дробовика, заряженным магазином для пистолета и патронами для моего револьвера. Мы с Джейком носили огнестрельное оружие, но решили не заряжать его — кто-то мог пожелать посмотреть на странное оружие, и было бы невежливо отказаться.

Потом Ках вынул свою огромную винтовку из чехла, залез туда правой верхней рукой и вытащил дробовик Дити. Он настоял, что понесет

все сам… ну что ж, у него все-таки было четыре руки. Чувствуя себя глуповато, я вместе с ним направился к правой дверце «Гэй Обманщицы» и запихал все внутрь. Если бы мне хватило сообразительности предупредить Дити, то все было бы загружено с *левого* борта, вне поля зрения гостей.

Я вернулся к пикнику, принял еще стакан сока от Воги, хотя мечтал о сухом мартини. Через несколько минут рядом со мной оказался Карт и негромко проговорил:

— Вы уезжаете сегодня.

— Да.

— Никакой критики, я понял это еще до того, как ты загрузил свой багаж. Дай мне знать, когда понадобится убрать воздушное прикрытие.

— Карт, ты же видел, как наша воздушная колесница тут оказалась. Помешало ей ваше прикрытие? Или я пробил дыру в твоем дворце?

Он криво усмехнулся:

— Возможно, в глубине души я все еще не верю в это.

— Понимаю, я сам прошел через эту стадию.

— Мы будем скучать по вам. — Он помолчал, а потом добавил: — Я заметил ваш обмен с Тув. Зеб, не было необходимости говорить мне, что

ты зарыл здесь свое золото. Пикник состоялся бы в любом случае.

— Карт, я никогда не говорил, что *зарыл* золото тут. Я сказал, что *оставил* его. *Ты* перетащил его во дворец, а вовсе не я. И когда ты ворчал, что это небезопасно, я говорил, что оно в полной безопасности — так и было, ты сам выставил тройную стражу. Я не лгал тебе. Но я *должен был* вытащить нашу колесницу сюда, а ты пытался остановить меня. Я не собирался умолять, чтобы ты позволил мне двигать мою собственность… когда единственной причиной была кипа состряпанных обвинений. Понимаю, что ты считал своим долгом удерживать нас здесь, то есть в Гелиуме, я имею в виду. Но, если я верно понял тебя пару дней назад, эти земли — *не* Гелиум, а мы — не племя зеленых, и не дружественная или враждебная вам армия.

— Так и есть. Но я все еще могу остановить тебя… и остановлю, если долг потребует.

– *Можешь*, Карт? Ты *уверен*, что все эти флайеры наверху справятся с одной моей колесницей? Я предложил тебе безобидную демонстрацию, но ты настаиваешь на более убедительной? Мне не доставит удовольствия уничтожение даже одного из твоих кораблей… и я определенно не

хочу убивать никого из воинов позади нас.

— Я знаю, что твой корабль защищен, Зеб. Но ты не в нем.

Я повысил голос достаточно, чтобы микрофон в двери уловил его:

— «Гэй Обманщица» — откройся.

Дверь распахнулась.

Я добавил:

— «Гэй Обманщица» — закройся.

Она закрылась.

— Ты хочешь увидеть еще что-то, Карт? Я заметил, что Хал Халса вздрогнул. Но, возможно, *ты* заметил, что Хильда осталась спокойной. Тебя все еще связывает долг? Ты сделал все возможное, чтобы задержать меня в Гелиуме в ответ на лживые обвинения. Но у *меня* тоже есть долг — защищать жену, защищать Хильду. Я попытался облегчить тебе задачу, выбравшись сюда, за пределы Гелиума. Но мы могли уехать еще ночью, и *ничто* бы нас не остановило. Я *говорил* тебе, что стража не имеет значения. Как и воздушное прикрытие. Сколько нужно доказательств?

Мне показалось, что он решил сменить тему:

— Моя леди-мать буквально загрызла меня сегодня. На мне больше не лежит долг правителя, как ты знаешь. Ты волен уезжать когда хочешь,

как я тебе об этом уже говорил.

— Да, ты говорил. Я был очень рад узнать, что мы можем свободно уехать. Понятно, что мы могли уехать *без* позволения, но мы бы опечалились, если бы нам пришлось так поступить. Именно поэтому я ждал и дал тебе возможность выпутаться. Еще я рад, что джеддара *знала* — никакой долг не впутан в эту глупую просьбу об экстрадиции. Если бы ты все еще чувствовал себя обязанным, то мы бы уехали три часа назад, без всякой крови. Мы все еще можем — даже если твоя леди-мать передумает и прикажет задержать нас.

– *Ха!* — это было больше, чем смех. — Мать не передумает.

— Мне кажется, ты все еще борешься со своими чувствами, вместо того чтобы думать головой. Я задавал тебе один и тот же вопрос снова и снова, ты не отвечал. Ты думаешь, что вся сила Гелиума может удержать нас? Те странные чужаки попытались остановить нас куда более мощным оружием, но у них ничего не вышло. Я бы с радостью перебил их всех. Но они маскировались, слишком хорошо прятались среди нашего народа. Если бы мы стали сражаться, то многие из наших погибли бы. Поэтому мы бежали — четверо невиновных в частной колеснице. Когда-нибудь

мы найдем способ разоблачить их, сорвать с них маскарад. Если мы сделаем это… нет, *когда* мы это сделаем, — я ударил по земле кулаком, — то мы убьем их всех!

— Желаю удачи, кровный брат. Когда придет время, мой меч будет рядом с твоим.

— Я знаю, Карт. Мы убьем сами так много, как только сможем, ты и я. Они вовсе не благородные враги, это паразиты. Разумные и опасные, но паразиты, которых нужно убивать, едва увидев… И помни, вы не в безопасности, Гелиум не свободен от них.

— Мы это поняли, точнее, Хильда поняла. Завтра мы будем знать больше.

— Не дай им ни шанса. Хм-м… в Гелиуме обязательный медосмотр?

— Что?

— Медицинский осмотр приезжих. Нас-то впустили без всякого досмотра. Что вы обычно проверяете?

— Ну, на воротах проводится досмотр грузов. Некоторые товары нельзя ввозить, за другие надо платить пошлину, за третьи — нет. Каждый чужак должен идентифицировать себя, — он улыбнулся, — иногда мы делаем ошибки… но быстро исправляем.

— Нет, нет! — я объяснил ему идею медосмотра при иммиграции. — У всех стран это прописано в законе, и даже дипломатический иммунитет не избавляет приезжих от такой проверки, которую страна считает необходимой для защиты здоровья граждан. Ты можешь потребовать, чтобы они раздевались догола. Однако простого осмотра рук и ног хватит, чтобы разоблачить паразитов — я думаю. Давай позовем нашего эксперта. *Хильда!* Можно тебя на минутку?

Мы уже были готовы отправляться, но случилась заминка. Мы вручили подарки — прекрасные часы для Каха и Томми Такера, золото для наших домашних служанок… и персонально Карту от Хильды три стереоснимка, которые она снимала на «Поляроид»: труп поддельного рейнджера в униформе на верстаке, затем обнаженный, с рожками и дополнительными суставами, и тошнотворный вид вскрытого чужака в луже сине-зеленой крови. Она показала их принцу на портативном проекторе.

Карт попросил показать их Халу Халсу и Мобиасу Торасу — он не хотел, чтобы мать и жена их видели, но одно-единственное слово джеддары заставило его передумать.

Дея долго и внимательно просмотрела все три

и, судя по лицу, не испытала никаких эмоций. Тув глянула на первый с интересом, на второй зачарованно, на третий — с ужасом и отвращением, но столь же внимательно, как и ее свекровь.

Хильда сказала Карту, что ей очень жаль, что у нас нет запасного проектора.

— Могу я глянуть на ваш? — попросил он, а получив прибор, призвал к себе Хала Халсу и Мобиаса Тораса.

— Сделаем такой сегодня к ночи, — сообщил Карт, возвращая проектор. — Мобиас Торас попросил передать, что изображенный тут чужак — вне сомнений *панкера* из вида *панки*, некогда вторгшихся на Барсум. Хал Халса сказал, что мы снова их перебьем… до последнего монстра.

— Хорошо! — воскликнула Хильда.

(Маленькая нежная Хильда очень кровожадна — если кровь неправильного цвета.)

Я был вынужден добавить:

— Передай ему, чтобы он не был слишком самоуверенным, Карт. Мечом против них не особенно навоюешь.

— Но ты, кровный брат, справился и мечом. Там был отличный разрез в животе — я видел.

— Но Карт, они действуют украдкой, тайно. И у них есть оружие, способное уничтожать це-

лые города.

(Я не знал, есть ли водородные, нейтронные и тому подобные бомбы на Земле-Десять, но я знал, что паразиты с Земли-Ноль общались с местными. Доказательство: попытка экстрадиции.)

— Кузен Зебадия?

— Кузина Дея Торис?

— Все чужаки, которые находятся здесь, будут разоблачены и уничтожены. Любые прибывшие — уничтожены на месте. Я сказала.

— Джеддара, *не стоит* недооценивать врага. Они могущественны. *Я* сказал.

— Капитан, ваши слова будут приняты со всей серьезностью.

Дити поцеловала на прощание девятнадцать человек и одного тоата, я ограничился одиннадцатью поцелуями с дамами, с мужчинами обменялся рукопожатиями, кое-кого похлопал по плечу и погладил Канакук. В этот момент и случилась та самая заминка: Хал Халса, Мобиас Торас, Карт, Тув и Дея — они все хотели прокатиться на нашем небесном экипаже, и Джейк уже пообещал такую прогулку Мобиасу Торасу.

— Но у нас только четыре места.

— Я знаю, Зеб. Но Хильда и Дити готовы подо-

ждать…

— Правила спасательной шлюпки, второй пилот. Мы не можем разделяться.

— Но…

— Заткнись. Вспомни Закон Мерфи.

— Есть, капитан.

Хильда предложила решение:

— Капитан, я не знаю, зачем вы установили ремни безопасности на те спальные места сзади…

— Закон Мерфи. Один из нас может быть ранен или болен.

— …но теперь мы можем их использовать. Мы с Дити можем посидеть там. Я и сама не хочу расставаться с Джейкобом. Согласилась только потому, что они были с нами так милы.

Это решило один вопрос, но остался другой — кому ехать.

Джеддара запретила наследнику рисковать собой. Карт, говоря от имени отца, запретил рисковать матери. Я был только рад, что они уперлись лбами — я не хотел нести ответственность ни за джеддару, ни за наследника — и меня устраивало, что они оба остаются.

Но Карт обратился ко мне:

— Зеб, пожалуйста, объясни матери, что мне

нужно знать военные возможности этого вида кораблей.

Я могу быть дураком, но я не идиот, я лучше поспорю с копом, чем влезу в семейный спор. Мой мозг лихорадочно заработал.

— Карт, скажи честно, — спросил я. — Кто более компетентен в стратегии и тактике, ты или Хал Халса? Я не говорю о воинском мастерстве — в этом ты, наверное, уступаешь только своему отцу. Я имею в виду навыки полководца.

— Черт подери, Зеб, это нечестно. Хал Халса всю жизнь положил на это, он начальник штаба и заместитель Тарса Таркуса. А мне приходится тратить время на унылые детали государственного управления. Если бы у меня было столько вре…

— Ты ответил. А теперь пойди и повтори это матери.

— Ой, иди, отложи яйцо! — и он рванул прочь, сказать матери, что ехать должен Хал Халса.

И снова сложности — адмирал не знал английского. Мобиас Торас и Джейк могли общаться на своем ужасном пиджине… но второго пилота *нельзя* отвлекать, иначе никакого полета не будет. Я отдал приказ Джейку на этот счет и попросил Дею отдать такой же приказ Мобиасу

Торасу — объяснить ему, что я не позволю ему вступить на борт, пока он не даст слово чести, что не будет говорить с капитаном и вторым пилотом, как только мы стартуем.

— Он все понимает, кузен Зебадия. Ему не нравится приказ, но принцип главенства капитана корабля во время полета у нас тот же, что и у вас. Ученый — человек чести, так что он будет разговаривать только с Халом Халсой.

Но это оставляло нас без переводчика, даже такого неполноценного, как Джейк. Не так критично, но может вызвать разные неудобства.

Я рад, что не принадлежу к королевскому роду, они действуют по другим правилам. Джеддара и принц перекрыли дорогу друг другу, ни один из них теперь не мог покинуть землю. Тувия сама не могла унаследовать трон, поскольку являлась принцессой Птарта. Она была супругой принца и, возможно, когда-нибудь могла стать джеддарой, если и когда Карт станет джеддаком. Ее дочь Тара, джеддара Гатола, вылупилась как принцесса Гелиума и поэтому входила в прямую линию наследования — если ее старший брат, ее отец, дед и прадед ее матери и ее бабушка Дея Торис (тоже принцесса Гелиума) — все скоропостижно умрут, что маловероятно.

Но Тувия не была наследницей Гелиума, ее главный долг как супруги принца состоял в откладывании оплодотворенных яиц, потенциальных наследников, и этот долг она уже исполнила — так что Тувия была расходным материалом.

Логично? Да, если следовать дикой логике «Алисы в Стране Чудес».

У нас были свободные места — задние сиденья не были узкими, никогда не были. Из-за свободного места на носу и на корме они были мне недоступны, пока я не переделал «Гэй Обманщицу» во дворце.

— Тув, все пристегиваются, включая меня. *Все*, или мы не взлетаем. На заднем сиденье только два ремня, но они достаточно длинные. Ты предпочитаешь прижиматься к Халу Халсу или к Мобиасу Торасу? Придется выбрать одного либо другого.

Она сморщила нос, точно Дити, и улыбнулась:

— Полагаю, что обниматься с Хал Халсой приятнее, но это смутит беднягу — он не сможет забыть, кто я.

— Я тоже не смог бы. И я не говорю о статусе принцессы.

Она захихикала:

— Спасибо, Зеб, — это взаимно. Мобиас столь

стар и костляв, что его кости наверняка меня поцарапают. Но мы с ним вдвоем займем места меньше, чем один Хал Халса. И, как ты мог заметить, наш великий ученый не особенно впечатлен королевским саном. И еще он настолько стар, что ему все равно, с кем обниматься, с тоатом или со мной.

— Надеюсь, что никогда не буду так стар.

— Не будешь. Как мой отец, как мой муж, ты погибнешь в бою.

Я сменил тему и объяснил принцессе, как работает стереокамера Джейка.

— Понятно? Практически все автоматическое. Не трогай фокус, я настроил его на бесконечность. Все заряжено, нужно только нацелить и нажать кнопку, когда я закричу: «*Фото!*» Но только в эти моменты, пленки у нас мало, и я не могу достать новой. Эти снимки помогут Халу Халсе и Карту доказать Вождю, насколько полезен аппарат вроде «Гэй Обманщицы». Ремешок будет у тебя на шее, но ты *все время* держи камеру крепко, хотя бы одной рукой.

И еще немного болтовни — Хал Халса негодовал, что ему предлагают снять меч. Вмешался Карт:

— Зеб, ты не можешь требовать, чтобы джентль-

мен отказался от своего меча.

— Для него нет места, Карт. Мы с Джейком тоже снимем наши клинки и даже пистолеты. Я хотел бы, чтобы адмирал снял с себя вообще все побрякушки, что на нем висят, — мы не можем позволить, чтобы *хоть что-то* болталось по кабине в невесомости. И ты тоже, Тув. Оставь свои драгоценности здесь. Дити, Хильда, — время избавиться от ювелирки.

Тувия не стала возмущаться, она позвала Ларло и вскоре осталась только при поясе и кинжале.

— Это тоже, Тув.

Глаза ее расширились, но она расстегнула пояс и передала Ларло.

— У Дити есть запасной комбинезон, — добавил я, — если хочешь.

— Я без него замерзну?

— Совсем нет! — воскликнула Дити, стоявшая у двери машины, голая, точно устрица на половинке раковины, и столь же спокойная по этому поводу, как Тира.

— Астронавигатор, ты и научный сотрудник — забирайтесь на место и пристегнитесь! — приказал я. — Мы теряем время. — Я повернулся к остальным: — Делай, как пожелаешь, Тув. Карт, Халу Халсе не нужно снимать меч…

— Отлично!

— …но если он не снимет, то не полетит. Я повиновался его приказам на его корабле и ожидаю повиновения *моим* приказам и *моим* правилам на *моем* корабле. Он может оставить кожу и один завязанный мешочек на поясе, ничего более, или он остается. Я сожалею, но у меня нет возможности безопасно устроить его оружие. Но не говори ему этого. Передай все остальное и не смягчай. Никаких извинений, никаких объяснений. Я веду этот корабль и требую мгновенного, беспрекословного повиновения. Так ему и скажи.

Карт, похоже, исполнил мою просьбу, поскольку его речь оказалась сверхкороткой. Старый вояка вытянулся по стойке смирно и пролаял одну фразу, которую я опознал — эквивалент нашего «Есть, сэр» или «Понял, выполняю». Затем он пролаял нечто более длинное своим гвардейцам: офицер ответил и к нему подбежал солдат. Через двадцать секунд Хал Халса остался лишь в кожаной упряжи безо всякого оружия.

Мобиасу Торасу было все равно, что на нем надето, — ему не терпелось отправиться в полет. На нем была простая кожа без украшений, а из оружия только короткий меч. Он отстегнул его и положил на землю. Карт тут же подобрал его

и что-то сказал — судя по всему, пообещал присмотреть.

— И последнее, Карт, — сказал я. — Окружи наш корабль своими гвардейцами. Никто и ничто не должно попасть внутрь кольца воинов до нашего возвращения. Никто. В том числе ты и джеддара — никаких исключений, никаких причин, ни на одно мгновение. Я видел сорака на борту флагмана, его нужно запереть. Карт, если тебе дорога жизнь твоей жены, ты исполнишь все *в точности*.

— Это будет сделано. Могу я спросить — зачем?

— Произойдет ужасный взрыв. Нет времени объяснять, почему, но он убьет всех в моей колеснице, разрушит ее и убьет или сильно покалечит всех, кто окажется рядом. А если в это место ничего не попадет, я верну твою принцессу в целости и сохранности.

(*Или мы все умрем, приятель, но об этом лучше не говорить.*)

— Никто не войдет туда. Я сказал.

— Все на борт! Тувия, приступай к своим обязанностям.

— Зеб? — голос Карта звучал печально.

— Да? Я занят. Лучше размести охрану.

— Я сейчас… только скажи, как ты призвал

сюда корабль?

— О, это не я. Это сделала Дити.

– *Дити?* Но она была с нами!

— Займись охраной, парень. Я объясню все в десяти словах прямо перед тем, как закрыть двери и отбыть.

Я обошел машину по левому борту, увидел, что Джейк на месте и ждет и что Хал Халса разобрался с ремнями безопасности, а вот Тувия столкнулась со сложностями, закрепляя себя и старого ученого. Они пристегнулись, но диагональный ремень проходил через ее левую грудь, очевидно, доставляя дискомфорт, а может, и боль — если я буду закладывать виражи на Гэй. Я попробовал слегка ослабить его и почувствовал, что меня похлопали по руке — Хал Халса снял один из ремней своей упряжи и предлагал мне.

— Скажи ему «спасибо», Тув, мы можем использовать это. Кстати, Тув, как только эти двери закроются, ты больше не принцесса, ты самый младший член экипажа и твоя задача — смотреть за пассажирами и фотографировать.

— Да, капитан.

— Ты забыла показать мне язык, дорогая.

— Как Дити? — она захихикала и показала язык.

— Да, совсем как Дити. Она повинуется мне — когда должна. Но она напоминает мне, что позже все будет по-другому. Так оно и будет. Когда эта дверь откроется, ты снова станешь принцессой.

— Думаю, мне нравится быть членом экипажа. Быть принцессой иногда так скучно.

— Поменьше болтовни, пожалуйста.

Я усадил их удобнее, Мобиас Торас обнял одной рукой Тув, а она освободила обе руки для фотосъемки. Потом я проверил Хала Халсу и обнаружил, что его поясной ремень слишком затянут; я ослабил его до нужной степени, сел на свое место и начал пристегиваться. Обувь? В последнее время я ходил босиком, так что туфли лежали в багаже. Однако ногам было холодно.

— Второй пилот, где твои очки?

— Э? Капитан, последнее время я их не ношу, — он открыл бардачок, вытащил футляр с бифокальными очками. — Не думаю, что они мне нужны.

— Проверь лучше. Если ты неправильно установишь верньеры, мы можем очень сильно пожалеть… если вообще сможем о чем-то пожалеть.

— Да, капитан. Ух ты, без них я вижу *лучше*. Ого!

— Тогда убери, но держи под рукой.

Я увидел, что Карт уже расставил своих гвардейцев и крикнул:

— Карт! Еще минутку, пожалуйста! — потом скомандовал: — Всему экипажу, проверить вокруг себя на предмет незакрепленного снаряжения любого рода. Астронавигатор — пять таблеток «бонина», одна научному сотруднику, три для Тув и пассажиров, одна для второго пилота. Тув, эти таблетки надо разжевать и проглотить без возражений, иначе пассажиры выходят. Надо бы сделать это раньше, но много возни было с нашим адмиралом… — я опустил стекло и позвал: — Карт, загляни-ка к нам.

Когда голова принца оказалась в салоне, я сказал:

— Привет, Гэй.

— Зеб, дорогой, я так по тебе скучала…

(Хильда вложила свои самые соблазнительные нотки в эту фразу, но какого черта она выскочила именно сейчас? Неужели девчонки настроили ее на меня? Нет, невозможно! Или…)

Я проигнорировал Гэй и сказал принцу:

— Вот так Дити и вызвала корабль, Карт.

— У вас тут спрятана женщина? — удивленно спросил принц.

— Автопилот, но не такой, как у вас. Когда вернешься, изучи оставленные мной инструкции. Это техника, Карт, управляемая по радиосвязи. Дити ждала на корме с рацией, спрятанной в украшениях. Когда я подал сигнал — я сделал это, произнеся кодовое слово «сейчас», — Дити приказала небесной колеснице переместиться на это место. Подумай об этом, твои техники могут сделать то же самое, если во всем разберутся. Полезно для убийства чужаков или других врагов. Тув, проследи, что оба пассажира поняли все, что я сказал. Карт, если ты готов, отойди за кольцо охраны и *оставайся* там. Мы отбываем.

– *Рация*, — пробормотал принц и побежал к своим гвардейцам.

— «Гэй Обманщица», закрой двери. Всем доложить о пристегнутых ремнях и принятых таблетках. Научный сотрудник?

— Пристегнута, капитан Зебби, и приняла лекарство.

— Астронавигатор.

— Пристегнута, капитан. Приказа о таблетке не было.

— Специалист по фотографии, доложить за пассажиров и за себя.

— Капитан, вы проверили наши ремни, а мы

ничего не меняли. Все трое проглотили таблетки. Хал Халса говорит, что они хороши на вкус — и мне так кажется, — и спрашивает, для чего они.

— Предотвращают тошноту во время полета.

— Я так ему и сказала. Ему и мне они не нужны, возможно, Мобиасу Торасу — да.

— Я не мог быть уверен. Они безвредны. Больше никакой ненужной болтовни с капитаном или вторым пилотом. Можешь говорить с остальными. Второй пилот, доклад.

— Ремни пристегнуты, герметичность двери проверена, капитан.

Я передал Джейку план полета, который составил, пока получал доклады от остальных.

— Прочитай это. Если будут вопросы, избегай слов, которые служат триггерами для автопилота. Затем помести его над верньерами, — я проверил герметичность двери. — Левая дверь закрыта, проверка закончена. Специалист по фотографии, будь готова снимать по команде.

— График движения ясен, капитан, — отозвался Джейк. — Это куда больше, чем я ожидал.

— Нет, конечно, можно было просто пройтись по живописным местам. Вопросы?

— Я исполняю номера три и пять?

— Нет, устные приказы отдаю я. Поправка: если я выведен из строя или ты видишь опасность, используй номер пять без колебаний. И убедись, что ты установил все для номера четыре *до того*, как я прикажу номер три. Но не исполняй номер четыре, пока я не прикажу. Если только не заметишь опасности — тогда номер пять *немедленно*. Ясно?

— Следовать установленному порядку за исключением случаев опасности, капитан.

— Установи первое передвижение и доложи о готовности.

— Ось «Н» — вверх, пятьдесят минимальных передвижений или пятьсот километров — установлено. Готов.

— Выполнять.

Я проигнорировал восхищенные ахи, вызванные ярким солнцем в звездном небе.

— Тувия, ты будешь снимать, то есть фотографировать, между нашими головами, когда я прикажу, — я наклонил нос моей крошки немного вниз, и в поле зрения появилась планета, вызвавшая новые ахи; нос оказался нацелен на Гелиум, который был отлично виден во всей красе. — Фото!

— Я думаю, что получилось. Надеюсь, что да, —

ее голос дрожал.

— Вероятно да. Пусть Хал Халса придерживает камеру с боков для устойчивости. Заодно увидит, как появится фото, — я выровнял машину. — Второй пилот, готов?

— Ось «Н», вверх, тысяча минимальных или три по верньеру. Десять тысяч километров — установлено. Готов.

— Выполнять! — я снова повел нос вниз, и планета целиком оказалась перед нами. — Тувия, ты можешь поймать в окошечко весь Барсум?

Я держал «Гэй Обманщицу» неподвижно.

— Думаю, да, капитан, — голос принцессы дрожал еще сильнее.

— Подняться выше?

— Я вижу ее всю, но у меня дрожат руки!

— Можешь вытянуть их, чтобы опереться о мой подголовник? Я нагнусь, чтобы не мешать.

— Думаю, да. Да, могу.

— Фото! — десять тысяч километров, куча времени. — Второй пилот, следующая моя… но установи номер четыре. Попробуем ради одной картинки. Тувия, первое изображение уже появилось? Спроси Хала Халсу.

— Момент… Да, есть! Капитан, это *прекрасно*!

— Скоро она станет еще четче.

— Капитан, — сказала Дити, — можно ослабить ремни? А то ничего не видно. Мы себе все шеи свернули, выглядывая в дверь.

— Просьба отклонена. Вы все это видели раньше, сейчас экскурсия для наших пассажиров. Шеи не сворачивайте, лежите ровно. Это не просьба, это приказ. Возможно, мне придется маневрировать, и я не хочу сломанных шей. Тувия, предупреди пассажиров. Астронавигатор, сколько времени в Уютной Гавани?

— В Уютной Гавани?

— Или по Гринвичу, если хочешь. Я использую тебя, чтобы проверить хронометр Гэй. Мои часы все еще спрятаны. Напомни мне… Кстати, Каху понравился наш подарок? Я не смог понять выражение его лица, а поблагодарить он может и за обгорелую спичку, теми же словами.

— Я не знала, что зеленые гиганты могут плакать. Они могут.

— Номер четыре установлен, капитан, — тихо доложил Джейк.

— Держи пальцы на кнопках. Дити, ты не могла бы сообщить мне время?

— Уютная Гавань — шестнадцать шестнадцать. Гринвич — двадцать три шестнадцать.

— Хорошее время для охоты на рейнджеров.

Гэй говорит, ты отстаешь на тридцать секунд.

— Скажи ей, что это она спешит на тридцать секунд!

— Скажешь ей сама, потом. Сейчас она занята. Тувия, вторая картинка готова?

— Да, капитан. Ух, я… я рада, что съела ту маленькую розовую конфетку, а то я слишком нервничаю!

— В первый раз меня самого ударило под дых, дорогая, — соврал я. — А я летаю всю жизнь. Дай мне знать, четким ли получилось второе фото. Если нет, я потрачу еще кадр, но сделаю снимок сам. Спроси пассажиров, достаточно ли они видели. Я не спешу, но нас ждет куча людей, в их числе твой, без сомнений, обеспокоенный муж.

Я подождал, пока барсумцы общались на своем языке.

— Они оба признают — неохотно, — что видели все, что могли. Второе фото довольно четкое… к моему удивлению.

— А я не удивлен, поскольку у меня хороший специалист по фотографии. *«Гэй Обманщица», верни нас домой!*

Мы были в двух километрах над Уютной Гаванью, я взял машину под контроль, заставил парить на месте и развернул носом вниз.

— Фото!

Тувия ахнула, но ее камера щелкнула.

— Джейк! Как только я выровняюсь, — воздух пытался оторвать ей крылья, но Гэй девушка упрямая. — *Выполнять!*

Мы оказались в ста тысячах километров над Землей, и я нервничал.

— Тувия, будь готова, у тебя будет только один шанс. Джейк, следи за приборами насчет ракет, на мне внешний обзор.

— К съемкам готова! *Где мы,* капитан?

— Это Земля — Джасум. Скажи им. *Фото!*

— Сделано!

— Дай мне знать, когда проявится картинка, — я старался, чтобы мой голос звучал ровно.

Мне было страшно, хотя я осознавал, что это глупо. Даже ракета «Спринт» не может мгновенно пролететь сто тысяч километров, плюс оператору нужно время, чтобы решить, что мы законная цель. Возможно, сейчас мы светились на одном из экранов NORAD… но только как неопознанный летающий объект, не находящийся на траектории атаки, так что «отставить и перейти к следующему»! Вооруженный спутник мог оказаться близко, но недостаточно, чтобы попасть на радары Гэй, а значит — угрозы не было. В общем,

я дергался из-за проклятых чужаков — у них были континуумоходы неизвестной конструкции и неизвестных возможностей… и эти монстры реагировали быстро и неожиданно.

— Фото проявляется, капитан. Пассажиры хотят знать — это *действительно* Джасум? Земля.

— Скажи им — пусть покажут ее Вождю, он ее опознает. Тувия, я отсюда вижу Виргинию — сегодня необычно мало облаков.

— Капитан, что-то на радаре, — быстро, но спокойно произнес Джейк. — Нижний дисплей.

– *«Гэй Обманщица», бежим!*

Мы стояли в Заливе Крови. Я проглотил *все* кишки, застрявшие у меня в горле, и сказал:

— Ты Умница, Гэй.

— Готова поспорить, босс, ты всем девчонкам это говоришь. Прием.

— Понял, конец связи, Гэй. Второй пилот, открыть дверь вручную, — я открыл левую дверцу. — Пассажиры выходят. Принцесса Тувия, было большой честью работать с вами, вы отличный член экипажа. Скажите об этом мужу… а вот и он. Всему экипажу, приготовиться к выходу в космос. Закрепить все на корме, занять места по расписанию и пристегнуться.

— Капитан, — спросила Дити с убитым ви-

дом, — вы не могли бы уделить нам еще *несколько* минут? Мы отсутствовали всего шестнадцать минут.

— Хронометр Гэй говорит, что семнадцать.

— Я *говорила*, что он отстает!

— Дити, если ты выйдешь, то снова будешь всех целовать на прощание.

— И что?

— Много времени. Нет.

— Капитан Зебби, могу я назвать вас «капитан Блай»[120]? — сладким голосом спросила Хильда.

— Вперед, научный сотрудник, но мне больше нравится «капитан Вандердекен»[121]. Повторяю — экипажу приготовиться к взлету!

На земле с открытыми дверями у меня не так много власти, но никто из членов моей пестрой команды не стал спорить, даже Джейк ничего не сказал. Но Карт был настолько возбужден, что едва мог общаться на английском, и хотел поговорить со мной, как и джеддара.

Так что я отстегнулся, позволил остальным

---

[120] Сноски: 120

Уильям Блай, капитан судна «Баунти», на котором случился мятеж (1789); отличавшегося тираническими замашками Блая низложили; вся эта история вошла в англоязычный морской легендарий.

[121] Сноски: 121

Капитан «Летучего голландца».

вылезти из машины — но оставаться рядом, это всего на пять минут!

— Зеб! — выпалил Карт. — Хал Халса говорит, что вы были на Джасуме! Земле! Земле-Десять, я имею…

— Нет. На Земле-Ноль. В десяти вселенных отсюда. Там, откуда родом твой отец. И мы.

— Ты не говорил, что отправишься так далеко.

— Ты не спрашивал. Ты хотел, чтобы Хал Халса и Мобиас Торас увидели, на что способен континуумоход, и я им показал. Чем же ты недоволен, мой кровный брат? Я обещал, что привезу твою принцессу назад в целости и сохранности, и я привез. Мы не так долго отсутствовали.

— Это понятно, именно поэтому так трудно поверить.

— Карт, если ты собираешься использовать континуумоход, то тебе придется научиться поверить в семь невероятных вещей еще до завтрака. Хильда, золотце, можешь достать свой стереопроектор? У нас тут неверующий.

Тувия проделала отличную работу — каждый кадр был четким и правильно поставленным. И все это несмотря на охотничью лихорадку, что может поразить любого — видели бы вы те размытые снимки, которые я нащелкал, когда

охотился с камерой на львов в Африке.

Проектор Джейка не только превращает парные снимки в стерео, он их увеличивает в четыре раза.

— Вот это, Карт, кратер от небольшой атомной бомбы там, где раньше был домик Джейка в горах Аризоны. *Панки* сделали это, всего через год с небольшим после того, как мы с Джейком убили *панкера*, которого вскрыла Хильда. Бомба едва нас не накрыла. Погляди на эту — Северная и Южная Америка, Северная в центре. Ясный день, а у Тув природный талант к обращению с камерой. Если присмотришься, то увидишь большой залив на восточном побережье. Чесапикский залив. На запад от него Виргиния, где я родился и откуда родом твой отец.

— Я узнаю ее. Мой отец, твой кузен, нарисовал карту. Все совпадает. Я *должен* верить.

Тув стояла рядом, разговаривая с Халом Халсой, Мобиасом Торасом и свекровью. Кажется, она комментировала их взволнованный доклад. Она снова облачилась в пояс и кинжал, но насчет остального пока не беспокоилась. Адмирал вновь щеголял мечом, но по-прежнему был в коже обычного воина, а математик и вовсе не спешил вернуть себе хотя бы клинок.

— Мой вождь, тебе *лучше* поверить! — воскликнула Тув с ноткой самодовольства. — Зеб, Мобиас Торас просит передать, что теперь, когда он все понял, он уверен, что есть более простой метод без гироскопов. Но, как он заявляет, гироскопы нужного качества — тоже не проблема. Он намеревается засадить наших лучших ученых за работу над *обоими* методами.

— Тув, я не понимаю ни того, ни другого. Я просто пилот.

— Ты куда больше, чем «просто пилот», старший кузен и капитан.

После доклада Тувии оттащить Джейка от Мобиаса Тораса было почти невозможно, они опять принялись болтать на своем пиджине.

Тем не менее мне хватило получаса, чтобы загнать свою разношерстную шайку на борт.

— Всем доложить о готовности, — сказал я, все еще ощущая во рту вкус Тув, Деи и Тиры — их ароматы прекрасно сочетались.

Возможно, Дити опять всех перецеловала, во всяком случае, она пыталась. То же сотворила и Хильда. Моя правая рука болела от пожатий, а на плече остались синяки от лапы Хала Халсы, который заявил на прощание, что мы с ним вдвоем уничтожим всех паразитов *панки* повсюду. Я

согласился, хотя и не верил в это, но теперь я хотя бы был уверен в том, что каждому *панкере* на Барсуме — если они тут есть — придется несладко.

В общем, я чувствовал, что мы сполна отплатили нашим хозяевам.

— Ремни пристегнуты, капитан.

— Все в порядке, капитан Блай, золотко.

— Ремень пристегнут, герметичность двери проверена, капитан.

— Герметичность левой двери проверена. Второй пилот, по плану — вращение. *Выполнять!*

«Гэй Обманщица» повернулась — куда-то.

– XXXI –
Зебадия

Нигде…

Свободное падение и кромешная тьма…

Кабину «Гэй Обманщицы» освещало лишь тусклое сияние приборной панели, которого было едва достаточно, чтобы сосчитать пальцы на руке прямо перед носом, и не хватало, чтобы видеть лица.

Моя жена нарушила молчание, сказав приглушенно:

— Зебадия… э-э, капитан, можем мы включить внутреннее освещение? Тут немного жутковато.

— Нет. Второй пилот?

Доктор Берроуз ответил не сразу:

— Нет мнения… пока. Мне бы хотелось посмотреть во всех направлениях.

— Поворот? Или кувырок?

— Второе, я думаю, капитан. Ста восьмидесяти градусов будет достаточно.

— Джейк, ты возражаешь против трехсот шестидесяти?

— Нет, если ты хочешь, капитан.

— Мне нравится этот вариант, поскольку я могу его запрограммировать: изменение положения вокруг оси «L», по часовой стрелке, если смотреть с правого борта, один полный поворот и обратно до нуля, и остановка. В этом случае я могу выключить все освещение.

— О нет!

— Замолчи, Дити. Мы пытаемся обнаружить что-то менее яркое, чем светящиеся индикаторы. На полный кувырок понадобится двадцать секунд. Что там с часами в твоей голове?

— Думаю, они встали.

— Не имеет значения, я буду считать секунды. А мы сможем ощутить начало и конец маневра по легкому давлению на ремни безопасности, поскольку мы все впереди центра масс. Научный сотрудник — наблюдай за небом по правому борту, астронавигатор — по левому.

— Есть, сэр.

— Есть, капитан Блай. Мне страшно.

— Как и всем нам. Пилот и второй пилот будут смотреть вперед. Привет, Гэй.

— Привет, Зеб.

— Кувырок вперед, Гэй.

— Кувырок вперед, Зеб.

Я выключил освещение приборной панели

и, скомандовав «выполнять!», принялся считать секунды про себя; давление ремней на грудь дало знать, что мы пришли в движение. Я досчитал до девятнадцати, когда Дити объявила: «Двадцать секунд!», а Гэй доложила: «Кувырок завершен». Мы снова были в свободном падении, никакого ощущения движения, и я включил подсветку обратно.

— Ты Умница, Гэй.

— Была бы умной, не толкала бы эту детскую коляску. Прием.

— Принял, конец связи, Гэй. Джейк, ты что-нибудь видел? Я — нет.

— Ничего, капитан.

— Астронавигатор?

— Только пустота. Пожалуйста, можно теперь включить свет?

Я включил верхние лампочки.

— Научный сотрудник?

— Корабль «Энтерпрайз», за которым гнался клингонский крейсер.

— Язва, это ложный доклад. «Энтерпрайз» не стал бы удирать от одного клингонского крейсера.

— «Он решительно направился туда, где ранее

не побывал ни один человек»[122]. Помимо этого, я не видела ничего. Давай попробуем другую вселенную, эта воняет.

— Это от меня, твой капитан трус. Джейк, зачем нужна пустая вселенная?

— «Пустая вселенная» — бессмысленное выражение. Пространство-время подразумевает массу-энергию, и наоборот.

— Мне она показалась ужасно пустой, Джейк.

— И мне тоже. Капитан, тут теоретическая дилемма: либо вся масса в этом пространстве-времени находится так далеко, что невооруженным глазом мы ее не видим, либо этот мир в состоянии «тепловой смерти», нулевой энтропии. Или… мы сами создали его, совершив вращение?

— Создали? Ха!

— Теоретически возможно. Если мы — единственная масса в этой вселенной, то, значит, она не существовала, пока мы не создали ее своим прибытием. Но она не сколлапсирует, когда мы уйдем… поскольку мы оставим после себя кванты нашего излучения.

— Хм-м… Джейк, я даже не пытаюсь понять, что ты сказал, я всего лишь небесный жокей.

---

[122] Сноски: 122

Цитата из сериала «Стар Трек» 1966–1969, во вселенной которого существуют «Энтерпрайз» и клингоны.

Но меня беспокоит кое-что еще. Мы начали из Вселенной-Десять и сделали одно нормальное вращение, то есть повернулись на девяносто градусов — верно?

— Да. Мы вращались, как планировали, вокруг оси «Н» и тем самым сместили остальные пять на девяносто градусов. Теперь мы ощущаем длительность как перемещение по оси «W», в то время как наша прежняя ось длительности «t» заменяет «Н» в качестве пространственной оси… и так далее.

— Хм-м… Дити, сколько сейчас по Гринвичу? — и я посмотрел на часы автопилота.

— А? Так… ноль-ноль тринадцать.

— Гэй говорит, что ты все еще отстаешь секунд на двадцать, — я открыл бардачок, вытащил свои штурманские часы и нацепил их на руку. — Но мой хронометр как раз демонстрирует среднее. Сколько минут прошло с момента, как мы покинули Залив Крови?

— Девять минут тринадцать секунд. Спроси что-нибудь потруднее.

— Я лучше задам его твоему отцу. Джейк, если я скажу «Г.О.» использовать программу Б, Е, Ж, И, М, мы врежемся во что-нибудь?

— Полагаю, это возможно, капитан. Десять

минут — не так много, чтобы прибраться после нашего пикника. Если у тебя есть причины вернуться, почему не подождать полчаса? Или дольше?

— А это что-нибудь изменит? Ты только что сказал мне, что мы переживаем длительность как смещение по оси «W».

— Но… *О!* Я сглупил. Какой же я дурак! По оси «t» не прошло *нисколько* времени, мы вернемся в тот же самый момент, из которого отправились. О, как Мобиас Торас будет смеяться надо мной!

— Дити, милая, ты согласна с отцом?

Она открыла рот, закрыла и неожиданно стала очень расстроенной.

— Я… *я не знаю*! Папа! В тот первый раз, когда мы попали в мир без «J» — время шло, да, шло!

Я сказал мягко:

— Но это было перемещение, Дити. При нем ты продолжала ощущать длительность как движение вдоль оси «t».

— Но Гэй согласна со мной. И твои часы. И… но… Ой, все, я запуталась! Зебадия, я не знаю, *сколько* времени, извини меня.

Я потянулся назад, нашел руку жены и сжал ее.

— Тебе не за что извиняться, дорогая. Вы все

трое — ты и пара механических часов — продолжаете измерять продолжительность. Но мы сделали поворот с Мэйн-стрит на Бродвей, вот и все. Если мы развернемся и двинемся назад, то прибудем на тот же самый перекресток. Джейк не стал бы описывать все таким образом, но он математик, а я нет. Я пропустил все страницы с формулами и заглянул в ответ на последней странице.

— Капитан, ты у нас интуитивный геометр.

— Черта с два, Джейк! Я просто запомнил все, что ты мне говорил о возможностях этой машинки. Ты уверен, что мы вернемся в тот же момент?

Берроуз не колебался:

— Я уверен.

— Дити?

Она глубоко вздохнула:

— Папа прав, Зебадия. Я плохо соображала, поэтому не могла ответить. Я не способна ощущать длительность по двум осям одновременно, так же, как и Гэй. И мне сейчас интересно, я смогу теперь хоть когда-нибудь привести в порядок часы в своей голове?

— Конечно сможешь. Так же как при пересечении временных поясов. Но я согласен

с Хильдой — эта вселенная воняет. Мне хочется убраться отсюда… но я не хочу при этом заблудиться. Второй пилот, я все еще думаю, что мы должны попробовать один список нормальных вращений — но не отсюда. Так что я предлагаю следующую последовательность: идем обратно в Залив Крови. Ты ставишь верньеры на сто тысяч километров прямо вверх. Как только ты видишь Залив Крови — выполнять!

— Сто тысяч километров, десять тысяч минимумов передвижения или четыре по верньеру. Капитан, могу я спросить — зачем?

— Ты не только можешь, но и обязан. Я не сделаю этого без твоего одобрения, Джейк. Я хочу вернуться во Вселенную-Ноль… но не на уровне земли, я хочу, чтобы вокруг было много пустого пространства. Затем…

— Капитан Блай, я *не хочу* возвращаться во Вселенную-Ноль! Там *монстры!* Просто высадите меня в Заливе Крови, я поймаю попутку до Гелиума.

— Дорогая Язва, дай я объясню твоему мужу наш график полета — набор передвижений, перемещений и вращений, которые я планирую совершить. Он достаточно простой, чтобы мне не запутаться со вселенными и не врезаться во

что-то большое и тяжелое вроде планеты. Мы *не можем* проверить все доступные вселенные, их слишком много — мы решили это еще в день прибытия на Барсум. Но график, которой я разработал, позволит нам сделать репрезентативную выборку достаточно быстро, чтобы ваши растущие животики оказались в руках акушеров раньше, чем у нас кончатся энергия, воздух и запасы пищи.

— Прошу прощения, капитан Зебби. Я буду хранить молчание.

— Нет, я не хочу, чтобы ты хранила молчание. Мне нужны мнения ото всех — *после того*, как я закончу объяснять план полета, а Джек оценит его целесообразность. Итак, первый шаг — обратно в Залив Крови. Второй — передвижение прямо вверх на сто тысяч километров сразу же… и не высовывай язык, Дити, тебе *не будет* позволено поцеловать всех на прощанье в третий раз, поскольку они даже не заметят, что мы отбыли. Третий шаг — перемещение во Вселенную-Ноль, рядом с Марсом, но не вплотную. Четвертый — одно за другим шесть вращений, и, Джейк, каждый раз ты заранее устанавливаешь следующее вращение, чтобы мы могли удрать сразу же, если во что-то вляпаемся…

— Извини, капитан, но я не могу установить следующий маневр, пока прежний не исполнен.

— Хм, Дити, ты можешь запрограммировать Гэй на шесть вращений?

— Я не стала бы пытаться сделать это устно, капитан, — осторожно сказала моя жена, — в такой программе очень легко что-то напутать. Я бы все записала, потом отладила на бумаге… но даже в этом случае могут быть ошибки. На самом деле я думаю, что вращение по верньерам безопаснее. Но я могу попробовать, если ты приказываешь.

— М-м-м, нет, пусть этим занимается Джейк. Джейк, эта последовательность достаточно простая? Ее легко установить?

— Легкая — да. Простая — нет. Поскольку я планирую использовать двадцать вращений, чтобы исследовать пятнадцать вселенных, нормальных по отношению к этой. Я планировал делать это в пяти группах, возвращаясь к нулю после каждой группы — шесть, потом пять, потом четыре, потом три, потом два. Последнее вращение в каждой группе просто приносит нас домой, на базу, и помогает не запутаться, а также не требует много времени, десять секунд на каждую операцию.

— Тогда сделаем по-твоему, Джейк. Пятый шаг сделаем после того, как пройдем через эти

двадцать вращений, а мы сделаем это быстро… Научный сотрудник!

— Все еще на борту, капитан, сладкий мой.

— Хильда, пожалуйста, запиши данные всех двадцати вращений. Кратко, чтобы Джейк потом мог вернуть нас, куда мы захотим, без поисков. Пятый шаг — он означает, что мы *не* нашли того, что нам нужно, с помощью вращений — начать поиск перемещением по оси «тэ» от Земли-Ноль. Комментарии?

— Почему именно ось «тэ», капитан?

— Джейк, мы знаем, что ось «тау» заражена *панки* на Земле-Ноль и Земле-Десять. Отсюда я делаю вывод, что все аналоги Земли-Ноль открыты для *панки* и могут быть заражены. Помнишь, как ты радовался, когда Мобиас Торас сообщил, что он впечатлен твоим открытием математики, которая охватывала и вращения, и перемещения… тогда как в барсумской математике между их открытием был разрыв в тысячи лет?

— Да, конечно.

— Мы не знаем, какую математическую теорию используют *панки*, но старейшая и простейшая теория множественной вселенной — это та, где используется аналогия со страницами книги… параллельные вселенные отделены бесконечно

малыми интервалами. Она даже не требует для описания понятия искривленного пространства. Да и квантовая механика тут не нужна. Нужно только представление об одном дополнительном измерении. Подобно ньютоновой механике, она может быть ранним приближением. Джейк, мне кажется, что *панки* сильно отстают от тебя в математической физике… они могли открыть пачку вселенных по оси «тау»… и даже не заподозрить, что есть другой набор по оси «тэ».

— Возможно. Но вероятность оценить трудно.

— И я не возьмусь. Но Язва указала неделю назад, что ось «тау» — *не* самое подходящее место для прогулок. Поэтому ось «тэ» остается лучшим выбором… если мы не преуспеем с вращением. Черт возьми, ось «тау» может занять их на миллионы лет. У кого-нибудь есть комментарии?

— Я согласен с твоими доводами, капитан. Уверенности, конечно, у меня нет, но и варианта получше я тоже не вижу.

— Хильда? Дити?

— Меня все устраивает, капитан Зебби. Вперед, и за дело.

— Зебадия, мне тоже это нравится. Но могу я предложить определение — мое описание определения — того, что мы ищем?

— Конечно, дорогая.

— Аналог Земли с продвинутой цивилизацией живородящих человеческих существ. Может быть, чуть более теплую планету, чем наша Земля… поскольку хотелось бы, не совершая посадки, просто по первому взгляду понять, что жители ходят обнаженными или почти обнаженными большую часть времени. Не думаю, что смогу чувствовать себя в безопасности на планете, где эти монстры могут скрываться, просто замаскировавшись одеждой. Если бы на нашей планете не цеплялись за дурацкие представления о «скромности», эти *твари* к нам никогда бы не вторглись.

— Принято при общем одобрении! — и Хильда зааплодировала.

— Второй пилот.

— Капитан.

— Подготовьте перемещение.

— Десять тысяч минимумов — сделано, капитан.

— Исполнять без приказа по прибытии в Залив Крови. Привет, Гэй.

— Привет, Зеб.

– «Гэй Обманщица», бежим!

Долю секунды мы снова были на Барсуме и тут

же оказались в ста тысячах километров над ним.

— Тувия все еще махала! — сказала Хильда.

— А я даже не успела увидеть Канакук.

— Оставить это, девочки. Второй пилот, установка первого вращения по плану. Семья, у нас есть несколько секунд, чтобы посмотреть на Марс — Марс-Ноль. Никаких фото — парни Карла Сагана сделали куда лучшую работу, чем все, на что мы способны с одним «Поляроидом», — сказав так, я опустил нос машины. — Хильда, бинокль у тебя?

— Достать его, капитан?

— Верньеры установлены для первого вращения, капитан.

— Спасибо, второй пилот, — я развернул «Гэй Обманщицу» так, чтобы Марс попал в центр ветрового стекла. — Джейк, ответь мне на глупый вопрос — имеет ли значение положение аппарата во время вращения?

— Только для передвижения. Для перемещений или вращений позиция значения не имеет.

— Тогда из этого, очевидно, следует, что ты не сможешь предсказать, какую позицию мы займем, прибыв в новую вселенную.

— Только относительно встроенной произвольной нулевой системы отсчета. Это важно?

— Не особенно, пока вокруг нас полно свободного пространства. Но я не хочу рисковать лишними перемещениями или вращениями, паркуясь на поверхности планеты. Тебе повезло дважды, мне повезло дважды, а в пятый раз могут прийти пустые карты. Язва, дай Дити бинокль, а как насмотритесь, передайте вперед.

— Он у Дити, капитан Зебби, я увидела все, что хотела. Совершенно отстойная планета. Я предпочитаю Барсум.

— Я тоже. Держи бинокль, Зебадия.

— Вот, Джейк, взгляни. А вы, двое на галерке, не важничайте, вы бы выглядели не лучше, лишившись атмосферы несколько миллионов лет назад. Подождите, пока мы с Джейком его терраформируем… он будет продаваться как первая линия на пляжах Флориды.

— Зебби, так вы с Джейком серьезно — насчет терраформирования других планет?

— Очень серьезно… как только мы разберемся со всякими мелкими проблемами. *Панки*. Беременность. Пища, энергия… и так далее. Как вид, Джейк?

— Большей частью как на фотографиях НАСА, — Джейк вернул мне бинокль. — Но я рассматриваю это как эмпирическое подтверждение нашей

методологии. Эта планета — Марс нашей родной вселенной. Это так или нет?

— Для меня да, но я не эксперт. Так, Хильда, верни бинокль на место. Экипаж, приготовиться к вращению. После каждого вращения я буду делать кувырок, и мы все четверо смотрим, как в прошлый раз — если нет опасности. Если она есть, то Джейк устанавливает следующее вращение как можно быстрее. Джейк, всякий раз начинай крутить верньеры *сразу же*, еще не глядя наружу, и объявляй: «Установлено!», поскольку я могу крикнуть: «Выполнять!» так быстро, что наступлю тебе на пятки.

— Есть, капитан.

— Если учуешь опасность, не жди приказов, запускай вращение. Приказ всему экипажу, о том, что любой из вас может использовать Г, Э, Й, О, Б, М, А, Н, Щ, И, Ц, А, В, Е, Р, Н, И, Н, А, С, Д, О, М, О, Й, все еще остается в силе. В случае каких-либо сомнений *используйте немедленно!* Час назад мы проверили его, все работает. Джейк, если один из нас пустит его в ход, закинь нас на сто тысяч километров вверх, не дожидаясь приказов, как ты сделал только что в Заливе Крови.

Это даст нам время решить, что делать дальше, поскольку домой мы вернуться на самом деле

не можем. Но — *все слышали?* — *не* используйте Б, Е, Ж, И, М снова. На оси «t» прошло какое-то время, и мы не знаем, свободна ли посадочная площадка, и я не хочу на собственном опыте проверять, что будет, если две массы займут одно и то же место. Когда-нибудь потом, дистанционно, с расстояния в миллион километров, используя тестовый аппарат, но не лично. Астронавигатор, нам не помешает аварийная программа, которая перенесет нас сюда вместо Залива Крови.

— Я поработаю над этим, Зебадия.

— Вопросы? Мы готовы к вращению. Второй пилот… *выполнять!*

Полная темнота…

— Установлено! — доложил Джейк.

— Кувырок, вперед, начинаем. — Я выключил подсветку приборной панели и велел автопилоту совершить маневр, а через полминуты, когда все закончилось, спросил: — Кто-нибудь что-нибудь видел?

— Не я.

— И не я, Зебадия.

— Ничего, капитан.

— Значит, единогласно. Запиши, Хильда. Приготовиться к вращению. Второй пилот… выполнять!

И снова полная темнота…

Я снова совершил акробатический трюк.

— Кто-нибудь что-нибудь видел?

— Я не уверена, — сказала Хильда. — Думаю, да… но очень слабое… Мы можем повторить?

— Конечно. Дити? Доложи.

— С моей стороны ничего… что я могла бы видеть.

— Второй пилот?

— Ничего, капитан.

— Язва, кричи, когда увидишь.

И я начал маневр снова, используя автопилот.

— Вот!

— «Гэй Обманщица» — стоп! Хильда, ты еще видишь это?

— Да, размытая звезда. Джейк, позволь мне повернуть к ней твою голову.

Миссис Берроуз наклонилась вперед, взяла мужа за голову и аккуратно повернула ее направо и вверх.

— Видишь, дорогой?

— А… да, да! Хильда, бинокль, пожалуйста!

Я ждал. Вскоре второй пилот медленно проговорил:

— Капитан, мне кажется, это линзовидная или спиральная галактика, вид немного сбоку. Или

это может быть целое скопление галактик, еще более удаленных. Но что бы это ни было, оно далеко, очень далеко. Миллионы световых лет… не берусь гадать, сколько миллионов.

— Можно ли добраться туда передвижением?

— Думаю, да. Можно поставить средний диапазон на шестерку и двигаться, пока мы не увидим изменение углового размера. А там увеличить или уменьшить шаг, чтобы приблизиться к ней более-менее плавно. Это может занять около часа. Хочешь взглянуть на нее, капитан? Только тебе придется расстегнуть ремни.

— Нет, я не думаю, что увижу что-то, чего не увидел ты. Говоришь — минимум миллион световых лет от нас?

— Несколько миллионов световых лет как минимум — если эта вселенная вообще похожа на нашу. Но по этому вопросу у меня недостает данных для формирования мнения.

— В любом случае это «ископаемый свет», так?

— Э? О! Да, тот свет, что мы видим, путешествует миллионы лет.

— О чем я и говорю. Мы видим то, что случилось много миллионов лет назад. Попытаемся узнать, что там, и можем обнаружить, что все эти звезды выгорели, некоторые стали нейтронными звез-

дами, другие — черными дырами. Или не стали. Ископаемый свет в любом случае не говорит нам ничего, что мы могли бы использовать. Хильда, обозначь эту галактику как «Последний шанс». Всем приготовиться к вращению.

— Зебадия, могу я взглянуть на нее?

— Нет, Дити. Мы не осматриваем достопримечательности, мы ищем хороших акушеров на землеподобной планете без паразитов *панки*.

— Да, сэр.

— Ты что, высунула язык?

— Нет, Зебадия. Это ребячливо, я не должна так больше делать.

— Эх, дорогая, не меняйся, я люблю тебя такой, какая ты есть. Зрелая женщина в минуты опасности, и веселая маленькая девочка, когда есть возможность расслабиться. Дити, дорогая, после того как мы познакомились, я смеялся больше, чем за много лет до нашей встречи. Ты — целый гарем в одной женщине. Я бы не сменял тебя на Дею, Тув и Тиру вместе взятых.

— Как насчет Хильды?

— Тут я без колебаний скажу, что у меня нет комментариев, и ты можешь процитировать меня, что это строго не для записи. Второй пилот… *выполнять!*

Ослепляющий свет…

— Джейк! Вращение! Выполнять!

Внезапно мы оказались в бездне, полной звезд, почти как дома, разве что звезд побольше, и они поярче. Я вздохнул с облегчением.

— Джейк, во что, черт возьми, мы только что вляпались?

— Не знаю, капитан. К счастью, голова у меня была опущена, я смотрел на верньеры. Иначе я бы мог ослепнуть и просто не смог бы установить нужные настройки.

— Ну… мы могли бы удрать с помощью экстренной программы. Или рычага мертвеца. Но меня *действительно* ослепило… и я пока не могу управлять этой грудой железа вручную. Новый постоянный приказ: всякий раз при команде «выполнять» пилот и второй пилот закрывают глаза и опускают головы… и остаются в таком положении, пока не будет ясно, что ослепление им не грозит. Я снова накосячил… но я не повторю *этот* косяк никогда. Простите, люди.

— Следующее вращение установлено, капитан.

— Благодарю. Но мы посидим тут, пока мои глаза не вернутся ко мне обратно. Выглядит это довольно симпатичной вселенной — то, что я вижу между фиолетовых пятен, которые плавают

перед глазами. Хильда, Дити, у кого-то из вас есть соображения, во что мы вляпались?

— Только не я, Зебадия.

— Капитан Зебби, у меня три гипотезы, ни одна не стоит упоминания.

— Скромность тебе не идет, Язва. Давай.

— Внутренности огромного звездного скопления, или окрестности ядра галактики, или — просто возможность — ранняя стадия расширения вселенной, когда новые звезды буквально толкались плечами.

— Хм… все это очень веселые местечки для визита. Джейк, как ты полагаешь, могли мы хватануть вредную дозу радиации?

— Не берусь гадать, капитан.

— Ну что ж… оболочка этой машинки непроницаема для большей части излучений, и в лобовом стекле есть слой из хрустального стекла[123] — но это не гарантия, так что я беспокоюсь.

— Зебадия, есть только один способ узнать. Если пленка в камере засвечена, то сквозь нее прошло что-то довольно жесткое. Но если следующая картинка будет нормальной, то и с нами, наверное, тоже все будет нормально.

---

[123] Сноски: 123

Стекло с добавкой оксида свинца, более плотное, чем обычное.

— Я рада, что ты подумала об этом, Дити, — сказала Хильда. — Я не собиралась упоминать об этом, но мне не нравится идея проникающей радиации, когда я беременна. И тебе тоже, золотце.

— Прошу прощения, что открыл тему, — заметил я, — поскольку мы все равно ничего не можем сделать. Хильда, не хочешь ли сделать кадр для проверки?

— Нет, Зебби, это пустая трата пленки.

— Как хочешь. Я снова вижу и поэтому начинаю кувырок. Джейк, хочешь попробовать спектроскоп?

— Капитан, я почти уверен, что там есть звезды класса «G» и что вокруг некоторых вращаются землеподобные планеты. Но поиски могут потребовать много-много времени. Если кувырок не покажет, что мы очень близко к аналогу нашего Солнца… тогда мы должны отметить эту вселенную для дальнейшего исследования… если не найдем в точности то, что нам нужно, на оси «тэ».

— О'кей, — я сделал кувырок. — Доклад, Хильда?

— Только куча больших красивых звезд, Зебби, но я не увидела ни одной достаточно близкой, чтобы она была диском.

— Я тоже, Зебадия. Но какое красивое тут небо!

— Нулевой доклад, капитан.

— Значит, ничего нового. Хильда, пометь эту вселенную как «многообещающую». Всем приготовиться к пятому вращению. Пилот и второй пилот держат глаза закрытыми и головы опущенными. Астронавигатору и научному сотруднику это рекомендуется, но не обязательно. Итак… *Выполнять!*

Я ахнул:

— И где мы, черт подери?

— Думаю, как раз у черта, Зебби. В аду.

— Второй пилот?

— Хильда не очень далека от истины, капитан. Еще три месяца назад я бы не поверил, что такое место возможно, пока мы не обнаружили, что фантастические романы о Барсуме основаны на фактах. Это некая вывернутая наизнанку вселенная.

— Пеллюсидар![124] — воскликнула Дити.

— Нет, моя дорогая дочь. Во-первых, мы не внутри нашей родной планеты, мы в совершенно иной вселенной. Во-вторых, физические законы этой вселенной не такие, как в нашей. Внутри

---

[124] Сноски: 124

Мир полой земли Эдгара Берроуза, где происходит действие некоторых его романов; туда попадает и Тарзан.

сферической оболочки *по законам нашего мира* нет и не может быть гравитационного поля. Но я вижу под нами большую реку… и мы, похоже, в нее падаем. Капитан, мы в воздухе или вакууме?

Я подвигал рукоятки управления.

— Немного воздуха есть. Вероятно, можно обеспечить подъемную силу, если полностью раскрыть крылья.

— Тогда я бы посоветовал капитану это сделать, если он не хочет немедленно убраться отсюда.

Я перевел машину из падения в неустойчивое планирование, на грани срыва в пике.

— Кто-нибудь хочет тут поселиться? Я не хочу, поскольку это место вызывает у меня одновременно агорафобию и клаустрофобию. Оно чертовски большое — десять тысяч километров в диаметре, я думаю. И в то же время полностью закрытое. Никакого неба. Никакого горизонта. Здесь не увидишь ночного неба, усеянного звездами. Совершенно не представляю, что там за светящаяся штука в центре, но это не звезда, пусть даже она напоминает Солнце. Слишком маленькая… даже чересчур маленькая. Но если и когда мы отбудем, то мы сюда больше не вернемся, поскольку бог, берегущий дураков

и первопроходцев, позволил нам прибыть в пустое пространство… а не в точку в десяти тысячах километров под землей.

— Это может быть не удача, капитан, а логическая необходимость.

— Ха? Я не въехал, Джейк.

— Ты думаешь об этом месте как о сферической оболочке. Но нет оснований предполагать, что у нее есть внешняя сторона. У нее может в принципе не быть внешней стороны.

— Что? Бесконечные миллионы световых лет сплошного камня?

— Нет, нет! *Ничего* снаружи. И под «ничего» я не имею в виду пространство, я имею в виду полное отсутствие существования *чего-либо*. Здесь иные физические законы и иная топология. Возможно, мы видим всю эту вселенную целиком. Крохотная вселенная со своим специфическим типом замкнутого пространства.

— Я не могу представить этого, Джейк.

— Дити, дорогая, скажи капитану другими словами.

— Я попробую, папа. Зебадия, я не геометр… но папа прав. Все зависит от постулатов, которые ты выберешь… и геометрия этого места может потребовать иного набора постулатов, не того,

что работают у нас дома. Я уверена, что ты играл с лентами Мебиуса…

— Конечно. Односторонняя поверхность. Но тут сфера.

— Папа говорит, что может быть полый шар, у которого есть только одна сторона, внутренняя. Ты пытался когда-нибудь вообразить бутылку Клейна?

— Заработал косоглазие и головную боль.

— Это может быть нечто подобное бутылке Клейна. Начинаешь рыть туннель отвесно вниз где-нибудь там внизу и появляешься сверху на противоположной точке сферы, но все еще внутри. И эта прямая линия может быть — должна быть, я думаю — короче, чем расстояние наискосок. Может быть намного короче.

— Соотношение при простейших постулатах будет ноль целых, тридцать одна тысяча восемьсот девять за запятой, — подтвердил Джейк. — Обратная величина к пи, если пи здесь такое же, как у нас дома, о чем я не могу судить. Но геометрия этого места может быть и не такой простой. Но если предположить, что мы видим всю вселенную — а я думаю, что так и есть, — наши шансы попасть в пустое пространство намного выше, чем шансы столкнуться с некоей массой. И от-

вечу на ваш первый вопрос, капитан — нет, я не хотел бы здесь поселиться. Да, тут красиво, но я соглашусь, только если Хильда этого захочет… Впрочем, мы в любом случае можем проверить, нет ли тут акушеров.

— Тут нет никаких акушеров, — заявил я твердо.

— Почему так, капитан?

— Если здесь живут люди, то у них *нет* развитой культуры. Я прошел по изогнутой глиссаде над большой рекой под нами, специально следуя течению… Вы видели место, где она сливается с другой рекой? И посмотрите вперед, туда, где она впадает в море. Никаких следов городов или поселений ни там, ни там. Никаких складов, никакого движения по реке. Никакого воздушного движения, никаких признаков дорог. Для меня это означает отсутствие больниц и медицинских школ. Нам не нужно проверять где-то еще, по человеческим меркам это отличные места для строительства. Следовательно, здесь нет развитой культуры, а население небольшое, если вообще есть. Если кто-то хочет опровергнуть меня, то сделайте это в течение следующих пяти минут. Я не смогу продержать ее в воздухе дольше, не запуская двигатель, а энергия у нас

на вес золота.

— Я поспорю с тобой, капитан Зебби. Они *могут быть* настолько развиты, что у них города похожи на национальные парки. Но я бы не стала спорить на деньги. Давайте продолжим шопинг.

— Дити?

— Тетя Хиллбилли права. Но тут *так* красиво!

— Итак, единодушно — улетаем. Хильда, потрать один кадр — пусть останется сувенир. Потом — вращение.

Я наклонил нос, чтобы картинка получилась лучше… Раздался щелчок.

— Готов, Зебби.

— Приготовиться к вращению! Выполнять!

Марс Вселенной-Ноль лежал по правому борту.

— Как бы там ни было красиво, я рад, что мы оттуда убрались, — сказал я со вздохом. — Меня расстраивает, когда реки текут вверх по склонам. Язва, картинка готова?

— Оставайтесь на линии, — протянула она. — Хм-м… упс… картинка выходит!

— Хорошо!

— Зебби, я думала, тебе не понравился вывернутый наизнанку мир?

— Нет, не понравился. Но я хотел проверить пленку. Если это изображение четкое, не затума-

ненное, то вы, две залетевшие девчонки, скорее всего, не пострадали от радиации. Засветок нет?

— Ни чуточки, капитан Золотце… и цвет ярче с каждой секундой. Вот… смотри.

— Мне не нужно смотреть. Я там был. Мой единственный интерес — радиация. Кажется, меня одолели плохие предчувствия по поводу нашего списка вращений, Джейк. Для отбора проб требовалось пятнадцать. Мы проверили пять, и только одна — номер четыре — смутно напоминала дом. В одной из пяти имелась серьезная радиационная опасность для наших жен и нерожденных детей. И пусть нам повезло в этом случае… но повезет ли со следующими десятью? Результатов до сих пор ноль, зато опасностей многовато — вращение переносит нас в очень странные вселенные. Но мы уже знаем, что аналоги Земли по осям «тау» и «тэ» вполне похожи на нее…

— С монстрами, — заметила Хильда. — *Панки.*

— Вероятно, на оси «тау». Или почти наверняка. Но мы не исследовали ось «тэ». Джейк, разве мы вправе подвергать наших жен опасностям, которые даже не можем вообразить?

— Папа и Зебадия, могу я сначала кое-что сказать?

– XXXII –
Хильда

Если у Зебби и моего мужа и есть общий недостаток, то это склонность чрезмерно оберегать нас с Дити. Хотя лично я вовсе не считаю это недостатком. Я всегда была самой мелкой в любой компании и всегда с охотой принимала защиту от любого, кто больше меня. А вот Дити иногда бунтует.

Когда капитан Зебби спросил Джейкоба, имеют ли они право подвергать нас неведомым опасностям еще в десяти вселенных, Дити встала на дыбы, и Зебби попытался ее утихомирить.

Не стоило ему этого делать!

Но он всего лишь ее муж и едва с ней познакомился, в то время как я ее знаю с пеленок. Однажды, когда я ухаживала за Джейн, а Дити было около четырех, я начала завязывать ей шнурки на ботиночках. Она оттолкнула меня с негодующим воплем: «Дити сама!», и справилась сама: незатянутый бантик на одном ботинке, который развязался почти сразу, на другом — гордиев узел, о котором не слышали бойскауты,

но которому требовалось александрово решение; когда девочка отправилась спать, я разрезала его ножницами.

И с тех пор «Дити сама!» появляется регулярно, подкрепленное врожденной гениальностью и несокрушимой волей.

— Зебадия, я понимаю, что ты командуешь нашим кораблем, — сообщила она. — Однако до сих пор ты спрашивал мнения остальных. Есть какая-то причина исключать нас с Хильдой из обсуждения этого решения?

— Черт, Дити, это как раз такое решение, которое *должны* принимать мужья!

— Черт, Зебадия, это как раз тот случай, когда с женами *нужно* советоваться!

Наш Зебби был шокирован. Я уверена, что она никогда раньше так с ним не разговаривала. Но он не мог показать гнев, даже если его чувствовал — Дити просто вернула ему его же слова.

Зебби не дурак, он тут же отступил с неудачной позиции.

— Прости, дорогая, — сказал он спокойно. — Я не должен был так с тобой разговаривать. Окончательное решение тут за мной — я должен его принять и не могу этого избежать. Но я должен был узнать мнение каждого из нас. Вперед, три-

буна твоя.

— Да, сэр. У меня есть что сказать — и за себя, и за Хильду, и Хильда тоже захочет добавить. Я знаю, что говорю за нас обеих, когда заявляю, что мы обе ценим, что вы с папой готовы умереть за нас… особенно теперь, когда мы беременны.

Но мы пока еще не настолько беременны, чтобы стать физически неполноценными. На самом деле наши «растущие животики» пока еще не выросли. Они *вырастут*, я знаю, и это определяет нам крайний срок, которого не избежать. Но именно по этой причине мы либо проверим оставшиеся десять вселенных *сегодня*… либо не сделаем это никогда. Никогда!

— Почему ты говоришь «никогда», Дити?

— Из-за расчета времени и крайнего срока наших животиков. Мы проверили пять вариантов меньше чем за час, и как бы страшно это ни было, я бы ни на что это не променяла. Мы можем по меньшей мере быстро взглянуть на оставшиеся десять за ближайшую пару часов или около того. Но если мы прервемся сейчас и начнем искать подходящий аналог Земли по оси «тэ», то неизвестно, насколько это затянется. Может быть, придется проверить сотни, пока не найдем то, что ищем — я не знаю. Но я предложила определение

мира, который мы должны найти, чтобы быстро исключать негодные варианты.

Допустим, мы нашли его. Что дальше? Мы там будем чужаками, мы, вероятно, почти наверняка, не будем знать местного языка. Но мы как-нибудь устроимся, и мы с Хильдой родим наших детей при наличии качественной медицинской помощи. И что потом? Зебадия, любимый мой, разве ты захочешь взять двух женщин и двух младенцев в тур по десяти странным вселенным… может, вместо этого ты возьмешь нас сегодня и *без детей*?

— Э-э-э… я не думаю, что это правильная постановка вопроса, Дити.

— А как *ты* этот вопрос поставишь, сэр? Ты, наверное, думаешь, что вы с папой отправитесь обследовать эти десять вселенных, пока мы с Хильдой дома возимся с младенцами?

— Ну… да, полагаю, что так и было. Что-то в этом роде.

— Зебадия, я вышла за тебя, чтобы быть с тобой в печали и радости, в богатстве и бедности, в болезни и здравии… но не для того, чтобы торчать на «вдовьей пристани»! Я не могу говорить за Хильду по этому поводу, но куда идешь ты, туда иду и я, пока смерть не разлучит нас.

— Дити говорит и за меня, — сказала я и заткнулась.

Я не так сильно хотела увидеть еще десять вселенных, как Дити, судя по ее словам, но Язва точно не собиралась бродить по долбаной «вдовьей пристани»! Дити все точно сформулировала! Если Джейкоб и Зебби не закончат этот график вращений сегодня, у них всю оставшуюся жизнь в глазах будут маячить «дальние горизонты», и не важно, насколько утопическую планету мы найдем. И они не захотят взять нас с собой потом. Только не вместе с детьми. Но Язва не собирается молчать по этому поводу. Нет, сэр!

— Дити, ты закончила?

— Не совсем, сэр. Я знаю, что говорю, точно избалованный ребенок. Но я не такая и не хочу оставлять такое впечатление. Все люди созданы неравными, и всякий, кто способен сосчитать до двадцати, не снимая ботинок, это понимает. Ты больше и сильнее папы. Я больше и сильнее Хильды. У меня опыта меньше всех, у папы больше. Папа — супергений, но он так сильно концентрируется, когда решает свои задачи, что забывает поесть — если за ним не присмотрит нянька… это была мама, потом я, теперь Хильда. Вы, сэр, самый практичный мужчина, какого я

когда-либо встречала, управляете ли вы фибией, танцуете или говорите возмутительную полуправду, чтобы вытащить нас из неприятности. На троих у нас восемь или девять научных степеней… но тетя Хильда — ходячая энциклопедия благодаря ненасытному любопытству и необычайной памяти. Двое из нас способны рожать детей, двое — нет, но один мужчина может оплодотворить пятьдесят женщин… или пятьсот. Я могу и дальше перечислять множество вещей, в которых мы не равны друг другу. Двух одинаковых людей не бывает. Но в одном самом важном отношении мы все *равны*.

Мы все первопроходцы.

Женщины-первопроходцы шли туда же, куда шли их мужчины. Мужчины сами по себе не могут быть первопроходцами. Матери-пионеры подвергались тем же самым опасностям, что и отцы… и рожали детей, когда это было возможно. Дети появлялись на «Мэйфлауэре», множество их родилось в фургонах… и огромное количество их умерло, мужчины, женщины, дети. Но эти женщины не оставались дома в безопасности, нет, они шли с мужчинами.

Зебадия, я не прошу, чтобы меня взяли в те десять вселенных…

— Нет? Но выглядит все именно так.

— Тогда вы не слушали меня, сэр. Да, конечно, мне *хотелось* бы закончить обследование вселенных вращения… и я не боюсь неведомых опасностей. Но я никогда не просила об этом и не прошу сейчас. Это мое предпочтение, а не требование. А то, чего я требую — я уже изложила. *Куда идешь ты, туда иду и я.* Сегодня… и до конца наших дней. Если ты не скажешь мне убираться, не скажешь, что я тебе больше не нужна. Я сказала.

— Определенно, дорогая. Хильда?

Ловить рыбу или готовить наживку, чего ты хочешь сильнее, Язва? Меня в самом деле особенно не интересовало, куда мы сейчас направимся — *любая* вселенная будет для нас чужой. Однако Дити четко сформулировала наш политический курс, и если я попытаюсь его подправить, все только запутается, поэтому я немедленно ответила:

— Подписываюсь под каждым словом Дити. *Я* сказала.

— Джейк? Возвращаясь к моему исходному вопросу: имеем ли мы право подвергать наших жен опасностям, которые даже не можем вообразить? Я прошу совета у второго пилота.

— Капитан, именно ты убедил меня, что бу-

дет благоразумным исследовать вселенные, доступные с помощью вращения, и только потом искать удовлетворительный аналог Земли перемещением.

— Верно. Но это было до того, как мы проверили первые пять.

— Но капитан, я не вижу, чтобы ситуация изменилась. Мы будем подвергать себя, наших жен и наших нерожденных детей необычным воздействиям, что бы мы ни делали. И представимая опасность не обязательно лучше невообразимой, она может быть гораздо хуже. Планета, с которой мы были вынуждены бежать, имела серьезные недостатки и была полна известными опасностями еще до того, как мы случайно столкнулись с *панки*. Нет нужды перечислять их, поскольку все мы знаем, что Четыре Всадника Апокалипсиса были готовы снова отправиться в путь. Но я могу придумать *очень* близкий аналог нашей родной планеты, который будет *намного* хуже Земли, хотя там не будет ни одной *панкеры*.

— Продолжай.

— Аналог, где Гитлер получил атомное оружие, а мы нет. Вполне вероятно, что существуют несколько подобных аналогов, поскольку я могу придумать несколько очень небольших изме-

нений истории, каждое из которых привело бы к такому результату. Несмотря на отвращение к их внешнему виду и странному цвету крови, я не думаю, что *панки* надо бояться больше, чем эсэсовцев. На самом деле холодный садизм некоторых человеческих существ — не только штурмовиков, таких можно найти в любой стране, в том числе в США — пугает меня сильнее, чем *панки*.

— Но не меня! — мы с Дити выпалили это одновременно.

— Но, мои дорогие, у нас нет данных о том, жестоки ли *панки*. Мы встали у них на пути, они попытались убить нас. Но они *не* собирались пытать нас. Это большая разница.

— Может быть, папа, но я ее не вижу. У меня от этих тварей мурашки. Держу пари, они бы нас пытали, если бы могли.

— Моя дорогая дочь, в твоих рассуждениях нет логики. Сколько тебе лет?

— Сколько мне лет? Папа, ты это должен знать лучше всех.

— И я знаю. Но я напоминаю — ты сама сказала, что у тебя меньше опыта, чем у любого из нас, а у меня больше всех. Я был намного старше тебя, когда отучился рассуждать подобным образом,

причем не сам. С помощью Джейн, твоей матери. Хочешь что-то добавить, Хильда?

— Джейкоб советует не судить книгу по обложке, — сказала я резко. — Я тоже научилась этому у Джейн, как и Джейкоб. Внешний облик *панкеры* ничего нам не говорит о ее склонности к человеческим порокам вроде садизма. Джейкоб, я не пытаюсь воспитывать твою дочь, не проси меня больше. Это работа Зебби. Если ей это требуется. А ей не требуется.

— Извини, дорогая.

— Я тоже не воспитываю Дити, — сообщил капитан Зебби, — она играет роль Венди при Питере Пэне, и мне это нравится. У кого-то есть что добавить к нашей дискуссии? Я имею в виду что-то *новое*. Говорите… очень хорошо, я принял решение. Мы закончим список вращений и только потом двинемся по оси «тэ». Но может… кто-то устал или проголодался? Мы с Джейком можем вывести «Гэй» на стабильную орбиту вокруг Марса одним небольшим передвижением.

— Капитан Зебби, я еще не переварила пикник.

— И я тоже.

— Капитан, я предлагаю продолжить начатое. Может, найдем место для безопасной ночевки на

грунте. Если нет, то мы можем вернуться сюда в любой момент.

(Я мысленно поаплодировала мужу.)

Зебби проделал великолепную работу, перестраивая «Гэй Обманщицу», но нехватка пространства делала ее туалетную комнату в условиях невесомости едва ли «адекватной», не говоря уже об «удовлетворительной». С таблеткой «бонина» я готова была наслаждаться свободным падением… но у гравитации есть свои преимущества.

— Второй пилот, установить вращение согласно графику.

— Установлено, сэр!

— Экипажу приготовиться к вращению. Выполнять!

Мы больше не были в звездном небе с мертвой планетой по соседству, мы висели вниз головой в солнечном свете. Несколько мгновений нас мотало, потом машина выровнялась, и мой огузок вдавило в сиденье всем моим весом.

Я услышала, как Зебби сказал:

— Привет, Гэй.

— Привет, Зеб.

— Держать курс, скорость и высоту над поверхностью.

— Принято, Зеб.

— Ты Умница, Гэй.

— Но мы не можем больше встречаться так, как сейчас. Прием.

— Понял, конец связи. *Фух!* Тайм-аут, у вашего шкипера случился небольшой нервный срыв. Мне надо прийти в чувство. Джейк, что говорит альтиметр? Мои глаза не фокусируются.

— Одиннадцать километров над Землей. Давление восемь ноль три миллибара.

— Дити, какова вероятность вылететь так близко к планете и не погибнуть?

— Невозможно рассчитать, капитан. Исчезающе мала, я полагаю. Нет данных.

— Может быть, ты мертв и не знаешь этого. Второй пилот, приготовить рычаг мертвеца. Я хочу проверить воздух.

— Слушаюсь, капитан. — Джейкоб поднял рукоятку, снял колпачок и прижал кнопку пальцем. — Готов, сэр. Ох, один момент… — не отпуская выключатель, он занялся верньерами. — Сто тысяч километров прямо вверх — установлено!

— Всем, кроме капитана, задержать дыхание на время проверки воздуха. Джейк, если я отключусь, стартуй немедленно. Тебе придется задерживать дыхание, пока ты не проветришь

кабину. Вот черт, надо было озаботиться хотя бы одной кислородной маской… слишком много всего, слишком мало времени.

— Капитан? — спросила я.

— В чем дело, Хильда? Я занят.

— Могу я предложить, капитан Зебби, чтобы *мне* доверили роль канарейки? Вместо тебя.

— Нет.

— Но это входит в мои обязанности, сэр! Я научный сотрудник, и заменить меня легче всего. Заменить тебя сложнее всего, и ты это знаешь.

Последовало долгое, долгое молчание — по ощущениям, оно затянулось на часы, хотя прошло не больше минуты, — пока мы неспешно летели над симпатичной сельской местностью. Честно говоря, я не чувствовала особого героического порыва — внизу все куда сильнее напоминало Землю, чем Барсум. Я видела лес и озеро, а на горизонте определенно располагалось что-то вроде деревни. Но если тут и правда небезопасно, то лучше вырубиться мне, а Зебби и Джейкоб останутся в сознании у приборов, чем я буду беспомощно хлопать глазами, когда Зебби потеряет сознание за рулем. Нет, конечно, мой муж постарается нас вытащить… но в случае опасности нам нужны оба пилота… а вот я была не нужна.

Наконец Зебби издал что-то вроде стона и объявил:

— Второй пилот, тут я не буду с тобой консультироваться. Очень хорошо, малютка-мать-первопроходец, ты будешь морской свинкой. Джейк, Дити — и я — дышим глубоко, насыщаем легкие. Дити, приглядывай за Хильдой. Я считаю до трех и открываю воздухозаборник. Один… два… *три!*

Я почувствовала, что у меня заложило уши, и сделала очередной вдох… пахло приятно.

— Чувствую себя хорошо, капитан Зебби. Но я продолжу говорить и дышать. Свежий воздух приятно пахнет, голова у меня ничуть не кружится. Лицо Дити начинает краснеть, я не знаю, сколько еще она сможет задерживать дыхание. Если в этом воздухе есть что-то, чем мы не привыкли дышать, то оно не должно быть ядовитым. У меня кончаются темы для разговоров… есть ли смысл продолжать? Я чувствую себя прекрасно, но Дити вот-вот лопнет. Я думаю…

— Тест завершен. Второй пилот, зафиксировать и убрать рычаг мертвеца.

— Есть, сэр, — мрачно отозвался Джейкоб, осторожно защелкнул фиксатор и аккуратно убрал все на место.

— Джейк, — сказал Зебби, — если тебе хочется

сожрать меня с потрохами, то вперед. Мы на автопилоте, и ты можешь считать себя свободным от вахты. Выпусти это из себя.

— Капитан, я не хочу вас критиковать, — это были слова Джейкоба, но ледяной тон, каким это было сказано, говорил обратное.

Я решила, что будет лучше, если Джейкоб будет злиться на меня, а не на Зебби. Мы с Дити тут в основном в роли пассажиров, наша безопасность зависит от того, как ладят между собой Зебби и Джейкоб, они должны сочетаться друг с другом как ветчина и яичница.

— Джейкоб!

— Да, Хильда?

— Не смей срывать злобу на Зебби! Он принял совершенно правильное решение… и оно ему далось не просто, я знаю! Зебби *всегда* берет все опасности на себя, и это его единственная слабость… потому что из-за этого мы все можем погибнуть. Я тут самая маленькая, но это не делает меня ребенком. Я точно такой же первопроходец, как любой из нас. Когда появляется работа, с которой я могу справиться лучше всех, ее нужно отдавать мне.

— Я же *сказал*, что не хочу критиковать.

— Дело в том, как ты это сказал. Если бы ты был

капитаном, ты бы не позволил мне это сделать. Но я должна отрабатывать свое место в шлюпке, а иначе я здесь не нужна. Зебби это понял, когда я ткнула его носом. А ты нет. Пока нет. Мы с Дити должны защищать вас двоих, насколько сможем… иначе вы не сможете защитить нас в нужный момент. А теперь извинись перед ним.

— Держать ремни пристегнутыми, — приказал Зебби, — я собираюсь перейти на ручное, чтобы осмотреться. Джейк, я больше не буду использовать Хильду в качестве канарейки, это слишком тебя нервирует.

— Минутку, капитан! Ты принял верное решение. Хильда права, и я осознаю это. Просто мои оценки не очень хороши, когда дело касается ее. Но она права. Один за всех и все за одного, и никак иначе.

— Папа, в следующий раз я буду канарейкой.

— Нет, дочь. Ты куда лучше сможешь заменить Зеба или меня, чем Хильда, и она это знает, я уверен. А поскольку у нее наименьшая масса тела, то вероятнее всего она более чувствительна к плохому воздуху. Короче, время реакции.

— Давайте все успокоимся, — прорычал капитан Зебби, — и посмотрим, где оказались.

Возможно, нам захочется здесь остаться, с воздуха все выглядит очень неплохо. Но если мы сейчас улетим, мы больше сюда не вернемся… разве что Дити составит идеальную программу, что доставит нас сюда в целости и сохранности. Джейк, я, должно быть, потерял хватку, не уловил опасности за долю секунды.

— Так, может, и не было никакой опасности, — заметила я. — Капитан, мы можем подняться на тридцать километров?

— Полагаю, что да. Есть какая-то особая причина, научный сотрудник?

— Не уверена, капитан Зебби. Но я хочу увидеть как можно больше территории сразу. В какой стороне север? С моего места не видно компаса.

— Север слева.

— Солнце восходит или заходит?

— Уже садится, — сообщила Дити. — Я знаю.

Зебби немного подумал и сказал:

— Тогда эта планета вращается в другую сторону. Но это нам не повредит.

— Нет, не повредит. Но время уходит. Мы можем подняться?

— Второй пилот.

— Капитан.

— Установить тридцать километров прямо

вверх.

— Э-э-э… сделано, капитан.

— Выполнять.

Зебби повернул нос Гэй вниз, и мы все могли созерцать прекрасный пейзаж.

— Вот черт, — проговорил он. — Большой прямоугольный оазис, со всех сторон окруженный пустыней. И населенный. В самом центре вполне приличный городок.

— Неужели никто не узнает? — спросила я. — А я узнала. По карте.

— Но Хильда, дорогая, это же неисследованная вселенная, — сказал Джейкоб.

— Папа! Это Страна Оз!

— Разумеется, — согласилась я, передавая бинокль Дити. — Дорога из желтого кирпича, вот она слева, ведет в Изумрудный город.

— Но Хильда, это же…

— Не говори «невозможно», Джейкоб. Иначе тебе придется признать, что Барсум тоже невозможен — а вместе с ним Карт, и Тув, и Томми Такер. У меня есть своя теория — мы все давно умерли, погибли на парковке возле моего дома. Если все так, то я не особенно разочарована. Ведь мы с Дити можем оказаться первыми женщинами-призраками в поисках акушера. Дити, ты бы

хотела растить детей в Стране Оз?

— С удовольствием!

— Ты уверена, золотце? Насколько я помню, в Стране Оз никто не умирает… но население не растет. Я не помню, чтобы в сказках о Стране Оз рождались дети, вообще не помню там никаких детей. А также врачей и больниц. Джейкоб, ты говорил, что в той вывернутой наизнанку вселенной были другие физические законы. Если Зебби посадит здесь «Гэй Обманщицу», мы сможем отсюда улететь? В Оз работает магия, а не технологии.

— Дити, можно мы с Джейком посмотрим в бинокль?

— Сейчас, Зебадия. Сначала взгляни на Изумрудный город, он и правда весь в изумрудах. Или это куча зеленого стекла.

— Следи за альтиметром, Джейк.

Зебби смотрел в бинокль до тех пор, пока Джейкоб не сообщил:

— Достигли пятнадцати километров, капитан, и быстро снижаемся.

— Твоя очередь смотреть в бинокль. Только дай я ее выровняю, а потом ты нас снова поднимешь.

И снова мы взлетели в вышину, и вот уже Джейкоб изучал землю внизу, пока мы падали.

Зебби выровнял машину и передал управление Гэй, приказав ей сделать широкий круг, который приведет нас к Великой песчаной пустыне на юге, потом к Непроходимой пустыне на севере, пересечет Дорогу из желтого кирпича на востоке и захватит Замок Железного Дровосека на западе.

— Второй пилот, твое мнение, пожалуйста.

— Капитан, теория Хильды о том, что мы все погибли на парковке, — наиболее вероятна согласно Бритве Оккама. Однако я не чувствую себя мертвым и отказываюсь считать себя мертвым. Приходится верить, что это *действительно* Страна Оз… так же, как пришлось поверить в существование Барсума. Все совпадает. Даже доминирование желтой растительности на востоке — я имею в виду «запад», поскольку компас перевернут, как заметила Хильда. Сейчас мы, по всей видимости, пролетаем над дворцом Глинды Доброй.

— А почему пролетаем? — спросила Дити. — Почему не приземлиться и не нанести ей визит? Если мы приземлимся в Изумрудном городе, то можем многих испугать. Но я уверена, мы не смутим Глинду.

— Второй пилот. Совет, пожалуйста.

— Не возражаю против приземления. Поскольку Гэй функционирует на этой высоте, я полагаю, она будет функционировать и на земле. И мы можем уйти во вращение с земли так же легко, как и отсюда. Но если я вдруг встречусь с живым пугалом, я, наверное, рехнусь. Кроме того… в этом дворце должна быть ванна.

— Хорошая мысль! Хотя я бы согласился и на кустики. Дити, достань наши комбинезоны. Или что-нибудь в этом роде. В Стране Оз мы должны быть одеты полностью. Никакого оружия. Обувь по желанию.

– XXXIII –
Дити

Зебадия не опустил нас прямо к дворцу Глинды Доброй, он покружил немного и нашел поляну в лесу, примерно в сотне километров[125] от дворца, отгороженную от него высокими вязами и ореховыми деревьями.

Я отстегнулась, открыла дверцу в переборке и пролезла через нее, чтобы добыть нашу одежду, но потом передумала. Тетя Хильда последовала за мной и отправилась прямиком к собственному шкафчику. Я перекатилась в позу лотоса — увы, встать тут нельзя — и осведомилась:

— Тетя Хильда, что ты собираешься надеть?

— Все самое лучшее. Платье, в котором я выходила замуж, и обручальное кольцо, подаренное мне Джейкобом в Гелиуме.

— Украшения?

— Ничего с Барсума. Может быть, то, что было на мне во время вечеринки, с которой мы убежали, но не больше.

Много лет назад мама сказала мне, что ин-

---

[125] Сноски: 125
Так у автора. Дальше очевидно, что расстояние куда меньше.

стинкт тети Хильды насчет одежды безошибочен. Я взяла длинное платье, которое надела, чтобы заарканить Зебадию, подвеску, подаренную папой, мое обручальное кольцо и бальные туфли. Выдать любимому обеденный китель? Нет, лучше вот эти строгие лосины в паре с белой шелковой рубашкой-болеро, которую мы с Тирой сшили для него, когда обновляли гардероб тети Хильды. Красный кушак, танцевальные туфли-лодочки, носки в тон, жокейские шорты — да, то, что нужно.

Я накинула платье на голову и влезла в него, извиваясь как червяк, потом выползла в салон, прижимая к груди добычу. Наши мужчины все еще сидели в креслах, двери Гэй оставались наглухо закрытыми.

— Почему не открываете? — спросила я. — Здесь тепло и уже становится душно.

— Выгляни наружу и посмотри налево, тогда поймешь почему. Дай мне мой комбинезон.

Я посмотрела налево: симпатичный маленький домик из сказки, с табличкой «Добро пожаловать» над дверью. Когда мы приземлялись, его здесь не было.

— Понятно, — сказала я. — На, натягивай шорты и лосины. Папа, твои штаны у Хильды. Потом

мы можем открыть двери.

— Дити, это все, что ты можешь сказать?

— А я должна сказать больше, сэр? Ты возил меня по всяким странным местам, но в Стране Оз я вовсе не чужак в стране чужой, я здесь как дома с самого детства. Знаю, чего ожидать.

— Но какого же черта…

— Тише, Зебадия. В Стране Оз чертей не поминают. Никаких грубостей и вульгарностей. Словарный запас конца Викторианской эпохи. Самые мягкие эвфемизмы или лучше вообще ничего.

— Дити, будь я проклят, но я останусь собой.

— Ты можешь быть самим собой, сэр, ты никогда не сможешь быть кем-нибудь еще. Но я говорю как профи. Никто не пишет на Фортране для компьютера, который понимает только Логлан. А теперь мы можем открыться? Папа уже надел брюки.

Это был маленький симпатичный домик с широким крыльцом и розовыми цветами над дверью, но жить в нем было нельзя — одна маленькая комната со столом и больше никакой мебели. На столе стояла ваза с фруктами, кувшин молока и четыре стакана. Две двери вели направо и налево, на левой была нарисована маленькая

девочка в старинном капоре, на правой — мальчик в костюме Гуляки Брауна[126].

Мы с Хильдой отправились за капор, но по пути я прихватила стакан молока и горсть винограда без косточек и немедленно обзавелась белыми усами — я не пробовала настоящего молока сто лет! Вкуснота!

Хильда уже пустила воду в ванной и стащила одежду.

Окно было открыто, но находилось оно высоко, так что я тоже разделась. Хильда не захотела молока, но приняла виноград. А затем мы сделали себя чистыми и «красивыми», то есть восстановили наши барсумские прически, но без украшений. В этой комбинации ванной и гардеробной было все, что нужно — от мочалок до помады любимого цвета тети Хильды.

Мы могли проторчать тут три часа, наслаждаясь каждой минутой, но мы спешили и уложились в сорок две минуты. Зебадия выглядел прекрасно (я знала, что так и будет, я тщательно выбирала этот наряд), и папа смотрелся так же отлично в темных брюках и простой гавайской рубахе навыпуск (я подарила ему эту рубаху на

---

[126] Сноски: 126

Герой комиксов Ричарда Утко, выходивших в 1902–1920 гг. в газете «Нью-Йорк геральд».

день рождения, чтобы прятать живот, которого у него больше не было).

На краю лужайки нас ждала тропинка, ведущая через лес к дворцу. Папа с тетей Хильдой под руку шли, мы шагали следом. Туфли на высоких каблуках тетя несла в руках, поэтому я остановилась и сняла свои. Потом я оглянулась назад, на поляну. «Гэй Обманщица» была на месте, но маленького домика, как я и ожидала, уже не было. Зебадия тоже это заметил, но ничего не сказал, его лицо в этот момент являло полное отсутствие всякого выражения.

— Обуюсь, когда выйдем из леса, — пообещала я. — Они не жмут, потому что я много ходила босиком. Но я могу ходить на высоких каблуках только по твердой поверхности.

Поросшая травой тропинка привела нас в парк, раскинувшийся перед дворцом. Тут мы натянули туфли. Я не очень разбираюсь в архитектуре, но дворец Глинды больше напоминал нормандское шато или старинный господский дом из Англии, чем эти унылые замки на Рейне, но в нем были изящество и красота волшебной страны, что-то подобное есть у Тадж-Махала. В общем, дворец был таким, каким и должен быть.

Когда мы начали подниматься к его огромным

дверям по широким мраморным ступеням, Зебадия споткнулся.

— Что за черт?

— Ш-ш-ш! — осадила я его. — Следи за языком, дорогой. Это волшебная лестница, само собой. Глинда не заставит своих гостей карабкаться к дверям. Просто представь, что эту лестницу спроектировал Эшер — возможно, так оно и было. Смотри гордо и иди так, будто никаких ступенек нет.

Когда мы добрались до обширной площадки перед дверью, из нее вышли два высоких трубача. Они встали по сторонам, подняли свои длинные трубы и протрубили четыре раза. Старик с веселой улыбкой, с бакенбардами, сверкающей лысиной, деревянной левой ногой, в матросском дождевике появился точно в тот момент, когда трубы стихли. Я узнала его, но удивилась, почему он тут, а не в Изумрудном городе.

Вынув трубку изо рта, он сказал:

— Добро пожаловать во дворец Глинды Доброй! Я — капитан Билл! Вы, сэр, Волшебник доктор Берроуз, а ваша чудесная жена — принцесса Хильда. А вы, должно быть, капитан Зеб — привет, капитан! — и все знают принцессу Дити, она так много времени провела в Стране Оз. Привет,

Дити! Последний раз, когда я тебя видел, ты была ростом по колено высокой утке. А сейчас посмотрите на нее! Почти мне по плечо и *замужем*! Мои поздравления, капитан! Ты везунчик!

— И я так думаю, капитан.

— Я знаю. Дити, Озма посылает вам свои наилучшие пожелания и просит передать, что ты и твоя семья могут оставаться в королевстве Оз столько, сколько пожелаете.

— Пожалуйста, передайте наши благодарности Ее Королевскому Величеству, капитан Билл.

(На самом деле сейчас я выше капитана Билла, но для него я всегда буду маленькой девочкой. Как это мило.)

— О, я передам, передам! Заходите, люди, у нас тут без формальностей. По крайней мере, у меня. Это не мое обычное занятие, я просто подменяю на вахте друга, который взял выходной, — он взял меня за руку, его ладонь оказалась мозолистой и сильной, как у Зеба, и такой же нежной.

Капитан Билл повел нас внутрь, не выпуская моей руки.

— Где Трот? — спросила я.

— Где-то рядом, вы ее увидите. Наверное, выбирает лучшую ленту для волос в вашу честь. Или помогает Бетси с Хэнком — маленькая Бетси

Кертис счастлива, только когда работает… хотя Нептун знает, что этот мул получает больше заботы, чем все остальные мулы штата Миссури. Сюда, в библиотеку, друзья.

Как можно описать Глинду Добрую? Все знают, что она высокая, статная, белокурая и прекрасная, никогда не хмурится и целый день ходит в прекрасном вечернем платье с длинным шлейфом. Но это все только слова. Пожалуй, достаточно сказать, что если Дея Торис самая красивая женщина своей вселенной, то Волшебница — самая красивая своей.

Ее окружала свита из самых красивых девушек со всей Страны Оз, любая из них выиграла бы конкурс красоты. Но Глинда затмевала их всех, ничего для этого не делая. Нефертити, имя египетской царицы, означает одновременно «прекрасная» и «добрая» — все в одном слове, думаю, это вполне подходит Глинде.

Она оторвалась от своей Великой Книги Записей, с которой она проводит большую часть времени, и заскользила к нам. Она поцеловала Хильду, затем поцеловала меня и сказала: «Добро пожаловать домой, Дити», и я так разволновалась, что не могла говорить, только сделала реверанс. Она предложила одну руку Зебадии,

а другую папе, они одновременно поклонились и поцеловали их.

Глинда махнула в сторону кресел (которых мгновение назад здесь не было) и пригласила нас сесть. Зебадия прошептал мне краем рта:

— Ты будто здесь и родилась.

— Не совсем, — прошептала я в ответ. — Но полагаю, что прожила в Оз дольше, чем где бы то ни было.

И это было правдой — папа с мамой переезжали из кампуса в кампус, пока я росла… но я всегда брала с собой Страну Оз, куда бы мы ни переезжали, поэтому я никогда не была одинокой.

— Ну что ж… я рад, что ты заставила меня приодеться.

Нас представили каждой из девушек Глинды, и каждая сделала реверанс, и мы почувствовали себя совсем как дома на Гелиуме — разве что эти барышни не были рабынями ни в каком смысле и не служили по контракту. Я на секунду задумалась об этом и не смогла припомнить, чтобы деньги имели хождение в Оз; здесь вообще нет никакой «экономики».

Девушки были красиво одеты, все по-разному, но в одежде каждой доминировал цвет ее родины: голубой жевунов, фиолетовый гилликинов,

желтый или золотой мигунов, некоторые были в зеленом. Одна девушка, которая ждала, когда ее представят, была в красном — из кводлингов, разумеется, ведь мы были в их королевстве — и выглядела очень знакомой: блестящие черные волосы и смуглая кожа с розовыми щечками.

Я спросила:

— Тебя зову Фиг?

— О да, Ваше Высочество, — ответила она испуганно, — откуда вы знаете?

И она быстро сделала реверанс.

— Я бывала тут, спроси капитана Билла. И я не Ваше Высочество, я просто Дити. Есть у тебя подруга по имени Ларло?

— Да, Ваше… да, Дити. Но она не здесь сейчас, она в колледже профессора Кувыркуна.

И она поспешила на свое место в ряду, а я сделала мысленную отметку рассказать об этом Тире… когда-нибудь.

Я не могу рассказать обо всех, кого мы встретили во дворце Глинды — их было слишком много, и они все прибывали и прибывали. Казалось, они все ждали нас и были рады наконец-то увидеть. Папа отнюдь не рехнулся, когда встретил Страшилу, поскольку в этот момент был погружен в беседу с профессором Кувыркуном и Озом

Великим, Королевским Волшебником королевы Озмы. На самом деле папа едва проявил вежливость, пожав руку, буркнул: «Как поживаете, мистер Страшила», и продолжил беседу с профессором и Волшебником. Не уверена, что он даже посмотрел на Страшилу, поскольку в этот момент говорил: «Вы изложили это очень четко, профессор. Я бы хотел, чтобы мой друг профессор Мобиас Торас был бы тут и услышал вашу формулировку. Если мы примем альфа равной нулю, то очевидно, что…».

В этот момент я отошла, потому что, когда папа говорит «очевидно, что…», мне становится очевидно, что Дити лучше удалиться. Однажды я заметила ему, что он исписал пять страниц, доказывая, что ноль равен нулю. Он дулся несколько дней. С тех пор я избегаю его области математики, а он не интересуется теми простыми вещами, которыми занимаюсь я… разве что иногда подсовывает мне вычисления, чтобы я их запрограммировала и прогнала через компьютер.

Ужин был в банкетном зале, и толпа гостей как раз уместилась в нем… конечно же, ведь банкетный зал Глинды всегда оказывается нужного размера, чтобы вместить тех, кто пришел, и не обязательно поесть, как например, Тык-

воголовый Джек, Тик-Ток, Железный Дровосек, Страшила или Деревянный Конь. Тут были другие люди, которые не ели, и также люди, которые не были людьми, а были животными — Трусливый Лев, Голодный Тигр, Король Летучих Обезьян, Хэнк, Тото и красивая кошка с длинной шерстью и надменными манерами.

Глинда Добрая сидела во главе стола на одном конце, а королева Озма — во главе стола на другом конце. Папа располагался справа от Глинды, а Зебадия — справа от Озмы. Волшебник Оз был слева от Глинды, а профессор Кувыркун — слева от Озмы. Мы с тетей Хильдой оказались напротив друг друга посередине длинного стола. У нее в соседях были Железный Дровосек и Страшила, и она старалась изо всех сил, чтобы развлечь их, и они старались изо всех сил, чтобы развлечь ее, и все у них получалось.

У меня было три компаньона, хотя началось все с двух, с Трусливого Льва и Голодного Тигра. Лев ел то же, что и все, а перед Тигром стояла чаша овсяных хлопьев размером с небольшую ванну, из которой он очень изящно кушал ложкой соответствующего размера. Мы со Львом как раз принялись за салат из морепродуктов, когда та кошка потерлась о мою ногу, чтобы привлечь

внимание, глянула вверх и сказала:

— Ты пахнешь точно кошка. Приготовь колени, я сейчас приду, — и прыгнула.

— Эврика, а у тебя есть позволение Дороти? — спросила я.

— Что за глупости ты говоришь. Это Дороти должна получать *мое* разрешение. Сначала дай мне омара, потом креветок. Последний кусочек креветки можешь оставить себе.

Голодный Тигр опустил свою большую ложку на стол и спросил:

— Высочество, могу я прибить эту Надоеду для вас?

— Не беспокойся, старичок, — сказал Лев. — Лучше ее прибью я, одним укусом. Однако будь добр, передай табаско… у кошек такой мерзкий вкус.

— Не обращай внимания на этих простолюдинов, девчонка, и передай мне омара. Никогда нельзя позволять животным есть за столом.

— Посмотрите, кто тут кого животным называет, — прорычал Трусливый Лев.

— Это не животное, Лео, — возразил Голодный Тигр. — Это насекомое. Обычно я вегетарианец, но буду счастлив взять этот кусок мяса и покрошить его в мои хлопья. С вашего позволения?

— Дороти это не понравится, Раджа.

— Вы правы, мэм. Может, попросить Тото, чтобы он ее выгнал?

— Эврика может остаться. Я не возражаю.

— Девчонка, правильней было сказать «для меня это большая честь». Не обращай внимания на зверей из джунглей, они не кошки. Да будет тебе известно, что *Felis domesticus,* домашняя кошка, была цивилизована на много поколений раньше, чем все вы, низшие виды, вместе взятые. Как говаривала моя светлейшая прародительница Бубастис, Богиня Нила, «Там, где кошка, *там* и цивилизация». И поспеши уже с этим омаром.

И я поспешила. Эврика принимала каждый кусочек с достоинством, едва касаясь кончиков моих пальцев шершавым языком. Наконец она отвернулась и сообщила:

— Не переусердствуй. Я скажу, когда захочу еще. Почеши у меня за левым ухом. Нежно. Я спою, а потом засну. Соблюдай почтительное молчание.

Я сделала, как было приказано. Эврика очень громко замурлыкала, а когда ее мурчание перешло в тихое посапывание, я осторожно прекратила чесать. Дальше мне пришлось есть одной рукой, второй я не давала кошке упасть.

Поскольку тетя Хильда поместила полный отчет о том вечере в память Гэй, опросив всех нас и скомбинировав результаты, дальше я буду говорить только о самом важном. После того как все разошлись по домам или разбрелись по своим комнатам, нас четверых пригласили в библиотеку. Она стала меньше и уютнее прежней, поскольку девушки Глинды разошлись по спальням. Глинда сидела у своей Великой Книги Записей. Когда мы вошли и расселись по местам, она улыбнулась и поклонилась, не вставая с кресла.

— Друзья, — начала она. — Доктор, капитан, принцессы Хильда и Дити, я сэкономлю ваше время, сказав, что во время танцев я совещалась с Озмой, Волшебником и профессором Кувыркуном. Я уже изучила записи о ваших необычных приключениях и прочитала резюме к ним, прежде чем мы обсудили ваши проблемы. Во-первых, позвольте мне сказать, что Озма повторяет свое приглашение. Вы все можете остаться тут навсегда, вы найдете гостеприимный приют везде, куда бы ни пошли. Дити, конечно, это знает, и принцесса Хильда знает тоже, хотя она не так в этом уверена, как Дити.

И чтобы успокоить вас, джентльмены, мы

с Волшебником сделали Страну Оз на четверть дюйма шире во всех направлениях, изменение слишком незначительное, чтобы его заметить. Но вы, доктор, как геометр, должны понять, что это обеспечивает достаточное *Lebensraum*[127] еще для четырех хороших людей, а также для вашей небесной колесницы мисс Гэй Обманщицы. Четверть дюйма, капитан, это шесть и тридцать пять сотых миллиметра.

Занимаясь этим, мы по совету профессора Кувыркуна сделали одно небольшое изменение в мисс Гэй Обманщице…

Зебадия вздрогнул и с беспокойством поглядел на нее — понятно, что Гэй была его возлюбленной задолго до меня, он заботился о ней так же тщательно, как заботился и обо мне. Но ему следовало больше доверять Глинде.

Она тепло ему улыбнулась.

— Не волнуйтесь, капитан, никто не повредил целостность конструкции и не нарушил функционирования вашего любимого корабля. Когда вы заметите эти перемены — а вы их *обязательно* заметите — и они вам почему-либо не понравятся, вам нужно будет всего лишь сказать вслух

---

[127] Сноски: 127
Жизненное пространство (*нем.*).

«Глинда, сделай мисс Гэй Обманщицу такой, какой она была». Я прочту ваше желание здесь, в своей Книге, и выполню его немедленно. Но я не думаю, что вы меня об этом попросите. Это не пророчество: добрая волшебница не пророчествует. Но это мое твердое убеждение.

Теперь о главном: в Стране Оз *панки* нет. Если бы один из них оказался столь глуп, чтобы явиться сюда, я бы тут же узнала об этом из своей Книги, и это существо было бы низвергнуто в Гибельную пустыню. О том, что там с ним произойдет… чем меньше об этом будет сказано, тем лучше… но зло не потерпят в Стране Оз.

Что же касается проблемы *панки* в вашем родном мире, то она находится вне юрисдикции Озмы. Мои собственные силы там очень ограничены. Хотя моя Великая Книга Записей рассказывает, что там происходит, но она не делает различий между *панки*, замаскированными под людей, и простыми людьми, которые злы по их собственной природе. Я могу наложить на вас четверых заклинание, которое будет удерживать вас вдали от них. Вы этого хотите?

Папа посмотрел на Зебадию.

— Одну секунду, Глинда Добрая, — сказал мой муж. — Я не очень разбираюсь в заклинаниях.

Как оно действует?

— Заклинания всегда буквальны, капитан, именно поэтому они могут причинить так много неприятностей. Я редко их использую. Оно будет действовать именно так, как я сказала: оно будет удерживать вас на расстоянии от любой *панкеры*.

— Но ведь тогда мы не сможем распознать их, верно? Или подобраться достаточно близко, чтобы уничтожить?

— Я думаю, вам придется выдумать способ делать то и другое на расстоянии. Заклинания не рассуждают, капитан. Они действуют буквально, как компьютеры.

— А они смогут узнать *нас*? Подложить нам мину-ловушку? Сбросить на нас бомбу?

— Я не знаю, капитан. В моей Книге записано только то, что они сделали, а не что они могут сделать. Даже в этом случае, как я уже сказала, записи не различают замаскированных *панки*. Поэтому у меня так мало о них сведений. Вам нужно это заклинание? Нет нужды решать это сразу. А если вы останетесь в Стране Оз, оно вам не понадобится.

— Мы должны остаться! — выпалила я.

Глинда мне улыбнулась, но улыбка ее была

невеселой.

— Дорогая Дити, ты решила не заводить ребенка?

— Чего? Я хотел сказать, простите, Глинда?

— Ты была в Волшебной Стране дольше других. Ты знаешь, что твоя маленькая девочка здесь не родится… точно так же, как никто здесь не умирает.

Тетя Хильда заговорила так быстро, что я не успела и слова вставить:

— Глинда, большое вам спасибо, но я не останусь.

Я проглотила комок в горле и сказала:

— Я тоже не останусь, тетя Глинда, — на Зебадию я старалась не смотреть.

— Так я и думала. Хочешь мой совет, дорогая?

— Да. Конечно!

— Если ты решила быть женщиной, а не маленькой девочкой, как Дороти или Трот, уезжай отсюда побыстрее… иначе тебе захочется остаться в Волшебной Стране навсегда.

Папа взглянул на Зебадию и сказал:

— Мадам Глинда, мы отбываем утром. Благодарим за ваше роскошное гостеприимство… но я думаю, что так будет лучше.

— Я тоже так думаю, доктор. Но помните —

приглашение Озмы остается в силе. Когда вы устанете от внешнего мира, приезжайте сюда на отдых… и непременно привозите сюда детей. Дети тут счастливы и никогда не страдают. Оз была создана для детей.

— Мы приедем, мы обязательно приедем!

— Есть еще тема для обсуждения? Если нет…

— Секундочку! — вмешалась тетя Хильда. — Вы сказали Дити… может, скажете и *мне*?

Глинда улыбнулась:

— Книга утверждает, что у тебя будет мальчик.

– XXXIV –
Зебадия

Этой ночью я не спал с Дити. Я этого не планировал, просто так само получилось. Слуга привел меня к комнате, Дити и Хильда все еще стояли на вершине лестницы (еще одна волшебная лестница, удобная, если не смотреть вниз) и оживленно болтали, а Джейк был рядом.

Я увидел, что в комнате только одна узкая кровать, даже не две, но слуга уже исчез. Когда я вышел из комнаты, на лестничной площадке было темно и пусто… поэтому я произнес слово, которое нельзя произносить в Стране Оз, и вернулся в отведенную мне спальню. Даже односпальная кровать меня манила, день выдался долгим, так что я уснул мгновенно.

Глинда позавтракала с нами в том же банкетном зале, который заметно съежился. В Гелиуме нас кормили чудесно, но я почти забыл, как хороши могут быть яичница с ветчиной, тосты и свежий апельсиновый сок. Я выпил три чашки кофе и ощутил, что готов сразиться с аллигаторами.

Глинда поцеловала Дити и Хильду на прощание на верхней ступеньке эшеровой лестницы, а мы с Джейком поцеловали ей руки. Она пожелала нам удачи… что в ее устах было не просто пожеланием. Жить в Оз, наверное, не стоит, но это прекрасное место, куда можно приезжать время от времени. Едва мы вошли в лес, девушки немедленно скинули туфли.

В лучах утреннего солнца «Гэй Обманщица» выглядела прекрасно. Около ее носа стоял Тик-Ток.

— Доб-рое ут-ро, — сказал он, — я бесе-довал с мисс Гэй Об-ман-щи-цей всю ночь. О-на та-кая Ум-ни-ца.

— Привет, Зеб.

— Привет, Гэй. Что я говорил тебе насчет разговоров с незнакомыми мужчинами?

— Ты мне ничего не говорил. И Тик-Ток вовсе не незнакомый мужчина. Он джентльмен, чего я не могу сказать о некоторых.

— Прав-да, ка-пи-тан, я не имел в ви-ду ни-че-го недо-стой-ного.

— Да я просто шучу. Спасибо, что составил Гэй компанию, Тик-Ток.

— Это было удо-воль-ствие и при-ви-легия. Я дого-вори-лся с ноч-ным страж-ни-ком, что-бы он заво-дил меня кажд-ый час, и бесе-да не преры-

ва-лась нео-жи-дан-но.

— Очень разумно. Спасибо еще раз и до встречи. Мы приедем в гости при первой возможности. Гэй, откройся.

— Ты не сказал «пожалуйста», — ответил мой автопилот, но дверцы открыл.

— Я рад слы-шать, что вы вер-не-тесь. У нас с мисс Гэй Об-ман-щи-цей много об-щего.

— Я вижу. Всему экипажу занять места и приготовиться к выходу в космос. Джейк, я думаю, что нам лучше сразу надеть комбинезоны, ведь мы не знаем, где выскочим в следующий раз.

— Конечно, капитан.

Язва попрощалась с Тик-Током и залезла в машину. Дити не только попрощалась, но и поцеловала его в медную щеку — я уверен, Дити поцелует и свинью, если та будет стоять спокойно (а если не будет, я пущу ее на колбасу; поцелуй Дити — это то, чем нельзя пренебрегать!).

Хильда выглянула из машины, она была все еще в вечернем платье.

— Дити, иди сюда. Быстро!

Я обменялся рукопожатиями с Тик-Током (странное ощущение!) и предложил ему немного отойти. Забравшись в машину, я не обнаружил никаких следов наших жен. Я подошел к пере-

борке и позвал:

— Давайте быстрее! Мне нужен мой комбинезон!

— Зебадия, лезь за переборку! — послышался голос Дити.

— Я не смогу там переодеться.

— Пожалуйста, дорогой. Ты мне нужен.

Когда Дити говорит, что я ей нужен, я бросаю все и иду. Но сначала я скинул свою шикарную белую рубаху и красный кушак — чтобы не мешались. Протиснувшись за переборку, я обнаружил, что в этом закутке уже не так тесно, как в то время, когда я обустраивал его на стоянке в саду джеддары.

Я почти мог стоять.

— Ты где? — спросил я.

— Здесь. Левый борт, — ответил приглушенный голос Дити.

Я повернулся, ударившись головой о переборку, и обнаружил дверь там, где ее не могло быть. Мне пришлось согнуться, чтобы пройти через нее, но, оказавшись внутри, я смог выпрямиться. Там была маленькая комнатка, чуть больше телефонной будки, и в ней две двери, в сторону носа и в сторону кормы, девочка в капоре на левой, мальчик в костюме Гуляки Брауна на правой.

Левая дверь открылась, из нее выглянула Дити:

— Зайди, посмотри!

Роскошная гардеробная и ванная для дам.

— Такая же, как в том домике «Добро пожаловать», — сообщила Дити, — только окно закрыто и стекло матовое. Оно вообще не открывается. Но воздух свежий.

Я сказал:

— Хм-м…

Потом я добавил:

— Ну-ну!

У меня была еще целая куча остроумных комментариев, но я решил с ними подождать и вместо этого проверил Гуляку Брауна. Да, та же самая ванная комната, которой мы с Джейком пользовались днем ранее. Не такая роскошная, как у дам, и с душем вместо ванной… ну, может быть, девчонки позволят мне иногда пользоваться их ванной — когда ты устал, отмокнуть в горячей воде куда лучше, чем просто сполоснуться.

Джейк просунул голову в дверь, и я сказал:

— Профессор, вы поделитесь со мной жемчужинами своей мудрости?

— Зеб, они все куда-то укатились.

— Второй пилот, мне нужен твой совет, пожа-

луйста. Наша машина готова к выходу в космос?

— Капитан, я не знаю.

— Давай проверим снаружи. Тщательно.

Что мы и сделали. Прощупали оба борта глазами и руками, от носа до кормы. Машина выглядела абсолютно безупречно — снаружи. Но из открытой двери я услышал приглушенный звук спускаемой воды в туалете.

Тем не менее через десять минут мы уже сидели на местах, и я спросил:

— Кто-нибудь что-то оставил в нашей новой пристройке?

— Мы с Хильдой развесили там одежду. Там много места для развешивания.

— Дити, ты понимаешь, что это магически искривленное пространство, скорее всего, вернется туда, откуда пришло, как только мы покинем это место?

— Давай поспорим? Глинда Добрая не стала бы устраивать нам такие шуточки.

— Это твоя одежда, дорогая. Но не оставляйте там *ничего* важного перед полетом. Приказ действует постоянно, отныне и навсегда. Гэй, ты собираешься и дальше болтать, когда вздумается?

— Зеб, когда я на вахте, я говорю только по делу.

Но девушка имеет право на свободный вечерок время от времени.

— Ты Умница, Гэй.

— Вот и Тик-Ток мне это говорит. Прием.

— Понял, конец связи, Гэй. Всему экипажу доложить о готовности к выходу в космос.

— Я приняла таблетку, капитан. Ремень пристегнут.

— Ремень пристегнут, Зебадия. И я закрыла на задвижки все три двери в ванной.

— Ремень пристегнут, правая дверь герметична.

— Левая дверь герметична. Второй пилот, установить перемещение, ось «Н», сто тысяч километров вверх[128].

— Сто тысяч километров вертикально вверх, минимальная шкала, верньер на четверке. Установлено.

— Выполнять!

Я наклонил нос машины сразу после перемещения. Перед нами была планета, очень похожая на Землю, но я не мог разглядеть очертаний материков, все было как-то туманно и размыто.

— Научный сотрудник, передай второму пило-

---

[128] Сноски: 128

Здесь снова перебор с дистанциями. В более поздней версии заменено на «тысячу километров». — *Прим. С. В. Голд.*

ту бинокль, затем отстегнись и проверь, на месте ли наша новая пристройка.

— Есть, капитан Зебби.

Джейк пристально всматривался через бинокль.

— Капитан, я легко могу различить Оз. Но вокруг нее сплошной туман, — и он передал мне бинокль.

— Джейк, как только твои глаза привыкнут, посмотри на звезды.

Я сам изучил планету — вроде бы я мог разглядеть полярные шапки, но все остальное, кроме Оз, крылось в дымке. Подстроив резкость, я смог разглядеть Изумрудный город.

— Капитан, это наша собственная вселенная, — сказал Джейк.

— Точно она? С какой стороны от Ориона у нас Телец?

— Но, он на… Иисус, Аллах и Заратустра! Она вывернута наизнанку!

— Да, но не в том смысле как предыдущая, вывернутая наизнанку вселенная. А как сама Страна Оз. Восток поменялся с западом. Дити, с течением времени тут есть какие-нибудь странности?

— Я *не чувствую* ничего странного. Но иногда мне нужно перезагрузить голову. Иногда или

иногде. Я понимаю, что мы на другой временной оси. Но прошло больше столетия, как те три девочки попали в Страну Оз. Я не знаю, каково им, и я намеренно не спросила. Кто-нибудь еще заметил, что там нет ни часов, ни календарей?

— Капитан Зебби!

— Да, Хильда.

— Наш новый санузел работает как часы, хотя я не понимаю как. Но будьте осторожны, заходя туда во время невесомости… поскольку за первой дверью невесомости нет. Пол там *внизу*. По ощущениям гравитация в один «же». Я там сделала потрясающее сальто.

— Хильда, любимая, ты не пострадала?

— Ничуть, Джейкоб. Но в следующий раз я за что-нибудь ухвачусь и подтяну себя к палубе, а внутрь вползу.

— Научный сотрудник, закрыть все двери, вернуться на место и пристегнуться. Второй пилот, как только Хильда доложит, установить следующее вращение по списку.

— Я закрыла двери, когда выходила. Или входила. Сейчас задраиваю дверцу в переборке. О'кей, я пристегнута. А где бинокль?

— Дити его убрала. Всем приготовиться к вращению.

— Вращение установлено, капитан.

— Выполнять.

И снова вокруг полная чернота…

— Дити, я собираюсь сделать кувырок, — сообщил я. — Потом твоя очередь проверить наш новый санузел.

— Это не ее очередь! Я научный сотрудник, и я отвечаю за гигиену, сантехнику и пространственные искривления.

— Джейк, ты можешь на нее повлиять?

— Не особенно, капитан.

Я выключил подсветку приборов, и мы прошли через полный оборот, но никто ничего не увидел. Так что я включил подсветку обратно и добавил освещение салона.

— Научный сотрудник, проверить наше пространственно-временное искривление. Только будь осторожна, Язва. Джейк, установи следующее вращение. Это будет вселенная номер восемь? Третья во второй группе.

— Все верно, шкипер. Еще одна, и мы возвращаемся на базу. К Марсу, я хочу сказать. Вращение установлено. Готов выполнять, как только Хильда сядет на свое место и пристегнется.

Язва вернулась очень быстро.

— Я задержалась, чтобы почистить зубы, а то

после завтрака не было времени. Капитан Зебби, снаружи очень темно, но через окошки в ванных комнатах пробивается солнечный свет. Вот вам загадка, — и она добавила: — Все три двери закрыты, ремень пристегнут.

— Вот ты ее и разгадывай, ты же у нас научный сотрудник. Приготовиться к вращению. Выполнять.

Я поспешил выровнять машину.

— Второй пилот, высота над землей и давление!

— Тысяча триста километров, девятьсот девятнадцать миллибар.

— Слишком близко! Джейк, еще один такой промах — и я уйду в отставку и займусь вязанием. Где мы? Я ни черта не вижу, лечу по приборам.

— Мы над водой, капитан, легкий туман. Не очень густой, по правому борту вижу береговую линию.

Я повернул Гэй вправо и сам увидел берег, после чего смог пилотировать визуально. Годами я летал по приборам, но мне всегда легче, если есть видимый горизонт. Крылья Гэй уже расправились, я придержал ее до сотни узлов и перевел на автопилот.

— Открывать заслонки не будем, — сказал

я, — у меня нет желания брать пробы воздуха так низко.

— Эй, там парус!

— Где, Хильда?

— По правому борту в сторону носа. И в воде, разумеется. Настоящий парусный корабль.

И будь я проклят, но она не ошиблась: прямой такелаж прямиком из восемнадцатого века, с высоким баком и кормой. Я снизился, чтобы лучше его рассмотреть.

Нет, я не боялся — у людей, которые плавали на таких кораблях, не было управляемых ракет — ну или я сам себя в этом убеждал.

Это было красивое зрелище, так что я опустил правое крыло, чтобы все смогли на него посмотреть. Должно быть, и мы стали для них невиданным зрелищем, поскольку по палубе заметались матросы, а рулевой, похоже, вообще перестал соображать: корабль ушел под ветер, и паруса беспомощно заполоскали. Я не хотел, чтобы бедолагу за это килевали, поэтому выровнялся и направился в сторону суши.

— Боже, капитан, как ты меня напугал! — воскликнул Джейк.

— Почему? Вот они были напуганы, но ты же не боишься пушек с черным порохом?

— Нет. Но ты почти цапнул крылом воду.

— Не глупи, Джек. Я был выше двухсот метров. Ну, может, сто пятьдесят, когда сделал вираж, чтобы посмотреть. Но пространства был вагон.

— Посмотри на альтиметр. И на датчик давления.

Я посмотрел: локатор показывал девятнадцать метров над водой, мне пришлось сменить шкалу измерений, чтобы увидеть цифры. Давление было чуть выше тысячи миллибар — уровень моря. Поэтому я быстро поднял нас на тысячу метров.

— Второй пилот, как я мог сделать такую ошибку? Мне совсем не хочется, чтобы такое повторилось.

— Не знаю, капитан. С моего места кончик крыла виден, а с твоего — нет. Когда мне показалось, что он вот-вот коснется воды, я посмотрел на приборы. Я уже собрался заорать, но тут ты выровнялся.

— Джейк, я чудом не задел мачту. Но я поклялся бы на чем угодно, что не подходил к этому кораблю ближе трехсот метров. Это приличный запас по высоте в тихую погоду. Ведь на воде почти не было барашков.

— Так ты не узнал это место, капитан Зебби? — спросила Хильда.

— Язва, только не говори мне, что ты тут уже бывала.

— Только в книгах, Зебби. Но не раз, и в разное время. В адаптированной версии для детей примерно в третьем классе. Потом в более полной в восьмом или девятом. А потом я наконец-то добралась до полной, без купюр, версии восемнадцатого века, которая была довольно пикантной для моего возраста. Я до сих пор нахожу ее приятно непристойной.

— Язва, о чем речь?

Мне ответил Джейк:

— Капитан, как ты думаешь, что это за корабль, если, глядя на него, ты думал, что мы высоко в воздухе, хотя на самом деле едва не вспахал крылом море?

— Я сдаюсь.

— Это тот самый корабль, на котором матросы пятнадцати сантиметров ростом.

Я раздумывал над этим, а мы тем временем добрались до суши, и я аккуратно, по приборам, поднялся до тысячи километров[129] и велел Гэй держать нас на этой высоте, хотя мне казалось, что мы много выше.

---

[129] Сноски: 129

И в третий раз перебор с километрами. В более поздней версии — два километра. — *Прим. С. В. Голд.*

— Если кто-нибудь из вас наткнется на декана Свифта, будьте добры, дайте ему пинка под зад от моего имени.

Дити спросила:

— Зебадия, как ты думаешь, страна великанов — Борбдингнег — на этом же континенте?

— Надеюсь, что нет.

— Почему нет, дорогой? Это было бы забавно.

— Потому что мы не можем тратить время ни на лилипутов, ни на великанов. Их акушеры не смогут позаботиться о вас с Хильдой… а медицина у них на уровне восемнадцатого века. Джейк, приготовься поднять нас на сто тысяч километров. И сразу после этого выполняй вращение. У кого-нибудь есть разумное объяснение того, что с нами происходит? Или я просто бьюсь в смирительной рубашке, сидя в уютной комнате с мягкими стенами?

— У меня есть одна теория, Зебби.

— Валяй, Язва.

— Не смейся, поскольку я помню, ты сам мне говорил, что вы с Джейкобом обсуждали идею о том, что человеческая мысль существует в виде квантов. Я не отличу кванта от квинты, но мне говорили, что квант — неделимая штука. Ты говорил мне, что вы с Джейкобом обсужда-

ли возможность того, что у воображения есть свои невидимые кванты — ты назвал их «фиктонами» — или «фиктами»? В любом случае суть в том, что каждая рассказанная история — или та, которая будет рассказана, без разницы — существует в реальности где-то в одной из вселенных Числа Зверя.

— Но, Хильда, любимая, это была лишь абстрактная математика!

— Джейкоб, Мобиас Торас тоже считал наш автомобиль абстрактной математикой… пока не прокатился в нем. И разве не ты мне говорил, что человеческое тело само по себе всего лишь сложное уравнение волновой функции? Я тогда тебя укусила — я не против быть волновой формой, волны красивые, но я укусила тебя за наречие «всего лишь».

— Зебадия, там слева город, не так далеко. Может, стоит взглянуть на него, пока мы не улетели?

— Дити, подумай сама. Ты видела, какую панику мы вызвали на том игрушечном корабле. Вообрази, что ты сама не более четырнадцати сантиметров ростом и живешь в этом городе. И тут является огромное небесное чудовище и пикирует на твой город. Тебе это понравится?

Сколько людей потеряют сознание? Сколько умрет от сердечных приступов? Сколько этих маленьких людей ты готова убить, чтобы удовлетворить свое любопытство? — И я добавил: — Для этих маленьких людей мы монстры страшнее, чем *панки*.

— О боже! Ты прав, Зебадия, абсолютно прав. Давай убираться отсюда.

— Второй пилот, установить перемещение прямо вверх на сто тысяч километров.

— Передвижение, ось «Н», положительное, верньер на четыре деления, установлено.

— Выполнять, — приказал я и продолжил: — Мы можем остаться тут на некоторое время, мы слишком далеко, чтобы напугать кого-то, они нас даже не увидят. Язва, тебе слово. Мы никуда не отправимся, пока не услышим твою теорию и не обсудим ее. Джейк, я не уверен, что хочу рисковать еще с одним вращением.

Я уже четыре раза испугался до чертиков, когда мы едва не врезались в планеты. Я знаю, как безопасно *перемещаться* от одного аналога Земли к другому — надо просто обеспечить побольше пустого пространства вокруг себя. А от *вращений* у меня скоро волосы поседеют… тут *нельзя* запланировать свободное пространство, и я не

могу обеспечить безопасный вариант. Законы вероятности рано или поздно возьмут свое — как раз в тот момент, когда будет казаться, что все шансы на нашей стороне.

— Зебби, я не думаю, что тут замешаны законы вероятности. И я не думаю, что нам грозят какие-либо опасности при вращениях.

— Да ну? Язва, ты знаешь, как управлять фибией. Готов поменяться с тобой местами… я только выдвину это кресло вперед до упора, чтобы ты могла дотянуться до всех рычагов и кнопок.

— Нет! Нет! Я…

— Струсила!

— Зебби, у меня нет твоего экстрасенсорного чутья на опасность. Я готова сесть за руль, если ты прикажешь… но у меня нет твоего пилотского мастерства. Я могу быть просто вахтенным пилотом, но ты должен остаться капитаном, поскольку твое чутье — одна из причин, по которой я говорю, что так называемые законы вероятности к делу не относятся.

— Язва, статистические законы самые основательные из всех законов природы.

— А в Стране Оз они действуют?

— Э-э-э… будь я проклят, если знаю! Туше!

— Капитан, Хильда говорит о законах не как

математик, и все же я с ней согласен. Назвать «законами природы» уравнения, используемые в статистике в нашей родной вселенной, — очень грубая ошибка. Эти уравнения измеряют лишь степень нашего невежества. Когда я подбрасываю монету и говорю, что шансы выпасть орлу или решке пятьдесят на пятьдесят, я тем самым просто заявляю о полном неведении относительно результата. Но если бы я знал все условия, которых я не знаю, то результат можно было бы заранее рассчитать с помощью макромеханики. Но мы уже были как минимум в двух вселенных, где физические законы совсем не похожи на наши.

— Три, Джейкоб. С лилипутами будет три.

— Не совсем понимаю тебя, дорогая.

— Закон кубов и квадратов, которому подчинена вся наша биология, здесь не работает, у них тут какой-то свой закон. Достаточно сказать хотя бы о том, что в нашей вселенной человеческий мозг нельзя уменьшить до размеров наперстка. Но мы отклонились от теории, которую я начала излагать для Зебби. Я могу продолжать?

— Да, — сказал я и распорядился: — Всем молчать, кроме Язвы. Я был злейшим нарушителем, но теперь мой рот на замке. Язва — продолжай.

— Хорошо. Мы не случайно побывали в трех вселенных — Барсуме, Стране Оз, Лилипутии, менее чем за… за двадцать четыре часа, так, Дити?

— Менее шестнадцати, тетя Хильда, после отбытия из Залива Крови до прибытия сюда.

— Спасибо, милая. И все они «вымышленные» — я вынуждена называть их так, за неимением лучшего слова — и все хорошо известны каждому из нас. Случайно — и вновь у меня нет более правильного термина, но это не «случайность» — мы все любим причудливые истории: фэнтези, научную фантастику. Называйте их как хотите. Но нам всем нравятся истории одного типа. Кому из вас нравятся детективы?

— Некоторые, но не все, — сказала Дити.

— Я предан лишь Шерлоку Холмсу, — заявил муж Хильды.

— Пустая трата времени. Загадки слишком простые, язык обычно отвратный. Уж лучше математика.

— Давайте проведем эксперимент, — продолжила она. — Пусть каждый составит список из двадцати самых любимых историй. Или из групп связанных друг с другом историй — книги о Стране Оз будут считаться за одну, как и марсианская серия Эдгара Берроуза или четыре

путешествия Гулливера. Но эти три не записывайте, мы в них уже побывали. И не советуйтесь, не сравнивайте списки. Пусть это будут книги, которые вы перечитывали для удовольствия, пока они не истрепались. И если кто-то упомянет «Войну и мир», я пойму, что он жульничает — некоторые одолели это один раз, вряд ли кто-то дважды, а большинство бросили на середине, если только им не попалась сокращенная версия. Пусть будут вещи, которые вы читали чисто для удовольствия, когда слишком уставали, чтобы взяться за новую книгу. Кому-нибудь нужны карандаши и бумага?

— Язва, это нарушит условия эксперимента, если я спрошу, как ты хочешь это использовать?

— Нет, капитан Зебби. Если моя теория верна, то в следующий раз, когда мы после вращения очутимся рядом с планетой, она окажется местом действия истории или группы историй, которые будут присутствовать во всех четырех списках. И мы будем достаточно высоко, чтобы было время выровнять Гэй… и достаточно близко, чтобы при желании можно было приземлиться. И мы никогда не угодим внутрь какой-то массы, и нам не будет грозить какая-то другая опасность, с которой вы с Джейком не сможете справиться или

от которой не сможете убежать. Это не будет случайностью, мы не имеем дела со случайностями. Барсум меня ошеломил. Страна Оз немного удивила, но Лилипутия — ничуть, я этого и ожидала. Ее или какого-то другого места, о котором мы все знаем из книг.

— А что насчет пустых вселенных?

— Не знаю. Может быть, это места, о которых истории еще будут написаны или, может быть, они уже написаны, но это не те истории, которые нам нравятся, поэтому мы появляемся вдали от места действия. Но это всего лишь предположения, не более. В моей теории такие вселенные можно считать «нулевыми» — они не идут в счет, так или иначе. Мы будем находить *наши* вселенные.

— Язва, ты только что изобрела мультиличностный солипсизм. Я не думал, что он математически возможен.

— Капитан, математически возможно *все*. У математики нет содержания.

— Спасибо, Джейк. Зебби, «солипсизм» — это просто модное словечко. Я же хочу сказать, что мы наткнулись на «Дверь в стене», на ту, что ведет в страну исполненных желаний. Я не знаю, как мы это сделали, и мой маленький мозг не умеет плести умные философские рассуждения.

Я вижу закономерность, только и всего — я не пытаюсь ее объяснить. Она просто существует.

— Как согласуется с твоей гипотезой тот полый мир?

— Ну, Дити назвала его Пеллюсидаром…

— Это он и был!

— … но я читала дюжины книг о подземных мирах и держу пари, все вы тоже их читали. Жюль Верн, Фаулер Райт, Герберт Уэллс, Кэтрин Мур, Лавкрафт — все великие мастера фэнтези обращались к этой идее и даже не один раз. Пожалуйста, может, перестанем болтать и начнем работать над списками? Я понимаю, что с этой высоты мы будем падать еще долго, но мне хотелось бы получить все четыре списка до того, как мы уйдем на новое вращение.

Мы молча принялись за работу, но сначала я повернул машину так, чтобы планета лилипутов была строго по курсу, и велел Гэй сохранять позицию, чтобы я увидел, когда она начнет увеличиваться в размерах. Пока она выглядела очень маленькой, словно мы находились от нее в миллионах километров, а не в ста тысячах — что было вполне логично.

Я написал «Дорсайский цикл» и задумался.

— Я закончила, тетя Хиллбилли, — объявила

Дити и отдала свой лист.

Вскоре то же сделал ее отец:

— Не учитывай те, которые я вычеркнул, дорогая… мне было сложно остановиться на двадцати.

— Двадцать я выбрала произвольно. Можно было все оставить.

— Нет, дорогая, хорошенько все обдумав, я решил, что те четыре, которые я убрал, не стоят так высоко в списке моих предпочтений, как оставшиеся двадцать.

Через некоторое время я объявил:

— Язва, я застрял на семнадцати. Еще чертова дюжина крутится в голове, но выбрать не могу.

— Семнадцати достаточно… если они твои главные фавориты.

— Так и есть.

Хильда приняла мой лист, пробежала по нему взглядом:

— Психоаналитик повеселился бы, изучая эти списки.

— Подожди! Язва, я сказал *правду*. Если ты собираешься показывать эти списки мозгоправам, верни мой обратно. Сейчас же.

— Зебби, дорогой, я бы не поступила так ни с тобой, ни с кем из нас. Я как три обезьянки —

ничего не вижу, ничего не слышу, ничего никому не скажу. И… никто не возражает, если я перепишу себе названия тех, что я не читала? Похоже, я пропустила кое-что интересное… — никто не возразил, и она добавила: — Мне нужно несколько минут, чтобы подбить итоги.

— Развлекайся сколько хочешь, — сказал я. — Помощь нужна?

— Нет, и много времени это не займет. Я поставила единичку у каждого пункта в моем списке. Затем сравнила его со списком Дити и поставила двойку везде, где они совпали, а то, что не совпало, приписала к моему списку с единичками. Не так много, поскольку у нас с Дити вкусы почти совпадают. Теперь я делаю то же самое со списком Джейкоба, ставлю тройки, двойки и единички. Потом ты, Зебби, и мы получим список историй или циклов историй с четырьмя голосами — единогласно! — список с тремя голосами по каждому пункту, с двумя и с одним.

Несколько минут Хильда была очень занята, потом она взяла чистый лист, переписала туда истории, получившие четыре голоса, и сложила его втрое.

— Это стоило бы хранить в запечатанном конверте, чтобы укрепить мою репутацию проро-

чицы. Капитан Зебби, тут девять *так называемых* вымышленных вселенных. Планета, рядом с которой мы появимся при следующем вращении, должна быть в одном из пяти перечисленных миров — пяти, потому что четыре, которые мы уже посетили, я вычеркнула.

— Четыре? Ты включила Пеллюсидар? Я за него не голосовал.

— Нет, капитан. Пеллюсидар получил только два голоса. Я по-прежнему считаю, что тот вывернутый мир — композитная сцена для всей подземной фантастики. Но голосование помогло опознать третью вселенную — с ослепительным светом, где ты беспокоился насчет радиации.

— Вот ни черта себе!

— Ну или мне так показалось. Это доктор Айзек Азимов, «Приход ночи». Правда, тогда он еще не был доктором, он написал ее подростком. Я, признаться, ожидала, что в финал выйдет его же цикл «Основание», но он получил только три голоса. Очень жаль, ведь его планета-библиотека могла бы нам рассказать, что такое *панки,* откуда они взялись и как их победить.

— Моя вина, тетя Хиллбилли. Папа говорил, что я должна это прочесть… но меня тогда завалило работой, и я так его и не прочитала. Мне очень

жаль.

— Язва, дорогая, лучше отдай список Дити, она не будет подглядывать… не то что я. Второй пилот, мы выполняем вращение? Научный сотрудник наполовину убедил меня, что нам это сойдет с рук… так что давай сделаем это, пока я не передумал. Четвертая и последняя вселенная во второй группе, так?

— Да, капитан. Верньеры установлены для вращения.

— Если кто-то испуган так же, как я, пусть говорит сейчас или умолкнет навеки!.. Неужели *никто* меня не остановит?.. *Выполнять!*

– XXXV –
Зебадия

«Гэй Обманщица» очутилась нужной стороной вверх всего в полусотне метров над залитой солнцем симпатичной сельской местностью. Я быстро сориентировался и отправил машину по кругу.

— Мы снова в Оз? Очень похоже, как по мне. Джек, проверь установки.

— Только не Оз, капитан. Невозможно. Другая вселенная. Я придерживаюсь списка.

— Язва?

— Если это одна из пяти — а она должна быть из этого списка, — то это… — Хильда прервалась, написала слово на краешке чистого листа, оторвала этот кусочек, сложила и отдала мне. — Положи в карман, посмотришь позже. Это место вполне безопасно.

— Ну… — протянул я, убирая бумажку. — Приземлюсь вон на том лугу. Проверим воздух, когда будем на земле. Так безопаснее.

Луг был небольшим, но сел я без проблем.

— Дити!

— Да, сэр?

— Приготовила новую программу бегства?

— Думаю, да. Она делает в точности то же, что и ты — переносит «Г.О.» на сто тысяч километров вверх, но с помощью двух слов, без возни с верньерами. Ее можно запускать в полной темноте, если нужно. Или когда ослеп, в любых условиях. Пока любой из нас в состоянии выговорить пару слов, мы можем убраться от неприятностей достаточно далеко, чтобы было время решить, что делать дальше.

— Ты можешь запрограммировать ее голосом, перед тем как я открою дверь?

— Думаю, да, Зебадия. Сократив команду до двух слов, я заодно убрала и все словесные преамбулы. Если Гэй в этот момент будет спать, в ответ на кодовое слово она проснется и выполнит программу. Так что теперь нам всем надо соблюдать осторожность и не произносить эти два слога просто так.

— Да, будет неудачно, если двери при этом окажутся открытыми. Ты можешь ее запрограммировать, чтобы такого не произошло?

— Э-э-э… да, сэр.

— Тогда за дело. Джейк, установи то же самое на верньерах для подстраховки. Работайте, а я пока проведу полевые испытания нашей кана-

лизации. Не трогайте двери, пока я не вернусь. Пробирайся мимо меня, золотце, и займи мое место.

Я вернулся через несколько минут.

— Наше магически скрюченное пространство все еще с нами и работает, и не спрашивайте меня как, а то я начну орать. Новая программа введена?

— Да, сэр. Записана «говорю тебе три раза» в долговременную память. Защищена от срабатывания при открытых или не запертых дверях. Я записала волшебные слова на бумагу, папа и тетя Хильда их уже знают. Не читай их вслух. Вот, — и Дити передала мне кусочек бумаги, на котором было написано «Гэй — прыжок!».

— И это все?

— Это самая короткая программа, какую я только могу придумать для экстренных случаев. Ну, я так думаю. Единственная проблема — не использовать эти два слова случайно. Но я могу стереть и усложнить код, если хочешь.

— Пока она не срабатывает с открытыми дверями, меня все устраивает. Краткость может однажды спасти наши головы. Язва, сейчас моя очередь быть матерью-первопроходцем и канарейкой, мы на земле. Всем задержать дыхание, я

собираюсь понюхать наружный воздух.

— Капитан Зебби, эта планета похожа на Землю до девятого знака за запятой.

— И это дает мне возможность без риска изобразить героя. Заткнись и задержи дыхание, — осторожно приоткрыв дверь, я вдохнул. — Чувствую себя нормально — ну или мне так кажется. У кого-то кружится голова?

— Открой дверь пошире, Зебби, здесь *безопасно*.

Я послушался и вылез на покрытый маргаритками луг, остальные последовали за мной через левую дверцу. Да, все выглядело безопасно — тихо, тепло, мирно, и луг окружен живой изгородью.

Внезапно мимо нас пробежал белый кролик, направляясь к живой изгороди. На секунду он остановился, вытащил из жилетного кармана часы, глянул на них и простонал:

— О боже! О боже! Я опаздываю! — и припустил еще быстрее.

Дити бросилась за ним.

– *Дити!* — закричал я.

Она резко остановилась:

— Но я же должна найти нору!

— Тогда проследи за *ней*. Только сама не лезь

в нору.

— Проследи за кем? — Дити повернулась к живой изгороди.

Девочка в переднике спешила к тому месту, где скрылся кролик.

— Ой, — сказала Дити. — Но с ней-то в норе ничего плохого не случилось. Ты же знаешь, Зебадия, ничего плохого.

— Нет, но у Алисы была куча проблем, пока она не выбралась. У нас нет на это времени, это не то место, где мы можем остаться.

— Почему нет?

— Потому что Англия середины девятнадцатого века *не могла* похвастаться продвинутой медициной.

— Зебби, — вмешалась Хильда, — это не Англия. Посмотри в кармане. Листок, который я тебе дала.

Я развернул клочок бумаги и прочел: «Страна Чудес».

— Она и есть, — согласился я и передал бумажку жене. — Но декорации смоделированы на основе Англии примерно тысяча восемьсот шестидесятых. Тут либо вообще нет медицины, как в Стране Оз, либо медицина до-пастеровского

уровня. Даже до-земмельвайсовского[130], поскольку англичане с осторожностью перенимали новомодные идеи с Континента. Дити, ты хочешь умереть от родильной горячки?

— Нет, я хочу посетить Безумное Чаепитие.

— Мы можем устроить его прямо здесь, поскольку я сошел с ума несколько вселенных назад, а сейчас самое время обедать. Язва, ты получаешь Орден Нострадамуса с бриллиантами. Он будет вручен как можно скорее. Могу я задать тебе два вопроса?

— Всегда пожалуйста.

— Говард Филлипс Лавкрафт есть в этом списке?

— Он получил только один голос, Зебби. Твой.

— Слава Ктулху! Язва, его истории завораживают меня так же, как змея — птичек. Однако я бы лучше угодил в мир «Короля в желтом»[131], чем в любой из миров «Некрономикона». Уф! Какие-нибудь ужасы набрали четыре голоса?

— Нет, дорогой. Остальные предпочитают хеп-

---

[130] Сноски: 130

Игнац Филипп Земмельвайс — венгерский акушер, внедривший в медицину практику мытья рук.

[131] Сноски: 131

Хасутр, Неназываемый, он же «Король в желтом» — персонаж А. Чамберса, заимствованный Г. Ф. Лавкрафтом. — *Прим. С. В. Голд.*

пи-энд.

— И я тоже, и я! Особенно когда это касается моей шкуры. А имя Хайнлайна там есть?

— Четыре голоса, но за разные вещи. Два за «Историю будущего». Два за «Чужака в стране чужой». Так что Хайнлайн не прошел.

— Ну, я-то не голосовал за «Чужака» и не буду смущать вопросами, кто это сделал. Господи, некоторые писатели на что только не пойдут ради денег.

— Сэмюэль Джонсон говорил, что ради чего-то иного пишут только дураки.

— Джонсон был жирным, чванливым, прожорливым грязным старым дураком, которого ждало заслуженное забвение, если бы за ним всюду не следовал тот слюнявый подхалим[132]. Или лучше сказать «полудурок»? А Пол Андерсон есть в списке? Или Нивен?

— Зебби, это куда больше двух вопросов.

— А я еще не добрался до второго вопроса… а он такой: что у нас на ланч? Или на безумное чаепитие?

— Сюрприз! Глинда оставила в нашей гарде-

---

[132] Сноски: 132

Сэмюэль Джонсон (1709–1784) — английский писатель и критик. Известность Джонсону во многом принесла биография, написанная Дж. Босуэллом. — *Прим. С. В. Голд.*

робной битком набитую корзинку для пикника.

— Я ее не видел.

— Ты не смотрел в шкафу. А я проверила его первым делом, когда мы покинули Страну Оз. — Хильда усмехнулась: — Можно ли сэндвичи из Страны Оз есть в Стране Чудес? Или они «растают, как дым, как пушинка в огне и навеки бесследно исчезнут»[133]?

— Так иди же за ними, пока я не спустил тебя с лестницы!

Несколько сотен калорий спустя Дити заметила молодого человека, топтавшегося неподалеку. Он, по всей видимости, хотел с ней заговорить, но был слишком застенчив для этого. Вскочив на ноги, она быстро подошла к нему:

— Преподобный мистер Доджсон[134], не так ли? Я — миссис Зебадия Картер.

Он поспешно сорвал с головы свое соломенное канотье — единственную уступку погоде.

— Мистер Доджсон, да, э-э-э, миссис Картер. Мы

---

[133] Сноски: 133

Л. Кэролл, «Охота на Снарка», перевод Л. Яхнина. — *Прим. С. В. Голд.*

[134] Сноски: 134

Чарльз Лютвидж Доджсон (1832–1898) — известен как писатель Льюис Кэролл. Читал лекции по математике в Крайст-Черч, по уставу колледжа обязан был читать проповеди, для чего получил духовный сан диакона. — *Прим. С. В. Голд.*

уже встречались?

— Очень давно, когда я еще не была замужем. Но это не имеет значения. Вы ищете Алису, не так ли?

— О боже! Да, конечно, ищу. Но как…

— Я ее видела. Она спустилась в кроличью нору.

Доджсон вздохнул с облегчением.

— Тогда она в полной безопасности и скоро выйдет обратно. Я обещал вернуть ее и ее сестер в Крайст-Черч до темноты.

— Вы вернули. Я хотела сказать — вернете. То же самое, в зависимости от выбранных координат. Пойдемте, я познакомлю вас со своей семьей. Вы уже завтракали?

— О, послушайте, я не хотел бы мешать…

— Вы не мешаете. У нас еще много осталось, — и Дити решительно взяла его за руку, а поскольку она была сильнее, чем он, то особого выбора у него не осталось — разве что драться с девушкой. Неловко запинаясь и краснея, он подошел с Дити… и поспешно высвободился, как только она ослабила хватку. Мы с Джейком поднялись на ноги, Хильда осталась сидеть в позе лотоса.

— Тетя Хильда, это мистер Доджсон, преподаватель математики в Крайст-Черч-колледже

Оксфорда. Моя мачеха, миссис Берроуз.

— Доброго дня, миссис Берроуз. О боже, я мешаю…

— Совсем нет, мистер Доджсон. Будьте добры, присядьте.

— А это мой отец, доктор Берроуз, профессор математики. И, мистер Доджсон, это мой дорогой муж капитан Картер. Тетя Хильда, не найдешь ли тарелку для мистера Доджсона? Он искал Алису и, должно быть, проголодался.

После официальных представлений молодой преподаватель заметно расслабился, но держался более официально, чем Дити могла допустить. Он сел на траву, аккуратно положил рядом шляпу и сказал:

— На самом деле, миссис Берроуз, я только что пил чай с тремя девочками-сестрами. Одна из них убежала, и вот так я оказался рядом…

Дити проигнорировала его протесты и положила ему на тарелку сэндвичей и пирожных. Хильда налила чая из термоса, и таким образом они пригвоздили его к месту тарелкой и чашкой.

— Не спорь с ними, сынок, — посоветовал Джейк. — Если только ты и в самом деле не хочешь удрать прямо сейчас. С сестрами Алисы все в порядке?

— О да, профессор, они спят в тени у стога сена здесь неподалеку. Но…

— Тогда расслабься и чувствуй себя как дома. В любом случае тебе нужно дождаться возвращения Алисы. Какой областью математики ты занимаешься?

— Обычно алгебраической логикой, сэр, и некоторым образом ее приложением к геометрии.

Преподобный мистер Доджсон сидел лицом к «Гэй Обманщице», в тени ее левого крыла, но ничем не показывал, что замечает этот анахронизм.

— Твои исследования привели тебя к многомерной неевклидовой геометрии?

Доджсон моргнул:

— Боюсь, что в геометрии я весьма консервативен.

— Отец, — сказала Дити, — мистер Доджсон работает не в твоей сфере, а, скорее, в моей.

Доджсон слегка поднял бровь, но ничего не сказал.

— Подозреваю, моя дочь не представилась полностью, — сказал Джейк. — Она миссис Картер, но ее девичье имя доктор Д. Т. Берроуз. Ее специальность — математическая логика.

— И поэтому я так рада, что вы здесь, мистер

Доджсон. Ваша книга «Символическая логика» — веха в нашей науке.

— Но, моя дорогая леди, я не писал книги под названием «Символическая логика».

— Я опять все перепутала, прошу прощения. Это снова вопрос выбора системы координат. Вы опубликуете такую книгу за пять лет до конца правления королевы Виктории. Понимаете?

Он ответил очень торжественно:

— Прекрасно понимаю. Все, что мне нужно — спросить Ее Величество, сколько она собирается править, и вычесть пять лет.

— Именно так. Вы любите играть в сориты[135]?

Он впервые улыбнулся:

— О, очень!

— Может, тогда сыграем? Придумаем по штучке, потом поменяемся и будем отгадывать?

— Ну… только не очень длинные. Я на самом деле должен вернуться к моим юным подопечным.

— Мы тоже не можем здесь задерживаться. Кто-нибудь еще хочет играть?

Но никто не захотел. Джейк с Хильдой собрались прогуляться, Джейк пообещал, что они будут

---

[135] Сноски: 135

Заключение, составленное более чем из трех категорических утверждений.

на виду, а Хильда велела Дити не беспокоиться насчет посуды и остального. Я растянулся на траве, набросив на лицо носовой платок.

— Давайте ограничим число посылок шестью, — предложил Доджсон.

— Хорошо. Но вывод должен быть истинным. Не какой-нибудь чепухой. Договорились?

Оба они работали в молчании, пока я «отдыхал», а на самом деле подглядывал из-под платка — а кто бы на моем месте удержался? Дити некоторое время изображала «леди», но потом улеглась на живот и принялась грызть карандаш — она давно усвоила, что ей лучше всего думается в такой позе.

Сначала она выбрала заключение, которое нужно доказывать, а затем покрыла несколько страниц каракулями, формулируя посылки, сами по себе неполные, но способные привести к этому, и только этому заключению. Сделав так, она проверила их с помощью символической логики и составила список, перемешав посылки в произвольном порядке.

Тут Дити подняла голову и увидела, что молодой математик серьезно смотрит на нее, держа в руке блокнот.

— Закончили? — спросила она.

— Только что. Миссис Картер, вы напоминаете мне мою маленькую подругу Алису Лидделл.

— Я знаю, — сказала она. — Именно так я ее и узнала. Готовы меняться?

Доджсон вырвал листок из блокнота.

— Это нужно решать от первого лица, заключение относится к вам.

— Хорошо, я попробую, — сказала Дити и прочитала:

1. Всякая моя идея, что не может быть выражена в виде силлогизма, на самом деле нелепа.

2. Ни одна из моих идей относительно сдобных булочек не стоит того, чтобы ее записать.

3. Ни одна из моих идей, которая не оказывается истинной, не может быть выражена в качестве силлогизма.

4. У меня никогда не было по-настоящему нелепых идей, о которых я тут же не сообщил своему поверенному.

5. Все мои мечты — о сдобных булочках.

6. Я никогда не обращаюсь со своими идеями к поверенному, если они не стоят того, чтобы их записать.

Дити дочитала до конца и рассмеялась:

— Как это мило! Знаете, это *действительно*

истинно, все мои мечты *сбываются*!

— Вы так быстро все решили?

— Ну, тут же всего шесть посылок. А вы уже отгадали мой?

— Я его еще не прочитал. Сейчас займусь, — и он прочел:

1. В гостиной можно хранить все, что не слишком уродливо.

2. Ничто из того, что покрыто налетом соли, не может быть совершенно сухим.

3. В гостиной нельзя хранить ничего, что хоть немного влажно.

4. Машины для путешествия во времени всегда держат вблизи моря.

5. Ничто из того, что соответствует вашим ожиданиям, не может быть совершенно уродливым.

6. Все, что хранится вблизи моря, покрывается налетом соли.

Доджсон моргнул и спросил:

— Заключение истинно?

— Да.

Он впервые внимательно посмотрел на «Гэй Обманщицу».

— Тогда — я делаю такой вывод — это «машина для путешествия во времени».

— Да… хотя она способна и на другие вещи.

— Она определенно не соответствует моим ожиданиям… хотя я не уверен, что вообще ожидал увидеть машину, путешествующую во времени. До сегодняшнего дня я о них и не думал.

Я стащил платок с лица:

— Хотите прокатиться на ней, мистер Доджсон?

Молодой преподаватель задумался.

— Это серьезное искушение, капитан. Но на мне ответственность за трех девочек, и я не могу их покинуть. Поэтому я должен поблагодарить вас за гостеприимство и откланяться. Извинитесь за меня перед профессором и миссис Берроуз и объясните им, что меня призвал мой долг!

– XXXVI –
Джейк

Наш капитан спросил:

— Ну, Дити, и каково это прощаться без поцелуев?

— Зебадия, я даже не думала об этом. Согласно историческим данным, Льюиса Кэрролла пугали особы женского пола, достигшие половой зрелости.

— И даже если не боялся, — заметила моя дорогая Хильда, — по меньшей мере не особенно любил их общество. Предпочитал их избегать.

— Именно поэтому я и остался рядом. Дити, милая, если бы я ушел с Джейком и Хильдой, он бы тут же удрал.

— А я не могу понять, как он тут вообще оказался, — продолжала Хильда. — Льюис Кэрролл никогда *не был* в Стране Чудес, он просто о ней писал. Но это Страна Чудес, если, конечно, кролики в Англии не носят жилеты и часы.

— Ты рассуждаешь нелогично, тетя Хильда. Кто может лучше вжиться в историю, чем написавший ее человек?

— Хм-м… я думаю, что надо рассмотреть этот вопрос.

— Позже. Всему экипажу приготовиться к вращению. Второй пилот, установки согласно графику. Дити, мы собираемся проверить твою новую программу. Моим голосом, просто для тренировки. Второй пилот, если все сработает, то сразу же выполняйте вращение. Тоже для тренировки. Итак, Марс? Завершение группы.

— Верно, капитан, — согласился я. — Следующая остановка: Марс, Вселенная-Ноль.

— Гэй… *Прыжок!*

Мы тут же оказались в вышине, я нажал кнопку «Выполнить» — и перед нами немедленно появился Марс-Ноль, он был в третьей четверти и, судя по видимым размерам, находился на нужной дистанции.

— Второй пилот, установить следующее вращение по списку.

— Первое вращение третьей группы, десятая вращательная вселенная. Готово!

— Всем приготовиться к вращению! Выполнять!

Открылась звездная бездна, почти как дома… вот только я не увидел ни одного знакомого созвездия.

— Второй пилот, установить следующее вращение и выключить подсветку приборов. Всему экипажу, приготовиться к кувырку.

Мы сделали полное сальто, но никто не доложил о чем-то интересном, а я так и не увидел знакомых созвездий.

— Научный сотрудник, отметь эту как многообещающую, — сказал капитан и включил подсветку приборов. — Готов к вращению, Джейк?

— Установлено, капитан.

— Всем приготовиться к вращению. Выполнять.

Еще одна вселенная, полная звезд, — однако, к моему большому удивлению, эти созвездия были мне знакомы — прямо передо мной была Большая Медведица, и Малая Медведица оказалась на своем месте, и Полярная звезда сияла на конце ручки. Я поспешно проверил верньеры — нет, это не могла быть Вселенная-Ноль… кроме того, Марс из поля зрения исчез.

— Всем приготовиться к кувырку.

Я сидел тихо, пока капитан проводил нас через обычную процедуру сканирования, в любой момент ожидая увидеть знакомое Солнце. Но его не было, как и других небесных тел, по крайней мере, достаточно близко, чтобы не выглядеть

светящимися точками. Зато все появившиеся созвездия выглядели знакомо, за исключением тех, что видны из Южного полушария Земли и которые я знаю не слишком хорошо. Но мне показалось, что я заметил Южный Крест и оба Магеллановых облака, насчет других я был менее уверен.

А вот насчет Льва и Лебедя никаких сомнений не было, как и насчет квадрата Пегаса, и других, что украшают ночное небо Аризоны и прочих мест из северных широт.

— Второй пилот? Где мы?

— Очевидно, в нашей родной вселенной, капитан. И на этот раз Телец с нужной стороны от Ориона. Я проверил.

— Да, но где, черт возьми, *Солнце*? Дити, Хильда, мы, кажется, потеряли Солнце. Кто-нибудь из вас его видит?

— Нет, сэр.

— Нет, капитан Зебби.

— Джейк, мне это совсем не нравится. Следующее вращение установлено?

— Да, капитан, — подтвердил я, — я установил его сразу же, согласно приказу.

— Хорошо. Держи палец на кнопке. Научный сотрудник, как это согласуется с твоей теорией?

Не припомню, чтобы заносил в список вымышленную вселенную, в которой нет Солнечной системы.

— Капитан Зебби, в эту вселенную не вписывается ни один из двух оставшихся миров… зато вписывается любой из дюжины, получивших три голоса — и, возможно, из тех, что ты не стал записывать. Кажется, ты говорил, что в голове у тебя крутится еще чертова дюжина книг. Какие-то из них были связаны с космическими путешествиями?

— Почти все.

— В этом случае мы можем быть в любом из так называемых вымышленных миров, для которых наша вселенная является отправной точкой… но достаточно далеко от Солнца, чтобы оно выглядело как звезда второй или третьей величины. Оно не должно быть слишком далеко, ведь созвездия кажутся знакомыми, но наше Солнце довольно слабая звездочка. Так что это может быть вселенная «Дарковера»[136], «Известный космос» Нивена, мир «Космического легиона» доктора Уильямсона, вселенная «Стар Трека», «Полезотехническая лига» Андерсона или «Галактический

[136] Сноски: 136

Дарковер — серия произведений М. Брэдли с соавторами. — *Прим. С. В. Голд.*

патруль» «Дока» Смита. Или еще что-то. Ты какую-нибудь из этих книг держал в уме?

— Думаю все, а за некоторые даже проголосовал, ты же знаешь.

— Да, знаю.

— Язва, ты упомянула, что в списке есть два пункта, которые совсем не подходят. Назовешь их? Или это нарушит чистоту эксперимента?

— Нет, это ничему не повредит. Мир короля Артура и рыцарей Круглого стола, а также мир хоббитов — «Братство кольца».

— Ну… если мы окажемся в любом из них, то быстро оттуда уберемся. Никаких акушеров. Просто отметим эти места, чтобы посетить их, когда дети будут достаточно взрослыми для путешествий. Джейк, есть смысл оставаться тут дальше?

— Я его не вижу, капитан, — ответил я.

— Зато есть веская причина отсюда убраться. Некоторые вселенные космических опер могут быть очень опасны. Я бы не хотел получить фотонную торпеду, вихревую бомбу или заряд из антиматерии, да что угодно, просто из-за того, что не могу быстро себя идентифицировать. Всем приготовиться к вращению. Выполнять!

В этот раз мы оказались не просто близко к пла-

нете, мы оказались прямо на земле — и может быть, я… возможно, капитану Зебу не стоило просить Хильду назвать два пункта списка — вероятно, это повлияло на результат. Я нашел очень убедительной ее теорию, что мы перемещаемся вовсе не случайно, что это вымышленные миры, которые мы все любим… только тут они во плоти и порой очень жесткой.

Прямо на нас мчался рыцарь в полном вооружении, копье опущено и нацелено. Не думаю, что копье могло повредить «Гэй Обманщицу», но в любом случае этот «славный рыцарь» явно выглядел недружелюбно.

Я не стал ждать приказов, а заорал:

— Гэй! *Прыжок!*

И вздохнул с облегчением, когда нас объяла тьма. Я тут же установил следующее вращение — надеясь, что капитан не заметил, что я этого не сделал сразу после прыжка, не поднимая головы (как того требовал его постоянно действующий приказ). Но либо он не заметил, либо решил об этом не упоминать, потому что следующими словами капитана были:

— Спасибо, второй пилот. Реакция что надо.

— Спасибо капитану, сэр. Следующее вращение установлено. Финал группы три. Обратно

к Марсу.

— Полагаю, можно двигаться. Всем…

— Зебадия! — вмешалась моя дочь. — То есть я хотела сказать, «капитан». Это *все*? Разве ты не хочешь посмотреть на Круглый стол? На короля Артура и его рыцарей?

— Дити, это не был один из рыцарей короля Артура. На нем был пластинчатый доспех. Неужели никто этого не заметил?

— И мне так показалось, — поддержала моя любимая жена. — Но я больше смотрела на его щит. Черненое поле, справа наискосок серебряная полоса, вверху золотое солнце с короной.

— Сэр Мордред, — решила моя дочь. — Я *знала*, что он тот еще гад. Дорогой, ты должен был выстрелить в него из лазерной пушки. Сжечь его дотла.

— И убить того красивого коня-тяжеловеса? Першерона. Или клайдсдейла. Дити, я знаю кое-что об истории доспехов и вооружений. Такие доспехи начали делать не раньше пятнадцатого века, лет пятьсот или больше после времен короля Артура. Если он вообще когда-то был.

— Тогда почему у него был щит сэра Мордреда?

— Вот в геральдике я не разбираюсь. Язва, это был герб сэра Мордреда?

— Я не в курсе, капитан Зебби. Я просто описала то, что увидела. Но ты ведь уже придрался к пластинчатым доспехам, всего лишь потому, что они анахронизм?

— Но история ясно показывает, что…

— В том-то дело, Зебби. Камелот — не история, это *вымысел*.

Наш капитан некоторое время молчал, потом сказал:

— Все, я заткнулся.

— Барсум был набит анахронизмами, как и Оз. Зебби, осмелюсь предположить, что версия Камелота, в которую мы влетели, — лоскутное одеяло из наших представлений о короле Артуре и Круглом столе. Большую часть своих я взяла у Теннисона, а потом многое пересмотрела, когда мне в руки попала «Смерть Артура». А как ты создал свою историю? Их же очень много, все противоречат друг другу, есть из чего выбрать.

— Я не читал ни то, ни другое. Полагаю… хм… Марк Твен обеспечил большую часть моих представлений своим «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура» — по крайней мере, это был мой базис. Еще немного из «Принца Вэли-

анта»[137]. Ну, не знаю. Еще читал кое-какие рассказы для детей, но «Янки из Коннектикута» — это основное. Джейк?

— Капитан, нет никаких сомнений в том, что действительно существовал король или полководец по имени Артур или Артуриус или что-то вроде того, — начал я. — Но я думаю, что большинство людей знают о нем из художественных текстов, которые мало или вообще никак не связаны с реальной исторической личностью (если она действительно существовала). «Меч в камне» и «Король былого и грядущего»[138] — мои любимые. Хотя я читал и другие.

— Но я верю в Круглый стол, верю! — продолжила настаивать моя дочь. — Мы же были прямо там! Почему нам не вернуться и не *посмотреть*? Вместо того чтобы гадать впустую.

— Дити, — мягко сказал наш капитан, — во-первых, потому, что вы с Хильдой не должны оказаться в руках повивальных бабок пятого или девятого века, или как там они назывались.

---

[137] Сноски: 137

«Принц Вэлиант» — американский комикс 30-х годов. — *Прим. С. В. Голд.*

[138] Сноски: 138

«Меч в камне» — первая часть тетралогии «Король былого и грядущего» Теренса Уайта.

Во-вторых, о веселых и кровожадных манерах поведения банды головорезов, именуемых рыцарями Круглого стола, интересно читать в книге, но не испытывать их на собственной шкуре. Тот мужик убил бы нас, если бы нас не спасла наша машина. И опасность в этих краях исходит не только от людей. Здесь водятся старые добрые драконы, виверны и злая магия — не того типа, что практикует Глинда Добрая. Мы узнали — довольно просто и пока без ущерба для себя, — что эти альтернативные миры столь же реальны, как тот, откуда мы явились. Я не хочу углублять эти знания ценой собственного горького опыта или внезапной смерти.

— Джейкоб, — сказала моя жена, — а если бы наша компания состояла из людей, которым не нравятся фантастические истории и они их никогда не читают. Какие бы миры они нашли, отправившись во вращение?

— Не знаю, Хильда. Рискну предположить, что они бы посетили только скучные вселенные, неотличимые от реального мира. Поправка: заменить «реальный мир» на «Вселенную-Ноль», потому что, как верно заметил наш капитан, все эти миры одинаково реальны.

— Джейкоб, почему ты зовешь нашу вселенную

«Вселенной-Ноль»?

— Э… для удобства, я полагаю.

— Именно с этим я пытаюсь разобраться. Разве ты не говорил мне однажды, что все системы отчета равноправны и нет предпочитаемой системы координат? Иными словами, любой мир Числа Зверя может быть точкой ноль-ноль для шести осей?

— Ну… теория требует этого.

— Тогда *мы* сами — просто вымысел во всех этих мириадах вселенных. Я правильно рассуждаю?

Я помедлил с ответом.

— Похоже, это неизбежный вывод. Но я бы хотел как следует это обдумать. Это довольно пугающая мысль. Я имею в виду представление о том, что мы сами — всего лишь плод воображения.

— Я никакой не плод воображения! — возмутилась моя дочь. — Я реальная, реальная! Ущипни меня!.. *Ой!* Эй, Хиллбилли, не так сильно!

— Ты сама попросила, золотце, — сказал капитан.

— Мой муж — грубое животное. И у меня есть жестокая мачеха, как у Белоснежки. То есть у Золушки. А мой папочка думает, что я воображаемая. Но я все равно вас люблю, поскольку вы

все, что у меня есть.

— Если вы, вымышленные персонажи, наконец-то заткнетесь, мы вернемся к нашему шоу. Всем приготовиться к вращению. *Выполнять!*

Марс был там, где и должен быть. Я ощутил себя немножко более реальным.

– XXXVII –
Зебадия

Следующее вращение установлено, капитан. Начинаем четвертую группу. Тринадцатая вселенная вращения. Верно, Хильда?

— Именно так по записям, Джейкоб. Камелот был двенадцатым.

— Проверено. Скажешь когда, капитан.

— Дай сначала отдышаться, — я посмотрел на красноватое, бесплодное, потрепанное лицо Марса-Ноль. — Этот кусок камня — прямо как дом родной. По крайней мере, мы в родной вселенной. Чувствую себя туристом, который пытался объехать тридцать стран за пару недель отпуска, а потом не смог вспомнить ничего, кроме отелей. Шок. Не футурошок, но что-то близкое. Вселеношок?

— Тоска по дому, — заметила Хильда. — Осознание того, что мы никогда не вернемся в Уютную Гавань. Зебби, не стоит об этом думать … или ты однажды проснешься от того, что плачешь в подушку. Но где-нибудь, когда-нибудь, как-нибудь мы построим вторую Уютную Гавань. Правда,

Джейкоб?

Джейк потянулся назад и похлопал жену по колену:

— Обязательно, дорогая.

— Я бы хотела увидеть Канакук, — сказала Дити с тоской.

— Что, Дити, тебе уже надоело быть матерью-первопроходцем?

— Нет, Зебадия. Я знаю, что нам предстоит сделать. Но у меня тоже может быть ностальгия по дому. Как у тебя. Как у Хильды. Как у всех, кроме папы.

— Поправка, дочь. Включи и меня в список. Я не особенно скучаю по Логану, но я не думаю, что Хильда скучает по Калифорнии…

— Ни капельки!

— И я тоже, — признался я. — У меня там была лишь съемная квартира, и все. Никаких сентиментальных привязанностей. А Уютная Гавань была домом для всех нас.

— Правда. Я на самом деле не испытывал ненависти к *панки*, только боялся их, пока они не превратили мой дом в радиоактивный кратер. Теперь я хочу их уничтожить. Всех, — Джейк вздохнул. — Но сначала нам придется отыскать новый дом. Сколь бы комфортной ни была эта

машина, в ней нельзя жить вечно.

— Принято. Научный сотрудник, твоя теория по поводу вселенных вращения, по всей видимости, подтверждается. У тебя есть список. Есть какая-то причина закончить этот график ротаций? Может быть, стоит отправиться прямо по оси «тэ»?

— Я не знаю, капитан. Но время, которое мы потратили на вращения, нельзя считать потерянным. Конечно, в этих мирах мы по большей части просто глазели по сторонам, но если бы мы *не* следовали графику Джейкоба, то эта машина сейчас не была бы такой комфортной. Ты видел другой «форд-фибию» с двумя ванными?

— Хильда, я не видел ни одного даже с *одной* ванной. Да, наше маленькое пространственное искривление — это не только комфорт (и в этом он чертовски хорош!), он позволяет нам оставаться в космосе, пока не закончится воздух. Или еда. Но воздух сейчас наиболее критичен.

— Я думала, что те освежители воздуха, которые сделали люди Карта, решили эту проблему?

— Да, но это временное решение. Рано или поздно нам понадобится планета, на которой можно дышать. А это может быть рискованно.

— В этом вовсе нет необходимости, — заметил Джейк. — Я могу за несколько секунд перенести

нас в Страну Оз или в Страну Чудес. Свежий воздух, и никаких опасностей.

— Джентльмены, мы с Дити не упомянули еще об одном ценном приобретении. Капитан Зебби, не желаешь ли банан?

— Они кончились, Хильда. Я съел последний перед тем, как закопать наш мусор. Пока вы с Дити мыли посуду, перед самым отъездом из Страны Чудес.

— Скажи ему, Дити.

— Зебадия, мы собрали все, что осталось от пикника, вымыли посуду и сложили все в корзинку. Хильда хотела убрать ее в шкаф, но почувствовала, что корзинка вдруг потяжелела. Мы открыли ее и посмотрели. Она была набита так же плотно, как в момент отъезда из Оз. Шесть бананов и все прочее. Честное слово. Можешь сам посмотреть.

— Хм-м… нет, я доверяю докладам подчиненных. Джейк, ты можешь составить уравнения, описывающие корзинку для пикника, которая наполняется сама собой? Как долго это может повторяться?

— Да — на первый вопрос, капитан. Можно составить уравнения, которые опишут что угодно. Что касается второго вопроса — у меня нет данных, придется подождать и посмотреть. Но

математическое описание будет проще для корзины, которая заполняется постоянно, чем для такой, что сделает это один раз и прекращает — пришлось бы описать точку разрыва. Однако меня больше не волнуют естественные — или «неестественные» — законы, которые не работают здесь, во Вселенной-Ноль.

— Язва, в прошлый раз ты порекомендовала завершить вращения.

— Нет, капитан Блай. Я просто указала, что первые двенадцать были не совсем бесполезными. И я могла бы добавить, что мы давно бы закончили оставшиеся три, если бы не тратили время на обсуждения.

— Хильда, золотце, твоему трусливому капитану это время было необходимо, чтобы прийти в себя. Клянусь, как только мы устроимся, все трое отправитесь изучать пилотирование. А потом выберем нового капитана.

— Мы просто переизберем тебя, Зеб. И каждый продолжит делать то, что он умеет лучше всего.

— «Разлажен жизни ход, и в этот ад попал я, чтобы все пошло на лад»[139].

— Ты напутал слова.

---

[139] Сноски: 139
Искаженная цитата из «Гамлета» (*перевод Б. Пастернака*).

— Я всегда их путаю. Что за вселенная ждет нас дальше, Хильда?

— Капитан, у нас еще три, чтобы закончить график Джейкоба, а у меня еще четыре в списке наиболее вероятных. Одна из них совершенно бесполезна для нас — мы не сможем в ней остаться, — но безопасна и забавна. В других трех можно жить, но в каждой есть свои опасности. Если я скажу тебе или Джейкобу или даже Дити, то это может повлиять на исход и мы можем промахнуться мимо самого удачного варианта. Как говорил зав хирургическим отделением в нашем кампусе: «Я не в курсе, давай вскроем и посмотрим».

Я вздохнул:

— Всем приготовиться к вращению. Доклад.

— Пристегнута, капитан Блай, милый.

— Второй пилот.

— Вращение установлено. Эта группа поворотов вокруг оси «t» с обычным замещением на девяносто градусов. Оси «H» и «W» нулевые, «тэ», «тау» и «L» на этот раз становятся пространственными осями, но в группе всего две комбинации, поскольку оставшиеся три вращения дублируют ранее совершенные в других группах.

— Джейкоб, как ты все это запоминаешь?

— Список с вычеркиванием.

— Нет, дорогой, как ты *понимаешь* это?

— Никак. Но главное, что наши шестимерные уравнения работают. Во всяком случае, до сих пор это срабатывало. Хильда, любовь моя, как только ученый начинает думать, что *понимает* некий процесс, его разум становится косным.

— Приготовиться, *выполнять*!

Зеленый огонь…

— Вращение! Выполнять!

Бесформенный красный туман…

— Вращение! Выполнять!

Мы вылетели в звездную вселенную.

— Капитан, эти созвездия выглядят знакомыми, вы не находите?

— Похоже на то.

— Они *и есть* знакомые, — подтвердила Хильда. — За исключением вон той яркой звезды в Близнецах, которой там быть не должно. Так что это должно быть наше старое доброе Солнце. Мы где-то далеко за Плутоном, там, где кометы зимуют. Давайте подойдем поближе и найдем Землю.

— Не торопись, научный сотрудник. Что там было с первым вращением? Зеленый огонь?

— Тебя устроит смертоносная зеленая туман-

ность из «Космического легиона»? Она встретилась на пути к Убегающей звезде, куда увезли похищенную Аладори[140].

— Она была в твоем списке?

— Все четверо проголосовали. Мы трое за все три книги цикла, ты — за первый роман.

— Язва, у меня не было возможности прочитать другие два. Что насчет того красного тумана, в который мы попали?

— Тут разобраться немного сложнее. Это может быть вселенная любой космической оперы, особенно автора, который с уважением относится к астрономии — Клемент, Андерсон и так далее. Но были два голоса за «Известный космос» Нивена и два за «Мошку в зенице Господней»[141]. Я слепила их вместе, чтобы получилось четыре. Независимо от того, имеют ли к этому отношение два старых джентльмена[142], я полагаю, что мы напоролись на звезду — красный гигант… и удра-

---

[140] Сноски: 140

Имеется в виду роман Джека Уильямсона «Космический легион». — *Прим. С. В. Голд.*

[141] Сноски: 141

Роман Ларри Нивена и Джерри Пурнелла.

[142] Сноски: 142

Имеются в виду Л. Нивен и Д. Пурнелл, авторы «Мошки в зенице Господней». В отдаленном будущем, где происходит действие романа, они, безусловно, уже «старые джентльмены». — *Прим. С. В. Голд.*

ли раньше, чем поджарились. Ведь красный гигант — это не только и не столько масса, по большей части он ближе к тому, что мы называем вакуумом. В любом случае мы не пострадали, ведь мы провели там менее двух секунд.

— Меньше, любимая. Я установил все одним щелчком, а палец с кнопки даже не убирал. Капитан, хочешь лететь к той яркой звезде? Или сначала проверим ее спектр?

— Давай сократим дистанцию на тридцать или сорок а. е.[143] — только осторожно, со смещением вбок — и попробуем поймать ее в перекрестье прицела. Может быть, увидим диск, и я сумею измерить угловой размер. Если нет, будем приближаться, пока не появится диск. Измерив его, мы сможем переместиться на расстояние одной а. е. от Солнца, не обязательно в эклиптике, но на поверхности сферы, откуда угловой размер Солнца составляет половину градуса. Оттуда мы без труда обнаружим Землю. А там по обстоятельствам. Второй пилот? Совет.

— Нет проблем, капитан. Но я предлагаю сделать уклонение *побольше*, градусов до пятнадцати. Когда мы добирались до Марса таким же

[143] Сноски: 143

А.е. — астрономическая единица, радиус земной орбиты вокруг Солнца. — *Прим. С. В. Голд.*

манером, этого было достаточно, чтобы просто не столкнуться с ним. С Солнцем я бы хотел быть уверен, чтобы мы находились дальше одной астрономической единицы.

— Джейк, ты *абсолютно* прав! Мне не хочется выжечь себе глаза. Всему экипажу: когда я буду измерять угловой размер Солнца, всем спрятаться от прямого солнечного света и не подсматривать.

— Зебадия, ты ослепишь себя!

— Дити, дорогая, в прицеле есть встроенный поляризатор. Разве я тебе не показывал?

— Нет, сэр, ты *не* показывал. Будь осторожен.

— Золотце, я начну с полностью закрытого поляризатора, а потом постепенно его открою. Обещаю.

— Космический корабль! Идентифицируйте себя!

Этот голос заставил меня вздрогнуть от неожиданности.

— Кто это сказал?

— Ленсмен Тед Смит, лейтенант Галактического патруля, командир патрульного корабля «Ночной ястреб». Сожалею, что был вынужден вторгнуться в ваш разум, но вы игнорировали субэфирное радио семь минут и тридцать две се-

кунды. Включите его, и я выйду из вашего разума. Не маневрируйте: наше оружие нацелено на вас.

— Капитан, — прошептал Джейк, — я установил вращение.

— Не делай этого, Джейк. Ленсмен, у нас нет субэфирного радио. Это континуумоход «Гэй Обманщица», говорит капитан Зеб Картер. Вы читаете меня?

— Читаю вас ясно и четко. Что случилось с вашим субэфирным радио? Вам требуется помощь?

— Капитан Смит, я не знаю, что такое субэфирное радио. Нет, я не думаю, что нам нужна помощь… но нам бы пригодился навигационный совет. Где мы находимся?

— В данный момент важно, что вы находитесь в моем секторе патрулирования. Вы — корабль вне расписания и без должной идентификации. Повторяю: НЕ МАНЕВРИРУЙТЕ. Это приказ Галактического патруля. Вы понимаете?

— Принято, Ленсмен. Сожалею, что мы вторглись в ваше патрулируемое пространство. Это частный корабль, и мы занимаемся мирными исследованиями.

— Именно это я и собираюсь проверить, капитан. Оставайтесь на месте, не предпринимайте враждебных действий, и вы будете в безопас-

ности.

— Э-э-э, Ленсмен, вы можете видеть моими глазами?

— Вы приглашаете меня это сделать?

— Определенно. Используйте мои глаза, используйте мои уши. Но не пытайтесь захватить контроль над разумом, иначе наш корабль исчезнет, — я хлопнул второго пилота по коленке, и Джейк поставил большой палец на кнопку «Выполнять».

— Я предупредил вас: не маневрировать. А… интересно…

И тут Хильда взорвалась:

— Лейтенант, прекратите нам угрожать! Ленсмен должен быть офицером и джентльменом! Я собираюсь подать на вас рапорт на Главную Базу, самому порт-адмиралу! Вы — грубиян!

— Простите, мадам. Я не хотел вас оскорбить, но я должен исполнить свой долг. Капитан, не могли бы вы повернуть голову, чтобы я мог видеть, с кем разговариваю?

— Конечно. Но позвольте мне представить всех. Справа… — я посмотрел на Джейка, — доктор Джейкоб Берроуз, — про второго пилота я решил не упоминать. — Позади него… — взгляд на Хильду, — его жена, доктор Хильда Берроуз,

ксенобиолог и научный сотрудник… и позвольте мне дать вам совет, Ленсмен: оскорблять доктора Хильду *очень* небезопасно.

— Мне тоже так показалось, капитан. Мадам, я не намеревался вас оскорблять, но у меня есть долг. Вы хотите, чтобы я полностью покинул ваш разум? Если вы заговорите со мной, то я услышу вас ушами капитана Картера. А он, если пожелает, повторит вам то, что говорю я.

— О, я полагаю, что все в порядке, пока мы просто беседуем. Но глубже в мой разум не заходите! Ментору[144] это не понравится — и вы это прекрасно знаете!

— Доктор Хильда, упоминание… определенного существа… меня удивляет — ведь вы не Ленсмен.

— Мне *не нужна* Линза. Можете проверить на Эрайзии.

Я торопливо вмешался:

— Может быть, мы продолжим представление? Прямо за мной, — я ослабил ремень и повернулся, чтобы видеть Дити, — моя жена, доктор Д. Т. Картер, астронавигатор и главный специалист по символам. Ленсмен, вы удостоверились, что мы

---

[144] Сноски: 144

Ментор — представитель планеты Эрайзия, вступивший в контакт с патрульным Вирджилом Сэммзом и вручивший ему первую Линзу Эрайзии. См. роман Э. Э. Смита «Первый Ленсмен». — *Прим. С. В. Голд.*

мирная научная экспедиция? Или хотите знать что-то еще?

— Капитан, я вижу, что у вас не пиратское судно — ни оружия, ни брони. О, я заметил панель управления световой пушкой, но пирату от нее будет мало толку. Также я не могу представить себе, чтобы двое мужчин и две женщины рискнули атаковать космический лайнер. Но это лишь одна из зон моей ответственности. Ваш корабль, сколь бы мал он ни был, может перевозить контрабанду на миллионы кредитов.

— Скажи прямо, что думаешь, Ленсмен! — рявкнула Хильда. — Наркотики! Только не используй слово «цвильник»!

Мы все могли слышать, как он мысленно вздохнул.

— Да, доктор Хильда, наркотики. Но не я первым сказал это оскорбительное слово.

— Я слышала, как ты о нем подумал. Не делай так больше.

— Ленсмен, — вмешался я. — У нас на борту имеются медицинские препараты. Единственное, что вас может заинтересовать, — это несколько миллиграммов морфина в аптечке. Доктор Хильда исполняет обязанности медика и умеет его использовать — и я тоже. Будучи пилотом,

я умею оказывать первую помощь. Но у нас нет ни *тионита*, ни *бентлама*, ни *хадива*, ни *нитролаба*. Используете свою Линзу, вы увидите, что я говорю правду.

— Капитан, все не так просто. Прежде чем обратиться к вам, я попробовал вас слегка прощупать… не возмущайтесь, доктор Берроуз, это было по долгу службы! И я не думаю, что когда-либо сталкивался с четырьмя умами, столь крепко заблокированными. И ваш корабль — он очень любопытный. Он явно создан для полетов в атмосфере, а не в космосе. И все же вы тут, где вас быть не должно, — и я не понимаю, как вы сюда попали. Боюсь, у меня нет иного выбора, кроме как задержать вас… и тщательно осмотреть ваш корабль. Разобрать его на кусочки, если потребуется.

— Ленсмен, — сказал я, стараясь придать голосу убедительности, — давайте не будем спешить. Используйте свою Линзу. С ее помощью вы можете обыскать наше судно куда более тщательно, чем любым другим способом. Давайте, нам нечего скрывать… и у нас есть что предложить Галактическому патрулю. Но вы ничего не добьетесь, если будете на нас давить.

— Они ничего не получат! Капитан, давайте

уйдем отсюда! Эта ерунда мне уже надоела!

— Подожди минутку, доктор Хильда, пожалуйста! Капитан Смит, используйте свою Линзу. Обыщите нас с ее помощью.

— Я вынужден сказать, что не могу этого сделать.

— Вы не знаете *как*? Вот черт! Что вы делаете в Патруле? Свяжите нас с кем-то, кто *может* правильно использовать Линзу. Киннисон, Ворсел, Тригонси. Кто-то компетентный.

Мысли Смита были столь же жесткими, как и его слова:

— Я не Ленсмен Второй Ступени. И у меня даже нет независимого статуса. Офицер моего ранга не беспокоит Ленсменов Второй Ступени незначительными патрульными проблемами. Оставайтесь на месте и не пытайтесь маневрировать. Мы подойдем к вам и заберем в наш грузовой отсек. Для этого вы должны сложить крылья. Пожалуйста, сделайте это сейчас. Ничего более.

— Подождите-ка! Во-первых, вы *не можете* этого сделать, пока я вам не разрешу. Вы не задумывались, *как* мы тут оказались? Подумайте над этим, Ленсмен! Хотелось бы показать наши воз-

можности сэру Остину Кардингу[145]… и передать Патрулю. Если вы не поможете, то мы отправимся на Главную Базу *без* вашего позволения. Пока доктор Хильда будет составлять полный рапорт об этой встрече для порт-адмирала, мы с доктором Берроузом покажем сэру Остину то, чем мы можем здорово помочь Патрулю. Но мы не поедем *никуда* как ваши пленники, Ленсмен, зарубите это у себя на носу!

— Я навел на вас транспортный луч. Не сопротивляйтесь.

— Гэй, прыжок! Гэй, прыжок! Гэй, прыжок! Гэй, прыжок! Гэй, прыжок! Гэй, прыжок! Ленсмен, вы уже нашли нас? Вызываю Ленсмена Теда Смита, вызываю Ленсмена Теда Смита…

— Я вас обнаружил. Что вы сделали?

— Это я расскажу сэру Остину, вы все равно не поймете. Я намеренно не уходил далеко, чтобы вы *смогли* найти меня снова. Но если вы тронете нас еще раз своими чертовыми лучами, я уберусь так быстро и далеко, что вы никогда меня не найдете! Пока вас не вызовут на Главную Базу, чтобы

---

[145] Сноски: 145

Сэр Остин Кардинг — «гениальный математик, создатель новейшего раздела математики, позволившего разработать теории позитрона и отрицательной энергии, или негэнергии». См. роман Э. Э. Смита «Серый Ленсмен». — *Прим. С. В. Голд.*

выяснить, как вы провалили этот контакт. Вы согласны не использовать лучи или оружие, пока мы общаемся как цивилизованные люди? Или хотите снова поиграть в пятнашки? Решайте!

Ленсмен, похоже, задумался. Но длилось это несколько мгновений.

— Я предлагаю, чтобы ни вы, ни я не предпринимали никаких действий во время разговора.

— Ни оружия, ни лучей?

— Ни оружия, ни лучей, никаких мысленных оговорок.

— Никаких оговорок с моей стороны, Ленсмен. Флаг перемирия, пока мы болтаем у костра. Согласны?

— Согласен, капитан Картер.

— Спасибо, сэр. У вас безынерционный привод Бергенхольма, поэтому ваш «Ночной ястреб» очень быстрый. Верно?

— Довольно быстрый — верно.

— Ограничен только мощностью двигателя и количеством массы в так называемом пустом пространстве.

— Я не могу обсуждать возможности моего корабля, капитан. Закрытая информация.

— Ничего, зато я *могу* обсуждать возможности моего. Все открыто, но я предпочитаю отдать све-

дения Галактическому патрулю, а не сделать их достоянием общественности… например, чтобы их использовали босконцы.

Я ощутил, как при этих словах Ленсмен мгновенно напрягся, как он тут же погасил напряжение, и поспешил его успокоить:

— Я переборщил с этим… прошу меня простить. Я просто хотел, чтобы вы знали — нас надо принимать всерьез. «Ночной ястреб» быстрый корабль, но «Гэй Обманщица» необычайно быстра. Она *немыслимо* быстрее. Вы же видели, как быстро я преодолел ваш транспортный луч и поменял дислокацию? Нужна повторная демонстрация?

— Не сейчас. Возможно, позже.

— Как пожелаете, Ленсмен. Мы собираемся на Главную Базу. Мы можем сделать это тремя способами. Получив от вас дружеский совет в области навигации, и с вашим сообщением через субэфир или Линзу порт-адмиралу о нашем прибытии. Или мы можем закончить нашу беседу, предоставив вам решать, захватить нас или разнести в клочья — выбор не имеет значения, поскольку вам не по силам ни то, ни другое, — и сами отправимся на Главную Базу, уже без вашей помощи. Но я рекомендую вам третий вариант: примите на борт нас и нашу машину к себе *в качестве*

гостей. Просто дайте слово Ленсмена, что мы и наша машина можем в любой момент отбыть и что вы не возобновите враждебных действий… поправка: ограничительных действий в отношении нас, пока мы не окажемся за пределами вашего корабля. При этих условиях я позволю вам осмотреть наше судно. Вам лично, я имею в виду, а не криворуким механикам, которые могут повредить оборудование, в котором ничего не понимают. Вы увидите, что у нас есть полезные для Патруля технологии… и вам зачтется, что вы признали их ценность и доложили о них.

— Ленсмен не ищет похвалы, капитан, он исполняет долг.

— Истинно. Но когда порт-адмирал хлопает вас по плечу, я не думаю, что вы плюнете ему в лицо.

Я почувствовал, что Тед Смит криво усмехнулся:

— Нет, не думаю, что мне настолько повезет.

— Я был бы рад увидеть, как вас хлопают по плечу, вы кажетесь мне человеком, который пытается действовать лучшим образом в уникальных обстоятельствах. Ради этого я скорее не позволю доктору Хильде написать рапорт

порт-адмиралу: она ест которлов[146] на завтрак. Так что? Решим все по-дружески? Или мы будем удирать, а вы будете пытаться нас задержать? Обдумайте ваше решение, я подожду. Десять секунд, например. Я терпелив.

Смиту хватило трех секунд.

— Решим все по-дружески.

— Хорошо. Произнесите все вслух, пожалуйста.

— Капитан Картер, от имени Галактического патруля и властью, данной мне как капитану Патрульного корабля в пространстве, я приглашаю вас — и отдельно доктора Хильду, которая ест которлов — вместе с вашим кораблем на мой корабль *в качестве гостей*. Вы и ваш корабль можете отбыть в любой момент, Патруль не предпримет никаких действий против вашего корабля, пока он не окажется за пределами моего. По меньшей мере на таком же расстоянии, как мы сейчас. Это честно?

— Для меня звучит честно. Насколько мы далеко?

— Чуть более миллиарда миль. Хотите в километрах? Я заметил, что приборы у вас в кило-

---

[146] Сноски: 146

Которлы (или *«ольгоны»*) — раделикские крылатые барсы. Отличаются крайней свирепостью. См. роман Э. Э. Смита «Серый Ленсмен». — *Прим. С. В. Голд.*

метрах.

— Мы понимаем обе шкалы. Вы в свободном движении или инерциальном? Как вы ориентированы, Ленсмен?

— Мы инертны, но приблизимся в свободном движении, потом я снова перейду в инерциальный режим, мы подойдем к вам, выровняем скорости и заберем вас внутрь. На все три маневра уйдет меньше часа.

— Подождите, Ленсмен! К чему менять позицию, тратить время и энергию? «Ночной ястреб» должен быть огромным по сравнению с нами. Я могу подойти к вам куда быстрее и без затрат энергии — если вы поделитесь навигационными данными.

— Какие данные требуются, капитан?

— Ваша скорость и… Нет, у меня есть предложение. Вы используете мои глаза. Могли бы вы направить мой корабль? Тогда вы получите некоторое представление о том, на что способна «Гэй Обманщица». Мы в любом случае передадим ее технологии Патрулю, и вы можете, если захотите, стать первым офицером, управлявшим кораблем такого типа. Годится?

Я видел, что все мы ощутили вспышку радости и профессионального интереса Ленсмена.

— Да, капитан! Я передал управление «Ястребом» моему астронавигатору. Как мы это сделаем?

— Что вы хотите сделать первым делом, лейтенант Смит? Совместить вектора движения? Или сблизиться с вашим кораблем?

— Обычно мы сближаемся, потом совмещаем. Но если можно в обратном порядке, то задача с векторами проще. Могу я?..

— Конечно. Используйте мои глаза, чтобы инструктировать мои руки. Не пытайтесь их контролировать.

— Я не могу их контролировать, капитан, и не стал бы, если бы мог. Я только недавно научился видеть глазами других существ через Линзу — специальный обучающий курс под руководством Серого Ленсмена.

— Того самого Серого Ленсмена?

— Нет, *нет!* Не Второй Ступени. Доктор Джерри Догени, психолог. Мы можем начать?

— Да. Скажите мне, куда повернуть это ведро. Хочу прицелиться пушкой в направлении вашего вектора.

— Очень хорошо, сэр. Измените положение так, чтобы я мог видеть Ригель. Вот! Можете вывести в поле зрения еще и Сириус? Хорошо! Представь-

те точку посредине между ними и сдвиньтесь к югу на девять градусов. Бета Зайца. Третьей величины, но больше там ничего нет.

— Эта, Ленсмен?

— Точно! Теперь чуть влево от нее — *стоп*! Поднимите нос на волосок… *стоп*! Держите так. Думаю, это лучшее, что можно сделать с помощью прицела, капитан.

— Достаточно хорошо?

— Да. При заходе на посадку «Ночной ястреб» скомпенсирует отклонения. Мы движемся вдоль этой линии относительно вас со скоростью девяносто семь тысяч триста шестьдесят две и шесть десятых километра в секунду. Но меня устроит все, что будет близко к ста тысячам.

— Плюс девять семь три шесть два, запятая, шесть в секунду — установлено, капитан.

— Меняем скорость. Выполнять. Спасибо, доктор Берроуз.

— Сейчас получу рапорт… рехнуться можно! Мой навигатор говорит, что вы неподвижны относительно нас.

— Все, как вы просили, Ленсмен. Теперь покажите направление на ваш корабль и скажите, как далеко вы находитесь.

— Одну секунду… Поймайте в прицел Денеб.

Вот так. Теперь — медленно» — в сторону Угольного мешка — *стоп!* Готово, капитан. Мы от вас в одном миллиарде шестиста девяти миллионах четырнадцати тысячах трехсот двадцати километров.

— Перемещение ось «L», положительное, один шесть ноль девять ноль один четыре три два ноль точка ноль — установлено, капитан.

— Не выполнять, доктор Берроуз. Ленсмен, дистанция верная?

— Я слышал доктора. Все верно.

— И еще вы сказали, что мы неподвижны друг относительно друга. Капитан, хочу *промахнуться* мимо вас и по расстоянию, и по направлению, — я чуть сдвинул прицел в сторону Денеба. — Доктор, пожалуйста, уменьшите текущую настройку на десять тысяч километров.

— Минус десять тысяч. Установлено, капитан.

— На самом деле опасности нет, капитан Картер, так как «Ночной ястреб» сейчас идет без ускорения. Даже в крайне маловероятном случае прямого попадания с расстояния в миллиард миль мой корабль легко уклонится в сторону и на вашем не будет ни одной царапины.

— Ленсмен, вы знаете, как работает мой корабль?

— Нет, но…

— Никаких «но», сэр. Поверьте мне на слово, при прямом попадании, даже если ваш корабль будет идти на безынерционной тяге, получится самый впечатляющий взрыв, который вы только видели. Но мы его не увидим. Оба корабля превратятся в расширяющееся облако плазмы, а наши экипажи получат кто арфу, а кто совок для угля. Согласен, что вероятность попадания мала… но я осторожный шкипер и лучше перестрахуюсь.

— Как и я, капитан, поэтому «Ночной ястреб» переходит в безынерционный режим.

— Разумное решение. Всем приготовиться к перемещению. Выполнять! Ленсмен, где мы сейчас?

— Когти Клоно! Вы неподвижны относительно нас, шестьдесят восемь сотен миль — это десять тысяч девятьсот сорок километров. Мы видим вас у Канопуса, а мы для вас в Драконе.

— Можете обеспечить нам маяк? Мерцающий, если возможно.

— Конечно, капитан. Видите его?

— Ага… поймал. Доктор, пожалуйста, установите перемещение. Мне нужен недолет до этого маяка на полмили.

— Установлено, капитан.

— Выполнять.

По левому борту в пяти километрах от нас плыл огромный звездолет — маяк на нем погас, как только мы появились, но слабый свет далекого солнца позволял нам его видеть.

— Капитан, это самая потрясающая демонстрация пилотирования, какую я когда-либо видел. Спасибо, что позволили принять в ней участие.

— Я бы не смог сделать это без вас, Ленсмен. Теперь вы поняли, что у нас есть кое-что полезное для Патруля?

— Я знаю, что есть! Не могу дождаться, чтобы посмотреть на ваш корабль своими собственными глазами, а не вашими. Капитан, если вы позволите использовать транспортный луч, мы примем вас на борт. Все будет аккуратно, мы все еще в безынерциальном полете.

— Ленсмен Смит, вы знаете свой корабль так же хорошо, как я свой. Я не хочу, чтобы вы воздействовали на меня *чем угодно*, даже световым лучом, пока не будет гарантий, что наше относительное движение совпадает до девятнадцатого десятичного знака. Но у меня нет оборудования для таких измерений. Как вы заметили, наше судно начало жизнь в качестве атмосферного летательного аппарата. Однако я полагаю, что

у вас такое оборудование есть.

— Конечно. Мой астронавигатор сделает нужные поправки, чтобы соответствовать вашим требованиям безопасности. То есть — относительное движение менее десятой дюйма в час. Вас это устроит?

— Да. У вас есть искусственная гравитация на борту?

— Да, капитан. Но в грузовом трюме она будет выключена, пока ваш корабль не будет закреплен на палубе.

— Хорошо. Одну минутку. Привет, Гэй.

— Привет, Зеб.

— «Гэй Обманщица», сложи крылья, опусти колеса.

— Сделано, Зеб. Слышал последние новости?

— Ты Умница, Гэй.

— Почему ты не женишься на мне, Зеб? Чертов бабник! Прием.

— Понял, конец связи, Гэй. Ленсмен, теперь можете брать нас на борт.

— Капитан, я полагаю, что это была запись. Очень на это надеюсь.

— Я тоже. Мы готовы.

Дити пискнула, когда огромный корабль очутился совсем рядом. Затем он слегка отступил,

разошлись створчатые двери, и нас мягко затянуло внутрь. После того как двери закрылись, появилась команда в бронированных скафандрах и закрепила нас на большой плоской поверхности. Вскоре мы услышали шипение, которое постепенно утихло, и голос в моей голове сказал:

— Нормальная теллурианская атмосфера в девятьсот миллибар, капитан. Добро пожаловать на борт! Надеюсь, что вы и ваши спутники окажете нам честь отужинать со мной и моими офицерами в восемнадцать часов по корабельному времени.

— Спасибо, Ленсмен, с удовольствием. А сколько времени сейчас?

— Четырнадцать ноль два десять. Это теллурианские единицы, не галактические стандартные. Внутренний Патруль синхронизируется с Главной Базой.

Я поправил внешнее кольцо на моих часах, проверил время Гэй и записал разницу.

— Уловила, Дити?

— Да, сэр. Приятно, когда голова работает как обычно.

— Капитан, я собираюсь покинуть ваш разум и спуститься к вам, чтобы поприветствовать лично. Парадная форма?

— Пожалуйста, оставьте ее в покое, Ленсмен. Прежде чем мы покинем наш корабль, я хочу показать вам еще одну вещь, которую он может делать. Вы можете остаться у меня в голове и наблюдать. У вас есть офицер с навыками пилота, который захотел бы прокатиться на нашем корабле?

— Уверен, что всем, так что я пошлю самого молодого из нынешней вахты, лейтенанта Нганагана.

— Мы ждем его. Дити, открой дверь в переборке и пристегнись там, как тогда на Барсуме. Хильда, придержи дверцу открытой. Дити, обещаю, что ты ничего не пропустишь. Всему экипажу: оставаться пристегнутыми.

К тому моменту, когда место Дити освободилось, прибыл запыхавшийся молодой лейтенант.

— Входите, лейтенант, — сказал я, открыв дверь. — Пролезайте через меня и пристегивайтесь. Представления потом. Хильда, помоги ему, пожалуйста.

Я проверил герметичность двери, а Хильда доложила:

— Он пристегнут, капитан.

Дити доложила, что она готова.

— Гэй, прыжок! — тут же сказал я.

Лейтенант Нганагана ахнул, а голос в моей голове спросил:

— Капитан Картер, что вы сделали?

— Просто демонстрация. Вы отметили нашу позицию? Мы у вас на экранах?

— Э-э-э… да, вы в шестидесяти двух тысячах ста пятидесяти милях от нас.

— И четыре десятых, — поправила его Дити. — Ленсмен, вы ошиблись на четыре десятых.

— Прошу прощения, доктор Картер, вы правы. Это около… ста тысяч километров. Однако трюм был закрыт!

— Объяснения позже, Ленсмен, и пока не отвлекайте меня, я буду пилотировать. Доктор Берроуз, я ввел минимальное боковое отклонение, вы можете установить координаты для возвращения точно.

— Ось «L», установка на верньере четыре — установлено, капитан.

— Выполнять.

Мы выскочили в километре от «Ночного ястреба».

Я проглотил ком в горле и не сказал ничего… только порадовался, что моя разболтанная команда встретила все как должное, хотя я рассчитывал на допуск минимум в десять километров.

— Ленсмен, пожалуйста, возьмите нас снова на борт. Я не буду маневрировать.

— Очень хорошо, капитан.

Я представил гостя, пока нас затаскивали на корабль. Молодой офицер, похоже, справился с шоком и приложил героическое усилие, чтобы быть официально вежливым.

— Как ваше имя, лейтенант? — спросила Дити. — Зовите меня Дити, если угодно, мы тут особо не соблюдаем формальности.

— Э-э-э, мэм, в кают-компании меня обычно зовут Гу или Гуп, это сокращение от Агу — что значит «леопард».

Пока мы ждали, когда выровняется давление, я сказал:

— Лейтенант, пожалуйста, передайте капитану Смиту, чтобы он не ждал нас сразу, нам нужно вымыться и переодеться, прежде чем появиться на людях.

— Есть, сэр.

— Капитан, — передал Смит через Линзу. — Мистер Нганагана может провести вас прямо в гостевые каюты. Вполне комфортные и более просторные, чем ваш корабль, я уверен.

— Благодарю вас, капитан Смит, но я уверен, вы знаете — дамы не любят появляться в обществе,

пока они не одеты должным образом. Доктор Хильда, сколько времени нам нужно?

— Дити?

— Тетя Хильда, я могу справиться за сорок пять минут, если ты сможешь.

— Годится.

— Ленсмен, пусть будет пятьдесят минут — семнадцать часов по времени корабля. Теперь… мы можем остаться одни?

— Конечно, капитан. Я не войду в разум любого из вас, кроме как по прямому приглашению.

– XXXVIII –
Дити

После того как Агу покинул нас и двери оказались заперты, Зебадия собрал нас всех в нашей с Хильдой гардеробной.

— Какие планы, шкипер? — спросил папа.

— Джейк, Ленсмен знает, насколько тесен наш салон, и Гуп тоже знает…

— Зебадия, не зови его Гуп! — вмешалась я. — Он А-гу!

— …что кормовой отсек такой маленький, что Дити пришлось лечь, чтобы освободить место для него. Но они не знают о нашем искривленном пространстве из Страны Оз и не узнают, если мы сами не покажем. Так что мы их удивим. Они будут ждать, что мы появимся слегка умытыми и, возможно, в чистых комбинезонах. Давайте зададим им жару. Хильда, ты можешь уложить Дити волосы в барсумском стиле?

— Конечно. И она мне сделает не хуже.

— Отлично. Высокие каблуки и самые лучшие вечерние платья — те, в которых вы выходили замуж, если вы не против, но выбор за вами.

Побольше шика и украшений в волосах. Не по барсумским стандартам, но чтобы камней было больше, чем вчера на ужине у Глинды.

— О небеса, это было лишь прошлым вечером!

— Так и было, тетя Козочка. Несмотря на все метания, через которые мы прошли, по времени корабля мы прибыли сюда всего на тринадцать минут позже, чем в Страну Оз. Случай? Или неизбежность? Как это согласуется с твоей теорией?

— Обсудим это позже, дорогие. Джейк, у тебя есть черный галстук?

— У него есть, — ответила тетя Хильда. — Белый пиджак и черный плащ — я все уложила, когда стало ясно, что дозволена дополнительная масса. Потом я все постирала и выгладила в Гелиуме.

— Постирала и погладила? Но *как*?

— Тира может решить любую проблему. Твою одежду Дити тоже постирала. Бедные мальчики — вам каждому нужна нянька.

— Мы на них женились. Отличная работа, девочки.

— Зеб, — с беспокойством спросил папа, — а мы не переборщим?

— Джейк, я намерен это сделать. Они понятия не имеют, как правильно одеваются там, откуда мы прибыли, так что мы создадим собственный

стиль и пустим им пыль в глаза. Надень белый пиджак, он достаточно короткий, чтобы накинуть поверх твоего «Сэма Брауна» и оставить саблю на виду.

— Саблю?

— Саблю. Я одолжу тебе ленточки для лацканов. Сам я намерен надеть медали поверх моей парадной космической формы… предвосхищая твой вопрос — я всегда вожу ее в Гэй, поскольку она бывает нужна только за пределами кампуса. Поверх надену шпагу на ремне… и никому не скажу, что все это плохо сочетается.

— Зебадия, — спросила я, — а ты сможешь танцевать с клинком на поясе?

— А ты проверь меня.

— Проверю, если будет возможность. У них есть искусственная гравитация. Я уверена, что должна быть и музыка. Если появится шанс потанцевать, то я его не упущу.

— Может быть. Сорок минут, давайте приступим. Мне еще надо побриться.

— Сорок три минуты, Зебадия. Мы будем вовремя.

Боже, как мне было весело! Думаю, там было весело всем, и я *уверена,* что тете Хильде тоже. Вы когда-нибудь были на вечеринке, где можно

совершенно законно делить три дюжины мужчин только с одной женщиной? И чтобы все они были молоды, здоровы, привлекательны (как минимум хороши собой) и все ужасно хотят вас развлечь? Даже Ленсмен был немногим старше Зебадии, хотя в волосах у него имелась седина, а на лице — парочка глубоких морщин. Ну, вы поняли.

Я не хочу быть Ленсменом, я хочу быть Дити, быть замужем за Забадией, который мог бы быть Ленсменом — я так думаю! — если бы он родился там тогда, где существуют Ленсмены. Но меня бы это не устроило, потому что жизнь у Ленсменов суровая, они редко бывают дома и редко женятся такими молодыми, как Зебадия. Как сказал мне Льюис Кэрролл — все мои мечты сбываются.

Папе не стоило беспокоиться — Зебадия нисколько не переборщил, потому что повседневная форма Патруля, сплошь черное, серебряное и золотое, выглядела совершенно шикарно. Добавьте к этому медали (на работе они их не носят, но в этот вечер надели) — и получится нечто совсем *вычурное*.

Но на фоне Линзы даже украшения с Барсума кажутся простенькими. Не знаю, чего я ожидала, но в любом случае Линза оказалась чем-то

большим. Самое близкое, что мне приходит в голову, — громадный огненный опал с огнем внутри, а теперь возьмите все это и возведите в куб. Она всех цветов, и цвет постоянно меняется, и свет исходит из Линзы и танцует, точно перед вами световой орга́н, но ярче и живее, и я все еще толком ее не описала.

Я воспользовалась шансом спросить о ней у Ленсмена на «коктейльной» вечеринке с семнадцати до восемнадцати. Я поставила «коктейль» в кавычки, поскольку мой муж предупредил нас, чтобы мы не напивались. И зря, поскольку на борту «Ночного ястреба» если и имелся спирт, то лишь в медицинском отсеке. Напитки подавали прохладительные, включая чай и кофе, но их можно было заказать горячие. Я взяла колу, потому что не ожидала снова ее увидеть.

Позже за ужином они произносили тосты с красным вином, называемым «файалин», но это стимулятор, а не депрессант, и на мой вкус куда лучше алкогольных красных вин.

А насчет Линзы… я спросила Ленсмена Смита — или «капитана», как его звали офицеры, — правда ли, что прикосновение к Линзе убьет любого, кроме ее хозяина?

— Нет! Нет! — воскликнул он. — Это общее

заблуждение. Линза убьет любого, кто попытается ее носить, за исключением владельца, но прикасаться к ней, когда ее носят, совершенно безопасно. Давайте, доктор — прикоснитесь.

Я так и сделала, и отдернула палец — не боль, но дрожь столь интенсивная, что я могу сравнить ее только с оргазмом, но при этом совершенно другая. И я внезапно поняла, что он был в моем разуме.

— Прощу прощения, доктор, — сказал он виновато. — Должен был вас предупредить. Я не забирался глубоко и не узнал ничего такого, чего бы я уже не знал.

— Пожалуйста, не зовите меня доктор. Да, у меня есть степень, но меня так не называют даже в кампусе. Профессором меня тоже обычно не называют, поскольку я не полный профессор, как мой отец, а всего лишь доцент. Зовите меня просто Дити, это мое обычное имя.

— Если вы будете звать меня Тед, дорогая леди.

— Но я *не могу*, сэр. На вашем корабле вы капитан и не можете быть никем другим. Например, я редко зову мужа иначе, чем капитаном, когда мы на борту «Гэй Обманщицы», а отец *всегда* зовет Зебадию «капитаном», если мы в пути. И это несмотря на то, что папа старше, и они больше

чем друзья, они кровные братья.

— Что вы имеете в виду под «кровными братьями»?

— То, что они сражались и убивали бок о бок, сэр. Что еще может это значить?

— Для меня только это. Но некоторые вольно обращаются с подобными словами.

Я вдруг поняла, что сейчас самое время спросить его кое о чем.

— Ленсмен, загляните в мой разум, — и я вызвала из памяти воспоминания о кровавом пикнике около навек потерянного бассейна Уютной Гавани.

— Боже! — сказал он. — Вы и в самом деле имели это в виду. Те самые клинки, что они носят?

— Да, сэр.

— Они управляются с ними не хуже, чем майор ван Вогт с абордажной секирой. Нужна храбрость, чтобы противостоять ими огнестрельному оружию. Какой неприятный тип.

— Продолжайте смотреть, Ленсмен, — и я показала ему «рейнджера» со срезанной одеждой, потом вскрытого Хильдой, а потом и *панкеру* во Дворце Воспоминаний. — Капитан, вы когда-нибудь видели таких паразитов?

— Нет, и надеюсь не увидеть никогда, — и он

вздрогнул, совсем как обычный человек.

— Мне не стоило вспоминать об этом на вечеринке. Но мой муж, отец и доктор Хильда позже захотят спросить вашего совета.

— Они его получат, если спросят. Не уверен, насколько он будет полезен, — Ленсмен нахмурился. — Хотел бы знать… Но позже, позже.

За ужином тетя Хильда была справа от капитана, а Зебадия слева, и моему мужу досталось очень мало внимания, поскольку тетя Хиллбилли взяла Ленсмена в оборот. Конечно, я изучала ее методы, но это нечто такое, что я не могу повторить, так что и не пытаюсь. Возможно, поначалу он мог думать только о том, что Хильда и правда ест которлов на завтрак, но еще когда не убрали суп, как он был убежден, что она милая и остроумная и все такое. Хильда словно котенок — лапки нежные как снежинки… пока она не покажет свои коготки.

Я сидела справа от старшего механика на дальнем конце стола, а папа был слева. Обычно в книгах главные механики — шотландцы, но офицер Ли был родом с Маврикия, в его жилах текла кровь китайцев, тамилов и, как мне показалось, индейцев. Очень любезный мужчина, но большую часть времени я потратила на бол-

товню с майором ван Вогтом, сидевшим справа, поскольку папа и главный механик утонули в уравнениях и почти ничего не ели. Пришлось мне привлечь внимание папы и подать сигнал «нет», когда он начал писать на льняной салфетке. Офицер Ли добыл бумагу, так что скатерть была спасена.

Майор ван Вогт командовал абордажной командой, хотя он признал:

— Но нам редко удается повеселиться таким образом. Так что мы в основном заняты в качестве корабельной охраны, а меня можно назвать местным начальником полиции. Работает в основном мой старший сержант, а я специализируюсь на сне. Я очень хорош в этом деле.

Он был такой огромный, что, даже сидя, мне приходилось задирать голову, чтобы поговорить с ним. Семь футов, как я узнала позже, то есть двести тринадцать и одна треть сантиметра, на сорок три сантиметра выше меня и почти на двадцать выше Зебадии… и в два раза тяжелее моего мужа. Нет, это не было уродством — все абордажники родились на Валерии, где все такими вырастают.

— Значит, все эти медали получены за сон?

— Не все, Дити. Вот эта за то, что я каждый день

совершаю добрые дела, эта — за правописание, а вот эта — за свист.

— Но ведь свистеть может каждый?

— Я делаю это под водой. А ты сможешь?

— Не знаю. Не пробовала. Но морские свиньи могут, думаю, что и я научусь. Попробую вечером в ванне.

— Дити, мне очень жаль, но у нас на корабле нет ванн. Если бы мы знали о твоем визите, парни поставили бы одну специально для тебя.

— О, но одна точно есть, я знаю, я принимала ванну восемьдесят семь минут назад.

— Правда?

— Правда-правда, майор. Она есть на этом корабле, потому что наш корабль находится на этом корабле, — он пошутил надо мной и был уверен, что теперь я над ним шучу. Я попыталась оценить, насколько он широк и мощен. — Сможете протиснуться в дверцу в переборке… — пауза для конвертации, — двадцать дюймов в ширину и сорок в высоту?

— Немного тесно, но если встать боком, ужаться и выдохнуть, то смогу.

— Это самое узкое место, ванные комнаты находятся за поперечной переборкой. Но потолки обеих ванных такие, что немного выше вашей

макушки. Так, мы договорились, но сначала мне надо проверить. Отец, извините меня, Ли… *Папа!*

Папа поднял голову:

— Да, Дити? Какой корень пятой степени из девятисот тридцати двух целых, двух десятых?

— Три, запятая, девять два пять пять шесть плюс.

— Спасибо, дорогая. А теперь, коллега, если мы…

— Папа!

— В чем дело, Дити?

— Капитан Зебадия разрешил принимать посетителей в «Гэй Обманщице»?

Папа моргнул как сова.

— Капитан намерен провести Ленсмена по нашему кораблю сразу после ужина. Затем отправимся мы с главным механиком. Ты можешь спросить у капитана, если хочешь… но я полагаю, что возражений не будет. М-м-м… хотя, по протоколу… Возможно, будет вежливо подождать, пока капитан Смит посмотрит первым.

— Но Агу… мистер Нганагана… был на борту.

— Ему было приказано подняться на борт в качестве посыльного от Ленсмена, дорогая. Это другое дело.

Протокол! Никогда не видела в нем пользы.

— Майор, мы ускользнем быстренько, как только ужин закончится. Наш корабль не так велик, чтобы вместить сразу шесть человек.

Он тихо сказал:

— Я лучше подожду, доктор Картер.

— И когда я перестала быть Дити?

— Когда извлекли корень пятой степени в уме.

— Но это всего лишь ментальная арифметика. Любой может это сделать, если потренируется.

— Да? Моя абордажная секира весит шестьдесят килограмм. Вы можете научиться ей размахивать, если потренируетесь?

— Что? О, это на килограмм больше, чем *я* вешу. Нет… но я могла бы научиться размахивать чем-то, пропорциональным моему весу. Я ведь довольно мускулистая для своего размера.

— Так и есть, доктор. У вас нет таких мускулов, как у меня, ваш скелет их просто не вынесет. Зато у меня нет ментальных мускулов, какие есть у вас, для такой арифметики мне не хватит способностей.

— Майор, если вы не перестанете звать меня «доктором», то я… я… я напущу на вас доктора Хильду. Она ест которлов на завтрак!

— Я это слышал, — он глянул в сторону тети Хильды, которая выглядела крошечной хрупкой

куколкой. — А она умеет считать в уме так же, как вы?

— Она делает нечто более сложное. Ну, для меня сложное. Она знает все. Не все здесь, само собой; мы никогда раньше не были на кораблях Галактического патруля. Но она помнит все, что она когда-либо видела, читала или слышала. И кстати, вы меня нисколько не одурачили, я узнаю боевые медали с первого взгляда, даже незнакомые. Напустить на вас доктора Хильду?

— Дити, я сдаюсь. Это *вы* одурачили *меня*. Вы сказали, что занимались «программированием в кампусе». Я думал, что вы помогаете студентам формировать их учебные программы. Административная работа.

— О нет, я не администратор. У меня степень в компьютерных науках. Математика, не оборудование, хотя программист должен разбираться в аппаратном обеспечении, иначе он не сможет писать хорошие программы. Я числюсь «астронавигатором» на нашем корабле, но я мало занимаюсь навигацией. Большей частью я создаю особые программы пилотирования для нашего автопилота.

— Это вы придумали программу, из-за которой весь корабль встал на уши?

— А вы вставали на уши?

— Ну конечно же! Я про тот маневр, который вы проделали с молодым Нганаганой на борту. Если бы я в этот момент не смотрел на экран в рубке, я бы ни за что не поверил. Я бы не поверил и собственным глазам, если бы не посмотрел на капитана сразу после вашего исчезновения. Дити, это был шок даже для Ленсмена… а у Ленсменов самая стабильная психика в галактике. Но вам, ребята, это удалось — он выглядел таким же ошарашенным, как и я. Как вы *выбрались* из трюма? Его двери даже молекулы не пропустят.

— Майор, я бы хотела ответить на этот вопрос, но *не могу*. Тут работает математика выше моего понимания. Мой отец изобрел этот двигатель, мой муж приспособил его к нашему кораблю, а я лишь программирую его маневры — некоторые из них.

— Вы запрограммировали тот, после которого Гу от страха едва не стал блондином?

— Он вовсе не выглядел настолько напуганным. И да, я это сделала. Мне нравится эта программа — всего два слога, и мы оставили ваш грузовой трюм и оказались в ста тысячах километров. И это совершенно безопасно, поскольку я запрограммировала автопилот принимать голоса

только нас четверых. Если *вы* скажете эти два слога Гэй, она вас не услышит. И она их не услышит, если двери открыты… она должна быть готова к открытому космосу. Да, это хорошая программа, она мне нравится. Я люблю писать реально экономные программы.

Майор вздохнул словно морж, но я промолчала.

— Дити, вы рассказали мне все, кроме того, как выбрались.

— Ну… Вы понимаете концепцию параллельных вселенных?

— Я о них знаю, но я их не понимаю.

— Я не уверена, что трехмерный мозг *может* ее понимать. Но ими можно манипулировать. Мы не *выбирались* из вашего грузового трюма. Папин континуумоход покинул одну точку пространства и через другое измерение попал в другую точку в ста тысячах километров. Моя программа просто говорит «Гэй Обманщице», что делать. Так все и произошло. Поначалу это пугает, но затем привыкаешь.

Я попыталась вспомнить — не было ли приказа не обсуждать подобные материи. Нет, ни мой муж, ни мой отец не говорили о «секретности» чего-либо… и я все равно не могла бы выдать

секреты нашего двигателя, если бы даже попыталась.

— Майор, мы не из этой вселенной.

— Я обдумывал эту идею последние два часа, — сказал он медленно. — Рад, что вы сами вытащили ее на палубу.

— За последние двадцать девять часов субъективного времени мы побывали в семнадцати вселенных. Некоторые очень напоминали нашу, другие были очень странные. Из всех миров, где мы побывали, этот похож на наш родной больше всего — настолько близок, что мы оба говорим на английском. Почти одном и том же — акцент разный, иногда слова другие, но очень похожий.

— Английский не является рабочим языком на корабле, — задумчиво произнес майор ван Вогт.

— Вот как?

— Да. На нем говорят, потому что вы на нем говорите и потому что почти все на корабле его понимают — за исключением нескольких моих голландцев и кое-кого еще. Но стол был организован так, чтобы те, кто лучше знает английский, сидели рядом с вами.

— Очень любезно со стороны капитана. Но я всегда могу договориться. Если я не знаю языка, я размахиваю руками и показываю пальцем…

и спустя какое-то время нахожу общий язык. Но мне приятно оказаться рядом с вами, майор.

— Мне тоже, Дити.

После тостов ужин закончился, но вечеринка продолжилась — с танцевальной музыкой. Я огляделась в поисках Зебадии, но они с капитаном исчезли, так что я поймала Агу и попросила его потанцевать со мной. Восхвалите Клоно! У него была твердая рука, и это все, о чем я просила. Он начал просто, но обнаружил, что я не теряюсь, и стал усложнять движения. Но я и тут не сплоховала, ни разу не сбилась с шага. Веселуха! Вскоре все стулья отодвинули к переборкам, а стол неким образом исчез еще раньше, и Хильда танцевала с офицером, которого я не знала. Когда музыка смолкла, другой офицер, с теми же нашивками, как у капитана, но без Линзы, положил руку на плечо Агу и сказал:

— У ранга свои привилегии, сынок, — и повернувшись ко мне, добавил: — Могу я пригласить вас на следующий танец, доктор?

— Да, если будете звать меня Дити. Спасибо, Агу, это было здорово!

Он ответил широкой, белозубой улыбкой.

— Вы — астронавигатор, — сказала я новому партнеру.

— Да, а вы — астронавигатор на вашем корабле. Мне нужны ваши наставления, коллега.

— Хорошо, мы обменяемся опытом. Но сейчас давайте танцевать.

Он не мог танцевать как Агу, но знал все классические па, и я с удовольствием узнала некоторые из них — и рука у него была твердая. Я могу отличить настоящего мужчину от маменькиного сынка по тому, как он ведет в танце. Некоторые офицеры «Ночного ястреба» танцевали лучше других, но все они вели твердо и уверенно.

Три десятка мужчин могут занять двух женщин очень плотно, так что мы едва не раздолбали туфли, но нам это очень понравилось! Майор пригласил Хильду на танец, и вышло не очень хорошо, поскольку она едва доставала ему до медалей даже на каблуках. Они танцевали в лад, но майор сокращал шаги, а тетя Хиллбилли буквально тянула ноги… но потом майор подхватил ее, усадил на левое плечо и принялся торжественно вальсировать, придерживая партнершу своей огромной рукой. Все аплодировали, тетя Хильда смеялась, осыпала всех воздушными поцелуями и болтала ногами так, что слетела туфелька.

Кто-то ее поймал, и они начали из нее пить файалин и чуть не начали драться за то, кто будет

следующий, в спешке забыв о том, что «у ранга есть привилегии». Майор ван Вогт продолжал вальсировать, и тут мелодия закончилась, ее место заняла другая, на этот раз знакомая. У тети Хильды красивое меццо-сопрано, сильное для ее голоса, и она начала петь:

— Таааам в Миииссуууури, где я узнаааааллла эту мелодию…

…и все подхватили, а те, кто не знал слов, делали вид, что знают.

Промокшая туфелька не очень подходит для танцев, но Галактический патруль в силах справиться с любой чрезвычайной ситуацией. Позже Хильда сказала мне, что обувь ей вернули абсолютно сухой (обдули насухо, я полагаю, словно феном), а внутри обнаружилось что-то вроде талька; офицер, добившийся этой привилегии, без проблем надел туфельку на ее крошечную ножку. И она продолжала танцевать.

Тетя Хильда была первой красавицей бала, но на мою долю тоже досталось немало внимания. Я совсем забыла о времени, но потом увидела своего мужа и внезапно осознала, что не думала о нем три часа семь минут.

Он подошел и забрал меня… Да, Зебадия может танцевать с клинком на поясе. Зазвучала

«Веселая вдова», и мы выделывали под нее такие фигуры — я не подозревала, что он их знает (да, я все еще узнаю что-то новое о своем муже). Танец он закончил с подчеркнутым поклоном, «преклонив колено», я в ответ сделала реверанс почти до палубы, зная, что сильная рука Зебадии подхватит меня. Аплодисменты хлынули на нас волна за волной.

Хильда танцевала с капитаном, мы с ней поменялись, и я едва не испугалась — я танцевала с *Ленсменом*. Но с капитаном Тедом Смитом было так же комфортно, как в разношенных туфлях: он не пробовал ничего вычурного, извинялся за неуклюжесть и за то, что пропустил большую часть вечеринки, и выражал надежду, что его офицеры не дали мне заскучать.

Я заверила его, что все так и было.

— Ваш муж капитан Картер и ваш отец доктор Берроуз показали мне столько потрясающих вещей, что я едва смог оторваться. Затем мне пришлось отправить довольно длинную депешу. В ней были, в том числе, голограммы — поправка: это были стерео — того, что вы мысленно показывали мне ранее. Того самого паразита.

— У нас не оказалось оборудования для съемки голограмм, нас застали врасплох.

— Я бы не сказал, судя по тому, как два героя — и две героини — справились с делом. Ваши муж и отец позволили мне заглянуть в их разумы, чтобы дополнить фото. Я очень впечатлен вами и доктором Хильдой.

Я неожиданно вспомнила подробности и задумалась, могу ли я еще краснеть. Очевидно, что нет. Затем я вспомнила, Ленсменов учат принимать *любые* культурные нормы, а не зацикливаться на родной культуре.

— Ваш отец также показал мне стереоснимок кратера на месте вашего дома и ментальную картину его разрушения. Все снимки, все данные сейчас уже на Главной Базе и рассылаются по всей цивилизации. Мы не знаем, заражена ли наша вселенная, но мы благодарны за предупреждение. Кто предупрежден — тот вооружен.

Я не хотела думать о *панки*.

— Мой муж показал вам нашу ванную?

Ленсмен ухитрился одновременно нахмуриться и рассмеяться.

— Да. Я не понимаю этого и хотел бы увидеть лицо сэра Остина Кардинга, когда *он* это увидит. Единственное объяснение, которое предложил ваш отец, было «магия».

— Капитан, а какое еще слово может подойти

для технологии, которую нельзя объяснить?

— Теорема Кларка[147], да. Но мне бы хотелось увидеть лицо сэра Остина.

Вечеринка закончилась вместе с нашим танцем, невидимый аккомпанемент сменился военным оркестром, который заиграл «Наш патруль». Никто не сказал нам стоять по стойке смирно, но мы все четверо это сделали. Потом молодой офицер проводил нас в каюты. Они оказались больше, чем я ожидала от военного корабля: общая комната и по сторонам две спальни, у каждой небольшая, но оборудованная ванная комната — с душем, без ванны. Я ожидала увидеть двухъярусные койки, но нам предложили широкие двуспальные кровати.

— Зебадия, что это? — спросила я. — Адмиральская каюта? Или номер *Серого Ленсмена*?

— Не думаю — ответ на оба вопроса. Джейк, посмотри на это, — и папа с Зебадией принялись изучать что-то у одной из дверей.

— Ну? — сказал мой муж.

— Они ничего не делают наполовину, верно?

— О чем вы болтаете? — осведомилась тетя Хильда.

---

[147] Сноски: 147

Имеется в виду принцип, сформулированный Артуром Кларком: «Любая достаточно развитая технология неотличима от магии».

— Дорогая, этот номер сконструировали *после того*, как мы поднялись на борт. Вероятно, начали сразу после того, как мы настояли на том, что будем переодеваться внутри машины. Правда, кровати, я думаю, создали за последние два часа. Все правильно, Холмс?

— Элементарно, Ватсон! — мой муж любит порисоваться. — Девочки, мы показали капитану и главному механику, как быстро можно оборудовать две двуспальные койки в Гэй. Впереди для нас с тобой, сзади — для Язвы и Джейка. Капитан взглянул на механика, возможно, что-то передал ему через Линзу, и как только мы начали разбирать первую, механик «вспомнил», что у него срочное дело в двигательном отсеке. Он отсутствовал всего пять минут, потом вернулся. Но я не собираюсь заглядывать дареному коню в зубы, я собираюсь на нем спать.

— А если он тебя укусит, пока ты спишь, Зебби?

— Это проблема коня. Язва, если тебя это беспокоит, можешь ночевать в Гэй. Ты не заблудишься — за дверью налево по проходу, и он приведет тебя прямо в грузовой трюм, где стоит машина, и все боковые двери в нем заперты — для нашего удобства, как сказал механик… хотя наверняка

для того, чтобы мы не шлялись там, где нам не положено. Но мы не пленники, поверни направо, и ты окажешься в кают-компании, где буфет работает всю ночь. А вот эта штука тут — телефон, можно позвонить в буфет или куда угодно, даже капитану.

Следующим утром мы были на Главной Базе.

– XXXIX–
Зебадия

Я проснулся, когда мы перешли в безынерционный режим, а Дити так и продолжила спать. Тошнотворное ощущение, не похожее на невесомость. Меня от него все же не стошнило, а на железный желудок Дити, похоже, вообще не повлияло; она все так же цеплялась за меня словно коала, когда мы, потеряв вес, внезапно подлетели до потолка. Я ухитрился схватиться за что-то и подтянул нас обратно, потом нашел светящуюся кнопку, которую мне велели искать в подобных случаях, ударил по ней, над нами растянулась страховочная сетка — и я снова уснул.

Второй раз я проснулся, когда вернулся вес, заново уложил своего ручного коалу и снова уснул — день был долгим.

Окончательно мы проснулись около восьми и к этому времени успели хорошенько проголодаться. Джейк и Хильда были уже на ногах, в общей комнате, и вовсю ели.

— Лежебоки, — сказала она. — Ничего не осталось, мы все слопали.

— Язва, как мне заказать то, что вы едите? И где ты добыла эти халаты?

— Посмотри у себя в гардеробе, дорогой. Что до заказа — можешь не суетиться, когда я услышала ваш душ, то сделала заказ и на вас. Оладьи, сосиски, яйца-пашот, дыня и молоко для Дити, она ест за двоих. Гренки без масла и кофе для тебя, Зебби, а то ты начинаешь толстеть. Все будет через минуту, вот тот маленький шкаф — что-то вроде кухонного лифта.

Еда прибыла раньше, чем я успел объяснить Язве, куда она может пойти со своими гренками без масла — одинаковый заказ для нас двоих, разве что молоко для Дити. Примерно в девять мне позвонил капитан:

— Капитан, когда вам и вашим людям будет удобно покинуть корабль?

Я был ошеломлен, но ответил тут же:

— Мы можем покинуть его немедленно, если вы желаете, сэр. Мне нужен навигационный совет. Могу предположить, что Главная База ждет нас?

(Я вовсе не хотел, чтобы нас спалили прямо в космосе, у этих парней было такое оружие, на фоне которого ядерные ракеты выглядели духовыми ружьями.)

— Извините, капитан, я должен был сказать,

что мы *уже* на Главной Базе.

— Я все проспал, — сказал я, стараясь, чтобы мой голос звучал как ни в чем не бывало. — Мы можем покинуть вас, как только сможем попасть в наш корабль. Скажем, через десять минут. Или вдвое больше, если «Гэй Обманщица» расположена не горизонтально относительно земли. Я переброшу ее в любой назначенный эшелон высоты, если вы предупредите вашу ПВО, чтобы они ожидали нас именно там, но мне нужно знать истинную горизонталь, поскольку из вашего трюма я буду выбираться вслепую. И мне нужен маяк, чтобы знать, куда садиться.

— Извините, капитан Картер, я снова выразился неудачно. Если не возражаете, мы просто спустимся по трапу… и я надеюсь, что на этот раз вы примете все почести, поскольку порт-адмирал выразил желание встретить вас у трапа.

— Капитан, давайте лучше через Линзу. Что бы *вы* предпочли?

— Зеб, мой новый друг, мы с адмиралом Хэйнсом будем разочарованы, если не будет торжественной встречи. Но мы не настаиваем.

— Хорошо, сэр. Пусть будет полный официоз. В этом случае нам понадобится не меньше часа — достать одежду из «Гэй Обманщицы» и одеться

внутри, если она стоит правильно.

— Стоит.

— Отлично. Я выведу ее из вашего корабля позже. Если вы не собираетесь покинуть Главную Базу сразу после того, как мы сойдем на берег.

— Нет, нас сменил патрульный корабль «Пучеглазая Сова», а моей команде дали увольнительную на несколько дней. Капитан Картер, если вы доверитесь мне, то ваш корабль будет с предельной осторожностью безынерционно перемещен в удобный и безопасный ангар. Сейчас она абсолютно неподвижна относительно Главной Базы, и чтобы уж точно не побеспокоить ваши инструменты и приборы, «Гэй Обманщица» будет перемещена точно в том же расположении, что и сейчас. Под «безопасным ангаром» я имею в виду такой, что не будет поврежден, даже если сама Главная База превратится в расплавленный металл и камень. Это самое защищенное место в галактике. Поверьте мне, сэр, после того что вы мне показали, Патруль тоже хочет защитить ваш корабль не меньше, чем вы сами.

— Вы убедили меня. И кстати, что происходит с открытой водной поверхностью в безынерциальном состоянии? Наши туалеты не похожи на ваши.

(Конечно, не похожи, в их «ватерклозетах» на самом деле не было воды. Нечто много лучшее. Хитрая технология, которую я планировал изучить. А несколько литров воды, вылившейся в нашей волшебной ванной комнате, создали бы бардак, но не катастрофу.)

Ленсмену потребовалось необычайно долгое время — для него, — чтобы ответить. Вероятно, пять секунд.

— Если вред такого сорта был возможен, то он уже был нанесен этой ночью. Если так, то я сожалею и предприму все усилия, чтобы исправить.

— Успокойтесь, капитан, я уверен, что ничего не случилось. Просто любопытство. Предполагаю, что мы отправимся сейчас на наш корабль, а когда вернемся сюда, я вам позвоню. Примерно через час, я полагаю.

— Спасибо, капитан Картер. Сейчас девять ноль четыре ноль семь. Давайте условимся встретиться в кают-компании незадолго до одиннадцати?

— Никаких проблем. Если что, я позвоню.

— Зебадия, я испуганна. Я не имею ни малейшего представления, что такое «торжественная встреча». Как нам себя вести? Как *одеться*? У нас с Хильдой нет нарядной дневной одежды.

— Золотце, прекрати беспокоиться. Торже-

ственно будут встречать *нас*. Поэтому нам не нужно будет делать ни черта, только стоять в ряд и получать почести. Как только они закончат, я отдам честь, а вы все трое слегка поклонитесь — вот *так* — чуть наклоните головы. Нет, мы с Джейком отдадим честь… мы уже установили прецедент. И мы с ним носим оружие все время. Язва, ты говорила, что захватила всю одежду Джейка. Там ведь нет военной формы, правда?

— Есть. Парадная.

— Жаль, что я не знал это вчера вечером.

— А мне нет. Папа и так выглядел просто идеально.

— И я так думаю, Зебби.

— Я называю ее «Глупость Джейка». Зеб, когда меня послали в Пентагон, я тешил себя глупой надеждой, что однажды меня пригласят в Белый дом. Или даже отправят туда с поручением. Но после того как я заказал форму, ее ношение отменили. Поэтому я надевал ее только *один раз*. На бал в честь Дня Армии. Но я в нее теперь не влезу. Слишком широк в талии.

— Джейкоб, у меня есть более свежие данные. Влезешь.

— Да? Но Хильда, дорогая…

— Ш-ш-ш, мой скромник. Тира была готова

все перешить, но мы измерили твою талию по дырочкам в ремне на твоем «Сэме Брауне». Эта униформа *налезет* на тебя, мой стройный герой. Тира лишь отстирала ее и убрала все складки с помощью той волшебной штуки, которую они используют на шелке.

— Я поверю, что она на меня налезет, только когда примерю. Ты захватила обычный ремень? Все-таки «Сэм Браун» — это анахронизм времен Первой мировой.

— Не имеет значения, захватила или нет, Джейк…

— Имеет!

— …поскольку мы создаем собственный стиль и не можем ошибаться. Эта вселенная, по всей видимости, базируется на колоссальной космической опере доктора Э. Э. Смита — или, может быть, наоборот…

— А какая разница, Зебби? Ты все еще зациклен на причинно-следственных связях. Забудь об этом.

— …поэтому она как минимум на два или три столетия в будущем относительно нас… если бы мы были на той же временной оси, но это не так. Поэтому мы *не можем* ошибиться. Выбери тот ремень, что тебе больше нравится. Но мы с тобой

теперь *всегда* при клинках.

— Зебби, а почему мы с Дити не сможем носить наши красивые кинжалы?

— Никакой, если вы хотите. Хотите?

— Пока думаю над этим, дорогой, просто обдумываю.

Мы потратили больше времени на размышления по поводу одежды, чем на само одевание. Я держал мои академические регалии в машине по той же причине, что и униформу — куда вероятнее, что все это понадобится в чужом кампусе, а не в своем, и всегда под рукой, если надо поучаствовать в каком-то официальном мероприятии в своем номинальном качестве профессора. Джейку и Дити не было причин держать мантии, шапочки и все прочее в Уютной Гавани, но три месяца назад они их надели, чтобы посетить церемонию открытия в Логане, а оттуда они отправились прямиком в Гавань, побросав свои мантии на заднее сиденье. В Логан эти мантии оттуда уже не вернулись.

Поэтому мы нарядили доктора Хильду в академическую мантию Дити, и девочки быстренько укоротили ей подол. У Дити широкие плечи, и она на каблуках ростом практически с Джейка. Поэтому его мантия подошла ей хорошо. Капю-

шон Джейка был велик для Хильды, но эти штуки и не должны сидеть нормально, зато у него имелась роскошная подкладка, золотая и пурпурная. Девочки ее почистили немного и убедились, что выглядит все как надо. Прекрасный контраст с голубой подкладкой капюшона Дити.

Но квадратная шапочка Джейка не желала держаться на Хильде и все время сваливалась. Но ничего, та фабрика степеней, в которой я обретался, использовала мягкие докторские шляпы, напоминавшие четырехугольный шотландский берет — прямиком из Средних веков, хотя университет не *настолько* стар. Золотая кисточка сочеталась с капюшоном. Иголки, нитки, немного заколок, и Хильда стала выглядеть в нем отлично.

— Тетя Хильда, и что мы собираемся надеть под это?

— Те прекрасные легкие комбинезоны, которые Тира сшила для нас. И наши кинжалы.

— Но они обтягивающие и полупрозрачные.

— Не совсем прозрачные. И вихревые узоры отвлекают внимание как нужно. Прошлым вечером мы показали куда больше кожи. Капитан Зебби сказал, что мы можем создавать собственный стиль. Я собираюсь надеть телесного цвета

бюстгальтер с подбивкой, в котором была вчера… так что, если меня попросят снять эту ночнушку, я все еще останусь в рамках приличий. Скажи ей, Зебби.

Я был готов поддержать Дити, но неожиданно сменил сторону.

Она не хотела платье в клеточку, слаксы или джинсы (именно такую одежду она носила в Уютной Гавани), она просто хотела быть уверенной, что камуфляж будет сидеть как надо.

— Дити, девочка, ты не заболела? Пару дней назад я видел тебя рядом с Гэй, одетую только в счастливую улыбку, на виду как минимум пяти сотен мужчин и дюжины женщин.

— Но… но это был Барсум!

— А это — Главная База в другой вселенной, и они знают, что мы явились из другой. Язва права, мы создаем свой стиль и не можем ошибаться.

Мы оделись и вернулись в каюту «Ночного ястреба» еще до десяти тридцати, поскольку никакой разлив внутри Гэй нас не задержал. То ли все эти игры с инерцией никак не влияли на воду, либо наши ванные находились в другом мире — вторая теория нравилась мне больше. У меня нашлось время побриться, пока девочки

поспешно перешивали одежду. Я позвонил капитану Смиту и сообщил, что «Гэй Обманщица» не нуждается в его заботе. Потом мы с Джейком порепетировали салют холодным оружием — на счет, сначала вслух, потом про себя, удерживая каждую позицию по два такта — только команда «Клинки… *наголо!*» — а все остальное в полном молчании. Мы были во всеоружии.

Потом мы порепетировали это, поставив между нами собственных жен. Да, когда Дити стоит слева, я способен вернуть клинок в ножны, не выколов ей глаз — ей они нужны оба.

Без пяти одиннадцать мы появились в кают-компании.

Капитан Смит поклонился нашим дамам, пожелал доброго утра и обменялся с нами рукопожатиями.

— Спасибо за оперативность, капитан.

— Нас ничего не задержало, вода в ванных комнатах не пролилась.

— Правда? Я рад это слышать… и был бы рад посмотреть на этот феномен… позже. Порт-адмирал готов… если вы готовы.

— Мы готовы. Какова церемония, капитан?

— Очень простая. Вы вчетвером сходите с корабля первыми, я следую за вами. Порт-адмирал

и его сопровождающие будут стоять лицом к трапу примерно в тридцати футах от его подножия. На полу есть золотая линия — на полпути между трапом и порт-адмиралом. Когда вы остановитесь на этой линии, то будет оказан торжественный прием, а сразу после него порт-адмирал просит вас проследовать за ним в его кают-компанию на ланч… если вам удобно. Если нет…

— Удобно. Пожалуйста, так ему и скажите.

— Я так ему и сказал, — да, Линзу можно использовать и так! Никаких звонков и посыльных. — Собирался сказать, что потом вас отведут в гостевые помещения и что в ангар для «Гэй Обманщицы» можно попасть через короткий проход прямо из ваших комнат.

— Очень удобно и любезно. Можем начинать, сэр?

— Сюда, пожалуйста.

Когда мы дошли до «квартердека» — большого отсека с ведущим наружу люком, — стало понятно, как постарался Ленсмен Тед Смит. Я заподозрил, что нас ждет, когда увидел, как он оделся — униформа из черного, золота и серебра, еще более роскошная, чем та, в которой он был

вчера, и начищенные «деламетры»[148] на бедрах. Я ожидал, что он будет при полном параде, поскольку он говорил о «торжественной встрече», но не ожидал некоторых, видимо, традиционных вещей. Вахтенным офицером у трапа оказался астронавигатор (вполне логично), а вот под мышкой у него была древняя подзорная труба — тоже вполне логично! Я задумался, рабочая она или муляж, но потом решил, что Патруль не опустится до подделки.

После этого я не удивился караулу из восьми человек и не удивился (но был весьма польщен), увидев, что это не простые матросы, а младшие офицеры.

Корабельная стража занимала большую часть палубы — около пятидесяти голландцев с Валерии, все габаритами под стать своему командиру, требуют больших объемов. При нашем появлении майор ван Вогт рявкнул: «*На… караул!*», и пятьдесят абордажных секир взмыли вверх, а потом резко опустились.

Я дважды спросил позволения покинуть корабль, сначала у капитана, поскольку он при-

---

[148] Сноски: 148

Деламетры (DeLameters) — личное энергетическое оружие Патрульных, стреляет лучами переменной мощности, в русских переводах Саги о Ленсменах фигурируют как «пистолеты». — *Прим. С. В. Голд.*

сутствовал, потом у астронавигатора, поскольку он отвечал за палубу, с отданием чести каждому, и только потом зашагал между караульными. Если нужно куда-то вляпаться, то доверьтесь Дити — одним из офицеров оказался лейтенант Нганагана. Шагавшая прямо за мной жена воскликнула:

— Привет, Агу!

Нганагана остался безмолвен, застывший по стойке смирно, взгляд вперед, статуэтка из черного дерева.

Дити немедленно остановилась и обратилась к Ленсмену:

— Капитан, мой друг не разговаривает со мной.

Это не имело бы значения, не переступи я в этот момент через несуществующую водную преграду и не отдай честь их флагу (я не знал, есть ли у них флаг, но решил, что есть) в направлении кормы, тем самым формально покинув корабль — что ознаменовалось свистом боцманской дудки. Черт побери, я не думал, что у Галактического патруля *были* боцманы! (Ну, у них были на борту маленькие «боты» — небольшие космические кораблики — значит, должен был быть и офицер, ответственный за их содержание, так что его

можно было назвать «боцманом», независимо от его ранга.) Как бы то ни было, но у кого-то имелась дудка, он умел ей пользоваться и обязан был дуть в нее, пока мы спускаемся по трапу.

И тут Дити задержала процессию.

— Нганагана, ответь даме! — резко бросил Смит.

— Привет, Дити!

— Береги себя, Агу! Увидимся! — и Дити снизошла до того, чтобы двинуться дальше.

Я дождался, пока она меня догонит, и несколько ускорил шаг.

Трап оказался горизонтальным перекидным мостиком около четырех метров в ширину и сорок в длину. Я хотел добраться до его конца, пока ритмичный писк дудки не смолк, беспокоясь о легких и цвете лица невидимого трубача. Мы сделали это, финишировав почти одновременно — надеюсь, у него не лопнул какой-нибудь сосудик.

Мы остановились на золотой линии: я, Дити, Хильда, Джейк крайний слева, достаточно места между нами, чтобы мы с Джейком могли салютовать клинками. Капитан Смит замер чуть впереди, справа от меня, а перед нами было больше золотой тесьмы, чем я когда-либо видел

в жизни, даже в посольстве в Мельбурне.

Мы находились где-то под землей, но в таком гигантском зале или такой большой пещере, и при таком ярком освещении, что казалось, будто мы на открытом воздухе. Слева располагался большой военный оркестр в униформе более яркой — и *вычурной!* — чем выставка тесьмы и медалей перед нами. Справа от нас лицом к оркестру, ряд за рядом стояли патрульные, и последних рядов я видеть не мог, но их там было не меньше полка.

Едва мы остановились, откуда-то рявкнули динамики:

— Равняйсь! *Смирно!*

Капитан Смит отдал честь, порт-адмирал и его свита отдали честь; мы с Джейком нет, но моя рука рефлекторно дрогнула.

Трубачи, из которых состоял первый ряд оркестра, подняли сверкающие, украшенные флажками инструменты, и зазвучали фанфары. Барабанщики во втором ряду заработали палочками, поддержав их частой дробью:

«Та-титти-та-та-*та-та-а-а!* (Бум-титти-бум-бум-*бууууум!*)»

Я ожидал, что нас приветствуют четырехкратно, достаточно для любого шкипера. Однако

они добрались до пяти, а потом и до *шести*... и я понял, что мы вляпались по полной... (*Зеб, чертов мошенник, как ты с этим справишься?* Мне хотелось снова стать мальчишкой, стричь газоны и разносить газеты — я даже с ностальгией вспомнил свою футбольную юность в университете и ту кафешку, из которой разбегались тараканы.)

Но я узнал музыку, что последовала за фанфарами и рокотом барабанов, и она вернула меня в чувство — я понял, какую роль должен сыграть. Это был «Марш вице-короля», известный так же как «Посол» (Патруль называл его как-то иначе, но это не имело значения, это была высшая степень привилегии, какая только возможна: одно высшее лицо приветствует другое высшее лицо, равный признает равного).

Я ожидал, что церемония закончится, как только мелодия доберется до своей грохочущей кульминации — потому что они не могли сыграть наш гимн, поскольку не знали, откуда мы. Я ожидал, что последует команда «к ноге», и приготовился подать сигнал Джейку.

Нет! Где-то в задней части огромного зала, примерно в полукилометре от нас пронеслась серия вспышек, а через две секунды прилетело

мощное «Ка-*бууммм!*». За звуком последовало многократное эхо от пола, стен и потолка, и оно еще не стихло, когда последовала новая серия вспышек. Традиционный черный порох? Я не знал, но все указывало на него. Если так, то у них наверняка были мощные поглотители, чтобы убирать дым. С другой стороны, это могла быть точная симуляция — ни пороха, ни пушек. (Я так и не поинтересовался, что это было.)

Я считал четырехсекундные интервалы между вспышками, гадая, на чем они остановятся. Двадцать один? Пятьдесят? Еще больше? Порт-адмирал и его свита стояли, замерев, отдавая честь, почетный караул держал оружие на караул. После двадцать первой вспышки я отсчитал шесть секунд и понял, что они закончили — и когда грохот стих, подал сигнал Джейку: «Клинки… *наголо!*» Мы отработали все как часы, двенадцать секунд выверенных движений. Краем глаза я увидел, как Дити слегка, но достойно поклонилась, когда наши клинки были в воздухе, и выпрямилась, когда мы закончили; Хильда не отстала от нее. Наш жалкий салют был ничто рядом с их торжественной встречей, но мы сделали его как надо. Я почувствовал облегчение.

– *К но-ге!* — прогромыхали динамики.

Свита порт-адмирала расслабилась и двинулась к нам, а мы двинулись навстречу. Были сделаны представления, я услышал, как собранным частям приказывают «вольно по-парадному». Все встречавшие нас носили Линзы, двое были в серой кожаной униформе, но ни один не был *тем самым* Серым Ленсменом, Киннисоном. Порт-адмирал Хэйнс по рангу мог носить серое, но предпочел принять на себя бремя главнокомандующего и носил черное со знаками различия. Однако медалей у него на груди не было, он носил только одну, на шее.

Вскоре из-за оркестра появился автомобиль, или точнее сказать — «транспортное средство», поскольку это была очень низкая платформа с длинной скамьей на ней — ни колес, ни шума, никакого двигателя, органов управления или водителя. Она остановилась рядом, порт-адмирал подал руку Хильде и усадил ее, его флаг-лейтенант капитан Фернандес усадил Дити, а мы с Джейком устроились между доктором Лейси и коммандером Тедом Смитом (все еще одетым в форму капитана). Дюжина других офицеров куда-то рассосалась (я не увидел куда), и едва мы ввосьмером уселись, как наш экипаж двинулся вдоль строя со скоростью примерно в три узла.

Когда мы добирались до каждого подразделения — роты, батареи, взвода, боевой группы, чего угодно, — его командир отдавал нам честь. Хэйнс отдавал честь в ответ, но другие офицеры ничего не делали, так что и мы с Джейком воздерживались. Мы «инспектировали» почетный караул, но для проформы, а не на самом деле. Но я готов поспорить, что если бы мы остановились и натянули белые перчатки, то мы бы их не запачкали.

Движущаяся платформа привезла нас в адмиральскую кают-компанию, подождала, когда мы слезем, укатила прочь, и за ней закрылись двери. Я сделал мысленную отметку позже спросить, как она управляется (у меня в голове было три варианта, один требовал Линзы), но я так никогда и не спросил.

Хэйнс и его флаг-лейтенант усадили нас в кругу из девяти кресел, и порт-адмирал без лишних слов приступил к делу:

— Пустое кресло для сэра Остина Кардинга. Если повезет, он будет с нами до ланча в тринадцать тридцать. Он был на конференции на некотором удалении, около восьмисот световых лет, и когда я вызвал его, он послал меня смочить голову холодной водой, — Хэйнс ухмыльнулся и стал выглядеть моложе. — Он дает мне этот

совет уже тридцать лет. Однако я ухитрился убедить его, что есть нечто, выходящее за пределы моих способностей (что его не удивило, он невысокого мнения об умственных способностях других людей), и смог доказать, что проблема достойна его внимания, — порт-адмирал посмотрел на меня. — Капитан Картер, сэр Остин говорит, что ваш предполагаемый пространственный двигатель — чушь собачья.

Я уже встречался с большими военными шишками и не жду от них проявлений дипломатичности, кроме тех случаев, когда им это выгодно. Поэтому я ответил сдержанно:

— Адмирал, не припоминаю, чтобы я утверждал, что у меня есть «пространственный двигатель». Я не утверждал ничего, что не подкреплял бы демонстрацией. Спросите капитана Смита.

— Поправка принята. Капитан Смит только что напомнил мне, что в его рапорте нет слов «пространственный двигатель». «Континуумоход» — этот термин вы использовали. Также он напомнил мне о других явлениях, о которых докладывал, включая то, что вы называли «пространственно-временное искривление». Но ваши ничем не подкрепленные утверждения включали упоминания о «путешествиях между

континуумами» — путешествиях во вселенные, параллельные этой.

Джейк ухватился за это.

— Нет, нет, адмирал! Мы были в нескольких вселенных, но ни одна из них не параллельна этой. Я такого не говорил.

— И снова капитан Смит поправил меня. Вы упоминали «другие вселенные». Принимаю поправку, но заявляю, что не вижу разницы.

— Это потому, что вы не математик! — голос Джейка приобрел опасные высокие ноты, и наверняка еще одно упоминание о «предположениях» или «утверждениях» заставило бы его взорваться.

Хильда это заметила и тут же начала проводить отвлекающий маневр.

Она сидела напротив Хэйнса в кругу кресел, вне моего поля зрения, поскольку я был близко к адмиралу — между нами находился только Смит — и повернул свое кресло, чтобы видеть начальство.

— Адмирал, вы двое обсуждаете нас через свои Линзы! — заявила Хильда самым суровым сержантским голосом. — Неужели это считается вежливым обхождением с гостями?

Я повернулся, чтобы посмотреть на нее: она

сбросила академическую мантию, поскольку в комнате было тепло, по крайней мере, для людей, проходивших голыми или почти голыми восемь субъективных недель. Хильда сидела, наклонившись вперед, спина прямая, и выглядела очень женственно и чрезвычайно надменно.

— Ну? Ответьте мне! Так обращается с гостями порт-адмирал Патруля?

— Мадам, ваш точный статус все еще не определен.

— Пожалуйста, обращайтесь ко мне корректно!

— Доктор Хильда Берроуз, ваша группа была задержана в нашем пространстве…

– *Вашем* пространстве? Какое высокомерие! По какому праву оно ваше? Интересно, Клоно выписал вам купчую? Уверена, что Ментор этого не сделал. Адмирал Хэйнс, говорить о пустом пространстве, находящемся в миллиардах километров от ниоткуда, что оно «ваше» — это нонсенс. Мы…

— Пространство, которое мы патрулируем, доктор. Поправка принята.

— Придержите свой язык, сэр, я не закончила. Нас *не* задержали. «Задержать» означает арестовать. Капитан Смит, вы говорили порт-адмиралу

Хэйнсу, что арестовали нас?

— Нет, доктор Хильда.

— Благодарю вас, капитан. Порт-адмирал, мы пришли свободно, как приглашенные гости. Вы приняли нас как *почетных* гостей. А теперь вы говорите, что «наш статус еще не определен»… что вы хотите *этим* сказать, сэр?

Хэйнс выглядел ошарашенным, но не сдался.

— Доктор, я имею в виду именно то, что сказал. Капитан Смит доложил, что видел… или думал, что видел. Но я не смог подтвердить это, исследуя ваши разумы…

Язва задохнулась от гнева.

– *О!* Так все эти попытки *не были* неуклюжими случайностями? Я прощала их, как могла простить собаку за попытку лизнуть меня в лицо. Что вы за мальчишка, адмирал? Любитель подглядывать в замочные скважины? *Стыдитесь*, гадкий грязный мальчишка!

Я был настороже, но не вмешивался. У Язвы свое оружие, и она умеет им пользоваться… и я не питал иллюзий по поводу пользы от одной шпаги и одной сабли против тяжело вооруженной военной базы. Нас обманом загнали в ловушку, и возможно, Язва сумеет нас из нее вытащить.

Лицо адмирала стало таким же бесстрастным,

как у Дити.

— Доктор, нравится ли это вам или нет и нравится это мне или нет — чаще всего нет, — но мой долг в том, чтобы защищать эту галактику наилучшим образом. Некоторые существа крайне искусны в наведении галлюцинаций. Согласно сэру Остину Кардингу рапорт капитана Смита легче всего объяснить умело созданной массовой галлюцинацией. Именно с этой точки зрения я решил протестировать вас четверых… но оказался не в состоянии сделать даже первую проверку. Поэтому я должен ждать помощи. Мне жаль, что вам не нравятся мои методы.

— Мне не нравятся!

— А пока вы — гости. В определенных пределах.

— Хильда, я на это отвечу, — сказал я и встал. — Порт-адмирал, наш совместный ланч отменяется.

— Э? Сядьте, капитан.

— Нет, адмирал. Вы встретили нас с посольскими почестями. Теперь я вижу, что эти почести были фальшивые. Мы не принимаем фальшивого гостеприимства даже в таком комфортном кресле.

Дити немедленно вскочила, за ней последовали

Джейк и Хильда, он помог ей накинуть мантию.

— Я прошу об эскорте до нашего корабля — вооруженном, конечно, и защищенном от «галлюцинаций». Нам здесь больше нечего делать, — я посмотрел на капитана Смита. — Сожалею, Тед, я думал, мы можем предложить это Патрулю. Это не твоя вина.

— Я тоже сожалею, Зеб, — он глубоко вздохнул и поднялся. — Порт-адмирал, мне также не нравятся ваши методы.

— Смит, садитесь!

— Нет, сэр. Я доложил вам обо всем, в том числе и о данных мной обещаниях, о Слове Ленсмена. От имени Галактического патруля и властью, данной мне, как капитану патрульного звездолета, я пригласил их на «Ночной ястреб» в качестве *гостей*. Они не были «задержаны», доктор Хильда права. Всей нашей мощи не хватило, чтобы арестовать их, они пришли добровольно по моему приглашению. Я гарантировал им, что они и их корабль могут отбыть в любой момент… и что Патруль не предпримет никаких действий против них или их корабля, пока он не окажется по меньшей мере на том же удалении, что и в момент встречи, то есть чуть более миллиарда миль от ближайшего патрульного корабля. Я дал эти

гарантии без мысленных оговорок — а также обещал не касаться их разумов с помощью Линзы.

Вы знаете все это, порт-адмирал, и они знают. Приняв мой рапорт и приказав мне привезти их на Главную Базу, вы тем самым подтвердили мои обещания — включая, по моему мнению, и обещание не линзировать их иначе как по прямому приглашению. Таким образом, вы лишили меня чести Ленсмена.

Тед Смит медленно и торжественно снял Линзу — она погасла — и положил на столик рядом с адмиралом. Затем капитан расстегнул ремень и положил его вместе с «деламетрами» на ковер. Затем провел указательным пальцем по мундиру, он распахнулся, Смит снял его и сбросил на ковер. Как бы я ни был шокирован, я удивился, обнаружив, что под мундиром у него ничего нет. Смит оказался обнаженным до пояса и полностью лишился знаков отличия.

Подняв глаза, он встретился взглядом с адмиралом.

— На этом все. Я незамедлительно сделаю письменное подтверждение.

— Смит, вами я займусь позже!

— Нет, сэр. Чтобы заняться мной сейчас или позже, вы должны выдвинуть против меня обви-

нения перед Галактическим советом. Обвинения будут необоснованными, поскольку я следовал вашим приказам и установлениям Патруля как по букве, так и по духу до того момента, когда вы вынудили меня уйти в отставку. Теперь я гражданское лицо. И я намерен проводить моих друзей до их корабля, а затем покинуть Главную Базу.

— Молодой человек, неужели ты не понимаешь, что эти существа могут быть врагами цивилизации?

В разговор впервые вмешался хирург-маршал:

— Полегче, Хэйнс!

– XL –
Дити

Когда доктор Лейси заговорил, я ощутила тошноту. Бедный капитан Тед!

Тетя Хильда сделала то, что должна была, и сделала все прекрасно, *ее* я не осуждала. Зебадия сказал то, что должно было сказано, и капитан Тед поступил так, как обязывала его честь. Но когда его Линза потемнела, мое сердце сжалось — и мне захотелось рассказать об этом маме Джейн.

Адмирал Хэйнс казался таким милым человеком… но я *знала*, что капитан Тед был отличным парнем, и вот он разрушил свою карьеру ради нас. Мне хотелось повернуть время вспять, часов на двадцать — мы принесли ему одни неприятности.

— Э? Лейси, что вы имеете в виду? — спросил адмирал Хэйнс.

— Вы мелете языком, не подключив мозг, и высказываете свое мнение, не ознакомившись с фактами. А теперь вы поставили Ленсмена в безвыходное положение. — Доктор Лейси по-

вернулся к капитану Теду: — Сынок, надень Линзу, пожалуйста.

— Нет, сэр.

— Хм. Если ты окажешься перед Галактическим советом, я дам показания за тебя. Я горжусь тобой.

— Лейси, это не ваша юрисдикция, — вмешался Хэйнс.

— Не моя? Если вам не нужно мое мнение, то зачем вы меня сюда пригласили? Хотя не важно, я все равно его выскажу. Во-первых, не называйте их «существами». Они люди до последнего знака за запятой — люди в большей степени, чем ты, регенерированный старый ветеранище.

— Откуда ты знаешь? Это только догадки.

— Хрррмммпффф! Вы заметили, как я вас назвал? Помните, кто вас оперировал? Пока вы занимались догадками, я искал информацию. И нашел. У Филлипса. Я вошел в контакт с нашим посенийским другом и изучал факты, пока вы упражняли мускулы языка. Филлипс детально исследовал каждого из них, каждый их орган. Это *люди*. Он показал мне это. И это *мое* профессиональное мнение, если угодно. Доктор Хильда, обследование не касалось ваших разумов. Мы с Филлипсом обнаружили у вас четверых уди-

вительно сильные ментальные блоки. Но мы бы и не пытались касаться ваших мыслей, если бы знали про обещание Теда Смита. Позвольте мне добавить, что Филлипс вовсе *не* человек, он Ленсмен посенийского происхождения, его восприятие заменяет ему зрение и слух, он величайший нейрохирург галактики[149]. И уж если он говорит, что разум заблокирован — значит, он *заблокирован*.

Тетя Хильда ответила:

— Я знаю, кто такой доктор Филлипс. Он регенерировал адмирала Хэйнса и коммандантa ван Хохендорфа, а затем *самого* Серого Ленсмена, Кимбалла Киннисона. Доктор, я не возражаю против медицинских осмотров, а вот незваная попытка вторгнуться в нашу частную жизнь с *его* стороны… — она указала на адмирала Хэйнса так, словно он был чем-то мерзким, плавающим в супе, — вызвала мое возмущение.

Адмирала, по-видимому, ошеломило то, что тетя Хильда упомянула его операцию по регенерации — но он тут же вернул невозмутимое выражение на лицо. У нас было преимущество —

---

[149] Сноски: 149

Коренные обитатели планеты Посен «не имели глаз, а вместо головы их туловище сверху заканчивалось небольшой выпуклостью». См. роман Э. Э. Смита «Серый Ленсмен». — *Прим. С. В. Голд.*

мы знали о них немало, а они не знали о нас ничего… на мгновение я задумалась, можем ли *мы сами* быть персонажами книг в какой-то иной вселенной, как предполагала теория тети Хильды, но потом решила, что не можем, поскольку мы обычные люди, а вовсе не романтические герои вроде Серого Ленсмена.

— Доктор Хильда, мне приятно это слышать, — ответил доктор Лейси. — Сомневаюсь, что даже Ворсел может пробить ваш блок, но этот старый змей не будет и пытаться, если вы его не попросите. Кстати, Филлипс говорит (и я согласен с ним), что у вас у всех прекрасное здоровье. Но на вашем месте я бы удалил этот аппендикс еще до второго триместра. Пока он в порядке, но может создать проблемы позже. Сделайте операцию в госпитале Базы, если вам будет угодно. Если вторым оператором станет Филлипс, то вы будете на ногах через сорок восемь часов. Посенийское восприятие может творить поразительные вещи в диагностике и хирургии.

— Спасибо, доктор Лейси, но наш капитан решил, что мы отбываем немедленно.

— Я надеялся убедить вас остаться, хотелось исправить то, что натворил этот старый грубиян. Хэйнс, единственное возможное оправдание за

то, что вы заподозрили в наших гостях врагов цивилизации — хотя это вовсе не *причина,* — то, что *ваш* разум недостаточно силен даже с Линзой, чтобы пробить их ментальные блоки. Если бы у вас была реальная причина для подозрений, вы никогда бы не пустили их на Главную Базу. Однако у вас *нет* причины.

— Ладно, ладно, — прорычал адмирал Хэйнс. — Я позволил языку бежать впереди рассудка. Старею, мозги уже не те. Дамы и господа, я прошу прощения у всех вас. И у вас тоже, Смит.

Зебадия ответил за нас:

— Адмирал, прежде чем мы сможем принять ваши извинения, я должен узнать кое-что. Будет ли нам позволено отбыть свободно в любой момент, как это было гарантировано нам вчера?

— Конечно, конечно!

— Доктор Хильда, у него есть какие-то мысленные оговорки? Просканируй его разум.

Мой любимый решил блефовать? Насколько я знаю, тетя Хильда не читает мысли. Но все ли я о ней знаю?

— Кое-что есть, капитан Зебби. Если он позже решит, что мы *на самом деле* враги цивилизации, то наша ставка бита.

— Ну, адмирал?

Я не думала, что выражение «побагровел» может быть буквальным… хотя, может, и нет, цвет лица Хэйнса, скорее, был нежно-лиловым.

— Капитан, в этом маловероятном случае флаг перемирия защитит вас, и ваш корабль будет помещен туда, где он был, когда его впервые обнаружили, и все корабли Патруля отойдут на то расстояние, на котором тогда располагался «Ночной ястреб».

— В этом нет необходимости, адмирал. Просто дайте слово, что нам дадут возможность свободно пользоваться своим кораблем, он куда быстрее любого из ваших. Мы можем добраться до Туманности Лундмарка и вернуться раньше, чем ваш самый быстрый разведчик выйдет из атмосферы Теллуса.

— Мне трудно в это поверить.

— Лучше бы вам поверить! — вмешался папа. — Мы предложили вам самое большое преимущество над босконцами, на какое вы только могли надеяться… а вы обходитесь с нами как с *грязью*. Я негодую, сэр! И ваш «сэр Остин» — просто дурак. «Чушь собачья», надо же! Капитан, давай уберемся отсюда немедленно и найдем вселенную, где есть компетентные математики.

— Одну минуту, доктор Берроуз. Я думаю, ад-

мирал пытается загладить свою вину. Доктор Хильда, мы можем поверить ему в этот раз? Сканируйте глубже.

Тетя Хильда ответила сразу же:

— Он говорит серьезно, капитан. Он очень сильно расстроен… но к этому соглашению прилагает свое «Слово Ленсмена».

— Благодарю, доктор Хильда. Очень хорошо, сэр, мы принимаем соглашение и ваши извинения. Когда доктор Хильда сканирует глубоко, от нее невозможно что-то скрыть.

— Спасибо, капитан. Спасибо, доктор Хильда. Останетесь ли вы на ланч?

— Мы останемся, — ответила за всех тетя Хильда, — но нам с Дити нужно сначала посетить наш корабль. Избавиться от этих жарких одеяний, переодеться во что-то другое. Возможно, быстро принять ванну. И адмирал… извините, что я назвала вас «грязным мальчишкой». Вы не такой. Вы просто мужчина, на котором лежит слишком тяжелая ноша и который иногда совершает ошибки.

Адмирал вздохнул:

— Не могу с этим не согласиться. Спасибо, доктор Хильда. Смит, вы наденете Линзу и присоединитесь к нам?

— Нет, сэр.

— Но почему, сэр?

— Вы подставили меня однажды. Я не желаю больше служить под вашим командованием.

Печальная нота, которой не стоило все заканчивать… но, как говорила мне мама, я не должна пытаться управлять жизнями других людей. Тед — взрослый мужчина, и мне было ужасно больно видеть, как его Линза лежит вот так, темная и покинутая. Но я не могла ничего сделать. Капитан Фернандес проводил нас в наши покои и показал, что «Гэй Обманщица» совсем рядом, меньше пятидесяти метров. Наши покои были прекрасны, не такие большие, как в Гелиуме, но просторные. Хотя в этот момент я хотела забраться в машину и уйти отсюда во вращение. Бедняга Тед!

Тетя Хильда напомнила мне, что мы пообещали остаться на ланч.

— И прекрати волноваться за Теда, Дити, я это так не оставлю, пока со всем не разберусь, вот увидишь. А теперь давай посмотрим, что можно пошить на скорую руку из барсумского шелка, чтобы хорошо смотрелось и было еще более скандальным, чем наши обтягивающие комбинезоны. Ванная мне не нужна.

— А мне нужна. Ты решай, а я надену, что скажешь.

— Поторопитесь! — строго сказал Зебадия. — На часах тринадцать, до ланча полчаса.

— Адмиралу придется подождать, — спокойно заявила тетя Хильда. — Он сам вызвал эту задержку. Если вам, дорогие мои, ничего здесь не нужно, отправляйтесь в наш номер и ждите там.

— Э-э-э… эта униформа слишком теплая. Думаю, что переключусь обратно на летнее хаки и рубашку. Знаки различия, но никаких медалей или кителя. И никакого галстука. Что насчет тебя, Джейк?

— Нацепишь клинок?

— Всегда. Ты носи саблю, но остальное на твое усмотрение.

— Тогда это не будет униформа, в ней как в печи. Мм-м… брюки и спортивная рубашка. И сабля.

— Забирайте и проваливайте, — поторопила тетя Хильда, — если не хотите обсудить секреты. Линза сюда не проникает.

— Почему нет, Язва?

— Потому что эта гардеробная находится в Стране Оз.

— Я так и подумал. Язва, это была *блестящая*

работа — то, что ты сделала с адмиралом. Мои поздравления.

— С ним было нетрудно. В целом он довольно милый. Мне не нравилось его шлепать.

В некоторых странах идеи тети Хильды о том, как использовать обрезки шелка, завели бы нас прямиком в полицейский участок. В других нас бы наняли в качестве рекламы «Уайт Рок»… Если бы мне захотелось изображать водяного, конечно. Я предпочла бы роль гамадриады… или одиноко стоящего дуба.

Я надеялась, что она решит пойти босиком, но она надела на нас туфельки в духе Золушки — белая кожа тоата — и решила, что мы должны уложить волосы в высокие прически, вместо тех, что были под академическими шапочками. С учетом драгоценных заколок в волосах, драгоценных брошек, которыми шелк был скреплен на плече, украшенных камнями поясов и кинжалов — я в волнисто-зеленом, Хильда в голубом — мы выглядели одетыми, но не чрезмерно. Недоодетыми в определенном смысле, но они не могли знать, как мы наряжаемся к ланчу дома, ну а Хильда выглядела так, словно у нее сейчас вырастут прозрачные крылышки и она улетит.

Мы прошли по коридору к нашему жилищу,

опоздав всего на девять минут, и обнаружили, что нас, помимо мужей, ждет флаг-лейтенант, капитан Фернандес. Его имя было Карлос, и он не произнес ни слова по поводу того, что мы задержались, он лишь хлопнул в ладоши и заявил, что мы прекрасны. Затем мы уселись на один из этих маленьких скутеров и покатили в адмиральскую столовую.

Там оказался Серый Ленсмен, болтавший с адмиралом, он стоял к нам спиной, и я уже было подумала, не *тот* ли это самый Серый Ленсмен, как он обернулся… и, если бы я носила вставную челюсть, я бы ее тут и проглотила.

– *Тед!*

— Привет, Дити! — Он выглядел смущенно. — Забавно, не так ли? Адмирал побил моего туза. Так что мне теперь придется думать за себя самого.

Хэйнс сказал:

— Доктор Дити, мой обычный ланч превратился в праздничный обед. Я не намеревался этого делать, пока Тед не пройдет свой тур в качестве шкипера… но что еще мне оставалось делать, когда человек отказывается выполнять приказы, и слишком ценен, чтобы его терять? Только освободить его и перестать отдавать ему приказы… Тед утверждает, что он к этому не готов… но они

все так говорят… я сам так говорил лет тридцать назад. Или веков, судя по ощущениям. Хррмпф!

— Адмирал, я *так* счастлива! Тед, ты выглядишь *великолепно*!

Я не преувеличивала — серая кожа такая гладкая и так тесно прилегает, что если у мужчины есть фигура, чтобы ее носить, то становится видно, насколько он привлекателен. Тед казался выше, его плечи шире, а талия уже, чем когда он был в черном с золотом и серебром, с ремнями и медалями и когда все это мешало смотреть. От прежней униформы у него остались только блестящие «деламетры» и Линза, сейчас они сверкали ярче прежнего.

— Нет, Дити, это *ты* выглядишь великолепно!

— Она определенно так выглядит. Доктор Дити, посмотрите мне прямо в глаза и скажите, откуда дамы узнали, что у них будет повод вырядиться так роскошно? Доктор Хильда линзировала его… то есть не линзировала, Тед говорил, что ей не нужна Линза, и я знаю, что он прав — доктор Дити уловила это намерение у меня в голове, когда заглянула поглубже?

— Да, тете Хильде не нужна Линза. А может быть, все было наоборот, и это она вложила вам в голову эту мысль? Доктор Хильда не стала бы

читать ваш разум, только в конкретном случае, когда ей приказал мой муж, наш капитан, и когда вы знали, что она собирается делать. Однако она могла оставить там собственную мысль, чтобы вы ее обдумали. Ей *не понравилось* то, что вы заставили сделать Теда. Мне тоже это не понравилось, и я нервничала, но она сказала мне перестать, потому что она все исправит.

(Почти правда! Только слегка приукрашенная.)

— О нет! Тед, прочитай меня своей Линзой. Я *действительно* намеревался освободить тебя, правда, не планировал это делать сегодня.

— Возможно, она подбросила вам, адмирал, только дату, — сказала я. — Почему бы вам ее не спросить? Если осмелитесь.

Порт-адмирал Хэйнс бросил взгляд через комнату на тетю Хиллбилли, поскреб голову и ухмыльнулся:

— Вы правы. Я не осмелюсь.

– XLI –
Зебадия

Когда мы начинали нашу одиссею, я бы выстроил нас в следующем порядке: Джейк, я, Дити, Язва. И очень хорошо, что я не большой менеджер, который составляет рейтинги эффективности. Я бы рвал их и переделывал снова и снова. Если у стола четыре ножки, то какую из них можно отбросить?

Каждый из нас сильно отличается от остальных, и мы равны только в том, что все зависим друг от друга. Мы не справились бы со всем, что нам выпало, если бы кто-то из нас остался на Земле. Но понадобилась уйма времени, чтобы до меня наконец-то дошло — Язва была самым необычным из трех гениев, что подобрались в моей команде. Я знал ее четыре года как веселую вдову из кампуса, прожигательницу жизни и сибаритку. Это мнение я пересматривал снова и снова, особенно после одного примечательного события в Заливе Крови.

Но давно сложившиеся убеждения так просто не отмирают. Подсознательно я продолжал ее

считать самым слабым звеном нашей команды только потому, что она была меньше всех и выглядела словно котенок.

Умела ли Язва читать чужие мысли? Возможно, ее способность к «чтению мыслей» была не больше, чем умение балаганного менталиста, который подмечает любые намеки, складывает их вместе, а потом выезжает на откровенной наглости. Но как бы ни было, когда я велел ей «сканировать глубже» сознание Серого Ленсмена, я знал, что она меня не подведет.

И она не подвела. Если мне снова понадобится «чтение мыслей», я призову доктора Хильду — и не буду притворяться, что сам способен на подобное, у меня просто не хватит наглости на это решиться. Я не знаю, на чем основан ее талант, на истинной телепатии или на железных нервах, но это и не важно, я знаю, что Язва со всем справится.

Вид Теда Смита, одетого в серое и с Линзой на своем месте, радовал душу. Меня ничуть не удивило, когда он пинком отшвырнул свою карьеру, чтобы отстаивать то, что считал правильным. Так поступают настоящие офицеры. У меня не было никакого желания вмешиваться: Тед сделал это не ради нас, он повиновался собственному

чувству чести и долга. Но мне в тот момент было *тошно*! Иногда людям, вынужденным на подобные решительные поступки, все сходит с рук, но куда чаще — нет, в то время как подхалимы, стукачи и лизоблюды с гибким хребтом хватают повышения. В мирное время — это норма.

Но тут шла война, и Галактический патруль не был обычным подразделением, так что Тед получил повышение.

Вечеринка по этому поводу была счастливым совпадением, но я рад, что Патруль устроил ее с «файалином», а не с австралийским пивом, поскольку мне внезапно потребовалась способность трезво мыслить. Сэр Остин Кардинг прибыл вскоре после того, как мы сели за стол, и как только я его увидел, я тут же решил изолировать его от Джейка как можно надежнее, невзирая на тесноту — заблокировав с одной стороны своим телом, с другой — Дити или Хильдой и усадив Джейка на дальний от него конец стола.

Я встречал таких сэров Остинов в дюжине кампусов, они всегда ведут себя так, словно вы одним своим присутствием отнимаете их драгоценное время, и они лишь вынужденно вас терпят — но не собираются терпеть слишком долго. Зато они ожидают, что *вы* будете терпеть их хамское пове-

дение… ведь *они* такие важные люди.

Этот сэр Остин был высоким, стройным, немолодым парнем с резкими чертами лица, на котором застыло хроническое выражение — словно он только что унюхал чей-то неприятный запах, по всей вероятности, *ваш*. Он ухитрился выглядеть так, словно меня нет смысла замечать, даже когда обменивался со мной рукопожатием, пробормотав:

— Как ваши дела, капитан Картрайт?

Мне было все равно, меня уже оскорбляли подобные «эксперты», но я решил, что не позволю ему оказаться в одной клетке с Джейком, когда меня не будет рядом — кто-то должен будет их растаскивать, когда войдут в клинч и пустят в ход зубы.

Но я не был хозяином и не мог менять рассадку; там были карточки с именами, и Хэйнс — или его флаг-лейтенант — усадил нечетное количество персон — девять — согласно протоколу, с тройной целью: 1) гостеприимство в адрес почетных гостей, поскольку порт-адмирал был связан посольскими почестями в наш адрес, 2) орошение повышения Теда и 3) светская встреча между математиками перед тем, как они приступят к работе.

Следование протоколу — обычно разумная вещь, но сам по себе он работает автоматически, словно компьютер, и может быть в точности таким же глупым… и вот что у него получилось:

Хэйнс

Хильда, сэр Остин

Доктор Лейси, Джейк

Капитан Фернандес

Я, Дити

Тед Смит

Большинство сидело лицом к главному гостю, Теду, который только что стал Серым Ленсменом; старшая гостья справа от хозяина, младшая гостья справа от главного гостя; старший гость мужского пола (сэр Остин) — слева от хозяина; старший гость нашей группы слева от главного гостя («старшим» был я, а не Джейк, поскольку я «командовал» кораблем); Джейк расположился рядом с мистером Большие Мозги, с которым ему предстояло встречаться по работе; и два офицера, которых Хэйнс пригласил развлекать гостей, друг напротив друга.

Посольский чин, отвечающий за протокол, не смог бы сделать лучше.

И все это было неправильно!

Джейк мягкий и разумный мужчина… пока

кто-нибудь не переключит его в режим «безумный профессор». Пока мы одевались, я предложил отложить математические теории до завершения светского раута, и Джейк согласился. Он сказал, что постарается избегать этих тем.

Но сэру Остину было наплевать на социальные условности.

Я держал пальцы скрещенными и болтал о пустяках с Тедом Смитом, пока Дити общалась с Карлосом Фернандесом. Хильда не давала скучать хирургу-маршалу Лейси. Поэтому Джейк остался один на один с сэром Остином, с другой стороны от которого сидел Хэйнс. Может быть, порт-адмирал и пытался удерживать корабль на курсе — Джейк позже сказал, что да, — но он в этом не преуспел.

Мы еще не дошли до первого блюда, когда я услышал:

— Полная чушь, сэр! Детская белиберда! Любой школьник знает, что обычное пространство прямолинейно.

— И как вы измерили это, сэр Остин? — спросил Джейк (пока еще обычным голосом).

– *Измерил* это? Я математик, а не землемер! Я это *доказал*.

— И что? Может быть — но после ланча, — вы

покажете мне свои доказательства?

– *Что?* Это не мое дело вам что-то доказывать! — Сэр Остин отвернулся от Джейка. — Хэйнс, я говорил вам, что вы впустую тратите мое время. Я говорил!

У Хильды были ушки на макушке, и она попыталась вмешаться:

— Сэр Остин…

— Что? Что, мадам?

Хильда пустила в ход манеры школьной учительницы, что на одно деление мягче, чем у ее сержантской ипостаси:

— Я — доктор Хильда Берроуз, научный сотрудник нашей экспедиции, но вы назвали меня «Бернс», когда нас представили.

— Что? Что-что? Возможно и так. Очень шумно и все такое. Ничего плохого не думал. Что вы хотите, доктор… Берроу?

— У меня не было сложностей с тем, чтобы расслышать ваше имя, сэр Остин Кардинг. Я нахожу, что в общественной жизни, как и в науке, внимание к деталям необходимо. А вы до сих пор не в состоянии произнести мое имя правильно. Доктор Хильда *Берроуз*. Рядом с вами — доктор Джейкоб Берроуз. Поэтому предлагаю обращаться ко мне «доктор Хильда».

Это привлекло его внимание, из розового он стал красным, и напряжение между ним и Джейком уменьшилось.

— Доктор Хильда *Берроуз*, — чопорно повторил он. — Очень хорошо, доктор Хильда, что вы желаете меня спросить?

— Я не имею желания ни о чем вас спрашивать, сэр Остин, я желаю вам кое-что *сказать*… если вы сможете сидеть тихо достаточно долго, чтобы меня выслушать.

По-видимому, проблем с сердцем у него не было, он не вырубился, он даже выдержал паузу в два удара сердца и напряженно проговорил:

— Мад… доктор Хильда, я слушаю вас.

— Если вы, сэр, не только математик, но и ученый, вы знаете, что в науке — настоящей науке — один выпадающий факт может разрушить самую элегантную математическую теорию… если эта теория ошибочна.

— Э? Предположим. К чему вы клоните?

— Если вы на самом деле ученый, сэр, я предлагаю вам прекратить пререкаться с моим мужем и спросить порт-адмирала, где был обнаружен наш корабль, а потом спросить у Серого Ленсмена Смита, что это за корабль. И если вы продолжите поиск фактов, вместо того чтобы швыряться

в нас своими теориями, возможно, вы научитесь чему-нибудь… даже в вашем возрасте.

Наверное, Язве не стоило вращать воткнутый в рану кинжал… а может, наоборот, стоило. Ничто так не ранит старого человека, как напоминание о том, что он слишком стар, чтобы учиться.

Сэр Остин еще не сообразил, что он сражается не в своей весовой категории. Очевидно, он привык унижать других… но Язва довела технику унижения до уровня искусства. Она пустила в ход острое лезвие, а теперь предложила ему понюшку табаку. Примет ли он ее?

Он взял.

— Я слышал эту нелепую историю! Чушь собачья! Галлюцинации!

Язва не ответила, да в этом и не было нужды — он сам подставился под удар ее тяжелой артиллерии. Ее губы дрогнули, словно она сдерживала смех, она перевела взгляд на порт-адмирала Хэйнса и не сводила с него глаз, игнорируя сэра Остина.

Адмирал видел, что мяч перебросили ему, он должен был либо поддержать ее, либо сдаться. Он не мог сдаться, он уже косвенно, но определенно нас поддержал, выдав серую униформу

Теду Смиту — Ленсмен не становится Серым за «галлюцинации». Однако сэр Остин не знал всех обстоятельств, он прибыл поздно и был слишком зациклен на себе.

Хэйнс выбрался из ситуации с большим трудом, как и в нашем случае чуть ранее; тогда он разозлил Джейка и вызвал раздражение у меня, но теперь мы могли наслаждаться бойней со зрительских мест.

— Кардинг, не глупите. Даже Правители Дельгона не способны навести галлюцинации на целый корабль в космосе. Прошлым вечером я не спорил с вами… но сегодня этот корабль был доставлен сюда из-за орбит Нептуна и Плутона одним из моих собственных кораблей. Он сейчас здесь, на Главной Базе. Идите и посмотрите на него. Прикоснитесь к нему, попробуйте на зуб. А потом либо рассказывайте, что *у вас* тоже галлюцинации, либо прекратите подобные разговоры. Кроме того, перестаньте использовать слова типа «чушь», «вздор» и «бредятина» в отношении моих гостей.

Минуту Кардинг испускал пар в молчании, я думаю, он не знал, что сказать, поскольку его лишили любимых словечек.

— И что такого удивительного в этом корабле?

— Это не космический корабль, сэр Остин, — ответил Тед Смит. — Это очень маленькое атмосферное судно с аэродинамическими обводами.

— И какое это имеет отношение к делу? Дурацкая затея — вытаскивать атмосферный аппарат в глубокий космос. Однако есть простые движки Бергенхольма, мы уже давно производим их такого размера, что их можно ставить даже на скафандры. Никаких проблем поставить его на атмосферный кораблик.

— Там нет никаких бергенхольмов, сэр Остин. Корабль их не использует и в них не нуждается. И все же он быстрее всего, что есть в нашем распоряжении. Намного быстрее. И он может делать то, чего мы не можем. Запертый в грузовом трюме «Ночного ястреба», он вылетел наружу, *не открывая* грузовой люк, и оказался в сотне тысяч километров оттуда, прежде чем вы успели бы сказать: «Ух!». А потом столь же быстро вернулся.

— Ленсмен — как ваше имя? Шмидт? Хэйнс запретил мне пользоваться правильными техническими терминами, но хорошо известно, что экипаж целого корабля может видеть — или думать, что видит — невозможное. Это не делает невозможное реально существующим. Полагаю, этот атмосферный аппарат действи-

тельно существует, поскольку Хэйнс уверяет, что он здесь. Что до приписываемых ему характеристик, — Кардинг пожал плечами, — то они противоречат общепринятым физическим законам. Мне предписано воздерживаться от односложных описаний.

Тед сдержался, возможно потому, что все еще пребывал в эйфории по поводу нового статуса, хотя я не уверен, что он вообще способен выйти из себя. Даже когда он выступил против порт-адмирала, снял Линзу и знаки различия, он не повышал голос и не допустил ни малейшей грубости.

— Сэр Остин, предполагая возможность подобного ментального контроля, вы уверены, что можно загипнотизировать и записывающее оборудование? Согласно протоколу, все аспекты контакта автоматически считывались с экранов и записывались всеми обычными способами. Поскольку мы используем регистрирующие счетчики на всех люках, а также фотофиксацию, можно увидеть, что чужой корабль входил в «Ночной ястреб» *дважды*, но ни разу не покидал его обычным способом, пока мы не пришвартовались здесь. Он просто исчез из трюма, показался в пространстве и быстро вернулся, после чего

был взят на борт повторно. Можете изучить записи, нет необходимости полагаться на мою память или на память членов моего экипажа.

– *Вашего* экипажа? Что Серый Ленсмен делает на корабле Внутреннего патруля?

Хэйнс быстро сказал:

— Это не имеет значения. Смит был там. У меня есть все записи и приборы, проверенные персоналом Базы. Нет возможности обмануть записывающую аппаратуру — Торндайк в этом клянется.

— Мммффф. — Кардинг снова посмотрел на Теда: — Ну, сэр? Как *вы* это объясняете?

— Я не могу. Мы надеялись, что вы сможете.

— Значит, вы в тупике. Я ненавижу тратить время, но я проверю вашу аппаратуру. Торндайк — инженер, а не математик. Должно быть, он элементарно кое-что пропустил.

Возможно, мне не стоило вмешиваться, но Джейк нахмурился, услышав «приписываемых»… а последний высокомерный комментарий зацепил даже меня. Я решил, что смогу поддержать эту тему разговора и что теперь моя очередь отвлекать внимание от Джейка.

— Адмирал, вы упомянули мастера-техника Ла Верна Торндайка, и это подсказывает мне очень

простое решение.

— Да, капитан Картер? Я рад это слышать. Говорите, будьте добры.

— Мы можем продемонстрировать наше судно Торндайку и всем, кого вы изберете. Предоставим полные рабочие чертежи изобретения доктора Берроуза тому же Торндайку. Он сможет сделать дубликат и, возможно, внести усовершенствования. С теми возможностями, что есть у вас, первый образец можно изготовить через несколько дней. Инженерная сторона дела не очень сложная, трудно ухватить *концепт*. Мы хотим, чтобы все это было у Патруля, и вам это нужно. Доктор Берроуз обеспечит полное математическое обоснование, которое вы сможете изучить. Думаю, у вас найдутся математики, готовые учиться. Сэр Остин тут ничем не поможет — он уверен, он знает все, и даже смотреть не будет. Поэтому он *не сможет* ничему не научиться.

Сэр Остин встал, отбросил салфетку и заорал:

— Хэйнс, я не останусь у вас за столом! Меня здесь оскорбляют!

Он двинулся к двери…

…и обнаружил, что выход блокирован. Драконом.

Но никто не испугался, когда в головах прозву-

чал приятный голос:

— Спокойнее! Возвращайтесь назад, сэр Остин, вы сбились с курса и вот-вот потерпите крушение. Новые друзья, я Ворсел. Я прибыл со всей возможной скоростью по просьбе Кимбалла Киннисона… и вижу, что едва успел. О нет, сэр Остин, эту работу вы обязаны закончить!

Кардинг попытался пройти мимо Ворсела, но ни одно хрупкое человеческое существо не способно пробиться через дверь, заблокированную несокрушимыми кольцами велантийского дракона.

— Я следил за этой очаровательной дискуссией через Линзу хирурга-маршала. Счастлив присоединиться лично. Привет, Дити!

— Привет, Ворсел! Боже, как я рада, что ты здесь!

— Мои приветствия, доктор Хильда. Будьте уверены, дорогая дама, я не внутри вашего разума, я всего лишь проецирую вам человеческую речь, поскольку речевых органов у меня нет. Но я должен попросить вас говорить со мной вслух или, если вы предпочитаете, проецировать ваши мысли. Я обнаружил, что *не могу* читать ваши мысли. *Чрезвычайно* любопытно! Могу я спросить, где вы обучались? Или это будет вторжением в частную

жизнь?

— Ворсел, — сказал я, — мы не были обучены, мы такими родились.

— Еще интереснее! Киннисон будет в восторге. Капитан Картер, возможно, мы обсудим это позже. Адмирал, что на ланч? Я давно не ел.

— Ничего такого, что бы тебе понравилось, старый змей. Но я посмотрю, что могут наскрести на камбузе. Рассчитывать паек в тоннах или только в галлонах?

— Ни то, ни другое в данный момент, спасибо, слишком о многом нужно подумать. Через день или два, наверное. Дити, этот старый греховодник распространяет обо мне слухи, что я ем хорошеньких девушек. Разве это не грубо с его стороны?

— Ворсел, — сказала Язва, — адмирал ничего подобного не говорил. Он сказал, что ты лаком до хорошеньких девушек. Иное значение.

— Да? Английский такой сложный. В вашем случае я мог бы иметь в виду и то, и другое. Уверен, что вы очень вкусны, даже без горчицы.

— Ворсел, ты старый мошенник.

Дракон вздохнул, отчего со стола чуть не слетела посуда.

— Никто никогда не принимает меня всерьез.

Дити, ты будешь принимать меня всерьез?

— Да! Да! Я всегда хотела с тобой познакомиться!

— Я чувствую себя намного лучше.

– XLII –
Хильда

Ворсел уладил конфликт между моим мужем, Джейкобом, и сэром Остином Кардингом. Спорить с десятиметровым драконом, который к тому же Ленсмен Второй Ступени, я думаю, просто бесполезно. Сэр Остин вернулся к столу, молча ковырялся в тарелке и старался не встречаться со мной глазами.

На нашей стороне стола появилось одно дополнительное место: доктор Лейси и капитан Зебби сдвинулись дальше, я пересела ближе к адмиралу Хэйнсу, а Ворсел присоединился к нам. Сделал он это, втиснув большую часть себя в столовую и поместив голову на уровне моего плеча. Но одно его кольцо осталось блокировать дверь, и похожий на ятаган хвост небрежно ходил туда-сюда — *никто* не смог бы воспользоваться дверью, пока дракон ее не разблокирует. Адмирал Хэйнс, похоже, нисколько не возражал, он заметно повеселел — раньше я его таким не видела.

А у меня никогда не было более обаятельного компаньона за столом. Ворсел был настолько

невероятно гротескным, что выглядел красивым. Глаза на стебельках у него имелись в таком количестве, что он мог выделить по одному на каждого из нас. Он также уделял каждому из нас полное внимание — разум его был достаточно многозадачным, чтобы с этим справляться — не спрашивайте меня как, я не могу думать более чем о трех вещах одновременно.

Я поняла это, потому что с ним говорила Дити, а мне хотелось ему кое-что сказать, и я дожидалась, пока она закончит… но тут Ворсел ответил мне, хотя Дити еще говорила. С этого момента я не говорила с Ворселом вслух, если разговор не касался других. Ворсел не улавливает звуков, он «слышит» телепатически. Когда он просил нас «говорить вслух», он просто хотел гарантировать, что наши мысли, предназначенные для речи, достигнут его. Но общаться иначе было намного легче и гораздо быстрее.

До меня дошло, что за столом теперь было пять Ленсменов: Ворсел, адмирал Хэйнс, капитан Карлос, Серый Ленсмен Тед и доктор Лейси. Поэтому я подумала для Ворсела:

— Ты и остальные Ленсмены — вы сейчас говорите друг с другом через Линзы?

— Да, дорогой новый друг Хильда. Но будь уве-

рена, что мы не обсуждаем ни тебя, ни Дити, ни капитана Зеба, ни вашего Джейкоба; адмирал Хэйнс запретил это делать иначе, чем словами, произнесенными вслух… или, в моем случае, мыслями, спроецированными на всех. Адмиралу Хэйнсу я передал доклад Кимбалла Киннисона. Юному Теду Смиту я сказал, что рад видеть его в сером, а он рассказывал мне о своем опыте с вашим удивительным кораблем. Костоправ и Карлос — мои старые друзья, и мы болтаем чисто по-дружески. Позволь мне добавить, что я рад, что ты столь быстро научилась обходиться без слов. Некоторые фонетические расы находят это неудобным, но это по-настоящему экономит время.

Речи Ворсела обычно были длинными, но я «слышала» каждую как единый гештальт, в одно мгновение.

— Это как позвонить по телефону, вместо того чтобы написать письмо.

— Прекрасная аналогия, хорошенькая девочка, которой не нужна горчица. Я не могу писать письма или пользоваться телефонами, но я знаю их характеристики от других.

— Ворсел, почему ты называешь меня «хорошенькой девочкой»? Для тебя я должна быть

мягкой белой личинкой, на которую не стоит обращать внимания.

— О, вовсе нет, прекрасная доктор Хильда. Я научился понимать человеческую красоту через разумы моих друзей-людей, и для меня она так же восхитительна, как и для них. Карлос едва может отвести от тебя глаз и рискует косоглазием, пытаясь одновременно смотреть на тебя и на Дити. Карлосу требуются глазные стебельки, как у меня. (Мягкий смешок) *Ага, я одолжил ему один, чтобы он мог смотреть на Дити с этой стороны, а на тебя — своими глазами. Он попросил передать тебе, что не имеет в виду ничего дурного, он просто наслаждается красотой.*

— Пожалуйста, скажи ему, что мы с Дити — бесстыдные эксгибиционистки, которым нравится, когда на них пялятся.

— Карлос благодарит тебя за позволение это знать. Он будет пялиться на тебя при каждом удобном случае, красивая не-горчица.

— Почему не-горчица, Ворсел?

— У каждой личности есть ее — или его — уникальный вкус. Твой вкус восхитителен. Твоя душа — дух — жизненная сила чарующе прекрасна.

С механической точки зрения невозможно

быть совращенной велантийским драконом, но если бы такая возможность имелась, то Ворсел бы преуспевал.

— О, чепуха! Я эгоистична, и я задираю людей.

— Каждая личность эгоистична, прекрасная Хильда. Но в тебе нет зла. Ты задираешь других только при необходимости. Как и я. Ты видела, как я поступил с сэром Остином. Он — невоспитанный ребенок с блестящим умом. Иногда его нужно ставить в угол. Немногие люди способны управиться с его истериками. Но у меня есть для этого ресурсы, и он это знает. Я делаю это без зла и без колебаний. Я никогда не получаю от этого ни удовольствия, ни отвращения. Это нужно делать, и я это делаю. Киннисон визуализировал, что моя сила может понадобиться, и я примчался со всей скоростью.

Когда ланч закончился, Ворсел сказал «вслух» для всех:

— Давайте приступим к работе, сэр Остин. Я обязан доложить Кимбаллу Киннисону результаты как можно скорее. Профессор Берроуз, вы готовы нам помочь?

Сэр Остин все еще выглядел недовольным, но спорить не стал. Одна из этих открытых платформ явилась за Джейкобом и сэром Остином,

Ворсел заскользил за ними, его кожистые крылья были сложены, а Линза сияла на его шее точно рождественская елка. Адмирал Хэйнс мягко перепоручил нас Карлосу и Теду, а они с доктором Лейси исчезли. Появилась другая платформа, и нас повезли осматривать достопримечательности. Мое первое впечатление о Главной Базе: она *огромная*. Я даже не знаю, сколько мы увидели, пять процентов или девяносто пять, она все продолжалась и продолжалась. Однажды мы как будто оказались снаружи, в красивом парке, но Зебби глянул вверх и сказал:

— Это не Солнце, и это не небо.

— Определенно нет, — согласился Тед. — Карлос, насколько глубоко мы под землей?

— О, от верхнего перекрытия три четверти мили, более-менее. Хотите точные данные?

— Нет, достаточно. Зеб, большая часть персонала Базы, особенно гражданские, предпочитают жить на поверхности. Но их можно быстро эвакуировать в помещения под Базой. И в случае необходимости этот парк и другие подобные места помогают справиться с клаустрофобией, это особенно нравится детям. Ну а между тревогами это любимое место для ланча — тут разбросана дюжина ресторанчиков на открытом воздухе.

Смены назначаются со сдвигом по времени, поэтому рестораны работают двадцать четыре часа в сутки, — Тед неожиданно стал задумчивым. — Ты получил это, Карлос?

— Да. Серый Ленсмен. Капитан, вы не могли бы уделить немного времени мастеру-технику Торндайку?

— Конечно.

— Адмирал говорит, что Торндайк хотел бы осмотреть ваш корабль. Могу я попросить его прибыть в ваш ангар?

— Хорошо. Но осмотр «Гэй Обманщицы» займет около семи минут. Все, что я могу ему показать — это слайды «Кодахрома» и стереоснимки «Поляроида». Здесь можно добыть проектор? Маленький диаскоп плохо подходит для объяснения инженерных деталей.

— Вы можете описать эти слайды? Я не очень понимаю, о чем речь.

— Куски прозрачной пленки площадью в пять квадратных сантиметров. Стереослайды побольше, это две картинки, разнесенные на межфокусное расстояние для глаз.

— Никаких проблем. Что насчет голограмм?

— Есть немного. Но я не думаю, что они нам сегодня понадобятся.

— Зеб, — спросил Тед, — могу я тоже пойти?

Услышав этот вопрос, полный затаенного желания, я внезапно ощутила всю странность нашей ситуации. До этой экскурсии по Базе на нас все время кто-то давил, и я плела интриги и вступала в сговоры, чтобы не дать нас потопить. А теперь я слышу, как *Серый Ленсмен* спрашивает у Зебби, бездельника из нашего кампуса, позволения сделать что-то на Главной Базе Галактического патруля… и я вдруг осознала, что вот этот симпатичный латинос и этот застенчивый фермерский паренек со Среднего Запада — оба *Ленсмены*, и я только что сидела за ланчем с велантийским драконом, знаменитым Ворселом. Меня это как по голове ударило.

— Вас что-то беспокоит, доктор Хильда? — спросил Карлос.

— Нет. Что-то застряло в горле. Карлос, бросьте этого «доктора» и зовите меня просто Хильда.

— Конечно, Хильда, спасибо.

Мы с Дити не стали дожидаться приглашения и просто отправились с остальными. Ворсел уже находился в нашем ангаре, занимая большую его часть. Гэй стояла с открытыми дверями, Джейкоб сидел внутри. Сэра Остина видно не было, но я услышала его голос:

— Берроуз, попросите Ворсела, чтобы он попытался связаться со мной сейчас.

— Конечно, Кардинг. Ворсел, ты можешь достать его?

Ворсел передал:

— Кажется, сигнал блокируется точно на обшивке корабля. Я не могу ни видеть его, ни говорить с ним. Попроси его медленно вернуться в «Гэй Обманщицу». Привет, хорошенькая маленькая Хильда. Привет, Дити!

— Привет, Ворсел! Что вы там затеяли?

— Пытаюсь проверить ваш пространственный разрыв. К сожалению, я слишком велик, чтобы проникнуть внутрь вашего корабля. Мое восприятие не видит ваш гигиенический отсек, я не могу слышать мысли из него и проецировать свои туда. *В высшей степени* любопытно!

— Конечно, ты не можешь, — сказала Дити. — Он в Стране Оз. Это другая вселенная.

Сэр Остин как раз выбрался наружу:

— Что, что? Что вы только что сказали, доктор Дити?

— Я сказала, что наши ванные комнаты находятся в другой вселенной. Я не помню координат, но они есть в записях моего отца. Папа, сколько у нас общих осей с Оз?

— Две. Но при этом разные временные оси.

— Берроуз, очевидно, что это находится в другом континууме. Я способен увидеть факт, когда его суют мне под нос. Но что это насчет других временных осей?

— Дити?

— Папа, я думаю, тебе лучше бы проверить это по своим записям. Течение времени в наших ванных комнатах совпадает с местным. В космосе это не имело значения. Но здесь мы бы это сразу заметили. Мы можем установить перископ, чтобы Ворсел тоже мог посмотреть?

Последующие дни были такими же радостными, как в Гелиуме, но совершенно другими. Джейкоб проводил время с сэром Остином, который даже стал любезен, на свой обычный рыбий манер. Они с Джейкобом стали неразлейвода, демонстрировали взаимное уважение и проводили бесконечные часы, обсуждая математику далеко за пределами моего понимания. Но никто и не ожидал, что я к ним присоединюсь, и я позволяла им млеть от счастья вдвоем, словно парочке бойскаутов, зарабатывающих себе наградной значок. Сэр Остин часто оставался на ужин, и тогда их разговоры затягивались до глубокой ночи.

Когда сэр Остин обедал с нами, он предпри-

нимал отважные попытки быть общительным, но у бедняги не было к этому никакого таланта. Со мной он был педантично вежлив, всегда называл «доктор Хильда», придерживал для меня кресло и вставал, когда я входила в комнату. С Дити он общался неожиданно дружелюбно, она стала младшим коллегой, которую он немного уважал, поскольку она могла делать то, чего он не мог — мгновенные вычисления. Поначалу он просто использовал ее талант, как Джейкоб… пока однажды (я случайно оказалась рядом) Дити не поправила его по какому-то вопросу — речь шла об энтропии и законе Шэннона.

Сэр Остин начал раздуваться, но тут вмешался Джейк:

— Кардинг, приятель, будь очень осторожным в спорах с моей дочерью по поводу теории информации. Рискуешь сесть в лужу.

Сэр Остин мигом сдулся, *действительно* выслушал Дити — и с тех пор относился к ней с большим уважением. Ментальная арифметика была лишь удобным инструментом, позволяющим экономить время… но вышло так, что в одной из областей математической теории Дити оказалась более подкованной, чем он. Он перестал называть ее «доктор» и перестал обращаться с ней

как с «леди» — это был перевернутый комплимент, его способ признать, что она математик, достойный той грубоватой теплоты, с которой общаются профи.

Но это случилось уже после его капитуляции перед Джейком. На перемирие сэр Остин безоговорочно согласился в тот день, когда увидел наши волшебные ванные комнаты. Он еще размышлял над ними, когда Зебби сказал Джейкобу:

— Доктор, и Торндайк, и Тед хотят прокатиться на Гэй. Как насчет этого? Совет, пожалуйста.

— Что говорит адмирал Хэйнс?

Тед серьезно ответил:

— Я больше не нуждаюсь в его разрешении… и я не собираюсь с ним советоваться по этому вопросу, он может возразить.

— В точности мои чувства, — подтвердил Ла Верн Торндайк. — Эй, Ворсел, перекормленный ты крокодил, мы собираемся смыться с работы. Не разболтай никому, хорошо?

— Хорошо, Ла Верн… если мне предложат соответствующую взятку.

— А что ты хочешь? Фунт плоти из моей груди?

— Дружище, у тебя там нет никакой плоти, одни транзисторы. Я смотрел. Как ты отметил, я слишком перекормлен, чтобы прокатиться в «Гэй

Обманщице». Так что я требую, чтобы ты поставил свой первый образец двигателя на корабль достаточно большой, чтобы я в нем поместился… и взял меня с собой в испытательный полет, разумеется.

Тед рассмеялся:

— Он загнал тебя в угол, Торндайк.

— Он загнал туда нас обоих… поскольку это тебе придется позаботиться, чтобы мне предоставили такой корабль… вместо маленького скоростного разведчика, который приказал использовать адмирал.

— Договорились.

— Дити, а ты можешь перестроить программу «Б, Е, Ж, И, М» на это место? — спросил Зебби. — Джейк, как насчет короткой последовательности, которую мы сможем выполнить за час? Отбросим те четыре, которые мы посчитали опасными, особенно тот полый мир. Нигде не приземляемся.

Дити очистила программу «Б, Е, Ж, И, М» и поставила на замену Главную Базу, используя уже отлаженную схему команд, как вдруг возникла неожиданная заминка…

Сэр Остин потребовал, чтобы его взяли с собой.

— Серый Ленсмен Смит, в этом проекте я главный теоретик, точно так же как Торндайк

главный по технологии. И поскольку мест только два, очевидно, вы должны остаться.

Я видела, что Тед сражается с собой и собирается проявить благородство, поэтому вмешалась:

— Капитан Зебби, они все трое узки в талии… а Хал Халса и Тувия оба могли похвастаться широким тазом, а?

Подушки из наших апартаментов и ремни, которые обеспечил нам Торндайк, — и все трое разместились на задних сиденьях, плечом к плечу. Ла Верн прихватил с собой крохотную камеру.

Я испытала облегчение, когда капитан Зебби процитировал действующий приказ номер один: мы четверо никогда не должны разделяться, и велел мне и Дити пристегнуться на своих местах. Мне он напомнил о таблетках «бонина» и спросил, у кого нет привычки к невесомости.

Джейкоб, Ла Верн, сэр Остин и я приняли таблетки. Ворсел закрыл своим могучим телом двери ангара, головой — проход к нашим комнатам и уверил Зебби, что наше парковочное место никто не займет.

— Друзья, я не сдвинусь с места, пока вы не вернетесь. Я буду думать. Чистого эфира!

Потом зазвучали эти дивные домашние звуки: «Второй пилот», «Капитан», «Установить

перемещение по оси “Н”, положительное, один миллиард километров». «Ближний радиус действия, ось “Н” положительная, сто миллионов минимумов, верньер на восемь — установлено, капитан!».

— Немедленно после перемещения переходим к вращению по списку.

— Есть, капитан!

— Выполнять!

Я услышала, как они ахнули, а потом немного задремала. Мы не собирались приземляться, я была во всех этих местах ранее, и мы не могли выглядывать из своего закутка, не нарушая правила капитана Зебби… а если Дити немного жульничала, то тетя Язва ничего об этом не хотела знать. Ночь была короткой, а день утомительным, и приятно было отдохнуть дома, внутри «Гэй Обманщицы».

Следующее, что я осознала — Дити тыкала меня в ребра, и мы уже вернулись.

— Ты Умница, Гэй, — сказал Зебби.

— Я вся в папочку, Зеб. Подожди, еще увидишь его дробовик. Прием.

— Понял, конец связи, Гэй.

Ворсел начал «трансляцию»:

— С возвращением, друзья! Ваши отбытие

и возвращение были впечатляющими! Но вы вернулись быстрее, чем я думал.

Ла Верн глянул на часы:

— Пятьдесят семь минут. Примерно об этом капитан Картер и говорил.

— Могу я предложить, чтобы вы сверили время с обсерваторией Базы?

— Восемь минут тринадцать секунд, — сказала Дити. — Правильно, Ворсел? Папа, я говорила, что Оз на этой временной оси, я же говорила. Пятьдесят семь минут четыре секунды по корабельному времени; продолжительность по времени Главной Базы составила семь минут сорок одну секунду, все, что ушло на путешествие в Страну Оз и на два коротких маневра в этой вселенной.

— Невозм… — начал сэр Остин, но замолк на полуслове. Бедняга был в нокауте.

— Мой астронавигатор не ошибается, — заявил капитан Зебби. — Путешествуя по вселенным, мы не можем себе позволить ошибок.

— Когти Клоно! — воскликнул Тед Смит. — Она совершенно права. Я только что проверил в обсерватории.

— Серый Ленсмен Тед, нет сомнений, ты заметил, что я был в состоянии оставаться с вами?

— Я не был уверен, Ворсел. Я думал, что потерял тебя на первом вращении.

— Не совсем. У меня было головокружительное ощущение наложенных друг на друга вселенных, потом приятный полет над красивым пейзажем — Оз, как я понимаю. Однако я не отвлекал вас, поскольку переживал нечто еще. Доктор Берроуз, ваш гигиенический отсек неожиданно открылся для меня. И остается таким. Определив положение той вселенной, я не теряю ее. Дити, твоя подруга Глинда Мудрая, Прекрасная и Добрая посылает тебе свою любовь.

— Зебадия, мы должны были приземлиться!

— Глинда понимает, почему это было бы неразумно. Еще она просит передать капитану Зебадии, чтобы он не задерживался тут слишком долго. Это меня огорчает, но Глинда права. Здесь не место вашего финального отдыха. *Хильда не-горчица, если ты пойдешь в свою гардеробную, я думаю, что смогу добраться до твоих мыслей.*

– *Сию секунду, Ворсел!* — я поспешила обратно к машине, на ходу бросив Джейкобу: — Скоро вернусь, дорогой!

— Ворсел, ты еще тут?

— Да, Красотка Хильда. Спасибо. У меня теперь есть над чем подумать.

Сэр Остин был настоящим ученым, после этой демонстрации он сдался полностью, отбросил свои предположения и тщательно изучил то, чему мог научить его Джейкоб. Однако Ла Верн Торндайк был куда лучшей компанией за столом и появлялся не реже, поскольку он не только разбирался, как построить континуумоход Берроуза для Патруля, он придумывал и конструировал множество улучшений для Гэй. Зебби никому бы не позволил коснуться ее шкурки, но были инструменты, в которых она нуждалась — более точный прицел для пушки, более дальнобойные и точные радары; все это было у Галактического патруля, и они с радостью предлагали их в обмен на то, что мы давали им. Для многих новых инструментов Дити написала новые голосовые программы, чтобы Гэй могла помогать Зебби и Джейкобу.

Но мне, вечной бабочке, почти нечем было заняться. Готовить не надо, мы могли получать дюжину блюд через систему доставки прямо в комнаты. Уборка дома? Суетливые маленькие автоматы заботились о нашем жилище, никогда не мешали, никогда не просили выходных.

И я проводила много времени с Ворселом.

Он едва мог просунуть голову в наши апарта-

менты, так что чаще я ходила к нему — в огромное аскетичное помещение, что обеспечивало его потребности, хотя я никогда не была уверена, в чем они заключаются. У него всегда находилось для меня время, а его текущие обязанности, как он объяснил мне, состояли в поддержании связи с Кимбаллом Киннисоном. Дракон мог следить за всем, что делает Ла Верн, и помогать ему с помощью своих необычных чувств, и оставаться в контакте с адмиралом Хэйнсом, и докладывать Серому Ленсмену, не покидая четырех стен, и у него еще оставалось достаточно умственных ресурсов — куда больше, чем у многих людей, — чтобы общаться со мной.

Он изучал меня — с моего позволения; я разрешила ему заглядывать в мой разум настолько глубоко, насколько это возможно для меня. Но он сказал мне, без печали, но с глубоким интересом, что в отличие от других разумов тут он, даже при моем сотрудничестве, может воспринимать только то, о чем я думаю и осознанно вспоминаю.

Я открывалась ему так широко, как только могла, тихо сидя в позе лотоса и пытаясь вспомнить все подряд. Я прожила не очень полезную жизнь и сделала множество вещей, осуждаемых церковью, к которой я принадлежала, но не думаю, что

совершила нечто такое, чего не стоило бы знать крылатому дракону. Я пригласила его внутрь и заново прожила собственную жизнь, весь возможный опыт за сорок два года. Особенно упорно я старалась передать Ворселу, что значит быть женщиной и что значит любить — ментально, эмоционально, духовно, физически.

Но сначала я призналась Джейкобу, что хочу это сделать. Он поцеловал меня и велел не стесняться — он ценил приватность, но не видел причины не впускать велантийца в нашу жизнь. Джейкоб общался с Ворселом достаточно, чтобы понять, что тот может быть доверенным другом… и наши расы так отличались, что глупо было испытывать перед ним застенчивость.

Может ли женщина влюбиться в дракона? Может… но это не уменьшило моей любви к Джейкобу, а только усилило ее. Старая коза, я так старалась передать дракону все свои самые сильные переживания, что я не раз почти реально *проваливалась* в прошлое, и Ворсел проникал так глубоко в мой разум, как это только было возможно. Если мой возлюбленный дракон не узнал, какова внутренняя истина женского бытия — бытия *этой* женщины, — то ее вообще нельзя передать.

После этих сеансов я чувствовала себя выжатой, освеженной и духовно очищенной.

Он *говорил*, что разделяет мои переживания, и мы их обсуждали, разум к разуму, и это было, словно размышлять с самим собой, но радостно. Думаю, Ворсел *прожил* мою жизнь, все ее важные части, хорошие и плохие, и отложил их для медитации в своем великом мозгу.

Но я на самом деле этого никогда не узнаю.

Он взял меня с собой полетать. *На самом деле* полетать, в воздухе, сидя на его спине, когда он взмахивает своими огромными крыльями. По этому поводу Джейкоб нервничал больше, чем по поводу моих откровений с Ворселом — я не думала, что это его обеспокоит, иначе сама бы не решилась. Но доктор Лейси заверил Джейкоба, что Ворсел столь быстр, что я могу спрыгнуть с него в воздухе, и Ворсел тут же окажется подо мной и подхватит меня, точно жонглер, который ловит яйцо в тарелку. Доктор Лейси сказал «спрыгнуть», потому что, по его словам, упасть я *не смогу*, ведь Ворсел будет оберегать меня каждую секунду, если я намеренно не закрою свой разум. Но я в последнюю очередь подумала бы о том, чтобы закрыть мой разум от Ворсела, я пыталась открыть его еще шире, насколько

возможно.

Но блок в моем сознании никуда не делся, и мне приходилось *напрягаться* всякий раз, чтобы впустить его.

– XLIII –
Джейк

Хильда — моя идеальная вторая половинка, она всегда рядом, когда я в ней нуждаюсь, не беспокоит меня, когда я работаю, не возмущается, когда я работаю много часов, не пытается «понять» математику за пределами своего обучения, не ожидает, что я разделю ее интересы, которые мне не интересны. Мы дополняем, а не повторяем друг друга, как близнецы.

Ее эмпатия столь велика, что она проконсультировалась со мной, прежде чем решиться на эксперимент с Ворселом. «Любовь моя, *quo animo?*[150] — сказал я. — Если бы ты захотела лечь на кушетку для исповеди перед Карлосом, я мог бы задуматься о другом назначении кушеток. Я не стал бы пытаться остановить тебя, и я достаточно зрел, чтобы не расстроиться по этому поводу. Но в случае с Ворселом вопрос «Quo animo?» задавать бессмысленно, ответ очевиден: дух Ворсела благодатен. Он не повредит тебе, ты не можешь повредить ему, и вы оба можете

---

[150] Сноски: 150

Quo animo? — Каков мотив? С какой целью? (*лат.*) — *Прим. С. В. Голд.*

многому научиться. Я ужасно занят работой и пренебрегаю тобой, и я рад, что ты не скучаешь. Вперед!».

Сожалел я только о том, что сам не мог позаимствовать этот громадный мозг. Но Ворсел и вся его раса — скорее психологи, чем математики. Они способны освоить любую математику, что им потребуется, но движет ими только интерес к работе разума. Хильда могла обогатиться, общаясь с Ворселом — и я подозревал, хихикая про себя, что Ворсела тоже ждут сюрпризы. Нет, я не притворяюсь, что понимаю Хильду, я просто плыву в потоке ее любви.

А вообще я был занят, как кошка-мать с девятью котятами. Мог потратить все двадцать четыре часа, учась у Кардинга; он был почти на уровне Мобиаса Тораса — и при этом нам не мешал языковой барьер. Как только он осознал, что у меня есть нечто действительно новое для него, он вцепился в это с упорством питбуля… он упрощал мои формулировки, выводил следствия, о которых я не подозревал, сокращал уравнения, изобретая обозначения, которые проще было использовать и которые делали вычисления более элегантными.

Он выстроил из моих посылок такое грандиоз-

ное сооружение, что я начал называть его «преобразование Берроуза — Кардинга». Он протестовал «О нет, друг мой! Я не могу этого принять. Я всего лишь сделал черновую работу». И все же ему явно было приятно. Когда был завершен финальный вариант для Научной библиотеки Базы, я, не посоветовавшись с ним, озаглавил его «Преобразования Берроуза — Кардинга: Квантовая механика n-мерных континуумов».

Он слабо запротестовал и позволил мне переубедить себя и при этом почти мурлыкал. Это меня устраивало. Надо мной не довлели вопросы публикации, репутация в этом мире ничего для меня не значила. Я ожидал, что мы отбудем, как только Зеб и Ла Верн закончат улучшать «Гэй Обманщицу». Добавив второго автора к этой статье, я подвязал к этой теме отличного математика, а сам смог обратить внимание на инженерные вопросы.

Зебу и Торндайку не требовалась моя помощь, но мне нужно было понять, что они делают. И Дити с Хильдой тоже. Мы не предполагали, что они займут одно из передних кресел, на нас слишком давили их сроки, чтобы мы могли позволить себе их обучение и практику. Но знать систему управления они были *обязаны*, чтобы в экстрен-

ной ситуации заменить меня или Зеба, или нас обоих. Они обе могли управлять фибией в полете или на земле, хотя ни одна не привыкла к такой крутой машинке, как «Гэй Обманщица» (кстати, я тоже). Дити уже знала систему верньеров, я учил Хильду… и учил обеих всем улучшениям, о которых узнавал сам.

Deus volent[151], им не придется использовать все это, пока их животики снова не станут плоскими в какой-нибудь мирной стране с хорошими акушерами.

Мы рассматривали возможность оставаться на Главной Базе еще год, нас к этому подбивал доктор Лейси, а адмирал Хэйнс известил, что по совету Серого Ленсмена Смита, мастера-технолога Торндайка, сэра Остина Кардинга и Ленсмена Второй Ступени Ворсела он присвоил нам пожизненный десятый класс обслуживания и денежного довольства, то есть мы были богачами, пока оставались на Теллусе или где угодно в этой галактике, и этот статус восстанавливался при нашем возвращении, если мы куда-то отлучались. У сэра Остина был десятый класс, как и у Ла Верна; Патруль щедро платил за мой

---

[151] Сноски: 151

Deus volent — бог даст (*лат.*). — *Прим. С. В. Голд.*

межпространственный двигатель.

Мы обсудили это вчетвером в один из вечеров. Предложение было заманчивое — состояние большее, чем мы оставили, когда стали беженцами, не только развитое акушерство, но и медицина столь продвинутая, что использует контролируемую регенерацию, культура более развитая, чем наша, но как будто выросшая из нашей. (Хотя мы знали, что это не так.)

Мы обсуждали все «за» и «против» в течение нескольких часов, затем провели голосование, решив, что только единогласно можно принять такое решение. Голосовали тайно, чтобы никому не пришлось высказываться первым.

Четверо против нуля за то, чтобы отбыть сразу после завершения работ.

— Это все упрощает, — сказал Зеб. — Мы отправимся исследовать ось «тэ». Кто-нибудь хочет сказать — почему? Зачем покидать рай и снова отправляться в путь? Если хотите послушать, я изложу свои доводы.

— Давай, Зебадия, скажи нам.

— Дити, золотце, здесь идет война. Мы знаем — а они нет, и мы не можем им сказать, — что она будет продолжаться очень долго. Еще целое поколение, если романы, которые мы все читали,

говорят правду. Я полагаю, что так и есть, иначе эта вселенная не походила бы так на истории доктора Смита. Возможно, устройство, которое мы смогли им дать, сократит этот срок… или не окажет никакого эффекта. У них нет недостатка в оружии, их корабли мощны и быстры, но успех зависит больше от детективной работы, чем от оружия — а с этим мы не можем им помочь. Победу определят действия еще не родившихся детей… черт, их родители еще не поженились: Кларисса Мак-Дугалл служит в госпитале Базы.

И это *не наша* война. Но она станет нашей, если мы останемся. Я не смогу остаться в стороне. Видит бог, я не герой… но у меня руки зачешутся, и я пойду в армию, вероятно, как рядовой звездолетчик — это все, на что я гожусь *здесь*. Дити, оставшись, я бы завербовался почти сразу, и все еще был бы на действительной службе, когда наш ребенок получил бы право голоса… если бы меня не убили раньше. Поэтому я хочу свалить отсюда, пока не начал думать, что это *моя* война.

Дити сказала:

— Зебадия, перед отбытием мы можем рассказать им о эддорианцах и Эддоре.

— Дити, ты всегда хочешь, чтобы никто не пострадал, и я люблю тебя за это. Но из этих исто-

рий совершенно ясно одно: цивилизация *должна* пройти это испытание, чтобы стать достаточно сильной, и встретить новые. Никаких легких путей, никаких обходов. Если мы попытаемся рассказать, то нам либо не поверят… либо Ментор нас остановит. Способ, которым он это сделает, может оказаться довольно грубым… но он нас остановит.

— Зеб, твое упоминание Ментора кое о чем мне напомнило, — сказал я. — Хильда, любимая, когда «Ночной ястреб» впервые заметил нас, ты упомянула Ментора в разговоре с Тедом. Помнишь?

— Конечно, Джейкоб. Я велела ему не лезть в мой разум глубже, чем требуется для беседы, поскольку Ментору это не понравится.

— И что он ответил?

— Он сказал, что его удивило мое упоминание — он не сказал «Ментора», он сказал «определенного существа», — что это странно слышать от того, кто не является Ленсменом. Я сказала ему, что мне не нужна Линза и что он может проверить это на Эрайзии.

— Зеб, именно поэтому нам оказали посольские почести. А не потому, что у нас было нечто, им нужное.

— Имеешь в виду, что Тед действительно свя-

зался с Эрайзией? Не думаю, что он на такое способен.

— Нет, нет! Тед все доложил в рапорте *Хэйнсу* — дословно. Хэйнс передал Киннисону. Киннисон — Ворселу. Я не думаю, что при этом они упустили хоть одно слово. Возможно, Киннисон связался с Эрайзией, но это в любом случае не имеет значения. Рапорт вынудил относиться к нам как к послам из другой вселенной.

— Джейкоб, адмирал Хэйнс вовсе не относился к нам так поначалу. Мне пришлось его отшлепать!

— Ну да. И ты упомянула Ментора снова. Семья, кто-нибудь еще упоминал «Ментора» или «Эрайзию» в разговорах с кем-то, кто не является Ленсменом? Я — нет.

— Конечно нет, папа. Мы все знаем, что это секрет Ленсменов.

— Подожди, Дити, — влез Зеб. — Джейк, что насчет нашего первого контакта? Его слышала целая рубка управления.

— Зеб, вспомни еще раз. Напряги память.

— Э-э-э… да. Опять облажался. Контакт через Линзу. Значит, только Тед это слышал… и не сказал никому, кроме Хэйнса. Хильда, моя дорогая, адмирал сам напросился на то, чтобы ты его

отшлепала.

— Я знаю, Джейкоб. Черт подери, он мне нравится! Зачем он это сделал?

— Намеренно.

— Но *зачем*?

Зеб посмотрел на меня, и я ответил:

— Наверное, потому, что его об этом попросил Киннисон. Нет, Хэйнс не забыл ни слова из рапорта Теда, можно поспорить. Адмирал намеренно решил нас разозлить.

— Я не злилась, Джейкоб, ты же знаешь, я не злюсь. Я вмешалась, потому что должна была вмешаться. Пока кое-кто не разозлился *по-настоящему*.

— Но почему адмирал Хэйнс сделал это, папа? Бедняга Тед! Мне его так жаль.

— Дити, и ты, Язва, — начал Зеб. — Я догадался, к чему ведет Джейк. Старый трюк? Сначала Суровый Парень, Хэйнс… потом Мягкий Парень, доктор Лейси.

— Да, — согласился я. — Не уверен, что Тед был в этом замешан, не думаю, что он хороший актер. Но Ворсел знал.

— Папа! Ворсел милый.

— Дити, золотко, — серьезно сказал ее муж. — Ворсел *очень* милый, да. И он разорвет нас на

клочья, если это послужит его целям. Как и Хэйнс. Это их не обрадует, но они сделают это без колебаний. Прибытие Ворсела было очень к месту. Он отправляется с другого конца галактики и прибывает точно в тот момент, когда сэр Остин впадает в раж… и ловко усмиряет бурю. Акт второй, да, Джейк?

— Акт третий. Первый — это наша встреча со всеми почестями.

— Принято, Джейк. Кто-нибудь заметил, что, несмотря на то, что мы знаем слишком много об этой вселенной для тех, кто только что прибыл — и показали это не раз, — только Тед проявил хоть какое-то удивление? Да и он только поначалу.

— Я заметил, — подтвердил я.

— А я нет, — сказала моя дочь. — Люди относятся ко мне хорошо, я отношусь к ним хорошо. Если они относятся плохо, я ухожу. Я не беспокоюсь о таких вещах.

— Это моя Дити. Джейк, на Барсуме у нас была легенда, и нам удалось ее сохранить. Едва-едва. Тут у нас ничего нет. И когда на нас опустится второй ботинок?

— Зебби, я не думаю, что так будет, — заметила моя жена. — Помнишь теорию, которую ты назвал «мультиличностным солипсизмом»?

— Хотел бы я ее забыть, Язва. У меня от нее мороз по коже.

— Да, жутковато. Потому что ее основной тезис требует, чтобы *все* вымышленные персонажи были бы столь же реальными, как и мы — где-то в своей вселенной. А значит, верно и обратное — мы *тоже* вымышленные персонажи, если находимся за пределами собственной вселенной.

— Вот об этом я бы и хотел забыть.

— Это не значит, что мы нереальны, Зебби, это просто значит, что *они* тоже реальны. Тувия. Страшила. Тед Смит. Ворсел. Они спокойно живут в этой концепции. Почему бы нам не жить? Я говорила с Ворселом, он принял это серьезнее, чем вы с Джейкобом. Он говорит, что это вполне обоснованная гипотеза, и предлагает проверить ее на нас.

– *Как* проверить, Язва?

— Найти историю, из которой мы. Искать не только здесь, но на любой планете, где цивилизация открыла литературные формы, литературу вымысла. Он говорит, что такое есть не у всех.

— Спасибо Клоно за это! Я боялся, что именно это ты и имела в виду, говоря «проверить на нас». Язва, скажи ему, чтобы не беспокоился! Если мы персонажи из книги, то я не желаю ее чи-

тать — слишком велико искушение подсмотреть концовку.

— Но Зебадия, это может подсказать нам, где находится наша Уютная Гавань. Мы могли бы отправиться прямиком туда!

— Да, Дити, но еще это может подсказать, что мы никогда ее не найдем. Нет, милая, если мы в книге, я хочу прожить ее главу за главой, и не знать, что в конце, пока до него не доберусь.

— Зебби, я так и думала, что ты это скажешь. Но я не верю, что Ворсел когда-нибудь найдет нашу книгу… или, если она найдется, возможно, у нас не получится ее прочитать. Потому что, когда мы с Ворселом обсуждали квантование мысли и, как следствие, всей беллетристики, я вдруг обнаружила, что ничего не помню о войне с босконцами за пределами сегодняшнего дня. При этом я *помнила*, что читала «Дети Линзы», они были в библиотеке дедушки Роджерса. Сейчас я вспоминаю — цивилизация в конечном итоге победила и эрайзианцы ушли, поскольку их работа была закончена. Но если мы с Ворселом сядем обсуждать это снова, я уверена, что у меня снова случится провал в памяти. Зебби, я не думаю, что *возможно* рассказать персонажу книги, чем она закончится; полагаю, это зашито где-то в теории.

— Надеюсь, что так!

— Ворсел не прикажет начать поиск, пока я не попрошу… а я не стану этого делать. Но сегодня я узнала одну вещь. Мы с Ворселом обсуждали тот факт, что Теллус во многом похож на Землю, какой мы ее знаем… и все же настолько отличается в деталях. Зебби, как хорошо ты знаешь историю?

— Так себе. Зачем тебе это?

— Кто был президентом после Трумэна?

— Эйзенхауэр. И что?

— А кто следующим?

— Первый Кеннеди. Он умер на своем посту, и его вице-президент закончил срок, а потом баллотировался сам. Кажется, это было в тысяча девятьсот шестьдесят четвертом. Он тоже не проработал весь свой срок… Хэмфри вступил в должность в шестьдесят пятом. Это…

— Только не на Теллусе. Если верить хроникам, которые есть на Базе.

— А что произошло в этой вселенной?

— История оставалась такой, какой я ее помню, до тысяча девятьсот шестьдесят пятого, расхождение случилось в этом году. Хэмфри никогда не был президентом. Джонсон закончил свой срок, и за ним последовал тот, о ком я никогда не

слышала. Голдуотер[152].

— Еще один генерал.

— Нет, Зеб, — вмешался я. — Сенатор. Я его помню, поскольку он из Аризоны, его имя там хорошо известно. Но он никогда не был президентом.

— Не в нашем мире, Джейкоб, — сказала Хильда. — Но *в этом* он был выбран на тот срок, который у нас занимал Хэмфри. Не буду даже пытаться перечислить тех, кто был дальше, после шестьдесят пятого не было ни одного знакомого. В тот самый год Джонсон *не погиб* в автомобильной аварии, так что Хэмфри не занял его место. И с этого момента все изменилось. Этот твой Голдуотер — сенатор, генерал или кто он там еще. Из какой он был партии?

— Унионисты, — ответил Зеб.

— Я так не думаю, Зеб, — сказал я.

— Разве это имеет значение, Джейк? В нашем мире он не стал президентом, его срок отсидел Хэмфри. А в этом он правил триста лет назад. Давайте забудем об этом. Где бы мы ни оказались в итоге, нам придется заново учить историю.

---

[152] Сноски: 152

Хайнлайн жертвовал средства и сам активно участвовал в избирательной кампании республиканца Барри Голдуотера в 1964 г., возлагая на него большие надежды в плане смены направления внешней политики США. — *Прим. С. В. Голд.*

— Один момент, джентльмены. Хотя я не узнала никого из президентов после расхождения в шестьдесят пятом, я запомнила имя президента, который отрабатывал срок в тот день — по местному времени, — когда мы покинули дом. Бывший профессор колледжа.

— Джейк Берроуз?

— Нет, Зебби. Джейкоб никогда бы *так* не поступил. Дж. Уортингтон Джонс.

— Что? *Заражено!* Давайте убираться отсюда!

– *Было* заражено. Ворсел говорит, что Теллус сейчас чист. После Джонса наступило междуцарствие, затем последовал период беспорядков. Ворсел знает, что такое *панки*, но не знает, откуда они явились. Говорит, что они не важны, поскольку такие мелкие паразиты не способны выстоять против любой развитой культуры. Но он обещал поработать над способами их обнаружения для нас, на случай, если мы снова с ними столкнемся. И еще он говорит, что мимики — его термин для паразитов, которые притворяются истинными людьми вроде нас или велантийцев — не несут реальной угрозы, если не умеют наводить галлюцинации. Кажется, он уверен, что у нас четверых есть против них иммунитет — из-за блоков в нашем разуме. Хотела бы я быть

столь же уверенной, как он: Правители Дельгона должны быть похуже, чем *панки*.

– XLIV –
Зебадия

— Экипажу, приготовиться к выходу в космос. Астронавигатор.

— Приборы наведения готовы. Туалеты и дверца в переборке заперты. Ремень пристегнут.

— Научный сотрудник.

— Перцептрон[153] настроен, ремень пристегнут. Я приняла таблетку, капитан Зебби.

— Второй пилот.

— Верньеры настроены, показатели в норме. Таблетка принята. Герметичность правой двери проверена. Ремень пристегнут.

— Ремень пилота пристегнут, левая дверь герметична. Шесть секунд на прощания, затем маневр. До встречи, друзья! Спасибо за все! Продолжайте сражаться!

Голос адмирала Хэйнса отозвался из динамиков:

— Чистого эфира, капитан!

— До свидания, Кардинг!

---

[153] Сноски: 153

Перцептрон — от слова «перцепция», восприятие, распознающий детектор. — *Прим. С. В. Голд.*

— Веселее, Берроуз!

— Пока, Тед, Ла Верн, Карлос!

Мягкий голос Ворсела пропел в наших головах:

— Чистого эфира, дорогие друзья! Достойная любви и любимая Не-Горчица, зови, и я примчусь.

– *Мой дракон, я не должна плакать. Алоха и до встречи.* До свидания, Ворсел, Тедди, адмирал, Карлос, доктор… и скажите спасибо доктору Филлипсу!

— Всем счастливо! Люблю вас всех!

— И все любят Дити! Скажи ей, старый змей.

— Я скажу, Карлос. Милая дщерь Дити, ты остаешься у нас в сердцах.

— Приготовиться к маневру. Привет, Гэй.

— Привет, Зеб. Выглядишь как с похмелья.

— Я и есть с похмелья. *«Гэй Обманщица»… верни нас домой!*

Аризона была почти безоблачной.

— Кратер на месте, капитан Зебби.

— Ось «L», плюс один по списку — установлено, капитан!

— Выполнять!

— Никакого кратера, капитан. И дома тоже нет. Только горы.

— Плюс два — установлено, капитан.

— Принято, Джейк. Сначала рутинная проверка? Совет?

— Никаких данных, капитан. Может быть, краткий маршрут с управлением голосом?

— Годится. «Гэй Обманщица»… обзорный тур. Высота — десять километров.

— Будем пялиться на селян с десяти тысяч метров. Поехали!

— Джейк, держи палец на кнопке. Гэй — Майами-Бич.

Под нами лежал фантастический, но знакомый город.

— Язва, что ты видишь?

— Что я не вижу *ничего*. Включайте свой ретранслятор, капитан.

— Включи его, Джейк. Ну, Хильда?

— Зебби, на улицах полно народу. Солнечный день. Пляжи пустые. Почему?

— Враг на шесть часов над горизонтом, капитан!

— Гэй, *бежим!*

Земля-Тэ-Один-Плюс, огромная и теплая, медленно вращалась под нами. Далеко внизу ураган наползал на Техас.

— Кто-нибудь хочет продолжить осмотр? — спросил я.

— Зебадия, как я могу продолжить, если я не успела ничего увидеть? — сказала Дити.

— Но Язва видела, и Джейк тоже. Народ, я не испытываю энтузиазма по поводу мира, где в меня стреляют без предупреждения. Джейк, та метка на радаре *точно* была ракета?

— Думаю, да, капитан. Курс на столкновение, допплеровская сигнатура более тысячи узлов с ускорением.

— Это ракета, вероятно, из Хоумстеда, его местного аналога. Ребята, здешние парни слишком быстро спускают курок, а я по природе трус. Комментарии?

— Капитан Зебби, я не спорю, но меня больше беспокоят пустые пляжи. Я могу назвать несколько причин, по которым пляжи Майами опустели в такой погожий день, но все они не слишком приятные.

— Хочешь проверить Сан-Диего или Лонг-Бич? Можно оттянуть момент, когда придется бежать, поднявшись повыше, до предела досягаемости твоего перцептрона.

— Капитан, я бы не советовал. Мы договаривались, что одной проверки достаточно… а у нас на этой оси еще более двадцати тысяч аналогов.

— Дити?

— Папа все сказал, Зебадия.

— Очень хорошо, народ. Просто хотел быть уверенным, что все согласны. Продолжаем согласно принятому плану. Задерживаемся в каждом мире до тех пор, пока не увидим, что с ним что-то не так. Что угодно — *панки*, война, низкий уровень технологии, отсутствие людей, плохой климат, перенаселенность, фактор Х. Если в ближайшие две недели мы не найдем нашу Уютную Гавань, то рассмотрим вопрос о возвращении на Главную Базу к экспертам по детским кроваткам доктора Лейси.

— Зебадия, если мы будем ждать на Главной Базе, пока не родятся дети, а потом будем ждать, пока они подрастут для путешествий, то мы *никогда* не найдем Уютную Гавань. Мне было тяжело уезжать оттуда уже сейчас.

— Я же сказал «рассмотрим». Можем найти приятное место, где задержимся на пять месяцев или около того, а потом вернемся в госпиталь Базы, на Торжественное Событие. В качестве временного жилья подойдет, например, пустой мир — без людей, но в остальном пригодный. Еда теперь для нас не проблема, а воду мы получаем из Страны Оз. Не хватает только телевизора…

— Ну уж, без него-то мы обойдемся![154]

— Язва, я думала, тебе нравится «Стар Трек»?

— Нравится. Но я смотрю его уже пять сезонов, а теперь у нас есть свой «Стар Трек».

— Да, но хирург-маршал предупреждал меня, чтобы вы, беременные красотки, не хватанули лишку нашего реального «Стар Трека». Он говорил очень серьезно. Особенно насчет невесомости, и даже выдал мне распечатанные инструкции, в которых расписаны ежедневные упражнения и тому подобное. В деталях.

— Зебби, дорогой, мы с Дити получили те же самые инструкции. Поспорим?

— Нет. И Джейк тоже. Доктор Лейси перекрыл все пути. Будем стараться охватить как можно больше миров в сутки, но процедуры для округлившихся животиков будут соблюдаться строго.

— Тогда поспешим, капитан Зебби.

— Второй пилот.

— Капитан.

— Выполнять.

Земля-Тэ-Один-Минус заняла место Тэ-Один-Плюс.

— Джейк, тут что-то не так. Астронавигатор,

---

[154] Сноски: 154

Реплика опущена в издании, восстановлена по тексту «Число Зверя». *— Прим. С. В. Голд.*

я хочу прыгнуть на сотню километров, не во Флориду, а куда-нибудь в долину Миссисипи в район Сент-Луиса или где-то рядом. Дай Джейку настройки. Нужно менять положение машины?

— Необходимости нет, Зебадия, но получится быстрее, если ты направишь Гэй на твою цель — тогда мне не нужно будет устанавливать угол.

— Так годится?

— Отлично. Папа, установи переход по оси «L» на девять тысяч восемьсот сорок минимумов.

— Установлено, капитан.

— Выполнять.

— Зебби, вот это я называю суровой зимой.

— А я нет. Это *долгая* зима. Хотя на самом деле тут лето, я думаю. Все аналоги Земли должны находиться в той же точке орбиты, что и сама Земля. Джейк?

— В теории — да, но перед нами факт. В любом случае это не имеет значения, капитан: это явно оледенение. Тэ-Два-Плюс установлена.

— Мы не можем селиться на леднике. Выполнять.

— Джейк, сколько ледниковых периодов мы уже прошли?

— Пять, я думаю. Дити?

— Пять — точно, Зебадия. Плюс два мира, где

шла война, один, где по нам стреляли, и один с каменным веком даже в Европе.

— Значит, ледники попадаются с большей вероятностью, чем все остальное?

— Пять к четырем с точки зрения статистики ничего не значат, Зебадия. Ну, хотя бы тетя Хильда не заметила ни одного *панкера*.

— Язва, насколько хороша твоя магическая гляделка?

— Зебби, даже если я не смогу вывести их на экран, я все равно их обнаружу, как бы они ни маскировались. На тренировках, которые устраивали для нас Ворсел и Ла Верн, я засекала их походку перцептроном в тех же случаях, когда Дити идентифицировала ее с помощью компьютера и анализа Фурье.

— Я помню. Но насколько ты сама уверена в этом приборе? В то, что он сработает в поле, а не только в лаборатории.

— Ты хочешь сказать «насколько я уверена в пройденном у Ворсела обучении»? Абсолютно. Машина не делает всю работу, она только позволяет мне увидеть. Ла Верн советовал считать ее электронным телескопом.

— Да, да, телевизор на шпионских лучах — гаджет электронный, и я надеюсь в нем разобраться,

когда найду время изучить спецификации. Но в себе ты уверена, и этого достаточно, да?

— Зебби, у меня нет настоящего чувства восприятия, как у Ворсела, у него не было времени обучать меня, и я не уверена, что смогла бы его освоить. Но для этой единственной цели — думаю, что смогу засечь *панкеру* за сотню метров безо всяких перцептронов и с повязкой на глазах. Ворсел очень точно меня настроил на их неловкую походку, как с маскировкой, так и без нее. Но я хотела упомянуть кое-что еще. Если верить геологам, то дома — на Земле, где мы родились — мы находились в кратком периоде тепла между оледенениями.

— Я слышал.

— Если их теории верны, то чаще всего мы будем натыкаться на оледенения.

— Возможно. Но — «если»…

— Да, «если»… Но теперь-то ты знаешь, как они выглядят. Если вы с Джейком сможете разработать стандартную процедуру, то сможете перелистывать ледниковые периоды, едва они появятся в поле зрения.

— Попробуем ускорить этот процесс. Второй пилот — *выполнять!*

— Капитан, *подожди!*

— Почему, Дити? Мы готовы к перемещению.

— Потому что я не уверена, что мы действуем правильно. Папа установил Тэ-Пять-Плюс, так?

— Джейк?

— Совершенно верно, капитан.

— Тогда в чем проблема, астронавигатор? Мы готовы отправляться дальше.

— Да, но… Зебадия, я сказала, что пять к четырем с точки зрения статистики ничего не значат. Это так и есть. Но я вижу тут закономерность… возможно.

— Давай, дорогая, выкладывай!

— До сих пор все оледенения были на «тэ-минус». Это, конечно, может быть случайностью, но…

— …но оно так не выглядит. Ты имеешь в виду, чтобы мы исследовали только направление «тэ-плюс»? О'кей, я это обдумаю. Второй пилот?

— Нет, Зебадия! Капитан. Я имела в виду, что мы должны посмотреть достаточное количество «тэ-минус», чтобы получить статистически значимую выборку. Как минимум сотню.

— Джейк?

— Капитан, если мы будем передвигаться только в одном псевдонаправлении — например, «тэ-минус», — это будет в четыре-пять раз быст-

рее, чем мотаться туда-сюда из плюса в минус. Менять направления быстро нельзя, я должен быть с этим очень осторожен. Но если мы движемся в одну сторону, я могу делать установку одним щелчком, и ты можешь командовать «Выполнять!» сразу же.

— Джейк, мы выбрали скачки туда-сюда потому, что предположили — чисто умозрительно, если не считать того единственного случая, мира без «J», — что ближайшие к нам в гиперпространстве миры будут больше похожи на наш родной. Но это предположение оказалось неверным. Поэтому мы дадим Дити собрать статистическую выборку. Быстро. Установил Тэ-Шесть-Минус.

— Э-э-э… установлено, капитан.

— Когда я скажу «старт», я хочу, чтобы ты начал пролистывать их как можно быстрее, *не дожидаясь* приказа. Точно слайды в проекторе. Я буду отслеживать только признаки ледниковых периодов, их можно обнаружить за долю секунды. Если замечаю теплый мир, я кричу «Стоп!». Дити, ты сможешь вести подсчет?

— Да, капитан.

— О'кей. Если Дити или я кричим «Стоп!», ты останавливаешься. Ты тоже, Хильда. Пусть твой перцептрон отдохнет — мы смотрим только лед-

ники или зеленые миры. Ясно, Джейк?

— Двигаться по «тэ-минус» так быстро, как я смогу устанавливать и перемещать. Остановиться, когда кто-то завопит. Есть, сэр.

— Старт!

— Стоп! — крикнула Дити.

— Джейк, я *никогда* не видел столько льда! Дити, сколько мартини можно им заправить?

— Какой вариант коктейля? Я должна оценить количество…

— Не важно, все равно у нас нет вермута. Ты получила свою выборку?

— Да, капитан. Сто оледенений, ни одного теплого мира. Это статистически значимо, я удовлетворена.

— А я нет. Джейк, я хочу экстраполировать выборку Дити логарифмически — отправиться в мир тэ-минус-тысяча, потом десять тысяч, сто тысяч и так далее. Сколько времени это займет? На сбор статистики у нас ушло, по-моему, меньше двух минут.

— Минута сорок девять секунд, — подтвердила Дити.

Джейк выглядел обеспокоенным.

— Капитан, я могу настроить шкалу перемещения, установив верньер на отметку пять, то есть

сто тысяч. Но при таком перемещении мы дважды опишем супер-гипер-большой круг[155], я полагаю.

— Разъясни, пожалуйста. Я небесный жокей, а не геометр.

— А я геометр, а не философ, и я не хочу, чтобы мы заблудились. Преобразования Берроуза — Кардинга мне представляются достаточно хорошим приближением при описании шестимерного пространства положительной кривизны; они прекрасно работали — до сих пор. Но эвклидова геометрия и ньютонова механика тоже прекрасно работали, пока человечество оставалось на Земле-Ноль и не играло со скоростями, близкими к скорости света. А вот с этого момента приближения оказались недостаточно точными. Я *не знаю*, можно ли исчерпывающе описать мировую структуру только шестью пространственно-временными координатами. Возможно, их нужно больше шести — и, возможно, намного, намного больше. Мы с Кардингом долго обсуждали эту проблему, но так и не пришли к какому-либо

---

[155] Сноски: 155

Большой Круг — здесь: результат сечения сферы плоскостью, проходящей через его центр. Приставки «супер» и «гипер» относятся к форме сферы: гиперсфера — трехмерное искривленное замкнутое пространство, а супергиперсфера — соответственно, шестимерное искривленное замкнутое пространство. — *Прим. С. В. Голд.*

заключению, поскольку абстрактная математика не имеет содержания. Математику можно использовать для предсказаний только *после* экспериментальной проверки в реальном мире.

— Но мы же этим и занимались, Джейк, — передвижения, перемещения и вращения.

— Но не слишком далеко от нашей исходной точки, от мира, который мы зовем Земля-Ноль. Я боюсь, что экстраполяция, которую ты предлагаешь, заставит нас дважды пройти по супер-гипер-большому кругу, чтобы попасть в… Какой это будет мир, Дити?

— Мир семнадцать тысяч семьсот семьдесят восемь по оси «тэ-минус», папа.

— Спасибо, Дити. Капитан, если мы прибудем туда, то сможем вернуться на Землю-Ноль, установив положительное смещение на такое же количество квантов. Но я говорю: «Если…». Вместо рекурсивного супер-гипер-большого круга мы можем двигаться по спирали или по какой-то другой кривой через измерения, о которых мы не знаем.

— Разве Гэй не вернет нас просто по команде «В, Е, Р, Н, И, Н, А, С, Д, О, М, О, Й»?

— Возможно. Но эти голосовые программы управляют машиной, в которую встроены только

шесть измерений. Возможно, она нас вернет… в нашу родную вселенную, но так далеко от Земли-Ноль, что мы безнадежно заблудимся. Капитан, если бы мы с тобой были холостяками, я бы сказал: «Вперед!» Но мы не холостые исследователи, мы женатые пионеры.

— И с приближающимся дедлайном. Второй пилот, установите следующий по списку. Тэ-Пять-Плюс, верно?

— Так точно, капитан.

— Капитан Зебби, я в игре! В *дальний* путь!

— И я тоже!

— Тихо там, на галерке! Эти дети не только ваши, но и наши, а мы с Джейком не хотим ненужного риска. Так что заткнитесь, или будете оштрафованы на три очка каждая. Второй пилот?

— Установлено, капитан.

— Выполнять!

— Похоже, неплохое местечко… по крайней мере для ланча. Хильда, начинай вынюхивать *панки*.

— Опусти меня пониже, капитан Блай, золотце. Даже на максимальной мощности мой магический глаз ничего не разглядит с такой высоты. Как насчет десяти тысяч километров над зем-

лей?

— Может, тебе хватит двадцати?

— Трусишка. Ладно, но только если ты прокатишь нас над ночной стороной, чтобы мы поискали городские огни. Если тут нет освещенных городов, то нам здесь нечего делать.

— Кроме перерыва на ланч… на каком-нибудь затерянном тропическом острове. Не хочу делить ланч с динозаврами или львами — этак можно *самому* стать ланчем. Дай ей то, что она хочет, Джейк, но с помощью передвижения, орбита на двадцати тысячах — это слишком долго. «Дай мне работу… далеко на одиноком атолле! Просто… я слишком молод, чтобы умереть! Я лишь хочу состариться!»[156].

— Ты съехал с нарезки, Зебби.

— Мятеж. Кто-нибудь заметил городские огни? Я нет.

Никаких освещенных городов мы не нашли. Быстрый осмотр полудюжины мест на дневной стороне, где на любой обитаемой цивилизованной планете должны быть города — устья больших рек в первую очередь, — показал нулевой результат. Так что я приземлил нас на ланч на пу-

---

[156] Сноски: 156
Песня Дика Джонаса.

стынный атолл, прежде убедившись, что на нем нет ничего, кроме нескольких пальм. Тут было так жарко, что Дити мигом содрала комбинезон и принялась за предписанные упражнения.

Хильда присоединилась к ней, а мы с Джейком стали готовить стол для пикника, тоже раздевшись до стильной тропической кожи. Наша идиллия была нарушена только один раз, когда я категорически запретил Дити купаться в кристально чистой воде лагуны. Но Хильда меня поддержала, указав Дити, что коралловая лагуна может таить в себе непредвиденные опасности.

— Дити, это не плавательный бассейн, и не важно, насколько чистая тут вода. Все, что в нем живет, умеет себя защищать, иначе оно бы просто не выжило. Первый закон биологии — ешь или будь съеденным. Не мы установили этот закон, но мы по нему живем или умираем. Единственный способ не оказаться съеденными — это быть умнее и осторожнее. Много лет назад волны могли перебросить через риф акулу, она уже съела тут всю рыбу — и теперь с удовольствием пригласит нас на обед.

— Ой!

— Именно. Но даже кораллы могут быть опасными.

– XLV –
Джейк

Моя дорогая жена Хильда (или все мы, так будет правильнее) нашла нам удовлетворительную планету прямо на грани срока. Ось «тэ-положительная» или «тэ-плюс» потребовала больше времени на поиски, чем «тэ-минус» — по той причине, что каждый аналог Земли и в самом деле так сильно напоминал нашу родную планету, что вызывал ностальгию. Лишь в немногих случаях их недостатки были столь очевидны, что этот вариант можно было отбросить менее чем за сутки сканирования перцептроном.

Чем больше аналог напоминал то, что мы произвольно назвали Земля-Ноль, тем дольше продолжался поиск. (Я говорю «произвольно назвали» по той причине, что любая точка в замкнутом пространстве произвольного числа измерений от единицы до бесконечности может быть избрана в качестве «центра»; нет никакой единственной «нулевой» локации. Но эгоцентрический инстинкт настолько силен, что даже мне приходилось постоянно напоминать себе об этом

элементарном геометрическом факте. Но я так мало знал о реальном потенциале изобретенного мной аппарата, что все время боялся заблудиться — как бы смело я ни разговаривал с другими.

Например, теория предполагала существование углового кванта, способного содержать набор вселенных, равный одному радиану, деленному на число *e*, дважды возведенное в шестую степень — но я не включил эту опцию в систему управления. Отчасти из-за отсутствия навыков и инструментов, отчасти из-за банальной трусости. Даже получив в помощь маленький компьютер, который мы называли Гэй — а ведь даже самый лучший компьютер может выдать сбой, как постоянно напоминает мне дочь, — я сомневался, что сумею провести нас обратно через этот лабиринт. Поэтому все вращения в моей первой модели были в точности равны девяноста градусам. Это не имело значения, поскольку и в этом случае вселенных оставалось больше, чем человек успел бы посетить за целую жизнь. Аналогов Земли-Ноль было больше, чем мы могли бы увидеть за две недели. Даже если бы мы уделяли каждому из них по десять минут и никогда не прерывались на еду и сон, то потребовалось бы более одиннадцати месяцев, чтобы

пробежаться лишь по одной оси «тэ».)

Поэтому все, что нам оставалось — это спешить и надеяться, прекрасно понимая, что нашим женам запрещено тратить на поиск более восьми часов в день и что у нас всего две недели. После этого нас ожидало трудное решение… Необитаемую планету можно отвергнуть за десять минут (если не рассматривать ее в качестве промежуточной станции). Слишком густонаселенная планета, требует на осмотр немногим больше времени. Однажды мы выскочили над местом, где на Земле-Ноль стоял наш домик, и тут же удрали. Не из-за климата — аналоги становились все теплее, — а потому что эти скалистые горы были покрыты зданиями так же плотно, как центр большого города. Мы не стали задерживаться, чтобы проверить, как сильно перенаселена эта планета, мы тут же ушли.

Немногим больше времени занимают планеты со слишком низким уровнем культуры. Лачуга остается лачугой вне зависимости от ее формы и материала, и культура, в которой распространены мелкие парусные суда и тягловые повозки в качестве главных средств транспорта, не может иметь продвинутой медицины, хирургии и акушерства — по нашему общему мнению.

Но многие аналоги на этой оси нельзя было отвергнуть так легко: на них был хороший климат, население по нашим меркам не слишком велико, и имелись высокие технологии, судя по виду их городов, дорог, гаваней, самолетам и тому подобному. К ним мы подходили очень осторожно — та ракета, которую выпустили по нам без предупреждения в первом же мире, заставила нас с Зебом опасаться неожиданной атаки. Мы появлялись на большой высоте, радары на максимуме, готовые удрать при малейшем намеке на опасность.

Если ее не было, капитан Зеб приказывал мне переместиться вниз, на максимальную высоту, с которой могла работать Хильда. Если и оттуда мы не видели проблем, он входил в атмосферу, чтобы она могла искать *панки* со средних дистанций, пока Гэй исполняла программу «обзора достопримечательностей»; в это время Зеб следил за экранами радаров, а мы с дочерью занимались визуальным наблюдением, чтобы оценить уровень материальной культуры.

Сразу должен сказать, что Хильда ни разу не засекла *панки* на оси «тэ», но несколько миров мы оставили в спешке, поскольку тамошние вояки очень быстро нажимали на спусковой крючок.

В одном из миров мы потратили три дня — не

совсем впустую, поскольку опыт пригодился позднее. День «разглядывания достопримечательностей» показал: а) планета свободна от *панки* — Хильда была уверена; б) аборигены были людьми; в) они не были воинственны и — насколько мы видели — не были вовлечены ни в войну, ни в подготовку к ней; г) технологический уровень оказался приемлемым — симпатичные города, хорошие дороги, механизированное сельское хозяйство, развитый океанский транспорт, радио. Последнее позволило нам узнать, что преобладающим языком Северной Америки был диалект английского.

Последний факт выглядел слишком хорошим, чтобы быть правдой… но согласовывался с уже установленным фактом, что аналог Земли, в котором была Главная База, повторял нашу историю до 1965 года и что аналог из мира Тау-Десять-Плюс повторял наше прошлое настолько, что английский считался главным активом туристических курьеров вроде наших друзей Таум Такуса и Ках Кахкана. Я вспомнил очень старую теорию о том, что вселенные имеют один общий корень и разветвляются от него в критические моменты истории.

Моя жена сказала, что моя гипотеза не охва-

тывает все данные, в то время как гипотеза вымышленных вселенных их полностью объясняет. Я все еще не был готов проглотить «мультиличностный солипсизм», потому что от мысли о том, что я — выдуманный кем-то персонаж, у меня перехватывало дыхание. Но я был вынужден честно признать, что Бритва Оккама служит ее теории лучше, чем моей.

Как бы то ни было, эти люди говорили на диалекте английского, и послушав их радио больше суток, мы рискнули приземлиться.

Вопрос о том, как должен проходить первый контакт, давно был темой наших споров. Наш капитан положил конец дискуссии, объявив:

— Смотрите, есть всего два основных способа. Первый — действовать исподтишка, как *панки*. Второй — приземлиться на лужайке перед Белым домом и сказать: «Отведите меня к вашему вождю!». Я устал от разговоров. Разбудите меня, когда достигните консенсуса.

Сказав так, он пролез через дверцу в переборке — мы были на высокой орбите, — закрыл ее и, должно быть, задремал.

Часом позже я постучал в переборку, и Зеб присоединился к нам.

— Капитан, — сказал я, — мы достигли кон-

сенсуса.

— Отлично.

— Мы все боимся открытого подхода. Власти могут конфисковать нашу машину, и мы окажемся в плену.

— Обезьянки в клетке, а фургончик угнали, — добавил Зеб. — Мы дважды едва этого избежали.

— Именно. Выражение «исподтишка, как *панки*» нам всем было неприятно слышать…

— Я использовал его намеренно. Хотел, чтобы вы все посмотрели правде в глаза.

— …но скрытность сама по себе не аморальна, — упорно продолжал я. — У нас нет намерений причинить вред, мы всего лишь собираем информацию. Я заменим, следовательно, вести разведку на земле буду я.

— Подожди-ка! Это и есть консенсус? Единодушный?

— Нет, Зебадия, — поправила моя дочь, — это папина идея. Он говорит, что нам с тетей Хильдой запрещено рисковать. Беременность, знаете ли.

— Определенно знаю. Язва, как ты голосовала?

Моя жена пожала плечами:

— Меня вычеркнули, как и Дити.

На мгновение я ощутил себя униженным, но ответ Хильды был честным.

— Второй пилот.

— Да, капитан?

— Я просил вас прийти к консенсусу. Вы это сделали, исходя из характера контакта. Соглашаюсь, поэтому такова наша политика. Но я не спрашивал о добровольцах. Я уже выбрал кандидатуру, которую считаю наиболее квалифицированной.

— Очень хорошо, сэр. Надеюсь, вы выбрали меня.

— Нет, Джейк. Никто не сомневается в твоей храбрости, и ты это знаешь. Но нас ждет шпионаж, а не схватка. Джейк, ты гений в математике, но актером тебе никогда не стать. Я сам займусь этим делом, сразу после завтрака.

— Зебадия, куда ты, туда и я! — перебила моя дочь. — Это решено!

— Дити, я надеюсь, ты не будешь на этом настаивать… — мягко сказал капитан. — Потому что если ты будешь настаивать, никакой попытки контакта не будет. Мы тут же отправляемся на остров для пикников на Тэ-Пять-Плюс. И едва мы приземлимся, я тут же подам в отставку с места шкипера, и мы выберем нового. Язва, ты мой кандидат.

— Черта лысого!

— И тем не менее я намерен голосовать за тебя.

Дити слишком сентиментальна, Джейк слишком безрассуден. Но когда доходит до серьезного дела, ты можешь думать быстрее и рациональнее любого из нас. О, я останусь пилотом, если ты прикажешь… но ты можешь командовать со своего места за перцептроном не хуже, чем я со своего. Дити, настаиваешь на своем ультиматуме?

— Да, сэр!

— Даже несмотря на то, что твое упрямство может привести к ущербу или даже гибели твоего отца и Язвы? Даже к моей смерти? Я люблю тебя, дорогая, но в шпионской миссии ты будешь только обузой — актер из тебя еще хуже, чем из Джейка. Что случилось со старым добрым «Один за всех, и все за одного?».

— Э-э-э…

— Капитан Зебби!

— Да, Язва?

— Мне не нравится влезать в семейные ссоры…

— Мы все — одна семья. Я надеюсь.

— …но ты говоришь «наиболее квалифицированный» и «шпионаж, а не схватка».

— Одну минутку, Язва. Дити — мы направляемся на остров Пикников?

Лицо моей дочери приобрело то отсутствующее

выражение, с которым она всегда переживала свои глубочайшие эмоции, с самых ранних лет. Вскоре ее веки задрожали, и две слезинки скатились по щекам.

— Зебадия… ты мой капитан. Я буду повиноваться тебе без споров.

— Спасибо, Дити. Продолжай, Язва.

— Зебби, ты только что доказал, что можешь быть суровым с Дити, а теперь давай посмотрим, можешь ли ты быть суровым с самим собой. Ты сказал «наиболее квалифицированный», ты сказал «шпионаж, а не схватка». А теперь посмотри мне прямо в глаза и скажи, что ты знаешь об акушерстве больше меня, и что можешь быть менее заметным в толпе, чем я, и что ты умеешь выпутываться из разборок с помощью слов лучше *меня*.

Я не мог не вмешаться:

— Хильда, я категорически запрещаю тебе…

— Второй пилот!

— Сэр?

— Замолчи! Или установи верньеры и отправь нас на Тэ-Пять-Плюс, а потом сам займи место шкипера и спорь со своей женой. Я сыт по горло членами экипажа, которые ни в грош не ставят приказы капитана. Я не имею в виду тебя, Язва,

ты говоришь по делу. Расскажи мне теперь, как ты хочешь выполнить эту работу и почему ты думаешь, что справишься лучше меня. Я планировал быть немецким туристом с ужасным акцентом, который едва понимает английский, но читает хорошо.

— Неплохо, Зебби, совсем неплохо. Но я могу лучше. Во-первых, у тебя нет одежды, в которой ты тут не вызовешь подозрений… а мы с Дити вряд ли сможем что-то сшить для тебя, шить одежду и шить для мужчин — совершенно разные вещи. Но мы с Дити можем соорудить для меня платье по местной моде за пару часов, я сделала несколько фото с экрана перцептрона именно для этой цели. Идея с «ужасным акцентом» хороша, я ее позаимствую. Только не с немецким, а с французским, с ним я лучше справлюсь. Кроме того, я буду носить слуховой аппарат — наушник рации в ухе, и микрофон под мышкой, — но буду делать вид, что это слуховой аппарат, поскольку с человеком при таком аппарате люди разговаривают громче и не удивляются, когда их плохо понимают.

— Откуда ты знаешь, как тут выглядят слуховые аппараты?

— Я не знаю. Но точно так же американец из

маленького городка, где ты меня высадишь, не будет знать, как может выглядеть слуховой аппарат француженки… но они все поймут по моему поведению. И еще один вопрос, Зебби. Я видела, как появилось на свет примерно двести младенцев… сколько видел ты?

— Э… ни одного.

Двадцать четыре часа спустя я грыз ногти и потел. Капитан Зеб непрерывно хмурился, изъяснялся исключительно односложными словами и нечленораздельным ворчанием, в то время как мы курсировали в облаках над маленьким городком на Среднем Западе. Моя дочь сидела на месте моей жены и ограничивалась короткими докладами:

— Капитан, она вошла в большое здание. Вывеску прочитать не могу. Если увеличить изображение, могу ее упустить, когда она выйдет.

— Не трогай настройки. Следи за дверями.

Бесконечное время спустя мы услышали нежный голос Хильды:

— Я направляюсь в точку рандеву. Можешь не беспокоиться, что вас заметят, когда будешь меня забирать, мы немедленно покидаем этот мир.

Через пять минут она была внутри, и мы прыгнули, на виду у толпы туземцев — и, вероятно,

стали причиной фортеанской загадки[157]. Едва мы сдвинули сиденья и пристегнули ремни, как тут же переместились в следующий аналог.

— Были какие-нибудь неприятности, Язва? — спросил Зеб.

— Никаких. Люди были слишком дружелюбны. Разве ты не хочешь получить полный доклад?

— Ты уже доложила. Проверено, закрыто.

— Капитан Марвел, ты получишь мой доклад, нравится тебе это или нет. От оселомленной французской дамы, она думает, сто американсы такие дуски. Но их медисини — *пфух!* Устарела лет на сто с лишним, по нашим меркам. Находится на уровне примерно 1900 года. Никаких лекарств, стоящих упоминания. Ни намека на то, что они знают о группах крови, по крайней мере, в статье «Кровь» Британской энциклопедии из публичной библиотеки они не упомянуты[158], зато упомянуто кровопускание как вид терапии. Детская смертность высокая, смертность при

---

[157] Сноски: 157

Чарльз Форт (1874–1932) — американский писатель, публицист, прото-уфолог и предтеча Эриха фон Дэникена. В 1919 году составил свою энциклопедию таинственных случаев «Книга проклятых». — *Прим. С. В. Голд.*

[158] Сноски: 158

В нашей вселенной эту статью для «Британники» написал Р. Э. Хайнлайн. — *Прим. С. В. Голд.*

родах не меньше. Могла уйти пораньше, но мне было ужасно интересно.

— Хильда! — возмутился я. — Мы же тут все переволновались!

— Извини, Джейкоб, мне правда жаль. Но я должна была убедиться, ведь в остальном это был такой славный мир.

Двумя днями позже наша «оселомленная французская дама» снова вступила в первый контакт, и я ухитрился не отгрызть ногти, убеждая себя — вполне обоснованно — в том, что днем на улицах маленького городка в чужом мире она в большей безопасности, чем ночью на улицах Нью-Йорка в нашем родном.

Мы прожили здесь уже год с лишним. Хильде было нелегко рожать Джейкоба Зебадию — роды оказались долгими, а потом потребовалась донорская кровь. Зато моя дочь родила Хильду Джейн без анестезии, под гипнотическим внушением (хотя Дити утверждает, что не поддалась гипнозу и полностью все осознавала — я не рискну высказывать здесь свое мнение по этому поводу).

Нам удалось проскользнуть в этот мир тихо и незаметно, благодаря усилиям нашей «оселомленной французской дамы» и безобидным

махинациям Зеба. Иногда он был мужем нашей француженки, который владел местным языком еще хуже, чем она; иногда, действуя в одиночку, он говорил на английском медленно, с сильным баварским акцентом, но понимал все, что ему говорили. Но где бы они ни появлялись, они меняли золотые слитки на местные деньги — Зеб, как и я, верит, что человек, у которого карманы набиты деньгами, вооружен против большинства опасностей.

Детали нашего внедрения вряд ли заслуживают упоминания. Этот аналог Соединенных Штатов (у него было то же название, хотя границы несколько отличались от того, что было у нас на родине) куда меньше обременен законами, правилами, лицензиями и налогами, чем страна, из которой мы бежали. Поэтому «нелегально прибывшим чужакам» (которыми мы и были) оказалось не так уж трудно затеряться среди толпы, научившись, по выражению Зеба, «шпарить по-местному», изучив местные обычаи.

Хильда и Зеб учились очень быстро в первые две недели, добывая наличку и знания в дюжинах городков Среднего Запада: они на земле, а мы с Дити в качестве «кавалерии в засаде» — в небе. Мы с Дити осваивали язык и обычаи гораздо

медленнее, обучаясь у них и слушая радио. Но мы учились. Потом мы перебрались на Северо-Запад под видом уроженцев Восточного побережья, а после нам осталось решить одну-единственную сложную задачу: как сделать так, чтобы «Гэй Обманщица» никому не мозолила глаза, не упрятывая ее под камуфляжем где-то далеко в горах.

Зебу с Дити и в самом деле пришлось три дня прятать ее в Каскадных горах, пока мы с Хильдой не нашли и не арендовали большой склад на окраине Такомы. Ночью мы переместили «Гэй Обманщицу» внутрь, замазали белой краской все окна в здании и спали в машине, чувствуя, что мы снова дома. Так мы утвердились на земле, а остальное уже детали.

Сегодня мы владеем шестью гектарами (здесь это пятнадцать акров) намного более дешевой земли, подальше от города, и Гэй обитает в ангаре без окон, построенном специально для нее. Мы же вшестером живем в старом фермерском доме перед ее убежищем. Но это все временное. У нас полно земли, и в конечном итоге мы спрячем Гэй под землю, в железобетонный бункер, и ангар станет мастерской. А над бункером построим новый дом, получше фермерского. Но мы никуда не спешим.

Вы можете решить, что страна, в которой так легко устроиться чужакам, не прошедшим через иммиграционные службы, уже созрела для вторжения *панки*. Но это не так. Однако позвольте мне сначала сказать, что мы могли бы въехать вполне легально, если бы смогли подтвердить страну происхождения… и если бы у нас не было такого большого и такого продвинутого транспортного средства, которое тайком в страну не провезешь. Население этого аналога США невелико — менее ста миллионов, — и иммигрантов сюда принимают с охотой. Зеб уже подумывал о том, чтобы купить нам поддельные документы и использовать их для «легального» въезда, но все же решил, что проще использовать Гэй, чтобы ввезти нас в страну, чем использовать нас для ввоза Гэй. В любом случае результат один и тот же: мы никогда не станем обузой для государства. Как только мы откроем мастерскую и лабораторию электроники, мы с Зебом начнем «изобретать» сотни полезных устройств, которых этой стране не хватает.

Панки — если даже эти смертоносные паразиты найдут (или уже нашли) дорогу на ось «тэ», климат и местные обычаи не дадут им возможности спрятаться. Похоже, мы попали здесь в самый

теплый период межледниковья — озимые растут там, где у нас промерзшая тундра, ледяной щит Гренландии почти исчез, низины нашего мира скрылись под водой, и береговая линия сильно изменилась.

И климат, и обычаи поощряют легкую одежду, и нелепого табу на наготу не существует. Одежду носят для украшения и для защиты, а не из «стыда». Напротив, полная нагота символизирует невинность, и местные черпают эту символику из той же Библии, которую (в нашей родной культуре) используют для доказательства прямо противоположного. Повторю, *из той же* Библии — я специально проверил соответствующие отрывки, все слово в слово. (Думаю, это не будет сюрпризом для любого непредвзятого студента. Святая Библия — это гигантская коллекция противоречивых утверждений, используя выборочные цитаты, с ее помощью можно «доказать» что угодно.)

Так что это не тот мир, где могут прятаться *панки* — волки в овечьих шкурах. Человек, который *все время* прячет руки в длинных рукавах, а ноги в брюках, здесь будет бросаться в глаза и выглядеть так же нелепо, как тип в рыцарских доспехах. Но *панкера* старается проникнуть в ми-

ры, не привлекая внимания.

В этом мире есть свои табу (я полагаю, они есть в любой культуре) и одно из самых странных (для меня, с моим воспитанием) происходит непосредственно от вывернутого наизнанку табу «скромности». Секты тут большей частью христианские, того или иного толка, и субботним утром можно видеть, как целые семьи направляются в церковь, нарядившись в свои лучшие одежды. Но поскольку нагота символизирует невинность, они полностью раздеваются в неосвященном вестибюле и входят в храм голыми. Чтобы это увидеть, необязательно присутствовать на службе: климат способствует тому, что строения тут легкие, воздушные, в основном состоят из одной крыши и тонких колонн.

Библия оказала сильное влияние на их пенитенциарную систему, она тоже была построена на вырванной из контекста цитате: «Око за око, зуб за зуб…».

Поэтому здесь очень гибкий уголовный кодекс, нацеленный не на перевоспитание преступника, а на то, чтобы обеспечить наказание, максимально близкое к преступлению. Я видел ужасный пример его действия вскоре после того, как мы осели на Северо-Западе. Я вел наш паровой ав-

томобиль на юг по главному шоссе из Такомы и наткнулся на блокпост. Полицейский сказал мне, что я могу либо поехать в объезд (это было довольно далеко), либо подождать минут двадцать: шоссе перекрыли для наказания неосторожного водителя.

Я решил подождать и поставил машину на обочине, а затем присоединился к толпе зрителей, мне было интересно узнать, о чем идет речь. Лучше бы я этого не делал! Посреди шоссе лежал мужчина, одна нога была вытянута под прямым углом в сторону. По опустевшему шоссе проехал полицейский автомобиль, он переехал эту ногу, развернулся и проехал по ней второй раз. Рядом с местом инцидента стояла машина «Скорой помощи», но в течение семнадцати минут никто ничего не предпринимал. Затем по команде врачи выбрались наружу и провели экстренную ампутацию прямо на месте, после чего «Скорая» увезла пострадавшего и блокпост был снят.

Я вернулся за руль своего паромобиля и полчаса сидел, не трогаясь с места — меня била дрожь. Потом я вернулся домой, ведя машину с максимальной осторожностью, забыв о цели поездки. Я не стал рассказывать о случившемся, просто сказал, что плохо себя чувствую. Но об инциденте

сообщили по радио, а в вечерней газете напечатали фото, так что мне пришлось признаться, что я все это видел. В статье отметили, что страховки преступника не хватило, чтобы покрыть судебные выплаты жертве, поэтому неосторожный водитель потерял не только левую ногу (как и его жертва), но и большую часть своего имущества, которая была конфискована.

Здесь нет ограничений по скорости, и правила дорожного движения носят скорее рекомендательный, чем обязательный характер, но дорожно-транспортные происшествия случаются *исключительно* редко. Нигде больше я не встречал таких вежливых и внимательных водителей.

Отравителя убивают ядом, поджигателя сжигают. Не буду описывать, что делают с насильником. Но отравления, поджоги и изнасилования здесь почти неизвестны.

Моя первая встреча с этой жестокой системой «уравновешивания» (они не называют это «наказанием») едва не убедила меня в том, что моя дорогая жена ошиблась, выбирая мир, и что мы должны двинуться дальше или вернуться на Главную Базу. Но теперь я в этом не уверен. Здесь нет тюрем, почти нет преступлений, и это самое

безопасное место, где можно спокойно растить детей.

Но здесь есть и другие вещи, которых я не понимаю. Разумеется, нам пришлось заново учить историю. «Годы Поднимающейся Воды» — тут название говорит за себя. Критическая точка в климатических изменениях пришлась на начало семнадцатого века, к 1620 году новая береговая линия стабилизировалась. Но процесс вызвал бесчисленные последствия — массовые миграции, политические беспорядки, возвращение Черной Смерти, и гораздо более масштабную миграцию с равнин Северной Европы в Америку во время подъема уровня вод.

Одним из очевидных последствий было то, что тут не возникло массового рабства. Можно было продавать себя на срок по контракту, да — многие включали в договоры себя и своих сыновей, чтобы увезти семью с обреченных земель или перебраться через Атлантику. По-моему, это все еще законно, хотя на практике не используется. Но условия, породившие царство «Короля Хлопка» в нашей истории, здесь были уничтожены подъемом моря и более теплым климатом. В стране живут граждане африканского происхождения, но их предки никогда не были рабами. Безуслов-

но, у кого-то из них были предки, продавшие себя в кабалу — но теперь любой может сказать, что у него были закабаленные предки, даже если их приходится для этого выдумывать.

Но другие аспекты истории здесь, по-видимому, табуированы. Я уже не пытаюсь выяснить, что произошло в 1965 году, в «Год, Когда Вешали Адвокатов». Этот год упоминается в документах, но нигде не говорится, что же тогда произошло. Когда я попросил библиотекаря найти более детальные материалы по этому году и следующему десятилетию, он захотел знать, зачем мне нужны материалы из закрытых фондов. Я ушел, не назвав своего имени. Здесь царствуют свобода слова и свобода прессы, но, похоже, некоторые темы не подлежат обсуждению. Поскольку они нигде не перечислены, мы продолжаем соблюдать осторожность, аккуратно прощупывая зоны безопасности.

А между тем в телефонной книге нет категории «Юристы», и сама эта профессия, во всех своих многочисленных разновидностях, похоже, не существует. Зеб утверждает, что это просто значит, что где-то существует черный рынок специалистов, но он более циничен, чем я. Я просто не знаю, по крайней мере, пока.

Налогообложение легкое и простое, но таит в себе сюрприз, который может быть очень неприятен. Федеральное правительство содержится на подушный налог, который собирают штаты, большая его часть, по-видимому, уходит на дела военные и международные. Наш штат (но необязательно другие штаты) получает большую часть своих средств от налогов на недвижимость. Это единая ставка, которая взимается ежегодно, ее платят все, даже церкви, больницы и школы, и даже дороги — поскольку лучшие дороги тут платные. Сюрприз (для меня) заключался в том, что *собственник сам оценивает свою собственность.*

Но в хвосте скрыто жало: *любой желающий,* включая власти штата, может выкупить эту собственность против воли ее владельца, заплатив цену, которую он для нее установил. Владелец может ее сохранить только, подняв цену настолько, что покупатель откажется от сделки, но тогда ему придется уплатить налог с этой суммы за последние три года.

Меня этот порядок поразил своей несправедливостью. Что, если родовое гнездо, которое имеет большую сентиментальную ценность? Но Зеб только смеется надо мной:

— Джейк, если кому-то понадобятся шесть гектаров необработанной земли и молодого леса, мы возьмем его деньги, подсчитаем прибыль, сядем в Гэй и уберемся отсюда. А потом прикупим себе еще более бесполезной земли где-нибудь в другом месте. Когда делаешь ставки, всегда прикидывай, что на кону.

– XLVI –
Хильда

Дити застала меня в одиночестве, поскольку наши мужья были заняты в мастерской.

— Хиллбилли, ты заметила, что папа и Зебадия стали какие-то нервные?

Я продолжила резать пирог.

— Мужчины всегда немного нервные, Дити, девочка.

— Э-э-э… а ты не нервничаешь?

— Имеешь в виду себя?

— Я это не говорила!

— Дити, золотко, не шути со старой тетей Язвой. Когда у тебя на лице ничего не написано, это значит — ты что-то задумала. Ты снова беременна?

— Нет. У нас с тобой по мальчику и девочке. Я не собираюсь поднимать эту тему, пока Зебадия ее не поднимет. Если он не будет ждать слишком долго.

— Если Джейкоб будет ждать слишком долго, то это может оказаться слишком долгим ожиданием. Я не становлюсь моложе.

— В том-то и дело, тетя Хильда, мы все не ста-

новимся моложе!

— Увы, дорогая. Но всякий раз, когда мы хотим на время остановить часы, у нас есть Оз. Хочешь снова погостить у Железного Дровосека?

— Нет.

— Тогда почему ты так нервничаешь, дорогая? Мы нашли свою Уютную Гавань и прекрасно в ней устроились. Мужчины делают деньги, мы больше не трогаем наш капитал — ведь так?

— Нет. На конец прошлого месяца у нас было на тысячу двести двенадцать целых, семь десятых грамм золота больше, чем когда мы сюда прибыли. Плюс это место, целиком наше, без долгов и обременений. Плюс движимое имущество, техника, «Т. Кеттл Баббле Второй» и четыре велосипеда. Я учла начисленные налоги.

— Выглядит как неплохой бухгалтерский баланс и солидная семья среднего класса.

— Хильда, это все, чего ты хочешь? Хороший баланс?

— Дити, пока я ставлю пирог в печь, налей нам крепкого сидра — кварта стоит в холодильнике. А потом мы сядем и разберемся, чего *ты* хочешь.

Вскоре мы устроились, и Дити начала издалека:

— Хильда, ты все еще можешь замечать *панки*

издалека?

— Используя перцептрон? — Я закрыла глаза и подумала об этом. — Да, полагаю… Да, могу. Но зачем?

— Ну, ты помнишь тост, который мы обычно поднимали за ужином каждый вечер?

— Тот, что за Хильду Джейн и Джей Зи?

— Нет, нет! Раньше.

— А, тот, где Зебби неправильно цитирует Катона.

— Да. Зебадия говорил: «*Панки* должны быть уничтожены». Папа отвечал: «Мы должны вернуться!» А мы с тобой кричали: «Точно! Точно!» Сколько времени прошло, когда мы последний раз слышали этот тост?

— Год назад. Может, больше.

— Четыреста семьдесят два дня. В тот день, когда пришли положительные результаты наших тестов, и они начали поднимать тосты за наших новорожденных. С того дня мы больше не пили за убийство *панки*. Они вообще не упоминают эту тему. Или папа говорил с тобой об этом?

— Нет. Но он думает об этом.

— Я чувствую, что Зебадия тоже. Тетя Хиллбилли, скоро наши мужчины захотят отправиться на охоту за *панки*.

— Дити, ты ждешь, что я их остановлю?

— Нет, нет! Но я хочу с ними, я хочу!

— Ты ждешь, что *я* буду сидеть с нашими детьми?

— Ну, тетя Хильда! Неужели ты думаешь, я так с тобой поступлю? Думаешь, почему я спрашиваю, можешь ли ты замечать *панки*? Ты давно не практиковалась, и я думаю, нам стоит отправиться на Главную Базу, чтобы Ворсел освежил твои навыки. И я вовсе не хочу оставлять тебя с детьми! Если ты *действительно* хочешь поехать, я имею в виду… я не пытаюсь тебя уговорить. Но я хочу с ними, хочу!

— Дити, ты же знаешь, что они скажут.

— Конечно, знаю! Зебадия напустит серьезный вид, папа печально покачает головой, и Зебадия сурово скажет, что мы с тобой *не можем* ехать… потому что у нас есть дети, о которых нужно заботиться. И тем не менее я поеду — я буду убивать *панки*!

— Дити, я не пытаюсь тебя разубедить. Но что ты планируешь сказать, когда я скажу, что тоже еду? Кто будет заботиться о наших детях?

— Мы с тобой.

Это был правильный ответ, но девочка Дити меня им просто поразила; я и не подозревала, что

она уже все продумала.

— Хорошо! Золотко, я давно говорила, что хочу торчать на «вдовьей пристани» не больше, чем ты. Рада, что ты понимаешь, к чему это ведет… ведь я не больше тебя хочу, чтобы наши дети остались сиротами. Хорошо, когда мы отправимся — если наши мужчины согласятся, а я думаю, они будут упрямиться, — мы отправимся все. Мы будем жить или умрем вместе. Возможно, нам с тобой придется менять подгузники каждый час. Но это не так тяжело. Подпрыгнем повыше или даже опустимся на остров Пикников. И все же… я думаю, наши мужчины будут сопротивляться. Можно ожидать, что они будут все время дуться, пытаться взять измором и сломить нашу решимость.

— Тетя Хильда, как ты думаешь, сколько весят «деламетры» патрульных?

Она снова меня поразила.

— Я не знаю. Никогда не держала ни одного в руке.

— Я такого же роста, как некоторые патрульные, и довольно неплохо стреляю. А если рукоятка «деламетров» окажется великовата для моей ладони, то Ла Верн сможет ее переделать для меня. Тетя Хильда, если ты заметишь *панки*, я буду их

убивать. Я их ненавижу. Они разбомбили наш красивый домик в горах, они лишили нас всего, что у нас было, кроме того, что мы успели впихнуть в «Гэй Обманщицу». *Пять раз* они пытались убить нас, хотя мы *ничего* им не сделали! Я никогда этого не забуду и никогда им этого не прощу! Если бы я знала как, я бы уничтожила их во всех вселенных, до последней мерзкой *панкеры*. Я не знаю, как это сделать… но я сумею убить хотя бы *нескольких*… если ты мне поможешь. Ты будешь их находить, а я убивать!

Я всегда могу сказать, счастлива Дити или нет, но иногда ошибаюсь в причинах, ведь она натура глубокая. Я-то думала, она просто не желает, чтобы оставили дома одну. Но во время этой пылкой речи ее соски так напряглись, что мне стало ясно: нежная Дити одержима жаждой крови… зеленой крови. Я это поняла, потому что сама испытывала нечто подобное, но не подозревала, что и *она* одержима жаждой мести. Мне всегда казалось, что она их просто боится.

Я уточнила (и это прозвучало довольно глупо):

— Пять раз, а не четыре?

— Возможно, ты забыла Логан.

— Нет, его я тоже посчитала. Ваша машина — Логан — «рейнджер», которого я вскрыла — бомба

на Уютную Гавань.

— Ты забыла фальшивую экстрадицию.

– *О!* Точно. Они думали, что стерли нас с лица земли. Но когда узнали, что Зебби еще жив, попытались достать его таким образом. Да. Пять отдельных попыток.

— После того как ты пройдешь новый курс у Ворсела, Гелиум должен стать нашей следующей остановкой. Надо узнать, что там произошло. У Карта могла появиться полезная для нас информация.

— Дити, ты говоришь так, словно Джейкоб и Зебби уже согласились.

— Если они не хотят рисковать детьми, то пусть *сами* остаются дома и меняют им пеленки!

Я ахнула, потом хихикнула и обняла ее.

— О, Дити, ты у меня просто чудо! Да, дорогая, да! Пока мы будем отсутствовать, они могут записаться в клуб бриджа или щипать корпию для Красного Креста. И заказать поминальную службу, если мы не вернемся.

— Тетя Хильда, я не шучу. Если *мы* не сможем поехать из-за детей, значит, и *они* не смогут поехать из-за *нас*, поскольку обещали о нас заботиться. А причина тут в совершенно ложной предпосылке. Там, на Земле-Ноль, прошло боль-

ше века с тех времен, когда войны помечались табличкой «Только для мужчин». Может, когда-то и были времена, когда войны велись чистенько и аккуратно, чтобы женщины с детьми не пострадали. Только не при моей жизни и даже не при папиной. Я знаю, что наши мужья хотят защитить нас и наших детей любой ценой, и я благодарна им за это. Но одно поколение столь же ценно, как другое, и мужчины столь же ценны, как и женщины. О да — на Барсуме все иначе, там мечи до сих пор носят не для украшения. Но измени оружие, и программист на войне станет более полезен, чем снайпер. Я программист. Но я могу и *стрелять*! И я не останусь в стороне, ни за что!

— И Язва не останется в стороне.

— Ты это сделаешь?

— Мы *все* это сделаем, все вместе. Вот только, Дити, оставь все разговоры мне. Ты у нас программист номер один… но мужчины — не компьютеры, они мыслят нелогично. Говорить с ними буду я. А ты просто соглашайся со мной и стой на своем.

— О, с этим я справлюсь. Я упрямая, и еще как!

Тем вечером я поставила крепкий сидр на стол, а после кофе подняла бокал, чтобы чокнуться

с Дити.

– *Панки* должны быть уничтожены!

Дити вскочила, наши бокалы звякнули, и она воскликнула:

— Мы *должны* вернуться!

И началась битва.

– XLVII –
Зебадия

Я никогда не пойму женщин, да благословит бог их странные сердца и причудливый ход мысли.

Пять лет назад мы с Джейком при каждом удобном случае обсуждали, как — или даже «как скоро» — мы уговорим Дити и Язву, чтобы они позволили нам еще раз пощипать *панки*. Но они выдернули из-под нас коврик, и я обнаружил, что пытаюсь объяснить, почему мы с Джейком не можем остаться дома при детях, когда *они* отправятся на охоту за *панки*.

Не успели мы опомниться, как они схватили нас за горло: Язва единственная, кто обучена выслеживать *панки*, Дити гораздо лучше меня создает сложные программы для Гэй, а с верньерами работает так же точно, как ее отец, но еще быстрее. Нам с Джеком пришлось спешно отступать на заранее не подготовленные позиции: мы все ввосьмером (детей как раз прибавилось) отправляемся охотиться на *панки*.

К этому времени мы с Джейком уже прекрасно понимали, что этот компромисс был единствен-

ным удовлетворительным решением. Мы лучше работаем единой командой. Если наша восьмерка погибнет, человечество продолжит существовать. Но у нас куда меньше шансов погибнуть, если мы будем держаться вместе.

Но было ли это «компромиссом»? Или Язва обвела нас вокруг пальца, непомерно задрав цену на случай отказа? Ответа на этот вопрос я не знал. Но знал, что этот мини-Макиавелли способен уболтать меня на что угодно.

В первых столкновениях с *панки* у них всегда было преимущество. Только удача и быстрота ног позволили нам выжить. Некто пытался убить нас, мы не знали, кто и почему. Мы могли только убегать, бросив все, что не могли унести с собой — банковские счета, дома, инструменты, библиотеки, социальный статус, доходы, гражданство, даже родную планету, все это было выброшено за борт ради спасения жизней. Мы стали бездомными сиротами… с поджимающими сроками, в которые невозможно было не уложиться.

У нас не было времени, чтобы сражаться с *панки*, хотя мы об этом никогда не забывали.

Но в тот момент, когда мы собрались провести ответный бой, все было с точностью до наоборот.

На Новой Земле (Аналог-Земли-Ось-Тэ-Тридцать-Девять-Плюс произносить слишком долго, на публике мы говорим «Земля», как все вокруг нас, а между собой называем «Новая Земля», чтобы отличать от нашей родной планеты, Земли-Ноль), на нашей безопасной и прекрасной приемной родине, у нас была твердая почва под ногами, добропорядочное гражданство, счет в банке, спрятанный капитал, а также мастерская и лаборатория, в которых мы с Джейком могли управиться с чем угодно, от создания консервного ножа до переоснащения «Гэй Обманщицы».

Даже если мы все это потеряем, у нас останутся три места, где мы найдем себе пристанище: Главная База, где мы остаемся состоятельными пенсионерами до конца дней и где технологии примерно на триста лет опережают Новую Землю; Гелиум, где с нами обходятся как с членами королевской семьи и где главнокомандующий Хал Халса рвется сразиться с *панки*; и, наконец, мирная Страна Оз, где есть все для отдыха и восстановления.

Но, что лучше всего, у нас теперь было *время*.

Мы больше не убегаем, понукаемые ударами кнута, на нас не давит биологический дедлайн. У нас есть наша безопасная домашняя база с пре-

красным уровнем медицины и акушерства.

Мне придется объяснить, *насколько много* у нас времени, потому что это плохо укладывается в голове — даже у меня, спустя много лет после того, как это стало обыденным фактом моей жизни. Все аналоги Земли на оси «тау» и оси «тэ» двигаются во времени по оси «t», то есть за год, прожитый на Новой Земле, такой же год проходит на Земле-Ноль, и на Земле-Тау-Десять… и на Барсуме, поскольку он часть вселенной Тау-Десять. Это параллельные миры, один отстоит от другого на один квант по оси «тау» или «тэ». Например: если координаты Земли-Ноль обозначить как x^{0}, y^{0}, z^{0} и t^{0}, то координаты Тау-Десять (включая Барсум) запишутся как $x^{''''''''''}$, y^{0}, z^{0} и t^{0}— почти та же координатная сетка пространства-времени, только одна пространственная координата смещена на десять пространственных квантов в направлении, помеченном «Тау-Плюс». В той же самой нотации координаты Новой Земли будут x^{0}, z^{0} и t^{0}, но $y^{''}$или y^{39+}.

Главная База и Страна Оз *не* параллельны Земле-Ноль и Новой Земле, туда можно попасть только вращением. У них общая временная координата, обозначенная «тау», но они не параллельны и между собой, поскольку у них только

одна общая пространственная координата.

Я мог бы описать подобным образом все комбинации Числа Зверя, но лучше на этом и закончу. Тут важно понять, что время, прожитое в Стране Оз или на Главной Базе, не проявляется на часах и календарях Новой Земли. Однажды вечером, когда наши первенцы были совсем маленькими, Хильда готовила ужин, пока Дити меняла подгузники, а мы с Джейком как раз приняли душ и собирались сесть за стол, Дити закончила свои дела и заявила:

— Тетя Хиллбилли, я не против детей… но незавершенные человеческие существа, шумные с одного конца и мокрые с другого, начинают меня утомлять. Поехали в Оз.

— Хорошо. Когда?

— Сейчас!

— У меня мясо в духовке. Давай завтра. Если это устроит наших джентльменов.

— Только не меня, — ответил Джейк. — У меня идет эксперимент с временной разметкой. Раньше следующей среды никак.

— Папа! Подумай еще разок. Если мы уедем сейчас и пробудем там три недели, то *когда мы вернемся?*

Джейк задумчиво моргнул.

— Хильда, любимая, бери подгузники и все, что тебе нужно. Мы отправляемся немедленно. Зеб, ты с нами? Или предпочтешь остаться тут и потусить в одиночестве?

— Готовить самому, когда я могу положиться на Глинду? Поехали!

— Я выключу духовку, Джейкоб. Пеленки, присыпку и прочее я сложила в машину еще месяц назад.

— Ничего не выключай. Съедим, когда вернемся.

И когда мы вернулись — примерно через месяц, поскольку я перестал считать дни, — кухонные часы показали, что нас не было четыре минуты, и нам пришлось ждать, пока мясо дойдет. И даже эти четыре минуты были целиком потрачены на Новой Земле, на то, чтобы забраться в машину и пристегнуться, а потом на то, чтобы из нее выбраться и вернуться в дом.

То же самое относится к Главной Базе. Мы могли отбыть, оставив на столе завтрак, провести там месяцы, вернуться и обнаружить, что кофе еще не остыл. Но время в Стране Оз шло в зачет на Главной Базе, и наоборот. Если мы перемещались аккуратно — а мы старались так и делать, — мы нигде не выскакивали в тот момент, когда еще

не затихло эхо прощальных слов после нашего предыдущего визита.

Но время, проведенное на Гелиуме, или за охотой на *панки* на оси «тау», отсчитывается и на Новой Земле. Во время первого возвращения на Гелиум мы взяли с собой все, что боялись потерять, крепко заперли все двери и договорились о поливке нашего сада. Охота на *панки* такой серьезной подготовки не требует, мы редко уезжали больше чем на несколько часов. Зато планирование и подготовка к такой охоте требуют календарного времени… если только планирование и подготовка не проходят на Главной Базе.

Однажды мы просидели там очень долго. Я потерял левую руку (и едва не потерял жизнь) в рейде на *панки*. Так что несколько недель я провел в госпитале Базы, пока доктор Филлипс регенерировал мою конечность. Я не буду описывать тот рейд, я вел себя глупо и не горжусь этим. Если бы Язва не знала, как остановить потерю крови, и если бы Дити не заняла мое место за рулем, пока Джейк крутил верньеры, и если бы не помог Патруль, то моя глупость стоила бы жизни мне и, вероятно, всем остальным. Но все обошлось, мы отсутствовали дома меньше часа,

и у меня появилась совсем новенькая рука.

Имея в избытке времени на планирование, мы занимались им со всей тщательностью. Три месяца Ворсел отдавал часть своего огромного многозадачного интеллекта Хильде, в то время как я обсуждал тактику с несколькими Ленсменами, особенно с «нашим», Тедом Смитом, и обсуждал выбор оружия, оснащения и аппаратуры с Ла Верном и Джейком. Дити за этот период научилась отлично стрелять из «деламетров» Ленсменов, чем сильно удивила своего наставника, Карлоса Фернандеса, так что он пригласил порт-адмирала Хэйнса посмотреть на это диво; цели выскакивали неожиданные, некоторые нужно было поразить, другие немедленно отметить как «дружеские», и не стрелять. (Добавлю, что этим она удивила и своего мужа. Узнаю ли я когда-нибудь по-настоящему свою жену?)

Первым делом мы затеяли разведку.

Ворсел сделал Хильду такой чувствительной, что она могла заметить *панкеру* в темноте за пару километров, с помощью перцептрона — за двадцать тысяч километров, он научил ее находить врагов с помощью шпионских лучей даже внутри зданий или под землей (утомительное, долгое и сложное, но иногда более чем оправданное

занятие), ментально удалять всю одежду с толпы и указывать прячущихся в ней *панки*. Только после того, как Ворсел освежил ее чувство восприятия (не важно, что сама Язва утверждает, что это вовсе не истинная суть «восприятия»), после того, как Ла Верн Торндайк снабдил нас большим количеством устройств, а также антирадарным покрытием с эффективностью девяносто девять процентов — только после этого мы приступили к разведке.

Первым делом мы отправились вовсе не в Гелиум, я выступил против этого.

— Астронавигатор, золотце, теперь у нас есть преимущество перед *панки*, то же самое, что когда-то было у них перед нами. Они потеряли наш след много лет назад. Полагаю, что мы — забытый инцидент, один из многих, вычеркнутых из их записей. Они не знают, что мы начали охоту на них, и мы будем сохранять это положение дел так долго, как только сможем. Даже начав наносить удары, мы попытаемся прятаться как можно дольше. Застанем их врасплох, как они застали нас.

— Точно, точно!

— Да, Язва, ты — ключевой фактор. Мы — не силы вторжения, мы не должны сами себя об-

манывать в этом отношении. Так что наша тактика — бей и беги. И когда ты замечаешь *панки*, мы, скорее всего, бежим, а не бьем.

— Но я хочу их убивать!

— Спокойно, Дити. У тебя будет такая возможность. Но мы будем наносить удары только там и тогда, когда у нас будет преимущество. Я хочу, чтобы они думали, что это несчастные случаи, не связанные между собой инциденты, а не чья-то планомерная кампания. Это может затянуться надолго, так что, в конце концов, на моем месте будет сидеть Джейзи, а на твоем Джейни. Но мы не оставим поля боя в сиянии славы, ради собственного удовольствия. Вместо этого мы будем убивать *панки*, и продолжать убивать *панки*, а сами — оставаться в живых.

— Звучит неплохо, — согласилась Язва. — А то я начала слегка скучать от роли домохозяйки среднего возраста, высматривающей в зеркале седые волосы. Охота на *панки* куда веселее вечеринок, что я устраивала. У меня только один вопрос, капитан — кто займет мое место?

— Язва, ты останешься за перцептроном и на шпионском луче, пока не впадешь в старческий маразм. Это даст Ворселу время, чтобы воспитать из Жаклин Супер-Язву.

— Я буду готовить ее к этому.

— Капитан, а кто сядет за верньеры, когда я уйду в отставку?

— Твоя дочь, Дити. Если только она не снабдит Гэй таким голосовым управлением, что верньеры больше не понадобятся. Если так, то Дити сможет выращивать пионы, пока ты будешь собирать марки, а я — лежать в тенечке.

— Не люблю пионы!

— Сынок, когда я буду слишком стар для битв, я посмотрю, чему еще Мобиас может меня научить, а потом буду спорить об этом с Кардингом.

— А когда Джейни займет мое место астронавигатора, я стану Главным Убийцей, который приходит в ночи, чтобы убить главную *панкеру* и сделать так, что смерть сочтут несчастным случаем. «Тень Наносит Новый Удар!»

— Дити, дорогая, к тому времени ты уже вырастишь детей, и я не буду возражать, какой бы опасности ты ни решила себя подвергнуть. Но если ты позволишь себя убить, то мне станет так одиноко, что я немедленно женюсь заново.

— Э-э-э… Зебадия, может быть, мы будем ходить на эти операции вместе?

— Возможно, дорогая. А пока хватит болтать и начнем работать.

Первый разведывательный рейс мы начали с Земли-Тау-Один-Минус, поскольку мы знали, что Земля-Ноль и Земля-Тау-Десять-Плюс заражены, и поэтому сделали вывод, что *панки* распространились от Нуля до Десяти-Плюс. Я хотел узнать, как далеко они забрались «в минус». Мы появились, тут же прыгнули вверх и осторожно приблизились к ночной стороне, строго по процедуре. Освещенные города, радио, ТВ-сигнал, микроволны — все признаки высоких технологий. Я наблюдал за экранами и слушал — либо они не использовали радары дальнего действия, либо покрытие Ла Верна работало лучше, чем он обещал.

— Второй пилот, согласно плану, приближаемся к аналогу Нью-Йорка. Язва, твоя очередь, дорогая.

На восемнадцати тысячах километров Язва рявкнула:

— Гэй — прыжок! — и добавила: — Заражено!

— Выполнять!

Джейк перенес нас на Землю-Тау-Два-Минус и прыгнул — та же процедура, тот же исход: заражено. То же самое с Тау-Три-Минус. Мы перескочили на Тау-Четыре-Минус.

Оледенение: мы не засекли никакого излуче-

ния, обнаружили несколько слабо освещенных поселений у экватора на ночной стороне и примитивную культуру в тропиках на дневной. Поискали на малой высоте, и Язва доложила, что планета свободна от *панки*.

— Капитан, Зебби, я думаю, что им нравятся планеты, где есть чего пограбить.

— Второй пилот, движемся дальше по списку.

На Тау-Пять-Минус льда оказалось еще больше; мы обошли этот мир по шести ключевым точкам за пять минут, используя голосовое управление. Язва не нашла ничего, кроме травяных лачуг и хижин из глины. Никаких следов *панки*.

— Второй пилот, поиск оледенений, двести квантов.

– *Двести*, капитан?

— Джейк, мы идем дальше. Я хочу быть уверен в том, что за пределами ледников в этом направлении нет *панки*.

— «Уверен»! Это может быть очень долгий путь, капитан. Ты доверяешь моим теориям больше, чем я.

— Ну… в разумной степени. Начинаем поиск в диапазоне двести квантов.

— Есть, сэр.

На Тау-Сто-Шестьдесят-Пять льды начали отсту-

пать, мы замедлились и потратили по несколько минут на каждый последующий десяток миров. Потом мы нашли высокотехнологичную культуру и неспешно, внимательно ее изучили. Никаких *панки*.

— Второй пилот, поскольку мы не сможем прочесать все миры, я предполагаю, что паразиты сюда не добрались. Поэтому переносим наше внимание на ось «тау-плюс». У кого-нибудь есть замечания?

— Капитан, — сказала Дити, — можно чуть задержаться, пока я сменю пару подгузников и выпорю всех? Они подняли гам.

— Нужно приземлиться?

— Нет необходимости, Зебадия. Но я думаю, что я перемещу Зебулона и Жаклин в гардеробную к их бутылочкам.

— Как долго мы в полете?

— Три часа двадцать четыре минуты.

— Почему ты мне не напомнила?

– *Напомнит*ь тебе… я надеялась, что ты не заметишь. Зебадия, я ощущала себя более *живой*, чем когда-либо с того вечера, когда мы встретились. Наконец-то мы делаем что-то конструктивное.

— Заводить детей — не «конструктивно»?

— Ну да, но не очень — это может делать любая

мать. Заводить детей — это как еда, секс и сон: необходимо, но недостаточно.

— Никаких комментариев. Всем пристегнуть ремни. Пусть дети поскулят. «Гэй Обманщица», обратно в конюшню!

На следующий день (это было воскресенье) Язве понадобилось сорок пять минут, чтобы установить, что аналоги Земли от Тау-Один-Плюс до Тау-Девять плюс заражены, как и ожидалось. Еще десять минут — на доказательство того же факта для Одиннадцать-Плюс и Двенадцать-Плюс. На Земле-Тау-Тринадцать-Плюс мы снова наткнулись на оледенение и не увидели следов *панки*, то же было в следующих тридцати и одном мирах. Мы проверили еще четыре, увидели, что там потеплело, но заражения не наблюдается.

— Джейк, полагаю, мы нашли закономерность. Паразиты не знают об оси «тэ» или мирах вращения и не идут дальше, наткнувшись на лед. Это дает им шестнадцать аналогов Земли — возможно, это все, что они хотят. Или способны удержать.

— Капитан Зебби, я думаю, это все, что они могут получить.

— Почему, Язва?

— Потому что они глупые.

— Они чуть не перехитрили нас!

— О, они быстрые, хитрые и злобные. Но они не креативны и по-настоящему не умны. Зебби, теперь, когда я рядом с ними, я могу немного ощущать их мысли — я не говорила об этом, поскольку они мерзкие. Жестокие. Думаю, что когда-то кто-то вроде Джейкоба построил континуумоход, который перемещался по оси «тау». Он испытал его и угодил к *панки*, ну а они сделали его рабом или убили, или и то, и другое, а потом использовали его машину, чтобы заражать другие миры. Но это все, на что они способны, они лишь паразиты.

— А что произошло с твоей теорией «мультиличностного солипсизма»?

— Твоей теорией, твоей и Джейкоба, я лишь слегка ее отшлифовала. Она еще в деле. Вся эта афера похожа на ужастик, сделанный кем-то на скорую руку. Для него не нужна логика, точно так же как она не нужна Стране Оз. Да этот писака и не беспокоился по поводу логики или подвисших сюжетных линий, потому что его опусы и так продавались.

— Хиллбилли! — воскликнула Дити. — Вот этого засранца я хочу убить! Того, кто выдумал *панки*!

— Ты уверена, дорогая?

— Конечно, я уверена! Убьем этого жадного графомана, и не будет никаких *панки*!

— Но Дити, если бы не было *панки*, ты бы не встретила Зебби, я бы не заарканила Джейкоба, и мы бы не получили наших в-основном-милых-но-иногда-ужасных детей. Ты бы хотела остаться старой девой? Я нет, — и Хильда погладила Джейка по шее.

— Э-э-э…

— Спасибо, любовь моя, это взаимно, — сказал Джейк. — Дити, ты упустила один элементарный факт.

— Папа, не надо мне никакой логики. Я рада, что у меня теперь есть Зебадия, но это не заставит меня полюбить *панки*. Я их ненавижу!

— Не имеет значения, и я не упоминал логику. Я сказал «факт». Творения автора не умирают вместе с ним. Ты наблюдала этот факт. Эдгар Райс Берроуз умер много лет назад, а Фрэнк Баум еще раньше, но Дея Торис вполне себе жива, как и Глинда. Доктор Смит умер примерно в то же время, когда я родился, мне кажется, это было…

— Тысяча девятьсот шестьдесят пятый.

— Да? Так вот, мы виделись с Ворселом и порт-адмиралом Хэйнсом, а также прочими нашими

друзьями всего неделю назад. Так что ты ничего не выиграешь, убив писателя, который придумал *панки*.

— Его нужно убить. За то, что он о них просто подумал.

— О, дорогая! Это может быть и «она» — и вдобавок вдова, которая растит четверых детей, выкручиваясь как может. Таких же детей, как наши. Факты говорят, что многие самые жуткие и кровожадные персонажи были созданы женщинами, у них, судя по всему, особый талант к описанию ужасов. «Франкенштейн». Нордвест Смит[159]. И еще многие другие, кто писал под мужскими псевдонимами. Мне кажется, что женщины-писательницы чувствуют глубже, творят более ярко. И вспомни, Дити, если она создала *панки*, то она также создала тебя и Хильду.

– *Что*? Папа, я уже сто раз тебе говорила! Я не плод чьего-то воображения!

— Я не думаю, что Тувия ощущает себя плодом воображения. Но ты не можешь иметь и то, и другое.

— Почему это я не могу? Кто вообще это сказал?

---

[159] Сноски: 159
Космический контрабандист из текстов Кэтрин Мур.

Я понял, что должен вмешаться:

— Заседание закрывается, — сказал я. — Мы не будем пытаться проверить Тау-Десять-Плюс и Землю-Ноль сегодня. Сейчас нам нужно решить, стоит ли для начала посетить Гелиум — у Карта могут быть новости для нас. Так что давайте вытащим детей из невесомости, пока они не уделали всю корму детской смесью. Дити, я не мог бы любить тебя сильнее, если бы ты была реальной.

— Когда мы вернемся домой, я тебя укушу. И ты знаешь — куда!

Дити не шутит в таких вещах.

— Дорогая, ты столь же реальна, как и я. А может, и реальнее. «Гэй Обманщица», обратно в конюшню!

– XLVIII –
Дити

Обычно мы — Зебадия, папа, тетя Хильда и я — планируем очередной рейд на *панки* в пятницу вечером, а проводим его в субботу днем. Но этот военный совет прошел не так, как обычно. Папа открыл его словами:

— Согласно моим записям прошло больше семи месяцев с атаки на Тау-Семь-Плюс, думаю, этот плод уже дозрел. Зеб, как ты насчет этого? Готов? Или не особо?

— Готов!

Семь-Плюс — то место, где мой муж потерял руку, и потому нам пришлось провести три месяца на Главной Базе, пока у него не выросла новая (по часам Новой Земли — ноль часов). Я знала, каким будет ответ Зебадии, и мой был таким же! Я хотела убить по меньшей мере десяток *панки* на той планете за левую руку Зебадии, и не важно, что доктор Филлипс вырастил ему другую.

— Дити?

— Вдвойне готова, папа! Я тоже пойду в наземный рейд! Мне нужно свести кое-какие счеты.

— Твое право, дорогая — если Зеб одобрит. Хильда, любовь моя, нам стоит ударить с ходу по открывшимся целям? Или ты предпочитаешь провести полную разведку для начала? Семь месяцев — долгий срок.

— Ни то, ни другое, Джейкоб.

— Да? У тебя на примете есть еще какая-то цель?

— Джейкоб, у меня на примете шестнадцать целей.

— Шестнадцать? — спросил папа. — Дорогая, ты имеешь в виду шестнадцать конкретных целей? Или ты говоришь о шестнадцати зараженных аналогах Земли на оси «тау»? Если второе, то лучше бы тебе объяснить.

— Я имею в виду второе. Но я не начну объяснения, дорогой председатель, если у меня не будет единодушного согласия на то, что мне позволят говорить долго, не прерывая, пока вопрос не будет передан на обсуждение.

— Я буду молчать, Язва.

— Я тоже, — согласилась я, думая, к чему ведет тетя Хильда.

— Микрофон твой, дорогая. Никаких ограничений по времени.

— Очень хорошо. Но при первой же реплике я

замолчу… потому что я знаю, вы все *захотите* меня прервать. Мне придется задавать вопросы, но я хочу слышать только ответы на них, а не возражения. Пока я не закончу.

Папа оглядел всех и объявил:

— Властью председателя я буду подавлять любые реплики. Продолжай.

— Спасибо, Джейкоб. Вспомните тот день, когда вы с Зебби убили первого нашего *панки* у бассейна в Уютной Гавани, — я вздрогнула, но ничего не сказала, — вы, мужчины, тогда обсуждали перестройку Солнечной системы — той Солнечной системы, я имею в виду. Возвращались ли вы к этой теме?

— Но Хильда, любимая, обстоятельства всецело изм…

— Джейкоб.

— Прости! Я обсуждал это однажды, просто как теоретическую возможность, с сэром Остином. Но это неприемлемо для их системы. И нет необходимости.

— По-моему, я ни с кем не говорил об этом, Язва. Это была просто мечта… до того, как мы узнали, насколько опасны *панки*.

— Вы оба отказались от великолепной мечты — это мой первый пункт. Дити, сколько *панки*

мы убили?

— Могу я учесть тех, что убиты в Гелиуме после того, как мы отбыли?

— Считай их отдельно. Но сколько убили мы? Мы вчетвером.

— Я рада, что тебе нужен отдельный подсчет. В Гелиуме было двадцать три человека в посольстве, которые попытались укрыться от внешнего медицинского осмотра, и неизвестное число убитых во время последующих прилетов. Банхи считать не умеют, и никто не знает, скольких убили зеленые племена до того, как Земля-Тау-Десять прекратила попытки посадить корабли на Барсум. Мы вчетвером? Начиная с фальшивого рейнджера и до последней субботы, получится тысяча восемьдесят девять убитых плюс семьдесят два под вопросом.

— И какой это процент от общего числа *панки* на шестнадцати планетах?

— Ну, тетя Хильда, откуда мне знать?

— Что, осталось больше дюжины *панки*? Или больше ста? Тысячи? Миллионы? Десятки миллионов? Дити, *насколько мы уменьшили их общее число?*

Я попыталась решить эту невозможную задачу, в которой исходными данными были лишь

намеки, собранные тетей Хильдой с помощью ее перцептрона с высоты в десять километров и выше (и очень редко ниже). Кроме того, *панки* размножались, хотя мы не знали, где и как они это делают.

— Тетя Хильда, у меня нет точных данных… но их общее число должно быть более десяти миллионов, и сейчас их почти наверняка больше, чем было, когда мы начали их убивать.

Мне неожиданно стало не по себе.

Но тетя Хильда спокойно продолжила:

— Теперь у меня вопрос ко всем, хочу, чтобы каждый на него ответил. Это *не* риторический вопрос. Мне нужны факты. Мне нужны продуманные, а не поверхностные ответы. Не те ответы, которые я, по вашему мнению, хочу услышать, и не ответы, — она строго посмотрела на Зебадию, — шутки ради. Мне нужна *правда*. Зебби… почему ты охотишься на *панки*?

Зебадия заколебался, потом ухмыльнулся:

— Мне никогда не был интересен гольф и…

— Зебби.

Лицо Зебадии мгновенно стало серьезным, потом оно приобрело озадаченное выражение.

— Язва, я не уверен, — медленно проговорил он. — Когда мы это начали, я думал, что это месть.

Я никогда не думал, что мы можем выследить и уничтожить их всех. О, я бы *хотел* — но знал, что мы не сможем. Они слишком хорошо скрываются среди людей. Даже с твоими способностями находить их и отлавливать не так-то просто, — он посмотрел на свою левую кисть, потом повернул ее, чтобы поглядеть с другой стороны. — Иногда совсем не просто. Можно так сосредоточиться на том, чтобы не потерять цель, чтобы не убить по ошибке человека, что не заметишь, как *сам* превратился в цель. Однако, Язва, это лишь добавляет пикантности процессу. Я не шутил, когда упомянул гольф, ведь охота на *панки* чертовски интереснее гольфа, да и любой игры. Я понял, что живу от выходных до выходных, считая дни, и с нетерпением жду нового рейда.

— Спасибо, Зебби. Джейкоб?

— Но дорогая, насколько я помню, вы, дамы, объявили, что решительно настроены охотиться на *панки*… а потом согласились, чтобы мы, мужчины, следовали за вами.

— Джейкоб, это аргументы против, а не изложение *твоих* причин.

— Но мы не могли отпустить вас одних!

— Джейкоб, я не позволю увести разговор в сторону и пустить мое исследование блуж-

дать окольными путями. Я отзываю свой вопрос и предлагаю утверждение, которое ты можешь опровергнуть или подтвердить. До того вечера, когда пять лет назад мы с твоей дочерью обновили тост «*Панки* должны быть уничтожены!», вы с Зебби обсуждали, как — или «как скоро» — вы сможете отправиться на охоту за *панки*… оставив нас, женщин, дома. Правда или ложь?

Папа открыл рот, закрыл и опустил взгляд.

Тетя Хильда мягко произнесла:

— Джейкоб, пожалуйста, ответь. Мне надо это знать.

(Я никогда не узнаю, как много зависело от того, что ответит папа, потому что я никогда не спрошу тетю Хильду, я не хочу знать. Но тогда мне было страшно.)

Положение спас мой муж:

— Давай, Джейк, — прорычал он. — Хватит тянуть время.

Папа поднял глаза.

— Дорогая… пожалуйста, прости меня, но мы с Зебом обсуждали, как мы можем это сделать, не подвергая опасности вас и детей. Но мы так ничего и не придумали. Моя дочь упряма, и — прости — иногда и *ты* тоже.

Тетя Хильда наклонилась к папе, поцеловала

его и погладила по лицу.

— Ты мой галантный рыцарь… Мне нечего прощать, мой дорогой. Мы с Дити знали, поэтому и поставили вопрос ребром. Ну а теперь сэр, если вы не возражаете, вы скажете нам, *почему* вы охотитесь на *панки*?

— Я думал, что все объяснил, — озадаченно пробормотал папа.

— Не совсем так, сэр.

— Мои причины во многом те же, что у Зеба. Мир, в котором мы осели, хорош, он мне нравится. Лучше места, чтобы вырастить детей, наверное, не найти. Но… ну, мне недостаточно тратить время, придумывая «изобретения», которые уже изобретены, пусть даже за это хорошо платят. У нас с Зебом такой список гаджетов, которых здесь нет и которые этот мир мог бы использовать, что в этом году я сделал всего одно по-настоящему оригинальное изобретение… а сколько времени прошло с тех пор, как я серьезно занимался математикой. Когда мы с Зебом в мастерской, мы работаем, но при этом в основном обсуждаем, какую тактику применим в следующую субботу. Милая моя… на охоте я чувствую себя *живым*! Ты можешь это понять?

— Конечно могу, дорогой. Дити? Твоя очередь,

золотко. Скажи нам, почему ты охотишься.

— Ха? Почему? Ты знаешь почему, Хиллбилли — я их ненавижу!

— Ты их больше не боишься?

— Конечно, я их боюсь! И никогда не переставала их бояться, у меня от них мурашки по коже! Я их еще больше боюсь с тех пор, как Зебадия потерял руку — и чувствую вину за это, я плохо прикрывала его тыл…

— Дити, ты не должна так думать! — прервал меня муж.

— К порядку, — сказал папа. — Зеб, Хильда по-прежнему у микрофона и уступила его Дити, чтобы та ответила на вопрос.

— Спасибо, Зебадия, но я больше никогда не буду такой беспечной. Тетя Хильда, *конечно,* я их боюсь. Я нервничаю всякий раз, когда мы охотимся. Но только до того момента, как ты их заметишь. После этого мне не терпится начать убивать. Если ты прекращаешь операцию, говоришь, что ты потеряла цель или до нее будет сложно добраться, я очень разочарована. Но почти всегда мы убиваем как минимум одну, а в среднем у нас четыре целых, сто восемьдесят восемь тысячных за рейд; мы все улучшаем технику охоты, особенно после того, как начали

случайным образом выбирать точку удара. Ну а потом был тот *чудесный* день, когда мы убили одиннадцать. Достаточно такого ответа, Хилл-билли?

— Да, дорогая. Джейкоб, я получила все нужные мне ответы.

— Ты закончила?

— Нет, я только начала. Я хочу их обсудить. Я думаю…

— Внеочередной вопрос!

— Дорогая, ты уступишь Зебу право задать вопрос?

— Конечно. Но я не отступаю от своей речи.

— Вперед, Зеб.

— Язва, ты не сказала нам, почему *ты* охотишься.

— Я скажу, я собиралась это сделать. Я охочусь по той же причине, что и Дити. В сущности, это та же причина, что у вас, джентльмены. Мне нравится охота. Мне нравится *убивать*! И именно поэтому я не собираюсь охотиться снова.

У папы случилось особое «замороженное» выражение лица, какое, говорят, бывает у меня, когда я испуганна; так что и у меня в этот момент, наверное, было такое же лицо. У Зебадии отвисла челюсть, и он уставился на тетю Хильду.

— Язва… — начал он медленно, — ты не заболела? За те двенадцать лет, что я тебя знаю, я ни разу не заподозрил в тебе даже намека на мазохизм. Но сейчас все указывает на него.

— Нет, дорогой Зебби, я не заболела. Я думаю, что *была* больна, и все мы были… И я думаю, что мы немного запутались, забыли о том, что собирались делать. Мы охотимся ради спорта, убиваем ради удовольствия убивать — и это нехорошо. Это…

— Язва, ты выжила…

— Пожалуйста, я еще не закончила!

— К порядку! Зеб, заткнись.

— Еще пара слов, Зебби. Я была хуже всех. Хотя я почти не стреляла сама, я участвовала в каждом убийстве. Я выслеживала их, помогала вам с Джейкобом подкрадываться. Мы очень часто врывались, убивали и исчезали менее чем за пять секунд — и я горжусь этим. А особенно приятно, что я могу *чувствовать* мысли злобного паразита, когда он понимает, что ему пришел конец. Какой кайф! Но в этом-то все и дело, именно это и неправильно! Это *не то*, что мы собирались сделать. Нас ослепила жажда крови. Мы собирались *истребить* их всех, убить всех до единого, избавить вселенные от этой мерзкой породы

паразитов. А вместо этого мы просто охотимся ради развлечения!

— Но Хильда, любовь моя, мы *не можем* их истребить, ты это знаешь, и я не вижу ничего греховного в том, чтобы убивать их как можно больше и получать от этого удовольствие.

— Моя очередь призывать к порядку, Джейк, — сказал Зебадия.

— Ты еще не закончила, дорогая?

— Не совсем, Джейкоб. Я тоже не вижу ничего греховного в том, чтобы получать удовольствие, убивая таких тварей, как *панкера*, но я говорю, что это бесполезная трата времени на бесполезный спорт. Мы *не знаем*, можем ли мы их истребить, потому что до сих пор и *не пытались*.

— Объясни, дорогая. Я, например, тебя не понимаю.

— В первый день, когда мы прибыли на Главную Базу, почти восемь лет назад по нашему времени и шесть месяцев по их времени, мой наставник Ворсел сказал мне, разум-к-разуму, как он отшлепал — он не сказал «отшлепал», но идея была такая, — как он отшлепал сэра Остина: «Я никогда не получаю от этого ни удовольствия, ни отвращения. Это нужно делать, и я это делаю». Конечно, я не жду, что мы будем думать как ве-

лантийцы…

— Мы не сможем! — выпалила я.

— Нет, Дити, не сможем. Но мы можем прекратить думать как дети. Мы можем не позволить себе отвлекаться на развлечения — даже на такое захватывающее, как смертельно опасная охота на паразитов. Вместо этого мы можем и *должны* вернуться к нашей первоначальной цели: истреблению. Мы должны на самом деле постараться, чтобы понять — можно это сделать или нет.

— Я не вижу — как.

— Зебби, конечно, ты не видишь… и я тоже. Так давай найдем способ! У нас есть величайшие математики трех вселенных — Джейкоб, Мобиас Торас и сэр Остин. У нас есть Ворсел, который может научить всех вас тому, чему он научил меня — если вы ему позволите. У нас есть великие стратеги — что будет, если мы попросим Хала Халсу и порт-адмирала Хэйнса обсудить нашу задачу? Не будет языкового барьера, Хал Халса привычен к телепатии, а у адмирала есть Линза. Дорогие мои, мы даже *не начинали* выяснять, какими ресурсами мы располагаем. Давайте же выясним это.

— Живая сила.

— Но Джейкоб, может оказаться, что нам нужна не живая сила, а мозги. Давайте это выясним. Вперед!

— Я «за»! — сказал мой муж.

— И я! — воскликнула я.

— Принято единодушно, — согласился папа. — Дити, будешь делать заметки? Обязательно запиши Теда Смита. И Карториса. И Ла Верна. М-м-м… будет ли Ментор нашим советчиком?

— Мы можем спросить Ворсела, Джейкоб. Не повредит.

– XLIX –
Зебадия

Минус шесть часов отсчета…

Я, Зебадия Джон Картер, бывший капитан резерва Аэрокосмических сил США Земли-Ноль — определение «Земли-Ноль» последует — бывший профессор-«исследователь» и плейбой, шкипер частного континуумохода «Гэй Обманщица» и временно исполняющий обязанности главнокомандующего (тут должна быть кривая ухмылка) Ударных сил Числа Зверя, начинаю эту запись ради истории (историй) … ну или я сам себе так говорю, а на самом деле я включил личный рекордер, чтобы не трястись перед офицерами «моего» штаба и экипажем. Если я буду тихо сидеть и надиктовывать в эту штуку, они, может, и не заметят, что я нервничаю, как муравей на раскаленных камнях.

Обозначение вселенных и планет: число вселенных, доступных с помощью преобразований Берроуза — Кардинга — Мобиаса, составляет $1.03144247+ \times 10^{28}$ — с точностью до девятого разряда, чего вполне достаточно. Эта приблизи-

тельная и неточная цифра обозначает примерно несколько миллиардов или триллионов вселенных. Но что такое миллиард вселенных, плюс-минус, когда общее их число так велико, что ни одно человеческое существо, даже барсумец, не сможет сосчитать за всю свою жизнь? Но это небольшое число по сравнению с гуголом[160] в степени гугол — другое конечное число, *не* достигающее бесконечности. («Бесконечность» — это не число, это метафизический ступор.)

Это число, 1,03+ умноженное на 10 в 28-й степени, иногда (без всякой причины) называют «Числом Зверя». Выражение «Число Зверя» также используется (с большим основанием) для обозначения числа паразитов, которых мы хотим истребить на шестнадцати зараженных планетах; некогда неизвестное, но теперь более-менее оцененное число. Как много их может обитать во всей совокупности вселенных, мы не можем себе представить, и возможно, нам придется проводить повторную зачистку через столетие… или тысячелетие… или больше.

Земля-Ноль (далее обозначается как Земля ^{0}): ни одна вселенная или совокупность вселенных

[160] Сноски: 160

Гугол (googol) — 10 в степени 100; от этого математического термина получила название компания Google.

не имеют единственной фиксированной точки отсчета, за таковую можно принять любой объект. Земля ^{0}выбрана на эту роль потому, что на ней родился доктор Джейкоб Берроуз; пространственные оси Вселенной ^{0} (к которой относится Земля ^{0}) произвольно обозначены как x ^{0}, y ^{0} и z ^{0}, первая — направление на галактический север галактики, в которой находится Земля ^{0}; y ^{0}— направление от Земли ^{0} на центр этой галактики (т. е. в направлении созвездия Стрельца, более-менее), ось z ^{0} направлена под прямым углом к первым двум.

Ось времени во Вселенной ^{0} — t ^{0}, в преобразованиях Б — К — М задействованы еще две временные оси, «тау» и «тэ»; Земля ^{0} не использует их, но вселенные, которые их *используют*, доступны посредством вращения, осуществляемого двигателем Берроуза — Торндайка.

Мы используем еще три относительные координаты, которые имеют смысл только для кораблей или других аппаратов (не ко вселенной в целом): длина, ширина и высота, обозначаемые как «L», «W» и «H» — они определяют направление вдоль судна (нос-корма), поперек судна и вверх-вниз; направления по носу, на правый борт и вверх произвольно назначены положительными.

(Запутанно? Поверьте мне, без карты не добраться даже до почты — а порой и с картой нелегко.)

В этой битве мы имеем дело с шестнадцатью зараженными планетами, каждая на расстоянии одного пространственного кванта от двух ближайших соседок, нанизанных словно бусины на гипер- (или псевдо-) ось «тау». Все — аналоги Земли [0], с общей временной осью «t».

Существует огромное множество других аналогов Земли [0], которые используют ось «t» в качестве временной (в том числе нынешний дом семьи Берроуз — Картер, Земля-Тэ-Тридцать-Девять-Плюс = Земля-Тэ-39+) и которые *не* используют ось «t» для измерения времени (в том числе мир Главной Базы и Галактического патруля и мир Страны Оз). Никто не знает, сколько всего существует аналогов Земли, особенно учитывая, что *любая* из шести известных осей может быть осью времени… и любые три из оставшихся пяти могут быть пространственными. Все было бы довольно просто, если бы возможны были только повороты на девяносто градусов — но угол поворота также может быть разделен на угловые кванты… отчего простота превращается в полный хаос, и мы приходим к Числу Зверя (в его

первом значении). Что касается меня лично, то я одним глазком заглянул в пару сотен вселенных, а сколько-нибудь значительное время прожил только в пяти.

Минус пять часов тринадцать минут отсчета…

Запись ведется на борту «моего» флагманского корабля, «Британия II», взятого взаймы у Галактического патруля, и одновременно через субэфирное радио, записывается на шестнадцати штабных кораблях и Главной Базе, а восемнадцатая копия через устройство связи Берроуза — Торндайка передается в герметичный бункер под нашим домом на Земле-Тэ-39+, или, скажем так, я *надеюсь*, что она возникает в пустоте нашего подвала. Потому что вполне возможно, что на месте подвала дымится свежий кратер… поскольку мы пока не знаем, чем все обернется, если что-то пойдет не так, а Закон Мерфи не дремлет. Но я очень верю в нашего мастера-техника Ла Верна Торндайка. Не только мои личные комментарии, но и все детали сражений на шестнадцати планетах будут автоматически записаны и переданы во внутренности огромной сферической сети на двадцатичетырехчасовой орбите над Главной Базой.

Возвращаясь к этим шестнадцати планетам: для меня «аналог Земли» — планета, настолько похожая на ту, где я родился, что я могу узнать ее континенты. Их очертания могут меняться из-за климата — оледенения, межледниковья, низкий или высокий уровень моря; Луна и Солнце всегда узнаваемы. Выглядит так — хотя не факт, — что все или очень многие аналоги Земли имеют квазиидентичные истории до некоей даты или события, откуда идет разветвление. Для нашего нынешнего дома (З-Тэ-39+) точка ветвления — начало XVII века, когда большая часть льдов растаяла, очертания берегов изменились, а история пошла другим путем. Земля Главной Базы начала отличаться от Земли ^{0} с 1965 года, когда у нас президентом стал Хэмфри, а у них его место занял некий Голдуотер.

Земля-Тау-Три-Плюс ответвилась примерно в то же время, но в другую сторону; президентами были Эйзенхауэр, Кеннеди, Джонсон, Никсон (?), Форд (Генри Форд III?), Картер (этого я запомнил, потому что у нас одинаковые фамилии, но на Земле^{0} не было заметных политиков с такой фамилией). Земля-Тау-Три+ стоит отметить особо, поскольку из всех шестнадцати она заражена

сильнее всего[161].

1066 год — важная точка ветвления; аналоги Земли, где в истории не было норманнского завоевания, совсем не походят на те, в которых я нахожу хоть что-то знакомое. 1939 — другая точка ветвления, в связи с ней стоит упомянуть Землю-Тау-2+, поскольку мы вчетвером провели несколько недель в этой вселенной, не на аналоге Земли (там ужасный бардак, который трудно будет вычистить из-за серьезного заражения), а на другой планете в нескольких световых годах и в паре тысяч лет в «нашем» будущем; и теперь всем нам биологически около двадцати пяти лет — это приятно, даже *очень* приятно, но это же означает, что наша с Дити дочь Дженни (Хильда Джейн) одного возраста со своей матерью; они выглядят как близнецы, а не как мать с дочерью. Эти расхождения еще ярче проявились в семье Берроузов: Джейзи (Джейкоб Зебадия) *намного* крупнее Язвы и на три сантиметра выше Джейка.

Но анахронизмы наших детей не беспокоят.

---

[161] Сноски: 161

По-видимому, это и есть наша Земля, но в последующих книгах Хайнлайн перейдет от принятой в «Числе Зверя» «осевой» нотации к «лунной»-плюс-вариация, а сопоставить друг другу «линию Армстронг-10» и «3-Тау-3+» довольно сложно. — *Прим. С. В. Голд.*

Всю свою жизнь они сталкиваются с анахронизмами и прыжками по вселенным. Они знают, что могут изменить относительный возраст, перебравшись жить на другую временную ось… или посетив клинику доктора Лейфа Хуберта[162] в более чем двух тысячах лет вверх по оси «тау», как это сделали мы, взрослые, омолодиться там и вернуться.

Подобно «Гэй Обманщице», корабль Лейфа перемещается и во времени, и в пространстве, но его опыт противоположен нашему. Он довольно долго путешествовал во времени по оси «t», не покидая родной вселенной (Тау-2+), и только потом обнаружил, что может из иррелевантности (нулевого пространства-времени) переходить на другие пространственные оси… в то время как мы с Джейком знали о потенциале Гэй относительно путешествий во времени с самого начала, но едва его использовали, как по причине нехватки субъективного времени, так и из страха безнадежно потеряться.

Лейф об этом не беспокоится, его компьютер-автопилот на пару тысячелетий опережает Гэй, и он (она) даже обладает личностью, *не нахо-*

[162] Сноски: 162

Одно из имен Лазаруса Лонга. См. роман «Досточно времени для любви». — *Прим. С. В. Голд.*

дясь в Стране Оз. Мы встретились с Лейфом на Главной Базе в те годы, когда проходили переподготовку перед началом битвы за шестнадцать планет (годы, проведенные на Главной Базе и нуль времени по часам Новой Земли). Там Дити родила третьего ребенка — Теда (в честь Теда Смита и Дока Э. Э. Смита), а Лейф был ее врачом — он говорил, что приехал изучать травматическую хирургию и регенерацию… но Дити прониклась к нему симпатией и попросила понаблюдать ее. Лейф был квалифицированным специалистом — однажды вечером, когда мы хорошо поднабрались, он похвастался, что принял больше двенадцати тысяч родов, и примерно полсотни из тех младенцев были его детьми. Я напомнил ему об этом на следующий день, и он сказал: «Должно быть, я выпил слишком много». Не имеет значения; Лейф любит рассказывать истории, многие противоречат друг другу, но в качестве платы за свое обучение он читал на Главной Базе лекции по акушерству. Дити не могла найти лучшей «повивальной бабки».

По-настоящему анахронизмы беспокоят *меня*; я не привык ощущать себя двадцатипятилетним после более-менее гладкого перехода в пятый десяток. Но мое прошлое совсем не то, что у моих

детей. Мой прадед пересек равнины в крытом фургоне, делая двенадцать миль (19+ км) в день, самое длинное путешествие в его жизни. Я помню его, он умер, когда мне было три — наши жизни пересеклись. Я прыгаю между мирами с помощью гаджетов, которые не понимаю; провожу два года на Главной Базе, возвращаюсь домой, чтобы забрать парочку фотографий, и обнаруживаю, что кофе, приготовленный Язвой два года назад, все еще горячий и свежий, я сажусь и выпиваю чашечку, пока просматриваю фото, потом прыгаю обратно и вижу, что там *не прошло ни секунды*. Это не «футурошок», это «постоянношок».

Именно из-за Лейфа и Мобиас Торас мы ввязались в эту затею с омоложением. После первой экскурсии Мобиас вошел во вкус к пространственно-временным-межмировым путешествиям, он с радостью принял приглашение посетить Главную Базу, чтобы поработать с Джейком и сэром Остином, и однажды за ужином начал жаловаться — на жаргоне, который они с Джейком выработали, — что самая интересная математика открылась ему только в самом конце жизни, что так много нужно сделать, и так мало осталось времени. Лейф ужинал с нами, похоже, он все понял (он быстро осваивает незнакомые языки).

На следующее утро Мобиас не пришел вовремя на ежедневную схватку с Джейком и сэром Остином. Вместо него, с опозданием на двадцать минут, явился Лейф с симпатичным молодым барсумским воином, который на беглом английском заявил, что он и есть Мобиас Торас (чему никто не поверил), и доказал это, возобновив громкий спор, который вел с Джейком и Кардингом накануне. Спор быстро стал четырехсторонним, потому что к нему присоединился Лейф, похоже, он разбирался в математике теории поля не хуже, чем в медицине… и, видимо, достаточно хорошо, потому что сэр Остин менее чем через два часа уже разговаривал с ним с той же грубоватой теплотой, с которой обычно обращался с Джейком.

И вот мы, Дити на четвертом десятке, я на пятом, Хильда на шестом, Джейк на седьмом — все мы стали готовиться к величайшему испытанию в нашей жизни. Язва посоветовалась по этому поводу с Ворселом, а затем мы отправились к Лейфу домой, а на следующий день вернулись, хотя отсутствовали два месяца — и теперь нам всем было по двадцать пять. Я не буду рассказывать о доме Лейфа и его замечательной семье, потому что скоро начнется сражение.

Минус три часа сорок семь минут отсче-

та…

Наш флот собран и теперь почти полностью укомплектован: Барсумские бригады уже здесь, генерал Хал Халса только что мне доложился. Но мы не уйдем во вращение до того, как отсчет дойдет до минус десяти секунд, после чего все шестнадцать флотов сделают это одновременно, автоматически, с помощью субэфирной синхронизации, и мой дрожащий палец будет лежать на кнопке, на тот случай, если Закон Мерфи выберет этот момент для атаки — это (почти) невозможно, поскольку всю свою взрослую жизнь Ла Верн обыгрывал закон Мерфи.

В последующие десять секунд каждый корабль доложит (автоматически, через субэфир) своему флагману; шестнадцать командующих сухопутными силами отправят мне рапорт «вращение завершено, готовы» с помощью информационных капсул Берроуза — Торндайка — субэфирное радио не работает между вселенными, но переход Берроуза работает даже быстрее радио, — если сообщения заранее подготовлены (а так и есть) и капсулы настроены на прыжок на орбиту Земли ^{0}, туда, где будет находиться мой корабль. Но капсулы *не* выскочат *внутри* корабля, они появятся в отдалении в открытом космосе и передадут

сигнал о прибытии через субэфир — Торндайк вновь обхитрил Закон Мерфи, не дав никаких шансов капсуле диаметром 30 см и весом 8,91 кг устроить бадабум в брюхе «Британии II».

Это займет максимум семь секунд. У меня останется три секунды, чтобы отменить операцию нажатием одной кнопки, способной выкинуть сорок восемь капсул в шестнадцать вселенных близь шестнадцати аналогов Земли, автоматически передающих через субэфир сигнал *не* атаковать, совершить обратный прыжок и вернуться на Главную Базу.

Иначе в точке ноль секунд начнется атака в шестнадцати параллельных вселенных на оси «тау».

Передо мной панель 4 на 4, шестнадцать огоньков. Если все они вспыхнут зеленым, атака продолжится. Если придет меньше шестнадцати докладов, мне придется принимать решение, то или другое.

На самом деле я уже принял решение. Но никому об этом не сказал, даже своему начальнику штаба, Серому Ленсмену Теду Смиту. Я не стану спрашивать у него совета.

Минус два часа тридцать одна минута отсчета…

Зачем меня повысили и поручили эту бесполезную работу? Как только начнется бой, я не смогу на него повлиять. Нет, теоретически могу, поскольку на каждом флагмане будет велантийский Ленсмен, и Ворсел (который рядом со мной) сможет связаться с любым или со всеми одновременно. Семнадцать драконов уже практиковали тренировочные рейды по оси «тэ» от минус одного до минус шестнадцати — и связь сохранялась, хотя двух сородичей, не справившихся в первый раз, Ворселу пришлось заменить.

Тед говорит, что адмиралы редко могут повлиять на исход сражения. Они создают план сражения и доктрину — но как только начинается стрельба, командиры подразделений все решают сами. Уверен, что он ощущает мои чувства — не через Линзу, Тед природный эмпат, — и пытается убедить меня, что я не бесполезен. Я напомнил ему, что Кимбалл Киннисон придумал способ, как адмирал-командующий может управлять несколькими флотами во время боевых действий. Он согласился, но указал, что метод Киннисона *не применим* к шестнадцати параллельным вселенным — но *именно он* будет использован каждым командующим ударной планетарной группировкой в своей вселенной. Вот так.

Как я попал сюда: 1) меня выгнали из школы за неуспеваемость; 2) затем меня призвали в армию. Я, Джейк и Дити — мы все прошли тренинг восприятия под руководством Ворсела и доктора Филлипса, в то время как Язва отправилась учиться на Эрайзию… нет, я забежал вперед. Если по порядку, то Хильда освежала навыки у Ворсела, пока Джейк и Кардинг и (позже) Мобиас обсуждали математику оптимальной стратегии для атаки на шестнадцать планет, чтобы истребить скрытых паразитов. Каждая из шестнадцати планет сама по себе была уникальной проблемой, но задача дополнительно усложнялась требованием не причинять вреда населению, за исключением несчастных случаев (их число нужно было минимизировать), и необходимостью не причинять ненужного ущерба собственности, хотя последний фактор имел меньшее значение. Иногда единственный способ уничтожить крыс — это сжечь конюшню, но лошадей все же нужно вывести заранее.

Я слышал от Джейка, что в простейшей из планетарных задач (Тау-8+) было семьдесят три основных переменных и что первым делом математической комиссии пришлось решать, какие переменные можно низвести до констант, преж-

де чем стратегический совет начнет превращать математику в логистику и стратегию, после чего оружие и тактику можно будет обсуждать шестнадцатью *разными* способами.

На все это ушли годы.

Но это были годы Главной Базы, время на оси «t» остановилось. Дити родила нашего третьего ребенка, Теда, оправилась от родов и вернулась к работе, а кофейник со свежим кофе все еще не остыл в нашем доме на Новой Земле, Тэ-39+.

Но трюки со временем можно было использовать еще двумя способами. Ворсел, Кардинг, Ла Верн Торндайк и Тед Смит — все они были нужны на войне с босконцами. Но они (даже Ворсел) могли заимствовать время оси «t», перемещаясь на Барсум: первый двигатель Берроуза — Торндайка Ла Верн, как обещал, установил на корабле, достаточно большом для Ворсела, а Барсум был не только местом, полностью очищенным от паразитов *панки*, но и местом, где привыкли к тому, что люди не обязаны выглядеть как homo sapiens. Ворсел был желанным гостем во дворце, он пользовался нашими прежними огромными покоями и получил почетное звание штабного генерал-полковника. В Гелиуме он мог неделями или месяцами спокойно обдумывать наши или

свои собственные задачи и возвращаться на Главную Базу в тот же момент, когда ее покинул. Как и все остальные.

А третий способ манипуляции временем можно было использовать для того, чтобы «заморозить» мгновение и на Главной Базе, и на шестнадцати планетах-целях; отправиться в дом Лейфа Хуберта примерно на двадцать пять сотен лет вверх по оси «t» в Мире-Тау-Два-2+, оставаться там, сколько потребуется, а потом вернуться куда угодно, не потеряв ни минуты. Я не знаю, как работает корабль Лейфа, его технологии намного опередили даже уровень Главной Базы. Он выглядит как огромное летающее блюдце, и в нем нет никаких известных мне механизмов. Обычно его пилотирует одна из сестер Лейфа, хотя это «пилотирование», похоже, сводится к тому, чтобы приказывать автопилоту на неструктурированном языке (я *думаю*, что он неструктурированный) все, что нужно сделать.

Минус два часа семь минут, отсчет остановлен…

Нечто странное происходит с планетарной ударной группировкой Земли-Тау-3+, и мне нужно принять свое первое решение в качестве главнокомандующего. Корабли — нет, целые

флотилии — появляются из ниоткуда и просят включить их в эту конкретную ударную группу. Их помощь совсем не лишняя, поскольку это самая сложная наша цель, она заражена сильнее всего (их там миллионы!), и посенийские Ленсмены, которые проводили разведку, с извинениями доложили, что из космоса точно подсчитать число паразитов невозможно. Они экстраполировали, что лет через десять-сто планета сама себя стерилизует, не оставив ничего живого над уровнем моря, и оставить ее в покое — самое логичное решение.

С этим не согласились я, Хал Халса, а также Хэйнс и Киннисон, говорившие через Ворсела. Целью нашего многоцелевого удара было *истребление*. Если мы оставим нетронутой самую зараженную планету, дожидаясь, пока она самоочистится через суицид, то остальные пятнадцать успеют повторно заразиться, прежде чем этот суицид произойдет — все равно что срезать пораженную раком кожу, игнорируя опухоль под ней.

Поэтому, вместо того чтобы оставить Тау-3+ в покое, мы нацелили на эту планету наше самое мощное оперативное соединение — и тут к нам заявляются вдвое больше чужаков, желающих

присоединиться к этой группировке.

Серый Ленсмен Тед Смит подозревает попытку использовать «троянского коня».

Я был *уверен*, что это не так, но я не собирался ничего объяснять и не пригласил его прочесть меня с помощью Линзы. Вместо этого я отдал приказ, чтобы Ворсел, Хильда и все посенийские Ленсмены, прикрепленные к ударной группировке «Числа Зверя», провели поиск *панки* на кораблях-добровольцах с безопасного расстояния. Если на каком-то корабле окажутся *панки*, уничтожать немедленно, никаких переговоров и пленных не брать. Если на корабле есть мертвое пространство, недоступное нашим сенситивам, направлять на него главный калибр и предъявлять ультиматум — немедленно открыть доступ в это пространство или быть уничтоженным.

Одновременно я запросил Главную Базу (Ла Верна через Хэйнса) подготовить капсулы Берроуза — Торндайка для установки на проверенные корабли, настроить их и опечатать. По нулевому сигналу они должны перенестись на Тау-3+, затем отстыковаться от корабля и, по сигналу с флагмана Тау-3+, вернуться на Главную Базу, после чего самоуничтожиться — не бомба, просто внутреннее саморазрушение искривителя

пространства-времени. Плюс то же самое внутреннее самоуничтожение в случае, если кто-то попытается вскрыть капсулу.

Теперь я, наверное, знаю, зачем я здесь: чтобы отдать именно этот приказ, плюс вытекающие из него распоряжения. Это потребует некоторого времени, поэтому мы остановили отсчет. На время удара это никак не повлияет, поскольку мы находимся не на временной оси «t». Я велел Теду сообщить всем командирам подразделений, что они могут, по своему усмотрению, отменить состояние боевой готовности до момента возобновления отсчета… и попросил держать меня и командиров подразделений в курсе продвижения работ команды Ворсела и техников Ла Верна и периодически выдавать прогнозы по времени их завершения.

Пока ждем…

Ворсел обучил Джейка, Дити и меня особому навыку ощущать *панки* — и я провалился на тестах. Не так чтобы совсем — Язва и Ворсел поработали со мной, и я достиг примерно того уровня, который был у нее, когда мы начали охоту — то есть я могу заметить *панкеру* с помощью перцептрона на расстоянии в двадцать километров, даже в темноте. Невооруженным глазом

могу засечь на дистанции в пару километров по походке или другим движениям; мой мозг подсознательно анализирует его нечеловеческую моторику. Но я *не могу* мысленно лишить толпу одежды и выхватить из нее *панки* по их внешнему виду. Хильда такое может, а Дити с Джейком уже этому учатся.

Но, черт меня возьми, я всегда знал, что я — единственный не гений в нашей четверке. Я умен, неплохо работаю руками, но даже мои дети сообразительнее меня, хотя это понятно — они наполовину Дити.

Ворсел перестал пытаться научить меня тому, что мне не давалось, и принялся оттачивать мой единственный природный талант: «предчувствия», которые предупреждают меня об опасности. Я расслабился и позволил ему поиграть с моим мозгом. Меня нельзя загипнотизировать, но я могу себе позволить быть восприимчивым так же легко, как и поставить блок против боли. Так что Ворсел пошарил внутри моего черепа, нашел ту зону, где пряталась моя странность, и помог мне ее усилить, расширить ее диапазоны во времени и пространстве.

Именно поэтому сегодня я знаю, что чужаки-добровольцы вовсе не «троянский конь» *панки*

или их агенты. Но я даже не намекнул об этом Теду Смиту, и теперь их проверят со всей тщательностью, словно я серьезно подозреваю их в коварных планах.

Но, помимо моего слабого экстрасенсорного восприятия, у меня была другая причина поверить в искренность их желания присоединиться. Когда эти легионы начали докладывать о своем прибытии, я узнал почти все имена, которыми они себя называли — я уже встречал их раньше. Когда и как — сказано в других местах этих коллективных мемуаров, а здесь этому нет места.

Минус два часа семь минут, отсчет все еще остановлен…

Ворсел не поддержал Язву, когда она собралась на Эрайзию. Он передал нам всем свою мысль:

– Дорогая Не-Горчица, тебе не нужна Линза.

– Я не хочу Линзу, и я не нуждаюсь в ней.

Вслух Хильда ничего не ответила, но ее слова эхом донеслись до нас из его разума:

– Нам нужен совет Ментора. Безнадежен ли наш проект? Не тратим ли мы впустую свое и ваше время?

– Никто не отправляется на Эрайзию, туда призывают. Безнадежность не может служить достойной причиной, чтобы все оставить. Мой

народ сражался без надежды много поколений… а потом пришла надежда. Вы могли бы поступить точно так же.

– Да, Учитель, — ответила она искренне и оставила тему.

Четыре месяца спустя Ворсел внезапно прервал урок, вид у него был чрезвычайно удивленный (Как это выглядело? Очень просто: его глазные стебельки все разом напряглись). Обратившись к нам, он сообщил:

– Капитан Зебадия, вы, мистер Берроуз и доктор Дити должны немедленно пойти, поймать панкеру и доставить ее мне. Я отвезу ее и доктора Хильду на Эрайзию.

— Так точно, сэр! — ответил я и, почувствовав, что Джейк собирается возразить, тут же добавил: — Прекрати, Джейк. Правила спасательной шлюпки.

У нас ушло пять минут на то, чтобы добраться до ангара «Гэй Обманщицы». По дороге Джейк сказал:

— Зеб, я вовсе не собирался спорить насчет того, что Хильда встретится с Ментором без меня, это было бы глупо. Но они все равно никуда не уедут, пока мы не вернемся, а она нужна нам на охоте. Хильда самая чувствительная из всех нас, когда

дело касается этих тварей.

— Верно. Но представь, что Ворсел решил устроить нам полевые испытания — проверить, сможем ли мы обойтись без нее. Дити, ты займешься перцептроном, мы с Джейком поимкой. (Как?) Как только мы окажемся внутри с пленником, ты закрываешь дверь и прыгаешь шесть раз, не дожидаясь пристегивания ремней, проверки герметичности и всего остального — просто быстро убираешься оттуда.

— Да, сэр.

— Джейк, это могло быть полевыми испытаниями для нас троих. Но скорее всего Ворсел — или Ментор, поскольку дракон, похоже, повторял приказы Ментора — считает нас троих расходным материалом, в отличие от Хильды.

Дити выглядела бесстрастной, но моя интерпретация не вызвала у нее ни раздражения, ни обиды. Джейк просто моргнул и сказал:

— Возможно, ты прав, капитан. Полагаю, что да… но я не объективен.

Несмотря на то что все делалось в спешке, Ла Верн Торндайк прибыл до того, как мы успели сесть в машину.

— Три парализатора, — сказал он. — Подойдут к вашим кобурам вместо «деламетров». Один

заряд обездвижит любое живое существо весом до трехсот фунтов. При необходимости можно выстрелить дважды. Но третий выстрел, скорее всего, убьет вашего пленника — если только они не слишком живучие.

— Они не такие, — заверил я. — Мы убили достаточное их количество, и в этом уверены. А это что такое? Ручные камеры?

— Метатели веревок. Стрелять как из обычного пистолета, шесть патронов в обойме. Точность до пятидесяти ярдов. Но я советую подходить ближе, потому что, если веревка обмотается вокруг шеи, она может задушить, а Ворселу эта тварь нужна живой. Удачной охоты!

У нас ушло четыре дня на поимку пленника. Дити раз за разом находила для нас потенциальную жертву — в идеальном положении для того, чтобы пристрелить ее из лазерной пушки — но не в таком, чтобы мы могли приземлиться, схватить ее и спокойно убраться прочь. Наконец Дити заметила *панкеру* на земле в одиночестве, ни людей, ни сородичей по соседству — что было весьма необычно. Джейк переместил машину почти на уровень земли позади существа, я посадил Гэй, и мы выскочили из двух дверей. Согласно заранее разработанному плану Джейк обездви-

жил цель парализатором, а я спутал ее двумя веревками еще до того, как она упала. Я снова поднял ее, Джейк добавил еще пару веревок, и мы затащили ее в машину; Дити закрыла двери так быстро, что едва не прищемила мне ногу. А потом мы оказались в невесомости далеко за орбитой Луны, и только тут Дити прекратила повторять «Гэй, прыжок!».

Пойманное нами существо казалось мне милой старушкой — но Дити и Джейк видели в ней то, чем она была — *панкерой*, и я чувствовал это, хотя глаза говорили мне совсем иное.

Проклятая тварь попыталась укусить меня, когда мы пристегивали ее ремнями к палубе в отсеке за перегородкой; парализующий эффект длился недолго. Потом она начала возмущаться, протестовать и заявила, что мы похитили «ее» по ошибке, что у «нее» нет денег.

Мы лишь убедились, что ремни хорошо затянуты, избегая ее зубов, затем расселись по местам, пристегнулись, и Джейк перенес Гэй на Главную Базу.

Ла Верн все еще стоял там, где мы его оставили.

— Получилось? — спросил он. — Или вы не уезжали?

Для него время не двигалось.

— Одну захватили, — сказал я устало. — Пристегнута в кормовом отсеке. Вытаскивать ее придется кому-то другому, мы слишком вымотались. Предупреди, чтобы были поосторожней, мерзкий паразит кусается.

Предупреждение было излишним: существо оказалось мертво.

Ворсел принял труп без комментариев, и они с Хильдой отправились на Эрайзию.

Мы предприняли еще пять попыток захвата, дважды без использования парализаторов, но каждый раз с одним и тем же результатом: смерть по прибытии. Захваченные в плен *панки* всегда кончали жизнь самоубийством, как только понимали, что убежать не получится — каким образом, мы так и не узнали.

Минус два часа семь минут, отсчет все еще остановлен…

Все чужаки-волонтеры проверены и сняты с подозрения, люди Ла Верна устанавливают капсулы. Несколько командиров их подразделений заявили, что им они не нужны, но они нужны *мне* — я хочу, чтобы каждый корабль занял свою позицию одновременно, во всех шестнадцати вселенных. Я не настаиваю, чтобы они возвра-

щались на Главную Базу, и если они не хотят этого, то я сказал Ла Верну настроить капсулы на «саморазрушение», после перехода обратно на Землю-Тау-3+. Как бы я ни был благодарен чужакам за их помощь, я не передам им двигатели Берроуза — Торндайка, даже временно выпустив их из-под моего контроля.

Я хотел бы распределить эти подкрепления по трем направлениям: Земля ^{0}, Земля-Тау-2+ и Земля-Тау-3+, но они все хотят атаковать именно Землю-Тау-3+. Кажется, я знаю, в чем тут дело, но я не собираюсь делиться своими догадками с Дити: это может ее расстроить. Я вообще никому об этом не стану говорить, у меня самого от этого мороз по коже. Эта планета будет разгромлена ко всем чертям. С внезапным подкреплением у нас достаточно сил, сопоставимых с максимальной оценкой зараженности, которую выдали посенийские разведчики — один к одному, один охотник на одну *панкеру*.

Чего нам сейчас *не* хватает, так это сенситивов для выявления паразитов. Посенийцев, велантийцев и обученных людей едва хватает для наших собственных кораблей. Войска с Барсума будут действовать без них, полагаясь лишь на собственные телепатические способности и чу-

тье охотничьих калотов — три трупа *панки* были разрублены на кусочки и использованы для натаскивания барсумских гончих на запах *панки*.

Все командиры чужаков-добровольцев сообщили мне, что не нуждаются в наших сенситивах, что они сами могут безошибочно отличать паразитов от людей и что потери среди людей если и будут, то в их собственных рядах.

Я в этом не уверен, но сейчас уже слишком поздно их проверять. Они хотят поохотиться на *панки*, и мы их приняли. Но я не стал менять боевое построение флота. Я приказал командующему ударной группировкой 3-Тау-3+ распределить их по секторам как силы зачистки. Он может по своему усмотрению отправить их в бой либо одновременно с основными силами, либо после того, как отведет свои регулярные части. Командует там Серый Ленсмен, которого я раньше не встречал… но я уверен, что он разбирается в нестандартных боевых ситуациях лучше, чем я… иначе бы он не носил серое. Я не возобновлю обратный отсчет, пока он не доложит, что принял под командование неожиданное подкрепление.

Он только что передал мне, что рекомендует разрешить всему личному составу поесть, поспать и снова поесть, то есть полную отме-

ну боевой готовности, пока он перестраивает план сражения и рассылает новые оперативные приказы. Я передал всем флотам, что обратный отсчет задержан как минимум на десять стандартных часов и что всем рекомендуется отдать приказ «еда-сон-еда».

Мы с Тедом тоже собираемся поесть-поспать-поесть, оставив на вахте младших штабных офицеров. Я устал — какого черта Дити настаивает на личной высадке? Конечно, она будет в броне во время этой охоты и вокруг будет рота валерианских десантников, но я думаю, что она снова беременна и просто мне не сказала.

Почему я здесь: потому что Ментор посоветовал Хэйнсу назначить меня главнокомандующим, вот почему. Это, конечно, ничего не объясняет. Однако совет Ментора привел к тому, что тысячи галактических патрульных вызвались добровольцами, у нас появились сотни гигантских транспортов и вся возможная помощь — и все это после того, как Язву призвали на Эрайзию. До этого нам в нашем безнадежном деле помогали только обучением и советами — адмирал Хэйнс относился к нам с симпатией, но ни войск, ни кораблей не давал, поскольку вел свою войну.

Мы никак не замедлим войну с босконцами;

наша единственная битва, даже если она затянется на недели — что невозможно, — будет идти по временной оси «t», по часам Главной Базы это не займет ни секунды. Только вот эта остановка обратного отсчета использует время Главной Базы — но Хэйнс не возражает.

Отсчет все еще остановлен …

Только что поговорили с Джейком по закрытому каналу — и мне стало намного лучше. Мы можем по-прежнему использовать Землю-Тэ-39+ в качестве постоянного дома… но я никогда не испытывал радости о того, что меня изгнали с Земли ^{0} и записали в «нелица». Я предложил Джейку: когда эта битва и вся кампания закончатся, мы вернемся на Землю ^{0}, заявим свои права, вернем все конфискованное и *восстановим Уютную Гавань на том же месте*. Кратер засыплем. Восстановим ландшафт. Отстроим заново. Найдем истоки горного ручья и восстановим бассейн. Может, мы станем появляться там лишь изредка, во время отпуска, но — *мы вернемся!*

Джейк отреагировал с энтузиазмом, он заметно взбодрился. Я знаю, что он беспокоится по поводу Язвы, поскольку она в десанте будет играть роль «охотничьей собаки», но она будет высаживаться не со всеми, а там, где прикажет их командую-

щий; ее пошлют туда, где возникнут проблемы. Разумеется, она будет в броне и в окружении валерианцев, которыми будет командовать наш старый друг полковник ван Вогт. Но Джейк все равно будет волноваться.

Язва явно наслаждалась каждой минутой на Эрайзии.

Отсчет возобновлен, минус два часа четыре минуты…

Если выйдет так, что Дити погибнет или пропадет без вести, я передам командование Теду, заберусь в «Гэй Обманщицу» (она здесь, в одном из трюмов «Британии II») и отправлюсь охотиться на *панки*. О, еще останутся твари для охоты, в этой битве все не погибнут, и мы это знаем. Предсказанный результат (Мобиас — Джейкоб — Кардинг — Хэйнс — Халса — Киннисон) — сорок шесть, плюс-минус одиннадцать процентов. Мы не рассчитываем найти их всех — слишком мало сенситивов и у нас недостаточно войск. Но мы рассчитываем сломать хребет их организации и обратить их в бегство — тогда истребление оставшихся будет заботой жителей этих шестнадцати планет. Через десять часов после высадки во всех шлемах прозвучит сигнал отхода, и через полчаса транспорты покинут планеты. А потом

начнется бомбардировка листовками, радио и телепередачами.

Каждый регион планеты получит свою порцию, специально адаптированную к преобладающему в нем языку. Опишу один из вариантов, остальные историки могут посмотреть в библиотеке Главной Базы (в некоторых из них имеются детали, на ознакомление с которыми требуется допуск высшей категории). Для Южной Америки Земли [0] подготовлен текст на португальском и испанском, картинки — цветное псевдостерео, обращение начинается так: «Вот Твой Враг! Эти паразиты прячутся среди вас, маскируясь под людей — они сеют раздор, крадут ваше достояние, едят вашу плоть и плоть ваших детей. Найди их, убей их, ИСТРЕБИ С КОРНЕМ!» — и так далее, подчеркивая тот факт, что паразиты боятся показывать обнаженные руки или ноги. И картинки объясняют — почему.

Этому обращению поверят просто потому, что к этому моменту большая часть жителей шестнадцати планет уже увидит хотя бы одну мертвую *панкеру*.

Сразу по завершении битвы (одиннадцать часов с момента высадки) миллиарды таких листовок будут рассеяны капсулами Берро-

уза — Торндайка на высоте десять тысяч метров, затем транспорты вернутся на Главную Базу, а капсулы вернутся домой автоматически. Но бомбардировка пропагандой — листовки, аудио, стерео — будет продолжаться столько, сколько потребуется, пока посенийские наблюдатели не подтвердят, что все планеты очищены.

Если люди на какой-то планете не справятся, если, несмотря на всю нашу пропаганду, *панки* восстановят контроль над планетой, и это продемонстрируют их радио, телевидение и прочие средства массовой информации, а шпионские лучи и посенийцы подтвердят, тогда последует суровое решение: стерилизация.

Сжечь дотла, удалить атмосферу, перетащить планету в Солнце, ударить антиматерией, перенести в пустую вселенную и оставить замерзать. Патруль знает дюжину способов уничтожить целую планету — если понадобится. Но ее не оставят жить «Тифозной Мэри», способной заразить другие планеты и вселенные. Людям планеты будут даны все возможности уничтожить своих тиранов. Но они должны освободиться сами. Свободу нельзя получить в подарок, ее нужно завоевывать.

Я не буду принимать участие в решении по

стерилизации (если оно вообще будет принято). Никто мне этого не предлагал, и это вне моей компетенции. Все будет решено на высшем уровне: Хэйнс, или Галактический совет, или Киннисон, или, возможно (вероятно?), Ментор.

Через несколько часов я перестану быть фальшивым адмиралом. Если с Дити ничего не случится, мы вернемся на Главную Базу, и наша семья (у меня все сильнее предчувствие, что Джейк и Хильда это переживут), мы вдевятером отправимся в Страну Оз, чтобы отдохнуть и восстановить силы.

Но если Дити *не* вернется… я могу жить в «Гэй Обманщице» неделями, месяцами, используя ее ресурсы для убийства. Ее величество Дити заслуживает *огромного* почетного караула из мертвых врагов. Гэй полностью заправлена, и если я буду осторожен, то смогу уничтожить целый полк. А если вместо этого они заполучат меня, возможно, я отправлюсь туда же, куда ушла Дити. Эта тайна непостижима, но я могу надеяться.

Если я переживу все это, то первым делом позабочусь о наших детях. С этим проблем не будет — Джейни уже взрослая, изучает математику и метит в Совет ученых — Кардинг говорит, что она справится. Зебулон пока не знает, хочет ли

он войти в Вентворт Холл[163] или отправиться на Барсум и стать почетным красным человеком, воином Гелиума — его «тетя» Тувия хочет усыновить его. Малыш Роберт зовет Язву «мамочка», точно так же, как и Дити, и игнорирует нас с Джейком, он не будет по мне скучать.

Так что я пойду служить на один из военных кораблей, в качестве «младшего необученного персонала». Босконцы должны быть разбиты, это так же важно, как уничтожение *панки*. (Когда-то мне казалось, что знаю, как и когда закончится Босконская война, но воспоминания об этом поблекли — не более чем яркий сон, который я когда-то видел. У меня действительно бывают такие сны, и иногда мне трудно отличить их от того, что было на самом деле. «Мы созданы из вещества того же, что наши сны. И сном окружена вся наша маленькая жизнь...»[164]. Как бы то ни было, я воин, а не плейбой и не поддельный профессор. И я никогда не собирался «сидеть под своею виноградною лозою и под своею смо-

[163] Сноски: 163
Главное здание Академии Ленсменов. — *Прим. С. В. Голд.*

[164] Сноски: 164
В. Шекспир, «Буря», перевод М. Донского.

ковницею, чтобы никто не устрашал меня»[165]. Земля-Тэ-39+ — прекрасное место, как раз для солидных граждан и растущих детей, но спокойная жизнь не для меня. Галактическому патрулю нужны профессиональные солдаты; если Дити не вернется, я отправлюсь туда. После того, как обеспечу ей почетный караул за гробом.

Если Дити *вернется*, я буду делать то, что она захочет — почему-то я всегда это делаю, даже когда думаю, что решение осталось за мной. Но то, что делает Дити, и то, к чему она стремится, никогда не бывает скучным. Иногда это бывает опасно — но никогда не скучно.

Частное сообщение от Лейфа: «После этой заварушки Морин хочет, чтобы ваша семья навестила нашу».

Мой ответ: «Подтверждаю, если дамы согласятся».

После чего я задумался — можно ли придумать какой-нибудь способ, чтобы корабль Лейфа смог нести Гэй; она не любит, когда ее оставляют одну.

---

[165] Сноски: 165
Парафраза на Книгу пророка Михея, 4:4.

Боевой порядок

Земля-Тау-е: малонаселенный мир. Ком. ударной группы: полковник (внеочередное звание) К. Кахкан — верховые Зеленые воины.

Земля-Тау-3: высокие технологии, агрессивны. Ком. уд. гр.: Ленсмен (велантиец) Ардвал, вторая должность: главный сенситив. Силы велантийцев разделены на три группы. Транспорты выгружают войска в стратосфере, затем выполняют прыжок, через час возвращаются на позицию и наносят удар в другом месте. Их цели — тридцать главных городов, начиная с аналогов Вашингтона, Пекина, Москвы. В каждой группе по 6 сенситивов.

Земля-Тау-2: технологии XIX века, население около 2 миллиардов. Ком. уд. гр.: генерал Карторис. 10-часовое прочесывание на бреющем полете главных населенных пунктов — одноместные и двухместные машины-разведчики и боевые корабли. Наземные атаки с использованием обученных калотов — по усмотрению командующего.

Земля-Тау-1: аналог Тау-2 с большим населением. Ком. уд. гр.: Хал Халса. Верховые красные воины с калотами. Тактика по выбору коман-

дующего.

Земля ^{0}: высокая технология, агрессивны, население около 5 миллиардов. Ком. уд. гр.: Ленсмен адмирал Трестрэйл. Первый удар силами РЭБ выводит из строя *все* средства электронной коммуникации всех видов, включая пилотируемые и беспилотные спутники связи, боевые орбитальные станции, три лунные базы, станцию Эль-5, военные узлы связи всех крупных держав, включая Австралию, Поднебесную, Маки, Центральную Европу, США, Японию. Через десять секунд — второй удар, установка непроницаемых стен вокруг столиц и главных городов. Через пятнадцать секунд — высадка ударных групп в полной броне. Главный сенситив — Ленсмен Тригонси, первый помощник главного сенситива — доктор Д. Т. Картер. Сенситивы в каждой ударной группе, каждый под защитой валерианских десантников. Направления ударов: см. Приложение № 3. Примечание: Флагман командующего всеми ударными группировками на орбите Земли ^{0}, случайные перемещения, см. Приложение № 1 Земля-Тау-1+ см. Тау-1 — Ком. уд. гр. генерал Родж Ретнор.

Земля-Тау-2+: малонаселенная, регрессировавшие технологии, много паразитов. Примечание:

основные районы на всех континентах радиоактивны. Антирадиационная броня и автономные дыхательные аппараты — постоянно. Ком. уд. гр.: Л. Хуберт. Главный сенситив Л. Монро[166]. Тактика: см. Приложение № 5 — может быть изменена Ком. уд. гр. *в любой момент*.

Земля-Тау-3+: см. Земля ^{0}. Ком. уд. гр.: велантийский Ленсмен Конварл — см. Приложение № 2. Вторая волна, Легионы Зачистки, атакуют через 10 часов 1 минуту. Ком. второй волны — генерал Руфо[167], главный сенситив — Дж. Грэм[168]. Командир космических сил — доктор С. Бальзамо[169]. См. в Приложении № 7 назначения командиров подразделений и их сектора. Отход второй волны по сигналу Ком. косм. сил, *не* Командующего ударной группировкой «Число

---

[166] Сноски: 166

Лайл Монро — один из псевдонимов Хайнлайна. — *Прим. С. В. Голд.*

[167] Сноски: 167

Руфо — внук леди Стар и спутник Оскара Гордона во время поисков Яйца Феникса. См. роман «Дорога Доблести». — *Прим. С. В. Голд.*

[168] Сноски: 168

В произведениях Хайнлайна нет ни одного героя с фамилией Грэм. Но люди с такой фамилией встречаются в реальном мире. Один из них, Рональд Грэм (правда, его фамилия пишется «Graham», а не «Graeme»), известен своим Числом Грэма — намного бóльшим, чем упомянутый выше гугол, настолько большим, что во Вселенной не хватит места для его написания. Число это возникло как результат решения задачи построения графов внутри n-мерного гиперкуба. Правда, широкую известность Число Грэма получило только в ноябре 1977 года после

публикации М. Гарднера, а Хайнлайн закончил свой роман в октябре. Но в произведениях Грандмастера встречаются подобные анахронизмы. — *Прим. С. В. Голд.*

[169] Сноски: 169

Доктор Бальзамо, он же Калиостро, медик, осматривавший Оскара Гордона перед его зачислением в герои. Дядя леди Стар. См. роман «Дорога Доблести». — *Прим. С. В. Голд.*

Зверя».

Земля-Тау-4+…

Минус 1 час 14 минут отсчета…

Дити только что поговорила со мной по защищенной линии субэфирной связи. Хорошо, что по защищенной, поскольку она использовала «недостойные дамы» выражения — похоже, Трестрэйл запретил сенситивам носить оружие, а она планировала посвятить десять *панки* моей левой руке, а еще тридцать — нашим детям. Я сказал ей, что не могу давать приказы командующему относительно находящейся под его командованием персоны, но она может подать в отставку в любой момент до начала операции, поскольку они все добровольцы. В ответ она показала мне язык (сдвинув шлем на затылок).

Трестрэйл был прав, и Дити признала это: сенситив не может выбирать цели для группы, если будет сам сражаться.

— Как тебе нравится моя новая летняя одежда, Зебадия?

Она мне нравилась, даже очень; броня Патруля могла остановить что угодно.

— Но я не понимаю, как ты можешь в этом стоять, а тем более ходить.

— Сервоприводы, дорогой. В этом я могу пере-

прыгнуть здание. Ты был слишком занят, чтобы смотреть, как я тренируюсь. Кроме того, в этом горбу на спине — личный двигатель Бергхольма и искривитель Берроуза — Торндайка. Я могу летать, прыгать, переместиться на корабль и кое-что еще, подав команду голосом. — Дити улыбнулась. — Класс!

Я посмотрел на нее и внезапно ощутил безмерную благодарность за то, что Ворсел потратил столько сил на оттачивание моего единственного экстрасенсорного таланта. У меня было краткое видение — моя жена, вспотевшая и ликующая, когда ей помогают выбраться из брони. Дити переживет это! Я *знаю*.

Но я ей не сказал. Не стоит пугать удачу и провоцировать ненужный риск.

— А что это за выступ у тебя на шлеме?

— О, это тот самый новый перцептрон, которое обещал Ла Верн. С ним я могу заметить паразита на расстоянии в десять раз больше, а еще в нем есть прицел. Я смотрю прямо на цель, нажимаю вот этот переключатель на ремне, и каждый человек в моей группе видит цель, помеченную крестиком. Я не говорю, кого нужно убивать, это задача командира группы. Я просто выбираю и помечаю цели так быстро, как только могу,

и это чертовски быстро, дорогой.

— А ты можешь пописать в этой штуке?

Она снова показала язык.

— Не ваше дело, сэр. Но я могу. Зебадия, ты там ел что-нибудь? Ты *не должен* в момент ноль оказаться с пустым брюхом. Это приказ, сэр.

— У меня есть сэндвичи, и я жую по чуть-чуть. За пять минут приму стимулятор.

— Я тоже. Тетя Хиллбилли хочет сказать тебе «привет».

— Подключи ее. И будь умницей, поднимайся на борт сразу, как мы вернемся на Главную Базу, хорошо? Я не смогу сразу уйти с флагмана.

— Приду, Зебадия. Обещаю. Как только закончу благодарить моих охранников и ударную группу. А! Лейф хочет, чтобы мы их навестили — сказала, что ты это решишь. А вот и Хильда. Пока, любимый!

Появилось эльфийское лицо Язвы.

— Привет, адмирал Блай!

И снова у меня случилось внезапное озарение — Язва выживет! Если бы еще Джейк позвонил… Хотя… вдруг с ним у меня ничего не будет? Я и так уже получил достаточно.

— Привет, Язва, золотце. Что у тебя надето под этим?

— Духи и бижутерия — что я, по-твоему, должна была надеть?

— Наставишь себе синяков.

— Нет, подкладка в броне что надо. Джейк звонил по поводу приглашения Морин?

— Нет, но Лейф написал. Меня и Дити это устраивает.

— Тогда это устраивает всех — я им скажу. А теперь я отключаюсь от твоей вип-связи, дорогой адмирал.

— Погоди. У меня тут пока никакие сигналы тревоги не вспыхивают. Язва, ты говорила, что расскажешь, почему меня выбрали на эту нелепую должность.

— Уверен, что хочешь это знать?

— Если бы я мог дотянуться через экран, я бы тебя отшлепал.

— А потом поцелуешь? Ладно, так и быть, скажу. Это не из-за твоих умственных способностей или наполеоновского гения.

— Я знаю! Но почему меня не пустили в бой, а запихнули на самый верх, на показную должность? Это унизительно.

— Зебби, это *не* показная должность. Это ключевое место.

— Мне лучше знать. Все за меня решили. Во-

обще все.

— Не совсем, Зебби. Ментор сказал, что у Патруля есть все эксперты по стратегии, военные аналитики, тактики и логисты, какие только могут понадобиться. Но ты умеешь кое-что такое, чего не умеет больше никто.

– *Что?* Я умею шевелить ушами.

— Приманивать удачу, Зебби. Это твоя сверхъестественная способность поступать правильно в критической ситуации. Именно поэтому Ворсел не вылезал с Главной Базы. Не для того, чтобы тренировать Дити, меня или Джейкоба. А чтобы отточить твой уникальный талант. Чтобы ты мог использовать его сегодня.

— Будь я проклят!

— Нет, Зебби, не будешь. Если что-то произойдет, что-то непредвиденное, ты примешь правильное решение — и мы победим. Он — она — уверена в этом.

— М-м-м. Так ты определилась — Ментор он или она?

— Она и то, и другое. Он многолик. Когда Ментор поприветствовал меня в облике сестры-близняшки Глинды, я сказала ему, чтобы он прекратил эту чепуху, потому что галлюцинациями меня не одурачишь. Тогда она превратилась

в Санта-Клауса или какого-то всеми любимого дедушку, а я велела ей превратиться обратно, потому что мы прекрасно ладили с Глиндой, и мне совсем не интересно было смотреть на аппаратуру жизнеобеспечения, которую использует такое продвинутое существо. Так что он снова стал близнецом Глинды, а я смирилась с этой иллюзией, она такая милая. И мы прекрасно поладили. Какое-то время мы говорили о тебе. Ментор велел передать, что, если ты когда-нибудь захочешь посетить Эрайзию, тебе там будут рады.

— Они не повесят на меня Линзу!

— Тебе не предложат Линзу, Зебби. Потому что то, что ты делаешь, не требует Линзы. Она тебе нужна не больше, чем мне. Это было просто дружеское приглашение.

— Ну… Язва, у меня сейчас все замигало — увидимся позже!

— Целую, Зебби. Не заработай язву.

Минус четыре минуты пятьдесят секунд отсчета…

Мы победим! Я неожиданно это *понял*.

Мы полностью уничтожим это грязное племя. Не всех сегодня. Но мы это сделаем. И мы отстроим Уютную Гавань.

Минус десять секунд отсчета…
Паразиты, мы вернулись!

НОЛЬ!

Послесловие редактора

«Опус № 176»

Этот роман должен был стать финальной точкой в карьере писателя Роберта Хайнлайна, все к этому шло, все необходимые условия были соблюдены, сцена подготовлена, а герои пьесы расставлены по местам. Но по странному стечению обстоятельств этого не произошло, жизнь писателя внезапно сделала резкий поворот и продолжилась, а ее несостоявшийся эпилог был признан нежелательным фактом карьеры Грандмастера, бастардом, лишен чинов и имущества и отправлен под нож гильотины. Но все это случилось потом, а вначале была идея, которая осенью 1976 года звучала так: «Панки против Барсума». Барсум — это вымышленный Марс писателя Берроуза, детская любовь американских фантастов Золотого Века, основа основ всей их культуры, а «панки» (которые в романе пишутся «Panki», а вовсе не «punks», как должны писаться *настоящие* панки), это неведомая, но вполне реальная угроза, нависшая над миром. Что такое эти самые Panki? Тут я должен вступить на зыбкую почву предположений, ни один из исследователей Хайнлайна не углублялся в эту

тему, так что последующая пара абзацев может содержать полную чушь.

Не думаю, что Хайнлайн позаимствовал это слово из бенгальского «а есть что выпить?» или творчески переосмыслил название корейского блюда из риса и зелени. Скорее всего, это слово несет в себе какой-то глубокий смысл, например «пан» — все, «ки» — энергия… а может, оно не значит ровным счетом ничего, или же это действительно «панки». Слово «панк» в оригинальном значении слова — это отбросы, бездельники, гопники, шпана, а начиная с конца 60-х — «та молодая шпана, что сотрет нас с лица Земли»©. В 60-х — начале 70-х панки были определенно *контр*-культурой, причем с конкретными левацкими замашками. Связь между «панки» в романе и панками в реальном мире, если и существует, то не слишком сильная. Вряд ли Хайнлайн воспринимал это движение всерьез, в конце концов, это была не «красная угроза» 50-х, в ответ на которую он написал «Кукловодов». Но в мире что-то происходило, люди менялись, демократия ветшала, писатель чувствовал какую-то неясную тень, наползающую из неведомого Мордора, и «панки» могли показаться ему подходящим словом, чтобы обозначить им все угрозы, витающие в воздухе.

Можно предположить, что слово «панкú» (panki) Хайнлайн образовал искажением английского слова «панк» (punk). С точки зрения написания слово изменилось радикально, а ударная «i» на конце изменила его звучание, придав ему инопланетный колорит. Ведь по замыслу это было *барсумское* слово. (Однако, написанное кириллицей, panki теряет всю свою инопланетную маскировку, и его хочется прочитать именно как «па́нки».)

Хайнлайн не остановился, придумав слово, обозначавшее зловещих пришельцев-сатаноидов, он продолжил эксперименты с барсумским языком. Если помните, Берроуз в своих романах использовал термины «джед»/«джеддак» и «джеддара» (феминитив от «джеда»). Хайнлайн сымитировал «барсумский» метод словообразования и образовал от «панкú» слово «панке́ра». Но тут он явно перемудрил. Хотя бы потому, что у панки не может быть феминитивов, ведь они, как известно, гермафродиты. Тем не менее слово Хайнлайну понравилось, и он стал употреблять «панкера» в качестве единственного числа от множественного «панки». А в ряде случаев это обозначение особи (панкера), принадлежащей к виду панки. Впервые в тексте они появляются

в тридцатой главе в довольно вычурной фразе: «a *Pankera* — of the *Panki* that once invaded Barsoom» («Панкера из Панки, что некогда вторглись на Барсум»). Далее в романе Хайнлайн весьма произвольно чередует «панкера» и «панки», причем из контекста непонятно, какой смысл имеют эти чередования. Все это добавило головной боли переводчику, которому можно только посочувствовать. Подозреваю, что Хайнлайн, взяв за основу берроузовское «Джеддак из Джеддаков», придумал свой псевдобарсумский оборот «Pankera of the Panki», совершенно не задумываясь над конкретным смыслом этих терминов, а потом вставлял их в текст чисто по наитию. Не стоит забывать, что мы имеем дело с первым черновиком романа, который писатель даже не вычитал. Хайнлайн лишь раз пробежался по нему, сократив примерно на четверть. Возможно, он планировал при подготовке чистовой рукописи как-то упорядочить этих панки-панкер, но мы об этом уже никогда не узнаем.

Итак, Хайнлайн придумал основную идею, придумал название «The Panki-Barsoom: Number of the Beast» (что, при желании, можно перевести как «Панки» против «Барсума», счет: Число Зверя) … но на этом дело застопорилось. Писатель,

похоже, чувствовал, что времени остается мало, начиная с 1973 года он торопится «закрывать гештальты». Он всю жизнь пытался доказать своим примером, что даже в нынешнюю эпоху все еще можно стать «человеком эпохи Возрождения», разобраться во всем и объять своим разумом весь свод научных и культурных достижений человечества. Возможно, именно поэтому написал две статьи из диаметрально противоположных областей науки: одна по физике (статья о Поле Дираке в «Комптоновский ежегодник»), другая о биологии крови (в Британскую энциклопедию). Хайнлайн много ездил по стране и миру, выступал на форумах, получал почетные докторские степени, организовал движение доноров крови, он все время был занят и почти не думал о новой книге, он постоянно ее откладывал. Только летом 1977 года Хайнлайн наконец-то плотно сел за машинку.

Как и в своих предыдущих вещах, он снова пытался переосмыслить что-то из прошлого и на этот раз взялся за «Кукловодов». Но «Панки-Барсум» не должен был стать палп-рецидивом, это был очередной эксперимент с формой, следующий шаг в сторону постмодернизма. Хайнлайн планировал устроить веселый мэш-ап, смешав

в кучу персонажей Льюиса Кэролла, Фрэнка Баума, Эдгара Берроуза, Эда Элмера Смита и добавив своих собственных героев. По сюжету нашу Землю захватили зловещие чужаки, и ожившие литературные герои бросаются ее спасать. Не думаю, что для 1977 года это была свежая идея, «Клуб знаменитых капитанов» и прочие «Лиги выдающихся джентльменов» уже плотно оттоптали эту делянку. Но у Хайнлайна был козырь в рукаве — он подводил под эту невозможную ситуацию научную основу. Роман не *предполагает* литературных героев существующими в качестве само собой разумеющейся аксиомы, он *выявляет*, а затем и *объясняет* этот факт. Такое внедрение научного метода мышления в стопроцентно сказочную основу позволил писателю устроить красивую литературную игру. Чего стоит хотя бы осознание героями того, что они сами являются чьей-то выдумкой? А прозрение Зебадии о том, что его собственный автор живет на Тау-3+? Создание концепции «Мир-Как-Миф» должно было наконец-то завершить прерванный в 50-м процесс и актуализировать Историю Будущего, объединив все романы писателя в одно многомерное целое. К этому Хайнлайн попытался добавить многомерность подачи, уже опробо-

ванную в «Достаточно времени для любви», но вместо периодического и произвольного перебора персонажей, от лица которых ведется рассказ, использовать циклическую эстафету, меняя углы зрения за счет четырех равноправных главных героев, и распространить этот прием на весь текст романа. Результатом должна была стать даже не стереоскопическая, а квадроскопическая картина, четырехмерная глубина, от которой дух захватывает. Ну, или так это должно было быть в теории. Жизнь, естественно, внесла свои коррективы, и получилось то, что получилось.

Роман, как и все последние книги Хайнлайна, быстро наращивал объемы. Раз начав работать, «услышав голоса персонажей», писатель уже не отходил от машинки. Но вместо обычных трех недель работа затянулась на месяцы. В итоговой рукописи было 769 страниц и две альтернативные концовки. До объемов предыдущего романа «Достаточно времени для любви» он немного недотянул, и тому были свои, сугубо медицинские причины. Хайнлайн очень быстро уставал, он спал по шестнадцать часов в день и большую часть времени бродил по дому как сомнамбула. Однажды во время работы сознание его отключилось, а когда он пришел в себя, мир вокруг

был размыт, в глазах двоилось. Он ничего не сказал жене — просто посидел и подождал, пока все придет в норму. Причиной было состояние сосудов головного мозга, кровоснабжение левого полушария было нарушено, но Хайнлайн об этом не подозревал. Он объяснил свое состояние усталостью и продолжил работу. К октябрю рукопись была закончена, из двух концовок была утверждена лучшая, текст, как обычно, был сокращен примерно на четверть и ужат до приемлемых размеров. Хайнлайн отстучал на машинке большими буквами «THE END», оставил рукопись на столе и пошел спать. Как было заведено в их семье, его первым читателем была Вирджиния, она первой выносила свой вердикт… и на этот раз он был отрицательным.

«Это была не самая лучшая его работа, — вспоминала она позже, — но мысль о том, что я просто должна сказать ему, чтобы он не пытался это опубликовать… звучала как звон похоронного колокола». Хайнлайн стойко принял вердикт, он пытался быть честным с самим собой. Не раз он повторял, что покончит с писательством, как только поймет, что больше не может обеспечить достойное качество своих книг и перестанет развлекать публику. Это Правило он огласил

еще в 30-х, когда работал с Джоном Кэмпбеллом, и теперь пришло время исполнить обещание. Хайнлайны спокойно начали готовиться к переменам в жизни — даже в отсутствии гонораров они продолжали получать роялти от переизданий, а финансовые вложения в ценные бумаги продолжали приносить проценты. Так что полная нищета им не грозила, нужно было только вдумчиво пересмотреть приоритеты и аккуратно урезать расходы. А злосчастная рукопись «The Panki-Barsoom: Number of the Beast» отправилась на полку с пометкой «уничтожить». Почему не сразу в печку? Потому что бумагами Хайнлайна заведовала Вирджиния, а у нее все было распланировано и все совершалось в свой срок. Так что рукопись под индексом «Opus-176» просто ждала своего часа.

А между тем у Хайнлайна повторился случай с потерей сознания, и он вновь увидел мир размытым в бесформенные пятна. Он снова ничего не сказал жене, в это время они отдыхали на Таити, и ему не хотелось портить ей настроение. Но 4 января 1978 года, когда они прогуливались по пляжу, Боб внезапно остановился и сказал: «Мне очень жаль, дорогая, но мне придется попросить тебя отвести меня обратно на корабль.

У меня двоится в глазах, и у меня парализована правая половина тела». По счастью, подвижность вскоре вернулась, но в очень ограниченном варианте. Хайнлайн перестал курить, отказался от алкоголя, сел на диету, исключил любые эмоциональные воздействия и начал бороться за жизнь. Врачи не сулили ничего хорошего, но один из них предложил рискованную операцию на сосудах головного мозга. Хайнлайн согласился — и выиграл в битве со смертью еще десять лет жизни. Более того, он вышел из сумеречного состояния, в котором пребывал несколько лет. Вернувшись после операции домой, он достал с полки «Opus-176», перечитал рукопись и подтвердил, что она ужасна. Но с ней можно что-то сделать: «…перечитал рукопись, когда отошел после операции… и решил убрать ее в архив. Она не плоха — публикуют вещи и похуже, — но она хуже, чем плоха, она посредственна. Так что ее никто никогда не увидит… но я не буду ее уничтожать, пока не извлеку из нее все, достойное сохранения, там есть вкрапления ценной породы, разбросанные среди откровенной серости».

Однако и после завершения работы над «Числом Зверя» рукопись с индексом «Opus-176» не отправилась в печь. С ней происходило что-то

странное, она несколько раз избегала неминуемого уничтожения, и когда Хайнлайн снова поставил ее на полку с пометкой «уничтожить, в архив не отправлять!», неведомая сила вновь спасла ее, и «Opus-176» затерялся среди других папок, а затем, неопознанный, отправился в архив Калифорнийского университета. Там он лежал в забытьи, пока Махмуду Шахиду со товарищи из «Arc Manor» не пришла в голову идея опубликовать «потерянный роман Грандмастера» одновременно с переизданием «Числа Зверя». В итоге «Панки-Барсум» все-таки стал своеобразным эпилогом литературной жизни писателя, последним из впервые опубликованных романов, эпилогом, пусть и припозднившимся на сорок лет.

«Ряд волшебных изменений милого лица...»

По стечению обстоятельств я работал с переводами «Панки-Барсума» и «Числа Зверя» практически одновременно и наконец-то смог провести подробное сравнение двух текстов. На первый взгляд по главе 18 действительно проходит отчетливая линия терминатора, разделяющая старое начало от нового продолжения. Но реальность, конечно же, немножко сложнее простых схем. В новый роман перешли не только главы 1–17 «Панки-Барсума», но и главы 31–37, получившие номера 30–36 соответственно. При этом Хайнлайн, добавив в сюжет ротацию должности капитана «Гэй», спокойно поменял персонажей в диалогах, и реплики одних героев безболезненно перешли к другим (что там Боб говорил насчет «слышу голоса персонажей?», представляю, что они ему теперь наговорили). При этом все главы подверглись некоторой доработке — где-то была добавлена пара слов, где-то довольно объемные куски текста. Поздние вставки легко заметить — в них почти не обсуждаются

тессеракты и радионавигация, превалируют темы секса, семьи и морали. Хайнлайн заметно оживил образ Джейка, добавив ему чувства юмора, добавил в роман сильную линию феминизма и… уничтожил зловещую расу паразитов-*панки*, оставив вместо них одного-единственного неуловимого *панкера*, под личиной которого скрывается сам Автор. И речь в романе идет уже не об угрозе космических вторжений, а о противостоянии литературных персонажей и их персонального Демиурга. Встреча, которой так опасался Зебадия, кружа по орбите вокруг Земли-Тау-3+, в новой версии романа все-таки состоялась. Я не буду обсуждать ситуацию, в которой Автор жестко троллит своих собственных персонажей — мне кажется, эта тема более чем полно раскрывается в романе «Кот, проходящий сквозь стены», я хочу обратить внимание на одну особенность. Была ли идея *панкера*=Автор действительно новой и действительно ли роман был радикально переработан? На мой взгляд, Хайнлайн просто *дописал* свою историю. Главы 37–38 «Числа Зверя» просто описывают то, что осталось за кадром в «Панки-Барсуме», а все последующие — не более чем продолжение исходного сюжета. А ключевая идея скрывалась в нем изна-

чально. Если присмотреться внимательно, имена всех *панки*, с которыми сталкиваются герои романа «Панки-Барсум», в точности совпадают друг с другом, поэтому разумно предположить, что за ними прячется один и тот же персонаж. И мы легко можем узнать его имя, расшифровав эти анаграммы: фальшивый профессор Neil O'Heret Brain = rOBert A' HeiNlein, фальшивый рейнджер Bennie Hibol = Bob Heinlein… Неудивительно, что Оскар и Руфо из «Дороги Доблести» так стремились на Тау-3+. Там просто собралось больше всего хайнлайнов, которых они хотели поубивать.

… и трудности перевода

Я никогда раньше не затрагивал эту тему, но всякий раз, закончив работу с очередной книгой, мне было бесконечно жаль вещей lost in translation, «утраченных при переводе» ©. И речь не о потерянных абзацах или неопознанных цитатах (которые я худо-бедно восстанавливаю), а о вещах менее материальных — оттенках, нюансах, культурных ассоциациях и тому подобном. Ну, например, кодовое слово, которое Хильда придумала для команды бегства: «Бежим!». Услышав это предложение, Дити замечает: «Звучит ужасно». В оригинале оно действительно звучит ужасно, это нечто грубое, наподобие «Рвем когти!», «Валим, пацаны!» и т. п. Но подобрать подходящий эквивалент на русском не удалось.

Или взять имена собственные: Хайнлайн использовал в своих произведениях как говорящие имена, так и имена нарочито безликие, банальные, распространенные. Но и в том, и в другом случае для русскоязычного читателя они звучат одинаково чуждо, и вся их подчеркнутая обыденность или заложенные автором коннотации пропадают понапрасну. В романе «Панки-Барсум:

Число Зверя», помимо упомянутых выше анаграмм, есть парочка имен, которые требуют хотя бы минимального комментария.

Первое, что не могло не броситься в глаза читателю — трансформация прежней «Аи Плутишки» в «Гэй Обманщицу». Оригинальное название летающего «форда» было «Gay Deceiver», а слово «гей» к семидесятым годам прошлого века уже редко использовалось для обозначения «паренька» или «весельчака». Подозреваю, А. Иорданский и Е. Маевский постарались максимально удалиться и от «гей», и от его определенно-мужского (для русского уха) звучания, откуда и появилась отчетливо-женская «Ая».

Это, конечно, была подтасовка, но отнюдь не трансгендерная операция. Корабли в американской традиции носят женские имена, и не только на флоте, но и в авиации — печально известный бомбардировщик носил имя «Энола Гэй», и «Гэй» в данном случае — обычное женское имя. Думаю, маленькому «фордику» было лестно носить такое громкое имя. Однако ассоциация с гордой «Энолой» скорее всего ложная или, по крайней мере, не самая основная, потому что вторая половинка имени резко с ней контрастирует. Слово «deceiver» означает «плут», «мошенник», «обман-

щик» или «очковтиратель». Отчасти Гэй можно считать обманщицей — ее безобидный внешний вид разительно отличается от того, что у нее внутри, но лично она никого не обманывает, а очковтирательством в романе преимущественно занят ее экипаж. Так что с ее именем все по-прежнему не так просто и однозначно.

Так, может быть, гипотеза не верна, Гэй — вовсе не женское имя, и стоит копать дальше? Вполне возможно.

Потому что имя маленького летающего «форда» «Gay Deceiver» почти буквально совпадает с названием фильма «Gay Deceivers» («Геи-обманщики/мошенники»). Фильм рассказывает о двух довольно простодушных и (что важно), в сущности, неплохих парнях, которые притворились голубыми, чтобы откосить от армии. Ассоциативная связь с фильмом выглядит довольно подозрительно, но стоит вспомнить о том, что большая часть Гэй (кроме родного фордовского корпуса) ранее принадлежала Аэрокосмическим силам Австралии. Так что она тоже ушла на гражданку, возможно, не вполне законным способом, и это отчасти роднит ее с двумя американскими отказниками… Поэтому Гэй у нас Обманщица (но не Мошенница — «мошенницей»

ее называть не стоит, девушка всего один раз оступилась). Я, конечно, не стану утверждать, что Хайнлайн всерьез рассматривал именно эту логическую цепочку. Возможно, название фильма всплыло у него в голове как смутно знакомое словосочетание, когда он искал подходящее имя для персонажа, и связь между Гэй и двумя притворными геями все-таки заключается именно в притворстве, а не в modus operandi или особенностях характеров. (Герои фильма были безответственными разгильдяями, а их цели не могли вызывать сочувствия у Грандмастера, тогда как Гэй у нас Умница, послушно выполняет команды и разве что готовить не умеет.) А имя Гэй=гей Хайнлайн подсознательно выбрал из стремления очередной раз подразнить гусей.

Второе имя, которое стоит упоминания, это, конечно же, Sharpie. Дело в том, что ни «Шельма», ни «Язва» этому персонажу совершенно не подходят. Вариант «шельма» не подходит, потому что превращает героиню в мелкую мошенницу и интриганку (а еще лично для меня оно сразу прибавляет миссис Берроуз лет двадцать и превращает ее в очень бойкую, вздорную крикливую старушку с пронзительным голоском). «Язва» тоже бьет мимо мишени — героиня,

безусловно, остра на язык, но это не главное ее качество. Слово «sharpie» настолько многозначно, что сколько-нибудь подходящих эквивалентов в русском языке не существует. Судите сами: «прожженный», «скользкий», «хитрый», «ловкий», «жулик», «мошенник», «шулер», «малый не промах», «крутой», «стиляга», «умный», «остроумный», «острый», «тонкий», «проницательный», «сильный», «резкий», «быстрый», «клевый», «прекрасный», «элегантный», «колкий», «язвительный», «едкий», «пряный», «жгучий»… Это многообразие ставит в тупик и заставляет переводчика делать весьма произвольный выбор, сообразуясь со своим представлением о герое. Но давайте вспомним, что это за герой Ханна Хильда Корнерс: «в сорок два ее лицо выглядело на тридцать пять, но ниже ключиц она могла сойти за восемнадцатилетнюю. Фарфоровая куколка». Это стильная, остроумная, молодая женщина, настоящая светская львица, способная укротить как распоясавшуюся школоту, так и надутых профессоров, но при этом хрупкая, миниатюрная и потрясающе красивая. Вспомните маленькую акулу Одри Хепберн в «Завтраке у Тиффани» и мысленно добавьте ей опыта и удачи (но *не* добавляйте ей лет) — это и будет искомый об-

раз Хильды Корнерс, и вам станет понятно, что «Язва» не самое подходящее ей имя. Что можно предложить взамен? «Шпилька»? «Штучка»? Все бесполезно. Одно слово не вместит элегантность, ловкость, ум и красоту в сочетании с изворотливостью, лицедейством и склонностью к интригам. Возможно, лучшим вариантом было бы оставить ее «Шарпи» и снабдить отменно длинным примечанием. Но тогда из темных уголков подсознания непременно полезли бы таинственные шерпы и прибежали бы блохастые шарпеи, и это безнадежно испортило бы всю картину.

Помимо собственных героев и собственных неологизмов, Хайнлайн интенсивно использует в тексте антураж и персонажи других писателей, и эти части романа наполнены деталями, которые должны были порадовать поклонников Джона Картера и Серого Ленсмена. Но тут мы сталкиваемся с неразрешимой проблемой, а именно отсутствием устоявшихся вариантов перевода. Э. Р. Берроуз и Э. Э. Смит на русский переводились в разное время и с разной степенью небрежности. Ситуация с циклами о Барсуме или Ленсменах похуже, чем с «Властелином колец» или «Гарри Поттером», и при этом в России нет сильных фэн-групп, которые продавливали бы

некий «канонический» вариант. Поэтому в тексте «Погони за панкерами» существует определенный разнобой. Герои Хайнлайна периодически цитируют фразы из томиков марсианского цикла Берроуза — но беда в том, что этих фраз либо нет в русском переводе, либо их смысл в переводе искажен настолько, что их невозможно использовать в авторском контексте. А барсумские названия или словечки из вселенной Ленсменов, не подлежащие переводу, существуют на русском в нескольких вариантах транслитерации. Поэтому постоянно нужно выбирать между тоатами и фоатами или которлами и ольгонами, а ведь любой подобный выбор непременно оставит кого-то недовольным. Тень Злеуса Злея витает над этим переводом, и мне остается уповать только на снисходительность читателей. Но как бы то ни было, этот перевод таков, какой он есть, и другого в ближайшие годы не будет. Надеюсь, работа над ним стоила потраченного времени.

С. В. Голд